

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

C1862.15

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JAMES WALKER, D.D., LL.D.

(Class of 1814)

FORMER PRESIDENT OF HARVARD COLLEGE

“Preference being given to works in the
Intellectual and Moral Sciences.”

СОБРАНИЕ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРѢ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ,

Алексыя Лебедева.
Alexis Petr Lebedev
Чл.чл. V.

ИСТОРИЯ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ

ВЪ

ІХ-мь, X и XI вѣкахъ.

Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому
предмету — съ 1841 года по 1900.

А. П. Лебедева,

Профессора Московскаго университета.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1900

2341

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 29 апрѣля 1899 г.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

О Г Л А В Л Е Н І Е . *)

	Стр.
Вѣкъ девятый. Происхожденіе и характеристика партій Игнатіанской и Фотіанской	1—34
I. Сношенія Византіи и Рима съ начала патріаршества Фотія до собора 861 года	35—51
II. Константинопольскій соборъ 861 года, именуемый Перво-вторымъ или Двукратнымъ	51—64
III. Бѣрба папы Николая I-го съ патріархомъ Фотіемъ	65—103
IV. Начальные годы (867—869) втораго патріаршества Игнатія	104—126
V. Константинопольскій соборъ 869—870 года, признаваемый на Западѣ VIII-мъ вселенскимъ соборомъ	127—200
VI. Нестроенія втораго патріаршества Игнатія и возстановленіе Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ, по смерти перваго. Папы Адріанъ II и Іоаннъ VIII	201—233
VII. Константинопольскій соборъ 879—880 года, именуемый Софійскимъ и признаваемый иногда на Востокѣ VIII-мъ вселенскимъ	234—268 268—298
VIII. Папа Іоаннъ VIII въ новой и послѣдней борьбѣ противъ патріарха Фотія	298—301
Вѣкъ десятый. —Взаимныя отношенія византійской и римской церквей при Константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистигѣ (906—925 г.г.)	302—320
Вѣкъ одиннадцатый. —Окончательное раздѣленіе церквей (1053—1054 г.)	321—344

*) *Подробный перечень содержания напечатанъ предъ каждою главой книги, а иногда и отдѣльно въ главы.*

Приложеніе.— Указатель русской литературы, относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ.

1. Муравьевъ. 2. Анонимъ. 3. Волковъ. 4. Лебедевъ 1-ый.
 5. Добротворскій. 6. Митрополитъ Герасимъ (Яредъ).
 7. Лебедевъ 2-ой. 8. Скабалановичъ. 9. Лебедевъ 2-ой.
 10. Платоновъ. 11. О. Преображенскій. 12. О. Ивановъ.
 13. Епископъ Іоаннъ (Митропольскій) 345—415
-

Отъ автора.

Возьмѣвъ намѣреніе напечатать собраніе своихъ церковно-историческихъ сочиненій, я предположилъ раздѣлить его на слѣдующія серіи и томы.— **Серія I:** Древняя церковь. *Т. 1. Церковная исторіографія въ главныххъ ея представителяхъ отъ IV вѣка по XX-ый* (точнѣе: исторіографія въ древней церкви и послѣдующая исторіографія этой самой церкви); *т. 2. Эпоха гоненій на христіанъ; т. 3. Вселенскіе соборы IV-го и V вѣковъ; т. 4. Вселенскіе соборы VI—VIII вѣковъ.*— **Серія II:** Византійско-восточная церковь съ IX-го вѣка до настоящаго времени. *Т. 5. Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ;* (или быть можетъ точнѣе: Византійская и Римская церкви въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и спорахъ въ 9—11 в.в., но заглавіе это было бы необычно); *т. 6. Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви въ періодъ раздѣленія церквей* (этотъ томъ составляетъ существенное восполненіе и продолженіе предъидущаго тома); *т. 7. Византійско-восточная церковь отъ раздѣленія церквей до паденія Константинополя въ 1453 году; т. 8. Исторія греко-восточной церкви отъ паденія Константинополя до конца XIX вѣка.*— **Серія III:** Дополнительная. *Т. 9. Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія* (какъ то: 1. Домашняя и семейная жизнь древнихъ христіанъ, 2. Обращеніе Константина Великаго въ христіанство, 3. Первый христіанскій императоръ на тронѣ Цезарей, 4. Язычество и христіанство по ихъ вліянію на питомцевъ школъ II—IV вѣковъ 5. Церковь и благотворительность, 6. Соборъ при

Дубъ (403 г.), 7. Паломничество во св. землю, 8. Изъ исторіи христіанской аскетической жизни, 9. Публичные зрѣлища и голосъ церкви по поводу нихъ, 10. Борьба христіанской церкви противъ увлеченія азартными играми); *т. 10. Нѣсколько небольшихъ церковно-историческихъ сочиненій научнаго содержанія; т. 11. Избранныя критико-библиографическія сочиненія по церковно-исторической наукѣ послѣдняго времени; т. 12. Автобіографія* (частію для уясненія положенія церковно-исторической науки въ 70-хъ—90-хъ годахъ истекшаго столѣтія, частію же во исполненіе уже состоявшагося опредѣленія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, коимъ каждый изъ членовъ этого Совѣта обязывается составить «автобіографію» къ годовѣ 150-лѣтняго юбилея указаннаго Университета). Изъ этого перечня отъкрывается, что я имѣю въ виду главнымъ образомъ перепечатать свои прежнія сочиненія. Слѣдуетъ сказать, что вышеуказанные 8-мь первыхъ томовъ составились изъ моихъ академическихъ курсовъ по общей и восточной церковной исторіи (читанныхъ въ Моск. Дух. академіи въ 1870—1895 г.), но при печатаніи принаровленныхъ къ пониманію читателя, исправленныхъ, дополненныхъ и популярно изложенныхъ; остальные 4-ре тома (9—12) тоже, за немногими исключеніями, или родились тамъ-же на кафедрѣ или возникли вслѣдствіе потребностей, болѣе или менѣе близкихъ кафедрѣ.

Въ настоящее же время уже *издана вся первая серія моихъ сочиненій* (т. 1—4), и отпечатаны 1-ый томъ *второй серіи*, а также 1-ый же томъ *третьей серіи* (разумѣемъ 5 и 9 тт. общаго счета). Быстрота предпринятаго нами изданія будетъ зависѣть—добавлю я—отъ степени сочувствія, съ какимъ продолженіе изданія будетъ встрѣчено соотвѣтствующею публикою.

ВѢКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Происхождение и характеристика партій Игнатіанской и Фотіанской.

Партіи Игнатіанъ и Фотіанъ.—Происхождение партій Игнатіанъ и Фотіанъ: споры и разногласія при патріархѣ Тарасіи, въ чемъ они состояли и отъ чего возникли?—Споры и разногласія при патріархѣ Никифорѣ: условія ихъ появленія („ересь прелюбодѣйная“), дѣятельность партій большинства или господствующей и въ особенности партій меньшинства въ это время.—Церковныя смуты и раздѣленія при патріархѣ Меѳодіи. Отношеніе всѣхъ этихъ споровъ и смутъ къ вопросу о происхожденіи партій Игнатіанъ и Фотіанъ. — Подробная характеристика партіи Игнатіанъ и такая же характеристика партіи Фотіанъ.

Около середины IX вѣка возникаютъ сильныя движенія въ нѣдрахъ Византійской церкви, обнаруживаются многознаменательныя смуты, создаются двѣ церковныя партіи Игнатіанъ и Фотіанъ, такъ названныхъ отъ имени двухъ константинопольскихъ патріарховъ Игнатія и Фотія, по два раза вступавшихъ на византійскую патріаршую кафедру, вступавшихъ одинъ за другимъ и имѣвшихъ большій или меньшій кругъ приверженцевъ, какъ въ Церкви, такъ и свѣтскомъ обществѣ, — приверженцевъ, между которыми происходила упорная и продолжительная борьба. Вполнѣ можно согласиться съ воззрѣніемъ одного русскаго писателя, сказавшаго, что „Игнатій и Фотій были въ Константинополѣ представителями двухъ совершенно противныхъ партій, чѣмъ только и объясняется взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей“¹⁾. Дѣйствительно, борьба между Игна-

¹⁾ (Муравьева А.) Правда вселенской Церкви о Римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ, стр. 257. Пб. 1841.

тіанами и Фотіанами происходила не изъ случайныхъ причинъ, не изъ пустыхъ недоразумѣній,—она имѣла глубокія основанія. Въ чемъ состояли эти основанія, куда клонились интересы той или другой изъ борющихся византійскихъ церковныхъ партій, какія средства употреблялись въ этой взаимной борьбѣ,—со всѣмъ этимъ можетъ въ достаточной мѣрѣ познакомить насъ исторія второй половины IX вѣка. Временно торжествующая партія подвергала безпощадной критикѣ стремленія, цѣли и образъ дѣятельности противниковъ, что главнѣйше происходило на соборахъ; а такъ какъ той или другой партіи удавалось торжествовать надъ противниками попеременно, то каждая изъ нихъ имѣла возможность разоблачить другую и отдать ее на судъ исторіи.

При какихъ обстоятельствахъ сложились тѣ исторически знаменитыя партіи, которыя, по имени ихъ главныхъ вождей, называются Игнатіанами и Фотіанами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ съ достаточною ясностію, намъ нужно начать нашу рѣчь нѣсколько издалека, но, конечно, лучше начать издалека, чѣмъ оставить вопросъ въ нѣкоторомъ туманѣ. Появленіе и организованіе партій Игнатіанъ и Фотіанъ стоитъ въ связи съ тѣми спорами и разногласіями, какіе имѣли мѣсто въ исторіи Византійской церкви за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше, именно въ правленіе Византійскою церковію патріарховъ: св. Тарасія, св. Никифора исповѣдника и св. Мееодія.

Извѣстно, какое значеніе въ церковной исторіи имѣетъ патріархъ Тарасій (784—806 гг.). Его содѣйствіемъ созванъ былъ седьмой вселенскій соборъ, утвердившій почитаніе св. иконъ и низвергшій иконоборчество; онъ имѣлъ руководящее положеніе на этомъ соборѣ. Но тѣмъ не менѣе патріаршествованіе Тарасія не было временемъ полного церковнаго мира. При немъ въ Византійской церкви происходили споры и раздѣленія, грозившія возникновеніемъ раскола. Его церковныя распоряженія подвергались въ нѣкоторыхъ случаяхъ осужденію, или же встрѣчались подозрительно; ему ставили въ упрекъ даже обстоятельства, при которыхъ произошло самое избраніе его въ архипастыри столицы. Главнымъ образомъ подвергались нареканію кроткія

чи осторожны мѣры Тарасія противъ епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, хотя и запятнавшихъ себя иконоборчествомъ, но потомъ принесшихъ покаяніе въ своемъ грѣхѣ. Такъ какъ подобныхъ лицъ было много, то Тарасій не находилъ удобнымъ этихъ бывшихъ иконоборцевъ лишать церковныхъ должностей; Тарасій оставилъ ихъ въ тѣхъ самыхъ церковныхъ степеняхъ, какія они имѣли раньше, во времена иконоборческія. Въ этомъ случаѣ Тарасій дѣйствовалъ не самовольно, а руководясь тѣми правилами, какія указаны седьмымъ вселенскимъ соборомъ. Однакожь такой образъ дѣйствій Тарасія нашелъ порицателей и сильныхъ порицателей. Къ числу ихъ принадлежали, какъ нѣкоторые государственные сановники ¹⁾, такъ — что гораздо важнѣе — и нѣкоторые знаменитые представители монашества, напримѣръ Савва и Θεоктистъ. Эти послѣдніе, усомнившись въ правильности дѣйствій Тарасія, обращались за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній въ Римъ, къ тамошнему епископу, и когда папа склонился на сторону ихъ воззрѣній, они стали открыто порицать патріарха за излишнее снисхожденіе къ обратившимся изъ иконоборчества. Порицатели распоряженій Тарасія соблазнялись тѣмъ, что патріархъ открыто служилъ съ бывшими иконоборческими епископами, по праздникамъ, въ константинопольскихъ церквахъ. Вслѣдствіе сейчасъ указанной причины между „Саввою и единомышленными съ нимъ — съ одной стороны и патріархомъ — съ другой, возникло разногласіе“ ²⁾. Къ числу противниковъ патріарха потомъ присоединились и монахи знаменитаго Студійскаго монастыря въ Константинополѣ. Между ними распространился слухъ и очень укоренился, что Тарасій посвящалъ въ церковныя должности за деньги, т. е. былъ подверженъ симоніи. По сужденію Студитовъ, Тарасій за это подлежалъ бы низверженію съ патріаршей кафедры. Кстати при этомъ Студиты припомнили, хотя уже и слишкомъ поздно, что Тарасій возведенъ въ патріархи

¹⁾ Герасима (Яреда) іером. „Отзывы о св. патріархѣ Фотіи“ стр. 66. Иб. 1874.

²⁾ Θεодора Студита Творенія. Пб. 1867—9. Часть I, стр. 246—7. (Письмо къ Арсенію).

не изъ лицъ духовныхъ, а изъ мірянъ, а это они считали отступленіемъ отъ церковныхъ правилъ. Изъ всего этого возникло „разногласіе съ Тарасіемъ“¹⁾). Это происходило въ правленіе Византійскимъ государствомъ Ирины и сына ея Константина VI. Этотъ императоръ далъ поводъ къ новымъ и еще болѣе важнымъ разногласіямъ между патріархомъ и его порицателями. Константинъ VI, возненавидѣвъ свою жену Марію, рѣшился, подъ различными предлогами, вовсе удалить ее отъ себя, заключить въ монастырь и жениться на фрейлинѣ своей матери Θεодотѣ, родственницѣ знаменитаго настоятеля Студійскаго монастыря, Θεодора Студита. Императоръ поступилъ, какъ онъ захотѣлъ, женился на Θεодотѣ и объявилъ ее императрицею. Тщетно патріархъ Тарасій противился заключенію незаконнаго брака императора; не помогло и то, что патріархъ рѣшительно отказался собственноручно вѣнчать императора, что было въ обычаѣ въ Византіи. Константинъ стоялъ на своемъ и въ случаѣ дальнѣйшаго противодѣйствія со стороны патріарха, грозилъ возстановленіемъ иконоборческаго заблужденія. Патріархъ долженъ былъ замолчать. Бракъ царскій совершенъ былъ пресвитеромъ и экономомъ, по имени Иосифомъ. Это было въ 795 году²⁾). Разказанный случай повелъ къ новымъ разногласіямъ и нестроеніямъ въ Византійской церкви. Во главѣ противниковъ брака царскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противниковъ патріарха стали опять Студиты и настоятель Саккудіанскаго монастыря, старецъ Платонъ. Студиты называли императора Константина „вторымъ Продомъ“, разумѣя того Ирода, который нѣкогда женился на женѣ брата своего Филиппа, а патріарху давали знать, что онъ при указанномъ случаѣ не проявилъ той благочестивой ревности, которою прославился Іоаннъ Предтеча. Напрасно патріархъ Тарасій, прямо или косвенно оправдываясь въ допущеніи незаконнаго брака, говорилъ, что такъ какъ вѣнчалъ царя не самъ онъ, Тарасій, а пре-

¹⁾ Θεодора Студ. Твор. I, 311. Письмо къ Стефану тѣцу.

²⁾ Theophanis Chronographia. Migne. Curs. patr. tom. 108, col. 914—945. Эта хрониграфія написана въ IX вѣкѣ. Hergenröther. Photius patriarch von Constantinopel. Band I, 255—6.

«свигтеръ Іосифъ, безъ патріаршаго разрѣшенія, то вина падаетъ лишь на голову Іосифа. Такое оправданіе патріарха Студиты ставили ни во что и разсуждали такъ: „обыкновенно патріархи сами вѣнчаютъ императоровъ, а не какой-нибудь священникъ; этого никогда не бывало. Очевидно, что ему угрожала опасность лишиться патріаршества и, значить, онъ, нашедши готоваго на такое дѣло—ибо этотъ пресвигтеръ обращался при дворѣ, — сложилъ опасность на голову послѣдняго“. Студиты, не внемля оправданіямъ патріарха, которыя они считали неосновательными, „прервали общеніе съ Тарасіемъ“¹⁾. Сторонники патріарха внушали Студитамъ, что они не имѣютъ права самовольно отдѣляться отъ патріарха и брать на себя обязанность учителей по отношенію къ этому послѣднему; Студитамъ внушалось: „кромѣ догматовъ вѣры, ни о какихъ другихъ заповѣдяхъ Господнихъ, никому не слѣдуетъ вразумлять предстоятельствающаго пастыреначальника (патріарха), даже когда онъ, по какой-либо оплошности, дѣлаетъ что-либо непозволительное“. Но Студиты не унимались въ своей ревности и отвѣчали: „нѣтъ, слѣдуетъ вразумлять“. И въ доказательство своего права прекословить патріарху и дѣлать ему замѣчанія въ нужныхъ случаяхъ, они ссылались на церковныя правила. Именно они ссылались на предписаніе Василія Великаго, въ 20-мъ словѣ о подвижничествѣ: „и предстоятелю, если преткнется, должны напомнить преимуществующіе изъ братій“; или приводили слова того же Василія (изъ 34 слова о подвижничествѣ): „кто не принимаетъ одобреннаго предстоятелемъ, тотъ долженъ открыто или наединѣ сдѣлать ему свое возраженіе, если имѣетъ какое-либо твердое основаніе, согласно со смысломъ Писанія, или молча исполнять приказанное; если же онъ самъ постыдится, то пусть употребить на это посредниками другихъ“²⁾. Тѣже Студиты брали себѣ въ руководство при борьбѣ съ патріархомъ еще указанія Василія Великаго,

¹⁾ Θεοδωρα Студ. Творен. I, 174—177. Письмо къ Симеону монаху.

²⁾ Правила Василія, очевидно, касались начальника монастыря, а не преемственнаго Предстоятеля Церкви.

находящіяся въ такъ называемыхъ нравственныхъ правилахъ его: „изъ слушателей наставленные въ писаніяхъ должны испытывать, что говорятъ учителя“. И еще: „предстоятель слова долженъ все дѣлать и говорить съ осмотрительностію и по многомъ испытаніи, съ цѣлію благоугодить Богу, какъ подлежащій испытанію и отъ самихъ вѣрвенныхъ ему“¹⁾. На этотъ разъ разногласія въ Византійской церкви продолжались не долго. Въ 797 году императоръ Константинъ умираетъ и Византійскою имперіею на нѣкоторое время управляетъ единолично мать его, св. Ирина. Будучи благочестива и высоко поставляя авторитетъ монашества, она сочла первымъ долгомъ прекратить раздоры въ Церкви. И съ этою цѣлію она потребовала, чтобы патріархъ Тарасій лишился духовнаго сана пресвитера Іосифа, вѣнчавшаго Константина. Патріархъ исполнилъ волю царицы и распри прекратилась²⁾.

Что было при патріархѣ Тарасіи, тоже повторилось при его преемникѣ, св. Никифорѣ исповѣдникѣ (806—815 г.). Распри и несогласія въ церкви Византійской продолжались во все время правленія этого патріарха. Никифоръ происходилъ изъ знаменитой византійской фамиліи, заявившей себя ревностію въ борьбѣ съ иконоборчествомъ; въ качествѣ уполномоченнаго отъ императрицы Ирины онъ занималъ видное мѣсто въ дѣятельности седьмаго вселенскаго собора. Вообще прошедшее Никифора должно было возбуждать къ нему чувство уваженія. Тѣмъ не менѣе, съ самаго вступленія Никифора на византійскую патріаршую кафедру его постигаютъ непріятности и неудачи. Никифоръ до времени патріаршества не былъ духовнымъ лицомъ, а проходилъ высокія свѣтскія должности. Лишь только онъ былъ избранъ и посвященъ въ патріархи; Студиты, съ вышеупомянутымъ нами знаменитымъ Платономъ, стали открыто заявлять о незаконности поставленія его въ патріархи, такъ какъ они находили, что не слѣдуетъ мірянину вдругъ становиться

¹⁾ Θεοδора Студита. Твор. I, 119—122. Письмо къ Стефану секретарю.

²⁾ Михайла монаха. Жизнь Θεοδора Студита (написана въ IX в. ученикомъ Θεοδора Студита). Въ началѣ русскаго изданія Твореній Θεοδора, стр. 27.

епископомъ ¹⁾). Очевидно, Студиты, не оставившіе безъ вниманія подобное же явленіе въ жизни Тарасія, не могли и не хотѣли оставить безъ протеста новый случай возведенія мірянина въ архипастыри. Но это еще было не такъ важно, а гораздо важнѣе былъ слѣдующій шагъ патріарха. Во время поставленія его въ патріархи въ Византіи царствовалъ императоръ Никифоръ; этотъ послѣдній по какой-то причинѣ пожелалъ, чтобы новый патріархъ снялъ церковное запрещеніе, наложенное на извѣстнаго пресвитера Іосифа прежнимъ патріархомъ Тарасіемъ. Патріархъ уважилъ желаніе императора. Но это дѣйствіе патріарха повело къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Монахи Студійскаго монастыря и Платонъ сначала отделились отъ архипастыря, а потомъ и совсѣмъ отдѣлились отъ власти патріарха. Въ Византіи собранъ былъ помѣстный соборъ, который подтвердилъ своимъ авторитетомъ распоряженіе патріарха касательно Іосифа; но Студиты, нимало не задумываясь, и соборъ объявили антиканоническимъ ²⁾. Студиты провозглашали, что въ Византіи явилась новая ересь которую они называли „прелюбодѣйною ересью“. Поднялась борьба между патріархомъ и его сторонниками съ одной стороны и Студитами и ихъ приверженцами съ другой. Сами Студиты самымъ тѣснымъ образомъ связывали свой новый протестъ противъ патріарха Никифора съ тѣмъ протестомъ, какимъ они заявили себя противъ Тарасія; они смотрѣли на новое противодѣйствіе патріарху, какъ на продолженіе прежняго. „Отсюда, т.-е. изъ первоначальныхъ отношеній Тарасія къ Іосифу, говорили Студиты,—получили начало и нынѣшнія смятенія“ ³⁾. Значить, прежній пожаръ лишь снова разгорается.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности касательно этихъ новыхъ смуть въ Византійской церкви. Патріархъ Никифоръ и его сторонники,—а на его сторонѣ было большинство предстоятелей Византійской церкви, — заявляли, что

¹⁾ Theophanis Chronographia, col. 967.

²⁾ Theophanis Chronographia, col. 973. Θεοδώρα Студ. Твор. I, 210—211. Пис. къ братіямъ.

³⁾ Θεοδώρα Студ. Твор. I, 311. Пис. къ Стефану чтецу.

поступая такъ съ пресвитеромъ Іосифомъ, какъ поступили они; тѣмъ самымъ поставляютъ церковь, въ виду исключительной потребности, на путь такъ называемой: *οικονομια*. Нужно сказать, что въ Восточной Церкви соединялось особое понятіе съ словомъ *οικονομια*, которое по буквальному значенію обозначаетъ домостроительство. Терминомъ этимъ въ византійской практикѣ назывался особый видъ политики, когда допускалось послабленіе или временное прекращеніе дѣйствія нѣкоторыхъ точнѣйшихъ законовъ; это дѣлалось непременно по распоряженію государя, ради какихъ-либо высшихъ интересовъ. Такого рода „экономія“ не могла однакожь быть распространяема на догматы вѣры. Теперь, патріархъ и его партія объявляли, что въ своемъ поступкѣ съ Іосифомъ, они, съ согласія государя, лишь примѣнили къ дѣлу правила такъ называемой „экономія“. Для подтвержденія правоты своего образа дѣйствования, ссылались на историческіе примѣры. Нужно замѣтить впрочемъ, что примѣры эти приводились господствующею партіею не всегда удачно. Представители этой партіи указывали на случай въ жизни св. Кирилла Александрійскаго, когда онъ не велѣлъ считать еретиками тѣхъ изъ членовъ Антиохійской церкви, которые никакъ не соглашались уничтожить имя Θεодора Мопсуетскаго изъ диптиховъ, хотя они и мыслили по православному. Это примѣръ удачный. Но другой примѣръ, которымъ хотѣли защитить свой образъ дѣйствованія приверженцы патріарха, былъ неудаченъ, ибо ссылка этихъ приверженцевъ на одинъ историческій фактъ противорѣчила хронологіи. Именно они указывали на то, что будто тотъ же Кириллъ Александрійскій, ради мира церковнаго, поддерживалъ сношеніе съ еретикомъ Діоскоромъ. Такого факта не могло быть, такъ какъ Кириллъ скончался раньше, чѣмъ Діоскоръ провозглашенъ былъ еретикомъ. Уже противники патріарха указывали на неправильность приведенія этого примѣра¹⁾). Впрочемъ нужно сказать, что и противники патріарха въ спорѣ съ нимъ не отвергали въ принципѣ „экономію“ и ея приложеніе къ

1) Ibid. I, 292. 295. Пис. къ Навкратію.

практикѣ¹⁾, но только они находили неумѣстнымъ и невозможнымъ примѣнять правило экономіи въ дѣлѣ пресвитера Іосифа.—Патріархъ не хотѣлъ скрывать своего гнѣва на противниковъ, въ особенности послѣ того, какъ соборъ въ Византіи выразилъ свое осужденіе на вождей разсматриваемаго движенія. Онъ за глаза и въ глаза называлъ враждебную ему партію „отщепенцами отъ Церкви“²⁾. Правительство сослало въ ссылку главныхъ представителей протеста. Архіепископъ Θεσσαλονικскій Іосифъ, братъ Θεодора Студита, лишенъ своей кафедрой³⁾. Нѣкоторые изъ особенно жаркихъ сторонниковъ патріарха, признавая его противниковъ за опасныхъ враговъ Церкви, по своему почину провозглашали анаѳему главамъ противной партіи⁴⁾. А другіе изъ приверженцевъ патріарха поступили еще хуже. Современники рассказываютъ почти невѣроятныя вещи. Напримеръ, новый архіепископъ ессалоникскій, назначенный на мѣсто низверженнаго Іосифа, позволилъ себѣ слѣдующую расправу съ игуменомъ Евфиміемъ, приверженцемъ Студитовъ. Евфимію за упорство, какое онъ показывалъ въ противленіи патріарху, сначала „нанесено было двѣсти шестьдесятъ шесть ударовъ, а потомъ, спустя немного, четыреста ударовъ ремнями по синѣ“; игуменъ послѣ наказанія остался чуть живъ. Но самое главное въ рассказѣ о бичеваніи Евфимія вотъ что: „мѣстомъ Пилатова судилища былъ храмъ Божій, ибо въ храмѣ Архангела былъ бичуемъ этотъ мученикъ“⁵⁾. Въ протестѣ Студитовъ нѣкоторые изъ членовъ господствующей партіи видѣли проявленіе не ревности по благочестію, а низменныхъ и коварныхъ цѣлей. Нѣкоторые изъ сторонниковъ патріарха разглашали, что Студиты хотятъ добиться запрещенія церковнаго служенія пресвитеру Іосифу лишь для того, чтобы потомъ низвергнуть патріарха, ибо если будетъ наложено запрещеніе на Іосифа, то это будетъ достаточнымъ поводомъ къ низложенію патріарха,

1) Ibidem, стр. 293.

2) Ibid. I, 187. Пис. къ Никифору патріарху.

3) На его мѣсто назначенъ былъ новый архіепископъ.

4) Ibid. I, 198. Пис. къ Василию монаху.

5) Ibid. 304—305. Пис. къ Навкратію.

какъ позволившаго себѣ служить вмѣстѣ съ повиннымъ противъ церковныхъ заковъ, Іосифомъ ¹⁾). Подобнаго рода клевету не легко было переносить противникамъ патріарха.

Обращаемся къ характеристикѣ партіи противниковъ патріарха. Лишь только они рѣшили прервать общеніе съ Никифоромъ, какъ послѣ этого рѣшенія всякій поворотъ къ примиренію казался для нихъ уже невозможнымъ. Въ чувствѣ увѣренности, что они правы, противники патріарха заявили: „скорѣе мы перенесемъ все, даже до смерти, нежели войдемъ въ общеніе съ пресвиторомъ Іосифомъ, съ тѣми, которые служатъ вмѣстѣ съ нимъ, и съ самимъ патріархомъ, тѣмъ болѣе, что теперешній патріархъ хуже Тарасія. Ибо Тарасій ни разу не служилъ вмѣстѣ съ Іосифомъ; и тогда войти въ общеніе съ патріархомъ было бы нелѣпо, но не было бы такимъ зломъ, какъ теперь“ ²⁾). Для противниковъ патріарха не составляло препятствія то обстоятельство, что на сторонѣ патріарха „безчисленное множество іерарховъ, священниковъ и игуменовъ“; ихъ примѣръ казался неубѣдительнымъ для Студитовъ, потому что такое большое число не стыдилось имѣть общеніе даже съ самымъ „прелюбодѣемъ“, т.-е. императоромъ Константиномъ VI ³⁾). По разсужденію противниковъ патріарха, въ церкви Византійской перестала существовать истинная іерархія, какъ скоро принять въ общеніе явный нарушитель церковныхъ правилъ, Іосифъ. „У нихъ, патріарха и его сторонниковъ, разсуждали протестующіе, — нѣтъ священства, жертвы (евхаристической) и прочихъ средствъ врачеванія душевныхъ болѣзней человѣческихъ“ ⁴⁾). Въ церкви Византійской, по словамъ протестующей партіи, „возникъ не только расколъ, но и расколъ великій“ ⁵⁾). Противодѣйствовать патріарху давали право его врагамъ тѣже правила, на какія они ссылались и въ борьбѣ съ Тарасіемъ, по крайней мѣрѣ въ этихъ правилахъ они видятъ основаніе

1) Ibid. 217. Пис. къ Николаю Хартуларію.

2) Ibid. 177. Пис. къ Симеону монаху.

3) Ibid. I, 171. Пис. къ Симеону монаху.

4) Ibid. 239. Пис. къ Евпрепіану.

5) Ibid. 190. Пис. къ Никифору патріарху.

для своего протеста. Противники патриарха не только сами хотѣли пребывать твердыми въ своей борьбѣ съ архипастыремъ, но къ подобной же борьбѣ призывали и тѣхъ, въ комъ предполагали одинаковое ревнованіе по благочестію. Однихъ они призывали „поревновать“ въ правомъ дѣлѣ, другихъ склоняли избѣгать прелюбодѣйной ереси, какъ они называли снисхожденіе, оказанное Іосифу ¹⁾. Не удовлетворяясь тѣмъ, что они старались увеличить число своихъ приверженцевъ въ Византійской церкви, они пишутъ письма къ римскому папѣ и просятъ его разсудить ихъ въ ихъ дѣлѣ съ патриархомъ и стать на ихъ сторонѣ, защитить самую церковь Византійскую отъ разоренія. Студиты такъ писали къ тогдашнему папѣ Льву III: „донося о происшедшемъ въ Византіи неложно, мы смиренные возносимъ хриstopодобному блаженству твоему тоже воззваніе, которое верховный Апостоль съ прочими апостолами произнесъ ко Христу, когда на морѣ возстала буря: „спаси ны“, архипастырь поднебесной Церкви, „погибаемъ“ (Мѡ. 8, 25). Поступи по примѣру Учителя твоего Христа и прости руку къ нашей церкви. Поревнуй, просимъ тебя, соименному тебѣ папѣ Льву I и, согласно съ своимъ именемъ, возгласи божественно, или лучше возгреми по надлежащему противу настоящаго лжеученія. Ибо, если они, присвоивъ себѣ власть, не поколебались составить еретическій соборъ, между тѣмъ какъ не властны составить и православнаго собора безъ твоего вѣдѣнія, по издревле принятому обычаю; то тѣмъ болѣе справедливо было бы божественному первоначальству твоему составить законный соборъ, чтобы отразить еретическое ученіе“. Въ концѣ письма просители заявляютъ: „какъ нижайшіе члены Церкви и повинующіеся вашему божественному пастыревалъству, мы, наконецъ, просимъ святую душу твою считать насъ какъ-бы собственными овцами твоими“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ тѣже Студиты писали папѣ Льву: „У насъ состоялся открытый соборъ, соборъ къ нарушенію Евангелія Христа, котораго ключи ты

1) Ibid. 201. Пис. къ Василію монаху и проч.

2) Ibid. 221—2. Пис. ко Льву.

получилъ отъ Него чрезъ верховнаго изъ Апостоловъ. Мы смиренные взываемъ къ тебѣ: услышь, великая глава, и вземли тому, что устроилъ сатана“. Затѣмъ просители умоляютъ уничтожить дѣйствіе собора константинопольскаго, какъ направленнаго къ поруганію Евангелія ¹⁾.—Если сторонники патріарха, не стѣсняясь, называли Студитовъ „отщепенцами отъ Церкви“, то и Студиты нещадно порипали, какъ византійскихъ епископовъ вообще, такъ епископовъ—участниковъ извѣстнаго собора въ особенности. Партія меньшинства въ Византіи называла соборъ, снявшій запрещеніе съ Іосифа, соборомъ „еретическимъ“ ²⁾, „прелюбодѣйнымъ“, ибо представители разсматриваемой партіи прилагали къ этому собору слова пророка о „сборищѣ преступниковъ и собраніи любодѣйствующихъ“ (Іер. 9, 2) ³⁾. Членовъ собора тѣже протестующіе признавали „богохульниками“, заслуживающими „анаемы, какъ считающихъ прелюбодѣяніе мудрымъ дѣломъ Бога и святыхъ“; называли ихъ „врагами Божиими“, такъ какъ они распоряжаются священными правилами по своему усмотрѣнію и произволу, какъ господа слугами и рабами“; признавали ихъ служителями „антихриста“, а ихъ ученіе объ „экономіи“ самимъ „предтекою антихриста“. Разсматривая дѣятельность участниковъ собора, они задавали себѣ вопросъ: „не открывается ли изъ случившагося, что антихристъ уже при дверѣхъ“, и отвѣчали: „въ словахъ ихъ уже выступаетъ антихристъ“ ⁴⁾. Всѣхъ епископовъ Византійскаго государства за то, что они не выражали противодѣйствія опредѣленію собора, сторонники партіи меньшинства обзывали „новыми лжеапостолами“ ⁵⁾. Они прилагаютъ къ епископамъ, показавшимъ уступчивость въ разбираемомъ дѣлѣ, именованіе юродивыхъ; они рассуждали такъ: „допуская такіа дѣла, епископы называютъ самихъ себя Церковію, а не принимающихъ этого признали противниками ея; но поистинѣ, какъ говоритъ пророкъ, „юродъ

1) Ibid. 224—5. Пис. ко Льву.

2) Ibid. I, 221. Пис. къ папѣ Льву.

3) Ibid. 219. И пис. къ Арсенію, 245.†

4) Ibid. I, 226—228 Пис. ко Льву. И письмо къ Еврепіану I, 235.

5) Ibid. I, 240. Пис. къ Еврепіану.

юродивая изрекаетъ и сердце его тщетная уразумѣтъ, еже совершати беззаконная и глаголати на Господа прелесть“ (Иса. 32, 6) ¹⁾). Всѣхъ приверженцевъ патріаршаго и соборнаго опредѣленія, старавшихся защитить такъ или иначе патріарха и соборъ, въ особенности посредствомъ разсужденій о спасительной „экономіи“, противники называли „змѣями и говорящими змѣинымъ голосомъ“ ²⁾). Собору византійскихъ епископовъ противники патріарха приписывали такія постановленія, коихъ не могло быть на немъ: то, что являлось въ качествѣ отдаленныхъ выводовъ изъ постановленій собора, приписывалось собору, какъ будто бы это на самомъ дѣлѣ сдѣлано участниками его. Кромѣ превратнаго мнѣнія о такъ называемой „экономіи“, въ уста членовъ собора протестующіе влагали такія узаконенія: „божественные законы не простираются на царей“; „каждый епископъ имѣетъ власть надъ божественными правилами“, почему они епископы имѣютъ власть достойныхъ низверженія признавать незаслуживающими этого наказанія ³⁾). Мало того, протестующіе, подъ вліяніемъ увлеченія, приписывали собору такія дѣйствія, которыя въ дѣйствительности ему не принадлежали, напримѣръ, будто соборъ подвергъ анаемѣ всѣхъ не соглашающихся съ его распоряженіемъ относительно Іосифа, или что будто сами члены собора опредѣлили своихъ противниковъ подвергнуть ссылкѣ или аресту ⁴⁾). Приверженцы партіи меньшинства въ борьбѣ съ партіею большинства или господствующею старались въ точности и подробности разрѣшить различные казуистическіе вопросы, возникавшіе изъ того положенія, въ какое поставили себя члены первой партіи по отношенію къ членамъ второй. Такихъ вопросовъ было не мало. Напримѣръ, возникалъ естественный вопросъ: какъ смотрѣть на епископа, который поминаетъ въ церковныхъ молитвахъ патріарха, въ случаѣ, если первый въ тоже время не одобряетъ

¹⁾ Ibid. I, 285. Пис. Аеавасію сыну.

²⁾ Ibid. I, 296. Пис. къ Навкратію.

³⁾ Ibid. I, 220. Пис. къ папѣ Льву.

⁴⁾ Ibid. I, 220, Письмо ко Льву; 238—9, Пис. къ Евпреніану; 315, Пис. къ Стефану чтецу.

дѣтельности своего верховнаго церковнаго начальника: можетъ ли такой епископъ совершать правильное рукоположеніе и можно ли рукоположенныхъ отъ него считать истинными служителями Божиими? Отвѣтъ дается отрицательный. Игуменамъ монастырей внушалось даже не поминать въ молитвахъ подобнаго епископа и не служить въ той церкви, гдѣ служить этотъ епископъ. Возбуждался и другой вопросъ: признавать ли законнымъ пастыремъ такого священника, который хотя и не сочувствуетъ „любоудѣйной ереси“, но изъ страха гоненія поминаетъ въ церкви епископа-еретика, т.-е. приверженца патріарха? Отвѣтъ дается положительный, но подъ условіемъ, если такой священникъ не служилъ въ церкви вмѣстѣ съ своимъ епископомъ-еретикомъ; впрочемъ разрѣшалось общеніе съ подобнымъ священникомъ ограниченное, ибо не дозволялось имѣть съ ними общеніе въ таинствахъ евхаристіи, а лишь въ псалмопѣніи и вкушеніи пищи. Поднимался и еще другой вопросъ: можно ли служить въ церкви, въ которой священникъ поминаетъ епископа-еретика? На этотъ вопросъ отвѣчали уклончиво: не въ видѣ правила, а видѣ совѣта предписывалось лучше служить при указанныхъ обстоятельствахъ въ обыкновенномъ домѣ. Вопросъ относительно извѣстнаго храма и служенія въ немъ рѣшался прямо и рѣшительно—въ отрицательномъ смыслѣ, какъ скоро было несомнѣнно, что тотъ или другой храмъ построенъ послѣ „прелюбоудѣйнаго собора“ и освященъ епископомъ сторонникомъ этого собора. Возникали и другіе мелочные вопросы, напримѣръ, о томъ: можно ли безъ разбора, во время путешествія останавливаться на ночлегъ, гдѣ пришлось, а равно раздѣлять при этомъ пищу съ кѣмъ случится? Эти вопросы не были рѣшены точно и опредѣленно, но тѣмъ не менѣе рекомендовалось людямъ съ чуткою совѣстію быть какъ можно осторожнѣе въ обращеніи съ лицами неизвѣстными. „Нужно изслѣдовать и останавливаться у православнаго (т.-е. непричастнаго ереси прелюбоудѣйной) и, если нужно, брать отъ него потребное для дороги“, разсуждали люди осмотрительные ¹⁾. Замѣчательно, для взаимныхъ письменныхъ сно-

¹⁾ Ibid. I, 258—261. Пис. къ Навкратію, 295—297. Пис. къ нему же.

шеній между членами партіи меньшинства выдумана была шифрованная переписка. Такъ имена императора Никифора и патріарха, а также общее обозначеніе нѣкоторыхъ приверженцевъ патріарха замѣнены были тѣми буквами греческаго алфавита, которыя не принадлежали къ числу двадцати четырехъ основныхъ буквъ этого алфавита; именно „коппой“ обозначался патріархъ, буквою „сампи“—императоръ, а „стигмою“—приверженцы патріарха изъ монаховъ ¹⁾. Разумѣется, этотъ способъ, дѣлая переписку скрытною, избавлялъ корреспондентовъ отъ неприятностей.

Изъ вышеизложеннаго открывается, что партія меньшинства ²⁾ и партія большинства или господствующая находились въ очень напряженныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Можно предложить себѣ вопросъ: не проявили ли Студиты излишней ревности въ борьбѣ съ патріархомъ? и напротивъ не показали ли себя патріархъ слишкомъ уступчивымъ въ отношеніи къ императору, въ ущербъ для интересовъ Церкви, и строгимъ къ своимъ противникамъ? Этотъ вопросъ занималъ уже одного ученика Θεодора Студита, и этотъ послѣдній, разрѣшая вопросъ, нашелъ такой отвѣтъ: „оставшись несогласными въ сужденіяхъ, патріархъ и Студиты отдѣлились другъ отъ друга, какъ нѣкогда Павелъ и Варнава при разногласіи касательно Іоанна, называемаго Маркомъ (Дѣян. 15, 39—40), о чемъ Златоустъ въ своемъ толкованіи на Дѣянія говоритъ такъ: „кто изъ нихъ совѣтовалъ лучше, не наше дѣло рѣшать“. Такъ точно, продолжаетъ тотъ же писатель,—нужно разсуждать и здѣсь, что патріархъ Никифоръ поступилъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, не желая, но бывъ принужденъ царемъ, а Студиты, бывъ подвигнуты Богомъ, имѣли въ виду соблюденіе Божіихъ заповѣдей, а не увлекались злою страстію. Такъ нужно разсуждать боголюбивымъ людямъ о свойствахъ этихъ дѣлъ и не осуждать какой-либо стороны достоуважаемыхъ нами

¹⁾ Ibid. I, 263—5. Пис. къ Силуану.

²⁾ Изъ кого состояла эта партія и какъ велика была она, это съ достаточною ясностію открывается изъ письма Θεодора Студита къ Аванасію. Твор. его. I, 275 и дал.

предстоятелей¹⁾. Такой отвѣтъ дастъ ученикъ Θεодора Студита. Конечно, можно отвѣчать на предложенный вопросъ глубокомысленнѣе, но едва ли найдется отвѣтъ успокоительнѣе того отвѣта, какой данъ сейчасъ указаннымъ писателемъ.

Въ счастію, раздоръ Студитовъ съ патриархомъ продолжался не долго. Черезъ два года отъ начала споровъ умираетъ императоръ Никифоръ, а новый императоръ Михаилъ Рангавъ (811—813 г.) всемірно началъ стараться о томъ, чтобы прекратить смуты въ Византійской церкви, а для этого онъ потребовалъ, чтобы патриархъ Никифоръ низвергъ изъ духовнаго сана пресвитора Іосифа. Патриархъ согласился сдѣлать это, и миръ наступаетъ²⁾. Нельзя сказать, однакожъ, что съ наступленіемъ примиренія патриарха съ представителями Студитовъ были позабыты споры съ ихъ причинами. Этого не случилось. По замѣчанію Гергенрөтера, „этотъ раздоръ патриарха и Студитовъ оставилъ по себѣ многіе слѣды“³⁾. Что это дѣйствительно такъ, въ этомъ убѣждаетъ исторія патриаршествованія Мееодія, одного изъ ближайшихъ преемниковъ патриарха Никифора на византійской церковной кафедрѣ.

Кратковременное патриаршествованіе Мееодія (842—846 года) почти все проходитъ среди смуть. Члены византійскаго церковнаго общества дѣлятся на партіи, очень похожія на тѣ, которыя создались при прежнихъ византійскихъ патриархахъ, Тарасіи и Никифорѣ. Патриархъ Мееодій былъ предшественникомъ извѣстнаго патриарха Игнатія. Поэтому болѣе или менѣе внимательное изученіе состоянія Византійской церкви при немъ важно для пониманія партій, возникшихъ вслѣдъ за временемъ этого патриарха. И дѣйствительно, изученіе жизни, дѣятельности патриарха Мееодія и церковныхъ явленій его времени можетъ пролить значительный свѣтъ на то, при какихъ ближайшихъ историческихъ

¹⁾ Михаила монаха. Жизнь Θεодора Студита, стр. 37—39.

²⁾ Θεодора Студита, Твор. I, 320. Пис. въ Автонію. Hergenröther. Photius B. I, 239.

³⁾ Hergenröther. I, 270.

обстоятельствахъ слагаются тѣ двѣ церковныхъ партіи, которыя извѣстны съ именемъ Игнатіанъ и Фотіанъ. При жизни Мееодія ясно обозначаются въ церкви среди іерархіи двѣ партіи, которыя очень напоминаютъ церковныя партіи эпохи, уже обозрѣнной нами, и стоятъ въ близкомъ родствѣ съ Игнатіанами и Фотіанами.

Мееодій былъ мужъ высокообразованный, ревнующій о церковныхъ дѣлахъ, съ похвальными нравственными качествами ¹⁾. Тѣмъ не менѣе всѣ его церковныя мѣры, какія онъ принималъ по нуждамъ времени, встрѣчая себѣ одобреніе со стороны однихъ лицъ въ средѣ духовенства, въ тоже время находили себѣ противниковъ и порицателей въ тойже средѣ. А это показываетъ, что религіозно-умственное настроеніе духовенства не было одинаково. Вѣдая борьбу съ остатками иконоборчества, Мееодій не безъ строгости отнесся къ тѣмъ изъ духовныхъ лицъ, кто продолжалъ упорно держаться идей иконоборческихъ; такіе упорные лишались своихъ кафедръ, на которыя вмѣсто нихъ возводились люди православнаго образа воззрѣній. Но эта строгость не переходила должныхъ границъ. Если кто-либо изъ духовенства, хотя и виновенъ былъ во временной принадлежности къ иконоборческой партіи, однакожъ въ настоящее время исповѣдовалъ себя православнымъ, таковыхъ Мееодій ставилъ на путь истинный и не лишалъ занимаемыхъ ими мѣстъ ²⁾. Мѣры патриарха были вполне благоразумны, но не всѣ въ духовенствѣ смотрѣли на нихъ одобрительно. Антагонизмъ въ отношеніи къ иконоборству у нѣкоторыхъ былъ слишкомъ силенъ, и потому снисходительныя мѣры патриарха касательно духовныхъ лицъ, раскаявшихся въ своемъ иконоборческомъ заблужденіи, казались нѣкоторымъ ревнителямъ изъ духовенства излишнимъ послабленіемъ, достойнымъ порицанія. Напротивъ, другія лица въ средѣ духовенства совершенно соглашались съ распоряженіями

¹⁾ Nicetae Paphlago. Vita sancti Ignatii archiep. Constantinop., col. 500 (Migne. Curs. patr. Gr. Ser., tom. 105). Никита этотъ былъ приверженецъ Игнатія и писалъ или въ концѣ IX-го, или въ началѣ X-го вѣка.

²⁾ Ibidem col. 500. 502. Іеромъ. Герасима. Отъзвѣвъ..., стр. 109.

патріарха и одобряли ихъ. Съ такимъ же одобреніемъ или порицаніемъ принимались и другія мѣры патріарха. Желая сдѣлать торжество православныхъ наиболѣе обезпеченнымъ, патріархъ умножилъ число епископовъ, священниковъ и архимандритовъ, доставляя эти мѣста лицамъ православнаго образа мыслей; но такъ какъ въ числѣ этихъ многихъ новопоставленныхъ духовныхъ лицъ были и такія, которыя не отвѣчали своему назначенію по своимъ качествамъ, или, что вѣроятнѣе, такими казались они людямъ, не расположеннымъ къ патріарху, то возникли новыя неудовольствія на Мееодія ¹⁾. Но еще важнѣе было то, что патріархъ нашелъ себѣ противниковъ также и между монахами, именно монахами знаменитаго въ иконоборческихъ спорахъ Студійскаго монастыря. Это было вотъ по какому случаю. Патріархъ съ торжественностію перенесъ мощи св. Θεодора Студита († 826) и св. патріарха Никифора († 828) въ Константинополь; перваго въ его монастырь, втораго въ церковь св. Апостоловъ (это была усыпальница императоровъ и патріарховъ). Студиты были очень довольны подобнымъ уваженіемъ патріарха къ такому знаменитому мужу, вышедшему изъ ихъ среды, какъ Θεодоръ Студитъ. Но они въ то же время остались недовольны Мееодіемъ за прославленіе мощей патріарха Никифора. Они все еще продолжали питать нерасположеніе къ Никифору, какъ за то, что онъ былъ возведенъ въ епископы прямо изъ мірянъ, такъ и за то, что онъ свималъ перковное отлученіе съ извѣстнаго пресвитера Іосифа. Особенно патріархъ возстановилъ противъ себя Студитовъ, когда потребовалъ, чтобы все написанное противъ Никифора было анаематствовано. Напрасно патріархъ доказывалъ упорствующимъ монахамъ что онъ требуетъ осужденія не лица Θεодора Студита, писавшаго противъ Никифора, а только тѣхъ его сочиненій, отъ которыхъ онъ, Θεодоръ, самъ отказался, примирившись съ Никифоромъ. Монахи остались при своемъ. Патріархъ вынужденъ былъ угрожать своимъ противникамъ даже анаемой въ случаѣ неисполненія его требованій. Возможно, что Мееодій

¹⁾ Hergenröther. Photius. B. I, 352—353.

и дѣйствительно привелъ въ исполненіе свою угрозу. По крайней мѣрѣ находятъ нѣкоторые указанія на то, что Меѳодій наложилъ селученіе на непокорныхъ монаховъ и запретилъ своимъ пасомымъ сношенія съ ними ¹⁾. Во всякомъ случаѣ должно относить къ числу несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, что въ правленіе Меѳодія нѣкоторые изъ Студитовъ были и оставались противниками Меѳодія и его приверженцевъ. Меѳодій ни въ чемъ не хотѣлъ потворствовать монахамъ, пріобрѣтшимъ во время иконоборческихъ споровъ большое вліяніе въ Византійской церкви. Такимъ образомъ изъ исторіи жизни и церковной дѣятельности Меѳодія видно, что въ его время существовали двѣ партіи, болѣе или менѣе ясно очерченныя, изъ которыхъ одна—многочисленнѣйшая принимала одобительно всѣ его распоряженія, понимала благія цѣли, съ какими они дѣлались; другая—меньшая въ числѣ приверженцевъ—напротивъ вездѣ и всегда противилась ему и старалась находить промахи и ошибки въ его дѣятельности. Мы скоро увидимъ, что въ возникновеніи и борьбѣ партій въ ближайшее затѣмъ время имя Меѳодія имѣло не послѣднее значеніе. Такое или другое отношеніе къ памяти патріарха Меѳодія, при его преемникахъ, было чертою, характеризующею духъ церковныхъ партій въ Византіи.

Рядъ церковно-историческихъ явленій, случившихся при патріархахъ Тарасіи, Никифорѣ и Меѳодіи, и описанныхъ нами выше, имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ исторіи партій, возникшихъ и дѣйствовавшихъ при патріархахъ Игнатіи и Фотіи. Партія Игнатія, по своимъ стремленіямъ, идеаламъ и самой дѣятельности, довольно напоминаетъ церковныя партіи, заявившія себя противодѣйствіемъ патріархамъ Тарасію, Никифору и Меѳодію; а партія Фотія представляетъ собою какъ бы продолженіе дѣятельности и стремленій, какими одушевлены были Тарасій, Никифоръ и Меѳодій въ борьбѣ съ лицами, протестовавшими противъ нихъ. Партіи Игнатіанъ и Фотіанъ тѣмъ удобнѣе и полнѣе могли выразить свои идеалы и стремле-

¹⁾ Hergenröther. I, 253—254.

нія, что каждый изъ вождей ихъ по два раза восходитъ на патріаршій византійскій престолъ,—и такимъ образомъ, могли безирепятственно и громко заявлять о своихъ желаніяхъ и цѣляхъ.

Охарактеризуемъ партіи Игнатіанъ и Фотіанъ, въ особенности поскольку типическія черты этихъ партій были принадлежностію ихъ главныхъ вождей. Начнемъ съ Игнатія и Игнатіанъ.

Преемникомъ патріарха Меодія на патріаршемъ престолѣ былъ св. Игнатій. Какъ мы сказали, онъ патріаршествовалъ дважды (846—857 в. и 867—877 г.). Молодость Игнатія прошла печально. Онъ былъ сынъ несчастнаго императора Михаила Рангава (811—813), низвергнутаго съ престола иконоборцемъ Львомъ Армяниномъ, того самаго Михаила, который заставилъ патріарха Никифора второй разъ лишитъ сана пресвитера Іосифа, вѣнчавшаго извѣстный бракъ Константина VI. Низвергнутый императоръ Михаилъ съ своимъ семействомъ былъ заключенъ въ монастырь. Сынъ его Никита (въ монашествѣ Игнатій) былъ оскорбленъ. Четырнадцать лѣтъ Никита сдѣлался монахомъ. Цѣлыхъ тридцать три года остается онъ въ монастырскомъ уединеніи. Подвиги благочестія доставляютъ Игнатію высокое уваженіе въ народѣ. Его монастырь, гдѣ онъ сдѣлался впоследствии игуменомъ, былъ мѣстомъ убѣжища для православныхъ, гонимыхъ иконоборцами. Это еще болѣе придало славы его имени. Онъ былъ монахомъ и равностнымъ почитателемъ монаховъ. Онъ заботился о размноженіи монастырей и о снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ для обитавшихъ въ нихъ монаховъ. Въ 846 году вдругъ Игнатій по волѣ императрицы Θεодоры (которой его указалъ благочестивый инокъ Іоанникій) призывается къ высокому служенію патріаршему¹⁾.

Не легкое и, можетъ быть, непосильное бремя бралъ на себя Игнатій, не знавшій людей, жизни, свѣта. Чѣмъ выше тогда было положеніе патріарха въ Византіи, тѣмъ менѣе согласовалось оно съ воспитаніемъ и навыками Игна-

1) Nicet. Paphlago. Vita Ign., col. 489—496.

тія. Игнатій не могъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ своего положенія. Можно признавать значительную пастырскую ревность у Игнатія, но его ревность часто проявлялась слишкомъ пылкимъ и кипучимъ образомъ. Какъ много въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ лицъ, составившихъ оппозицію при Тарасіи, Никифорѣ и Меодіи! Игнатія характеризуютъ, какъ „отличнѣйшаго монаха, но не какъ отличнѣйшаго патріарха“¹⁾. Суровость характера доходила у Игнатія до неумѣренной рѣзкости и даже надменности, что отчасти признаетъ и его панигиристъ Никита Пафлагонинъ, какъ ни старается онъ прославить память этого уважаемаго имъ патріарха. „Ко всякой лжи и несправедливости онъ относился весьма строго, по словамъ Никиты, и весьма сильно нападалъ на нихъ“²⁾. Очевидно, ревностный патріархъ не всегда различалъ, въ какихъ случаяхъ нужна была большая строгость и въ какихъ строгость, растворенная снисходительностію. Игнатій не зналъ градаций въ проявленіи своей пастырской ревности. Извѣстный католическій историкъ Гергенретеръ, вообще вполне становящійся на сторону Игнатія, однакожъ, считаетъ дѣломъ справедливости замѣтить о церковно-правительственной дѣятельности этого патріарха, что онъ „не всегда и не вездѣ обнаруживалъ необходимое благоразуміе и осторожность и такимъ образомъ игралъ въ руку своихъ враговъ“³⁾. Расскажемъ нѣсколько случаевъ изъ церковной дѣятельности Игнатія, которые должны доказать, что пастырская дѣятельность Игнатія была не чужда крайностей, излишней строгости и вообще проявленій неумѣренной ревности. Прежде всего вотъ какой былъ случай при самомъ посвященіи Игнатія. Между лицами, имѣвшими преподать хиротонію Игнатію, былъ епископъ Сиракузскій Григорій, по прозванію Авеста. Неизвѣстно, почему этотъ Григорій, сиракузскій епископъ, проживалъ въ Константинополь, потому ли что его каее-

1) Извѣстный греч. писатель Экономосъ сдѣлалъ отзывъ объ Игнатіи: *Optimus monachus, non optimus patriarcha*. Hergenröther. I, 365. Anmerk.

2) Nicet. Paphl., col. 503.

3) Hergenröther. I, 365.

дральному городу грозило арабское завоеваніе. потому не что его вызвалъ сюда по какой-либо причинѣ патриархъ Мессидій, или по какинь-либо другимъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, онъ долженъ былъ, какъ ни сказали, принять участіе въ посвященіи Игнатія. Но къ этому дѣлу Игнатій не допустилъ Григорія. Какъ скоро Игнатій увидѣлъ Григорія Авесту, готоваго принять участіе въ хиротоніи, онъ приказалъ ему удалиться. И это сдѣлано было публично въ церковномъ собраніи, при такомъ торжественномъ случаѣ, какъ посвященіе его, Игнатія, въ патриарха византійскаго, поступлено съ такимъ виднымъ по своему значенію епископомъ, какъ Григорій Авеста (что это былъ епископъ, выдающійся изъ ряда другихъ, — скажемъ нѣсколько словъ въ послѣдствіи). А главное, Григорій не былъ какимъ-нибудь низложеннымъ пастыремъ, а законнымъ архіереемъ: уже послѣ Игнатій хотѣлъ лишить Авесту сана; но приговоръ патриарха не имѣлъ силы не только въ Византіи, гдѣ было много друзей у Григорія, но и въ Римѣ, гдѣ къ Григорію были всѣ очень равнодушны¹⁾. Григорій, получивши отъ Игнатія приказаніе удалиться, разгнѣвался, бросилъ на землю свѣчи, которыя онъ держалъ было въ рукахъ, и вслухъ всѣхъ назвалъ новаго патриарха „волкомъ“ (поступокъ тоже непристойный, но все же, до известной степени естественный въ положеніи человѣка, невинно оскорбленнаго); затѣмъ Григорій, а вмѣстѣ съ нимъ епископы Петръ сардійскій и Евлампій апамейскій и другіе нѣкоторые клирики покинули церковь²⁾. Вотъ что произошло при самомъ посвященіи Игнатія въ патриархъ, вслѣдствіе того, что онъ слѣдовалъ велѣніямъ своей воли, не сообразуясь съ обстоятельствами. Въ лицѣ Григорія Авесты Игнатій нашелъ себѣ сильнаго врага, который нашелъ себѣ много сочувствующихъ, причемъ Авеста и его при-

1) Что Григорій не считался низложеннымъ епископомъ, во времена патриарха Игнатія, въ Византіи, это видно изъ того, что онъ посвящалъ Фотія въ патриархи; а что его въ тѣ же времена не считали лишеннымъ сана и въ Римѣ, это тоже подтверждается точными данными (Hefele. Conciliengeschichte. B. IV, 221).

2) Nicet. Paphl. Vita Ign., col. 512.

верженцы сдѣлались зерномъ той могущественной византійской іерархической партіи, которая стала извѣстна въ послѣдствіи съ именемъ Фотіанъ¹⁾. И нѣтъ вичего удивительнаго въ томъ, что Григорій нашелъ много лицъ, сочувствующихъ ему и въ тоже время враждебно настроенныхъ противъ Игнатія, ибо даже панигиристъ Игнатія Никита сознается, что случай съ Асвестою произвелъ непріятное впечатлѣніе и что многіе (епископы) порицали за это, не въ мѣру ревностнаго, патріарха²⁾. Другой случай, который мы хотимъ рассказать, не въ томъ родѣ, какъ сейчасъ рассказанный. Относительно его возможны не одинаковыя сужденія. Но тѣмъ не менѣе, едва ли можно отрицать, что и здѣсь ревность пастырская проявилась въ слишкомъ рѣзкой формѣ. У кормила правленія во время перваго патріаршества Игнатія стоялъ между прочимъ Варда, дядя легкомысленнаго императора Михайла III. Варда не былъ себялюбивымъ правителемъ, ищущимъ въ своей власти удовлетворенія своимъ страстямъ. Онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и ревностно заботился о народномъ просвѣщеніи, что встрѣчается не часто въ исторіи Византійскаго государства. Но что касается нравственной жизни Варды, то она не стояла такъ высоко, какъ его образованность. Въ народѣ сложилось убѣжденіе, что Варда былъ въ незаконной связи съ своею вдовою-невѣсткою³⁾. Допустимъ, что это было справедливо. Можно ли, благоразумно ли было поступить такъ, какъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ Игнатій? Игнатій сначала частнымъ образомъ увѣщевалъ Варду разорвать незаконную связь; но этотъ послѣдній не внималъ голосу патріарха; очень вѣроятно, что Варда на всѣ увѣщанія Игнатія отвѣчалъ тѣмъ, что отвергъ самый фактъ преступленія: вѣдь въ такихъ вещахъ обвинять кого

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) О. Герасимъ (Яредъ) провѣрилъ всѣ извѣстія греческихъ историковъ и писателей о преступленіи Варды, и пришелъ къ такому выводу: „итакъ всѣ передаютъ это дѣло, какъ молву, родившуюся по подозрѣнію, и никто не выдаетъ его за положительный фактъ“. Отзвыи о св. Фотіи. стр. 124. Примѣч.

либо на основаніи осязательныхъ фактовъ большею частію невозможно, и бываетъ трудно рѣшить, запирается или искренно говорить обвиняемый, если отвергаетъ самый фактъ преступленія. Какъ скоро увѣщанія не подѣйствовали, патріархъ рѣшается сдѣлать смѣлый шагъ. Онъ лишаетъ Варду св. причастія въ день Богоявленія. Это произошло публично ¹⁾ и можетъ быть въ Софійскомъ храмѣ. Фактъ единственный въ своемъ родѣ. Первое лице, послѣ императора, въ государствѣ, вынуждено перенести величайшій срамъ. Какіе толки на всемъ пространствѣ имперіи долженъ былъ возбудить этотъ скандалъ? Представимъ себѣ: чтобы вышло, если бы подобное же случилось въ одномъ изъ христіанскихъ государствъ въ новѣйшее время? Какъ слѣдовало бы поступить на мѣстѣ Игнатія, чтобы избѣжать общественнаго волненія, подрывающаго уваженіе къ самому правительству, если бы фактъ преступленія Варды и былъ несомнѣннымъ, рѣшать не беремъ... Извѣстно, что этотъ случай въ значительной степени повелъ къ тому, что императоръ лишилъ Игнатія патріаршаго мѣста. Послѣдній фактъ самъ по себѣ не важенъ: мало ли патріарховъ въ Византіи было лишено кафедры—всѣ примѣры и пересчитать трудно. Но на этотъ разъ низверженіе патріарха было началомъ событій огромной важности. Патріархъ проявилъ чрезмѣрную пастырскую ревность, а императоръ захотѣлъ защищать честь самаго правительства. Игнатій низложенъ... Но съ этого-то и начинается исторія раздѣленія церквей, послѣдствія котораго исчислить ни одинъ историкъ не въ состояніи, потому что ни одинъ историкъ не можетъ сказать, что было бы, если бы отпаденія Запада отъ Востока въ религіозномъ отношеніи не произошло. Патріархъ лишился своего патріаршаго мѣста. Безъ сомнѣнія, событіе печальное, въ особенности когда извѣстно, что низложенный не запятналъ себя никакимъ явно злымъ дѣяніемъ. Но что важнѣе, патріаршее мѣсто въ церкви, или сама Церковь? Отвѣтъ можетъ быть одинъ, и отвѣтъ совершенно вѣрный. Но хорошо ли сознавалъ эту простую истину па-

¹⁾ Nicet. Paphlag. col. 513.

триархъ Игнатій, принужденный оставить свое высокое положеніе? Исторія даетъ отвѣтъ отрицательный. Разсказываютъ, что Игнатій, впрочемъ послѣ колебаній въ пользу лучшихъ намѣреній, наложилъ непримѣрное запрещеніе на Византійскую церковь; именно, Анастасій бібліотекаръ говоритъ, что когда Игнатія низложили, то онъ связалъ Церковь, воспретивъ свою архипастырскою властію совершать въ ней безъ него священнодѣйствія ¹⁾). Если это свидѣтельство достоверно, то оно показываетъ, что Игнатій свои личные интересы ставилъ выше интересовъ Церкви, думалъ больше о своей чести, чѣмъ о спасеніи христіанскихъ душъ. Его біографъ Никита Пафлагонянинъ къ этому еще прибавляетъ извѣстіе, что Игнатій рѣшился претерпѣть всѣ мученія, лишь бы не сочли его добровольно отказавшимся отъ его патріаршаго достоинства ²⁾). Конечно, рядомъ съ такими фактами, въ которыхъ обнаруживалось, что пастырская ревность Игнатія не всегда отличалась осторожностію и благоразуміемъ, можно находить въ его дѣятельности и факты иного, лучшаго качества. Такъ въ полной яркости открывается духовная высота Игнатія по случаю полученнаго имъ отъ императора Михаила приказанія посвятить Михаилу мату Теодору и сестеръ его въ монахини насильственно. Для насъ въ настоящемъ разѣ не важно знать, почему императоръ захотѣлъ учинить такой насильственный поступокъ по отношенію къ кровнымъ своимъ роднымъ; но нельзя не отмѣтить того факта, что Игнатій, рѣшительно отказавшись исполнить волю царскую ³⁾, тѣмъ самымъ заявилъ, что онъ до глубины души былъ проникнутъ сознаніемъ своихъ пастырскихъ обязанностей.

Партія Игнатія и Игнатіанъ отличалась и нѣкоторыми другими чертами, свидѣтельствовавшими о родствѣ ея съ тѣми прежними партіями, которыя заявляли себя протестомъ противъ распоряженій и дѣйствій церковной власти. Партія

¹⁾ Anastasii Bibl. Praefatio in Conc. VIII general. Mansi. Concilia, tom. XVI, col. 3. Анастасій былъ современникомъ событій, но жилъ въ Римѣ.

²⁾ Nicet. Paphlago, col. 513.

³⁾ Ibid. col. 504—5.

Игнатія наследовала отъ времени патриарха Меѳодія нерасположеніе къ этому патриарху. Образъ дѣйствій Меѳодія, круто поступавшаго со Студитами, во всей вѣроятности, навелъ собѣ порицаніе въ партіи Игнатіанъ, во главѣ которой стоялъ такой почитатель монаховъ, какъ Игнатій. По крайней мѣрѣ самъ Игнатій считался, среди кружковъ ему враждебныхъ, „худителемъ“ Меѳодія¹⁾, а такимъ лицемъ могъ быть Игнатій только потому, что онъ сошелся со Студитами²⁾, разделяя ихъ воззрѣнія и нерасположеніе къ своему предшественнику. Правда, Анастасій бібліотекаръ, бывшій по своимъ симпатіямъ на сторонѣ Игнатія, старается напротивъ выставить этого патриарха почитателемъ Меѳодіевой памяти³⁾, но извѣстія его по этому вопросу не могутъ быть точны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію партій въ Византіи. Съ другой стороны, нужно сознаться, у историка нѣтъ твердыхъ фактовъ, которые бы доказывали, что партія Игнатія въ отношеніи къ патриарху Меѳодію шла по стопамъ Студитовъ Меѳодіева патриаршества; но за то историка не лишены возможности указать на одинъ фактъ, хотя и косвенный, но остающійся не безъ значенія въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу. Разумѣемъ строгость, какую показывалъ Игнатій къ Григорію Асвестѣ. Строгость эта будетъ для насъ совершенно непонятна, если мы не будемъ искать основанія для нея въ томъ, что Григорій былъ тѣсно связанъ многими отношеніями съ Меѳодіемъ: Меѳодій и Григорій Асвеста — оба были земляки, сиракузцы; очень вѣроятно, что Григорій былъ возведенъ въ архіепископа сиракузскаго именно Меѳодіемъ; быть можетъ, именно по желанію Меѳодія проживалъ онъ не въ своемъ кафедральномъ городѣ, а въ восточной столицѣ; наконецъ сохранился панегирикъ, написанный

¹⁾ Противники Игнатія были убѣждены: *quod patriarcha Ignatius derogator esset Methodii et idcirco quasi parricida habendus. Anastasii. Praefatio in conc. VIII. Ibid., col. 3.*

²⁾ Гергенпретеръ приписываетъ Игнатію честь примиренія Студитовъ съ Церковію. В. I, 354.

³⁾ *Praefatio in conc. VIII, col. 3.*

Григоріємъ въ честь Мееодіа ¹⁾. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что Григорій былъ очень близокъ къ Мееодію, а потому, если Игнатій выказываетъ нерасположеніе къ Григорію, то показываетъ его вслѣдствіе нерасположенія къ Мееодію. Другихъ причинъ строгаго отношенія Игнатія къ Григорію указать невозможно. Укажемъ еще черту, характеризующую Игнатіанъ и сближающую ихъ съ тѣми прежними партіями въ Византіи, которыя съ извѣстными промежутками выражали противодѣйствіе распоряженіямъ церковной патріаршей власти. Партіи протеста въ недавно прошедшія времена для достиженія побѣды надъ противною партіею любили обращаться за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ римскому папѣ. Эти партіи очень вѣрили въ авторитетъ римскаго епископа. Таеъ было, какъ нами указано было, при патріархѣ Тарасіи и еще болѣе и рѣшительнѣе при патріархѣ Никифорѣ. Тоже самое видимъ при патріархѣ Игнатіи, когда его партія вступаетъ въ борьбу съ противниками. Вотъ, на примѣръ, съ какими словами обращаются нѣкоторые приверженцы Игнатія, духовныя лица, къ папѣ Николаю, отъ лица патріарха (послѣ собора 861 года): „Игнатій, тиранически преслѣдуемый, испытавшій много золъ, и его товарищи по страданію, нашему господину, святѣйшему и блаженнѣйшему епископу, *патріарху всѣхъ каведръ*, наслѣднику князя-Апостола, вселенскому папѣ Николаю, со всею его высокоумною церковію Римскою, — спасеніе о Господѣ“. Такъ начиналась аппеляціонная жалоба Игнатіанъ къ папѣ, а въ заключеніе говорилось: „ты, святѣйшій господинъ, яви ко мнѣ (Игнатію) любвеобильное милосердіе и рцы съ великимъ Павломъ: есть ли кто изнемогающій, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ (2 Кор. 11, 29), вспомни о великихъ патріархахъ, твоихъ предшественникахъ: Фабіанѣ, Юліи, Иннокентіи, Львѣ, короче, о всѣхъ, кто боролся за истину противъ неправды, поревнуй имъ и явись мстителемъ за насъ“ ²⁾. На соборѣ Константинополь-

¹⁾ Hergenröther. В. I, 357—358.

²⁾ Theognosti. Libellus ad Nicolaum papam. Migne, Curs. patr. Gr. Ser. tom. 105, col. 856. 861. Эта записка написана была игуменомъ Теогиостомъ, жаркимъ приверженцемъ Игнатія, тотчасъ послѣ собора 861 года.

скомъ 869 года, гдѣ руководство дѣлами принадлежало партіи Игнатіанъ, было сдѣлано много уступокъ папскому престолу, и папа получалъ здѣсь отъ нихъ очень ясныя выраженія признательности (о соборѣ этомъ рѣчь будетъ послѣ). Въ кругахъ Игнатіанъ ходили рассказы о страшныхъ снахъ, какіе беспокоили будто враговъ Игнатія; но важны не самые сны, а то, что въ нихъ, по рассказамъ Игнатіанъ, является мстителемъ за Игнатія не кто другой, какъ апостоль Петръ, намѣстникомъ котораго, какъ извѣстно, считалъ себя папа, Петръ, — „обладающій ключами неба и служащій камнемъ, на которомъ Христосъ Богъ утвердилъ Церковь свою“¹⁾). Итакъ связи партіи Игнатіанъ съ папскимъ престоломъ не подлежатъ сомнѣнію. Есть еще одна черта, равно характеризующія византійскія оппозиціонныя партіи прежнихъ временъ и партію Игнатіанъ: первыя партіи, по числу членовъ, были немногочисленны; также немногочисленна была и партія Игнатія. Апелляція на дѣятельность собора Константинопольскаго 861 года, гдѣ партія Игнатіанъ потерпѣла поражение, представленная сторонниками Игнатія папѣ Николаю, подавала лишь отъ имени 10 митрополитовъ и 15 епископовъ²⁾), — число маленькое, если возьмемъ во вниманіе, что въ Византійскомъ государствѣ была не одна сотня архіереевъ. Соборъ 869, собранный для возстановленія Игнатія на патріаршей кафедрѣ, открылся буквально съ десяткомъ восточныхъ епископовъ.

Обращаемся къ характеристикѣ противоположной партіи Фотія и Фотіанъ. Св. Фотій (правиль Церковію дважды въ 857 — 867 и 877 — 886 г.) и его партія представляла во многомъ аналогическое явленіе съ тѣми партіями большинства, или господствующими партіями, которыя имѣли во главѣ патріарховъ Тарасія, Никифора и наконецъ Мееодія. Фотій занялъ византійскую патріаршую кафедру, вышедши изъ такой же общественной среды, изъ какой вышли ранѣе Тарасій и Никифоръ. Онъ былъ свѣтски воспитаннымъ че-

1) Nicet. Paphl., col. 533.

2) Theognosti. Libellus, col. 856.

ловѣкомъ, и прямо отъ высокихъ государственныхъ должностей перешелъ къ должности патріаршей, подобно тому какъ тоже было съ двумя, сейчасъ поименованными патріархами. Онъ, Фотій, и его партія держались того примирительнаго образа дѣйствования въ церкви, какого ранѣе держались и Тарасій, и Никифоръ, и Мееодій. Не идти противъ теченія, а управлять теченіемъ, во имя благоденствія Церкви и государства—было стремленіемъ Фотія и Фотіанъ. Фотій, вступая на патріаршую кафедру при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ онъ взшелъ, одушевленъ былъ желаніемъ водворить спокойствіе во взволнованномъ обществѣ и обуреваемой смутами церкви. Онъ захотѣлъ принять въ свои руки патріаршію жезлъ только тогда, когда узналъ, что низверженный патріархъ далъ формальное согласіе избрать на мѣсто него другаго патріарха ¹⁾. Правда, это свое рѣшеніе подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ слишкомъ рьяныхъ сторонниковъ, Игнатій вскорѣ измѣнилъ, но этого продвигать было невозможно ²⁾. Онъ, Фотій, позволяетъ посвятить себя только тогда, когда его избраніе въ патріархи прошло на константинопольскомъ соборѣ блистательнымъ образомъ, когда лишь пятеро епископовъ подали отрицательные голоса, т.-е. высказались противъ Фотія ³⁾. При такихъ условіяхъ рѣшается Фотій принять бремя управления церковію Византійскою. Это было дѣйствительное бремя, потому что всѣ и каждый ожидалъ отъ новаго патріарха исполненія своихъ надеждъ. И все показываетъ, что Фотій въ самомъ дѣлѣ желалъ умиротворить всѣхъ, насколько это въ силахъ былъ сдѣлать одинъ человекъ съ недюжиннымъ умомъ. Онъ не хотѣлъ поставлять себя въ какія-либо враждебныя отношенія къ партіи Игнатіанъ. Чтобы успокоить ее, утѣшить и заставить забыть печали, онъ далъ Игнатію письменное увѣреніе, что онъ будетъ почитать бывшаго патріарха, какъ

¹⁾ Metrophanis metropolitae epist. ad Manuelem. Современникъ, Митрофанъ смирнскій, говоритъ: „Игнатій далъ соизволеніе избрать (вмѣсто него самого) патріарха для Церкви“. Mansi. Concil. Tom. XVI, 416. Это—свидѣтельство ревностнаго приверженца Игнатія.

²⁾ Объ этомъ было замѣчено выше.

³⁾ Metrophanis. Epist. ad Manuel. Mansi, XVI, 416.

отца¹⁾. Игнатіане въ послѣдствіи жаловались, что это была не больше какъ хитрость и лицемеріе со стороны Фотія. Но говорить такъ значитъ клеветать на знаменитаго патріарха. Удостовереніе, выданное Фотіемъ Игнатію, это паратрафъ его программы примирительной церковной политики. Если же скоро установились между Фотіемъ и Игнатіемъ натянутыя отношенія и даже болѣе, — то въ этомъ виновенъ Фотій, такъ какъ Игнатіане подъ вліяніемъ честолюбивыхъ стремленій сдѣлали первый шагъ къ уничтоженію мира между бывшимъ и новымъ патріархами: они собрали небольшой, но публичный соборъ въ Константинополѣ и предали Фотія анаемѣ²⁾. Могъ ли предвидѣть подобный случай новый патріархъ? Въ примирительномъ духѣ дѣйствовалъ Фотій и въ отношеніи къ свѣтскому правительству, столь недовольному Игнатіемъ. Съ императоромъ Михаиломъ III, несмотря на его легкомысліе и дурныя качества, Фотій все время находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. Правда, не видно, чтобы новый патріархъ обличалъ Михаила за дурную жизнь, Михаила, который, за безпорядочное поведеніе прозванъ былъ нелестнымъ именемъ „Пьянаго“; но если не обличалъ публично, во избѣжаніе скандала, то, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, дѣйствовалъ на него путемъ кроткихъ внушеній и, повидимому не безъ успѣха³⁾. Съ Вардою Фотій былъ и остался на дружественной ногѣ, и безъ сомнѣнія, не лишалъ его причастія, несмотря на слухи, будь они вѣрны или невѣрны, относительно зазорной связи Варды со вдовою-невѣсткою. Когда правительство, изъ ненависти къ Игнатію, подняло тоненія на него и жаркихъ его приверженцовъ, то Фотій, хотя и зналъ, что всякое заступничество за преслѣдуемыхъ будетъ принято неблагопріятно, однакожъ писалъ письма съ просьбою смягчить строгости, но не считалъ дѣломъ благоразумнымъ слишкомъ настаивать на этомъ и стано-

1) Nicet. Paphl. col. 513.

2) Metrophanis. Epist. ad Man. Mansi, XVI, 416.

3) Герасима іером. „Отзывы о Фотіи“, стр. 131. Примѣч.

виться въ непріязненныя отношенія къ правительству¹⁾. Къ самому папѣ Николаю Фотій на первыхъ порахъ хотѣлъ поставить себя такъ, чтобы римскому епископу не на что было жаловаться; конечно, онъ не отвергъ бы помощи со стороны Рима, направленной къ упорядоченію византійскихъ церковныхъ дѣлъ, и принялъ бы ее съ благодарностію, но и только. Идея церковнаго братства, на началахъ независимости Церкви, была руководителемъ Фотія въ сношеніяхъ съ Римомъ. Мира и взаимнаго уваженія, а не споровъ желалъ онъ. Вотъ программа миротворной дѣятельности, какую начерталъ себѣ Фотій. И если эта программа лишь въ малой части осуществилась, въ этомъ виновать не Фотій, а стеченіе самыхъ непредвидѣнныхъ историческихъ обстоятельствъ. Въ томъ, что мы сказали о примирительныхъ намѣреніяхъ Фотія, нельзя не видѣть, что этотъ патріархъ желалъ управлять Церковію, руководясь правилами той церковной „экономіи“, которая нѣкоторыхъ прежнихъ патріарховъ, именно Тарасія и Никифора побуждала быть осторожными и снисходительными въ церковной дѣятельности. И въ другихъ отношеніяхъ Фотій и его партія напоминали характеристическія черты прежнихъ партій большинства. Фотій замѣтно сближается съ этими послѣдними. Въ защиту своего собственнаго посвященія прямо изъ мірянъ онъ ссылается нерѣдко на примѣры Тарасія и Никифора. А что касается до Мееодія, то этотъ въ партіи Фотіанъ всегда ставился высоко и считался человѣкомъ образцовымъ. Фотій былъ явнымъ и признательнымъ почитателемъ памяти Мееодія; онъ готовъ былъ признать „отцеубійцею“ того, кто непочтительно относился къ имени и дѣятельности этого патріарха²⁾. Въ этомъ случаѣ съ Фотіемъ сходится и Григорій Авеста,—можно сказать, душа партіи Фотіанъ. Этого Григорія Фотій глубоко чтить и называлъ его, какъ и всѣ Фотіане, „великимъ Божиимъ человѣкомъ“³⁾. Почему

¹⁾ Разумѣемъ письма Фотія къ Вардѣ. (Photii. Epist. 6. Migne, tomus 102, col. 634—625.

²⁾ Anastasii Bibl. Praefatio in conc. VIII. Mansi, XVI, 3.

³⁾ Nicet. Paphl. Vita Igu., col. 512: μέγας ἀνθρώπος τοῦ Θεοῦ.

Фотій такъ чтилъ Григорія? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только такой: Григорій былъ искреннимъ почитателемъ Мееодія и за свою привязанность къ этому патриарху много пострадалъ отъ Игнатіанъ. Это вело къ тому, что Фотіане прониклись глубокимъ уваженіемъ къ Григорію Асвестѣ. Можно сказать, что Фотіане жили преданіями, дошедшими до нихъ отъ временъ церковной дѣятельности Мееодія, а въ чемъ они заключались, мы уже знаемъ. По своимъ отношеніямъ къ Мееодію партіи Игнатіанъ и Фотіанъ сильно отличались одна отъ другой. Церковныя партіи, представляемыя Тарасіемъ и Никифоромъ съ ихъ приверженцами, не любили льстить и угождать римскимъ епископамъ. Эти партіи стояли на сторонѣ самостоятельности и независимости Византійской церкви. Лишь партіи мевъшинства при нихъ ждали какого-то „спасенія“ изъ Рима. Тоже было при Фотіи. Фотій и Фотіане холодно относились къ папамъ, — они не заискивали предъ римскимъ первосвященникомъ. Впрочемъ эта черта столь извѣстная, что достаточно о ней лишь напомнить. Въ этомъ отношеніи какое громадное различіе между Игнатіанами и Фотіанами! Не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и еще одну черту, отличающую Фотіанъ отъ Игнатіанъ. Фотій былъ человѣкъ замѣчательно образованный, а потому онъ горячо стоялъ за просвѣщеніе. Если сравнимъ въ этомъ отношеніи партіи Игнатія и Фотія, то увидимъ, что разница между ними простиралась очень далеко. Игнатій частію оставался равнодушенъ къ просвѣщенію, частію даже преслѣдовалъ его. Сторонникъ Игнатія, Анастасій бібліотекаръ не скрываетъ того, что Игнатій даже преслѣдовалъ образованіе, прикрываясь побужденіями благочестивыми ¹⁾. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Игнатіане даже ставили въ упрекъ Фотію его ученость. Этими они съ одной стороны свидѣтельствовали о томъ духѣ, какой господствовалъ у нихъ, а съ другой ясно показывали, какъ много Фотіане въ этомъ случаѣ отличались отъ Игнатіанъ.

¹⁾ Anastasii. Ibidem, col. 6: quid patriarcha Ignatius ageret, si suo tempore quaelibet haeresis per syllogismos philosophorum exorta pateceret, qui scilicet viros exterioris sapientiae repulisset.

Никита Пафлагонянинъ писалъ о Фотіи: „онъ не зналъ и не желалъ знать, что кто хочетъ сдѣлаться мудрымъ, долженъ сдѣлаться юродивымъ, чтобы быть мудрымъ; онъ утвердилъ свой умъ на нетвердомъ основаніи, на мірской мудрости и надменномъ разумѣ, воспитанномъ не во Христѣ“. Его образование сдѣлалооь для него руководителемъ ко всякому нечестію и всему соблазнительному“¹⁾). Много возникло извѣстій относительно Фотія, въ которыхъ его ученость и образование рисуется въ чертахъ крайне непривлекательныхъ и которыя сочинены лицами, враждебно расположенными къ этому знаменитому патріарху²⁾). Едва ли можно сомнѣваться, что разность точекъ зрѣнія на пользу и важность образования служила къ обостренію вражды между двумя партіями Игнатіанъ и Фотіанъ³⁾). Наконецъ, кажется, слѣдуетъ сдѣлать замѣчаніе и еще объ одной чертѣ, правда, не особенно важной, отличающей изучаемыя нами партіи. Игнатій находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ византійскимъ монахамъ, въ частности къ Студитамъ; монахи съ своей стороны платили благочестивому патріарху преданностію и готовностію ему служить⁴⁾). Далекое не въ такихъ отношеніяхъ къ монахамъ былъ Фотій. Было бы слишкомъ много сказать, что онъ неприязненно смотрѣлъ на монаховъ, но онъ во всякомъ случаѣ не былъ почитателемъ современнаго ему монашества и думалъ о не-

¹⁾ Nicet. Paphl. Vita Ignat. col. 509.

²⁾ Symeon Magister. Annales, p. 671—673. Edit. Bonn. Симеонъ жилъ въ среднѣ уже X вѣка.

³⁾ Авторъ „Правды вселенской Церкви“ такъ рассуждаетъ по этому вопросу: „какъ это часто случается, пастырская простота Игнатія, воспитаннаго въ заточеніи, чуждалась всякой внѣшней учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма губительнаго для Церкви по причинѣ глубокихъ познаній. Только кесарь Варда началъ опять подымать науки изъ долгаго ихъ забвенія, которое могло внушать людямъ, весьма впрочемъ благочестивымъ, совершенное къ нимъ охлажденіе и даже недовѣріе къ сословію ученыхъ, а на оборотъ людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, недоброжелательство къ пренебрегающимъ оными“. Стр. 256—7.

⁴⁾ Напримѣръ, Феогностъ не убоился написать апелляціонную записку къ папѣ по дѣлу Игнатія, послѣ низверженія послѣдняго.

обходимости разныхъ реформъ въ монашествѣ, а о реформахъ можетъ помышлять тотъ, кто сознаетъ въ извѣстномъ учрежденіи недостатки, требующіе исправленія и врачеванія¹⁾). Монахи очень скоро поняли существенное различіе Игнатія и Фотія въ отношеніи къ монашеству, и отторгнутся отъ власти послѣдняго, становясь на сторонѣ перваго. Это въ особенности должно сказать о Студитахъ, современникахъ Фотія, съ ихъ архимандритомъ Николаемъ. Въ средѣ Студитовъ стали слышаться тѣже возраженія противъ законности патріаршей власти Фотія, какія здѣсь же выставлялись нѣкогда и противъ Тарасія и Никифора; Студиты ставили въ упрекъ Фотію то, что онъ возведенъ въ епископскій санъ непосредственно изъ мірскаго званія. Во времена патріарха Фотія „среди Студитовъ живы были еще традиціи, перешедшія отъ временъ Платона и Θεодора“. И не одни Студиты стали въ натянутыя отношенія къ патріарху Фотію²⁾). Мы сказали выше, что партія Фотіанъ представляетъ собою возобновленіе, хотя и не совсѣмъ въ чистомъ видѣ, тѣхъ партій, которыя прежде составляли большинство, противодѣйствовавшее меньшинству, — подъ главенствомъ Тарасія, Никифора и Меѳодія. Однимъ изъ доказательствъ этого мнѣнія служитъ то, что партія Фотіанъ была всегда сильна и могуча, по численности ея членовъ, въ сравненіи съ партією Игнатія. Какъ увидимъ впоследствии, Фотій, безъ всякаго усилія, собиралъ многочисленныя по количеству членовъ соборы въ защиту своего дѣла, столь многочисленные, что они напоминали блестящіе изъ соборовъ вселенскихъ.

Такъ можно представлять себѣ характеристическія черты двухъ извѣстныхъ въ исторіи IX вѣка партій — Игнатіанъ и Фотіанъ.

1) Подъ руководствомъ Фотія составлены правила собора 861 года, имѣвшія цѣлю, между прочимъ, исправленіе монашеской жизни его времени. Слич. Герасима: „Отзывы о Фотіи“, стр. 136—7.

2) Hergenröther. В. 1, 393—396.

І. Сношенія Византіи и Рима съ начала патріаршества Фотія до собора 861 года.

Императоръ Михаилъ III, — папа Николай, — патріархъ Фотій; — посланіе Фотія къ папѣ, — отвѣты папы императору и Фотію: оцѣнка этихъ отвѣтовъ.

Византія послѣднихъ вѣковъ своего существованія часто была мѣстомъ всякихъ беспорядковъ и неустройства. Это давало врагамъ ея готовое средство пользоваться положеніемъ ея въ своихъ интересахъ. Такихъ элементовъ, благопріятствующихъ враждебнымъ замысламъ противъ нея, въ особенности много скопилось въ царствованіе Михаила III. И правительство и церковь представляли довольно элементовъ внутренняго разъединенія, которые мѣшали правильному строю государственному и церковному. Михаилъ III взомель на престолъ путемъ революціи (856 г.). Доселѣ, за его несовершеннолѣтіемъ государствомъ правила его мать Θεодора и, кажется, не безъ успѣха. Но Михаилъ, наскучивъ опекою матери, при содѣйствіи Варды, брата Θεодоры, низвергаетъ мать и провозглашаетъ себя правителемъ государства, хотя ему было лѣтъ 15 или 16. Отсюда остественно общество должно было раздѣлиться на двѣ партіи: одна сочувствовала низверженной Θεодорѣ и держалась ея стороны, другая напротивъ, по тѣмъ или другимъ цѣлямъ, примкнула къ новому правительству. Такое разъединеніе общества могло благопріятствовать интригамъ со стороны, если почему-либо подобныя интриги казались нужными. Эта вражда двухъ сторонъ съ теченіемъ времени не только не могла изсякнуть, но должна была возрастать, потому что общество не могло быть довольнымъ ни самимъ Михаиломъ, ни его главнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ — Вардою, впоследствии сдѣлавшимся по волѣ Михаила кесаремъ. Михаилъ, получившій небрежное воспитаніе, больше

зналъ толкувъ играхъ цирка, въ качествахъ вина, въ породахъ лошадей, чѣмъ въ управленіи государствомъ; его кутежи и мотовство дѣлали его въ высшей степени ненавистнымъ для народа ¹⁾. Варда, съ своей стороны, хотя и отличался любовію къ наукамъ и военными успѣхами, однакожъ былъ не меньше испорченъ нравственно, какъ и Михаилъ, и его правленіе государствомъ вмѣсто Михаила дѣлало его въ глазахъ народа узурпаторомъ. Такимъ образомъ въ государствѣ явилось броженіе умовъ, которымъ можно было пользоваться желающимъ пользоваться имъ.—Церковь съ своей стороны также носила въ своей средѣ элементы смуть. Патріархъ Фотій возведенъ былъ на константинопольскую кафедру вслѣдствіе низверженія, по волѣ Михаила III и Варды,—патріарха Игнатія (857 г.). Игнатій имѣлъ многія достоинства, которыя дѣлали его низверженіе достойнымъ всякаго сожалѣнія: онъ былъ человѣкъ самой строгой жизни, отличался ревностію къ своимъ обязанностямъ, былъ поборникъ православія въ противодѣйствіи къ неугасшему еще тогда иконоборству, былъ царственного рода, имѣлъ довольно печальную юность. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что число его почитателей было довольно велико и послѣ того какъ Игнатій лишенъ былъ престола. Эта партія должна была стать во враждебныя отношенія къ нововозбранному патріарху, хотя новый патріархъ Фотій имѣлъ всѣ достоинства, чтобы быть замѣчательнымъ пастыремъ церкви. Тяжелыя гоненія, которымъ правительство подвергнуло Игнатія, увеличивая симпатіи Игнатіевой партіи къ низверженному патріарху, разжигали нерасположеніе ея къ новому патріарху. Вина правительства безъ всякихъ достаточныхъ основаній переносилась на личность главы церковнаго управленія. Партія Игнатія являлась непримиримою въ отношеніи къ Фотію.

Такимъ положеніемъ византійскаго общества вздумалъ воспользоваться въ своихъ интересахъ папа Николай I, подобно тому, какъ онъ пользовался въ подобныхъ же

¹⁾ Hergenröther. Photius Patr. von Const. Band. 1. Seit. 345—50, Сл Schlosser. Geschichte der bilderstürm. Kaiser (1812), S. 573—5.

интересахъ и подобными обстоятельствами на Западѣ. Государственныя и династическія смуты при преемникахъ Карла V. давали средства этому папѣ громко заявлять на Западѣ, что онъ не только глава церкви, но глава надъ всѣми царями земли. Личный характеръ Николая, твердый и рѣшительный, позволялъ ему съ полною послѣдовательностію идти къ своей цѣли и отступать только тогда, когда истощались всѣ средства къ достиженію желаемого. Николай изъ всѣхъ папъ до его времени поработалъ наиболѣе въ видахъ возвышенія папскаго могущества на западѣ. И пусть даже въ частныхъ случаяхъ онъ оставался ни при чемъ, но важно то, что идея папской власти въ ея средневѣковомъ величій, въ лицѣ его, созрѣла и передалась его преемникамъ уже въ готовомъ видѣ. Западные хроникеры такъ именно и смотрѣли на современнаго имъ папу Николая. Одинъ изъ нихъ говорилъ: „послѣ блаженнаго папы Григорія Великаго не возставало подобнаго Николаю; ибо онъ повелѣвалъ царями и тиранами съ такою властію, что по истинѣ можно было принять его за владыку вселенной“¹⁾. И другой писатель, позднѣйшій, изъ членовъ іезуитскаго ордена, говоритъ о Николаѣ, восхваляя его въ томъ же отношеніи: „въ девятилѣтнее свое правленіе онъ вознесъ власть первосвященническую гораздо выше, нежели когда-либо она была, особенно въ отношеніи императоровъ, королей, князей, патріарховъ и епископовъ, обращаясь съ ними, въ тѣхъ случаяхъ, когда полагалъ, что они нарушаютъ преимущество его престола, гораздо круче, нежели кто либо изъ его предшественниковъ“²⁾. Авторъ извѣстнаго сочиненія о Фотіи, Гергенретеръ также находитъ, что Николай былъ истиннымъ носителемъ папской идеи. Онъ говоритъ: „мужъ болѣе дѣла, чѣмъ слова, Николай, какъ истинный ратоборецъ Божій, управлялъ церковію вполне побѣдоносно, являя ее вселенскою и съ полнымъ авторитетомъ“. И это потому, по автору, что Николай былъ исполненъ сознанія величія папской власти. „Привиллегіи

1) Правда вселенской церкви. Стр. 194.

2) Тамъ же.

Римской церкви (главенство)—это было твердымъ убѣжденіемъ папы,—суть спасительное средство для всей церкви; онѣ—оружіе противъ каждаго вторженія несправедливости¹⁾. Таковъ былъ папа Николай I, современникъ византійскаго императора Михаила III и первыхъ лѣтъ патриаршества Фотія. Послѣдовательный въ проведеніи своей папской теоріи и вліятельный на Западѣ, папа хотѣлъ приложить свою теорію и къ практикѣ церкви Византійской. Смуты, какими пользовался папа на Западѣ, были, какъ мы видѣли, и въ Византіи. Оставалось только воспользоваться удобнымъ случаемъ²⁾. Казалось, нужно было стать на ту или другую сторону изъ византійскихъ политическихъ партій, такъ или иначе подействовать на нее, войти въ связь съ одною изъ церковныхъ партій и овладѣть ею и, при помощи такихъ средствъ начать пропаганду своей папской власти въ средѣ Византійской церкви, столь упорной въ борьбѣ съ папскими притязаніями доселѣ. Выгодно было перетянуть на свою сторону партію, держащую въ рукахъ своихъ государственную власть, и войти въ достойныя папы и его стремленій сношенія съ правящимъ церковію представителемъ высшей іерархической власти въ данную минуту, а въ случаѣ неустойки можно попридержаться на случай и партій, лишенныхъ власти...

Но папа жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Византійская церковь противопоставила ему съ своей стороны борца въ лицѣ патриарха Фотія, и папа долженъ былъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. Фотій принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ личностямъ въ церковной исторіи и имѣлъ всѣ качества, чтобы сокрушить рогъ гордыни Римской. Онѣ отличался такою глубокою ученостію, какою никто другой не отличался въ его время на всемъ Востокѣ и Западѣ. Это было важнымъ преимуществомъ Фотія, лишившимъ папу возможности сражаться съ этимъ врагомъ его же оружіемъ. Онѣ вполнѣ былъ свѣдущимъ въ свѣт-

1) Band 1. S. 551.

2) Neander. Allgem. Geschichte der christ. Religion und Kirche. 1856-3-te Auflage. B. II. S. 309.

скихъ наукахъ, какія входили въ кругъ тогдашняго образованія, проводя цѣлыя ночи надъ изученіемъ книгъ, со всѣхъ сторонъ имъ собираемыхъ: въ этомъ отношеніи „онъ превосходилъ не только всѣхъ своихъ современниковъ, но и могъ поспорить съ знаменитѣйшими учеными прежнихъ временъ“. Его ученость для своего времени казалась чѣмъ-то сверхъестественнымъ, демоническимъ ¹⁾. Его глубокая свѣтская ученость восполнялась притомъ замѣчательно-серьезнымъ знакомствомъ съ богословскими науками. Въ то время богословское образованіе въ Византіи входило въ понятіе образованности вообще: нельзя было считаться и образованнымъ, не будучи свѣдущимъ въ богословіи. Словомъ: со стороны образованія никакой папа тѣхъ временъ не могъ становиться въ уровень съ ученѣйшимъ Фотіемъ. Этотъ патріархъ отличался необыкновеннымъ даромъ привлекать къ себѣ умы. Его нравственное вліяніе на своихъ учениковъ,—такъ какъ его домъ былъ „академіей“, куда стекались ювоши для изученія наукъ,—было велико еще прежде чѣмъ онъ занялъ константинопольскую кафедру; по его описанію, ученики любили его болѣе, чѣмъ сыны своихъ отцовъ ²⁾. Отсюда съ принятіемъ патріаршескаго жезла, его вліяніе на общество должно было быть сильнымъ; церковь въ лучшихъ своихъ членахъ должна была скорѣе слушаться и внимать голосу своего пастыря, чѣмъ мнимаго преемника князя апостоловъ. Близость ко двору, прохожденіе имъ до патріаршества высшихъ государственныхъ должностей (государственнаго секретаря и начальника лейбъ-гвардіи) дѣлали его знакомымъ съ настроеніемъ, господствовавшимъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ государства. И если борьба церкви Византійской противъ папскихъ притязаній въ это время идетъ такъ успѣшно и къ такой невыгодѣ для папства, то въ этомъ случаѣ церковь обязана Фотію, который умѣлъ пользоваться своимъ знаніемъ настроенія, господствовавшего въ правительственныхъ сферахъ, или даже создавать настроеніе, благоприятствующее

¹⁾ Hergenröther B. 1. S. 324—325.

²⁾ Ibidem. S. 333—5.

его благороднымъ стремленіямъ. Фотій наконецъ отличался такою же энергіею и силою воли ¹⁾, какою и папа Николай. Разъ усвоивъ себѣ данную идею, онъ умѣлъ удержаться съ нею при всѣхъ обстоятельствахъ, онъ былъ послѣдователемъ до упорства. Его борьба съ Николаемъ есть величайшее заявленіе силы воли у Фотія: онъ оставался вѣренъ своей миссіи охранителя правъ церкви восточной, и ничто никогда не измѣняло этого принятаго имъ пути. Все это въ совокупности сдѣлало память Фотія священною для церкви восточной, но въ то же время сдѣлало его настолько ненавистнымъ для церкви римской, что и доселѣ ни одинъ церковный писатель, папистъ, не можетъ равнодушно говорить о Фотіи.

Папа Николай и Фотій были достойными соперниками, сошедшимися по судьбамъ исторіи въ знаменитой взаимной борьбѣ.

Избраніе Фотія въ патріархи, якобы незаконнымъ образомъ, было поводомъ къ борьбѣ церкви Римской съ Византійскою при императорѣ Михаилѣ. Новое правительство Михаила III, низвергшее императрицу Θεодору, вскорѣ, по неудовольствію на патріарха Игнатія, низвергаетъ и этого послѣдняго (въ концѣ ноября 857 г.). Низверженіе Игнатія оставляло кафедру константинопольскую праздною. Нужно было избрать человѣка, который своею личностію и качествами примирялъ бы общество Византійское съ утратой имъ прежняго патріарха, — человѣка высокой нравственной жизни. Выборъ двора палъ на Фотія, небывшаго дотошъ клирикомъ, но занимавшаго весьма высокій государственный постъ и обладавшаго рѣдкими достоинствами. Нельзя думать, чтобы выборъ состоялся по инициативѣ императора Михаила, который, вслѣдствіе безпечности, едва ли заботился много о томъ, кто смѣнать Игнатія. Эта инициатива скорѣе принадлежитъ Вардѣ, дядѣ императора, заправлявшему ходомъ дѣлъ государственныхъ вмѣсто самого императора и, при всѣхъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ, отличавшемуся просвѣщенными стремленіями и любовію къ наукѣ.

¹⁾ Hergenröther. S. 375.

Можно думать, что Варда высоко цѣнилъ необыкновенную образованность Фотія и хотѣлъ дать послѣдному болѣе обширное поприще для его дѣятельности, чѣмъ какое представляла, хотя и высокая, государственная служба этого мужа. Санъ патріарха тогда стоялъ почти въ уровень съ достоинствомъ императора. Фотій, исполненный стремленія служить пользамъ своего отечества, принялъ предложенное ему мѣсто, хотя чувствовалъ, какъ много придется перенести ему отъ нерасположенія къ нему партіи Игнатіевой, въ чемъ онъ и убѣдился горькимъ опытомъ впоследствии. Впрочемъ воля двора не насильственно дала Константинопольской церкви Фотія въ патріархи. Избраніе двора было подтверждено еще до посвященія Фотія соборомъ епископовъ ¹⁾. Соборъ этотъ былъ замѣчательно единодушенъ. Только пятеро рѣшительныхъ приверженцевъ Игнатія отказались признать его патріархомъ; остальные же члены собора и въ томъ числѣ расположенные къ Игнатію, согласились избрать Фотія въ патріархи на условіи, что послѣдній будетъ обращаться съ первымъ съ сыновнею почтительностію ²⁾. Ради религіозныхъ интересахъ, церковь Константинопольская не могла долго оставаться сиротствующею, и посвященіе Фотія произошло съ быстротою: въ продолженіе шести дней онъ постепенно получилъ посвященіе въ монаха, чтеца, иподіакона, діакона, священника и наконецъ въ праздникъ Рождества Христова облеченъ былъ достоинствомъ патріаршимъ (857 г.). Но не долго новый патріархъ наслаждался церковнымъ миромъ. Раздраженная гоненіями правительства противъ Игнатія, партія Игнатія разорвала союзъ общенія съ Фотіемъ, произнесла отлученіе на него. Церковь Константинопольская, оберегая честь патріарха, отвѣтила съ своей стороны такимъ-же отлученіемъ на неразумительныхъ приверженцевъ низверженнаго патріарха.

Ближайшимъ обстоятельствомъ, послужившимъ, какъ показалось папѣ, удобнымъ случаемъ вмѣшаться во внутреннія дѣла церкви Константинопольской, было окружное посланіе

¹⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. IV. S. 220. Freiburg in Br. 1860.

²⁾ Hefele 221. Hergen. 381. Neand. 308.

Фотія, отправленное, по обычаю церковному, наряду съ другими церквами и къ церкви Римской и извѣщавшее о событіи вступленія новаго патріарха на престоль. Отправка посланія почему-то опоздала сравнительно съ посвященіемъ Фотія въ патріарха и, если вѣрна дата, указываемая Гергенретеромъ, константинопольское посольство прибыло въ Римъ уже въ 860 г. По какой причинѣ такъ опоздано посольствомъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ не потому, что Фотій боялся заявить о своемъ вступленіи предъ грознымъ судомъ папы, какъ думаетъ Гергенретеръ ¹⁾, ибо вмѣстѣ съ медленіемъ отправки посольства въ Римъ, медлится отправленіемъ такого же и къ другимъ патріархамъ, которыхъ уже вовсе нельзя было страшиться Фотію, при ихъ полномъ отчужденіи отъ дѣлъ церкви Константинопольской, по политическому положенію ихъ кафедръ. Вмѣстѣ съ окружнымъ посланіемъ Фотія отправлено было въ Римъ къ папѣ Николаю и письмо отъ императора, но послѣднее не сохранилось для насъ.—Окружное посланіе Фотія папа принялъ за призывъ вмѣшаться съ своею властію и авторитетомъ въ дѣла церкви Константинопольской ²⁾; хотя письмо это, по отзыву Гетте ³⁾, „достойное во всѣхъ отношеніяхъ великаго писателя и великаго епископа“, ничуть не давало съ своей стороны какихъ либо основаній къ подобному шагу. Правда, Фотій въ своемъ письмѣ говоритъ о тяжести своего положенія, какъ патріарха, можетъ быть, разумѣя возникшія между нимъ и партією Игнатія непріязненные отношенія, но онъ говоритъ вовсе не для того, чтобы искать санкціи своему посвященію у папы. Онъ ни полусловомъ не даетъ знать ни о чемъ подобномъ. Изъ разсмотрѣнія своего положенія Фотій приходитъ только къ тому, что онъ проситъ у папы одного—молитвы. „Зачѣмъ пишу я это?“—спрашиваетъ себя Фотій и отвѣчаетъ: „для того чтобы чрезъ ваши молитвы, — поскольку мы видимъ

1) S. 406.

2) Neand. 109. Слѣч. Guettée, la Papauté schismatique... p. 285. Paris, 1863.

3) Тамъ же 284.

себя призванными къ руководительству и управленію вѣренными намъ стадомъ,—чрезъ ваши молитвы могли развѣяться облака затрудненій, насъ окружающія. Ибо какъ корабль, движимый попутнымъ вѣтромъ, радуется кормчаго, такъ и церковь, преуспѣвая въ добродѣтеляхъ и совершенствѣ, радуется того, кто ея предстоятель и вождь, и дамимодуть для него облака нерѣшительности и печальной задумчивости“¹⁾). Никакихъ другихъ отношеній Фотій не имѣетъ въ виду устанавливать, кромѣ отношеній взаимной любви, основанной на единствѣ вѣры. Отсюда, подробно излагая въ посланіи свое исповѣданіе вѣры, онъ замѣчаетъ: „лучшее общеніе есть общеніе вѣры, она есть важнѣйшая основа истинной любви, поэтому я и излагаю вкратцѣ свое исповѣданіе вѣры, и вы тѣмъ съ большею теплотою и готовностію удостойте своихъ молитвъ, чѣмъ больше—наша склонность къ вамъ“²⁾). Въ заключеніе своего письма Фотій еще разъ даетъ замѣтить, что онъ ничего не желаетъ и ничего не ищетъ со стороны папы, кромѣ простаго общенія съ нимъ, какъ епископомъ, равнымъ съ нимъ по достоинству. „Предложивъ свое исповѣданіе вѣры и изобразивъ въ вѣрномъ описаніи наше положеніе, вторично просимъ, какъ мы уже и просили, вашихъ молитвъ, чтобы Богъ былъ милостивъ и благосклоненъ къ нашимъ предначинаніямъ, чтобы всякій корень соблазна и камень преткновенія былъ устраненъ отъ церкви, и мы могли бы порученное намъ стадо добро пасты“³⁾). Вотъ и все, чего хотѣлъ и просилъ Фотій отъ папы Николая. Мудрая осторожность пастыря константинопольскаго, встрѣчавшаго затрудненія въ прохожденіи его высокой должности внутри своей церкви, не ищетъ помощи у папы: патріархъ хорошо понималъ, что всякая, выпрошенная помощь отъ папы дорога обходится получающему ее.

Не такъ думалъ папа Николай. Ему казалось, что Фотій и императоръ Михаилъ ищутъ санкціи на утвержденіе

1) Baronius. Annales ecclesiast. An. 859. N. 62.

2) Тамъ же. N. 63.

3) Тамъ же, 67.

Фотіева патриаршества. А потому Николай счелъ долгомъ не пропустить случая вмѣшаться во внутреннія дѣла церкви Византійской. Папа не замедлилъ отвѣтомъ на присланныя ему письма императора и Фотія: онъ отправляетъ отъ себя посольство, состоящее изъ двухъ епископовъ: Захаріи и Родоальда. Этимъ двумъ лицамъ поручено было ни болѣе, ни менѣе какъ изслѣдовать на мѣстѣ дѣло: о низверженіи Игнатія и восшествіи на константинопольскій престолъ Фотія, и о томъ, что окажется доложить его святѣйшеству, папѣ Николаю. Онъ считалъ своею обязанностію самому положить рѣшеніе по такому важному дѣлу. Письмо Николая къ императору Михаилу обширнѣе и богаче содержаніемъ; письмо же къ Фотію состоитъ лишь изъ немногихъ строкъ и кратко повторяетъ содержаніе перваго. Письмо къ императору съ полною ясностію рисуетъ, какими желаніями и интересами одушевленъ былъ папа, вступая въ сношеніе съ Константинополемъ. Уже первыя строки этого письма показываютъ, что папа желаетъ, чтобы восточная церковь признала его судьбою въ дѣлѣ Фотія. Папа выходитъ изъ идеи, что апостоль Петръ есть князь апостоловъ, что эта власть отъ него перешла къ римскимъ первосвященникамъ, и послѣдніе суть такіе же духовные князья всей церкви, какъ Петръ, князь всѣхъ апостоловъ. „Искушитель всѣхъ, — такъ начинается свое письмо Николай, — вручая начальство божественной власти избраннымъ апостоламъ своимъ и на твердой вѣрѣ князя апостоловъ упрочивая ея твердость, ему предназначилъ и первую каеэдру (римскую), ибо гласомъ Господнимъ сказано: „ты еси Петръ и на семъ камнѣ созижду церковь Мою“. И Петръ, получившій имя отъ твердости камня, который есть Христосъ, не перестаетъ утверждать зданіе вселенской церкви несокрушимымъ и пребывающимъ въ крѣпости вѣры, чтобы безуміе заблуждающихся не могло поколебать правоты вѣры, и поддерживаетъ тѣхъ, кто безтрепетно стоитъ за нее (папѣ?). И вотъ врата адовы, т. е. киченія умовъ злыхъ и нападеніе еретиковъ, не возмогутъ сокрушить единства той церкви“. Затѣмъ папа хвалитъ Михаила за то, что онъ обратился къ церкви Римской, якобы ища въ ней той по-

мощи, какую она раздаетъ повсюду въ видахъ единства церковнаго. Онъ находитъ, что Михаилъ обратился къ нему потому, что такъ принято было и нужно было: „да не нарушится пониманіе апостольскаго преданія“ ¹⁾, т. е. папская идея. И потомъ прямо говорить, что все случившееся въ Константинополѣ незаконно, потому что совершилось безъ соизволенія папскаго. Онъ не позволяетъ устранить Игнатія отъ кафедры. Папа говоритъ: „не разъ святыми отцами положено было узаконеніе, которое и ими самими соблюдалось, чтобы безъ согласія римскаго престола, римскаго первосвященника не происходило осужденіе никакого изъ нарушающихъ законы церковные. А у васъ, въ Константинополѣ собравшійся соборъ, не обращая вниманія на это, не побоялся наложить руку на сказанное узаконеніе, ибо этотъ соборъ, безъ согласія римскаго первосвященника, лишилъ патріарха Игнатія подобающей ему части“ ²⁾. Что за узаконеніе такое, на которое ссылается папа, и которое обязываетъ, въ случаѣ суда надъ епископомъ, окончательнаго рѣшенія дожидаться отъ римской церкви? Многіе историки думаютъ что здѣсь разумѣются такъ называемые лжеисидоровы декретали. Лжеисидоровы декретали — это былъ въ многомъ замозмышленный сборникъ папскихъ опредѣленій, благопріятныхъ для папской системы, только что появившійся около временъ Николая. Лживость его для современной намъ науки не подлежитъ сомнѣнію. Но въ темные вѣка средней исторіи они нашли себѣ приѣмъ и пользовались большимъ авторитетомъ. Понятно какъ мало подобныя декретали могли имѣть смысла въ приложеніи къ церкви Константинопольской и ея дѣламъ. Это была со стороны папы попытка привлечь подъ свою власть и церковь Константинопольскую; но такое желаніе папы, какъ показали послѣдствія, было тщетнымъ въ отношеніи къ Константинополю. Отвергая въ своемъ письмѣ къ императору, на указанномъ основаніи, устраненіе Игнатія отъ константинопольской кафедры и такимъ образомъ принимая

1) *Patrologiae Cursus*. Migne, t. 119, pag. 773.

2) Migne. Тамъ же, 774.

это дѣло въ свои руки, Николай съ другой стороны хочетъ взять въ руки и Фотія и съ этою цѣлю онъ усиливается доказать, что какъ Игнатій неправильно инагоженъ, такъ Фотій неправильно возведенъ на кафедру, ибо онъ возведенъ прямо изъ мірянъ, что папа считаетъ непопозволительною дерзостію, явнымъ нарушеніемъ законовъ. „Также незаконно, рассуждаетъ папа, что управлявшій толпою, одѣвавшійся въ мірскія одежды, избирается въ пастыри. О несказанная дерзость! Какъ будетъ управлять божественнымъ стадомъ, кто не научился господствовать надъ своею душою? Ибо кто не умѣетъ управлять жизнію своею, какъ слишкомъ скоро проведенный по церковнымъ степенямъ, какимъ образомъ, вдругъ избранный, онъ можетъ управлять жизнію другихъ? И въ преподаваніи свѣтскихъ наукъ никто не получаетъ имени учителя, если онъ не станетъ ученымъ, проходя степени наукъ. А Фотій вдругъ становится ученымъ, прежде чѣмъ быть учащимся; онъ возжелалъ быть учителемъ, прежде чѣмъ считаться ученикомъ. Прежде должно, быть слушателемъ, а потомъ наставникомъ, а этотъ, напротивъ принимая кафедру учителя, счелъ лучше сначала учить, а потомъ учиться, сначала освящать другихъ, потомъ освящаться, сначала просвѣщать, а потомъ просвѣщаться“¹⁾. Затѣмъ папа въ доказательство недозволительности посвященія изъ мірянъ ссылается на множество авторитетныхъ постановленій западнаго издѣлія. Онъ, напримѣръ, цитируетъ постановленія папъ: Целестина, Геласія, Льва, Адріана. Но эти доводы не могли конечно имѣть никакого значенія для Константинопольской церкви. Всѣ эти авторитеты имѣли не больше силы, какъ и согласіе самой Константинопольской церкви на избраніе Фотія изъ мірянъ. Только, съ признаніемъ за папою высшей духовной авторитетности надъ всѣми церквами, папскіе аргументы могли имѣть смыслъ въ отношеніи къ дѣйствіямъ Константинопольской церкви. Что же касается того, что папа находилъ Фотія недостаточно подготовленнымъ къ своей должности, то, если бы, и самъ папа пришелъ учиться къ Фотію, и онъ нашелъ бы,

¹⁾ Migne. Тамъ же, 774.

какъ мало основательности имѣютъ его сѣтованія о неподготовленности будто Фотія къ своему сану. Впрочемъ на этотъ пунктъ прекрасно отвѣчаетъ папѣ самъ Фотій, о чемъ мы скажемъ ниже.

И такъ, по воззрѣнію папы, Игнатій лишень достоинства неправильно, — не по чему другому, какъ по тому только, что это совершилось безъ согласія папскаго престола, — а Фотій незаконно возведенъ на кафедру константинопольскую. Чего же хочетъ папа при такихъ обстоятельствахъ? Ояъ хочетъ дѣло каждаго изъ нихъ требовать на свой судъ и отъ его праведнаго суда, по его мнѣнію, должно было зависѣть: должна ли константинопольская церковь стать на сторонѣ Фотія или Игнатія. Требованіе не малое! Послѣдовать волѣ папы значило-бы для цоркви константинопольской отказаться отъ своей самостоятельности и автономіи. Вотъ въ какихъ словахъ папа высказываетъ свое рѣшеніе касательно Фотія въ данномъ случаѣ: „признать посвященіе Фотія мы не можемъ (non possumus) пока наши послы, которыхъ мы отправили къ вамъ, не разъзнаютъ о всемъ, что произошло по церковнымъ дѣламъ въ Константинополѣ, собразно ли дѣло шло и ведется съ правилами, и пока они не доведутъ обо всемъ до нашего свѣдѣнія“ ¹⁾. Спрашивается: зачѣмъ же было папѣ медлить своимъ приговоромъ надъ Фотиємъ, если ему хорошо было извѣстно, что онъ посвященъ изъ мірянъ, чего не позволяютъ, по сужденію папскому, каноны? Вѣрилъ-ли самъ папа въ тѣ каноны, какими онъ опровергаетъ посвященіе Фотія? Или скорѣе: не хотѣлъ-ли онъ получше узнать состояніе дѣлъ церковныхъ въ Константинополѣ и, буде Фотій найденъ будетъ лицомъ, готовымъ исполнять папскія велѣнія, признать его патриархомъ, хотя бы каноны и говорили противъ его избранія, а буде Фотій найденъ будетъ не соответствующимъ стремленіямъ Николая, затормозить дѣломъ, взять сторону противоположную. Мы думаемъ, что указанное рѣшеніе папы по дѣлу Фотія имѣетъ именно подобный смыслъ: иначе о чемъ и говорить, зачѣмъ и медлить судомъ, если каноны

1) Migne. Тамъ же, 776.

безусловно нарушены? Мы привели папское требованіе касательно Фотія, теперь посмотримъ, что положено имъ касательно Игнатія. Онъ хочетъ, чтобы Игнатій предсталъ предъ лицомъ его пословъ Захаріи и Родоальда и предъ лицомъ собора Константинопольскаго и объявилъ: почему сложено имъ достоинство патріарха, и почему онъ не послушался требованій, предшествующихъ папъ, Льва и Бенедикта, желавшихъ, чтобы онъ представилъ имъ на разсмотрѣніе дѣло одного отлученнаго епископа, Григорія Сиракузскаго. „Обо всемъ, что совершится здѣсь по этому случаю, должно дать знать нашей власти и мы положимъ свое опредѣленіе“ ¹⁾. Изъ разсмотрѣнія положенія, принятаго папою, открывается, что оно было чрезвычайно выгодно для папскихъ интересовъ. Дѣло,—если бы все случилось такъ, какъ желалъ папа,—всецѣло переходило бы въ непосредственное вѣдѣніе Николая. И можно было извлечь отсюда великія выгоды для авторитета папской власти.

Въ заключеніе письма къ императору папа, какъ будто бы между прочимъ, проводитъ мысль, что хорошо бы было, если такой „заботящійся о церковныхъ дѣлахъ императоръ“ какъ Михаилъ, отдастъ папскому престолу нѣкоторыя провинціи, въ которыя и стали бы впредь поставляться епископы папами,—это именно провинціи иллирійскія весьма обширныя: собственно Иллирію, Эпиръ, Македонію, Фессалію, Ахаію, Дакію, Мизію, Дордонію. Кромѣ того, папа требовалъ, чтобы его каедрѣ возвращены были, такъ называемыя патримоніи: калабрійская и сицилійская, отнятыя у папъ императоромъ Львомъ Исавряниномъ. О послѣднихъ папа замѣчалъ: „вашею уступчивостію да возвратятся намъ эти патримоніи, ибо неразумно, чтобы церковное владѣніе, назначенное на просвѣщеніе и на дѣла церковныя, отнималось властію земною ²⁾“. Притязанія папскія на указанныя провинціи и патримоніи не были достаточно основательны. Во-первыхъ, Иллирія при императорѣ Граціанѣ была присоединена къ восточной имперіи, а потому и

¹⁾ Migne. Pag. 776—7.

²⁾ Migne. Pag. 779.

въ церковномъ отношеніи она должна была принадлежать константинопольскому патріарху; во-вторыхъ, Θεодосій, Великій издалъ указъ, прямо повелѣвавшій, чтобы Иллирія подчинялась Константинополю. Если и утверждаютъ, что Иллирія отнята была Львомъ Исавряниномъ отъ Рима, однакожь изъ письма императора Юстиніана къ константинопольскому патріарху Епифанію видно, что еще при этомъ императорѣ она находилась подъ управленіемъ Константинополя ¹⁾. Больше правъ имѣлъ Римъ на Калабрию и Сицилію, но и здѣсь также не безъ права управлялъ константинопольскій патріархъ, такъ какъ эти страны принадлежали восточной имперіи, а гражданская принадлежность данной мѣстности по древнему обычаю условливала и принадлежность церковную ²⁾. Впрочемъ папа, выпрашивая себѣ у императора Михаила духовную власть надъ иллирійскими провинціями и калабрійскою и сицилійскою патримоніями, и не особенно рассчитывалъ на права свои въ данномъ случаѣ. Онъ хотѣлъ получить ихъ какъ подарокъ за утверждение status quo византійскихъ дѣлъ, за признаніе Фотія патріархомъ; отсюда-то и происходило его медленіе осужденіемъ Фотія, несмотря на то, что его посвященіе, по сужденію папы, было безусловно незаконно, антиканонично. Такимъ образомъ, хотя папа въ своемъ письмѣ и говоритъ объ указанныхъ провинціяхъ какъ-бы мимоходомъ, однакожь вопросъ этотъ для него тѣсно связанъ съ общимъ ходомъ византійскихъ патріаршихъ затрудненій. Покрайней мѣрѣ въ этомъ именно смыслѣ понимали этотъ вопросъ объ иллирійскихъ и другихъ провинціяхъ сами современники. Весьма замѣчательно въ этомъ случаѣ письмо Фотія къ кесарю Вардѣ, которое даетъ поводъ къ такой догадкѣ, ибо въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, не поименовывая впрочемъ лицъ, что нѣтъ справедливости въ тѣхъ, которые готовы признать его законнымъ, если уступить половину своей церковной области, и не находятъ его достойнымъ, если будетъ за собою удерживать всю ³⁾.

1) „Хр. чт.“ 1872. Апрель, стр. 722. Отзывы о патр. Фотіи и проч.

2) Guetée, page 388.

3) Правда вселенской церкви, стр. 217.

Итакъ вотъ то, съ чѣмъ на первый разъ обратился папа Николай въ Константинополь по дѣлу здѣшнихъ нестроений. Во всемъ этомъ не видно главнаго, что можно бы и должно бы находить, если бы папа въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ по глубокимъ нравственнымъ побужденіямъ, какъ защитникъ законности и поправной справедливости, не нахолимъ яснаго и открытаго стремленія стоять за эти послѣднія. Все письмо говоритъ: или о томъ, что не слѣдуетъ судить епископа безъ воли папы, или о томъ, что папа желаетъ навязаться съ своимъ судомъ въ Константинополь, или о томъ, что папа желаетъ получить взятку и потомъ успокоиться..... И много-ли могло быть благодѣтельнаго для церкви Константинопольской оттого, если бы въ самомъ дѣлѣ Фотій сталъ дожидаться будущаго суда надъ собою Николая, не считая себя безъ этого законнымъ патриархомъ, въ то время какъ Игнатій былъ уже устраненъ отъ кathedры? Церковь Константинопольская оставалась бы безъ пастыря, всѣ, посвященные Фотіемъ въ церковныя должности, лица должны были бы признать себя незаконно поставленными; что, спрашивается, кромѣ смуть готовилъ Николай своими требованіями, съ которыми онъ обращался въ Константинополь? Это-ли дѣйствіе пастыря, проникнутаго идеей высокой власти? Не духъ Христовъ, а духъ міра сего руководилъ папою, когда онъ входитъ въ сношенія съ церковію Константинопольскою по дѣлу Фотія и Игнатія.

Вмѣстѣ съ письмомъ къ императору Михаилу папа Николай, какъ мы сказали, отослалъ письмо и къ Фотію. Это письмо есть простое сокращеніе письма къ императору и по своему характеру отличается такою же раздвоенностію, рассчитанною нерѣшительностію и уклончивостію, какъ и то письмо. Папа не называетъ здѣсь Фотія епископомъ, а даетъ ему неопредѣленное титуло „*vestra prudentia*“ и хочетъ дать понять, что считаетъ его простымъ міряниномъ. Смыслъ этой тактики понятенъ: Николай хочетъ сказать этимъ, что только воля папская есть раздавательница епископскаго достоинства; только съ его позволенія епископъ можетъ быть епископомъ и раздавать другимъ дары священства. Указавъ на быстрое посвященіе

Фотія изъ мірянъ въ патріарха, Николай замѣчалъ: „позтому мы не можемъ (non possumus) согласиться съ вашимъ посвященіемъ, пока чрезъ нашихъ пословъ мы не узнаемъ о вашемъ дѣлѣ и церковномъ положеніи, и о томъ, съ какимъ стараніемъ заботитесь вы о защищеніи католической вѣры. И если найдемъ все достойнымъ, будемъ почитать васъ, какъ предстоятеля этой церкви и обнимемъ васъ братскою любовію“ ¹⁾. Что значать эти слова? Если Фотій посвященъ неправильно, неканонически, зачѣмъ подобная проволочка? Вся эта кажущаяся благоразумная осторожность есть ничто иное, какъ средство высмотрѣть положеніе дѣла и дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, къ своей пользѣ. О какомъ стараніи въ защищеніи вѣры Фотіемъ говоритъ прикровенно папа? Не разумѣлъ-ли онъ признанія за папою правъ власти, съ какими навязывался онъ Константинопольской церкви? Или: не слѣдуетъ-ли разумѣть стараній о томъ, чтобы уступлены были папской юрисдикціи вождедѣльныя для папы провинціи?—Это-ли духъ апостольскій, носителемъ котораго считасть себя папа!

II. Константинопольскій соборъ 861 года, именуемый Перво-вторымъ или Двукратнымъ ²⁾.

Значеніе наименованія,— замѣчаніе объ источникахъ исторіи собора (ихъ скудость и партійность),—важнѣйшая сторона его дѣятельности по вопросу о патріархѣ Игнатіи, *осужденіе этого патріарха*,—правила собора, ихъ содержаніе, духъ фотіанской партіи въ нихъ,—неодинаковое отношеніе Запада и Востока къ этому собору.

Соборъ Константинопольскій 861 года, происходившій въ константинопольской церкви св. Апостоловъ, служить выраженіемъ того значенія, какимъ пользовался Фотій въ

¹⁾ Migne. Pag. 780.

²⁾ Почему этотъ соборъ называется Перво-вторымъ или Двукратнымъ? Нужно думать, что это наименованіе составлено по образцу названія од-

свое время, и того могущества, каким обладала партія Фотіанъ.

Къ сожалѣнію, актовъ этого собора не сохранилось; они уничтожены были, когда у кормила церковной власти появились на нѣкоторое время снова Игнатіане, постарав-

ного изъ прежнихъ соборовъ, который извѣстенъ, какъ „Пято-шестой“. Древніе однако не ясно понимали, по какой именно причинѣ соборъ 861 года получилъ вышеуказанное названіе. Такъ толкователь церковныхъ правилъ Зонара говоритъ: „читающихъ это надписаніе (двукратный) приводить въ недоумѣніе, почему настоящій соборъ, будучи однимъ, называется двукратнымъ? Разсказываютъ, что когда соборъ собрался въ храмъ св. Апостоловъ и православные вступали въ разсужденія съ инославными (!), то первые оказались боге сильными и хотѣли предать писмени то, о чемъ было разсуждаемо; но еретики не допустили написать рѣшенія, дабы не показаться побѣжденными и отринутыми отъ общенія съ вѣрными, почему произвели такой беспорядокъ и возмущеніе, что даже обнажили мечи и совершили убійство. Такъ и кончилось это первое собраніе, не получивъ видимаго завершения. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени опять состоялось второе собраніе въ томъ же храмѣ и снова начались разсужденія о тѣхъ же предметахъ; тогда-то и написано было то, что говорено было относительно догматовъ. Вотъ почему, говорятъ, настоящій соборъ и поименованъ двукратнымъ“. Тоже мнѣніе повторяетъ Вальсамонъ. (Правила помѣстн. соборовъ съ толкован., стр. 1688—1689. Издан. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.). Но ничего такого изъ исторіи собора 861 года неизвѣстно, поэтому разсужденія Зонары и Вальсамона нужно признать неосновательными. Очевидно, эти писатели смѣшали обстоятельства дѣятельности собора 861 года съ обстоятельствами, при какихъ происходилъ седьмой вселенскій соборъ. Ученый канонистъ Гефеле думаетъ, что соборъ названъ такъ потому, что онъ дѣлился на два отдѣла: одинъ былъ посвященъ разсужденіямъ объ Игнатіи, а другой объ иконоборцахъ, почему дѣянія этого собора, посланныя въ Римъ, заключены были въ двухъ разныхъ томахъ (Conciliengesch. IV, 230. 233—4). Но объясненіе это трудно принять, потому что отдѣлы дѣятельности собора не могутъ составлять собою отдѣльныхъ соборовъ, что выражается наименованіемъ „Перво-второй“. Вѣроятно же объясненіе Гергенрѣтера, который полагаетъ, что такъ какъ прежде 861 года былъ другой соборъ въ Константинополѣ въ 858 году, тоже въ храмѣ св. Апостоловъ, для разсужденія о дѣйствіяхъ Игнатія, который, лишившись каедеды, сталъ противодѣйствовать новому патріарху—Фотію, то дальнѣйшій соборъ (861 г.) и стали разсматривать какъ вторичный соборъ по одному и тому же дѣлу, а отсюда возникло и самое названіе его: Перво-второй или Двукратный (Hergen. I, 438).

шіеся о томъ, чтобы сгладить слѣды бывшаго торжества противоположной партіи ¹⁾).

Въ виду этого, исторію собора 861 года приходится возстановлять на основаніи второстепенныхъ документовъ. Но и здѣсь историка ожидаетъ разочарованіе. Главнѣйшіе документы, помогающіе разъясненію исторіи собора, написаны явными врагами Фотія, которые не въ состояніи были рассказать хода соборныхъ дѣлъ безпристрастно. Говоримъ о біографіи Игнатія, составленной Никитою Пафлагоняниномъ, и „записку“ Θεогноста. Авторы этихъ твореній слегка извѣстны уже намъ: имена ихъ встрѣчались на предъидущихъ страницахъ ²⁾). По извѣстіямъ у Никиты и Θεогноста невозможно начертать полнаго образа дѣятельности собора 861 года, а можно обозначить лишь нѣкоторые контуры, которые даютъ понятіе объ общемъ ходѣ соборной дѣятельности.

Цѣлю собора было съ одной стороны доказать авторитетъ и значеніе партіи Фотіанъ, такъ какъ противъ церковнаго авторитета и значенія этой партіи стали вооружаться Игнатіане, лишившіеся власти, и старались смущать Церковь, а съ другой—ввести въ границы и усмирить игнатіанскую партію.

Все благопріятствовало тому, чтобы выполнить эти задачи съ должнымъ успѣхомъ. Императоръ Михаилъ III, несмотря на то, что мало входилъ въ дѣла правительственныя, заинтересованъ былъ поднятіемъ авторитета Фотія, ибо онъ сильно былъ недоволенъ прежнимъ патріархомъ Игнатіемъ; кесарь Варда—правая рука Михаила, будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ, высоко ставилъ ученаго Фотія и готовъ былъ сдѣлать все для возвеличенія новаго патріарха; епископы Византійскаго государства были въ большинствѣ на сторонѣ Фотія и съѣхались на соборъ въ количествѣ 318 отцевъ (число равное числу отцевъ перваго Никейскаго собора,—число, нужно полагать, случайное, а

¹⁾ Эти акты были сожжены на соборѣ Константинопольскомъ въ 869 г., гдѣ съ церковной стороны руководителями были Игнатіане.

²⁾ См. выше стр. 17. 21. 27.

не рассчитано на эффектъ, какъ утверждаютъ католическіе писатели вслѣдъ за папою Николаемъ); въ засѣданіяхъ собора приняли участіе два легата папы Николая, епископы Родоальдъ Портскій и Захарія Ананійскій, которые приняли на соборѣ открыто сторону Фотія, чѣмъ и разгнѣвали римскаго первосвященника ¹⁾. Кромѣ многихъ іерарховъ на соборѣ присутствовали, какъ императоръ Михайлъ, такъ и кесарь Варда съ высшими государственными сановниками, что придаетъ этому собору особенный внѣшній блескъ.

Соборъ открылся въ маѣ 861 года. На открытіе его прибылъ императоръ съ блестящею свитою. Весь городъ пришелъ въ движеніе; улицы наполнились любопытными ²⁾; вѣроятно, многіе хотѣли посмотрѣть на шествіе отставленнаго патріарха на соборѣ. При какихъ болѣе частныхъ подробностяхъ произошло открытіе собора, неизвѣстно. Но, по всей вѣроятности, дѣло происходило такъ же, какъ и на другихъ соборахъ, т.-е. читались различные документы, имѣющіе отношеніе къ созванію этого собора; можетъ быть, говорились рѣчи отъ лица императора и кѣмъ-либо изъ первенствующихъ епископовъ. Повидимому, на первомъ же засѣданіи собора опредѣлено было призвать сюда отставленнаго патріарха Игнатія, безъ сомнѣнія для того, чтобы доказать его виновность въ порожденіи смуты въ церкви Византійской ³⁾. Съ указанною цѣлію пригласи-

¹⁾ Папа Николай въ послѣдствіи утверждалъ, что будто его послы потому склонились на сторону Фотія и дѣйствовали противъ Игнатія, что были устрашены и притѣснены властями въ Византіи (Nicolai epist. ad Photium. Mavai. Conc. T. XV, 177). А Θεογνοῦς, сторонникъ Игнатія, утверждаетъ, что легаты были задарены Фотіемъ и измѣнили правому дѣлу, т.-е. дѣйствовали въ пользу Фотія (Libellus Ignatii ad Nicolaum papam, col. 860. Migne, Gr. ser. tom. 105). Но очевидно это клеветы не-удовлетворенныхъ людей. Папа, благодаря смутамъ въ Византіи, надѣялся получить расширеніе своей патріаршей юрисдикціи (Hefele. IV, 230); и когда обманулся въ этомъ, началъ рассказывать, что будто легаты его дѣйствовали не такъ, какъ должно, вслѣдствіе тиранинн въ Византіи. А что касается Θεογνοῦς, то его недовольство легатами понятно и безъ объясненія. Игнатіане надѣялись, что легаты будутъ на сторонѣ Игнатія, но ошиблись въ расчетахъ.

²⁾ Nicet. Paphl. Vita Ignat., col. 517.

³⁾ См. выше стр. 25.

силь патриарха Игнатія на соборъ были отправлены къ нему препозитъ Ваанисъ и нѣсколько низшихъ чиновниковъ. Игнатій сначала отказывался прибыть на соборъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ требуетъ надъ собою суда папскаго; но его заявленію не было придано значенія. Вторично потребованный на соборъ, Игнатій, наконецъ, рѣшается идти. Но прежде чѣмъ отправиться, онъ захотѣлъ узнать, въ какомъ одѣяніи онъ долженъ придти на соборъ, въ епископскомъ ли облаченіи, или въ монашеской одеждѣ, т. е., какъ судимый еще, или уже осужденный. Но приглашавшія его лица не могли разрѣшить вопроса ¹⁾. Дальнѣйшія дѣйствія происходятъ уже на другой день, когда приглашавшіе (въ третій разъ) Игнатія на соборъ объявили ему отъ лица папскихъ легатовъ, что онъ можетъ придти на соборъ въ такомъ одѣяніи, какое онъ самъ найдетъ наиболѣе приличнымъ. Пользуясь этимъ позволеніемъ, Игнатій пошелъ на соборъ въ полномъ патриаршемъ облаченіи въ сопровожденіи нѣкоторыхъ епископовъ, священниковъ и толпы народа... Но на дорогѣ, близъ церкви Григорія Богослова, гдѣ среди улицы былъ поставленъ крестъ на мраморномъ столбѣ, Игнатія встрѣтилъ патрицій Іоаннъ Коксъ и отъ лица императора объявилъ ему, чтобы онъ пришелъ на соборъ въ простомъ монашескомъ одѣяніи. Игнатій переодѣлся и въ сопровожденіи Кокса отправился на соборъ; свита Игнатія принуждена была покинуть его. При вступленіи Игнатія въ засѣданіе собора, нѣсколько духовныхъ лицъ и одинъ мірянинъ, которые доселѣ показывали себя приверженцами къ Игнатію, осыпали его упреками за то, что онъ, будучи отставленъ отъ своей должности, однакожъ осмѣлился надѣть на себя епископское облаченіе. Наконецъ Игнатій въ худой монашеской одеждѣ предсталъ на соборъ ²⁾. Лишь только императоръ Михаилъ увидалъ Игнатія, какъ осыпалъ его бранью, — такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ игнатіанскіе описатели собора ³⁾.

1) Nicet. Paphl., 517.

2) Nicet. Paphl. col. 517. Theogn. Libellus, col. 857.

3) Theogn. Ibidem. Поступокъ впрочемъ сообразный съ характеромъ Михаила.

На эту брань Игнатій будтобы смѣло замѣтилъ, что ругательства все-таки легче перенести, чѣмъ мученія, указывая этимъ на тѣ суровыя мѣры, какія правительство принимало противъ Игнатія послѣ его изложенія. Императоръ приказалъ ему сѣсть на простую деревянную скамью. Затѣмъ послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Игнатію дано право обратиться съ нѣсколькими словами къ папскимъ легатамъ. Игнатій спрашиваетъ легатовъ: съ какою цѣлію они прибыли и засѣдаютъ на соборѣ? Получивъ въ отвѣтъ, что они прибыли для изслѣдованія его дѣла и будутъ поступать сообразно съ церковными правилами, Игнатій замѣтилъ имъ: если такъ, то прежде всего вамъ слѣдуетъ удалить отсюда прелюбдѣя (т.-е. Фотія, который названъ прелюбдѣемъ въ томъ смыслѣ, что онъ сдѣлался пастыремъ Церкви при жизни своего предшественника); а если вы этого не сдѣлаете, то васъ нельзя считать дѣйствительными судьями. Легаты будто ничего не нашли отвѣчать на это, а только указали на императора и сказали: на это пусть будетъ воля государя ¹⁾. Затѣмъ, по рассказу описателей исторіи собора, нѣкоторые митрополиты осмѣлились было потребовать на соборѣ, чтобы Игнатій былъ снова утвержденъ на патриаршей кафедрѣ. Но на это имъ было замѣчено со стороны сановниковъ, присутствовавшихъ на соборѣ: зачѣмъ же они согласились на низложеніе Игнатія? Митрополиты дали отвѣтъ уклончивый. Послѣ этого, по словамъ рассказчиковъ, сановники неоднократно обращались къ Игнатію съ требованіемъ, чтобы онъ заявилъ о своемъ отреченіи отъ патриаршей кафедры ²⁾; но трудно представить, для какой цѣли могло бы служить такое отреченіе, когда фактически онъ не былъ патриархомъ уже почти четыре года, да и притомъ, какъ было замѣчено нами прежде, Игнатій въ свое время далъ согласие на избраніе новаго патриарха, слѣдовательно пересталъ

¹⁾ Theognosti. Ibidem. Странно выходить, что Фотіане, по смыслу описателей собора, все молчатъ, какъ будтобы они и рта не могутъ открыть въ свою защиту. Очевидно, описатели старались стушевать дѣятельность Фотіанской партіи на соборѣ.

²⁾ Theognosti, col. 857. 860.

считать себя дѣйствительнымъ патріархомъ. — Судя по извѣстіямъ нашихъ документовъ, происходитъ нѣкоторый перерывъ въ засѣданіяхъ собора, и они возобновляются только чрезъ нѣсколько дней. Слѣдующее засѣданіе собора открывается тѣмъ, что рѣшено было снова пригласить Игнатія на соборъ. Представляется не совсѣмъ понятнымъ или лучше сказать не выясненнымъ въ источникахъ, зачѣмъ именно приглашался Игнатій на соборъ? Не желали ли отъ Игнатія того, чтобы онъ самъ осудилъ свое поведеніе послѣ лишенія каеэдры, выразившееся въ противодѣйствіи управленію Фотія Церковію, что конечно грозило расколомъ? Во всякомъ случаѣ на соборѣ никакимъ образомъ не могъ быть поставленъ вопросъ: быть ли патріархомъ Фотію или возстановить въ патріаршемъ достоинствѣ Игнатія. Но продолжаясь рассказъ, руководясь нашими бѣдными источниками. На новое требованіе явиться на соборъ Игнатій отвѣчалъ отказомъ, ибо соборъ и легаты, по его словамъ, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ, ибо легаты не только не прервали общенія съ узурпаторомъ, т. е. Фотіемъ, но ѣли-пили съ нимъ и даже во время дороги въ Константинополь принимали отъ него подарки; такихъ подкупныхъ судей, замѣчалъ Игнатій, онъ не признаетъ, онъ будетъ апеллировать папѣ, и только его суду, онъ готовъ подчиниться. Окружавшія Игнатія духовныя лица, ему преданныя, разсуждали въ томъ же духѣ; для оболренія Игнатія ими припоминалась дѣятельность папы Иннокентія I въ защиту Златоуста, безъ суда низложеннаго съ каеэдры, а также припоминалось 4 е правило собора Сардикійскаго, которымъ требовалось, чтобы не считалась вакантною та каеэдра, епископъ которой апеллируетъ къ папѣ, прежде чѣмъ разсмотрѣно его, епископа, дѣло въ Римѣ ¹⁾. Впрочемъ Игнатій не рѣшился отвѣчать отказомъ на дальнѣйшее приглашеніе прибыть на соборъ. Онъ только счелъ долгомъ сдѣлать то замѣчаніе, что отцы собора не знаютъ правилъ церковныхъ, ибо епископа должно приглашать на соборъ при посредствѣ тоже двухъ епископовъ

¹⁾ Theognosti. Libellus, col. 860.

а за нимъ прислали одного иподіакона, а другого просто мірянина. Когда онъ узналъ при этомъ, что противъ него хотятъ выставить свидѣтелей, которые готовы клятвенно завѣрить, что онъ, Игнатій, незаконнымъ образомъ избранъ и посвященъ, то онъ сталъ говорить: какіе это свидѣтели? Кто имъ повѣрить? Какое правило повелѣваетъ, чтобы царь создавалъ свидѣтелей? Если я не епископъ, то и Михаилъ не царь; нѣтъ здѣсь (въ столицѣ) и дѣйствительныхъ епископовъ, и самъ Фотій не епископъ (при чемъ тутъ Фотій, котораго Игнатій не посвящалъ—непонятно). Къ этому Игнатій еще прибавилъ будто, что Фотій не только не пастырь, но даже и находится внѣ общенія съ Церковію. Въ поставленіи Фотія въ патріарха онъ находилъ тотъ важный недостатокъ, что Фотій сдѣлался епископомъ прямо изъ мірянъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти порицанія на соборъ, епископовъ, императора Игнатій могъ высказывать не на самомъ соборѣ, гдѣ не потерпѣли бы такихъ оскорбленій, а предъ тѣми лицами, которыя являлись отъ собора приглашать Игнатія сюда, а также предъ людьми, составлявшими его свиту. Когда прибылъ Игнатій на соборъ, то, по разсказу описателей собора, его опять заставляли дать отреченіе отъ патріаршей кафедрѣ ¹⁾ (что, впрочемъ, какъ мы сказали выше, едва ли могло имѣть мѣсто на соборѣ).—Между этимъ соборнымъ засѣданіемъ, дѣйствительная дѣятельность котораго остается неопредѣленною, вслѣдствіе односторонности показаній источниковъ, и дальнѣйшимъ засѣданіемъ проходитъ десять дней. Затѣмъ наступаетъ послѣднее засѣданіе по дѣлу Игнатія. Онъ вызванъ на соборъ и противъ него представлено семьдесятъ два свидѣтеля. Такое число свидѣтелей въ основѣ своей имѣло нѣкоторыя каноническія основанія ²⁾. Свидѣтели принадлежали къ лицамъ разныхъ сословій; между ними были люди и низшаго сословія—ремесленники, тор-

¹⁾ Ibid., col. 860—861.

²⁾ По изысканіямъ Гергенрёттера, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, иногда практиковался обычай, по которому на судѣ противъ епископа считалось необходимымъ имѣть до 72 свидѣтелей. Hergen 1, 426. Anmerk.

говцы рыбой и т. д., но были и сенаторы и придворныя лица. Во главѣ свидѣтелей изъ высшаго сословія были патриціи Левъ Критикъ и Θεодотакій. Всѣ эти свидѣтели клялись и подтверждали свою клятву подпискою, что Игнатій противоканоническимъ образомъ возведенъ въ патриархи ¹⁾. Смысль этого обвиненія былъ тотъ, что Игнатій возведенъ въ патриархи волею императрицы Θεодоры, безъ участія собора, которому по правиламъ принадлежитъ право избранія епископовъ ²⁾. На основаніи показаній этихъ свидѣтелей, къ Игнатію приложено было тридцатое правило апостольское, по которому, епископъ, мірскою властію введенный въ обладаніе Церковію, отставляется и отлучается ³⁾. Подробности неизвѣстны ⁴⁾. Игнатій, послѣ этого, былъ объявленъ осужденнымъ и лишеннымъ патриаршескаго достоинства. По извѣстіямъ нашихъ источниковъ, на самомъ же соборѣ будто произошелъ актъ разстриженія Игнатія. На Игнатія будтобы надѣты были разорванныя и грязныя архіерейскія одежды со включеніемъ омофора; затѣмъ одинъ иподіаконъ по имени Прокопій снялъ съ него архіерейское одѣяніе и потомъ воскликнулъ: *αναξίτος*. Папскіе легаты Родоальдъ и Захарія и члены собора будтобы повторили

¹⁾ Что въ самомъ дѣлѣ противъ Игнатія выставлено было 72 свидѣтеля изъ мірскаго званія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, ибо нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей позднѣе, на соборѣ 869 г., должны были принести публичное покаяніе въ содѣянномъ ими поступкѣ.

²⁾ Нужно сказать, что дѣйствительно даже приверженцы Игнатія, говоря о поставленіи его въ патриарха, съ особеннымъ удареніемъ указываютъ на волю императрицы Θεодоры и совѣтъ инока Іоаннікія (См. Nicet. vita Ignat. col. 501).

³⁾ Сомнительно, чтобы соборъ воспользовался этимъ правиломъ противъ Игнатія; правило мало относилось къ дѣлу. Вообще видно, что обвиненіе предъявлено было противъ Игнатія свѣтскою властію и свидѣтели тоже, очевидно, выставлены правительствомъ. Вѣроятно само же правительство, для водворенія мира въ государствѣ, потребовало отъ собора осужденія Игнатія, что и сдѣлано соборомъ въ виду настойчивыхъ требованій свѣтской власти, — исключительно во имя общественнаго блага.

⁴⁾ Впрочемъ нѣкоторымъ, но слабымъ восполненіемъ свѣдѣній можетъ служить девятое засѣданіе собора 869 года. (См. ниже).

это слово ¹⁾). Такъ произошло осужденіе Игнатія, по разсказу игнатіанскихъ описателей ²⁾).

Въ началѣ IX вѣка, какъ извѣстно, снова было началось иконоборческое движеніе: встрѣчаемъ въ это время нѣсколько императоровъ, заявившихъ себя иконоборчествомъ, какъ напримѣръ Левъ Армянинъ, Теофилъ, а также нѣсколько патріарховъ константинопольскихъ, которые выказали большое сочувствіе иконоборческимъ императорамъ, какъ напримѣръ Θεодотъ Касситеръ, Антоній, Іоаннъ VII. Вслѣдствіе этого, и послѣ возстановленія иконопочитанія при св. Θεодорѣ (842 г.) въ Византійской церкви находились люди, приверженные къ иконоборству. Съ остатками иконоборства пришлось вести борьбу и собору 861 года ³⁾; но въ чемъ заключалась дѣятельность собора въ этомъ случаѣ, ничего неизвѣстно.

Достойно сожалѣнія, что акты собора 861 года не сохранились до насъ ⁴⁾).

¹⁾ Обычай разстриженія существовалъ въ Византіи: но на этотъ разъ происходилъ ли онъ такъ торжественно, очень сомнительно.

²⁾ Nicet. Parhl. col. 517. 520.—Мы извлекли изъ сказаній Θεогноста и Никиты черты, рисующія дѣятельность собора, но отнюдь нельзя ручаться, что это дѣйствительныя черты собора. Дѣло происходило, можетъ быть, такъ, но не совѣтъ такъ. Акты собора 861 года отправлены были правительствомъ къ панѣ Николаю (Hefele, IV, 234), по вѣдь они были бы обвинительнымъ актомъ противъ Фотія и Византійской церкви, еслибы въ нихъ заключалось то же, что у Θεогноста и Никиты.

³⁾ Nicet. Parhl. 516. Hergenröth. I, 428.

⁴⁾ Никита Пафлагонянинъ разсказываетъ: когда Фотій въ первый разъ лишенъ былъ патріаршества, то императоръ Василій приказалъ отобрать у него книги, которыми и было наполнено семь мѣшковъ. Въ числѣ рукописей между прочимъ находились акты противъ Игнатія (861 г.) со слѣдующими иллюстраціями, которыя будто-бы были сдѣланы Григоріемъ Авестомъ. На первой картинѣ (карикатурѣ) Игнатій былъ изображенъ влачимымъ и ударяемымъ, а надъ нею надпись: діаволь. На второй онъ же представленъ заплываемымъ въ лице, а надпись гласила: начало грѣха. На третьей онъ представленъ низверженнымъ съ престола, а въ надписи значилось: сынъ погибели. Четвертая изображала его въ узахъ и игопяемымъ, а въ надписи слова: корыстолюбіе Симона вохва. Пятая изображала его съ желѣзнымъ ошейникомъ, а надпись гласила: превознесшійся надъ Богомъ. На шестой представлено его осужденіе, а надпись

Соборомъ этимъ составлено было 17 правилъ, которыя имѣютъ каноническо-руководственное значеніе въ греческой и нашей Церкви. Сдѣлаемъ краткій обзоръ болѣе замѣчательныхъ изъ этихъ правилъ ¹⁾. Они могутъ служить къ пополненію нашихъ скудныхъ свѣдѣній о соборѣ 861 года, такъ какъ большая часть ихъ вызвана была обстоятельствами борьбы двухъ церковныхъ партій, Игнатіанъ и Фотіанъ. Большинство правилъ имѣетъ въ виду благоустройство монастырей и монашеской жизни. Это объясняется тѣмъ, что монастыри и монашеская жизнь въ Византійской церкви во время слабого правленія ея Игнатія поразшатались и заявляли себя бросающимися въ глаза недостатками, что впрочемъ началось еще ранѣе патріаршества Игнатія. Въ виду этого Фотій, по сужденію о. Герасима, „старался ограничить слишкомъ большое вліяніе монашества, очистить это сословіе отъ злоупотребленій, вкравшихся въ его бытъ, и такимъ образомъ поставить монастырскую жизнь на высотѣ, соотвѣтствующей понятіямъ православныхъ о монашествѣ и его значеніи“ ²⁾. Дѣйствительно, правила, состав-

была такая: мерзость запустѣнія. Седьмая, изображавшая обезглавленнаго Игнатія, имѣла надпись: антихристъ (Niset. col. 540 — 41). Возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли Никита говоритъ правду, или же услаждаетъ себя и своихъ читателей вымыслами своей фавтазіи? Допустить мысль, что подобныя карикатуры зарисованы были Асвестою, этимъ „Божіимъ челоувѣкомъ“, какъ его называлъ Фотій, невозможно. Но, кажется, возможно допустить другое, именно, что какой-нибудь любитель живописи поусердствовалъ написать карикатуры на Игнатія и преподнесъ свое издѣліе Фотію, желая сдѣлать ему пріятное. И Фотій могъ принять подарокъ не въ мѣру усерднаго, но, быть можетъ, искренняго его почитателя. Должно помнить, что византійская миниатюра съ церковнымъ характеромъ получила свое начало во времена иконоборства и нерѣдко, имѣя въ виду осмѣять иконоборцевъ, пабирала ихъ сюжетомъ для своихъ каррикатурныхъ изображеній. Для той же цѣли могла послужить миниатюра и въ рукахъ какого-нибудь ревностнаго живописца фотіанской партіи.

¹⁾ Правила эти изданы въ греческомъ и славянскомъ текстѣ Обществомъ Люб. Дух. Просвѣщ. („Правила съ толкованіями“); въ славянскомъ текстѣ Іоанномъ е. смоленскимъ („Курсъ законовѣднія“); въ одномъ рускомъ переводѣ Казанской Академіи („Дѣянія девяти помѣстн. соборовъ“).

²⁾ Отзыви о св. Фотіи, стр. 137.

ленные на соборѣ 861 года, безъ сомнѣнія, подѣ особеннымъ вліяніемъ Фотія, заключаютъ не мало жалобъ на упадокъ и безпорядки монашеской жизни и ставятъ цѣлю врачевать ихъ. Въ правилахъ говорится, что „столь высокое дѣло, какъ монашество, оказывалось въ пренебреженіи“ (пр. 1); указывается, что „нѣкоторые принимаютъ на себя наружный образъ монашеской жизни не съ тѣмъ, чтобы въ чистотѣ служить Богу, но для того, чтобы видимою чистотою и безукоризненностію стяжать себѣ славу людей благочестивыхъ и чрезъ то приобрѣсть безпрепятственное удовлетвореніе своимъ пожеланіямъ“ (пр. 2); замѣчается, что среди монаховъ появилось много такихъ, которые не сидятъ на одномъ мѣстѣ, а любятъ бродяжничать. „Много путей изобрѣлъ лукавый, написано въ 4 пр., — чтобы нанести какъ можно болѣе поношенія монашескому образу, много въ этомъ ему помогло время предъидущей ереси (иконоборчества), потому что, угнетаемые ересью, монахи оставляли свои обители и переселялись въ другія, а нѣкоторые и въ жилища мирскихъ людей. Но что дѣлали тогда монашествующіе ради благочестія, то, перешедши въ безразсудный обычай, являютъ ихъ достойными посмѣянія; потому что еще и теперь нѣкоторые изъ нихъ уходятъ изъ своихъ монастырей и подобно неудержимому потоку, переселяясь и переливаясь то туда, то сюда, липаютъ обители благообразія, вносятъ въ нихъ большой безпорядокъ, разстраиваютъ и разрушаютъ благолѣпіе послушанія“. Правилами, въ числѣ недостатковъ, требующихъ исправленія, указывается слишкомъ большое, но своекорыстное тяготѣніе нѣкоторыхъ епископовъ къ устроению новыхъ монастырей. Такъ въ правилѣ 7-мъ говорится: „видимъ, что многія епископіи (т.-е. епископскія подворья съ ихъ финансовою и хозяйственною частію), приходятъ въ упадокъ и подвергаются опасности совершеннаго запустѣнія, отъ того, что предстоятели ихъ свои заботы и попеченія обращаютъ вмѣсто старыхъ на созиданіе новыхъ монастырей, и ухищряясь, на подрывъ епископій, доходы съ этихъ монастырей присвоивать себѣ, заботятся объ умноженіи послѣднихъ“. Соборъ принимаетъ надлежащія мѣры противъ указанныхъ безпо-

рядковъ. — Между правилами, касающимися монашеской жизни, особенно обращаетъ на себя вниманіе четвертое правило. Имъ, какъ мы видѣли, запрещается монахамъ перемѣнять по своему произволу мѣстопробываніе. Быть можетъ, этимъ правиломъ соборъ хотѣлъ предотвратить на будущее время путешествіе въ Римъ тѣхъ изъ монаховъ, которые, будучи сторонниками Игнатія, отправлялись къ римскому епископу для жалобъ на Фотія. Путешествія такого рода несомнѣнно случались ¹⁾. На подобныхъ монаховъ, повидимому, намекается и въ одномъ письмѣ Фотія, гдѣ говорится о людяхъ, которые „подъ предлогомъ богомолія“, отправляются въ Римъ, доходятъ до самаго папы, но имѣютъ „злобыя намѣренія“ ²⁾. Но еще болѣе имѣютъ значенія для уясненія борьбы партій Фотіанъ съ Игнатіанами правила 13, 14 и 15. Они направлены противъ „безумія раскольниковъ“ (η μαρία του σχισματικων). Въ правилѣ 13 говорится: „посѣявъ въ Церкви Христовой сѣмена еретическихъ плевелъ и видя, что они съ корнемъ посѣкаются мечемъ Духа, лукавый вступилъ на иной путь козней и покушается разсѣкать тѣло Христово, при посредствѣ безумія раскольниковъ“. Ясное дѣло, что соборъ при этомъ имѣетъ въ виду тѣхъ лицъ духовныхъ, которые не хотѣли признавать Фотія патриархомъ. Соборъ опредѣляетъ наказанія, которымъ будутъ подвергнуты пресвитеры, епископы, митрополиты, повинные въ схизматическихъ стремленіяхъ, не признающіе и не поминающіе за богослуженіемъ своихъ духовныхъ начальниковъ. Что назначеніе этихъ правилъ таково именно, какъ мы сейчасъ указали, видно изъ того же письма Фотія, на которое мы сейчасъ ссылались. Здѣсь говорится, что кромѣ иконоборцевъ въ Византіи „появились лисицы, выходящія изъ своихъ логовищъ для уловленія птичекъ; — это раскольники, болѣе опасные, нежели явные враги“; Фотій при этомъ прибавляетъ, что они „усмирены правилами“, составленными на соборѣ 861

¹⁾ Hergearöther. B. I, 396.

²⁾ Photii epist. ad Nicol. papam. Migne. Curs. patr. Gr. ser. tom. 102, col. 617.

года ¹⁾. Замѣчательно также 17 правило этого собора, которое воспрещало впередъ возводить кого-либо прямо изъ мірскаго состоянія въ епископское достоинство. „Мы опредѣлили, чтобы впредь никому изъ мірянъ или монаховъ не быть возводиму на высоту епископства, но каждому рукоположенію во епископы принимать не иначе, какъ по предварительномъ испытаніи его въ прохожденіи (низшихъ) церковныхъ должностей“. Какъ извѣстно, Фотій былъ посвященъ въ епископа прямо изъ мірянъ. Въ шесть дней онъ прошелъ всѣ церковныя должности, подготовляющія къ епископству. Этимъ недоволенъ былъ между прочимъ и папа Николай, какъ это выразилъ онъ во время сношеній Византіи съ нимъ по дѣлу о низверженіи Игнатія. Но Фотій, какъ мы знаемъ, вступая на византійскую кафедру, желалъ руководиться примирительною церковною политекою, а потому соборъ 861 года и постановляетъ правило, которое должно было свидѣтельствовать о готовности Востока „отклонять поводы къ соблазнамъ“ ²⁾. Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ правилахъ собора. Замѣтимъ одно: всѣ правила составлены обстоятельно и характеристично, — это даетъ новый поводъ сожалѣть о потерѣ актовъ собора, на которыхъ, какъ и на правилахъ, конечно лежалъ отпечатокъ ума главнаго лица на соборѣ — Фотія.

Соборъ 861 года папа Николай назвалъ разбойничьимъ, т. е. подобнымъ собору Діоскора Александрійскаго въ Ефесѣ ³⁾, а канонистъ, патріархъ Антіохійскій, Вальсамонъ именуетъ его „вселенскимъ соборомъ“ ⁴⁾. Первое названіе указываетъ на то, что соборъ былъ въ высшей степени непріятенъ папѣ Николаю: онъ не удовлетворилъ его честолюбивымъ желаніямъ. А второе наименованіе указываетъ на то значеніе, какимъ и въ послѣдствіи пользовался на Востокѣ Фотій, восторжествовавшій на соборѣ 861 года надъ своими противниками.

¹⁾ Photii. Ibidem, col. 612.

²⁾ Какъ выражается по поводу этого правила Фотій въ вышецитированномъ письмѣ къ Николаю. Ibid. col. 609.

³⁾ Nicolai papae. Epist. ad clericum Constantinop. Mansi, XV, 245.

⁴⁾ Правила съ толк., стр. 1689. Изд. Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.

III. Борьба папы Николая I-го съ патриархомъ Фотіемъ.

Письмо Фотія къ папѣ тотчасъ послѣ собора 861 года,—содержаніе письма: Фотій ратуетъ за самостоятельность и права Ко—ской церкви;—отвѣтное письмо папы (862 г.), въ которомъ онъ излагаетъ ученіе о главенствѣ римской церкви и *отвергаетъ патриаршеское достоинство Фотія*; — другое письмо папы къ импер. Михаилу III (того же 862 г.), съ указаніемъ необходимости низвергнуть Фотія съ кафедры.—Дальнѣйшая фаза въ развитіи борьбы Николая съ Фотіемъ: *папа лишаетъ этого кон—каго патриарха не только епископскаго достоинства, но и званія простого клирика* (Римскій соборъ 863 г.);—новое письмо императора къ папѣ (865 г.), составленное въ интересахъ защиты независимаго положенія Ко—ской церкви;—отвѣтное письмо папы къ императору, выражающее притязанія римскаго епископа на вѣлительство въ церкви Ко—ской и уничижающее права и достоинство этой послѣдней, — въ этомъ же письмѣ *Николай требуетъ, чтобы Фотій и Игнатій прибыли на судъ папы въ Римъ*, или же, чтобы они прислали сюда для той же цѣли уполномоченныхъ каждый отъ себя; пренебрежительное молчаніе Востока вмѣсто отвѣта на это письмо.—Послѣднія письма папы Николая († 867 г.) къ императору Михаилу и Фотію,—при чемъ въ первомъ изъ нихъ онъ объявляетъ, что *„Фотій никогда не дождется снятія съ него запрещенія священнослуженія и утвержденія въ патриаршескомъ достоинствѣ“*.—Замѣчанія о Константинопольскомъ соборѣ 867 года, провозгласившемъ осужденіе на папу Николая.

Папское посольство возвратилось изъ Константинополя въ томъ же 861 г. Папа остался крайне недоволенъ дѣйствіями своихъ легатовъ: не того ожидалъ онъ отъ ихъ дѣятельности. Вслѣдъ за возвращеніемъ папскихъ пословъ въ Римъ, изъ Константинополя прибыло посольство отъ императора Михаила III и Фотія. Но это посольство не только не умиротворило папу, а повергло его еще въ большую досаду. Полученныя письма отъ императора и Фотія говорили съ папой въ такомъ родѣ, какого никакъ не могло выносить его гордое сознаніе своей власти и значенія. Письмо императора не дошло до насъ, но и по письму Фотія можно уже судить, какъ должно было подѣйствовать на папу византійское посольство. Письмо Фотія чрезвычайно интересно. Оно должно было показать папѣ, съ какимъ сильнымъ соперникомъ ему пришлось имѣть дѣло. Всѣ папскіе расчеты должны были разбиваться объ эту скалу. Въ

своемъ письмѣ Фотій является могущественнымъ и рѣшительнымъ борцомъ за права и независимость церкви Константинопольской. Это были уроки, какіе горько было выслушивать папѣ. Въ этомъ письмѣ Фотій прямо давалъ знать папѣ, что онъ не страшень для Фотія: „Если кто-либо, — говорилъ Фотій, — дозволить себѣ необдуманное осужденіе другаго, то послѣдній можетъ не обращать на это вниманія, а первый долженъ прійти въ раскаяніе“ ¹⁾. Съ особенною силою Фотій устраняетъ здѣсь возраженія, какія дѣлались папою противъ его посвященія изъ мірянъ. „Говорятъ мнѣ: каноны нарушилъ ты, потому что изъ мірянъ вдругъ возведенъ во епископы. Но что это за каноны, какіе нарушены здѣсь? Церковь Константинопольская до сего дня не принимала подобныхъ каноновъ. Только тамъ нарушеніе каноновъ, гдѣ они дѣйствительно находятся въ практикѣ, но гдѣ они не преданы для соблюденія, тамъ на несоблюденія ихъ нельзя основать упрека о презрѣніи законовъ“ ²⁾. Въ этихъ словахъ Николай долженъ былъ найти много прискорбнаго для себя при его стремленіяхъ. Ими прямо говорилось, что всѣ тѣ узаконенія папъ Геласія, Льва, Целестина и проч., которыя считались обязательными на западѣ, и въ которыхъ выражалась авторитетность папскаго престола, ни во что ставятся востокомъ. Фотій открыто заявляетъ, что церковь Константинопольская считаетъ себя свободною отъ правилъ чуждаго для нея происхожденія. И однакожъ папы только и сильны были узаконеніями, которыя обязаны были происхожденіемъ самому папству. Фотій историческими примѣрами доказываетъ, какъ мало практика Византійской церкви знала папскія требованія въ данномъ случаѣ и какъ странны они были бы въ приложеніи къ этой практикѣ. Фотій говоритъ: „такъ какъ ради меня и вмѣстѣ со мною должны бы подвергнуться опасности быть поруганными и св. и блаженные отцы, занимавшіе до меня эту кафедру, каковы Никифоръ и Тарасій, возведенные изъ мірянъ въ епископы, — а это были мужи, содѣлавшіеся ярко-

¹⁾ Baronius. *Annal. eccles. an. 861. N. 34. Cl. Hergenröther, S. 440.*

²⁾ Baronius. *Annal. eccles. N. 40.*

свѣтящимися свѣтильниками нашего времени и могущественными провозвѣстниками, утверждавшими истину какъ своею жизнью, такъ и ученіемъ, — то я считаю нужнымъ нѣчто прибавить къ сказанному уже. Я показываю, какъ эти мужи возвышены надъ всякимъ порицаніемъ и не могутъ быть предметомъ жалобъ. И если никто не осмѣливается осуждать ихъ, то вооружающійся противъ избранія епископовъ прямо изъ мірянъ очутился бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, такъ какъ эти мужи возвысились прямо изъ мірскаго состоянія. Эти мужи—Никифоръ и Тарасій¹⁾, свѣтившіе въ земной жизни, подобно звѣздамъ, — неужели должны считаться возведенными къ церковному управленію вопреки канонамъ и благочинію церковному? Прочь отъ меня подобный языкъ! И изъ устъ другаго я не могу слышать ничего подобнаго. Ибо они были строгими стражами канонѳвъ, ревностными борцами за религію, обличителями нечестія, свѣтильниками міра въ духѣ Писанія. И если они не соблюдали канонѳвъ, которые имъ были неизвѣстны, то кто можетъ осуждать ихъ за то? они сохраняли тѣ правила церковныя, которыя имъ были преданы, а потому они и прославлены отъ Бога. Ибо сохранять преданное есть дѣло достойное твердыхъ характеровъ, а водиться стремленіемъ къ нововведеніямъ, вслѣдствіе котораго не преданное безъ особенной надобности возводилось бы въ законъ,—говоритъ Фотій не безъ явнаго желанія указать папѣ на многія нововведенія въ Римской церкви,—есть дѣло человѣка, желающаго такихъ нововведеній и въ заблужденіи колеблющагося туда и сюда. Многія церковныя правила однимъ преданы, а другимъ неизвѣстны. Кто принялъ ихъ и однакожь нарушаетъ, тотъ достоинъ наказанія, но кто не имѣетъ ихъ, почему долженъ подвергаться наказанію?“²⁾ Эти сужденія Фотія должны были казаться очень жесткими для папы:

1) Кромѣ Никифора и Тарасія, избранныхъ въ епископы изъ мірянъ, Фотій указываетъ еще на подобныя же примѣры, въ лицѣ Фалассія Кесарійскаго, Нектарія Константинопольскаго и Амвросія Медиоланскаго.

2) *Bagonius* тамъ же, п. 42. Впрочемъ въ видахъ церковнаго мира соборъ Константинопольскій 861 года положилъ на будущее время не избирать епископовъ непосредственно изъ мірскаго состоянія.

ими говорилось, что не все, къ чему захотѣлось бы ему принудить церковь Константинопольскую, можетъ имѣть удачу. Фотій не только не хочетъ быть послушнымъ орудіемъ папскихъ желаній, но онъ даже беретъ на себя смѣлость критически оцѣнить все, съ чѣмъ обращается папа къ Константинопольской церкви. Не этого ожидалъ папа отъ патріарха, котораго желалось взять въ свои руки. Затѣмъ, въ своемъ письмѣ къ папѣ Фотій развиваетъ самый возвышенный взглядъ на церковь, достойный такого великаго мужа, какимъ былъ этотъ патріархъ Константинопольскій. Защищая самобытность и самостоятельность положенія церкви Константинопольской, которая не можетъ и не должна слѣдовать волѣ и законамъ со внѣ привходящихъ въ нее, хотя бы то было отъ самого папы, Фотій раскрываетъ, какъ много въ отдѣльныхъ церквахъ мѣстныхъ особенностей въ церковныхъ учрежденіяхъ, которыя, появившись вслѣдствіе свободнаго естественнаго развитія ихъ, не мѣшаютъ имъ быть однакожъ истинными церквами. Если папа въ своихъ требованіяхъ хочетъ свести все къ той нормѣ, какая существовала въ церкви Римской, какъ облеченной, по папской теоріи, высшею юрисдикцію, то напротивъ Фотій, указывая имѣющія свои основанія разности въ церквахъ, даетъ замѣтить папѣ, что истинность и святость церкви далеко заключается не въ томъ, въ чемъ хочетъ видѣть ихъ Римъ. Вотъ какъ разсуждаетъ Фотій. „Что утверждено чрезъ опредѣленія вселенскихъ соборовъ, то всѣ должны сохранять. Но что какой либо изъ отцевъ частнымъ образомъ постановилъ, или что узаконилъ мѣстный соборъ, то хотя не можетъ быть разсматриваемо какъ легковѣріе въ практикѣ соблюдающихъ оное, но за то и не принимающіе подобныхъ узаконеній не подвергаются никакой опасности, если не соблюдаютъ ихъ. Такъ одни брѣютъ и стригутъ бороды сообразно съ мѣстными обычаями, а другимъ это запрещено соборными постановленіями. Такъ мы постимся только единый субботній день, и если бы стали поститься и въ прочіе субботніе дни, то это было бы достойнымъ осужденія, но другіе постятся болѣе чѣмъ въ одну субботу, и тамошнее преданіе считается утверждающимся на обычай, вопреки

канонамъ, и съ этой точки зрѣнія избѣгаютъ осужденія. Въ Римѣ ни одинъ священникъ не можетъ жить въ законномъ бракѣ, но мы научены только единобрачныхъ возводить во священника, и если кто отказывается принимать изъ рукъ ихъ евхаристію, то мы такихъ отлучаемъ. Далѣе, у насъ всякій производящій кого-либо изъ діаконовъ во епископы, обходя степень пресвитерскую, осуждается какъ тяжкій грѣшникъ, но у нѣкоторыхъ какъ изъ пресвитеровъ, такъ и прямо изъ діаконовъ возводятъ во епископы. Различны притомъ молитвы и обряды, которыя совершаются при посвященіи въ различныя священныя степени. Во многихъ странахъ совершенно запрещено монахамъ употребленіе мяса не ради отвращенія къ нему, но ради воздержности, но въ иныхъ мѣстахъ соблюдается такое воздержаніе только въ извѣстное время. Я слышалъ отъ людей достойныхъ вѣры, что въ Александріи отъ имѣющаго быть епископомъ требуется обѣтъ — никогда не воздерживаться отъ мясныхъ яствъ, что вошло здѣсь въ обычай по какому нибудь особенному случаю. У насъ монахи не отказываются отъ своей одежды, когда принимаютъ обязанности клирика, но у иныхъ это бываетъ наоборотъ: если монахъ возводится въ епископы, онъ отлагаетъ свои прежнія одежды и подстригаетъ волосы на головѣ¹⁾. Нѣкоторые изъ указанныхъ Фотіемъ разностей заимствовались имъ изъ практики самой Римской церкви. Говоря подобнымъ образомъ о разностяхъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ въ церквахъ, Фотій хотѣлъ дать понять Николаю, что мало добраго можетъ выйти, если каждая церковь притязательно будетъ навязывать другой свои обыкновенія. И если папа хочетъ сохранить истинно дружественныя отношенія къ церкви Константинопольской, онъ тогда только достигнетъ этого, когда учрежденія своей церкви не будутъ насильственно предписывать другой: на это ни одна церковь не имѣетъ права, слѣдовательно и сама Римская, которой Николай думалъ придать авторитетъ въ ущербъ чести и независимости остальныхъ церквей. И если церковь Римская, находя въ Константинопольской нѣчто

¹⁾ Baronius, n. 43—46.

отличное от нея, станетъ требовать отъ послѣдней непременно сообразоваться въ своихъ учрежденіяхъ съ собою, то также могла поступать и церковь Константинопольская, находя се отступающею въ тѣхъ же отношеніяхъ отъ своихъ нормъ церковныхъ. Но чего не желаетъ Римская церковь въ отношеніи къ себѣ со стороны другой церкви, того пусть не требуетъ и со стороны другихъ. Въ этомъ случаѣ папа долженъ былъ выслушать такой урокъ объ отношеніи церквей, какого не приходилось ему выслушивать ни отъ кого другаго на западѣ. Новое разочарованіе ожидало папу и по вопросу объ Иллирійскихъ провинціяхъ, какія просилъ Николай подчинить ему. Папа долженъ былъ считать это дѣло окончательно проиграннымъ. Въ заключеніе своего подробнаго письма Фотій говорилъ объ этомъ слѣдующее: „Что касается до Иллирійскихъ и другихъ церквей, возвращенія которыхъ вы требуете, то мы охотно бы это сдѣлали, если бы оно отъ насъ зависѣло, но эта задача государственная, ибо дѣло идетъ о предѣлахъ и границахъ“¹⁾.

Изъ письма Фотіева папа Николай не только долженъ былъ узнать о томъ, что всѣ надежды его не исполнились, но также и понять, какого опаснаго врага онъ встрѣчаетъ на пути къ осуществленію своихъ папскихъ идеаловъ. Начало это не обѣщало для папской системы ничего добраго на востокѣ.

Понятно, какъ поѣйствовало это письмо Фотія на Николая, какое впечатлѣніе оно произвело на него. Папа отвѣчаетъ на письма императора и патріарха цѣлымъ потокомъ угрозъ, укоровъ, изобличеній и прещеній.

По сужденію Гергенретера, церковь Византійская въ обстоятельствахъ низложенія патріарха Игнатія, возведенія на его мѣсто Фотія и въ обстоятельствахъ Константинопольскаго собора 861 года, такъ мало обратившаго вниманія на папскія притязанія по отношенію къ востоку, показала міру, что она, церковь Византійская, разлагалась внутренно, падала, погибала. Папа Николай I при такомъ положеніи вещей хотѣлъ явиться спасителемъ и возстанови-

¹⁾ Baronius, n. 52.

телемъ этой погибающей церкви. Папа будто бы хотѣлъ «спасти Византійскую церковь отъ всяческой тиранніи», хотѣлъ „возстановить нарушенное право“, хотѣлъ „протянуть ей спасающую руку“, хотѣлъ „оказать ей помощь“¹⁾. Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли факты сношеній Николая съ Византіею доказываютъ, что папа именно это, а не что другое, имѣлъ въ виду, вмѣшиваясь въ дѣла Константинопольской церкви?

Папа никакъ не хотѣлъ примириться съ той неудачею, какою кончились его сношенія съ Византіею по поводу Фотія. Доселѣ папа не высказывался еще рѣшительно ни за Игнатія, ни за Фотія; онъ готовъ былъ примириться съ положеніемъ вещей, каковы бы онѣ не были, если только церковь византійская признаетъ за папою права высшей юрисдикціи, если она не покусится подарить ему Иллирійскій экзархатъ. Надежды папскія рушились; оставалось еще испробовать не приведутъ ли къ цѣли прещенія, обличенія, и угрозы. Въ этомъ именно духѣ и составлены папою письма, писанныя имъ въ Константинополь вскорѣ послѣ собора 861 года. Папа написалъ отдѣльное письмо къ Фотію, и отдѣльное къ императору Михаилу.

Войдемъ въ анализъ этихъ писемъ. Письмо Николая къ Фотію отъ 18 марта 862 года начинается весьма широкимъ изложеніемъ ученія о главенствѣ Римскаго первосвященника. Въ прежнихъ письмахъ папа далеко еще не такъ твердо и рѣшительно настаивалъ на этой идеѣ, но это совершенно понятно, если возьмемъ во вниманіе, что съ одной стороны Николаю теперь съ особенною силою нужно было доказать непослушной Константинопольской церкви, что онъ имѣетъ право судить и ридить въ этой церкви, съ другой стороны—папѣ предлежала задача побудить къ умѣренности или даже къ полному молчанію Фотія, голосъ котораго съ такою силою раздавался въ защиту самостоятельности церкви византійской противъ чьихъ бы то ни было притязаній, хотя бы это были и притязанія Римскаго первосвященства со всякими его декреталями. Папа открываетъ письмо къ

¹⁾ Hergenröther. Photius. B. I, s. 508—9.

Фотію слѣдующимъ ученіемъ о положеніи папы въ средѣ церкви Христовой. „Господь и Искупитель нашъ Иисусъ Христосъ, благоволившій для нашего спасенія родиться отъ Дѣвы, дабы стать въ концѣ временъ истиннымъ человѣкомъ, какъ Онъ былъ прежде вѣковъ истиннымъ Богомъ, даровалъ Петру, князю апостоловъ, власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ, и право открывать двери царства небснаго. На твердостя вѣры этого апостола Онъ удостоилъ утвердить Свою святую церковь, ибо сказалъ ему: *ты еси Петръ* и пр. Въ силу этого обѣщанія построевалась церковь и продолжаетъ существовать, не подвергаясь опасности со стороны враговъ. Св. Петръ, князь апостоловъ, и вратарь царства небснаго по праву пользовался главенствомъ въ ней (что извѣстно всѣмъ православнымъ мужамъ). А послѣ него, викаріи его (т. е. Римскіе епископы), искренно служа Богу и охраняя ее отъ нападеній вражескихъ, достойно правили церковію и заботливо пеклись объ управленіи Господними овцами. Къ числу этихъ лицъ всемогущему Богу благоугодно было сопричислить и меня недостойнаго. *Вся церковь вѣрующая отъ этой-то св. Римской церкви, которая есть глава всѣмъ церквамъ, требуетъ наставленія, на ней лежитъ забота о поддержаніи цѣлости вѣры, она разрѣшаетъ грѣхи тѣхъ, кто достоинъ этого, и чрезъ нее испрашивается благодать Искупителя Господа.* Поэтому мы (папы), какъ скоро намъ поручено все это, должны быть заботливы и съ ревностію смотрѣть за стадомъ Божиимъ, въ особенности, когда жадные волки съ открытою пастію нападаютъ на него, желая растерзать его, о чемъ мы знаемъ и по слуху и по опыту. И хотя насъ раздѣляютъ отъ нихъ (т. е. жадныхъ волковъ) большія пространства земли и моря, какъ что мы не можемъ лично присутствовать тамъ, тѣмъ не менѣе пусть рядъ писемъ замѣнитъ нашъ живой голосъ, чтобы и на насъ не взводили вины молчанія, и слушающіе не могли отговориться невѣдніемъ. И да утверждается истина, что св. Римская церковь, чрезъ св. Петра, князя апостоловъ, сдѣлалась и есть глава всѣхъ церквей, и что отъ нея зависитъ ненарушимое и непоколебимое удержаніе порядка и управленіе во всѣхъ

церковныхъ дѣлахъ, ее должны вопрошать объ этомъ и слѣдовать ея голосу. *Поэтому все, что утверждается авторитетомъ римскимъ первосвященниковъ, все это должно твердо и неприкосновенно содержаться и никакое самоволіе не должно имѣть мѣсто здѣсь*“ .¹⁾ Вотъ урокъ, какой прежде всего приходится выслушать отъ папы и Фотію и всей церкви Константинопольской. Спрашивается: неужели это голосъ человѣка, протягивающаго „спасающую руку“ Византийской церкви?

Поставивъ этими предварительными разсужденіями власть папскую на недостигаемую высоту, указавъ въ ней авторитетъ, предъ которымъ должна послушно замолкать вся церковь, слѣдуя безпрекословно распоряженіямъ, выходящимъ отъ этой власти, папа затѣмъ въ письмѣ переходитъ къ самому разсмотрѣнію церковныхъ событій въ Константинополѣ. При такомъ значеніи папской власти, на какое выражалъ притязаніе Николай, кажется не было бы удивительнымъ, еслибы онъ прямо высказалъ свой праведный и безапелляціонный судъ надъ виновникомъ церковныхъ движеній въ Константинополѣ, но папа не хочетъ этого: онъ сначала думаетъ опровергнуть тѣ аргументы, которыми защищалъ себя Фотій, когда вопросъ касался посвященія его изъ мірянъ въ епископа. Т. е. папа желалъ доказать Фотію, что тотъ всецѣло неправъ. Фотій въ данномъ случаѣ ссылался на примѣръ Нектарія, избраннаго на второмъ вселенскомъ соборѣ, прямо изъ мірянъ въ епископа Константинополя. Папа находитъ неправымъ Фотія, когда тотъ ссылается въ свою защиту на образецъ Нектарія. Николай говоритъ: „Нектарій избранъ потому вторымъ вселенскимъ соборомъ, что въ то время нельзя было найти между клириками Константинопольскими *никого*, кто бы не былъ зараженъ тьмою злѣйшей ереси аріанской“ .²⁾ Не думаемъ чтобы тотъ аргументъ папы имѣлъ какое либо особенное значеніе и силу: ни откуда не извѣстно, чтобы поголовно вся Константинопольская церковь заражена была аріанст-

1) Migne. Patrologiae cursus. Latin. Ser. Tomus CXIX, col. 785—6.

2) Migne. Ibid. 786.

вомъ: да это вовсе и невѣрно: въ особенности если возьмемъ во вниманіе многоплодную дѣятельность Григорія Богослова, съ такимъ успѣхомъ боровшагося предъ вторымъ вселенскимъ соборомъ съ аріанской ересью въ Константинополѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Нектарій выбранъ былъ потому, что его личныя качества дѣлали его достойнымъ сана епископскаго, хотя онъ и былъ мірявинохъ. Фотій далѣе въ свою защиту ссылаясь на примѣръ св. Тарасія, избраннаго въ патріарха Константинополя тоже изъ мірянъ предъ седьмымъ вселенскимъ соборомъ. Папа противъ этого замѣчалъ, что, современный событію, Римскій первосвященникъ Адріанъ не одобрительно смотрѣлъ на подобное избраніе, и единственно потому не противился оному, что Тарасій показывалъ себя ревностнымъ борцомъ за иконопочитаніе.¹⁾ Но, во первыхъ, какое значеніе могло имѣть для церкви Константинопольской одобреніе и неодобреніе со стороны Римскаго первосвященника?— что приписывалъ себѣ папа, того не приписывала ему церковь: авторитетъ папы для церкви былъ условнымъ. Во вторыхъ, Тарасій не нашелъ порицанія своему избранію со стороны VII вселенскаго собора, который, имѣя власть высшую власти всякаго отдѣльнаго патріарха, тѣмъ самымъ не возбранилъ на будущее время, смотря по потребности церкви, избирать епископа изъ мірянъ.—Что касается до ссылки въ свою пользу со стороны Фотія на примѣры въ западной церкви —именно на примѣръ св. Амвросія, то папа, ослабляя силу Фотіева аргумента, замѣчалъ, что Амвросій выбранъ по чудесному случаю, и слѣдовательно Фотій не можетъ указывать на этотъ случай, какъ на оправданіе своего избранія²⁾. На это вотъ что нужно сказать: Гергенретеръ смотритъ на папу Николая, которому случилось быть современникомъ Фотія, какъ на особенное благодѣяніе Божіе, такъ какъ Николаю, по сужденію Гергенретера, выпалъ жребій сокрушить гордыню церкви византійской; поэтому, кажется, не будетъ особенною притязательностію со стороны церкви

1) Migne, 787.

2) Migne, 787—8.

восточной смотрѣть на Фотія, какъ на особенное орудіе Промысла, дарованное, при такихъ исключительныхъ и особенныхъ условіяхъ, для сохраненія этой церкви на будущее время отъ притязаній папскихъ: вѣдь не извѣстно, что случилось бы съ церковію византийскою, если бы на мѣсто Игнатія избранъ былъ не мужъ ума и величайшей энергіи Фотій, а лице слабое, безхарактерное.... Разобравъ аргументы, которыми Фотій защищалъ себя, Николай дѣлаетъ такой выводъ: „ты же не только изъ мірскаго состоянія вдругъ ринулся къ кормилу церкви Константинопольской, вопреки разуму св. отцевъ, но даже захватилъ въ церкви Константинопольской престолъ Игнатія еще при жизни этого мужа, и сдѣлался какъ бы прелюбодѣемъ (moechus); и такъ, имѣя власть въ своихъ рукахъ, мы меньше всего расположены дать свое согласіе на твое поставленіе, какъ дѣло законное“. ¹⁾

Особенно возмущало папу въ аргументахъ Фотія то, что онъ пренебрежительно относился къ декреталіямъ папскимъ, такъ какъ Фотій не стѣсняясь говорилъ папѣ въ письмѣ, что церковь Константинопольская вовсе и не знакома съ подобными церковными узаконеніями, за какія Николай выдавалъ папскія декреталіи. Николай съ нескрываемою досадою писалъ Фотію: „ты говоришь: ни собора Сардикійскаго, ни декреталій св. первосвященниковъ вы не имѣете и не принимаете — этому мы не вѣримъ. Въ особенности это нужно сказать о соборѣ Сардикійскомъ, который происходилъ въ вашихъ странахъ, и который приняла вся церковь Константинопольская, или, что должна была непременно сдѣлать, не удержала его? Почему вы не имѣете и не сохраняете декреталій, которыя изданы первосвященниками первой кathedры, — церкви Римской, авторитетомъ и санкціей которой утверждаются всѣ соборы и даже вселенскіе (sancta concilia), получая отъ него свою твердость? Ужъ не потому ли, какъ ты говоришь, онѣ не соблюдаются въ церкви Константинопольской, — что онѣ говорятъ вопреки твоему избранію, не потому ли, что онѣ не допускають

¹⁾ Migne, 788.

избранія изъ мірянъ въ епископа? Если въ самомъ дѣлѣ вы не имѣете у себя подобныхъ декреталій, то это свидѣтельствуеть о вашемъ нерадѣніи и безпечности; если же имѣете, и однакожь не соблюдаете ихъ, то вы заслуживаете порицанія и поношенія за дерзость“ ¹⁾). Вотъ въ какомъ родѣ проявлялось благородное негодованіе папы Николая за не-соблюденіе церковію Константинопольскою — чего же? — папскихъ декреталій! Папа возмущенъ тѣмъ, что правила собора Сардикійскаго не соблюдаются въ церкви восточной; но это упрекъ папа не могъ дѣлать одному Фотію, онъ долженъ былъ сдѣлать его и VII вселенскому собору, на которомъ предсѣдателемъ былъ Тарасій, выбранный въ епископы изъ мірянъ: не долженъ ли былъ этотъ фактъ показывать Николаю, что, если церковь восточная и принимала соборъ Сардикійскій, то не безусловно? Но нужно помнить, что на западѣ правила собора Сардикійскаго выдавались за правила собора Никейскаго 1-го вселенскаго: это-то собственно и побуждало папу особенно навязчиво указывать на значеніе собора Сардикійскаго для церкви. Еще страннѣе упрекъ Николаю, обращенный къ церкви Константинопольской, въ несоблюденіи папскихъ декреталій. Допустимъ даже, что здѣсь разумѣются не лжеисидоровы декреталіи, на чемъ настаиваетъ Неандеръ ²⁾, и что такъ не нравится Гергенрестеру ³⁾, все-таки уваженіе къ папскимъ декреталіямъ могло основываться только на идеѣ о папскомъ главенствѣ въ церкви, а какъ скоро подобная идея не раздѣлялась, какъ это и было въ церкви восточной, то подобное навязыванье декреталій нужно было считать и было непростительною притязательностію. Это хорошо понималъ Фотій! На этомъ-то и основывалось его замѣчаніе въ письмѣ къ папѣ, что Константинопольская церковь не имѣетъ и не соблюдаетъ папскихъ декреталій.

Въ заключеніе своего письма къ Фотію папа Николай

¹⁾ Migne, 788.

²⁾ Neander. Allgemeine Geschichte der christ. religion und kirche. 1856 B. II, S.331.

³⁾ Hergentröther. B. 1, S. 514.

выражають наконецъ свой судъ касательно событій въ Константинополѣ. Фотій не признается въ достоинствѣ патріарха, а Игнатій возстановляется въ своемъ достоинствѣ—вотъ что опредѣляетъ папа. Николай писалъ: „св. Римская церковь признаетъ Игнатія остающимся въ прежнемъ его достоинствѣ, такъ какъ за нимъ не открыто никакой вины, тебя же (Фотія), возведеннаго на престолъ вопреки благоразумію и въ противность отеческимъ преданіямъ, таже церковь не считаетъ возведеннымъ въ патріаршее достоинство“ ¹⁾. Если сравнимъ это папское рѣшеніе по дѣлу Фотія и Игнатія съ рѣшеніемъ папы по тому же дѣлу до собора 861 года, то мы легко найдемъ, что папа въ данномъ случаѣ заговорилъ другимъ языкомъ съ Фотіемъ. Прежде папа не становился прямо ни на ту, ни на другую сторону—не стоялъ ни за Игнатія, ни за Фотія. Теперь же когда сношенія съ Фотіемъ показали, что отъ него мало можно было ждать добра для папскаго возвеличенія, — Николай не обинуясь порываетъ связи съ Фотіемъ. Онъ прямо и безусловно объявляетъ, что Фотій не есть и не можетъ быть патріархомъ Константинополя: какъ будто бы папа не могъ отнестись къ Фотію подобнымъ образомъ и ранѣе, когда онъ хорошо зналъ о посвященіи Фотія изъ мірянъ, что однакоже не мѣшало папѣ подавать Фотію нѣкоторыя надежды (видно дѣло не въ канонахъ!). Папа впрочемъ чувствуетъ, кажется, что онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ прещеніяхъ, а потому, желая нѣсколько смягчить тонъ своего письма, пишетъ Фотію: „не подумайте, чтобы мы имѣли къ вамъ какуюнибудь ненависть или дѣйствовали по пристрастію, или гнѣвались на ваше посвященіе безъ основанія: нами руководитъ ревность къ преданію отцевъ; мы хотимъ, чтобы церковь Константинопольская по давнему обычаю, ради своей твердости и непоколебимости, прибѣгала къ церкви Римской и такимъ образомъ сохранялась невредимою, безъ порока, безъ преткновеній, безъ нарушеній правилъ“ ²⁾. Но конечно и самъ

¹⁾ Migne, 789.

²⁾ Migne, 789.

папа не вѣрилъ въ искренность своихъ словъ, а еще менѣе могъ вѣрить въ искренность ихъ **Фотія**, ~~который~~ ~~хорошо~~ понималъ, на ~~чемъ~~ ~~собственно~~ основывалось такое ревнованіе **Николая** о церкви Константинопольской.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію другаго документа, относящагося къ этому же времени въ исторіи раздоровъ церкви Римской съ Византійской. Мы разумѣемъ письмо папы **Николая** къ императору **Михаилу** отъ 19 марта того же 862 года. Нѣтъ надобности разбирать въ подробности это письмо; по большей части оно повторяетъ тѣ же мысли, какія изложены въ сейчасъ разсмотрѣнномъ письмѣ папы къ **Фотію**. Отмѣтимъ въ немъ лишь нѣкоторыя болѣе рѣшительныя сужденія, которыя произноситъ въ немъ папа касательно **Фотія**. Такъ, папа въ немъ проводитъ нѣкоторую параллель между **Игнатіемъ** и **Фотіемъ**, и, восхваляя перваго, не находитъ довольно словъ для порицанія втораго. „О славнѣйшемъ мужѣ **Игнатіи**, пишетъ папа, мы знаемъ, что онъ и знаменитъ роіомъ, и съ раннихъ лѣтъ проходилъ должности церковныя, неся монашескую жизнь, и сдѣлался епископомъ съ согласія всего клира. А о **Фотіи** же, напротивъ, намъ извѣстно, что онъ не проходилъ никакихъ церковныхъ должностей, но вдругъ изъ мірскаго состоянія возведенъ въ санъ епископа. Поэтому—рѣшаетъ **Николай**,—мы положили въ своемъ мнѣніи и наставляемъ не признавать патріарха **Игнатія** осужденнымъ за что либо, а **Фотія** мы *ни въ какомъ случаѣ не пріемлемъ*. Мы не можемъ равнодушно переносить того, что **Игнатія**, ни въ чемъ неповиннаго, низлагаете, осуждаете и изгоняете, а **Фотія** изъ мірскаго состоянія безразсудно возводите на его мѣсто въ епископа; въ особенности потому мы не можемъ сносить всего этого, что *мы повелѣли дѣло ихъ обоимъ—**Игнатія** и **Фотія**—ислѣдовать и намъ о нихъ довести, не опредѣляя ничего*. Поэтому—замѣчаетъ **Николай**—мы ни въ какомъ случаѣ не даемъ своего согласія ни на низложеніе **Игнатія**, ни на епископское достоинство **Фотія**, пока истина, всячески затемняемая ложью, не возблеститъ для моихъ очей“ ¹⁾). Требуя осужденія **Фотія** и возведенія **Игна-**

¹⁾ Migne, 791.

тія на кафедрѣ Константинопольскую, папа Николай, однако, глубоко сознаеть, въ какое ложное положеніе въ данномъ случаѣ поставили его собственные легаты, согласившіеся въ Константинополѣ признать *status quo* церковныхъ дѣлъ. „Вы находите — пишетъ папа — что легаты наши, послѣ осужденія патріарха Игнатія, сочли долгомъ осудить и отринуть и самое посвященіе его въ патріархи: *но мы никакъ не потерпимъ этого; мы ни въ какомъ случаѣ не осудимъ Игнатія и признаемъ Фотія за прелюбодѣя*“ ¹⁾. Другими словами, папа не такого исхода ожидалъ отъ посольства своихъ легатовъ въ Константинополь по дѣлу Фотія съ Игнатіемъ, а потому и слышать не хочетъ о томъ, съ чѣмъ согласились, вопреки интересамъ и видамъ Николая, легаты его въ Константинополѣ. Чего же теперь хотѣлъ бы папа? Онъ хотѣлъ бы, чтобы и въ этомъ дѣлѣ, и при другихъ случаяхъ, церковь Константинопольская не отказалась бы слѣдовать велѣніямъ папскимъ: вотъ чего хотѣлъ папа. Объ этомъ онъ и говоритъ далѣе въ письмѣ къ императору. „Свѣтлѣйшій Августъ! увѣщаваемъ, убѣждаемъ и своею апостольскою властію возвѣщаемъ вамъ — воспротивитесь тѣмъ, кто, по своему самоволію возсталъ противъ предстоятеля церкви Константинопольской: этого низлагаютъ, а другаго поставляютъ на его мѣсто, и все это дѣлаютъ *безъ нашего вѣдѣнія*. Вѣдь, увы, отсюда-то и происходятъ часто неустройства въ вашихъ восточныхъ церквахъ“; и на будущее время — убѣждаетъ папа — „главнымъ образомъ старайтесь о томъ, чтобы, если случится что либо такое, изъ чего могла бы возникнуть схизма, *поспѣшить за советомъ къ нашей церкви и вести дѣло сообразно съ этимъ советомъ*“ ²⁾. Т. е. папа Николай требовалъ ни больше ни меньше, какъ того, чтобы Фотій былъ низвергнутъ, пробывъ уже нѣсколько лѣтъ патріархомъ, а Игнатій былъ снова восстановленъ въ своемъ достоинствѣ, пробывъ тоже нѣсколько лѣтъ въ изгнаніи, и это учинить безъ всякой основательной причины, единственно потому, что такъ — угодно папѣ.

¹⁾ Migne, 793.

²⁾ Ibidem.

Можно себя вообразить, какой соблазнъ, какое нестроение возникли бы въ церкви, если бы это дѣйствительно случилось. Еще меньше могъ ожидать папа, что церковь Константинопольская согласится обращаться за совѣтомъ въ нужныхъ церковныхъ вопросахъ къ церкви Римской, когда такое обращеніе всегда могло грозить опасностію самостоятельности церкви; ибо папы могли давать совѣты не въ качествѣ друзей, а лишь въ качествѣ владыкъ. Понятно, что папа ничего изъ желаннаго не дождался отъ Византіи и потому онъ счелъ своимъ долгомъ измѣнить свою политику въ отношеніи къ Константинополю.

Патріархъ Фотій и императоръ Михаилъ не сочли долгомъ отвѣчать на папскія посланія 862 года. Очень можетъ быть, на этомъ дѣло и кончилось бы. Т. е. дѣла церковныя въ Византіи приняли свое правильное, ненарушимое теченіе, и папа успокоился бы, не находя возможнымъ провести идею своего влѣстительства на востокѣ, какъ, видимо, давался къ тому случай возшествіемъ Фотія на престоль. Но обстоятельства однакожь не позволили остановиться ходу дѣла на этомъ. Вскорѣ папа снова завязываетъ сношенія съ Византіею, и при томъ въ тонѣ, самомъ угрожающемъ для Фотія и лицъ, составлявшихъ его партію изъ духовенства. Главнымъ поводомъ къ этому было обращеніе къ папской помощи со стороны нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, приверженныхъ къ Игнатію и со стороны самого Игнатія. Въ главѣ этихъ лицъ былъ архимандритъ Θεогностъ; онъ отъ лица Игнатія подалъ папѣ Николаю аппелляцію, требуя суда папскаго касательно произшествій Константинопольскихъ. Аппелляція эта написана была въ тонѣ весьма выгодномъ для папскихъ притязаній. Для насъ съ нашими цѣлями не особенно важенъ вопросъ: была ли эта аппелляція подлинно аппелляціею самого Игнатія, или она, помимо его прямой воли, составлена Θεогностомъ, ходатаемъ по дѣлу Игнатія въ Римѣ (мы впрочемъ болѣе склоняемся въ пользу перваго мнѣнія, потому что ни откуда не видно, чтобы Игнатій порицалъ Θεогноста за эту аппелляцію и отказывался отъ нея, какъ не принадлежащей ему). Важно то, что эта аппелляція снова даетъ поводъ къ прер-

вавшимъ было сношеніямъ Рима съ Константинополемъ. И съ этимъ раздоръ Рима съ Византіею достигаетъ *новой фазы* своего развитія. Николай, всецѣло и безусловно становясь на сторону Игнатія, всячески, всѣми анаемами громить супротивнаго Фотія. Наслушавшись неблицъ и сказокъ отъ Θεогноста и другихъ Игнатіанъ, прибывшихъ въ Римъ, о нечестіи и злоупотребленіяхъ Фотія и его партіи, папа считаетъ обязанностію своей апостольской власти на соборѣ Римскомъ 863 года произнести рѣшительное осужденіе на Фотія, причемъ, какъ необходимое слѣдствіе — требовалось возстановленіе Игнатія въ патріаршемъ его достоинствѣ и правахъ. Соборный актъ папа Николай переслалъ въ Константинополь на имя императора Михаила.

Въ первомъ опредѣленіи этого собора съ подробностію излагаются мнимыя преступленія Фотія, за которыя наконецъ и произносится осужденіе на него. Опредѣленіе гласило: „Фотій принадлежитъ къ схизматикамъ; онъ, посвященный вдругъ изъ свѣтскаго званія, отнялъ престоль у патріарха Игнатія, похитилъ невѣсту Христову (церковь Константинопольскую) у жениха ея Христа, онъ пришелъ къ стаду Господню не чрезъ дверь, которая есть Христось, но вторгся по подобію вора и разбойника отъинуду и какъ насильственный и неистовый прелюбодѣй напалъ на нее; онъ ежедневно и не стѣсняясь входилъ въ общеніе съ осужденными и анаематствованными, и, вопреки своему обѣщанію, ничего не предпринимать худого противъ патріарха Игнатія, собралъ соборъ, (861 г.) на которомъ онъ, вмѣстѣ съ другими лицами осужденными, анаематствованными и безъ опредѣленныхъ каеодръ, какъ равно и съ тѣми, отъ кого онъ неправильно былъ посвященъ, и кого онъ самъ безразсудно возвелъ въ духовныя должности, осмѣлился провознести отлученіе на соепископа нашего Игнатія и наложить на него анаему. Онъ всѣми способами постарался отвратить нашихъ легатовъ отъ исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, такъ что они, не только ничего не сдѣлали изъ того, что имъ было повелѣно, но даже явились нарушителями всего, что имъ было приказано. Онъ доселѣ не перестаетъ поражать гоченіями св. церковь, неслыхан-

ными наказаніями и пытками мучаетъ Игнатія, и всѣхъ стоящихъ за истину и вѣру готовъ подвергать смерти¹⁾. За все это папа налагаетъ наказаніе на Фотія, приговоръ о которомъ онъ формулируетъ въ слѣдующихъ вычурныхъ выраженіяхъ: „За все совершенное Фотіемъ, вопреки евангельскимъ, апостольскимъ, пророческимъ и каноническимъ постановленіямъ, во имя Всемогущаго Бога, св. князей апостоловъ Петра и Павла, всѣхъ святыхъ, и во имя авторитета *шести* вселенскимъ соборовъ¹⁾, по суду Святаго Духа, являемаго въ насъ, — Фотій лишается всякаго священническаго достоинства, и отчуждается отъ всякихъ дѣйствій клирика. Если же и послѣ того, какъ онъ узнаетъ объ этомъ рѣшеніи нашемъ, произнесенномъ, какъ мы думаемъ, по Божественному внушенію, онъ однакожь осмѣлится продолжать предстоятельство въ перкви Константинопольской, или воспрепятствуетъ соепископу нашему Игнатію править церковію безъ всякаго вмѣшательства, или если осмѣлится священнодѣйствовать, какъ это было прежде, — въ такомъ случаѣ связанный узами анаемы вмѣстѣ съ своими сообщниками и покровителями, по неизмѣнному суду Божію, чрезъ наше посредство, лишается общеніе тѣла и крови Господней, за исключеніемъ смертнаго случая“²⁾.

Въ такомъ родѣ произносятъ свой судъ папа Николай надъ Фотіемъ. Ни тонъ кроткій и снисходительный, ни тонъ угрожающій, съ какимъ обращался доселѣ папа къ Фотію — не приводили къ цѣли: Фотій не думалъ покупать благорасположенности папы цѣною самостоятельности церкви Византійской. Поэтому папа рѣшился дѣйствовать на непокорнаго, не признающаго его авторитета Фотія, столь сильнымъ средствомъ на Западѣ въ рукахъ папъ — анаемою. — Едва ли нужно говорить о томъ, что всѣ основанія, въ силу которыхъ папа Николай произноситъ свой грозный

¹⁾ Любопытно, что VII-й вселенск. соборъ при этомъ случаѣ исключень, вѣроятно потому, что предсѣдателемъ его былъ патр. Тарасій, возведенный въ санъ патріаршіи, подобно Фотію, тоже прямо изъ мірянъ. Неуголовный на этотъ разъ, соборъ папою безъ церемоніи оставленъ такъ сказать за штатомъ!

²⁾ Migne. Patr. curs. T. CXIX, col. 851—852.

судъ надъ Фотіемъ, были не болѣе, какъ выдумками самого папы, руководимаго такими защитниками Игнатія, какъ Теогность, бѣжавшій въ Римъ съ апелляціей въ пользу Игнатія. Къ какому это схизматикамъ принадлежалъ Фотій — этого опредѣлить и самъ папа не могъ, хотя конечно старательно собиралъ всякіе дурные слухи о ненавистномъ ему лицѣ? Какимъ образомъ Фотію могло быть поставлено въ вину его патріаршество при жизни Игнатія, когда не разъ и единодушно, за исключеніемъ весьма немногихъ привѣрженцевъ Игнатіевыхъ, онъ признанъ былъ законнымъ патріархомъ церкви Константинопольской, о чемъ мы уже говорили выше? Какимъ образомъ можно обвинять Фотія за то, что онъ произнесъ отлученіе на Игнатія, когда извѣстно, что Игнатіане сами прежде этого произнесли анаѳемѣ на Фотія, и Фотій вынужденъ былъ, при такихъ условіяхъ, лишь заплатить долгъ? ¹⁾ И уже конечно никакъ нельзя поставить въ вину Фотію страданій Игнатія, за которыя отвѣтствуетъ деспотическое правительство того времени, не останавливавшееся ни предъ какими средствами своего мщенія, — страданій, которыя глубоко возмущали душу Фотія, и для устраненія которыхъ онъ употреблялъ въ свое время всѣ зависящія отъ него мѣры.

Сообразно тому, какъ всѣ немилости папскія сыпались на главу Фотія, всѣ милости папскія обращаются къ Игнатію. Конечно и Фотій могъ бы ожидать себѣ благосклонности отъ папы, если бы болѣе или менѣе поступилъ чѣмъ нибудь изъ своихъ патріаршихъ правъ въ пользу Рима, — но Фотій былъ и оставался непреклоннымъ!

Вотъ что положилъ тотъ же папскій соборъ касательно Игнатія: „касательно святѣйшаго брата нашего и соепискона Игнатія, патріарха церкви Константинопольской, который императорскимъ насиліемъ лишенъ принадлежащаго ему престола, который потомъ отъ Фотія, прелюбодѣя, супротивника и похитителя кафедръ Константинопольской, анаѳематствованъ, и который наконецъ отъ нашихъ легатовъ и вопреки нашимъ предписаніямъ лишенъ своихъ свя-

¹⁾ Hergenröther. B. I. S. 382.

тительскихъ украшеній—касательно его, Игнатія, во имя
вышняго суда Господа нашего І. Христа мы объявляемъ,
утверждаемъ и постановляемъ, что онъ какъ бы никогда и
не былъ низложенъ, или анаематствованъ, или император-
скою волюю безъ всякаго каноническаго суда изгоняемъ изъ
церкви, — онъ не могъ быть связанъ никакою анаемою
отъ тѣхъ, кто сами были связаны, и не могъ быть лишенъ
своего достоинства тѣми, кто не имѣлъ никакого права
судить, и кто не былъ уполномоченъ на это апостольскою
каедрою (т. е. Римскою). Поэтому, разрѣшая его, Игнатія,
отъ всякихъ связей и анаемы властію, данною намъ въ
св. Петрѣ и въ силу св. каноновъ и въ силу декреталій
возстановляемъ, утверждаемъ его въ прежней его чести, въ
прежнемъ достоинствѣ и на прежней кафедрѣ, въ прежней
степени патріаршей и въ прежнихъ первосвященническихъ
украшеніяхъ. Итакъ кто, послѣ того какъ извѣстно ста-
нетъ это опредѣленію, не будетъ признавать его въ перво-
священническомъ достоинствѣ, не во всемъ послушенъ бу-
детъ этому опредѣленію, или отдѣлится отъ общенія съ
нимъ или осмѣлится *произнести противъ него какой либо
судъ безъ согласія на то апостольской кафедрѣ* — таковой,
если онъ будетъ клирикъ, лишается своей должности предъ
Вогомъ и людьми и будетъ подлежать, какъ предавшій сво-
его учителя, вмѣстѣ съ Іудею предателемъ вѣчному муче-
нію, и если онъ не отступится отъ своихъ худыхъ намѣ-
реній, то пребудетъ связанъ анаемою; — если же мірянинъ
какой воспротивится этому нашему постановленію и будетъ
препятствовать Игнатію снова принять свою кафедру и свое
достоинство, или, по вступленіи его на оную, снова взду-
маетъ нападать на него и изгнать его или дѣлать какое
либо оскорбленіе его лицу и чести, таковой лишается вся-
каго пастырскаго благословенія и заслуживаетъ проклятія
Ханаана, сына Хамова, который, видя срамоту отца своего,
посмѣялся надъ нимъ, и подвергнется съ отцеубійцами по
суду Божию вѣчному наказанію и будетъ связанъ узами
анаемы, пока не покается и не образумится“ ¹⁾. И такъ

¹⁾ Migne, 853—4.

по этому рѣшенію Римскаго собора или собственно папы Николая все, что совершилось въ Константинопольской церкви въ послѣднія 5—6 лѣтъ, все, что сдѣлано здѣсь почти единогласно всею церковію,—все во мгновение должно разрушиться по нежеланію папы видѣть порядки Константинопольскіе! Что бы сказалъ самъ папа, если бы какая нибудь другая церковь, хоть таже Константинопольская, обратилась съ какимъ нибудь подобнымъ же рѣшеніемъ къ церкви Римской? Не счелъ ли бы онъ подобное вмѣшательство за желаніе произвести церковное возмущеніе, церковную революцію, за самое крайнее оскорбленіе правъ своей церкви?

Папа впрочемъ не удовлетворился тѣмъ, что присудилъ Фотію снять съ себя патриаршее достоинство, а Игнатію снова воспринять на себя обязанности архипастыря въ Константинополѣ, не обращая вниманія на то, какъ отнеслось бы къ этому духовенство, какъ приняла бы паства (Николай полагаетъ, что всѣ церкви существуютъ какъ бы для того, чтобы исполнять единственно волю папъ!), онъ требуетъ, чтобы и приверженцы Фотія между клириками раздѣляли жребій осужденнаго. Относительно епископовъ, священниковъ и клириковъ, поставленныхъ Фотіемъ, папа положилъ: „тѣхъ, кого Фотій, неофитъ и похититель Константинопольской кафедръ, посвятилъ въ какую либо церковную должность, какъ скоро извѣстно о каковыхъ, что они сочувствуютъ злоупотребленіямъ ихъ руководителя, и что они имѣютъ общеніе съ нимъ,—тѣхъ мы лишаемъ всякой церковной должности, и во имя апостольской и канонической власти отлучаемъ“ ¹⁾. Напрасно папа ограничился отлученіемъ только тѣхъ клириковъ, которые посвящены были Фотіемъ: стоя строго на почвѣ канонической, онъ долженъ бы низвергнуть и всѣхъ другихъ лицъ духовныхъ, которыя хотя и не были посвящены Фотіемъ, но входили съ нимъ въ общеніе, невзирая на то, что онъ былъ незаконнымъ патриархомъ съ точки зрѣнія папы; тогда вся Константинопольская церковь по волѣ папы подверглась бы интердикту,

¹⁾ Migne, 863.

но вѣдь папа дѣйствуетъ не во имя канонѡвъ, а во имя мести къ Фотію.— Что касается до лицъ духовныхъ Игнатіевой партіи, то папа Николай—буде они лишены своихъ должностей—возстановляетъ ихъ въ ихъ достоинствѣ, хотя бы они были виновны и еще въ чемъ нибудь, помимо противленія патріаршей власти Фотія. Папское рѣшеніе гласило: „относительно епископовъ или клириковъ какой либо церковной степени, изгнанныхъ въ ссылку по несправедливомъ низверженіи брата нашего Игнатія, или лишенныхъ своей должности и степени по ненависти,—мы постановляемъ, пусть по возвращеніи изъ ссылки они займутъ свои каяедры, или вступятъ въ отправленіе своихъ должностей. И всякій, кто дерзнетъ воспротивиться этому нашему рѣшенію, воспрепятствуетъ таковымъ воспринять каяедру или должность, пока не укротится, будетъ подлежать анаемѣ. Если кто изъ епископовъ или клириковъ этихъ обвиняется къмъ либо въ какихъ либо преступленіяхъ, мы опредѣляемъ однакожъ, чтобы они восприняли свои каяедры и должности, и никто да не осмѣливается судить таковыхъ помимо епископа каяедры Римской. Такъ повелѣваютъ каноны“ ¹⁾.

Весьма замѣчательную черту въ этихъ папскихъ требованіяхъ составляетъ то, что, произнося касательно Фотія и его приверженцевъ судъ рѣшительный и безапелляціонный, папа въ то же время опредѣляетъ, чтобы, въ случаѣ какихъ либо обвиненій на Игнатія или его приверженцевъ, дѣло непременно переносилось на разсмотрѣніе папы. Т. е. считая свои опредѣленія касательно Фотія неподлежащими какому либо перерѣшенію, онъ не дозволяетъ Константинопольской церкви судить папою оправданныхъ, хотя бы они и обвинялись въ чемъ либо, и тѣмъ желаетъ постановить эту церковь въ зависимое положеніе отъ Римской каяедры; покровительствуемая имъ партія, если бы ей удалось восторжествовать, должна была бы по этому требованію папы стать въ положеніе подчиненное къ нему, а съ этимъ и самая церковь Константинопольская становилась бы въ такія же отношенія къ Риму. Папа вѣрно мѣтилъ въ цѣль.

¹⁾ Migne, 884.

Смотря на приведенныя нами распоряженія папы касательно церкви Константинопольской по дѣлу Фотія—каждый хорошо можетъ понять: можно ли назвать такое вмѣшательство папы въ дѣла церкви Константинопольской „подаваніемъ спасающей руки“, какъ называетъ это вмѣшательство Гергенретеръ? Если бы по требованію папскому дѣйствительно случилось бы все то, чего хотѣлъ онъ, то не умиротвореніе церкви Константинопольской, а *расколъ*, былъ бы результатомъ папскихъ домогательствъ.

Историкъ къ своему утѣшенію можетъ созерцать, что папскія мѣры противъ Фотія не производили ни какого впечатлѣнія на церковь Константинопольскую: она осталась равнодушною къ громамъ Римскимъ.

Понятно, грозныя суды папскіе касательно церкви Константинопольской, изложенныя въ письмѣ Николая къ императору, хотя они и не имѣли какихъ нибудь важныхъ послѣдствій, не могли быть пріятными и для двора Византійскаго и для патріарха Фотія. Папа слишкомъ много позволялъ себѣ въ отношеніи къ положенію церкви Константинопольской. Нужно было опредѣленнѣе и яснѣе высказаться, какъ именно церковь Константинопольская смотритъ на папу и папство въ ихъ отношеніи къ церквамъ самостоятельнымъ, какою, наприм., была церковь Константинопольская! Нужно было положить предѣлъ гордымъ притязаніямъ Рима. Съ этою-то цѣлію и было отправлено изъ Константинополя письмо къ папѣ отъ имени императора Михаила въ 865 году. Письмо это впрочемъ не дошло до насъ. Но о содержаніи его мы можемъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отвѣтнаго письма папы на имя императора. Самый тонъ этого папскаго письма бранчливый и не въ мѣру заносчивый даетъ понять, что письмо императора задѣло за живое папу, оскорбило его самолюбіе.

Папа, какъ мы сказали выше, рѣшился анаеоматствовать Фотія и всѣхъ его приверженцевъ, грозилъ анаеомою самому императору за его желаніе видѣть и удерживать Фотія на престолѣ патріаршемъ; — не удивительно послѣ этого, если письмо императора не было настолько спокойно и любезно, насколько это желалось бы видѣть въ сношеніяхъ двухъ церквей.

Остановимся на тѣхъ болѣе замѣчательныхъ заявленіяхъ, которыя сдѣланы были въ письмѣ императора по отношенію къ папѣ, и о которыхъ мы можемъ судить по отвѣту со стороны папы Николая. Эти заявленія замѣчательны и сами по себѣ, какъ выраженіе отрицанія тѣхъ правъ, на которыя претендовалъ папа, а равно и по тому горделивому и высоко-мѣрному тону, съ которымъ Николай отвѣчаетъ на нихъ.

Императоръ, наприм., давалъ понять папѣ, что если церковь Константинопольская недавно вошла въ сношенія съ церковію Римскою по важному вопросу, то это не было какою либо необходимостію и обязанностію со стороны первой по отношенію ко второй, но что это дѣло внимательности, которую долженъ цѣнить папа. „Уже со времени шестаго вселенскаго собора—говоритъ императоръ—никто изъ папъ не заслуживалъ такой чести, какую оказала церковь Константинопольская Николаю“. Отсюда само собою слѣдовазо, что Византійская церковь не считаетъ себя обязанною давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ предъ папскимъ трибуналомъ и что напрасно папа смотритъ на Римскую церковь, какъ на опекуншу и руководительницу церкви Константинопольской; послѣдняя церковь можотъ жить и безъ руководства, съ которымъ такъ навязывается папа. Конечно, такое мнѣніе было не по душѣ папѣ Николаю, и онъ старается представить независимое отъ папы положеніе церкви Константинопольской, какъ чорту, nereкомендующую эту церковь. Это значило, по сужденію папы, частію то, что церковь Константинопольская не понимала и не понимаетъ своихъ истинныхъ интересовъ, частію то, что папы и не всегда, вѣдь, удостоивали своего благосклоннаго вниманія эту церковь. „Вы говорите, какъ будто въ укоризну намъ, что ваши предшественники не обращались къ каедрѣ апостольской; въ сущности же это служить къ стыду ихъ: это значить, что, какъ ни много въ это время страдала церковь отъ разныхъ ересей, однакожь она не искала истиннаго врачевства отъ насъ (въ церкви Римской). И врачевство, съ которымъ мы добровольно обращались къ вамъ, вы въ отчаяніи или по нераскаянности сердца, не принимали“. Съ другой стороны, по мнѣнію папы, въ раз-

сма­три­вае­мое вре­мя соб­ствен­но и не съ кѣмъ изъ им­пе­ра­то­ровъ вхо­дить бы­ло въ сно­ше­нія па­памъ; не бы­ло им­пе­ра­то­ровъ дос­той­ныхъ пап­ска­го бла­го­во­ле­нія. „Со вре­мени ше­ста­го все­лен­ска­го со­бо­ра—го­во­ритъ па­па—им­пе­ра­то­ры Ви­зан­тій­скіе боль­шею час­тію бы­ли ере­ти­ка­ми, и толь­ко рѣд­ко—пра­вос­лав­ны­ми. Если они бы­ли ере­ти­ка­ми, то не уд­ви­тель­но если они не рѣша­лись вхо­дить съ на­ми въ сно­ше­нія; они не ос­мѣли­ва­лись, бла­го­да­ря Бо­га, счита­ть насъ со­об­щни­ка­ми. Пра­ва­да, бы­ли ме­жду ни­ми час­то и та­кіе, ко­то­рые пы­та­лись бы­ло за­вя­зать съ на­ми сно­ше­нія, но они съ по­сра­мле­ніемъ бы­ли от­вер­гну­ты: на­шею твер­дос­тію мы сра­жа­ли ихъ, че­го одна­кожъ не дѣла­ла цер­ковь Кон­стан­ти­но­поль­ская“. Впро­чемъ, къ сво­ему утѣ­ше­нію, па­па могъ сос­лать­ся на то, что ино­гда цер­ковь Кон­стан­ти­но­поль­ская и въ это вре­мя всту­па­ла въ сно­ше­нія съ цер­ковію Рим­скою, какъ это бы­ло, на­прим., при им­пе­ра­три­цѣ Ир­инѣ¹⁾. Та­кимъ обра­зомъ ука­заніе им­пе­ра­то­ра на то, что цер­ковь Кон­стан­ти­но­поль­ская ни­ко­гда не счита­ла себя обя­зан­ною слу­шать­ся го­ло­са па­пъ, но что обра­ща­лась къ эти­мъ послѣд­нимъ толь­ко то­гда, ко­гда на­хо­ди­ла это по­че­му-ни­будь нуж­нымъ для себя—па­па ста­вить въ уп­рекъ и по­сра­мле­ніе для цер­кви Кон­стан­ти­но­поль­ской. Такъ да­леко па­пы за­шли въ сво­ихъ са­мо­лю­бивыхъ и че­сто­лю­бивыхъ прит­язаніяхъ!

Въ част­но­сти раз­сма­три­вая сно­ше­нія цер­кви Кон­стан­ти­но­поль­ской съ Рим­скою, ко­то­рыя по­да­ли та­кой по­водъ къ пап­ско­му вто­рже­нію въ дѣла этой пер­вой цер­кви, им­пе­ра­торъ, по сло­вамъ па­пы, да­валъ замѣ­тить въ пись­мѣ послѣд­не­му, что Ви­зан­тій­ская цер­ковь въ это­мъ слу­чаѣ не имѣ­ла же­ла­нія пе­рерѣ­шать су­жде­ніе, про­из­несен­ное по дѣлу Иг­на­тія уже ею са­мою, и что, слѣд­о­ва­тель­но, на­прасно па­па въ та­комъ имен­но смы­слѣ исто­л­ковываетъ, за­вя­зав­шія­ся по это­му по­во­ду, сно­ше­нія Ви­зан­тіи съ Римомъ. Т. е. им­пе­ра­торъ да­валъ замѣ­тить па­пѣ, что Кон­стан­ти­но­поль­ская цер­ковь въ соз­наніи сво­ей са­мо­сто­ятель­но­сти ина­че смот­ритъ на себя, чѣмъ какъ же­ла­лось бы па­пѣ. Им­пе­ра­торъ—по сло­вамъ па­пы—пи­салъ ему: „если мы и от­прав­ля­ли къ вамъ по­со­ль­ство, то все­гда не по­то­му что­бы хо­

¹⁾ Migne, t. CXIX. Col. 929—30.

тѣли подвергнуть Игнатія вторичному суду“¹⁾: Константинопольская церковь уже сама окончательно порѣшила это дѣло. Но папа отнюдь не хотѣлъ согласиться съ этимъ; ему самая мысль подобнаго рода казалась чудовищною и дерзкою; развѣ можетъ быть законнымъ судъ надъ патріархомъ Константинопольскимъ, если не выслушано мнѣніе папы Римскаго?... Вотъ отвѣтъ, какой даетъ на это замѣчаніе императора папа Николай. „Извѣстно—говоритъ папа—что никому другому, а именно намъ принадлежитъ особенное право простирать жезлъ наказанія на предстоятелей церкви Константинопольской; никогда—говоритъ папа—не бывало такого между ними, кто бы безъ согласія церкви Римской былъ лишенъ каяедры и кто бы до сегодня считался между низложенными. Упомянемъ изъ нихъ немногихъ: развѣ не съ папскаго совѣта и не папскими декретами низложены Максимъ, Несторій, Акакій, Анеимъ, Сергій, Пирръ, Павелъ, Петръ (папа не хотѣлъ понять, что частію эти случаи были слишкомъ исключительны, частію большинство этихъ лицъ было лишено каяедры еще до заявленія папскаго согласія на низверженіе ихъ)? Почему же это—спрашиваетъ папа—только при одномъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ Игнатіи, вы старались презрѣть и предать забвенію память Петра (т.-е. игнорировать судомъ папскимъ)? ужъ не потому ли, что все хотѣли сдѣлать по своему желанію, почему и составили соборъ, равный по жестокости второму Ефесскому (разбойничьему 449 году), на которомъ патріархъ Александрійскій (Діоскоръ) съ своими злоумышленниками злодѣйствовалъ противъ патріарха Флавіана²⁾“? Да и какъ—разсуждаетъ папа—возможно, чтобы судъ надъ Игнатіемъ совершился безъ воли папы, когда каждый соборъ заимствуетъ свою силу и авторизацію только отъ папскаго утвержденія? „не говорите—замѣчаетъ папа, что вы не имѣли нужды въ сужденіи Римской церкви (по дѣлу Игнатія), когда только эта церковь своимъ авторитетомъ утверждаетъ собранные соборы, своею властію охраняетъ ихъ. Отсюда—

1) Migne, 933.

2) Migne, 943.

то и происходит, что некоторые из них, как скоро не имѣли папскаго согласія на свои рѣшенія, теряли всякую свою силу“ ¹⁾). Такъ высоко смотрѣлъ папа на свои права касательно церкви Константинопольской, и однакожь Константинопольская церковь ничуть не раздѣляла его возрѣнїи на авторитетъ Римской церкви ²⁾). Разборъ императорскаго письма составляетъ первую вступительную часть весьма обширнаго по своему объему письма же папы Николая; въ дальнѣйшемъ своемъ теченїи письмо это касается двухъ важныхъ для насъ сторонъ. Во первыхъ, оно стремится обосновать папскую притязательность по отношенію къ Константинополю, и для сего всячески старается съ одной стороны возвысить папскую кафедру и папскій авторитетъ, съ другой—унизить и такъ сказать втоптать въ грязь значеніе церкви Константинопольской. Во вторыхъ, оно теперь уже совершенно опредѣленно высказываетъ: въ чемъ состоятъ требованія папы Николая по отношенію къ церкви Константинопольской при настоящемъ положенїи ея дѣлъ.

Посмотримъ какъ совершаетъ это папа Николай въ своемъ письмѣ.

Если папа имѣетъ право вторгаться во внутреннїя дѣла церкви Константинопольской—и притомъ съ несомнѣннымъ авторитетомъ, то само собою это нужно было доказать. Это именно и дѣлаетъ папа, когда въ высокихъ чертахъ описываетъ значеніе и авторитетъ кафедры Римской въ средѣ всего христіанскаго міра. Гергенретеръ не находитъ словъ, чтобы достойно восхвалять папу Николая за умѣнье съ силою доказать значеніе Римской кафедры, что послѣднїй дѣлаетъ въ

¹⁾ Migne, 947.

²⁾ Гергенретеръ (В. I. S. 553) старается, основываясь между прочимъ на намекахъ самого папы Николая, увѣрить, что истиннымъ авторомъ письма, посланнаго отъ имени Михаила папѣ, былъ Фотїй. Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли нужно соглашаться, частію потому, что едва ли серьезный и глубокомысленный Фотїй допустилъ бы себѣ такіе тривиальные упреки въ отношенїи къ папѣ, какъ упрекъ въ варваризмѣ латинскаго языка, частію потому, что, строго говоря о содержанїи и характерѣ письма, нельзя ничего утверждать опредѣленнаго, такъ какъ оно не дошло до насъ, а папскія цитаты изъ него могутъ быть и не совсѣмъ точны.

разсматриваемомъ письмѣ¹⁾. Гергенретеръ, подъ вліяніемъ папскихъ доказательствъ по данному вопросу, говоритъ: „никогда догматы церковные не раскрываются поразительнѣе и не разъясняются съ большею убѣдительностію, какъ именно тогда, когда они дѣлаются предметомъ нападокъ со стороны противоположныхъ доктринъ. И римское первенство никогда не выступаетъ въ большемъ блескѣ, какъ именно тогда, когда оно испытываетъ продолжительнѣйшую борьбу. Что Николай говоритъ здѣсь (въ письмѣ) о привиллегіяхъ Римской церкви, на которыя нападали Византійцы, это составляетъ прекраснѣйшее и возвышеннѣйшее изъ того, что когда либо было писано по этому предмету. Со всею рѣшительностію непоколебимаго убѣжденія, со всѣмъ мужествомъ наслѣдника Петрова, не любящаго ничуть льстить предъ земными владыками и сознающаго права свои, стремится онъ положить должныя границы для нападокъ Византійцевъ“²⁾. Теперь посмотримъ, какъ папа выполняетъ эту задачу, за которую такъ восхваляетъ Николая Гергенретеръ. „Ваше письмо — говоритъ папа императору — исполнено кощунства и источаетъ ядъ противъ привиллегій Римской каедры. Но мы просимъ Всемогущаго Бога да откроетъ вамъ сію тайну (mysterium), именно каковы и въ чемъ состоятъ привиллегіи церкви Римской, гдѣ онѣ имѣютъ свое начало и кто виновникъ ея высшаго авторитета“. За тѣмъ папа повѣдуетъ императору эту тайну, которая однакожъ ни для кого не была тайною. „Привиллегіи Римской церкви — говоритъ папа — по слову Господа утверждены во св. Петрѣ, въ самой церкви съ древнихъ временъ имѣли силу и сохранялись, прославлялись вселенскими соборами, уважались постоянно всѣмъ христіанскимъ міромъ, и никакимъ образомъ не могутъ быть ни умалены, ни разрушены, ни изменены, ибо чему положилъ основаніе Богъ, того не можетъ нарушить человѣческая инициатива. И тотъ грѣшитъ, кто осмѣливается противиться Божественному узаконенію. Привиллегіи эти, говоримъ, вѣчны; отъ Бога они вкоренены и

1) Оно занимаетъ у Migne отъ 926 до 962 столбцевъ.

2) Band I. S. 570—71.

насаждены; могутъ ихъ прикасаться, но не могутъ ихъ сдвинуть¹⁾; онѣ могутъ быть оскорбляемы, но не могутъ быть сокрушены. Онѣ уже существовали прежде вашего царствованія (Михаила III), онѣ продолжаютъ существовать и теперь несокруσιμο, онѣ будутъ существовать и послѣ васъ; и пока возвѣщается имя христіанское, онѣ не перестанутъ существовать. Эти привилегіи дарованы Римской св. церкви отъ Самого Христа, и не даны какими нибудь соборами, соборы же только прославляли и выражали уваженіе къ нимъ“²⁾). Хотя Гергенретеръ и говоритъ, что папа Николай настолько серьезно доказываетъ авторитетъ Римской церкви, насколько этого не дѣлаетъ никто другой; однакожъ, едва ли можно сказать, что папа въ своихъ доказательствахъ идетъ дальше общихъ фразъ. Правда, Николай увѣряетъ далѣе, что Никейскій соборъ вполне раздѣлялъ мнѣніе о главенствѣ папы въ церкви; но однакожъ на чемъ держится это увѣреніе?—На словахъ папы Бонифація касательно этого собора, какъ будто бы Бонифацій самъ былъ на этомъ соборѣ и слышалъ отзывы отцевъ онаго касательно власти Римскаго первосвященника въ церкви! Бонифацій (римскій епископъ 5-го вѣка), по словамъ Николая, писалъ: „отъ церкви Римской истекалъ источникъ вѣры на всѣ церкви; правила Никейскаго собора ничто другое, а именно это и свидѣлствуютъ. Соборъ Никейскій ничего (sic!) не осмѣлился постановить (новаго) касательно этой церкви, потому что не видѣлъ ничего, чтобы можно было прибавить къ тому, что она уже имѣла; ибо все предано ей рѣчью Господа (Петру)“. „А если все—прибавляетъ Николай,—то, очевидно, не было ничего, что могло бы быть еще предоставлено церкви Римской“³⁾). Другими словами, Никейскій соборъ *ничего* не постановилъ касательно приматства церкви Римской, ergo ей предоставлены были высшія

¹⁾ По мнѣнію Гергенретера, здѣсь поражается намѣреніе Константинопольской церкви перенести на себя тѣ преимущества, которыя будто бы всегда принадлежали церкви Римской. Очень можетъ быть, но это говорить только о подозрительности папства.

²⁾ Migne, 947—8.

³⁾ Migne, 949—50.

права въ церкви христіанской. Логика папская по истинѣ достойна изумленія!

Въ той мѣрѣ, какъ папа Николай ради своихъ цѣлей старается во всѣхъ отношеніяхъ возвысить значеніе Римской церкви, въ той же мѣрѣ онъ же, папа, ради тѣхъ же цѣлей старается напротивъ унижить значеніе церкви Константинопольской. Какъ будто бы возвышеніе церкви Константинопольской не произошло уже на вселенскихъ соборахъ (II и IV) и какъ будто бы эта церковь еще ждала себѣ возвышенія отъ воли папской. Чѣмъ же теперь папа старается унижить церковь Константинопольскую? Въ церкви Римской по божественной волѣ поставлены — говорить папа — „два великихъ свѣтила небесныхъ“ — разумѣются апостолы Петръ и Павелъ, — здѣсь они проповѣдывали, здѣсь они приняли и мученическую смерть и „своею алою кровію освятили церковь Римскую“. Ничего подобнаго не видимъ въ церкви Константинопольской. Она отняла — по словамъ папы — отъ другихъ церквей ихъ покровителей (разумѣются мощи, перенесенныя въ Константинополь, апостоловъ: Андрея, Луки и ученика Павдова Тимофея) и этими награбленными сокровищами обогатила саму себя¹⁾. Чтобы понять смыслъ этого папскаго изобличенія, нужно взять во вниманіе то обстоятельство, что Римская церковь основывала свое значеніе на ея апостольскомъ происхожденіи и утверждала, что только на этомъ основаніи долженъ зиждиться авторитетъ церквей, а такъ какъ Константинопольская церковь не имѣла такого апостольскаго происхожденія, то Римъ, въ силу этого не придавая ей никакого церковнаго значенія, въ то же время въ своей подозрительности полагалъ, что перенесеніемъ мощей нѣкоторыхъ апостоловъ эта церковь хотѣла какъ бы поддѣлать то, чего у ней въ самомъ дѣлѣ не было. Но напрасно Римъ истолковывалъ подобнымъ образомъ факты, когда II и IV вселенскими соборами въ основаніе возвышенія церковныхъ кафедръ полагается совершенно другой мотивъ, именно гражданская значимость городовъ; конечно, папа этого не признавалъ, но за то

¹⁾ Migne, 949. Hergenröther B. I. S. 572.

празнавали это вселенскіе соборы; для Востока всегда значили вселенскіе соборы больше, чѣмъ папскія измышленія.

Раскрывъ будтобы особенно высокое значеніе Римской церкви и унизивъ авторитетность Константинопольской церкви, за тѣмъ папа ясно уже говорить, чего онъ требуетъ и ищетъ со стороны этой послѣдней. „Въ силу божественныхъ обѣтованій, мы, далеко не равные съ верховными апостолами по заслугамъ, однакожь суть князи (principes) всей земли т. е. всей церкви“¹⁾. И потому папа считаетъ себя въ правѣ вникнуть въ дѣла церкви Константинопольской и разсудить Игнатія съ Фотіемъ. А для этого папа лучшимъ средствомъ находитъ прибытіе того и другого въ Римъ. „Ничего болѣе кроткаго и болѣе спасительнаго мы не придумали касательно Игнатія и Фотія—говоритъ папа—какъ то, чтобы оба они прибыли въ Римъ для переисслѣдованія ихъ дѣла; этого мы весьма желаемъ и увѣщиваемъ васъ къ тому же. На такое переисслѣдованіе мы рѣшаемся—говоритъ папа—единственно по снисхожденію, но никто не можетъ принудить къ тому насъ своею волею“. Но, замѣчаетъ папа, это уже будетъ судъ рѣшительный и послѣдній; послѣ него уже нельзя будетъ надѣяться на какой либо другой судъ; да и отъ кого ожидать его?—разсуждаетъ папа. „Судъ низшихъ переносится на судъ съ высшимъ авторитетомъ, будетъ ли то нужно утвердить его, или кассировать; но судъ апостольской каѳедры, выше авторитета которой нѣтъ ничего, никѣмъ не можетъ быть отмѣненъ, о судѣ ея никто не можетъ произносить приговора. Если каноны позволяютъ къ ней апеллировать со всего міра, то относительно ея ни къ кому не позволено апеллировать“²⁾. „Не говорите послѣ этого—внушаетъ папа—что будто вопреки закону мы требуемъ Игнатія и Фотія въ Римъ“. И если бы кто изъ нихъ вздумалъ не явиться предъ лицомъ папы, то таковой этимъ обнаружилъ бы, что его совѣсть не чиста и не спокойна! Такъ когда Аѳанасій Великій—повѣствуетъ папа—обратился съ своею

¹⁾ Migne, 949.

²⁾ Migne. 954.

аппелляціею въ Римъ противъ евсевіанъ (аріанъ)¹⁾, то онъ представъ предъ лицемъ папы, доказалъ тѣмъ свою невинность, а евсевіане, не представъ предъ нимъ, показали, что они не правы. „Тоже самое—замѣтилъ папа—мы теперь должны узнать и касательно Фотія съ Игнатіемъ: кто заботится насъ, вслѣдствіе упрековъ совѣсти, только тотъ пренебрежетъ внять нашему голосу и прибыть въ Римъ“²⁾. Впрочемъ папа не непремѣнно требуетъ, чтобы Игнатій и Фотій самолично прибыли въ Римъ, — его благосклонность простирается до того, что онъ позволяетъ вмѣсто того и другаго прибыть въ Римъ уполномоченнымъ съ той и другой стороны, если почему либо нельзя будетъ предпринять подобное путешествіе по папскому назначенію — Фотію и Игнатію. И на этотъ случай папа даетъ самыя подробныя инструкціи императору, какъ будто это дѣйствительно дѣло сбыточное: папа до послѣдней минуты остается въ ослѣпленіи касательно Константинополя. Онъ говоритъ: „если же они сами — Игнатій и Фотій не будутъ имѣть возможности явиться по своему дѣлу, то они должны отправить къ намъ свои оправдательныя грамоты. И тогда со стороны Игнатія должны быть присланы слѣдующія лица“, и за тѣмъ перечисляются самыя эти лица. „Если же они не будутъ присланы—замѣчаетъ папа—то вы—императоръ—сдѣлаетесь подозрительнымъ въ нашихъ глазахъ; это будетъ значить, что именно тѣхъ, отъ кого бы можно было узнать истину, вы заботливо стараетесь удалить отъ нашего вниманія. Пусть пошлетъ—говоритъ папа—и Фотій кого либо съ своей стороны, кто могъ бы защитить каноническій и непререкаемый образъ посвященія его въ епископа, если это возможно“ прибавляетъ папа. „И тогда, когда будутъ предъ нами представители двухъ партій, въ нашемъ присутствіи и въ собраніи братьевъ соепископовъ нашихъ произойдетъ допросъ, и мы лучше узнаемъ дѣло и канони-

1) Аванасій потому обращался въ свое время въ Римъ за помощію, что всѣ знаменитыя каеедры Востока были въ рукахъ аріанъ, и къ нимъ обращаться за помощію, понятно, было не цѣлесообразно.

2) Migne, 954.

чески рѣшимъ его“. Папа не препятствуетъ и самому императору имѣть отъ своего лица уполномоченнаго на соборѣ. Папа говоритъ: „и ваше императорское достоинство, если найдете нужнымъ, пусть пошлетъ съ своей стороны придворныхъ, которые чрезъ свое присутствіе ясно узнали бы, на чьей изъ двухъ сторонъ правда и возвѣстили объ этомъ вашему величеству. Такими императорскими легатами—говорить заботливый папа—должны быть только люди боголюбивые, знающіе церковное преданіе и доступные истинѣ“. Заботливость папы простирается до того, что онъ считаетъ своимъ долгомъ попросить императора снабдить всѣмъ нужнымъ тѣхъ изъ имѣющихъ отправиться въ Римъ по папскому требованію, кто будетъ нуждаться въ матеріальныхъ средствахъ. Папа, какъ кажется, все еще серьезно вѣрилъ, что Константинополь сдастся на его требованія: какая эгоистическая наивность! Николай писалъ: „если же изъ тѣхъ, кто по нашему велѣнію должны отправиться въ Римъ, по недостатку своихъ собственныхъ средствъ, не иначе могутъ предпринять путешествіе, какъ вспомоствуемые отъ другихъ, — то просимъ васъ (императора), чтобы таковые ни въ чемъ по вашему снисхожденію не нуждались для такого труднаго и длиннаго путешествія, — явите къ нимъ Божескую любовь. Если вы примите нашъ совѣтъ, то, мы увѣрены, вы не посрамите тѣмъ свою царскую честь, которая такъ любитъ справедливость, а изъ за нея то мы и предпринимаетъ все“¹⁾. За тѣмъ еще одно порученіе со стороны папы императору: папа проситъ, чтобы онъ прислалъ въ Римъ подлинникъ папскаго письма, отосланнаго въ Константинополь въ 860 году, акты перваго низложенія Игнатія, а также и подлинный экземпляръ собора 861 года²⁾. — Въ заключеніи своего широковѣщательнаго письма папа старается завѣрить императора, что всѣми этими требованіями руководитъ единственно любовь къ истинѣ и каноническимъ учрежденіямъ церкви. „Свидѣтель намъ всемогущій Богъ—взываетъ папа—въ нашихъ мысляхъ нѣтъ дру-

¹⁾ Migne, 956.

²⁾ Migne, 957.

гаго желанія и намѣренія, кромѣ того, чтобы было изслѣдовано и найдено, какая изъ двухъ спорящихъ сторонъ правъ, и чтобы было опредѣлено, что соответствуетъ теперешнему и будущему положенію церкви. Не думайте, что мы хотимъ благопріятствовать Игнатію вопреки справедливости и поразить Фогія, если каноны требуютъ обратнаго¹⁾. Но конечно востокъ мало вѣрилъ подобнымъ деклараціямъ папы.

Окончивая дѣло съ рассматриваемымъ письмомъ папы, отмѣтимъ наконѣцъ еще то, съ какою щедростію разсыпаетъ Николай свои анаѣмы, которыя оказывали такую услугу папамъ на Западѣ. Такъ папа въ послѣднихъ строкахъ своего письма считаетъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: „если кто будетъ читать это письмо августѣйшему нашему сыну императору Михаилу, и при чтеніи что нибудь опуститъ изъ него, или какое нибудь мѣсто исказитъ, такому *анаѣма*. Также если переводчикъ или измѣнитъ что нибудь въ письмѣ, или убавитъ, или прибавитъ, такому *анаѣма*“²⁾.

Едва ли нужно говорить о томъ, на сколько противозаконны были папскія требованія, съ какими Николай въ этомъ письмѣ обращался на Востокъ, какъ унизительны они были для церкви Константинопольской. Чѣмъ отвѣчалъ на это нисьмо Востокъ? Востокъ молчалъ. Да иначе и быть не могло; Востокъ не понималъ да и не могъ понимать папы, а папа не хотѣлъ понимать востока съ его справедливымъ упорствомъ въ борьбѣ съ западнымъ духовнымъ узурпаторомъ.

Востокъ молчалъ. Но папа не думалъ молчать. Ему показалось мало такого отвѣта, который отправленъ былъ имъ тотчасъ по полученіи слишкомъ щекотливаго для папскаго самолюбія императорскаго письма 865 года. Онъ нашелъ нужнымъ свои порицанія и требованія еще подробнѣе и рѣзче выразить въ цѣломъ рядѣ писемъ въ Константинополь. Это было въ концѣ 866 года. Между этими письмами находились и письма къ императору Михаилу и Фотію. Но

1) Migne, 957.

2) Migne, 961.

нѣтъ надобности подробно разсматривать письма, адресованные къ этимъ послѣднимъ лицамъ, потому что они по большей части повторяютъ тѣже самыя мысли и идеи въ отношеніи къ Востоку, какія высказывались Николаемъ и въ предыдущихъ письмахъ. Отмѣтимъ только болѣе замѣчательныя черты изъ этой переписки.

Въ обширномъ по объему, но бѣдномъ по содержанію, письмѣ Николая къ императору, папа снова и снова требуетъ къ себѣ на судъ Фотія съ Игнатіемъ. Но уже теперь папа не скрываетъ болѣе, что дѣло Фотія должно считаться исполнѣнъ проиграннымъ, а Игнатій долженъ воспринять всѣ права по управленію церковію Константинопольскою. Какъ будто бы въ этомъ еще могло быть сомнѣніе! Свое намѣреніе возстановить Игнатія и низвергнуть Фотія папа разсматриваетъ теперь съ высшей точки зрѣнія. Это дѣло, по его воззрѣнію, должно явиться актомъ защиты правъ церкви противъ вмѣшательства свѣтской власти съ ея злоупотребленіями, въ сферу дѣйствій церковныхъ. Задача благая, но папа не хочетъ повяты, что, отстраняя вмѣшательство одной власти въ дѣла чуждыя для нея, онъ въ тоже время хочетъ авторизовать вмѣшательство одной церкви въ дѣла другой, и, только ради этой послѣдней цѣли, вооружается противъ злоупотребленій власти свѣтской, какъ это хорошо доказали послѣдующія событія въ исторіи Византійской, при которыхъ папы, ревнители всякой законности, высказывали себя совершенно иначе. — Николай въ разсматриваемомъ письмѣ къ императору такъ объясняетъ свои мотивы, которыми руководится онъ, возстановляя Игнатія въ своемъ достоинствѣ и настаивая на этомъ. „Возстановляя Игнатія, эгимъ мы хотимъ дать знать, что священническое достоинство не можетъ быть унижено, что первосвященническая митра не легко преклоняется къ землѣ, что міряне, кто бы они ни были, не могутъ судить его, Игнатія, какъ и всякаго другаго епископа, что онъ не могъ быть изгнанъ тиранническимъ образомъ, что прежде суда не можетъ быть лишаемъ своей кафедрой епископъ. Мы хотимъ и рѣшили дать знать, что если дѣло его или какого другаго епископа должно быть изслѣдуемо и виновный подлежить наказанію,

то чтобы при этомъ отнюдь не нарушались законы отцевъ, чтобы не попирались св. каноны, чтобы не обрѣтались въ презрѣннн декретахъ апостольской кафедрѣ (это главное!), въ которыхъ вся церковь находитъ свою защиту (!). Мы хотимъ и рѣшили дать знать, что право церковное не можетъ достойно сохраняться въ данной церкви, если предстоятель ея кѣмъ либо, когда либо и какимъ бы то ни было образомъ, по чьему либо самоволію, съ легкостію изгоняется изъ церкви!“¹⁾ На этомъ основаніи, въ виду подобной задачи, папа Николай съ одной стороны находитъ справедливымъ стоять за права Игнатія и отказывать съ другой во всякомъ участіи Фотію: „какъ бы ни былъ Фотій высоко поставляемъ властію свѣтскою, онъ однакожъ — говорить папа — никогда не дождется снятія запрещенія съ него и утвержденія своего въ патріаршемъ достоинствѣ“²⁾.

При такихъ своихъ желаніяхъ (мнимыхъ) и намѣреніяхъ путемъ возстановленія Игнатія и низверженія Фотія противодействовать злоупотребленіямъ свѣтской власти въ Византіи, папа однакожъ не безъ явнаго противорѣчія себѣ, въ видахъ осуществленія своей цѣли, обращается къ императору Михаилу, при которомъ именно и совершились событія низложенія Игнатія и восшествія на патріаршую кафедру Фотія, и въ немъ именно и хочетъ найдти пособника въ исполненіи своихъ плановъ. „Вслѣдствіе этого — продолжаетъ папа — о! христіаннѣйшій императоръ, взываемъ къ тебѣ со всѣми твоими подданными, измите злое изъ среды вашей, изгоните прелюбодѣя, изгоните тирана церкви и возвратите Игнатію церковь, отъ Бога ему врученную, исправте ради Бога, въ чемъ поступили противъ Бога. Если Фотій и останется на своей кафедрѣ, которой онъ достигъ преступнымъ образомъ, то честь и слава у чело-вѣковъ ничего ему не поможетъ, когда произнесено противъ него осужденіе, и когда, по смерти по крайней мѣрѣ лишится онъ имени христіанскаго, исповѣданіе котораго онъ такъ безразсудно попиралъ“³⁾. Сдѣлавъ эти наставле-

¹⁾ Migne. Tomus 119, col. 1026.

²⁾ Migne, 1027.

³⁾ Migne, 1038—9.

нія папа и въ самомъ дѣлѣ считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, какъ желаетъ этого онъ, и тотчасъ спѣшить дать и другія наставленія, съ исполненіемъ которыхъ дѣло должно придти къ полному и торжественному окончанію. Такъ папа на сей разъ обращается къ императору со внушеніемъ, чтобы сожжены были въ Константинополѣ всѣ сочиненія, въ которыхъ говорится неблагоприятное о папской власти или же противъ Игнатія. Николай съ странною самоувѣренностію пишетъ: „мы думали и думаемъ, что ваше величество наконецъ образумится (т. е. согласится со всѣми распоряженіями папы) и потому всѣ сочиненія (разумеются письма), въ худомъ смыслѣ составленныя противъ нашей апостольской церкви и даже противъ Игнатія, рѣшится *сжечь въ присутствіи всего народа вашей имперіи*, чтобы такимъ образомъ открылось для всѣхъ вѣрныхъ церкви, насколько процвѣтаетъ авторитетъ апостольской каѳедры и насколько заслуживаютъ мщенія изобрѣтатели лжи и измыслители превратныхъ догматовъ“. Иначе — грозитъ папа уже императору — самъ онъ Николай, въ многочисленномъ собраніи законныхъ епископовъ, какъ бы предъ лицомъ всѣхъ націй, вынужденъ будетъ произнести анаѳемѣ на виновника, зачинщика и участника въ подобномъ преступленіи и торжественно предать сожженію эти документы“ ¹⁾.

Что касается до письма папы Николая къ Фотію, то оно представляетъ еще менѣе интереса, чѣмъ письмо къ императору. Въ немъ, послѣ обычныхъ порицаній Фотія, произносится осужденіе на него, по которому онъ лишается престола и сана. Но и это осужденіе составляетъ буквальное повтореніе одного изъ прежнихъ папскихъ осужденій на него. Здѣсь во имя Бога, князей — апостоловъ, вселенскихъ соборовъ и всѣхъ святыхъ, опредѣляется Фотію считаться лишеннымъ всякаго священническаго достоинства и имени; и если послѣ всего этого Фотій однакоже будетъ отстаивать свою каѳедру противъ Игнатія, или будетъ священнодѣйствовать, то онъ подвергается анаѳемѣ, отлучается отъ св. причастія до самаго смертнаго часа“ ²⁾.

¹⁾ Migne, 1040—41.

²⁾ Migne, 1053.

Впрочемъ нужно замѣтить, что эти послѣднія два письма папы въ свое время не дошли по адресу, потому что императоръ не позволилъ даже входить въ предѣлы своего царства папскимъ посламъ, возшимъ эти письма¹⁾, и громы Ватикана остались на сей разъ неизвѣстными въ Константинополѣ.

Этимъ заканчивается борьба папы Николая съ патриархомъ Фотіемъ; въ слѣдующемъ, 867 году, не стало на свѣтѣ папы Николая I-го.

Хотя востокъ большею частію хранилъ молчаніе при всѣхъ заявленіяхъ папскаго гнѣва и притязательности, однакожь среди этого молчанія созрѣвала мысль въ Константинополѣ отплатить разомъ папѣ за эти и другія оскорбленія; это и совершено было на соборѣ Константинопольскомъ 867 года.

Считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ соборѣ Константинопольскомъ. Этотъ соборъ происходилъ въ столицѣ великимъ постомъ 867 года; на немъ присутствовали императоръ Михаилъ III и бывшій въ это время по смерти Варды кесаремъ, Василій Македонянинъ, патриархъ Фотій, уполномоченные отъ восточныхъ патриарховъ, большое число митрополитовъ и епископовъ Византійскаго государства, значительное число императорскихъ сановниковъ. Соборъ созванъ былъ для противодѣйствія притязательности папы Николая, позволившаго себѣ на Римскомъ соборѣ 863 года провозгласить Фотія низверженнымъ съ патриаршей кафедрой. На этомъ соборѣ въ свою очередь Николай былъ анаематствованъ частію за его непопулярныя папскія притязанія, выразившіяся въ непозволительномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Константинопольской Церкви, частію за тѣ отступленія въ ученія вѣры и обрядахъ, какія допустила себѣ Римская Церковь (эти отступленія извѣстны).—Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о дѣятельности этого собора; акты его сожжены были на другомъ соборѣ Константинопольскомъ 869 года. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о немъ и у писателей древнихъ, расположенныхъ къ Фотію; объ этомъ соборѣ говорятъ лишь враги этого патриарха. Столько же наговорили эти послѣдніе писатели о соборѣ 867 года, сколько, кажется, не наговорено ни объ одномъ изъ древнихъ соборовъ разными ихъ врагами. Начать съ того, что враги Фотія хотя и признаютъ фактъ присутствованія на соборѣ императора Михаила и кесаря Василія (*Митрофанъ*)²⁾, но утверждаютъ, что они будтобы не подписались подъ актами этого собора

¹⁾ Hergenröther. В. I. S. 641.

²⁾ Митрофанъ, митр. Смирскій; о немъ см. ниже въ отдѣлѣ о соборѣ 869 года.

(*биографъ папы Адриана*)¹⁾, именно, что будтобы Фотій лишь обманнымъ образомъ заставилъ пьянаго Михаила въ полночь подписать эти акты, а подпись-де Василія совсѣмъ поддѣлывая. Но только необузданная фантазія можетъ создать образъ Фотія, ночью, какъ тать, проникающаго во дворецъ царя и заставляющаго его сдѣлать подпись, смысла которой послѣдній не могъ разумѣть вслѣдствіе опьянѣнія; а что касается извѣстія о фальшивости подписи Василія, то этому извѣстію не вѣрять и католическій писатель Гергенретеръ, допускающій, что подпись Василія была дѣйствительная, а не фальшивая. Далѣе враги Фотія, увѣряютъ, что будтобы уполномоченные отъ восточныхъ патріарховъ на соборѣ 867 года были не подлинные, а подставные (*Анастасій*²⁾, *Никита Пафл.*³⁾); но до насъ сохранилось подлинное окружное письмо Фотія, которымъ онъ проситъ патріарховъ прислать своихъ уполномоченныхъ на соборъ 867 года (Photii. Ep. Epsycl. col. 740. Migne): а если онъ просилъ, то можно полагать и получать просимое. Далѣе враги Фотія рассказываютъ, что будто сначала полъ актами собора подписались только 21 митрополитъ и епископъ, а такъ какъ де—выходило, что соборъ совсѣмъ не пользуется признаніемъ со стороны большинства іерарховъ, то Фотій самъ поддѣлывалъ соборные подписи: онъ приготовилъ разныя толстыя и тонкія писчія трости, первыми онъ поддѣлывалъ подписи престарѣлыхъ іерарховъ, а вторыми — болѣе молодыхъ; притомъ же подписи старцевъ были выведены дрожащею рукою, а подписи молодыхъ архіереевъ твердою рукою (точно кто въ окно подглядывалъ, какъ поддѣлывалъ Фотій подписи!), и такихъ фальшивыхъ подписей онъ надѣлалъ цѣлую „тысячу“ (*Анастасій и биографъ Адриана*). Но билетатели басенъ не сообразили того, зачѣмъ было Фотію понапрасну трудиться дѣлать 1,000 поддѣльныхъ подписей, когда ему, какъ ученому человѣку, хорошо было извѣстно, что даже ни на одномъ вселенскомъ соборѣ никогда не присутствовало 1,000 епископовъ? Враги Фотія лгали, но мѣры не знали и тѣмъ повредили не Фотію, а себѣ самимъ. О дѣятельности собора враги Фотія сообщаютъ мало извѣстій; но во всякомъ случаѣ они единодушно утверждаютъ, что папа былъ отлученъ и анаематствованъ на соборѣ, чтд, конечно, совершенно справедливо⁴⁾.

¹⁾ Биографъ Адриана, подлинное имя котораго—аббатъ Вильгельмъ.

²⁾ Анастасій Библиотекаръ, латинскій писатель, современникъ описываемыхъ нами событій. См. о немъ въ отдѣлѣ о соборѣ 869 года.

³⁾ Съ именемъ этого Никиты мы не разъ уже встрѣчались выше.

⁴⁾ Anastasii. Praefatio in conc. VIII (Mansi, XVI); Nicet. Vita Ignat. col. 537 (Migne); Vita Hadriani, col. 1387—8 (Migne); Metrophanes epist. ad Manuel. (Mansi, XVI, 417). Hergenröther I, 648—653; Hefele, IV, 342 — 3.

IV. Начальные годы (867—869) второго патриаршества Игнатія.

Новая династія на Константинопольскомъ императорскомъ престолѣ (Василій Македонянинъ). — Низверженіе патриарха Фотія и восстановление патриарха Игнатія, — побужденія, по какому это произошло. — Первые сношенія новаго императора и Игнатія съ римскимъ папою, выгодныя для папства и прискорбныя въ отношеніи правъ и достоинства Константинопольской церкви; — отвѣтъ на нихъ папы Адріана II-го; — прибытіе Византійскаго посольства въ Римъ и образъ его дѣйствования здѣсь, оскорбительный для Константинопольской церкви; — Римскій соборъ 869 года и его дѣянія: сожженіе на немъ актовъ Константинопольскаго собора 867 г., — опредѣленія его относительно церковныхъ событій времени патриаршества Фотія, составленныя въ духѣ требованій умершаго папы Николая I-го; — папа Адріанъ доводитъ до свѣдѣнія духовнаго и свѣтскаго правительства Византіи о дѣйствіяхъ этого собора.

Судьбы человѣчества измѣнчивы. И ничто такъ хорошо не доказываетъ этой истины, какъ исторія Византійскихъ императоровъ. Въ Византіи не было рѣдкостью, что крестьянинъ, солдатъ, конюхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигали высшаго земнаго величія — императорскаго престола, а истинные вѣнценосцы, при несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, и даже въ силу прихоти судьбы, неожиданно подвергались казни, какъ послѣдніе изъ преступниковъ, или бывали искалчиваемы, или насильственно становились монахами и заточались въ монастырь.

Исторія византійскихъ патриарховъ съ своей стороны тоже съ очевидностію доказываетъ истину, какъ перемѣнчивы судьбы людей. Нѣтъ надобности уходить далеко за примѣрами. Примѣръ предъ глазами. Это — исторія патриарховъ Игнатія и Фотія. Игнатій низвергается съ патриаршей кафедры для того, чтобы уступить свое мѣсто Фотію,

но вотъ и Фотій низвергается, чтобы уступить мѣсто прежнему патриарху... Но на этомъ не кончается, какъ известно, исторія этихъ двухъ патриарховъ.

Въ 866 и 867 годахъ происходятъ очень важныя событія въ исторіи Византійскаго государства. Въ 866 году убитъ былъ, по приказанію императора Михаила III, отъ котораго всего можно было ожидать, кесарь Варда, его родной дядя, ревностный покровитель просвѣщенія и дружественно расположенный къ патриарху Фотію. Въ томъ же году возведенъ былъ, по желанію Михаила III, въ достоинство кесаря Василій Македонянинъ, которому пришлось получить первенствующее значеніе въ ближайшихъ событіяхъ Византійской церкви. Но кто этотъ Василій? Исторія его жизни напоминаетъ скорѣе сказку, чѣмъ исторію, и однакожь она составляетъ дѣйствительный эпизодъ въ историческихъ лѣтописяхъ Византіи. Василій происходилъ изъ низшаго сословія и родился въ Македоніи, въ мѣстечкѣ близи Адрианополя, почему и носилъ имя Македонянина. Главныя его достоинства заключались въ необыкновенной физической силѣ и въ умѣннѣ править и обуздывать лошадей; этимъ послѣднимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Михаила, страстнаго любителя лошадей; изъ простаго конюха Василій, по волѣ императора, становится шталмейстеромъ, а потомъ очень скоро восходитъ и въ другія высшія должности. Въ знакъ особеннаго благоволенія Михаилъ женить его на своей бывшей фавориткѣ—Ингеринѣ. Въ 866 году, по смерти Варды, Василій, какъ мы сказали, сдѣланъ былъ кесаремъ. Вскорѣ Василій становится императоромъ Византіи. Какъ кажется, своенравному Михаилу началъ прискучивать Василій,—онъ сталъ наносить равнаго рода оскорбленія послѣднему; императоръ отыскалъ себѣ новаго любимца въ лицѣ лодочнаго гребца Василикіона и сдѣлалъ его вторымъ кесаремъ. Положеніе Василія стало непрочнымъ. Онъ началъ бояться той же участи, какой не задолго предъ тѣмъ подвергся кесарь Варда, и чтобы предупредить опасность, рѣшился на убійство императора. Нѣсколько преданныхъ Василію лицъ исполнили то, чего желалъ онъ. И вотъ Василій сдѣлался императоромъ,

по смерти бездѣтнаго Михаила III. Вслѣдъ за тѣмъ происходятъ очень важныя и быстрыя перемѣны въ дѣлахъ церковныхъ. Сентября 23 въ 867 году послѣдовала смерть Михаила; на другой день провозглашенъ Василій императоромъ, а 25 сентября патріархъ Фотій низвергается съ патріаршей кафедрой.

Событія идутъ быстро, и конечно каждое изъ нихъ имѣетъ свою историческую причину. Намъ нѣтъ дѣла до того, какія пружины заправляли столь неожиданными перемѣнами въ политическомъ отношеніи. Но нельзя оставить безъ разъясненія вопроса: почему императоръ Василій низвергаетъ Фотія? Сказать просто: потому что новый императоръ пожелалъ возстановить патріарха Игнатія, не значить еще рѣшить вопроса. То правда, что Василій захотѣлъ очистить патріаршее мѣсто для прежняго патріарха; но почему же этотъ прежній патріархъ свискалъ такое неожиданное благоволеніе въ глазахъ новаго императора?

Древніе византійскіе историки ¹⁾ для объясненія дѣла рассказывали о такомъ поступкѣ Фотія, который навлекъ на него гнѣвъ Василя; именно они утверждали, что Фотій лишилъ императора св. причащенія, когда этотъ послѣдній пришелъ въ храмъ Софійскій, по убіеніи Михаила. Но по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, основаннымъ на самыхъ точныхъ данныхъ, оказывается, что такого факта совсѣмъ не было ²⁾. Рассказъ принадлежитъ къ области вымысловъ. Чѣмъ же спрашивается руководился императоръ, низвергая Фотія съ престола и возводя на этотъ вмѣсто Фотія—Игнатія? Побужденій къ подобному образу дѣйствій могло быть нѣсколько. Прежде всего новому императору, достигшему царской власти путемъ узурпаціи и преступленія, для пріобрѣтенія себѣ популярности въ народѣ нужно было ознаменовать себя такимъ дѣйствіемъ, которое произвело

¹⁾ Zonaras. Annales, lib. XVI, cap. 8. Leo Gramm. Chronogr. p. 254. Ed. Bonn.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. IV, 344. Hergenröther. Photius. B. II, s. 14. Cf. Photii epist. Basilio imper. (Migne. Gr. tom. 102, p. 765). Проф. О. А. Кургановъ въ отзывѣ по поводу книги прот. Иванцова о Фотіи (Хр. Чт., 1895, т. I, стр. 206).

бы пріятное впечатлѣніе въ большей части византійскаго общества. А такимъ дѣйствиємъ и было возстановленіе Игнатія на мѣсто Фотія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что имя Игнатія было почитаемо въ массахъ простаго народа: Игнатій былъ царскаго рода, былъ страдальцемъ за вѣру при иконоборцѣ Львѣ Армянинѣ, отличался дѣйствительнымъ благочестіемъ, стоялъ во главѣ монашества того времени, монашества, которое пользовалось уваженіемъ въ нисшихъ классахъ народа; наконецъ недавнія страданія Игнатія въ царствованіе Михаила III у всѣхъ еще были въ свѣжей памяти. Все это вмѣстѣ окружало личность Игнатія въ глазахъ народа особымъ ореоломъ истинной святости и мученичества. Что Игнатій пользовался большимъ почтеніемъ въ народѣ, этого не могъ не знать Василій Македонянинъ. Даже Михаилъ III, который недостаточно вникалъ въ ходъ дѣлъ государственныхъ, отдаваясь своимъ страстямъ и прихотямъ, — и тотъ зналъ, что Игнатій популяренъ въ массахъ народа. Никита Пафлагонянинъ приписываетъ слѣдующія слова Михаилу, сказанныя имъ подъ шумъ винныхъ паровъ: „мой патріархъ—это Теофилъ ¹⁾, патріархъ Варды—Фотій, патріархъ вѣрующихъ (т. е. простаго народа)—Игнатій“ ²⁾. Это значитъ, что какъ Фотій, человѣкъ въ высшей степени ученый, другъ просвѣщенія, обладавшій тонкимъ политическимъ умомъ, былъ въ большомъ почтеніи въ высшихъ слояхъ общества (напримѣръ у Варды), былъ любимъ образованнымъ духовенствомъ и учеными мучажами, такъ напротивъ Игнатій былъ популяренъ въ простомъ народѣ Византійскаго государства. Василій, сдѣлавшись императоромъ, захотѣлъ сдѣлать нѣчто угодное народу, имѣя въ виду чрезъ то привязать къ себѣ массы, возводитъ на патріаршую кафедру Игнатія и низвергаетъ съ нея Фотія. Есть свидѣтельство, прямо подтверждающее, что Василій, поступаая такъ, дѣлалъ именно то, чего хотѣлъ народъ ³⁾. Разумѣется, для Василія Фотій притомъ же

¹⁾ Кто такой Теофилъ „патріархъ Михаила“, это будетъ достаточно разъяснено ниже.

²⁾ Nicetas. Vita Ignatii, col. 528. (Migne. Gr. tom. 105).

³⁾ Vita Hadrian. (papae) col. 1386: Ignatium patriarcham, populo admi-

могъ представляться человѣкомъ подозрительнымъ, такъ какъ симпатіи Фотія, человѣка просвѣщеннаго, клонились не на сторону Василія, человѣка не просвѣщеннаго, а на сторону Михаила и Варды, которые, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, высоко цѣнили въ Фотіи его ученость и образованность. Правда, этихъ лицъ уже не было въ живыхъ, но императоръ справедливо могъ полагать, что у патриарха должно было остаться чувство сожалѣнія о прошедшемъ, чувство, которое не могло быть пріятно новому императору. Вообще, для Василія Македонянина было очень выгодно показать, что при немъ дѣла пойдутъ по новому, что его всецѣло занимаетъ мысль о перемѣнахъ къ лучшему... Были и другія побужденія, склонившія Василія къ низверженію Фотія. Пока былъ на патриаршей каѳедрѣ Фотій, нельзя было думать о связяхъ съ западными государями. Папа былъ такъ враждебно настроенъ противъ Фотія, что, не помирившись съ римскимъ епископомъ, невозможно было завязывать какихъ-либо сношеній съ западными государями: вліяніе папы на этихъ послѣднихъ тогда было уже значительно ¹⁾. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнный фактъ, что Василій, тотчасъ по вступленіи на престолъ входитъ въ близкія сношенія съ римскимъ епископомъ, льститъ его самолюбію, вообще, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, всѣми мѣрами старается быть въ ладахъ съ Римомъ: можно ли было бы думать о такихъ отношеніяхъ къ папѣ, еслибы Фотій оставался на каѳедрѣ восточной столицы? Если были у Василія свои расчеты—завести сношенія съ Западомъ и Римомъ въ особенности, то ему необходимо было возстановить Игнатія и пожертвовать Фотіемъ. Да и жертва эта представлялась неизбѣжною, если вѣрно, что въ это время въ Византіи было двѣ политическихъ партіи, съ которыми необходимо было считаться каждому императору. Съ этимъ мы приходимъ къ разъясненію послѣдняго изъ побужденій, руководившихъ Василіемъ Македоняниномъ

tente, patriarchio restituit. (Migne. Lat. tomus 128). Биографія эта печатается между трудами Анастасія бібліотекаря, но не принадлежитъ ему.

¹⁾ Hergenröther. Band II, s. 18.

при устраненіи Фотія отъ патріаршества. Различаютъ въ это время въ Византійскомъ государствѣ двѣ политическія партіи: императрицы Θεодоры, матери Михаила, къ которой тяготѣлъ Игнатій, и Варды, дяди Михаила, которая поддерживала Фотія и которой придерживался онъ самъ. Полагаютъ, что Василій Македонянинъ такъ успѣшно достигъ императорской короны, единственно потому, что ему много помогла въ этомъ случаѣ политическая партія Θεодоры; а если это дѣйствительно такъ, то нѣтъ ничего загадочнаго въ томъ, что онъ низвергаетъ Фотія, который былъ непріятель партіи Θεодоры, и возводитъ на патріаршую каѳедру Игнатія, который былъ человѣкомъ близкимъ къ сей часъ названной партіи ¹⁾. Фотій въ глазахъ Василія представлялъ обломокъ той партіи, которая потеряла значеніе со смертію Варды и Михаила, обломокъ, который не могъ идти въ дѣло при постройкѣ новаго политическаго зданія.

Вскорѣ по возшествіи на престолъ Василія Македонянина и возведеніи на патріаршую каѳедру Игнатія, между византійскимъ гражданскимъ и церковнымъ правительствомъ съ одной стороны и римскимъ папою съ другой завязываются самыя живыя сношенія. Этотъ фактъ самъ-по-себѣ понятенъ въ особенности послѣ тѣхъ разъясненій, какія представлены сей часъ. Но никогда, быть можетъ, эти сношенія не принимали такого прискорбнаго характера, какимъ они отличаются въ настоящемъ случаѣ. И едва ли когда подобныя сношенія приводили къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, какъ на сей разъ. Государство и Церковь, повидимому, совсѣмъ забываютъ о тѣхъ преданіяхъ, какія наслѣдовала Византія отъ временъ древнихъ. Византійскій императоръ и византійскій патріархъ начинаютъ теперь говорить такимъ угодливымъ языкомъ съ папою, какимъ, кажется, до этой эпохи еще никто не говорилъ изъ представителей византійскаго авторитета; они дѣлаютъ такія

¹⁾ Иером. Герасима. Отзвы о Фотіи его современниковъ, въ связи съ исторіею политическихъ партій Византійской имперіи. Стран. 178. 204. 248.

уступки пратязаніямъ папскимъ, примѣръ которыхъ и на Западѣ еще рѣдко можно было встрѣтить въ это время. Знакомясь съ событіями этого времени въ исторіи Византіи, историкъ прочитываетъ непріятныя страницы, заставляющія глубоко сожалѣть, что не стало Фотія на византійской патріаршей кафедрѣ. Развѣ мыслимо было что-либо такое, когда кормиломъ церкви Византійской управлялъ мудрый и пронцательный кормчій—Фотій? Одно примиряетъ историка съ событіями, о которыхъ у насъ рѣчь, и смягчаетъ тяжелое чувство, это — сознание, что случившееся есть явленіе мимолетное, не оставившее по себѣ глубокаго слѣда, что хотя императоръ дѣйствовалъ отъ лица государства, а патріархъ во имя Церкви, но первому (императору) сочувствовало далеко не все государство, а второму (патріарху) воспротивилась лучшая и большая часть восточныхъ іерарховъ, что, однимъ словомъ, затѣи властныхъ лицъ въ сущности остались не больше, какъ затѣями.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ случились такія знаменательныя перемѣны въ Византіи — разумѣемъ: вступленіе Василія на престолъ, заключеніе Фотія въ монастырь, возстановленіе Игнатія на патріаршествѣ, — и вотъ открывается рядъ событій еще болѣе неожиданныхъ и странныхъ. Императоръ и патріархъ пишутъ письма къ папѣ, которыя, вѣроятно, не мало удивили и этого послѣдняго. (Нужно сказать, что письма адресованы на имя папы Николая, но пришлось ихъ читать не Николаю, а его преемнику Адріану: Николай умеръ, о чемъ въ Византіи еще не знали).

Письма императора и Игнатія, которыя должно было доставить посольство папѣ, носятъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ какой носили письма Фотія, съ которыми этотъ обращался въ Римъ. Дѣло борьбы Фотія съ папствомъ казалось проиграннымъ... Въ этихъ письмахъ Востокъ слишкомъ много приписывалъ авторитету папскому. Весьма интересно письмо императора Василія къ папѣ, отъ 11 декабря 867 года, но еще интереснѣе письмо самого Игнатія къ тому же папѣ.

Изложимъ сначала содержаніе письма императора. Императоръ въ самомъ началѣ своего письма называетъ папу „божественною и святою, и, подобно Аарону, достоцимою главою“ церкви: и затѣмъ, переходя къ изображенію церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ, императоръ не жалѣетъ красокъ, чтобы выставить ихъ въ самомъ неутѣшительномъ положеніи. „Когда мы божественными молитвами вашими получали власть, церковь папа лежала во злѣ, мы нашли ее въ худомъ положеніи, неизцѣлимо больною, лишенною законнаго пастыря, тиранически раздираемою, подчиненною рабству чуждаго пастыря, болѣе страдающею подобно рабынѣ, чѣмъ распоряжающеюся по образу царицы“ ¹⁾. Описаніе это не имѣетъ и тѣни исторической правды; оно умышленно преувеличено: съ цѣлію представить свое распоряженіе касательно низверженія одного патріарха и возстановленія другаго дѣломъ необходимости. Вся предъидущая исторія Фотіева управленія церковію не носитъ никакихъ слѣдовъ какой бы то ни было смуты въ церкви Константинопольской, а послѣдующая исторія патріаршества Игнатія показала, что управленіе Фотіево церковію есть дѣло самое желанное, въ чемъ убѣдился наконецъ горькимъ опытомъ и самъ императоръ Василій. Изобразивъ будто бы печальное состояніе церкви Константинопольской, императоръ далѣе въ письмѣ къ папѣ указываетъ на то, что онъ предпринялъ для улучшенія положенія церковнаго. „Мы увидѣли — писалъ императоръ — что всего лучше Фотія низвергнуть съ кафедры, ибо онъ многое совершилъ вопреки истины и *противъ вашего св. первосвятительства*, а Игнатія — снова возвратитъ на патріаршую кафедру, который много перенесъ и несправедливостей и тиранствъ; въ этомъ случаѣ мы послѣдовали суду и правосудію, о которомъ узнали изъ вашихъ писемъ, тщательно скрываемыхъ отъ всѣхъ нашими предшественниками“ ²⁾. Т. е. императоръ прямо говоритъ, что Фотій низвергнуть, а Игнатій возстановленъ въ своемъ достоинствѣ потому, что этого желалъ папа; могъ ли ожи-

¹⁾ Labbeus. Sacrosanta concilia. Tomus VIII, pag. 1007. (Тоже письмо Василя можно находить у Mansi. Concilia. Tom. XVI, p. 46).

²⁾ Ibidem, pag. 1008.

дать папа большаго торжества для себя, какія богатые надежды обѣщали эти первые шаги Василія? Низвергнувъ Фотія и возстановивъ Игнатія, сообразно съ письмами папы Николая, императоръ въ своемъ письмѣ испрашиваетъ у папы распоряженій касательно духовенства Константинопольскаго, такъ или иначе повиннаго вмѣстѣ съ Фотіемъ. „Относительно лицъ духовныхъ въ Константинополѣ мы просимъ вашу отеческую святость прислать свое опредѣленіе и выразить свой судъ“. Значитъ, папской волѣ предоставляется самый широкій просторъ ко вмѣшательству въ дѣло церкви Константинопольской. Императоръ при этомъ не можетъ скрыть того, что водвореніе церковнаго мира будетъ не легко, такъ какъ немногіе держатъ сторону Игнатія, а большая часть духовенства худо расположена къ новому порядку вещей. Василій проситъ отъ папы присылки апокрисиаріевъ, которые бы и занялись благоустройствомъ церкви Константинопольской. „Да пришлетъ намъ твоя святость апокрисиаріевъ, чтобы церковь наша точнѣе и яснѣе узнала, въ чемъ состоитъ воля твоя касательно духовныхъ, подлежащихъ осужденію“. „И такъ отецъ духовный—пишетъ въ заключеніе императоръ—и *божественно чтимый первосвященникъ* ускори исправленіемъ церкви нашей и чрезъ борьбу съ несправедливостію даруй намъ обиліе благъ, т. е. частое единство, общеніе духовное, свободное отъ всякаго спора и всякой схизмы“¹⁾.

Передадимъ теперь содержаніе цисьма Игнатія, съ которымъ онъ, подобно императору, обращается въ Римъ. Неандеръ замѣчаетъ, что Игнатій въ такомъ тоиѣ обращается къ папской кафедрѣ, въ какомъ бытѣ можетъ никто другой не обращался изъ Константинополя къ ней, при обыкновенныхъ условіяхъ²⁾. И это совершенно справедливо; наприм., письмо Игнатія, которое мы хотимъ анализировать, представляетъ совершенную противоположность съ письмами въ Римъ отъ лица Фотія. „Для уврачеванія ранъ и поврежденій въ членахъ тѣла человѣческаго—такъ начинается

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Neander. В. II. S. 313.

свое письмо Игнатій—медицинская наука создала многихъ врачей; это страданіе врачуетъ одинъ, другое — другой; здѣсь помогаетъ ампутація, тамъ обыкновенное врачество. Для болѣзней же, которыя существуютъ въ членахъ Господа и Бога Спасителя (церкви), Самъ высочайшій Владыка учредилъ одного и единственнаго превосходнѣйшаго и православнѣйшаго врача—это именно тебя, твою братскую святость и твою отеческую любовь. Поэтому-то Господь и сказалъ Петру, великому и высшему изъ апостоловъ: *ты еси Петръ* и пр. Эти блаженные слова—разсуждаетъ Игнатій—касаются не жребія только одного князя апостоловъ, но чрезъ него перенесено это назначеніе и на всѣхъ, кто послѣ него и по его образцу были высшими пастырями, божественными и святыми первосвященниками древняго Рима. Вотъ вслѣдствіе этого, съ самыхъ древнихъ временъ, какъ скоро возникали ереси и противленія законамъ, наслѣдники князя апостоловъ старались искоренять и устранять эти плевелы и зло, какъ подражатели ревности Петра въ вѣрѣ Христовой¹⁾. Такимъ образомъ, Игнатій вполне становится на точку зрѣнія самихъ папъ: онъ, какъ видно изъ этихъ словъ, совершенно раздѣляетъ папскія теории касательно важности и значенія Римской кафедры въ средѣ христіанскаго міра. Да, это былъ не языкъ Фотія!—Затѣмъ Игнатій переходитъ къ изображенію того, какъ папа, ко благу церкви, воспользовался своею властію и въ настоящее время, всячески противодѣйствуя утвержденію Фотія на кафедрѣ Константинопольской. „И въ наше время — продолжаетъ Игнатій — твоя святость достойнымъ образомъ приложила къ дѣлу дарованную тебѣ отъ Христа власть; ты, какъ искусный въ военномъ дѣлѣ и прекрасный полководецъ, вооружившись всепобѣждающею истиною, этимъ сильнымъ и непреодолимымъ оружіемъ, низвергъ враговъ истины; того, кто противозаконно присвоилъ себѣ божественное, похитилъ чужое добро, и чрезъ окно вторгся во дворъ овчій, подобно разбойнику, сдѣлавъ своей добычей души

¹⁾ Labbei. Ibidem, pag. 1009. (Тоже письмо Игнатія можно находить у Mansi. Concilia. Tom. XVI, p. 47).

многихъ, того, кто столько возгордился, что даже упорствовалъ противъ Бога всемогущаго, того, кто въ своей гордыни осмѣлился противъ твоего достоинства, святаго и не подлежащаго никакому осужденію, выдумать соборъ, какъ бы нѣкотораго рода басню о гиппоцентаврахъ ¹⁾),—этого-то человѣка, преисполненнаго всякаго зла, ты своею апостольскою властію отрѣшилъ отъ общенія церковнаго и, подражая апостола Петру, судомъ своихъ могущественныхъ словъ, поразилъ какъ новаго Ананію, и, чрезъ удаленіе отъ духовнаго тѣла церкви, анаеюмоу убилъ его, какъ втораго Симона. А насъ, потерпѣвшихъ тяжелую несправедливость, ты, по своей справедливости и своей братской любви, присудилъ возвратиться къ нашей церкви и на нашу кафедру, поступая, какъ обладатель апостольской и высочайшей власти, и съ этимъ возстановилъ спокойствіе и снова доставилъ церквямъ миръ“ ²⁾). Такимъ образомъ и Игнатій, подобно императору, выражаетъ мысль предъ лицомъ папы, что низверженіе Фотія и возвращеніе его самого на кафедру, совершившіяся съ восшествіемъ на престолъ Василія, суть ничто иное, какъ точное и неуклонное исполненіе воли папы Николая; и значитъ, всѣ прежнія домогательства, съ которыми обращался прежде папа на востокъ, и которыя такъ хорошо умѣлъ устранять Фотій, теперь новымъ патриархомъ Константинопольскимъ открыто признаются, какъ законныя и заслуживающія всякаго одобренія. Печальное явленіе! Остальная часть Игнатіева письма посвящена вопросу о томъ, какъ поступить съ различными духовными лицами въ Константинополѣ, которыя, оставаясь приверженцами Фотія, тѣмъ самымъ сдѣлали себя, по сужденію Игнатія, повинными и подлежащими суду. Игнатій усердно испрашиваетъ у папы распоряженій на этотъ счетъ, какъ будто бы кромѣ „заморскаго епископа“—какъ называли папу древніе Африканскіе епископы — никто не могъ судить лицъ, составлявшихъ Константинопольскій клиръ. При этомъ, мо-

¹⁾ Рѣчь идетъ о соборѣ Константинопольскомъ 867 года, на которомъ осужденъ папа Николай.

²⁾ Ibidem, 1009—10.

жетъ быть противъ воли собственной, Игнатій, подобно императору, указываетъ, какъ много въ Константинопольскомъ клирѣ было лицъ, не желавшихъ подчиниться и не сочувствовавшихъ церковному перевороту. Не говоря уже о лицахъ, посвященныхъ Фотіемъ, а ихъ конечно, было не мало (Фотій былъ уже 10 лѣтъ патриархомъ), даже изъ тѣхъ, кто посвященъ былъ самимъ Игнатіемъ, и изъ этихъ „большая часть, по признанію Игнатія, сдѣлалась послѣдователями и сообщниками Фотія, отъ начала до конца, и какъ бы по дѣйствию сатаны, по слишкомъ сильному выраженію Игнатія, показываетъ ко мнѣ сильнѣйшую ненависть“ ¹⁾. Въ концѣ письма Игнатій, опять такъ же какъ и императоръ, обращается съ просьбою къ папѣ прислать въ Константинополь легатовъ съ цѣлю устроения благосостоянія церковнаго: „да пришлются къ намъ викаріи вашего блаженства, дабы мы съ ними добре и по надлежащему устроили церковь нашу, и мы примемъ ихъ какъ провидѣніе Божіе, являемое при посредствѣ верховнаго Петра и при посредствѣ вашего настоянія. И да примутъ дѣла благое и цѣлесообразное теченіе во славу Бога и вашей отеческой святости“ ²⁾.

Папство, казалось, торжествовало и на Востокѣ!

Къ счастью, для восточной церкви, въ это время на римской каедрѣ воссѣдалъ не Николай, и не мужъ подобный ему, который бы съумѣлъ извлечь для себя выгоду изъ положенія церкви Константинопольской, такъ послушно обратившейся за помощію въ Римъ, а Адрианъ II, уже дряхлый старикъ, не отличавшійся энергіею. По крайней мѣрѣ, первая же два папскія письма къ императору и Игнатію показали, что этотъ папа не способенъ былъ дѣйствовать при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ по своей инициативѣ. Письмо Адриана къ императору есть простое выраженіе вѣжливости со стороны одного лица къ другому, какъ будто бы дѣло шло о самыхъ незначительныхъ вещахъ, а не о такой великой жертвѣ, вакую, казалось, приносилъ

¹⁾ Ibidem, 1010.

²⁾ Ibidem, 1011.

Востокъ на алтарь папскаго церковнаго влaстительства ¹⁾. Нѣсколько характеристичнѣе письмо папы къ патриарху Игнатію. Адріанъ пользуется случаемъ выразить мысль, что наконецъ-то и церковь Константинопольская хочетъ преклонить свою главу предъ властію Римскаго первосвященника, но и эта мысль выражается скорѣе какъ заученая, чѣмъ глубоко прочувствованная, сознанныя. „Итакъ знайте — писалъ между прочимъ Адріанъ—при всемъ томъ, что предшественникъ нашъ, папа Николай, постановилъ и опредѣлилъ, касательно твоего лица и тѣхъ, кто претерпѣвалъ съ тобою гоненія, и касательно церкви константинопольской, при всемъ этомъ и мы пребываемъ и остаемся; и какъ онъ до самого смертнаго часа не переставалъ заботиться о вышеназванной церкви, такъ и мы послѣдуемъ ему въ дѣланіи; какъ послѣдовали ему въ чести, такъ послѣдуемъ ему и въ трудѣ“ ²⁾. Весьма понятно, что папа не отказался отъ приглашенія явить свой судъ касательно церкви Константинопольской, и объявляетъ, что онъ готовъ вторгнуться въ дѣла этой церкви, пусть только подробнѣе опишутъ ея состояніе. Папа писалъ: „Вслѣдствіе заботливости, по которой намъ слѣдуетъ точно знать обо всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, пусть будетъ донесено нашему апостольству о положеніи, порядкахъ и дѣлахъ церкви Константинопольской“ ³⁾. Папа требуетъ, при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, только того отъ Константинополя, что предлагаютъ великодушно и самъ императоръ и Игнатій. Очевидно, что если Византійская церковь на этотъ разъ ничѣмъ не заплатилась Риму за свою уступчивость, и если настоящее обращеніе къ папѣ въ будущемъ не имѣло никакихъ послѣдствій, то въ этомъ случаѣ Византійская церковь обязана, кромѣ своей стойкости въ большинствѣ членовъ своей іерархіи, и еще неумѣлости папы Адріана воспользоваться, какъ должно, рѣдкимъ случаемъ.

По разнымъ неблагоприятнымъ для папы внѣшнимъ при-

¹⁾ Labbei, ibidem, pag. 1084, 1085.

²⁾ Ibidem, pag. 1086.

³⁾ Ibidem.

чинамъ, Адрианъ не вдругъ отправилъ отъ себя пословъ или апокрисиаріевъ въ Константинополь для имѣющаго тамъ быть собора, ограничившись сначала только письмами въ Константинополь, содержаніе которыхъ мы изложили сейчасъ. Между тѣмъ папа желалъ, независимо отъ собора Константинопольскаго, собрать у себя соборъ въ Римѣ, на которомъ и должны были составиться рѣшенія и распоряженія касательно церковныхъ Константинопольскихъ дѣлъ. Чѣмъ долженъ былъ быть этотъ соборъ, какимъ характеромъ отличаться по отношенію къ мнимому виновнику Константинопольскихъ церковныхъ нестроеній—на это хорошо и ясно указываютъ уже и обстоятельства, и условія, при какихъ Адрианъ принималъ новое Константинопольское посольство въ Римѣ, отправленное сюда вслѣдъ за первымъ посольствомъ. Поведеніе этого посольства при самомъ представленіи папѣ, по нашему мнѣнію, служило какъ бы программой и вмѣстѣ поощреніемъ для того образа дѣйствования папы и Римскаго духовенства, какой находимъ на Римскомъ соборѣ, о которомъ мы хотимъ сказать. Посольство своимъ поведеніемъ въ данномъ случаѣ какъ бы говорило: чѣмъ хуже отнесется Римъ къ Фотію и его дѣятельности, тѣмъ лучше это будетъ принято при Византійскомъ дворѣ, и Римская курія естественно послѣ этого не сочла нужнымъ сколько нибудь церемониться съ узурпаторомъ Фотіемъ, какимъ онъ считался въ Римѣ. Папа Адрианъ съ большою торжественностію принимаетъ Византійское посольство: оно представляется Адриану въ церкви св. Маріи, окруженному духовенствомъ и свѣтскими сановниками. Папѣ вручены письма и подарки съ самыми льстивыми словами по адресу папской заботливости о прекращеніи церковныхъ Византійскихъ смуть. При этомъ разыгрывается нѣкоторое весьма оригинальное, чисто — комедійное дѣйствіе. Послы объявили, что, по волѣ императора и патріарха, они принесли съ обою подлинный (?) экземпляръ актовъ Фотіева собора (867 г.), ¹⁾ осудившаго папу Николая, и повергаютъ эти

¹⁾ Мы сомнѣваемся въ томъ, что это былъ будто подлинникъ актовъ, ибо по нашимъ соображеніямъ подлинникъ уничтоженъ позже, именно на Константинопольскомъ соборѣ 869 года (какъ о томъ будетъ замѣчено ниже).

акты на папскій судъ. Адрианъ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ эти акты и изслѣдуетъ ихъ, дабы изобрѣтатель собора, сочинитель превратныхъ ученій — т. е. Фотій — еще разъ подвергся осужденію. Одинъ изъ членовъ посольства, митрополитъ Іоаннъ, принесъ акты въ собраніе и бросилъ кодексъ на землю, говоря: „ты проклять въ Константинополѣ — обращеніе къ кодексу, — будь проклять также и въ Римѣ; тебя сочинилъ служитель сатаны Фотій, новый Симонъ, — изобрѣтатель всякой лжи; тебя повергасть на землю служитель Христа Николай (рѣчь какъ бы ведется отъ лица самого папы Николая), новый Петръ, другъ истины“. Одинъ изъ чиновниковъ Византійскихъ (спасааръ Василиій), членъ посольства началъ топтать кодексъ ногами и ударять мечемъ, говоря: „я думаю, что въ немъ сидитъ дьяволь, который чрезъ уста своего сотоварища Фотія осмѣлился говорить то, чего не осмѣливался сказать самъ онъ“. Папа, довольный такою сценою, распорядился, чтобы акты рассмотрѣны были на соборѣ въ Римѣ¹⁾. Но этотъ соборъ, на которомъ суждено было Фотію сдѣлаться предметомъ всяческихъ поруганій, по независящимъ лично отъ папы обстоятельствамъ, не могъ состояться въ непродолжительномъ времени. Этотъ соборъ составилъ только уже въ іюнѣ 869 года; посольство Византійское должно было продолжительное время смиренно ожидать этого печальнаго зрѣлища, въ которомъ предметомъ всяческихъ хуленій былъ главнымъ образомъ борецъ папства — Фотій. Соборъ Римскій 869 года собрался для обсужденій Византійскихъ церковныхъ дѣлъ и собственно для рассмотрѣнія, какъ поступить съ актами собора, направленнаго противъ папы Николая, и чего достоинъ за это Фотій. Соборъ открылся рѣчью папы, прочитанною Римскимъ архидіакономъ Іоанномъ (впослѣдствіи папа); эта рѣчь исполнена была порицаній на Фотія; въ ней говорилось: „отставленный и анаематствованный Николаемъ, Фотій не только не преклонился къ покаянію, но, подражая Люциферу, который и по своемъ низверженіи съ неба оставался въ своей гордынѣ,

¹⁾ Hergenröther. В. II, s. 31. 33. Св. Hefele. В. IV, s. 360.

собралъ сборище злыхъ и обогрѣнную кровію синагогу — т. е. соборъ на Николая, — гдѣ онъ свой языкъ изопрялъ, по подобію зміи, противъ неба, противъ верховной папской власти, врученной отъ Бога св. Петру, и гдѣ онъ предалъ позору и поруганію какъ папу Николая, такъ и теперешняго его наслѣдника и его служителей¹⁾. Папская рѣчь заканчивалась такими словами: „что былъ за мужъ нашъ отецъ Николай, вы всѣ знаете; вы хорошо знаете его отличные нравы, его добродѣтели; вы знаете, какъ онъ въ сумрачный періодъ нашего полнаго золь времени возшелъ подобно звѣздѣ, или лучше сказать возсіялъ какъ фѣбъ въ эфирѣ паче всѣхъ звѣздъ; вы знаете, какъ ни лестію нельзя было преклонить его, ни жестокостію смутить его... Взвѣсьте, любезнѣйшіе братіе и сыны, какъ поступить относительно собора Фотіева или его нечестивыхъ актовъ; взвѣсьте строго и выскажите свое сужденіе свободно. Я съ своей стороны ради закона Божія, ради сохраненія каноновъ, преданныхъ отъ отцевъ, ради защиты привиллегій апостольской кафедръ, готовъ претерпѣть всѣ страданія и, если то необходимо, принять самую смерть“. Понятно, соборъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Адріана и о высококомъ папскомъ значеніи Николая, и о великихъ преступленіяхъ Фотія. Потому одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, всталъ и сказалъ громоносную рѣчь противъ Фотія. „Фотій былъ отлученъ и анаематствованъ — говорилъ епископъ — и значитъ не могъ созывать никакого собора, какъ осужденный онъ не могъ судить никого другаго. Къ нему — говорилъ ораторъ — относятся слова псалма: „глаголетъ пребеззаконный согрѣшити въ себѣ, нѣсть страха Божія предъ очима его. Глаголы усть его беззаконіе и леть, беззаконіе помысли на ложѣ своемъ; предста всякому пути не благу“ (пс. 35, 2—5). „Папа долженъ отмстить — говорилъ ораторъ — за оскорбленіе своей апостольской кафедръ, возстать на спасеніе народовъ;

¹⁾ Т. е., вооружаясь вообще ни палство, Фотій вооружался тѣмъ самымъ и на Адріана, хотя въ собственномъ смыслѣ у Фотія не могло быть и не было никакихъ столкновеній съ Адріаномъ.

подобно Петру наказать лжеца Ананію или лучше сказать того, кто еще больше заслужилъ смерть; папа долженъ осудить соборъ Фотія такъ, чтобы и слѣда не оставалось отъ него, и пусть будетъ уравниенъ онъ съ соборомъ разбойничьимъ въ Ефесѣ (449 г.). Тѣ, кто принималъ участіе въ соборѣ, или подписывалъ его акты, или защищаетъ ихъ, или скрываетъ ихъ, — должны быть анаематствованы, и если они устно и письменно не произнесутъ анаемы на акты, то таковыя и въ качествѣ мірянъ не должны быть допускаемы до церковнаго общенія“. Послѣ этого совершенно яснаго осужденія собора Фотіева латинскими епископами, отъ лица папы предлагается еще категорическій вопросъ собору: „что сдѣлать съ этими актами“? Соборъ отвѣчалъ: „принимая во вниманіе, что худыя рѣчи портятъ добрыя нравы, что, кто дотрогивается до смолы, тотъ пачкается ею, что эта книга ничѣмъ существенно не отличается отъ злыхъ книгъ еретиковъ и схизматиковъ, такъ какъ она сочинена отъ схизматика и подражателя Діоскора и преисполнена всякою ложьюю вредными догматами, то эта книга должна быть на вѣки анаематствована и въ глазахъ всѣхъ, въ особенности греческихъ посланниковъ, предана огню, чтобы чрезъ знакомство съ нею не омрачилась чистота простодушныхъ и чтобы души вѣрующихъ не потерпѣли отъ нея какого-либо вреда. Отъ начала до конца — говорилъ соборъ — нѣтъ въ ней цѣлости“¹⁾). Эготъ приговоръ собора — замѣтимъ — дѣйствительно приведенъ въ исполненіе по заключеніи собора; кодексъ актовъ былъ торжественнымъ образомъ преданъ сожженію. Весь достойный соборъ вышелъ на ступеньки храма Петра, въ которомъ было засѣданіе; прежде чѣмъ книга брошена въ огонь, каждый изъ епископовъ счелъ долгомъ попать ее ногами; когда же книга была брошена въ огонь, — по разсказу современника, — то она сторала съ какимъ-то зловоніемъ и притомъ чрезвычайно быстро, хотя лилъ дождь, который долженъ бы затушить пламень; даже напротивъ, по словамъ того же писателя, каждая капля дождя падала на книгу,

¹⁾ Hergenröther, B. II, s. 36—8. Hefele, B. IV, s. 361—2.

какъ масло въ огонь, и пламень увеличивался, чему всѣ греки и латиняне не мало дивились, прославляя Бога и папѣ Николая и Адриана ¹⁾.—Но возвратимся къ разсмотрѣннѣ дѣяній собора. Осужденіе Фотіева собора противъ Николая и осужденіе его актовъ было только прелюдіею къ другимъ не менѣе притязательнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи къ Востоку. Папа считаетъ моментъ осужденія Фотіева собора 867 года удобнымъ, чтобы подтвердить свой высокой церковный авторитетъ; и это разумѣется дѣлается не для Запада, который высоко чтить власть папскую, но для Востока, представляемаго здѣсь нѣкоторыми епископами. По желанію папы на соборъ этотъ вносится для обсужденія положеніе, которое гласило; „Папа есть судія епископовъ и ни отъ кого судимъ быть не можетъ“. „Если — разсуждалось далѣе—восточные и произнесли анаѹему на папу Гонорія по его смерти, то нужно взять во вниманіе, что онъ былъ обвиненъ въ ереси (онъ былъ монофелитъ), ради которой и осмѣлились противиться своему начальнику, т. е. папѣ, его подчиненные т. е. восточная церковь, и притомъ никто, ни сами патріархи, не осмѣлились бы произнести на него осужденія, если бы не послѣдовало на то согласія со стороны самого Римскаго престола“. Иначе говоря: папу можетъ судить только папа же. Далѣе указывалось и основаніе для такого воззрѣнія на папскую власть. При королѣ Феодорихѣ, собравшіеся для суда надъ папою Симмахомъ епископы объявили, что созваніе соборовъ принадлежитъ только папѣ, что они, епископы, не могутъ произносить суда надъ первою каедрю и всякое дѣло, касающееся ея должно быть предоставлено суду Божію. Къ своему сожаленію, папа долженъ былъ сознаться, что однакожъ греки не придають значенія этому факту и не знакомы съ нимъ. Да и какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ могло имѣть общеобязательное значеніе опредѣленіе частнаго, мѣстнаго собора? Развѣ это опредѣленіе принято было какимъ-нибудь вселенскимъ соборомъ?—Что же сказалъ на это предложеніе соборъ? Понятно, соборъ Римскій вполнѣ согласился

¹⁾ Hefele, s. 361. Hergenröther, s. 41.

съ такими воззрѣніями, и восточные епископы, присутствовавшіе на немъ, конечно не могли противорѣчить, — по крайней мѣрѣ это было не удобно, — такому мнѣнію, которое выгодно было для папы и не достойно восточной церкви ¹⁾. — Наконецъ соборъ вообще изложилъ свои рѣшенія по вопросу о дѣлахъ церкви Константинопольской въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Фотіемъ и Михаиломъ III собранный соборъ въ Константинополѣ, на которомъ высказано неуваженіе къ апостольской катедрѣ, долженъ быть уравненъ съ разбойничьимъ Ефесскимъ соборомъ, его акты должны быть анаематствованы, сожжены и повсюду уничтожены; всѣ сочиненія и письма, обнародованныя Михаиломъ и Фотіемъ, возстающія противъ папской катедры, подлежатъ той же участи. 2) Два, собранные Фотіемъ и Михаиломъ, собора противъ Игнатія, которыхъ надлежитъ страшиться какъ богоубійственныхъ, подлежатъ той же участи. 3) Хотя Фотій давно уже осужденъ и анаематствованъ, но вслѣдствіе новыхъ покушеній на права апостольской катедры, и ради его лжей, обмановъ и распространенія вредныхъ ученій (разумѣется его окружное посланіе, въ которомъ Фотій опровергалъ латинскіе неправильные догматы и обряды), онъ снова анаематствуется, осуждается и уравнивается съ своимъ прототипомъ Диоскоромъ. Впрочемъ — говорилось далѣе — (папа повидимому хочетъ показать нѣкоторую снисходительность къ Фотію), если онъ устно и письменно подчинится требованіямъ папъ Николая и Адріана, акты своего собора осудить и выказать раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ, то ему не будетъ отказано въ причащеніи, какое допускается для мірянъ. 4) Тѣ, кто согласился на тотъ нечестивый соборъ (867 г.) или подписалъ его акты, должны, въ случаѣ вступленія въ общеніе съ Игнатіемъ и послушанія папскимъ распоряженіямъ, соборъ анаематствовать и находящіяся у нихъ экземпляры его сжечь, и они могутъ быть приняты только въ церковное общеніе, но не больше. т. е. лица духовныя лишаются своего сана. — Нужно замѣтить, что подъ актами собора, надъ которыми

1) Hergenröther, s. 39. Hefele, s. 362.

теперь произносится осужденіе, значилась и подпись императора Василя (онъ подписался подъ ними въ качествѣ кесаря); поэтому очевидно, грозный судъ папскій до извѣстной степени касался и его личности. Папа однакожъ ни мало не затрудняется этимъ обстоятельствомъ, и соборъ объявляетъ, что императоръ долженъ быть свободенъ отъ всякой *sinistrae sententiae*, такъ какъ подпись Василя подложена (*sic*), и онъ долженъ считаться благочестивымъ и православнымъ императоромъ. 5) Всѣ, кто по обнародованіи этого папскаго рѣшенія будутъ имѣть у себя акты собора Фотіева, и вмѣсто того, чтобы объявлять о нихъ и сожигать, будутъ утаивать и защищать ихъ, таковыя подлежатъ отлученію, и, если это будутъ духовные, они должны быть лишаемы сана. Этотъ приказъ — говорилось наконецъ — долженъ имѣть значеніе не только въ Константинополѣ, но и въ патріархатахъ Александрійскомъ, Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ ¹⁾ Таковъ судъ собора Римскаго; на этомъ соборѣ папа прямо выставляетъ себя всемірнымъ судьей и повелителемъ всей церкви.

Такимъ образомъ все, что сдѣлано было патріархомъ Фотіемъ для блага Константинопольской церкви въ борьбѣ съ папскими притязаніями, — все это теперь, по суду папскому, съ согласія Константинопольскихъ властей, должно считаться незаконнымъ нарушеніемъ церковныхъ правъ. Сообразно съ этими рѣшеніями собора Римскаго, и письма, съ которыми отправляются папскіе легаты въ Константинополь, выражаютъ съ одной стороны всяческія прещенія на Фотія и его сторонниковъ, съ другой благословенія на Игнатія и императора, которые со такимъ сочувствіемъ отнеслись къ распоряженіямъ папы Николая. Письма эти лишь въ новомъ видѣ повторяютъ то, что положено было по дѣламъ Константинопольскимъ на Римскомъ соборѣ. Въ письмѣ къ Игнатію папа Адрианъ называетъ Фотія человекомъ „мірскимъ, *civilis*, неофитомъ, хищникомъ, прелюбодѣемъ“; сообразно съ этимъ — лицамъ духовнымъ, посвященнымъ отъ Фотія, папа отказывалъ во всякой церковной должно-

1) Hergenröther, S. 40—41. Hefele S. 361—3.

сти. „Фотій—говорить папа—во всемъ подобенъ Максиму
цинику, поэтому и посвященіе его рукою или лучше ска-
зать оскверненіе подобно опять посвященію Максимову“ ¹⁾.
Но чѣмъ больше выражаетъ папа свою ненависть въ отно-
шеніи къ Фотію и его сторонникамъ, тѣмъ съ большимъ
дружелюбіемъ относится онъ къ приверженцамъ Игнатія.
„Лицъ духовныхъ—говорить папа—рукоположенныхъ тобою
или твоими предшественниками, если они благодаря Бога сопро-
тивлялись хищнику Фотію и никакимъ образомъ не участво-
вали въ обезчещеніи и оскорбленіяхъ твоей святости и не
присоединялись къ тѣмъ, кто считалъ тебя низложеннымъ,—
такихъ мы опредѣляемъ считать блаженными и трблажен-
ными и причислять къ исповѣдникамъ Христовымъ“ ²⁾.
Всѣмъ, посвященнымъ нѣкогда отъ Игнатія, даровалось па-
пою подъ нѣкоторыми условіями прощеніе, если они такъ
или иначе участвовали въ узурпаторскихъ дѣлахъ Фотія,
за исключеніемъ одного случая, котораго папа простить не
можетъ. „Если же кто изъ нихъ добровольно подписался подъ
актами нечестиваго собора, собраннаго въ Константинополѣ
(въ 867 г.) въ оскорбленіе апостольской каяедры, —таковые
не заслуживаютъ никакого прощенія“ ³⁾. Папа не могъ из-
винить дерзости противъ апостольской каяедры, не подле-
жащей ничьему суду; такіе дерзновенные, по его мнѣнію,
должны считаться подобными Діоскору. Затѣмъ папа даетъ
нѣкоторое наставленіе касательно актовъ собора Римскаго,
которые теперь посланы были въ Константинополь. Папа
говоритъ: „акты собора, собраннаго нами въ церкви Петра,
пусть будутъ на соборѣ Константинопольскомъ подписаны
всѣми, и списки съ нихъ да хранятся заботливо въ архи-
вахъ церкви“ ⁴⁾. Адрианъ хочетъ увѣковѣченія для своихъ
распоряженій, направленныхъ противъ Фотія, который былъ
такъ ненавистенъ для папъ.— Въ письмѣ къ императору
Василію папа даетъ понять ему, что такъ и слѣдовало по-
ступать, какъ поступилъ онъ, т. е. всегда обращаться въ

¹⁾ Labbeus, t. VIII, pag. 1012.

²⁾ Ibidem, pag. 1013.

³⁾ Ibidem, 1013.

⁴⁾ Ibidem, 1014.

важныхъ случаяхъ къ Римской каедрѣ, которая всегда, по сужденію папы, врачевала часто болящую церковь Константинопольскую. Въ сознаниі своихъ высокихъ правъ папа писалъ императору: „Ты понялъ, какъ мы узнали это изъ твоихъ писемъ, какими ранами страдаетъ церковь Константинопольская; ты понялъ ясно и то, что врачевать эти раны можетъ только наша апостольская каедра: поэтому ты и сталъ искать такого врачевства у ней. Да и всегда такъ бывало, что церковь Константинопольская, терявшая свою крѣпость, при пастыряхъ недостойныхъ, которые тамъ часто встрѣчаются, получала свою крѣпость и силу, вслѣдствіе врачеваній ея тою же Римскою каедрою. Бывали ли въ числѣ ея пастырей заблуждающіеся или подвергавшіеся гоненіямъ и несправедливости — Римская каедра не переставала помогать церкви Константинопольской: первымъ она указывала путь исправленія, вторымъ протягивала руку помощи“¹⁾. Затѣмъ, обращаясь къ теперешнему состоянію церкви Константинопольской, Адрианъ съ одной стороны выражаетъ свое мнѣніе касательно духовныхъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Фотія, съ другой стороны дѣлаетъ нѣкоторыя новыя распоряженія касательно актовъ собора 867 года, которые такъ беспокоили папу. „Относительно священниковъ и прочихъ — говоритъ папа, — которые, нарушая миръ церковный, стремились разрушить единство церкви и многое совершили въ противность брату нашему Игнатію, и о которыхъ ты по обычаю прежнихъ императоровъ (sic) спрашиваешь распоряженій, — о нихъ, замѣчу, такъ какъ они не одинаково погрѣшили, то и подлежатъ не одинаковымъ опредѣленіямъ; но надлежащее рѣшеніе о нихъ будетъ постановлено, когда о степени ихъ виновности возвѣстятъ намъ наши легаты“. Касательно же актовъ собора 867 года папа въ письмѣ къ императору дѣлаетъ такое внушеніе: „Всѣ экземпляры этого собора, по отобраніи ихъ отъ владѣльцевъ, должны быть сожжены на Константинопольскомъ соборѣ въ присутствіи членовъ этого собора, такъ чтобы не оставалось у кого либо черты единой, или іоты единой

¹⁾ Labbeus, pag. 981.

отъ списковъ съ этихъ актовъ, подъ опасеніемъ лишенія сана церковнаго или отлученія отъ церкви. Относительно же тѣхъ, кто вздумалъ бы скрывать ихъ или беречь для потомства, — пусть твоя мудрость выдастъ гражданскія узаконенія, по которымъ таковыя и должны подвергаться наказанію¹⁾.

Папа, какъ видно изъ этихъ писемъ, хотѣлъ съ полною свободою заправлять ходомъ церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ; онъ полагалъ, что въ самомъ дѣлѣ церковь Константинопольская наконецъ признала его мнимо — высокія права въ церкви. Но какъ обманулся онъ въ своихъ ожиданіяхъ!

Это показали обстоятельства собора Константинопольскаго 869 года и событія въ Константинополѣ, сопровождавшія оный.

¹⁾ Ibidem, pag. 982—983.

V. Константинопольскій соборъ 869—870 года, признаваемый на Западъ VIII-мъ вселенскимъ соборомъ.

Прибытіе папскихъ легатовъ для собора въ Константинополь (869—870 года).—Замѣчанія объ актахъ этого собора.—Мѣсто засѣданій собора.—Крайняя малочисленность членовъ *перваго* его засѣданія; чтеніе рѣчи императора; требованіе, выраженное императорскими сановниками о томъ, чтобы засвидѣтельствовали и удостовѣрили свои полномочія легаты и представители двухъ патріаршихъ киедръ; какъ принято было это требованіе легатами?—Можно ли считать представителей двухъ восточныхъ патріарховъ лицами дѣйствительно уполномоченными отъ этихъ патріарховъ?—Притязательная папская формула, подписаніе которой требовалось для участія въ соборѣ; ея содержаніе. Особое заявленіе (мнимыхъ) уполномоченныхъ отъ двухъ патріарховъ. — Внѣшне — формальный вопросъ объ осужденіи Фотія.—*Второе* засѣданіе: какъ произошло возсоединеніе на немъ нѣкоторыхъ епископовъ Византійскаго государства съ Игнатіемъ, а также нѣкоторыхъ пресвитеровъ и другихъ клириковъ?—Эпитимія, на нихъ наложенная.—*Третье* засѣданіе: чтеніе нѣкоторыхъ документовъ и неудачная попытка собора привлечь еще нѣсколькихъ епископовъ къ союзу съ Игнатіемъ.—*Четвертое* засѣданіе: непріятный для собора отвѣтъ нѣкоторыхъ епископовъ, приверженныхъ къ Фотію; продолжительные переговоры собора съ этими епископами, ихъ нежеланіе послѣдовать требованіямъ собора и изгнаніе ихъ изъ мѣста соборныхъ засѣданій.—Вопросъ о томъ, былъ ли признаваемъ Фотій въ патріаршемъ достоинствѣ римскимъ папою и восточными патріархами?—*Пятое* засѣданіе: Фотій предъ лицомъ собора: недобровольное появленіе Фотія на соборѣ, глумленіе надъ нимъ, требованія предъявленныя Фотію, переговоры съ нимъ важнѣйшихъ соборныхъ представителей, достойное поведеніе его на соборѣ, анаеема Фотію.—Дальнѣйшее (*шестое*) засѣданіе собора въ присутствіи императора Василія; приглашеніе на соборъ, по волѣ царя, но вопреки желанію римскихъ легатовъ, фотіанскихъ епископовъ, ихъ стойкость.—Защитительная рѣчь Фотіанъ, въ особенности Захарія Халкидонскаго. — Отвѣтъ на рѣчь Захарія со стороны Игнатіянина Митрофана Смирнскаго.—Чтеніе рѣчи императора.—Дается Фотіанамъ седмидневный срокъ на размышленіе.—*Седьмое* засѣданіе тоже въ присутствіи императора: появленіе Фотія и съ нимъ Григорія Асветы на соборѣ; порицанія на Фотія; новый опытъ стойкости фотіанскихъ епископовъ; чтеніе рѣчи Игнатія; анаеematствованіе Фотія и его приверженцевъ; ямбическіе стихи

противъ Фотія; извѣстіе Никиты Пафлагонянина, что приговоръ надъ Фотіемъ былъ подписанъ членами собора не чернилами, а евхаристическою кровію. — *Восьмое* засѣданіе опять въ присутствіи императора: сожженіе документовъ, относящихся ко времени патріаршества Фотія; разныя обвиненія на Фотія. — Дѣятельность собора противъ послѣднихъ иконоборцевъ. — *Трехмѣсячный* перерывъ въ засѣданіяхъ собора, причины этого явленія. — *Десятое* засѣданіе: появленіе на соборѣ представителя отъ лица патріарха александрійскаго; осторожное пасьмо этого патріарха къ собору (императору). — Судъ надъ свидѣтелями, показывавшими противъ Игнатія на соборѣ 861 года; церковное наказаніе, положенное на нихъ. — Судъ надъ участниками въ кошунственныхъ религіозныхъ церемоніяхъ при императорѣ Михаилѣ III и пр. — *Послѣднее (десятое)* торжественное засѣданіе собора: участники засѣданія; провозглашеніе правилъ, составленныхъ на этомъ соборѣ; отношеніе ихъ къ событіямъ и явленіямъ того времени. — Чтеніе соборнаго опредѣленія; рѣчь императора; изготовленіе актовъ собора и ихъ подписаніе. — Приключеніе съ папскими легатами при возвращеніи ихъ въ Римъ. — Уваженіе собора 869—70 годовъ на Западѣ (восьмой вселенскій соборъ). — Отзывъ патріарха Фотія о соборѣ.

Ближайшая цѣль сношеній Василія Македонянина и Игнатія съ папою состояла въ томъ, чтобы испросить у Рима легатовъ, которые, по прибытіи въ Константинополь, приняли бы участіе въ имѣющемъ послѣдовать соборѣ, утвердили бы Игнатія на каедрѣ и осудили бы Фотія и Фотіанъ; все это требовалось совершить во имя папскаго авторитета и будтобы вслѣдствіе желанія самой Византійской церкви.

Долго пришлось императору и патріарху ждать желанныхъ гостей—папскихъ легатовъ. Въ Римѣ медлили частію изъ кичливости, частію потому, что папа захотѣлъ сначала созвать и, какъ мы знаемъ, созвалъ торжественный соборъ для заочнаго суда и строгаго приговора надъ Фотіемъ. Только уже въ 869 году папа Адріанъ послалъ своихъ легатовъ въ Константинополь. Такими легатами были два епископа Донатъ и Стефанъ и діаконовъ Маринъ. Въ концѣ сентября легаты приблизились къ цѣли путешествія; они достигли Фессалоники. Когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ выслалъ имъ на встрѣчу своего чиновника—спаеаря ¹⁾ Евстахія, чтобы привѣтствовать гостей и сопровождать ихъ

¹⁾ Спаеарь—военный чиновникъ въ родѣ офицера, а другое названіе, образующееся изъ такогже слова: протоспаеарь (этотъ чинъ сейчасъ встрѣтается въ нашей рѣчи) означаетъ генерала.

въ дальнѣйшемъ путешествіи. Когда они достигли Селимврии, мѣстность въ нѣсколькихъ верстахъ на западъ отъ Константинополя, то для новой встрѣчи ихъ императоръ выслалъ протоспаера Сисинія и игумена Θεогноста, того самаго, который долго жилъ въ Римѣ и хлопоталъ предъ папою по дѣлу Игнатія. При этомъ отправлено было для легатовъ 40 лошадей изъ императорской конюшни, много серебряной утвари для обѣденнаго стола, большое количество прислуги. Затѣмъ послѣдовалъ торжественный въѣздъ легатовъ въ восточную столицу: можно было подумать, что пріѣхалъ самъ папа Адрианъ. Въ субботу 24 сентября легаты прибыли въ Стронгилловъ (круглую крѣпость) противъ западныхъ воротъ Константинополя; здѣсь они переночевали, а на слѣдующій день, въ воскресенье, совершили парадный въѣздъ въ Константинополь; ихъ сопровождали съ большою пышностію придворные чиновники, клиръ, народъ до самаго Магнаврскаго дворца, гдѣ легаты должны были поселиться. Въ понедѣльникъ былъ день рожденія императора, а потому легаты приняты были императоромъ во вторникъ, во дворцѣ, называемомъ Хризотриклиніонъ; они должны были вручить ему папское посланіе. При приѣмѣ Василій облобызалъ ихъ, дружественно справился у нихъ о здоровьѣ папы, о состояніи римскаго клира и сената, снова облобызалъ ихъ и проводилъ ихъ къ патріарху Игнатію, которому они тоже должны были передать письмо отъ папы. На слѣдующій день императоръ снова почтилъ ихъ аудіенціею, при чемъ говорилъ имъ, что онъ будетъ счастливъ, когда легаты исполнятъ свою задачу—устранять нестроенія въ церкви Константинопольской и уничтожать соблазны, созданный Фотіемъ и его приверженцами. Легаты отвѣчали, что они за этимъ именно и прибыли въ Константинополь, и прибавили, что они никого изъ восточныхъ епископовъ не допустятъ до участія на соборѣ прежде чѣмъ каждый изъ нихъ не подпишетъ папской формулы (*libellus satisfactionis*), принесенный ими, легатами, изъ Рима. На это императоръ и присутствовавшій при этомъ Игнатій замѣтили: „это что-то новое, небывалое, слѣдуетъ

напередъ познакомиться намъ съ документомъ“¹⁾. Документъ тотчасъ же былъ переведенъ на греческій языкъ и содержаніе его стало извѣстно епископамъ. Затѣмъ начались приготовленія къ собору, назначенъ былъ и день открытія его. Лица, которыя должны были присутствовать на соборѣ въ качествѣ уполномоченныхъ отъ нѣкоторыхъ восточныхъ патріарховъ, давно уже находились въ столицѣ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ исторіи собора, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ актахъ²⁾ этого собора. Подлинный греческій текстъ актовъ собора не сохранился до нашего времени. Мы имѣемъ лишь подробные латинскіе акты этого собора, изготовленные латинскимъ священникомъ Анастасіемъ бібліотекаремъ, который самъ былъ въ Константинополѣ во время соборныхъ засѣданій, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ легатамъ: свой латинскій текстъ онъ выдаетъ за точный переводъ греческаго подлинника; а въ греческомъ текстѣ сохранились до насъ только извлечения изъ подлинныхъ актовъ. Этотъ послѣдній трудъ сдѣланъ какимъ-то неизвѣстнымъ грекомъ, приверженцемъ Игнатія, вѣроятно въ началѣ X вѣка. При изложеніи исторіи собора мы будемъ пользоваться и латинскимъ переводомъ актовъ, и греческимъ извлеченіемъ изъ нихъ³⁾.

¹⁾ Vita Hadriani (papaе), p. 1388—1390. Migne, latin., tom. 128. Возможно, что латинскій авторъ разукрасилъ всю эту картину при помощи фантази.

²⁾ Быть можетъ, не лишнее дѣло дать вообще понятіе объ актахъ соборныхъ. Актомъ соборнымъ называется описаніе одного дня соборной дѣятельности. Въ каждомъ актѣ точно обозначалось: гдѣ происходило засѣданіе, когда, кто присутствовалъ на немъ; затѣмъ вписывались документы, которые прочитывались, бесѣды, рѣчи или суды, которые имѣли здѣсь мѣсто; все это скрѣплялось подписью всѣхъ засѣдавшихъ на соборѣ, какъ духовныхъ лицъ, такъ императора и сановниковъ. Записи дѣлали официальные писцы. Подлинные акты хранились или въ церковномъ архивѣ или царской бібліотеки.

³⁾ Вопросы о томъ, можно ли считать трудъ Анастасія дѣйствительнымъ переводомъ съ подлинника, — не вѣрнѣ ли передаютъ дѣло греческія извлечения изъ актовъ, — отъ чего завясятъ разности въ показаніяхъ между латинскимъ и греческимъ текстами, — насколько существенны эти разницы, — эти вопросы въ наукѣ рѣшаются далеко неодинаково. Римско-католическій ученый историкъ Гергенрёттеръ держится слѣдующаго воззрѣнія по поводу сейчасъ указанныхъ вопросовъ: „между обоими текстами нельзя

Соборъ открытъ былъ 5 октября 869 года, въ среду, мѣстомъ соборныхъ засѣданій былъ знаменитый храмъ св. Софія въ Константинополѣ, именно та часть его, которая назначалась для стоянія въ храмѣ женщинъ, составляла

находить существенныхъ разностей; порядокъ соборныхъ разсужденій тамъ и здѣсь совершенно одинаковъ, нельзя находить между двумя текстами явныхъ противорѣчій. Текстъ Анастасія нужно признавать вполне достовернымъ и считать подлиннымъ экземпляромъ соборныхъ дѣяній. Греческія извлечения могутъ служить только къ пополненію и поясненію латинскаго текста“. Этотъ ученый допускаетъ, что первоначальный греческій текстъ актовъ собора былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ короче Анастасіева латинскаго текста. Главную разницу онъ полагаетъ въ числѣ канонѣвъ собора: въ латинскомъ текстѣ ихъ 27, а въ греческомъ 14 (Hergenröth. II, 64. 65. 68. 75). Другой католическій ученый, канонистъ Гефеле вполне соглашается съ заявленіемъ Анастасія, что его акты—точный переводъ съ греческаго, что онъ перевелъ почти буквально, насколько это позволяли свойства языковъ греческаго и латинскаго (Hefele. Conciliengesch. IV, 371). Протестантскіе ученые мало интересуются тѣми вопросами, о которыхъ у насъ рѣчь. Такъ извѣстный Неандеръ въ своей церковной исторіи не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній по данному поводу. Изъ греческихъ писателей приведемъ мнѣніе К. Экономоса. По его сужденію, латинская редакція есть не переводъ съ подлинника, а оригинальное сочиненіе Анастасія, сочиненіе, содержащее въ себѣ много искаженій. произвольныхъ прибавленій и убавленій, греческая же редакція есть произведеніе Игнатіанина, болѣе добросовѣстнаго (см. іером. Герасима: „Отзывы“, 169). Русскіе писатели тоже имѣли случай выразить свои взгляды на занимающій насъ вопросъ. Такъ авторъ „Правды вселенской Церкви“ замѣчаетъ: „нельзя вѣрить тому тексту, какой привезъ съ собою въ Римъ и перевелъ съ греческаго Анастасій, написавшій столь пристрастное къ нему предисловіе противъ Фотія. Греческій текстъ, названный извлеченіемъ изъ актовъ, едва ли не есть настоящій текстъ актовъ, ибо онъ имѣетъ довольно полноты; Анастасій же произвольно дополнилъ или измѣнилъ многое“ (стр. 263. 265). Съ своей стороны авторъ „Отзывовъ о Фотіи“ Герасимъ пишетъ: „нѣтъ особенной надобности разсуждать о подлинности или неподлинности актовъ, равно какъ о томъ, какая редакція предпочтительнѣе и вѣрнѣе, латинская или греческая, потому что съ одной стороны обѣ редакціи, если не вполне, то приблизительно вѣрно представляютъ дѣло, а съ другой та и другая изъ нихъ одинаково враждебны Фотію“ (стр. 169—170).—Мы лично уже имѣли случай выразить наши мнѣнія, и вторичный пересмотръ нами актовъ не даетъ основаній измѣнять прежде высказаннаго мнѣнія. Вотъ оно: Та и другая редакціи вышли изъ партіи Игнатіанъ. Для исторіика обѣ редакціи имѣютъ почти равный интересъ. Степень правдивости одной въ сравненіи съ другою опредѣлить

верхнія галлерей храма и называлась катехуменіями ¹⁾. Среди присутствующих на соборѣ для большей торжественности по примѣру прежнихъ соборовъ возложены были честный крестъ и св. четвероевангеліе. На первомъ засѣданіи собора присутствовали три папскихъ легата: Донатъ епис. Остійскій, Стефанъ епис. Непійскій и діаконъ Маринъ, далѣе — патріархъ Игнатій, митрополитъ Ѳома Тирскій, въ качествѣ мѣстоблюстителя Антиохійскаго патріарха, пресвитеръ и синкеллъ Илія, въ качествѣ мѣстоблюстителя патріарха Іерусалимскаго; двѣнадцать высшихъ императорскихъ сановниковъ. Изъ епископовъ Византійскаго государства участниками этого засѣданія собора были двѣнадцать лицъ, именно тѣ, которыя показывали неизмѣнную привязанность къ Игнатию, такъ что они не имѣли общенія съ патріархомъ Фотиємъ во время его управленія церковію, — и которыя безъ затрудненія подписали папскую формулу, привезенную изъ Рима легатами (объ этой формулѣ упомянуто было и подробнѣе будетъ сказано ниже. Во главѣ

трудно. Во всякомъ случаѣ латинская редакція соответствуетъ обстоятельствамъ дѣла (Очерки исторіи Византійско-восточной церкви, 116. М. 1878). Значеніе латинской редакціи въ наукѣ подлѣ и по сравненію съ греческой достаточно нами выясняется въ *Указатель*, приложенномъ къ этой книгѣ (См. тамъ № 6).

¹⁾ Что это за часть храма и почему она называлась такимъ необычнымъ именемъ, это требуетъ краткаго разъясненія. У Грековъ во время богослуженія мужчины и женщины становились въ церквахъ отдѣльно. Женщины помѣщались въ верхнихъ галлерейхъ. Эти галлерей не должно представлять себѣ въ видѣ маленькихъ и легкихъ хоръ; онѣ устраивались прочно на столбахъ и на сводахъ и были обширны. Такъ было и въ храмѣ св. Софіи. Эти галлерей здѣсь были такъ просторны, что соборъ 869 года удобно помѣщался на одной правой сторонѣ ихъ (Mansi, XVI. 309). Онѣ носили названіе катехуменій не потому, что здѣсь происходили катехизическія (огласительныя) поученія, а потому, что женщины участвовали въ богослуженіи не столько зрѣніемъ, сколько слухомъ. Очень оригинальное объясненіе названія катехуменій даетъ проф. Е. Е. Голубинскій. Онъ говоритъ: вѣроятно же всего видѣть въ этомъ названіи уничтожительное и пренебрежительное (ироническое) имя, данное женскимъ галлереймъ простонародьемъ въ смыслѣ мѣста оглашеннаго, не собственной церкви. Въ доказательство своего толкованія авторъ ссылается на одну новеллу Льва Мудраго (Ист. Рус. Церкви. Т. 1, 2. Стр. 207).

этихъ архіереевъ стоялъ Митрофанъ, митрополитъ Смирнскій, горячій приверженецъ Игнатія и подругъ Фотія. Когда всѣ заняли свои мѣста, соборъ началъ свою дѣятельность ¹⁾.

Спрашивается: открывался ли когда-либо сколько-нибудь важный соборъ съ такимъ ничтожнымъ количествомъ членовъ, какъ открывается этотъ соборъ? Если исключить руководителей собора и представителей императорскаго авторитета, то соборъ начинается свои дѣянія при участіи 12 епископовъ. И однако такой странный соборъ дерзаетъ называть себя восьмымъ вселенскимъ соборомъ. Какое противорѣчіе между громадными притязаніями собора и крайнею малочисленностію участниковъ его! Восточная церковь свято блюла свои драгоценныя завѣты ..

Прежде всего на первомъ засѣданіи была прочитана рѣчь (эпанакностикъ) императора. Она коротка и не богата содержаніемъ. Василій говорилъ въ ней: Провидѣніе вручило намъ императорскую власть, и мы сочли долгомъ ради общественнаго блага устранить церковныя нестроенія. Съ этой цѣлю мы пригласили мѣстоблюстителей патриаршихъ кафедръ. Затѣмъ императоръ увѣщаетъ членовъ собора при выполненіи своей задачи отложить всѣ человѣческія страсти, подавить въ себѣ всякое пристрастіе и дѣйствовать во имя любви къ истинѣ. Рѣчь императора можно было бы признать вполне умѣстною, еслибы она въ самомъ дѣлѣ предоставляла собору свободу дѣйствій; но она представляется пустой риторикой, когда соборъ собрался исключительно за тѣмъ, чтобы подвергнуть Фотія и его приверженцевъ осужденію. — Послѣ этого наиболѣе вліятельный изъ числа императорскихъ сановниковъ Ваанисъ обратился, отъ лица епископовъ и сената (т. е. прочихъ сановниковъ бывшихъ на соборѣ), къ легатамъ и представителямъ восточныхъ патриарховъ съ требованіями, чтобы тѣ и другіе представили доказательства своихъ полномочій, какими они снабжены отъ тѣхъ кафедръ, отъ имени которыхъ они засѣдаютъ на соборѣ. Это совершенно спра-

¹⁾ Mansi. Concilia. XVI, Lat. text. 17—18; Gr. 309.

ведливое требованіе привело въ смущеніе и безпокойство римскихъ легатовъ. Имъ показалось, что хотятъ посягнуть на авторитетъ самого папы. Очевидно легаты были слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ значеніи; они заговорили, что ни на какомъ соборѣ ничего такого не бывало, что папскіе легаты не имѣютъ нужды удовлетворять подобнымъ формальностямъ. Въ виду этого Ваанисъ долженъ былъ для успокоенія легатовъ объявить имъ, что требованіе имѣетъ въ виду лишь предотвратить обманъ, какой будто бы позволили себѣ легаты, бывшіе на соборѣ 861 года. Тогда легаты предъявили письмо папы Адріана къ императору, которое и было прочтено на соборѣ. По прочтеніи этого письма, Игнатій и прочіе члены собора воскликнули: „Благословенъ Богъ, успокоившій насъ относительно вашего (легатовъ) святѣйшества“. Полномочія легатовъ — дѣло несомнѣнное. Но нельзя того же сказать о полномочіяхъ мѣстоблюстителей со стороны восточныхъ патріарховъ. Какъ мы увидимъ сейчасъ, здѣсь дѣло было не совсѣмъ чисто. Когда потребовано на соборѣ, чтобы мѣстоблюстители Антіохійскаго и Іерусалимскаго патріарховъ (мѣстоблюстителя Александрійскаго патріарха въ началѣ собора совсѣмъ не было), доказали свои полномочія, то синкеллъ Илія отвѣчалъ на это требованіе рѣчью. Онъ говорилъ, что какъ онъ самъ, такъ и митрополитъ Гирскій Тома хорошо известны императору и большей части присутствовавшихъ. Затѣмъ заявилъ, что митрополитъ Тома, по случаю вакантности Антіохійской кафедръ, временно исполняетъ обязанности патріарха и потому служитъ самъ для себя (!) авторитетомъ и не нуждается ни въ какомъ полномочіи со стороны; при этомъ Илія замѣтилъ, что онъ объясняется за Тома потому, что этотъ послѣдній говоритъ несвободно по-гречески. Относительно себя же лично Илія сказалъ: онъ имѣетъ полномочіе со стороны патріарха Іерусалимскаго Θεодосія, удостовѣрительное письмо Θεодосія онъ сообщилъ уже Игнатію и другимъ лицамъ; но онъ согласенъ, чтобы письмо это было прочитано ради тѣхъ, кто не знаетъ его содержанія. Наконецъ тотъ-же Илія заявилъ, что онъ можетъ предложить для прочтенія и еще одинъ

документъ, именно ту записку, какую онъ составилъ отъ своего лица и отъ лица Θомы по слѣдующему случаю: оба они долго уже пробыли въ Константинополѣ и просили-было императора позволить имъ возвратиться въ отечество; императоръ согласился-было на это подъ условіемъ, чтобы они составили записку, въ которой слѣдовало выразить ихъ мнѣніе по поводу нестроений въ Церкви, возникшихъ изъ-за Фотія. Эту записку они составили и Илія предложилъ ее прочитатъ на соборѣ.

Остановимся на минуту и спросимъ: достаточны ли были полномочія, какими обладалъ митрополитъ Θома, мѣстоблюститель Антиохійскаго престола, такъ какъ, кромѣ заявленія о немъ Иліи, что онъ исполняетъ обязанности патріарха, никакихъ грамотъ и писемъ не было предъявлено на соборѣ? Соборъ нашель, что полномочія Θомы достаточно удостовѣрены. Но такъ ли это? Илія въ своей рѣчи говоритъ о Θомѣ, что онъ самъ отъ себя получилъ свои полномочія (*cum ipse auctoritatem haberet*); но нужно помнить, что „никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь“... Лице, само отъ себя заимствующее свои полномочія, какъ митрополитъ Θома, называется не иначе, какъ *самозванцемъ*. Θома долженъ былъ имѣть грамоту отъ своего синода или собора Антиохійскихъ епископовъ, если онъ имѣлъ въ виду присутствовать на соборѣ Константинопольскомъ въ качествѣ дѣйствительнаго уполномоченнаго отъ Антиохійскаго патріархата.

Разсмотримъ полномочія Иліи Іерусалимскаго. Для доказательства своего авторитета Илія представилъ письмо патріарха Іерусалимскаго къ Игнатію, которое и было прочтено на соборѣ. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе этого письма: патріархъ Іерусалимскій пишетъ, что онъ получилъ отъ Игнатія письмо, въ которомъ этотъ послѣдній увѣдомлялъ о своемъ вторичномъ возшествіи на патріаршую кафедру; по этому случаю Θεодосій изъявляетъ свою радость и высказываетъ сожалѣніе о нестроеніяхъ въ церкви Византійской; затѣмъ очень ясно указываетъ, въ чемъ заключается ближайшая цѣль отправления въ Константинополь какъ Иліи, такъ и Θомы Тирскаго: они отправлены въ Кон-

стантинополь, по приказанію эмира Ахмеда, за тѣмъ, чтобы испросить у императора возвращеніе на родину плѣнныхъ Сарацинъ; въ заключеніе письма изчисляются подарки, какіе посылаетъ Θεодосій Игнатію: такими подарками были митра, омофоръ и богослужебная одежда, принадлежавшіе по преданію апостолу Іакову, первому Іерусалимскому епископу, а также серебряная чаша съ изображеніями, изъ ризницы храма воскресенія Господня.

Члены собора и это доказательство полномочій Илія признали вполне достаточнымъ. Но съ этимъ согласиться нельзя. Такъ какъ Илія долженъ былъ присутствовать на соборѣ при разбирательствѣ дѣла Фотія, то ему нужно было имѣть, ясно выраженное по этому поводу, мнѣніе Іерусалимской церкви, а этого-то и нѣтъ въ письмѣ Θεодосія. Безъ точныхъ же инструкцій отъ представителей его патріархата, Илія не могъ подавать голосъ на соборѣ. Да изъ письма и не видно, чтобы Илія назначался мѣстоблюстителемъ патріарха именно на соборѣ; если въ письмѣ и говорится, что онъ долженъ заступать лице патріарха при рѣшеніи вопросовъ (неизвѣстно какихъ), то изъ этого не слѣдуетъ, что онъ назначался быть членомъ „вселенскаго“ собора, какимъ считало себя собраніе епископовъ 869 года. Вообще видно, что Θεодосій хотя и написалъ письмо къ Игнатію, такъ какъ сдѣлать это было необходимо, но поставилъ себя въ сторонѣ отъ бурныхъ вопросовъ, волновавшихъ Константинополь. Изъ письма Θεодосія съ очевидностью вытекаетъ одно, именно, что какъ Илія, такъ и Θома посланы въ столицу съ очень ограниченнымъ и не церковнымъ порученіемъ—добиться освобожденія сарацинскихъ плѣнныхъ. Уполномоченными мѣстоблюстителями двухъ патріаршихъ кафедръ, съ правомъ засѣданія съ этимъ титуломъ на соборѣ, Илія и Θома сами себя слѣдали, вслѣдствіе рѣшительнаго приказанія на этотъ счетъ со стороны императора Василия ¹⁾.

¹⁾ Патріархъ Фотій не считалъ этихъ лицъ дѣйствительными уполномоченными. Такъ въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: никогда не бывало, чтобы посланники нечестивыхъ Измаильтянъ преобразовались въ мужей священноначальственныхъ, чтобы имъ предоставлялись патріаршія права и объ-

Послѣ описанныхъ предварительныхъ дѣйствій, имѣвшихъ мѣсто на первомъ засѣданіи, соборъ перешелъ къ болѣе существеннымъ сторонамъ своей дѣятельности. Легаты первѣе всего поручаютъ прочесть ту формулу единенія, которую они привезли съ собою изъ Рима и которую должны были подписать не только члены собора, но и всѣ епископы и священники, приверженные къ Игнатію. Прочтена была эта формула и повидимому не возбудила никакихъ сомнѣній, хотя она заключала не мало удивительнаго. Вотъ содержаніе ея, какъ она читается въ латинской редакціи. „Начало всякаго спасенія состоитъ въ томъ, чтобы сохранять правила вѣры и не уклоняться отъ отеческихъ постановленій: первое относится къ вѣрѣ, второе къ дѣламъ. Нельзя при этомъ умолчать о словахъ Господа: „ты еси камень (Петръ) и на семъ камнѣ созижду Церковь мою“, истинность которыхъ засвидѣтельствовалъ опытъ, потому что апостольская каедрa (т.-е. римская) всегда непогрѣшимо соблюдала каеодическую вѣру. Итакъ, чтобы не отдѣляться отъ нея и слѣдовать правиламъ отцевъ, особенно же возсѣдавшихъ на ней, мы анаѳематствуемъ всѣ ереси и между ними иконоборческую; анаѳематствуемъ также Фотія, который вопреки священнымъ канонамъ, вдругъ изъ придворнаго служенія и мірскаго лагеря былъ возведенъ, при жизни Игнатія, на престолъ Константинопольской церкви, хищническимъ образомъ, нѣкоторыми схизматиками, (анаѳематствуемъ) пока онъ не покорится суду римскому и не отвергнетъ своего сборища (т.-е. собора 861 года). Мы послѣдуемъ бывшему при блаженной памяти папѣ Николаѣ собору (противъ Фотія); принимаемъ всѣхъ, кого этотъ со-

являлись они представителями собора, какъ это однако было на соборѣ 869 года (Migne. Curs. patr. Gr. tom. 102, col. 892. Ad Theodosium). Замѣчательно, что самъ Гергенрёттеръ, который такъ защищаетъ соборъ этотъ, не можетъ не сознаться, что представители восточныхъ патріарховъ на этомъ соборѣ едва ли были подлинны. Сказавъ о томъ, что со времени сарацинскаго владычества, за патріаршихъ представителей стали принимать всякаго, кто приходилъ съ какими-либо порученіями отъ патріарховъ въ Константинополь, этотъ ученый замѣчаетъ, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, еслибы тоже было и на соборѣ 869 года. Hergen., II, 63.

боръ принялъ, и осуждаемъ тѣхъ, которыхъ онъ осудилъ, въ особенности же Фотія и Григорія Сиракузскаго, отцеубійца, возставшихъ противъ своего духовнаго отца, а также ихъ послѣдователей и ихъ сообщниковъ. Мы анаеоматствуемъ на всѣ времена ложные соборы, бывшіе при императорѣ Михаилѣ—дважды противъ блаженнаго Игнатія (858 и 861 г.) и однажды противъ первоверховнаго апостольскаго престола (867 г.), и осуждаемъ всѣхъ тѣхъ, кто держится ихъ. Отъ всего сердца мы принимаемъ все, постановленное апостольскою каеодою касательно патріарха Игнатія и его приверженцевъ, желая во всемъ соблюсти общеніе съ нею, потому что на ней основана твердость вѣры христіанской, и обѣщая не поминать на литургіи отлученныхъ ею“. Подъ этою формулою требовалось сдѣлать собственноручную подпись и каждый экземпляръ такой подписки слѣдовало вручить легатамъ для представленія папѣ Адриану. Формула заключала въ себѣ два особенно соблазнительныхъ требованія: она предписывала почитать папу, какъ главу Церкви, и требовала осужденія Фотія безъ соборнаго суда надъ нимъ, а лишь во имя папскаго авторитета ¹⁾). Тяжко было слушать такія рѣчи для истинныхъ сыновъ Восточной церкви.

Въ этой формулѣ, какъ мы сейчасъ сказали, заключалось осужденіе Фотія. Положимъ, папа мнилъ о себѣ очень высоко, но все же одного его голоса было мало для соборнаго опредѣленія на этотъ счетъ. Нужно было имѣть о восточномъ патріархѣ ясно выраженное сужденіе восточныхъ же патріарховъ. Но такъ какъ такого сужденія въ наличности не было, то хотѣли удовольствоваться хотя слабымъ подобіемъ его. Именно, теперь сочли умѣстнымъ и полезнымъ прочесть на соборѣ ту записку, которую изготовили согласно желанію императора Василія синкелль Ілія

¹⁾ Латинскій текстъ этой формулы подробнѣе и рѣзче, чѣмъ греческій текстъ. Но нѣтъ основаній заподозрѣвать точность латинской редакціи. Формула эта не новая; такая же была предложена отъ папы Ормизды церкви Бонстантинопольской еще во времена императора Юстиніана: измѣнены лишь имена анаеоматствуемыхъ еретиковъ и схизматиковъ. *Hergenth. II, 80.*

и митрополить **Θома**: лучше что-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего—разсуждали, должно думать, заправители собора. Записка эта состояла изъ шести положеній, заключающихъ мысли въ родѣ тѣхъ, какія находились въ папской формулѣ: составители записки выражали свое согласіе съ опредѣленіями папы **Николая** относительно **Игнатія** и **Фотія**; заявляли, что они принимаютъ возстановленіе **Игнатія** на патриаршей кафедрѣ; находили возможнымъ сдѣлать снисхожденіе тѣмъ лицамъ духовнымъ, которыя переходили со стороны **Фотія** на сторону **Игнатія**, и не лишать ихъ принадлежащихъ имъ должностей; но это относилось собственно къ тѣмъ, кто были посвящены не **Фотіемъ**, а его предшественниками **Меодиємъ** и **Игнатіемъ**. Самъ **Фотій**, говорилось въ запискѣ, навсегда лишается священнаго сана и не можетъ получать евхаристіи и на ряду съ мірянами, если не подчинится волѣ папы; такъ же должно поступить и съ **Григоріемъ сиракузскимъ**. Всѣ, посвященные **Фотіемъ**, епископы и клирики, лишаются своихъ должностей, какъ постановилъ папа. Такова записка **Иліи** и **Θомы** ¹⁾. Всѣ члены засѣданія выразили свое полное одобреніе по поводу прочитанной записки

Такимъ образомъ оказывалось, что **Фотій** осужденъ, прежде чѣмъ онъ былъ призванъ на судъ. Выходило что-то неладное, нарушающее справедливость и законъ. Чтобы устранить возможность такого впечатлѣнія, **Ваанисъ** вступаетъ въ объясненіе съ легатами и мѣстоблюстителями восточныхъ патриарховъ, такъ какъ всѣ эти лица должны были придать видъ правоты осужденію безъ суда. Очевидно эти объясненія есть ни что иное, какъ заученный урокъ, который повторяютъ и **Ваанисъ** и прочія лица собора: не нужно много проницательности, чтобы убѣдиться, что все это заранѣе условлено, а теперь только публично продѣлывается то, что напередъ рѣшено было. **Ваанисъ** спрашиваетъ легатовъ: какимъ образомъ въ Римѣ могли осудить

¹⁾ Можно, кажется, съ полною справедливостію предполагать, что потому только императоръ и потребовалъ отъ мѣстоблюстителей этой записки, что въ письмѣ іерусалимскаго патриарха ни слова не было сказано про- тивъ **Фотія**.

Фотія, когда онъ тамъ не былъ и никто его тамъ ни видалъ и не выслушалъ. Въ отвѣтъ на это легаты начали рассказывать главнѣйшіе факты изъ исторіи Фотія и пришли къ тому заключенію, что Николай осудилъ Фотія, руководясь собственными письмами Фотія къ папѣ и принимая во вниманіе объясненія лицъ, какихъ этотъ патріархъ посылалъ къ папѣ въ своихъ интересахъ. Объясненія, какъ очевидно для cadaго, нисколько не устраняють того вопроса, какимъ они вызваны, но на соборѣ мало объ этомъ заботились; соборъ нашель, что легаты дали удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Затѣмъ тотъ же Ваанисъ съ таѣимъ же вопросомъ обращается къ мѣстоблюстителямъ восточныхъ патріарховъ; онъ спрашиваетъ: „вы такъ долго пробыли въ Константинополѣ, имѣли возможность допросить Фотія объ его дѣлѣ, и однакожь провозносите судъ надъ нимъ, не изслѣдовавъ дѣла?“ На это отвѣчалъ Ілія рѣчью, въ которой главнымъ образомъ упиралъ на то, что противозаконность возведенія Фотія въ патріархи есть несомнѣннѣйшій фактъ, почему будто бы восточные патріархи никогда не признавали его истиннымъ патріархомъ, а почитали настоящимъ, дѣйствительнымъ патріархомъ одного только Игнатія. Соборъ удовлетворился такимъ голословнымъ завѣреніемъ ¹⁾. Вообще соборъ остался доволенъ послѣдними разъясненіями легатовъ и Іліи іерусалимскаго. Такъ какъ время уже склонялось къ вечеру, то засѣданіе было закончено. Въ заключеніе діаконъ и нотарій Стефанъ провозгласилъ различныя многолѣтія: Многая лѣта императорамъ Василию и Константину (сыну перваго)! Многая лѣта благочестивой императрицѣ Евдокіи! Низложителямъ неправды многая лѣта! Врагамъ лжи многая лѣта! Люби-

¹⁾ Намъ необходимо было бы опровергнуть заявленіе Іліи о непризнаніи Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ прочими восточными патріархами, но отъ этого труда избавляетъ насъ Гергенретеръ, этотъ врагъ Фотія, который замѣчаетъ, что заявленіе мѣстоблюстителей патріаршихъ, будто Игнатій *всегда* признавался (а Фотій, очевидно, никогда не признавался) дѣйствительнымъ патріархомъ въ восточныхъ патріархатахъ, не согласуется со строгою истинною. Негген. II, 68. Сверхъ того слич. о. Герасима: „Отъзывы“, стр. 175.

телямъ истины и справедливости многая лѣта! Римскому папѣ Николаю вѣчная память! Папѣ Адриану, патриарху Игнатію, тремъ восточнымъ патриархамъ многая лѣта! Православному сенату многая лѣта! Святому и вселенскому собору (т.-е. этому самому собору) вѣчная память! ¹⁾.

Второе засѣданіе собора происходило 7 октября. Присутствовали на немъ тѣже лица, какъ и на первомъ. Слѣдовательно оно тоже было малочисленно. На немъ происходитъ воссоединеніе съ Игнатіемъ нѣкоторыхъ епископовъ и клириковъ, бывшихъ въ общеніи съ Фотіемъ, хотя они были посвящены не Фотіемъ, а Меоодіемъ и Игнатіемъ. Однимъ изъ условій такого воссоединенія было принятіе преждеуказанной папской формулы. Хартофилаксъ Павелъ ²⁾ объявилъ собору, что нѣкоторые изъ епископовъ, посвященныхъ Меоодіемъ и Игнатіемъ, но входившихъ въ общеніе съ Фотіемъ, просятъ позволенія явиться на соборъ. Соборъ далъ согласіе. Одинъ изъ такихъ епископовъ Теодоръ карійскій (или лаодикійскій) отъ лица своего и прочихъ епископовъ, желавшихъ воссоединенія съ Игнатіемъ, представилъ записку, въ которой, какъ само по-себѣ понятно, было наговорено много порицаній Фотію и похвалъ Игнатію и папѣ Николаю. Чтобы объяснить, почему они отступились отъ Игнатія и перешли на сторону Фотія, они рассказывали разные ужасы о гоненіяхъ, какіе будто бы они претерпѣли со стороны Фотіанъ и ихъ преверженцевъ. Многіе изъ нихъ, будто бы, подвергнуты были бичеванію, претерпѣвали голодь и жажду, осуждены были на работы въ каменоломняхъ; наносили имъ раны мечемъ, какъ будто бы они не были живыми людьми и священниками, а мертвыми трупами; по ихъ разсказу, держали ихъ въ цѣпяхъ и въ пищу, вмѣсто хлѣба, давали траву. Всѣ эти жалобы соборъ принималъ безъ всякой провѣрки. Челобитчики го-

¹⁾ Mansi. Concilia. XVI. Lat. text. 16—37; Gr. text. 310—319 (первое засѣданіе собора).

²⁾ Этотъ Павелъ былъ посвященъ въ архіепископы Фотіемъ, а Игнатіемъ лишенъ должности, но потомъ, въ виду его способностей, ему дано было почетное мѣсто хартофилакса. Mansi, ibid. 38. (Замѣтка Анастасія).

верали, что вся ихъ надежда на Бога, на молитвы пресвятой Дѣвы, св. Апостоловъ, св. папы Николая и на заступленіе епископа Игнатія и легатовъ. Въ заключеніе они общались не имѣть ни малѣйшаго общенія съ Фотіемъ и его приверженцами и изъявили желаніе понести наказаніе, какое наложить на нихъ Игнатій. Римскіе легаты отъ лица собора выразили согласіе на принятіе раскаявшихся епископовъ въ церковное общеніе, но прежде потребовали, чтобы они подписали папскую формулу, что они и исполнили. Такихъ раскаявшихся епископовъ было 10. Они были восстановлены въ ихъ санѣ и сдѣлались членами собора. Для большей торжественности этого воссоединенія епископовъ съ Игнатіемъ, вышеупомянутая записка, въ которой заключалось отреченіе отъ Фотія, была положена подъ крестъ и четвероевангеліе, откуда она затѣмъ была взята и подана Игнатію, послѣ чего патріархъ возложилъ на каждого епископа омофоръ. Возлагая омофоръ на Θεодора карійскаго, Игнатій сказалъ словами Евангелія: „вотъ ты выздоровѣлъ, не грѣши же, чтобы не случилось съ тобою чего хуже“ (Іоан. 5, 14). Въ отвѣтъ Θεодоръ завѣрилъ патріарха въ своей неизмѣнной къ нему преданности. На это Игнатій замѣтилъ, что онъ поступаетъ съ покаявшимися, какъ милосердый отецъ, послѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру Римской церкви и восточныхъ патріарховъ, такъ какъ они выражаютъ снисхожденіе къ тѣмъ, кто, отступаясь отъ Фотія, возвращается къ своему законному патріарху. Нѣкоторые изъ воссоединившихся епископовъ еще разъ восхваляли милосердіе Игнатія. Послѣ епископовъ, по порядку приходили съ покаянною головою нѣсколько пресвитеровъ, а потомъ и низшихъ клириковъ; всѣ они принадлежали къ лицамъ дофотіанскаго посвященія, но считались виновными въ томъ, что были въ общеніи съ Фотіемъ. Такихъ пресвитеровъ явилось на соборъ 11, діаконовъ 9 и иподіаконовъ 6. Они всѣ просили прощенія у собора и согласились подписать извѣстную римскую формулу, послѣ чего они были восстановлены въ своихъ церковныхъ должностяхъ. Восстановленіе это произошло такъ: на каждого изъ пресвитеровъ и діаконовъ патріархъ возлагалъ богослужбное

ихъ отличіе, *орарь* ¹⁾). Затѣмъ объявлена была та эпитимія, какая возложена была на всѣхъ вышеисчисленныхъ епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, изъявившихъ раскаяніе. Эпитимія эта заключалась въ слѣдующемъ: тѣ изъ нихъ, которые употребляютъ мясо, должны воздерживаться отъ мяса, сыра и яицъ; тѣ, которые не употребляютъ мяса, должны воздерживаться отъ яденія сыра, яицъ и рыбы, довольствуясь по средамъ и пятницамъ плодами и овощами съ масломъ и малымъ количествомъ вина; всѣ они должны были дѣлать ежедневно по 50 земныхъ поклоновъ, ежедневно же по сту разъ повторять „Господи помилуй“, „Господи прости меня грѣшника“ и прочитывать каждый день слѣдующіе псалмы: 6, 37 и 50. Эпитимія должна была длиться отъ времени этого засѣданія собора (7 октября) до дня Рождества Христова; до этого праздника всѣ лица, подвергшіяся вышеуказанной эпитиміи, не имѣли права совершать богослуженія.—Эту эпитимію можно было бы назвать очень легкою, имѣющею лишь формальное значеніе, еслибы тѣже лица не принесли вмѣстѣ съ тѣмъ великой жертвы, чрезъ свое согласіе на подписаніе унижительной для сыновъ Восточной церкви извѣстной папской формулы.—Тѣмъ, что сейчасъ нами рассказано, и ограничилась дѣятельность второго засѣданія ²⁾ собора.

Извѣстный біографъ патріарха Игнатія, Никита Пафлагонянинъ ³⁾ выражаетъ недовольство противъ этого собора за то, что онъ на второмъ засѣданіи такъ снисходительно отнесся къ епископамъ, хотя и не посвященнымъ отъ Фотія, но имѣвшимъ съ нимъ общеніе. Никита находитъ, что

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ актовъ сказано только, что всѣмъ имъ возвращенъ ихъ санъ (Mansi, XVI, 321), а въ латинскомъ (ibid. 42) замѣчено, что не только на діаконовъ, но и на пресвитеровъ патріархъ возложилъ орари (ораріа). Не ошибка ли это латинскаго писателя—Анастасія? Нѣтъ, латинскій писатель здѣсь называетъ священническое отличіе—эпитрахиль, его настоящимъ именемъ; ибо эпитрахиль есть не что иное, какъ орарь, надѣтый на шею и спущенный кодами напередъ. Это ясно видно въ лицевомъ (иллюстрированномъ) менологіи Василія Македонянина. (X вѣка).

²⁾ Mansi, XVI, lat. text., 37—43; Gr. 320—321.

³⁾ Nicetas. Vita Ign. Col. 548.

этихъ епископовъ (согласно 31 прав. апостольскому) слѣдовало навсегда лишитъ сана, а такъ какъ они прощены, приняты въ число членовъ собора, то они-то въ послѣдствіи и содѣйствовали возстановленію Фотія на патріаршествѣ, т.-е., съ точки зрѣнія Никиты, сдѣлались источникомъ зла и противозаконовыхъ дѣйствій въ Церкви. Этотъ писатель готовъ допускать, что землетрасенія и ураганы, которые случились предъ временемъ созванія собора и въ теченіе его дѣятельности, служили выраженіемъ гнѣва Божія на уступчивость собора и предзнаменованіемъ будущихъ бурь церковныхъ. Но жаркій Игнатіанинъ—Никита не хочетъ разсудить того: возможенъ ли былъ бы самый соборъ, еслибы руководители его очень строго относились къ епископамъ дофотіанскаго посвященія, вошедшимъ въ общеніе съ Фотіемъ? Если при снисходительности членовъ собора, засѣданія его поражаютъ взоръ малочисленностію участниковъ въ немъ, то что было бы, еслибы руководители стали поступать съ епископами по правиламъ строгости, рекомендуемымъ Никитою? Если соборъ этотъ, какъ скажемъ ниже, даже прерывался въ виду крайней малочисленности участниковъ въ немъ, то въ случаѣ примѣненія требованій, заявляемыхъ Никитою, соборъ долженъ былъ бы совсѣмъ прекратить дѣятельность и закрыться. Мнимый вселенскій соборъ, какъ показываютъ первыя засѣданія его, блисталъ почти полнымъ отсутствіемъ восточныхъ епископовъ.

Третье засѣданіе ¹⁾ представляетъ мало интереснаго. Оно ясно даетъ понимать о томъ, съ какимъ трудомъ руководителямъ его приходилось вербовать новыхъ членовъ собора. Оно происходило 11 октября и состояло изъ 23 епископовъ, не считая руководителей собора. Дѣлается попытка привлечь къ участию въ соборѣ двухъ архіереевъ дофотіанскаго посвященія, имѣвшихъ однако общеніе съ Фотіемъ во время его партріаршества, именно Θεодула анкирскаго и Никифора никейскаго; но попытка эта не имѣла успѣха. Легаты заявили на соборѣ, что нѣкоторые епи-

¹⁾ Mausi, XVI, Lat. text. 44—53. Gr. 324—328.

скопы дофотіанскаго посвященія находятся въ неувѣренности касательно кротости и снисхожденія св. Церкви и только поэтому не подписываютъ папской (извѣстной) формулы. Легаты, говоря такъ, главнымъ образомъ имѣли въ виду вышеупомянутыхъ епископовъ Феодула и Ниеифора. Соборъ отправилъ къ этимъ епископамъ депутацію изъ трехъ лицъ съ предложеніемъ отъ лица собора — подписать папскую формулу. Но эти епископы, на которыхъ, повидимому, члены собора возлагали какія-то надежды, дали отвѣтъ отрицательный, выразивъ его въ уклончивой формѣ. Они сказали депутатамъ, что они дали обѣтъ не дѣлать никакихъ подписокъ подъ грамотами, касающимися вѣры, такъ какъ въ послѣднее время имъ приходилось подписывать такіа грамоты, которыя можно одобрять, но также и такіа, которыя нельзя одобрить (трудно сказать, о чемъ тутъ говорятъ эти епископы: не простой ли это предлогъ отдѣлаться отъ неприятнаго предложенія собора?); и кромѣ того, мы находимъ, заявляли они, что достаточно той нашей подписки подъ символомъ, какая сдѣлана нами при посвященіи и которую можно отыскать въ патріаршемъ архивѣ. Послѣ этого отвѣта соборъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Затѣмъ оказалось, что при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился соборъ, ему почти нечего было дѣлать. Въ виду этого, остальное время третьяго засѣданія посвящается чтенію такихъ документовъ, которые и безъ того, вѣроятно, были извѣстны участникамъ собора. Разумѣемъ письма императора Василія и Игнатія къ папѣ (тѣ самыя письма, которыя изложены были нами прежде) и письмо папы Адріана къ Игнатію отъ 10 іюня 869 года, въ которомъ заключается осужденіе Фотія и его приверженцевъ и выражаются нѣкоторыя требованія отъ греческихъ епископовъ. Это послѣднее письмо соборъ призналъ „каноническимъ“ и исполненнымъ справедливости. Тѣмъ и закончилось засѣданіе.

Четвертое засѣданіе собора гораздо интереснѣе. Оно происходило 13 октября и состояло изъ того же числа епископовъ, какъ и предыдущее, т. е. было очень немногочисленно по количеству членовъ. На этомъ засѣданіи происходитъ первое столкновеніе между членами собора и

приверженцами Фотія изъ числа епископовъ. Собору пришлось узнать горькую для него истину, именно что приверженцы Фотія были тверды, стойки, одушевлены духомъ независимости и ни въ чемъ не хотѣли поступать въ пользу требованій собора, которыхъ они не считали законными. Положеніе собора было незавидное. Папскіе громы ничуть не страшили сторонниковъ Фотія, крѣпко стоявшихъ за независимость восточной Церкви отъ Римскаго первосвященника. Засѣданіе открылось слѣдующимъ заявленіемъ патриція Вааниса: два епископа, посвященные Мееодиємъ, но потомъ перешедшіе на сторону Фотія, когда онъ провозглашенъ былъ патриархомъ, Теофілъ и Захарія, были въ составѣ посольства, отправлявшагося въ Римъ изъ Константинополя, для увѣдомленія папы Николая о поставленіи новаго патриарха въ Восточной столицѣ,—они, эти епископы утверждали и утверждаютъ, что папа Николай принялъ Фотія въ общеніе съ собою и призналъ его патриархомъ, говорилъ Ваанисъ. Это обстоятельство приводитъ въ смущеніе народъ (т. е. народъ недоумѣваетъ: какимъ образомъ могло случиться, что разъ, признанный папою, Фотій потомъ вдругъ низвергается, какъ незаконный патриархъ, отвергаемый Римомъ?). Почему Ваанисъ и предложилъ собору—призвать упомянутыхъ двухъ епископовъ и доказать имъ, что разглашаемая ими свѣдѣнія лишены справедливости. Легаты и мѣстоблюстители восточныхъ патриарховъ не желали приглашать на соборъ ни Фотія, ни его сторонниковъ: имъ казалось, что дѣло этихъ лицъ однажды навсегда рѣшено въ Римѣ и что собору нѣтъ нужды вызывать ихъ и разсуждать съ ними. Поэтому легаты не дали прямого позволенія — пригласить Теофила и Захарію на соборъ, и удовольствовались тѣмъ, что была послана къ нимъ депутація отъ лица собора, состоявшая исключительно изъ мірянъ и низшихъ клириковъ (знакъ, что соборъ уже не считалъ этихъ епископовъ дѣйствительными епископами)—съ цѣлію разузнать объ ихъ взглядахъ на соборъ и на главу ихъ партіи—Фотія, для чего депутація должна была предложить имъ вопросы: отъ кого получили они епископское посвященіе и съ кѣмъ имѣютъ

общеніе, какъ своимъ патріархомъ? Депутація исполнила волю собора. Отвѣтъ спрашиваемыхъ епископовъ былъ очень коротокъ, но краснорѣчивъ; они дали знать, что Игнатія они не считаютъ своимъ патріархомъ, сказавъ: мы посвящены Мееодиємъ и находимся въ общеніи съ Фотіємъ. Отвѣтъ этотъ былъ доведенъ до свѣдѣнія собора и конечно не былъ пріятенъ ему. Члены собора воскликнули: „въ такомъ случаѣ и пусть они раздѣляютъ жребій Фотія“; какой это жребій—понятно само собой. Легаты, повидимому, предполагали, что теперь вопросъ о призывѣ Фотіанъ на соборъ совсѣмъ поконченъ. Но оказалось не такъ. Патрицій Ваанисъ держитъ рѣчь, въ которой старается доказать, что дѣло невозможное, чтобы Фотій и Фотіане были окончательно осуждены, не имѣя случая самолично выслушать отъ собора, чего именно требуетъ и желаетъ отъ нихъ этотъ послѣдній. Ваанисъ говорилъ: Фотій и его приверженцы должны быть вызваны на соборъ,—они должны выслушать обвиненія противъ нихъ и обличены на основаніи каноновъ; если осудятъ ихъ, не вызывая на соборъ, тогда они будутъ разглашать: „мы требуемъ справедливости, мы хотимъ сами слышать наше осужденіе; какой судъ можетъ быть безъ выслушанія обвиненныхъ“? Нельзя думать, говорилъ Ваанисъ, чтобы судъ заочный былъ дѣломъ справедливымъ: пусть они больны—не споримъ, но въ такомъ случаѣ испѣлите ихъ; но какимъ образомъ вы испѣлите ихъ совѣсть, если они не будутъ призваны сюда. Ваанисъ въ своей рѣчи доходитъ даже до угрозъ; онъ говоритъ: мы, сановники, обязаны подобно прочимъ членамъ собора подписывать каждое его дѣяніе, но мы отказываемся сдѣлать это, если они будутъ осуждены, не будучи вызваны для суда. Нужно помнить, что Ваанисъ, говорившій отъ лица прочихъ императорскихъ сановниковъ, присутствовавшихъ на соборѣ, въ своихъ заявленіяхъ стоялъ на твердой канонической почвѣ; для церковныхъ судовъ имѣло полную обязательную силу извѣстное юридическое правило: отсутствующаго не судятъ. Но все-таки намъ кажется, что такимъ высокимъ тономъ говорилъ Ваанисъ не по своей мысли, а по приказанію отъ верховной власти. Изъ позднѣйшихъ дѣяній этого же собора

ясно открывается, что такова именно была точка зрѣнія Василия Македонянина. Быть можетъ, правительство стало на эту точку зрѣнія не тотчасъ; но разъ оно пришло къ этой мысли, оно сочло долгомъ отстаивать ее. Въ этомъ отчасти убѣждаетъ насъ и рѣчь, которую вслѣдъ за Ваанисомъ произноситъ Митрофанъ Смирскій, ревностный игнатіанинъ; онъ безъ сомнѣнія стоялъ на сторонѣ Рима, произнесшаго уже строгій судъ надъ Фотіемъ и фотіанами. И тѣмъ не менѣе въ отвѣтной рѣчи Ваанису въ значительной мѣрѣ поддерживаетъ требованіе этого послѣдняго. Партія игнатіанъ восторжествовала благодаря лишь поддержкѣ императора Василия; это лучше другихъ зналъ Митрофанъ и счелъ долгомъ высказаться въ пользу предложенія Вааниса, понимая, что этимъ онъ дѣлаетъ угодное императору. Митрофанъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свѣдѣнія, что сказанное Ваанисомъ составляетъ волю самого императора. Митрофанъ начинаетъ свою рѣчь лестнымъ для самолюбія легатовъ заявленіемъ, что члены собора почитаютъ ихъ „какъ пророковъ“ (Ваанисъ въ своей непріятной для легатовъ рѣчи тоже не счелъ удобнымъ обойтись безъ нѣкакого льстиваго замѣчанія по адресу легатовъ, и сказалъ, что ихъ—легатовъ приняли въ Византіи, какъ св. апостоловъ), и что члены собора далеки отъ того, чтобы показывать къ нимъ пренебреженіе; но—прибавилъ онъ—однако предложеніе Вааниса справедливо и заслуживаетъ одобренія: нужно спросить Фотія и Фотіанъ, признаютъ ли они легатовъ своими судьями, принимаютъ ли они соборъ, какъ дѣйствительный соборъ; пусть будетъ открытъ имъ случай къ защитѣ самихъ себя и во всякомъ случаѣ ихъ нужно судить не заочно, а въ ихъ присутствіи. Легаты, повидимому, совсѣмъ не были приготовлены къ такому обороту дѣлъ. Они полагали, что задача ихъ дѣятельности будетъ хоть коротка, но исполнена значенія. Къ смущенію легатовъ, теперь въ отвѣтъ Ваанису и Митрофану, весь соборъ началъ возглашать: опредѣляемъ, чтобы подлежащіе суду были вызваны на соборъ и чтобы судъ былъ въ ихъ присутствіи, имъ должно быть дано право защиты. Легаты попробовали-было защищать свое мнѣніе, но скоро должны были усту-

нить. Они увидели, что они съ своимъ протестомъ противъ Вааниса и Митрофана остаются одиноки. Легаты задали такой вопросъ: „да развѣ сужденіе папы этимъ епископамъ (т.-е. Фотію и его сторонникамъ) неизвѣстно“? Ваанисъ отвѣчалъ: „они не слышали собственными ушами осужденія въ Римѣ, потому что они не были тамъ“. Легаты не вдругъ сдались и послѣ этого замѣчанія. Они стали бояться того, чтобы на соборѣ не вздумали пересматривать опредѣлений папы Николая. Въ Римѣ уже началъ утверждаться принципъ, что разъ произнесенное папой сужденіе не можетъ быть никѣмъ отмѣнено (*Roma locuta res decisa*). Въ настоящемъ случаѣ встрѣтились и столкнулись два воззрѣнія: Римское, что папа и его рѣшенія не подлежатъ пересмотру, и восточное, что соборъ (и въ особенности вселенскій) выше опредѣлений и рѣшеній отдѣльныхъ патріарховъ. Подъ влияніемъ своего римскаго мнѣнія, легаты говорили: „мы не можемъ уничтожить приговора, произнесеннаго въ Римѣ, это было бы противно канонамъ“ (какимъ это?). Затѣмъ они сказали, что со стороны Фотіанъ были посылаемы депутаты въ Римъ, съ цѣлю достигнуть призванія папою Фотіа въ достоинствѣ патріарха и значить они знали объ осужденіи Фотіа и его приверженцевъ. Но однакожъ вслѣдъ за этимъ легаты замѣтно стали уступать. Последнее возраженіе папскихъ легатовъ заключалось въ слѣдующемъ: Фотіане хотятъ увернуться, весь міръ, Востокъ, Западъ и церковь Константинопольская знаютъ, что постановлено противъ нихъ, они одни будто не знаютъ этого; и развѣ мало прошло времени послѣ собора 863 года, когда произошло ихъ осужденіе въ Римѣ,—а они будто бы не знаютъ этого? Это одна пустая отговорка, они хотятъ избѣгать суда—говорили легаты. Легаты страннымъ образомъ воображали, что будто имъ внушаютъ мысль, что Фотіане въ самомъ дѣлѣ ничего не слышали о проклятіяхъ, которыми ихъ щедро осыпалъ Римъ. Чтобы поставить вопросъ на болѣе правильный путь, императорскіе сановники сдѣлали еще одно замѣчаніе, послѣ котораго легаты окончательно уступили: „Фотіане, сказали сановники, вовсе не думаютъ избѣгать суда; еслибы они хотѣли этого, то они

имѣли возможность самымъ дѣломъ обратиться въ бѣгство; но они остаются на мѣстѣ и хотятъ лишь того, чтобы все, что они слышали о папскомъ судѣ, получило для нихъ полную достовѣрность, а для этого имъ нужно явиться на соборъ“. Только теперь легаты объявили: „пустъ они явятся на соборъ и стануть на самомъ послѣднемъ мѣстѣ“ (т.-е. на ряду съ мірянами). „Какъ прикажете, такъ и будетъ, сказали сановники (какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ на это была собственная воля легатовъ); но мы просимъ, чтобы вмѣстѣ съ Фогіемъ вызваны были по крайней мѣрѣ три или четыре его приверженца, получившіе отъ него посвященіе, и пусть они, подобно мірянамъ, стануть позади насъ“. Легаты не противились, позволивъ вызвать троихъ приверженцевъ Фотія. Но сановники почему-то заявили, чтобы такихъ приверженцевъ Фотія было вызвано не менѣе пяти. Легаты и противъ этого не стали спорить, ограничившись замѣчаніемъ, что Фотіане вызываются на соборъ подъ условіемъ не спорить, а довольствоваться слушаніемъ чтенія писемъ папы Николая.

Отправлена была къ Фотіанамъ депутація съ приглашеніемъ явиться на соборъ, но большинства ихъ не оказалось дома ¹⁾. Застали дома только двоихъ фотіавскихъ епископовъ, о которыхъ шла рѣчь выше, Теофила и Захарію. Впрочемъ на нихъ обращено было особенное вниманіе собора, такъ какъ они настойчиво утверждали, что, будучи въ Римѣ, они находились въ общеніи съ папой Николаемъ и что послѣдній признавалъ въ то время Фотія патриархомъ. По словамъ императорскихъ сановниковъ, бывшихъ на соборѣ, въ Византійскомъ народѣ на основаніи свѣдѣній, ревностно разглашаемыхъ Теофиломъ и Захаріей, слышались такіе толки: если папа принялъ въ общеніе съ собою этихъ двоихъ фотіанскихъ епископовъ, то значитъ онъ признавалъ и Фотія патриархомъ и имѣлъ общеніе съ нимъ;

¹⁾ Изъ этого факта Гергенретеръ выводитъ заключеніе, что Фотіане пользовались свободой, а не были подъ арестомъ. Но этотъ ученый (Herg. II, 88), забываетъ, что Фотіанъ было такое множество, что мысль объ ихъ арестованіи была бы нелѣпостью, а потому правительство и не отваживалось на это.

пусть папа хоть на одинъ день призналъ Фотія патриархомъ, и этого достаточно, чтобъ утверждать, что утверждаютъ Теофилъ и Захарія. Въ виду такого значенія личностей Теофила и Захарія въ спорѣ Игнатіанъ и Фотіанъ, нужно было постараться собору доказать обратное тому, что они утверждали. Легаты, выслушавъ сейчасъ указанное заявленіе сановниковъ относительно Теофила и Захарія, сказали: не можетъ быть, чтобы папа Николай признавалъ Фотія патриархомъ и на одинъ день, даже хоть на одинъ часъ. Этимъ замѣчаніемъ легатовъ воспользовались сановники и сказали: пусть же войдутъ на соборъ Теофилъ и Захарія, и допросимъ ихъ: на какомъ основаніи они распространяютъ свои толки? Но легатамъ отнюдь не хотѣлось вступать въ какія-либо словопренія съ этими фотіанскими епископами; они боялись, что такимъ образомъ будетъ униженъ и оскорбленъ папскій авторитетъ; они соглашались только на то, чтобы эти фотіане отъ лица собора выслушали опредѣленіе, положенное касательно нихъ папою. Но сановники не хотѣли удовлетвориться этимъ, они требовали, чтобы Теофилъ и Захарія настоящимъ образомъ выслушаны были по тому вопросу, какой поднять былъ этими приверженцами Фотія. Мало этого: императорскіе сановники пошли далѣе въ своихъ желаніяхъ. Они говорили, что Теофилъ и Захарія—епископы посвященные не Фотіемъ, а Мсеодіемъ и Игнатіемъ, но подобныхъ епископовъ папа позволилъ прощать въ случаѣ раскаянія ихъ; поэтому сановники полагали, что этимъ епископамъ должна быть открыта возможность принести покаяніе. На это легаты замѣтили: можно ли думать о раскаяніи такихъ епископовъ, которые только-что объявляли, что они имѣютъ общеніе съ Фотіемъ? Но сановники не отказывались отъ своего мнѣнія и говорили, что даже между членами собора есть такіе епископы, которые до послѣдняго времени держались стороны Фотія. И на послѣдовавшее затѣмъ замѣчаніе легатовъ, что эти послѣдніе епископы подписали папскую формулу, сановники отвѣчали: но вѣдь Теофилъ и Захарія ничего не слышали о папской формулѣ; а если узнаютъ, то быть можетъ и примутъ ее, пренія могутъ при-

нести пользу; возьмемъ въ примѣръ самого І. Христа, который съ такимъ тщаніемъ печется о томъ, чтобы утвердить въ вѣрѣ невѣрующаго Θому, хотя Христосъ имѣлъ двѣнадцать учениковъ. Видно, что заботы сановниковъ направлялись къ тому, чтобы какимъ ни есть способомъ—увеличить число членовъ собора; отсюда происходятъ ихъ споры съ легатами. Послѣ указанныхъ словопреній епископы Теофиль и Захарія вошли на соборъ.

Замѣчательно, по странной щепетильности, легаты сначала не хотѣли давать сами вопросовъ явившимся епископамъ и просили, чтобы вопросы предлагали сановники. Прежде всего имъ былъ предложенъ вопросъ: желаютъ ли они выслушать и принять папскую формулу? Отвѣтъ кратокъ и ясенъ: не имѣемъ такого желанія, при чемъ эти епископы прибавили, что и пришли они сюда не по своей волѣ, а по волѣ императора. Затѣмъ Ваанисъ спросилъ ихъ: правда ли, что они стараются доказать, что будто папа Николай признавалъ ихъ епископами и совершалъ купно съ ними литургію? Епископы отвѣчали: это мы говорили прежде и говоримъ теперь. Легаты, недовольные такимъ заявленіемъ епископовъ, сказали: они лжецы, отъ нихъ правды не услышишь. Если такъ, отвѣчали Теофиль и Захарія, то не за чѣмъ и разговаривать съ нами. Легатъ діаконъ Маринъ спросилъ ихъ: да чѣмъ они могутъ доказать, что папа служилъ съ ними литургію? Теофиль сказалъ на это: самъ Маринъ можетъ быть свидѣтелемъ, такъ какъ онъ, Маринъ, былъ въ Римѣ, когда они служили литургію вмѣстѣ съ Николаемъ. Но Маринъ не хотѣлъ подтвердить этой ссылки на него; онъ говорилъ, что дѣйствительно онъ былъ иподіакономъ въ то время, когда они были въ Римѣ, но что Николай не пріобщался съ ними, какъ епископами, и удостоилъ ихъ лишь причащенія по образу мірянъ. Вопросъ остался нерѣшеннымъ: кто говорилъ правду—Маринъ или Теофиль. Рѣшено было прочесть два письма папы Николая, изъ которыхъ было бы видно, что папа не признавалъ Фотія патріархомъ. Письма эти, хотя и доказывали это, но они не касались вопроса, затронутаго Теофиломъ и Захаріей. Выслушавъ эти письма,

Оеофилъ заявилъ: подлинны эти письма или нѣтъ, не наше дѣло рѣшать; но я утверждаю, что я дѣйствительно участвовалъ въ богослуженіи съ папой: это я готовъ доказать при посредствѣ свидѣтелей, если императоръ дастъ письменное удостовѣреніе, что эти свидѣтели не потерпятъ ничего худаго. Эти слова Оеофилъ произнесъ съ великимъ убѣжденіемъ (*in conspectu Dei dico*). Онъ еще разъ громко и торжественно заявилъ, что если будутъ допущены свидѣтели на соборъ, то онъ докажетъ правдивость своихъ словъ, и прибавилъ: тогда вы узнаете, каковъ папа Николай! Этимъ Оеофилъ хотѣлъ сказать, что папа мѣнялъ свои воззрѣнія на Фотія: то признавалъ его, то отвергалъ ¹⁾.— Чтобы вывести изъ затрудненія легатовъ и соборъ, сановники обратились съ такимъ вопросомъ къ мѣстоблюстителямъ восточныхъ патріарховъ: былъ ли признаваемъ Фотій патріархомъ въ средѣ Антиохійскаго и Іерусалимскаго патріархатовъ? Вопросаемые дали отвѣтъ, уже извѣстный, похожій на заученный урокъ: Фотій не считался у нихъ епископомъ, ни Фотій не писалъ общительныхъ грамотъ патріархамъ, ни патріархи ему. Какъ разъяснено было нами выше, подобное увѣреніе мѣстоблюстителей лишено было справедливости, и однакожъ Ілія Іерусалимскій не стыдился, дѣлая свое ложное показаніе, заявить, что онъ говоритъ это „какъ-бы предъ лицомъ самого Бога и избранными Его ангелами“. Достоинно сожалѣнія, что соборъ въ борьбѣ съ Фотіемъ не разбиралъ средствъ... Настойчивость, съ которой Оеофилъ и Захарія утверждали, что они служили литургію съ папой, дала поводъ къ возбужденію еще одного вопроса. Императорскіе сановники, легаты, а также Анастасій Библиотекаръ, увѣряютъ, что достигнуть общенія съ папой въ то время могли изъ числа пріѣзжихъ епископовъ только тѣ, кои подписали двѣ грамоты: одну при вѣздѣ въ Римъ, въ которой странствующие епископы свидѣтель-

¹⁾ Нѣтъ основаній не вѣрить Оеофилу и Захарію, что они служили обѣдню съ папой. Это было, по ихъ словамъ, до собора константинопольскаго 861 года, а въ то время папа Николай еще осторожно относился къ Фотію, какъ показываетъ образъ дѣйствій папскихъ легатовъ Захарія и Родоальда на упомянутомъ соборѣ.

ствовали, что они держатся православной вѣры, и другую, — которую они же давали предъ тѣмъ, какъ вступить въ церковное общеніе съ папой и въ которой (будто-бы) обязывались во всемъ точно слѣдовать опредѣленіямъ римской каеэдры. Теперь на соборѣ возникъ споръ: дали ли такого рода двойную подписку Теофилъ и Захарія, когда они были въ Римѣ, или нѣтъ? Остается нѣсколько неяснымъ: какое значеніе имѣлъ подобный вопросъ? Но, кажется, не ошибемся, если слѣдаемъ на этотъ счетъ такое предположеніе: изслѣдуя этотъ вопросъ, соборъ хотѣлъ довести этихъ двухъ епископовъ до сознанія, что они въ самомъ дѣлѣ давали такую двойную подписку; а если такъ, то Теофилъ и Захарія должны были принять въ настоящемъ случаѣ опредѣленіе папское касательно Фотія, если они не хотѣли являться противорѣчащими сами себѣ. Въ спорѣ по указанному вопросу, легаты утверждали, что Теофилъ и Захарія дали такую двойную подписку, а епископы эти отрицали это, и настойчиво увѣряли, что они дали лишь одну подписку, разумѣется — первую. Противъ заявленія легатовъ Теофилъ и Захарія выставляли то, что этихъ легатовъ въ то время въ Римѣ совсѣмъ не было. Вопросъ остался нерѣшеннымъ. Всѣ эти переговоры собора съ двумя фотіанскими епископами заканчиваются тѣмъ, что имъ еще разъ было предложено подписаться и принять извѣстную папскую формулу; но они объявили рѣшительно, что они и слышать не хотятъ ее (*pes audire illum volumus*). Послѣ этого легаты сказали: „выбросьте ихъ вонъ“ — и они были удалены. Такова дѣятельность четвертаго ¹⁾ засѣданія собора.

Пятое засѣданіе собора принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ. На этомъ засѣданіи присутствовалъ самъ Фотій, противъ котораго главнымъ образомъ направлена была вся дѣятельность собора. Оно происходило 20 октября; число членовъ собора къ этому засѣданію увеличилось на пять человекъ. Кромѣ прежнихъ членовъ, въ числѣ лицъ, засѣдающихъ на соборѣ, встрѣчаемъ двухъ митрополитовъ и трехъ епископовъ, не присутствовавшихъ на прежнихъ

¹⁾ Mansi. Conc. Tom. XVI, Lat. text. p. 53—74; Gr. 328—340.

засѣданіяхъ и неизвѣстно при какихъ условіяхъ принятыхъ въ составъ собора. Въ самомъ началѣ засѣданія хартофилаксъ Павелъ объявилъ, что императоръ приказалъ явиться на соборъ Фотію. Легаты спросили: самъ ли Фотій пожелалъ предстать предъ лицомъ собора? На это хартофилаксъ отвѣчалъ: неизвѣстно, нужно допросить его объ этомъ. Легаты сдѣлали распоряженіе, чтобы послана была къ Фотію депутація изъ мірянъ, такъ какъ Фотія они, легаты, не считали за епископа. Изъ уваженія къ Фотію депутація впрочемъ состояла изъ лицъ, наиболѣе важныхъ. Депутація, въ составъ которой вошло шесть человекъ, должна была предложить Фотію такой вопросъ и въ такой формѣ: св. и вселенскій соборъ спрашиваетъ тебя: „имѣешь-ли ты желаніе придти на св. соборъ или нѣтъ?“ И въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, депутаты должны были допросить его о причинѣ отказа. Фотій далъ слѣдующій отвѣтъ: до сихъ поръ вы не приглашали меня на соборъ, и я удивляюсь, зачѣмъ теперь вы это дѣлаете и зовете меня. Впрочемъ добровольно я не пойду, но пойду только по принужденію. И выражая пелестное сужденіе о собравшемся соборѣ, онъ сказалъ: „рѣхъ, сохраню пути мои, еже не согрѣшати ми языкомъ; положихъ храненіе устномъ моимъ“ (Пс. 38, 1—2); а что слѣдуетъ за тѣмъ—говорилъ онъ,—то прочтете сами (именно слова: „внегда востати грѣшному предло мною“, при чемъ выраженіе „грѣшный“ Фотій очевидно относилъ къ собору). Когда отвѣтъ Фотія доложенъ былъ собору, то, понятно, онъ вызвалъ неудовольствіе. Легаты говорили: что скажетъ на это соборъ? Мы вызывали его совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы слушать отъ него наставленія, а затѣмъ, чтобы окончить въ его присутствіи изслѣдованіе, начатое противъ него римскою и восточными каеедрами. Всѣ епископы выразили желаніе, чтобы Фотій былъ приведенъ на соборъ. Илія Іерусалимскій отъ лица собора сочинилъ приглашеніе, которое заключало въ себѣ хулы на Фотія и въ которомъ говорилось: „не говоря этого прямо, ты объявляешь соборъ, избранный Богомъ,—грѣшникомъ, и такимъ образомъ представляешь себѣ грѣшниками не только представителей патріаршихъ престоловъ, но и хоръ

св. отцевъ, отошедшихъ въ лучшую жизнь, и если ты не къ дѣлу приводишь пророческія слова, то о тебѣ правильно будетъ сказать, что ты имѣешь въ себѣ „дѣла тьмы“ и боишься „свѣта истины“, какимъ блестятъ соборъ, потому что знаешь, что соборъ обличитъ дѣла твои, такъ какъ, по словамъ Евангелія, „всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и неидетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его“ (Іоан. 3, 10). Но еще также написано: „челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорились тебѣ“ (Пс. 31, 9). Это пророческое изреченіе св. соборъ, при содѣйствіи императора надлежащимъ образомъ и приведетъ къ исполненію“. Когда Фотію прочитано было это приглашеніе, онъ сказалъ: вы не спрашивайте меня, дѣлайте, что хотите. Затѣмъ послѣдовало еще новое приглашеніе Фотія отъ лица собора, въ которомъ говорилось: послѣдую церковнымъ правиламъ, мы приглашаемъ тебя, ожидая твоего добровольнаго прибытія; но ты будучи явнымъ и упорнымъ грѣшникомъ, не хочешь явиться на правый судъ; поэтому, ты долженъ явиться противъ своей воли, чтобы болѣе яснымъ образомъ узнать о своемъ осужденіи. Этимъ вторичнымъ вызывомъ мы повелѣваемъ привлечь тебя на соборъ вопреки твоей волѣ. Такъ и было сдѣлано.

Когда Фотій вошелъ въ собраніе собора, легаты спросили императорскихъ сановниковъ: „кто это, стоитъ здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ?“

— Это Фотій, былъ отвѣтъ.

— Такъ это Фотій, воскликнули легаты, въ первый разъ видѣвшіе это лице,—тотъ Фотій, который болѣе семи лѣтъ причинялъ столько страданій Римской церкви, который глубоко взволновалъ церковь Константинопольскую и сдѣлалъ столько безпокойства прочимъ восточнымъ церквамъ?

— Онъ—самый, отвѣчали сановники.

Послѣ этого легаты предлагаютъ цѣлый рядъ вопросовъ Фотію: принимаетъ ли онъ правила св. отцевъ, предписанія Римскихъ папъ, признаетъ ли опредѣленія папы Николая,

желаетъ ли онъ принять то, что постановилъ преемникъ Николая—Адрианъ.

Фотій молчалъ.

Легаты сказали: а мы слышали, что онъ человѣкъ очень краснорѣчивый. Впрочемъ съ другой стороны мы знаемъ, что онъ законопреступникъ и прелюбодѣй (т.-е. человѣкъ, занявшій епископскую кафедру при жизни епископа, которому принадлежала эта послѣдняя); пусть онъ говорить и запищается.

Фотій сказалъ на это: Богъ слышитъ мой голосъ, если я и молчу.

— Твое молчаніе не спасетъ тебя отъ осужденія, замѣтили легаты.

— Но также и Иисусъ молчаніемъ не избѣгнулъ осужденія, отвѣчалъ Фотій.

Эти слова Фотія возбудили лицемѣрное негодованіе на соборѣ. Мѣстоблюстители восточныхъ патріарховъ, Илія и Ѳома находили всѣ отвѣты Фотія заслуживающими порицанія; они считали неприличнымъ, что Фотій какъ будто бы уподоблялъ себя Христу, судимому отъ синедріона¹⁾; они говорили: „нѣтъ ничего общаго между свѣтомъ и тьмою, между Христомъ и воліаломъ, между храмомъ Божіимъ и идолами“ (?). Затѣмъ они же спросили Фотія: принимаетъ или не принимаетъ онъ приговоръ папъ? Но отвѣта не послѣдовало. Тогда легаты стали увѣщевать его, чтобы онъ смирился, письменно и устно исповѣдалъ свои грѣхи, анаеѣматствовалъ свои нечестивыя сочиненія и свои соборы противъ Игнатія, чтобы онъ обѣщался и поклялся, что онъ ничего не предприметъ противъ законнаго патріарха, но станетъ почитать его, какъ истиннаго отца и съ благоговѣніемъ покорится приговору Римской церкви. Фотій ни слова въ отвѣтъ. Да и что было говорить? Соглашаться

1) Разуѣется, Фотій, указывая на сходство своего положенія съ положеніемъ Христа, вовсе не имѣетъ въ виду выставить себя страстотерпцемъ, каковымъ былъ Искупитель челоѣчества, а даетъ замѣтить собору лишь одно: какъ Спаситель, такъ и онъ Фотій были судимы незаконнымъ судомъ. А въ этомъ замѣчаніи едвали можно находить что-либо предосудительное.

было нельзя, спорить и доказывать бесполезно. Молчаніе было лучшимъ исходомъ въ трагическомъ положеніи Фотія. Послѣ этого соборъ зачѣмъ-то еще разъ приказалъ прочесть письма Николая къ императору Михаилу и къ самому Фотію, какъ будто всего этого Фотій не зналъ. По прочтеніи писемъ, Ілія Іерусалимскій, вообще большой говорунъ, произнесъ длинную рѣчь противъ Фотія; новаго въ ней почти ничего нѣтъ. Онъ говорилъ о томъ, что Фотій противозаконно занималъ константинопольскую кафедру, хвалился безпристрастіемъ въ сужденіяхъ, какое будтобы онъ и Фома показали на соборѣ, внимая въ этомъ случаѣ клятвамъ императора, который снялъ съ себя патѣльный крестъ, возлагалъ его на ихъ шею и взялъ съ нихъ слово—судить нелицепріятно, — объявлялъ, что молчаніе Фотія служитъ лишь выраженіемъ презрѣнія къ собору и т. д. Въ заключеніе своей рѣчи увѣщивалъ Фотія сознаться въ своихъ грѣхахъ и принести покаяніе, за что ему обѣщается милость—принимать причащеніе вмѣстѣ съ мірянами. Зачѣмъ все это говорилось, понять нелегко. Подобнаго рода разглагольствованія должны были казаться Фотію ничѣмъ другимъ, какъ насмѣшками надъ нимъ. Ближе къ дѣлу относилась грамота, которую вручили легаты соборному секретарю для прочтенія. Въ ней говорилось: „Братія, для васъ теперь ясно, что восшествіе Фотія на патріаршую кафедру не было признано правильнымъ, а низверженіе Игнатія произошло вопреки справедливости. Высказывая это, мы не говоримъ ничего новаго; таковъ судъ папы Николая, подтвержденный папою Адріаномъ. А также и представители восточныхъ патріарховъ засвидѣтельствовали, что Фотій въ ихъ патріархатахъ никогда не считался законнымъ епископомъ. Кто, какой христіанинъ, признаетъ патріархомъ человека, котораго не признаетъ въ этомъ достоинствѣ ни Римъ, ни восточные патріархи? Мы отвергаемъ и предаемъ анаемѣ такой образъ дѣйствованія, когда законный патріархъ мірскою властію изгоняется изъ Церкви, а на его мѣсто вопреки канонамъ поставляется другой ¹⁾. Скажите,

¹⁾ Поставленіе Фотія напротивъ произошло въ полной сообразности съ

согласны ли вы съ этимъ?" Конечно соборъ выразилъ свое согласіе. На этотъ разъ легаты почему-то были такъ любезны къ Фотію, что провозгласили анаѣму не прямо на самого Фотія, а лишь на его мнимое преступленіе.

Наконецъ легаты и другіе представители собора обращаются къ Фотію съ увѣщаніями — покаяться и исправиться. При этомъ они потратили весь запасъ своего краснорѣчія, но все понапрасну. Легаты говорили Фотію: если онъ признаетъ Игнатія законнымъ патріархомъ, то ему позволено будетъ причащаться на ряду съ мірянами, усовѣщевали его пожалѣть если не себя, то его приверженцевъ, души которыхъ лишаются спасенія. Патрицій Ваанисъ съ своей стороны раскрываетъ картину того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутится Фотій, если не покорится собору. Онъ говорилъ: „господинъ Фотій (ораторъ находитъ возможнымъ величать его лишь мірскимъ титуломъ: „господинъ“, а также называетъ его неопредѣленнымъ именемъ: „Божій человекъ“), постарайся изложить все, что можетъ служить въ твою защиту. Весь міръ (вся Церковь) имѣетъ здѣсь представителей; потщися, чтобы св. и вселенскій соборъ не лишилъ тебя милосердія. Къ какому суду ты могъбы обратиться потомъ? Въ Римъ? но здѣсь уже находятся его уполномоченные. На Востокъ? но здѣсь имѣются палицо патріаршіе мѣстоблюстители. Смотри, чтобы не заключилась для тебя двери (правосудія). Итакъ выскажи то, что можетъ служить къ твоему оправданію“. Фотій отвѣчалъ: „мое оправданіе не отъ міра сего; еслибы оно могло быть въ здѣшнемъ мірѣ, то вы услышали бы его“. На это Ваанисъ, желая укорить Фотія, сказалъ: „видно стыдъ и страхъ смущаютъ твой духъ, ты не знаешь, что сказать. Св. соборъ даетъ тебѣ срокъ на размышленіе, чтобы ты подумалъ о спасеніи своей души. Уходи теперь, и потомъ приходи, когда твое настроеніе измѣнится къ лучшему“. Фотій отвѣ-

канонами. На этомъ же самомъ соборѣ Ілія Іерусалимскій, самъ не замѣчая того, проговаривается и дѣлается защитникомъ Фотія. Онъ говоритъ: „Игнатій послѣ своего визложенія далъ подписку, что онъ *отрекается* отъ патріаршества“ (Mansi, XVI, 35). Слѣдовательно кафедра была дѣйствительно вакантна и преемникъ Игнатія не есть узурпаторъ.

чалъ: „я не прошу никакого срока, а чтобы я ушелъ, это въ вашей власти“. На дальнѣйшія увѣщанія Фотій не отвѣчалъ ни однимъ словомъ. Засѣданіе ¹⁾ кончилось обычнымъ возгласеніемъ многолѣтія однимъ и вѣчной памяти другимъ ²⁾.

На шестомъ засѣданіи Константинопольскаго собора 869 года появляется самъ императоръ Василиій Македонянинъ. Появленіе его здѣсь не случайно. Повидимому, императоръ изъ хода дѣлъ на соборѣ, какъ показали предыдущія засѣданія, увидалъ, что соборная дѣятельность идетъ не довольно успѣшно. Число членовъ собора почти не увеличивалось, Фотіане оставались глухи и нѣмы къ увѣщаніямъ руководителей собора; при такихъ обстоятельствахъ императоръ Василиій появляется на соборѣ для того главнымъ образомъ, чтобы своимъ личнымъ содѣйствіемъ помочь собору въ достиженіи болѣе удачныхъ результатовъ. Къ этой мысли приводитъ и то наблюденіе, что подъ руководствомъ императора соборъ какъ будто бы начинаетъ свою дѣятельность съ начала, въ значительной мѣрѣ оставляя въ сторонѣ сдѣланное соборомъ до сихъ поръ. Разумѣемъ въ особенности то, что теперь опять Фотій и Фотіане призываются на соборъ, опять ведутся съ ними длинные переговоры. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ послѣдующихъ соборныхъ дѣяній представляютъ собою какъ бы улучшенную и дополненную редакцію прежнихъ дѣяній того же собора. Такое обстоятельство однакожь не лишаетъ интереса засѣданія, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь, напротивъ даже увеличиваетъ интересъ къ нимъ: отсюда мы видимъ, какъ сильно желало Византійское гражданское и церковное (игнатіанское) правительство перетянуть на свою

¹⁾ Mansi. XVI, lat. text. 74—81; Gr. 340—344.

²⁾ Гергенрѣтеръ (Photius, II, 97) при описаніи пятаго дѣянія собора, дѣянія, прямо направленнаго противъ Фотія, считаетъ нужнымъ выписать заключительныя многолѣтія съ полною подробностію, чего при описаніи другихъ засѣданій собора онъ не дѣлаетъ. Здѣсь у него читаемъ: императорамъ Василию и Константину, „мстителямъ неправды, врагамъ лжи“. Читатель можетъ подумать, что такого рода многолѣтствованія имѣли мѣсто лишь на этомъ засѣданіи; а между тѣмъ они провозглашались на всѣхъ засѣданіяхъ. Здѣсь же ихъ выписалъ Гергенрѣтеръ лишь изъ ненависти къ Фотію, которая доселѣ руководитъ перомъ римско-католическихъ ученыхъ.

сторону побольше Фотіанъ, и какъ тверды и крѣпки были привязанности опальныхъ Фотіанъ къ своему опальному вождю: эти послѣдніе вѣрность убѣжденіямъ ставили неизмѣримо выше земнаго благополучія и милостей Двора.

Шестое засѣданіе происходило 25-го октября, въ той же части Софійскаго храма, гдѣ происходили прежнія засѣданія, начиная съ перваго. Кромѣ самого императора, на соборѣ присутствовали шестнадцать императорскихъ сановниковъ, легаты, Игнатій, представители двухъ восточныхъ патріарховъ, многочисленная свита всѣхъ этихъ перечисленныхъ лицъ. Число членовъ собора, т.-е. митрополитовъ и епископовъ Византійскаго царства, нѣсколько возрасло въ сравненіи съ прежними засѣданіями: ихъ было 36 или 37,—число, конечно, очень ограниченное. Въ числѣ членовъ собора теперь встрѣчаемъ такихъ митрополитовъ и епископовъ, которые не значатся въ спискѣ членовъ прежнихъ засѣданій,— и остается неизвѣстнымъ, при какихъ обстоятельствахъ они примкнули къ партіи собора или партіи игнатіанской: были ли имъ оказаны какія-либо льготы въ сравненіи съ архіереями, воссоединившимися съ Игнатіемъ на первыхъ засѣданіяхъ или нѣтъ — ничего нельзя сказать. Одно нужно считать несомнѣннымъ, именно, что личное появленіе императора на соборѣ подѣйствовало на нѣкоторыхъ слабодушныхъ епископовъ ободряющимъ образомъ—и они перешли на сторону, къ которой присоединиться дослѣ не желали. Засѣданіе открылось рѣчью Митрофана, митрополита Смирнскаго, преданнаго друга Игнатіева; въ этой рѣчи онъ воздастъ хвалы императору и собору и въ особенности первому. Похваляя императора и соборъ, ораторъ беретъ образы изъ библейской исторіи; императора и соборъ онъ сравниваетъ съ Ноемъ и его ковчегомъ: какъ праведный Ной устроилъ ковчегъ, такъ второй Ной устроилъ этотъ спасительный соборъ; далѣе—какъ боголюбезный Авраамъ ископалъ колодезь, такъ и императоръ создалъ этотъ соборъ, какъ нѣкій благодатный кладезъ (Быт. 21, 25); а патріарха Константинопольскаго и представителей трехъ патріаршихъ кафедръ (Римскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго) ораторъ называетъ четырьмя великими

свѣтилами на церковномъ небосклонѣ и четырьмя райскими рѣками; онъ взываетъ къ собору, чтобы этотъ потрудился для восстановления мира церковнаго; и въ заключеніе, обращаясь къ императору, произноситъ то самое благословеніе, которое изрекаетъ Господь Аврааму: „благословляя, благословлю тебя, и умножая умножу сѣмя твое, какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ на берегу моря; и овладѣетъ сѣмя твое городами враговъ твоихъ“ и т. д. (Быт. 22, 17). Рѣчь Митрофана не богата содержаніемъ, но представляетъ образецъ Византійской риторики, позволяющей себѣ странное злоупотребленіе повѣствованіями и изреченіями св. Писанія... По окончаніи рѣчи Митрофана, была прочитана записка, составленная Римскими легатами. Въ ней говорилось о вторичномъ восшествіи Игнатія на каедру съ устраненіемъ Фотія, о дѣятельности собора на первыхъ засѣданіяхъ, о томъ упорствѣ и противленіи, какія показали при этомъ Фотій и его приверженцы, вслѣдствіе чего легаты предлагаютъ покончить скорѣе дѣло Фотія и исполнить Римскія опредѣленія по этому поводу. Мысли, какъ видимъ, все обычныя, но на этотъ разъ онѣ имѣли особенное значеніе. Легаты чуть ли не рассчитывали на то, что императоръ явился на соборъ для того, чтобы въ своемъ присутствіи положить конецъ соборной дѣятельности касательно Фотія и Фотіанъ. Но легаты сильно обманулись въ своихъ расчетахъ: императоръ рѣшился не спѣшить этимъ дѣломъ, а вызвать этихъ лицъ на соборъ для увѣщаній. Какъ ни мало согласовалось это съ желаніями легатовъ, они должны были подчиниться волѣ императора.

Вызваны были на соборъ нѣсколько епископовъ, державшихся партіи Фотія или получившихъ посвященіе отъ него. Для вразумленія ихъ прежде всего прочитаны были нѣкоторыя письма папы Николая къ Фотію и императору Михайлу, изъ которыхъ открывалось, что папа не считалъ Фотія законнымъ патріархомъ Константинопольскимъ. Затѣмъ съ тою же цѣлю вразумленія и частію и ободренія Фотіанъ произноситъ рѣчь Ілія Іерусалимскій отъ своего лица и отъ лица Фомы Тирскаго. Онъ старается разрѣшить и устранить нѣкоторыя возраженія, которыя, какъ онъ ду-

малъ, удерживаютъ Фотіанъ въ ихъ упорствѣ. Фотіане говорили, что Фотій поставленъ патріархомъ правильно, послѣ того какъ Игнатій далъ отреченіе отъ патріаршества. На это Илія говорилъ, что Игнатій вовсе не отрекался отъ патріаршей кафедры ¹⁾, и еслибы онъ и сдѣлалъ это, то сдѣлалъ подѣ влияніемъ насилія. Далѣе Фотіане говорили: если Фотій не считается законнымъ епископомъ, то не болѣе могутъ считаться законными епископами и тѣ, которые избрали и посвящали Фотія. На это Илія отвѣчалъ указаніемъ историческихъ примѣровъ, когда извѣстный епископъ соборомъ былъ лишаемъ сана, какъ незаконно поставленный, но посвящавшіе его и имѣвшіе общеніе съ нимъ архіереи оставались пощаженными. Смыслъ этого возраженія, дѣлаемаго Фотіанами, какъ можно догадываться, заключается въ томъ, что въ ту пору, когда происходилъ соборъ, въ Византійскомъ государствѣ было два рода епископовъ: одни были посвящены самимъ Фотіемъ, а другіе его предшественниками; но ни тѣ, ни другіе — по смыслу возражателей — не могутъ съ точки зрѣнія собора почитаться законными епископами: посвященные Фотіемъ теряютъ свои права, какъ скоро онъ признанъ незаконнымъ патріархомъ, а прочіе епископы тоже должны быть признаны „низверженными и отлученными“, какъ лица, знавшія незаконность поставленія Фотія и однакожь допустившія его посвященіе и „сообщавшіяся“ съ нимъ. Для большей ясности этой послѣдней мысли нужно взять во вниманіе то, что избраніе Фотія на соборѣ произошло почти единогласно (какъ мы не разъ имѣли случай замѣтить выше: противъ Фотія высказалось только пять епископовъ). А если такъ, то Византійской церкви совсѣмъ почти не существовало. Это именно, какъ

1) Выше мы имѣли случай замѣтить, что Илія на первомъ засѣданіи этого собора признавалъ фактъ отреченія Игнатія отъ патріаршества во всей его силѣ. А теперь тотъ же Илія ставитъ подѣ сомнѣніемъ этотъ фактъ. Видно, что ораторъ совсѣмъ запутался въ своихъ объясненіяхъ. Могло ли быть благоприятнымъ впечатлѣніе такихъ неустойчивыхъ объясненій на Фотіанъ? Тѣмъ болѣе, что въ настоящей рѣчи Илія, кажется, приспособляется къ воззрѣніямъ императора, какъ покажемъ сейчасъ, несклоннаго признавать фактъ отреченія Игнатія.

мы думаемъ, и хотѣли сказать возражатели, Фотіане. Т.-е. они хотѣли съ ясностію раскрыть то нелѣпое положеніе, въ какое поставлена Византійская церковь въ широкомъ мыслѣ этого слова, вслѣдствіе низверженія Фотія и признанія его „узурпаторомъ“. Но если такъ нужно понимать это возражаніе Фотіанъ, то отвѣтъ на него Илія Іерусалимскаго весьма недостаточенъ. Илія указываетъ на частный историческій случай, а здѣсь дѣло идетъ о цѣлой церкви, въ которой кононическія правила должны быть соблюдаемы въ точности. Было еще и третье возраженіе, которое дѣлали Фотіане и въ силу котораго они крѣпко держались Фотія. Это возраженіе тоже старается устранить Илія въ своей рѣчи. Онъ говорилъ, что многіе (?) приверженцы Фотія уже перешли отъ этого послѣдняго на сторону собора ¹⁾, но другіе упорствуютъ и не хотятъ просить прощенія, основываясь на томъ, что они дали подписки и клятвенныя увѣренія въ вѣрности Фотію ²⁾. На это возраженіе Фотіанъ Илія отвѣчалъ тѣмъ, что отъ имени легатовъ и представителя Антиохійскаго патріарха и своего имени освободилъ Фотіанъ отъ всякихъ обязательствъ и клятвъ, данныхъ (незаконно) этими лицами своему бывшему патріарху. Какъ ни велика была въ этомъ случаѣ милость собора, Фотіане однакожь не думали ея пользоваться и остались вѣрны своему вождю.

Послѣ рѣчи Илія императоръ сказалъ Фотіанамъ: могутъ ли они защищаться, послѣ того какъ узнали теперь о взглядѣ на ихъ дѣло патріарховъ римскаго, антиохійскаго

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ между латинскимъ и греческимъ текстомъ актовъ существенное разногласіе. По греческому тексту, многіе Фотіане на самомъ дѣлѣ во время рѣчи Илія перешли отъ Фотія на сторону собора, а по латинской редакціи Илія только упоминаетъ о томъ, что еще прежде многіе Фотіане оставили Фотія и воссоединились съ Игнатіемъ. Но греческій текстъ очевидно неправиленъ, потому что такой важный фактъ акты описали бы въ болѣе подробныхъ чертахъ, а не ограничились бы одной строчкой. Что касается латинскаго текста, то и здѣсь возникаютъ затрудненія: на какой именно фактъ указываетъ Илія? Ни на одномъ изъ предшествующихъ засѣданій Фотіане—да еще въ большемъ числѣ—на сторону Игнатія не переходили. Быть можетъ, разумѣется второе засѣданіе....

²⁾ Не ясно: что такое за подписи и клятва? Впрочемъ объ этомъ скажемъ ниже.

чи іерусалимскаго? Они отвѣчали, что они готовы защищаться. И одинъ изъ нихъ Евхимонъ, митрополитъ Кесаріи Каппадокійской, просилъ у императора позволенія защищаться безпрепятственно, безъ перерывовъ и помѣхи, и заявилъ, что онъ, съ Божією помощію, докажетъ, что всѣ документы и рѣчи, здѣсь произнесенныя, составляютъ пустяки (*Chartas has et disputationes... in vanium fuisse locutas*). Императоръ выразилъ неудовольствіе на такое рѣзкое выраженіе Евхимона. Онъ говорилъ, что, вѣдь, такое порицаніе произносится не только противъ трехъ патріаршихъ кафедръ, но и этого святаго собора; онъ сдѣлалъ предположеніе, что Фотіане, должно быть, не хотятъ подчиниться собору по неувѣренности ихъ въ томъ, что строгій приговоръ противъ нихъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ патріархамъ, и потому спросилъ ихъ: „вѣрите ли вы тому, что этотъ приговоръ произошелъ отъ самихъ патріарховъ, или же не вѣрите?“ — „а если не вѣрите, то я готовъ дать всѣ нужныя средства для того, чтобы вы могли совершить путешествіе къ патріархамъ и убѣдиться, что они дѣйствительно дали такія опредѣленія“. Фотіане отвѣчали на это: „здѣсь (въ Константинополѣ) должно рѣшиться наше дѣло“. Насколько серьезно было предложеніе императора, трудно опредѣлить. Но во всякомъ случаѣ онъ могъ заранѣе предполагать отрицательный отвѣтъ Фотіанъ. Онъ конечно зналъ, что вся суть дѣла въ папѣ, а папа, при теперешнихъ условіяхъ, отнюдь не былъ расположенъ на уступки Фотіанамъ. Знали это и Фотіане, и потому предложеніе императора было просто какою-то игрою въ безпристрастіе.

Послѣ этого произносить рѣчь одинъ изъ наиболѣе ученыхъ Фотіанъ, Захарія Халкидонскій, любимый ученикъ Фотія. Рѣчь была направлена противъ папы и его опредѣленій касательно Фотіанъ. Ораторъ раскрывалъ ту мысль, что церковныя правила выше опредѣленій патріарховъ, не исключая и папы, и что если папа или кто другой поступаютъ вопреки церковнымъ правиламъ, слѣдовать подобнаго рода опредѣленіямъ не должно. Въ частности ораторъ Захарія старался доказать, что папы далеко не непогрѣшимы въ своихъ опредѣленіяхъ и что въ особенности осно-

ванія, по какимъ папа Николай отвергалъ законность Фотія, какъ патріарха, не заслуживаютъ вниманія ¹⁾). Рѣчью Захарія императоръ, разумѣется, остался недоволенъ. Онъ сказалъ, что по дѣлу Фотіанъ высказались всѣ патріархи и противъ ихъ опредѣленій идти нельзя, и съ видимымъ раздраженіемъ, обращаясь къ нимъ, проговорилъ: „мы знаемъ, что вы не больше, какъ міряне; мы призвали васъ не затѣмъ, чтобы вы лаяли (latrage) на насъ и городили вздоръ; всѣ ваши слова ложь и обманъ“. Нѣкоторые изъ Фотіанъ при этомъ сказали: „этого и дьяволъ не рѣшался сказать“ ²⁾). Затѣмъ императоръ повелъ съ нѣкоторыми Фотіанами рѣчь о вещахъ, мало имѣвшихъ связи съ предыдущимъ, вообще рѣчь, не отличающуюся толковитостію. Онъ заговорилъ о религіозныхъ кощунственныхъ церемоніяхъ при императорѣ Михаилѣ и о томъ, дѣйствительно ли отрекался Игнатій отъ патріаршества, — сильно заспорилъ объ этихъ предметахъ съ однимъ Фотіаниномъ. Получалось впечатлѣніе какой-то сумятицы, притомъ явно обнаруживалось, что императоръ никакъ не могъ взять верхъ въ спорѣ съ Фотіанами. Разсуждая по вопросу объ отреченіи Игнатія, императоръ, повидимому, отвергалъ фактъ отреченія и требовалъ

¹⁾ Вотъ подробности рѣчи Захарія. Въ доказательство того, что папы поставили рѣшенія, не сообразныя съ истиною, ораторъ указывалъ на два примѣра: папа Юлій (IV в.) на соборѣ оправдалъ Маркелла Анкирскаго, и однакожъ онъ былъ и остался еретикомъ; дагѣ римскіе папы (въ V в.) оправдали Апіарія пресвитера изъ Африки, но Къреагенскій соборъ призналъ его, Апіарія, лишеннымъ сана. Что касается папы Николая, то ораторъ говорилъ: основанія, по которымъ онъ не признавалъ законности Фотія, недостаточны. Николай, впервыхъ, не признавалъ Фотія потому, что онъ сдѣланъ патріархомъ прямо изъ мірянъ; но также изъ мірскаго состоянія возведены были и Амвросій Медиоланскій, и Евсевій Самосатскій (IV в.), и патріархи Тарасій, Никифоръ; восторжъ, Николай утверждаетъ, что Фотій посвященъ епископами, отлученными отъ церкви Григоріемъ Асвестою и др.), но они отдѣлялись отъ общенія съ церковію (т. е. Игнатіемъ), а не были преступниками: какъ скоро они вошли въ общеніе съ Церковію, они сдѣлались такими же епископами, какъ и прочіе епископы и т. д.

²⁾ Τοῦτο οὐδέ ο διαβολος ετολμησεν ειπειν. Къ кому обращены эти слова? неужели къ самому императору? (Гр. 349).

отъ Фотіанина, съ которымъ онъ препирался, чтобы этотъ представилъ человѣка, чрезъ котораго Игнатій возвѣстилъ Михайлу III о своемъ отказѣ отъ кафедръ. Чтобы вывести императора изъ неловкаго положенія, легаты замѣтили, что нѣтъ надобности вести разсужденія съ тѣмъ Фотіаниномъ, съ которымъ препирался императоръ, такъ какъ онъ давно уже анаематствованъ римскимъ первосвященникомъ. Тѣже легаты предложили Фотіанамъ, не пожелаютъ ли они прослушать и принять извѣстную формулу папскую; но отвѣта не послѣдовало. Тогда легаты спросили: нѣтъ ли между Фотіанами такихъ, которые бы получили посвященіе еще отъ Игнатія? Такіе оказались, и легаты предложили имъ принять вышеуказанную формулу; но и эти епископы рѣшительно отказались послѣдовать приглашенію.

Доселѣ еще оставалась безъ отвѣта рѣчь Фотіанина Захаріи Халкидонскаго, какую онъ произнесъ въ защиту Фотіанъ. Поэтому партія Игнатіанъ сочла своимъ долгомъ подвергнуть разбору рѣчь Захаріи. Въ качествѣ оратора со стороны Игнатіанъ выступаетъ Митрофанъ Смирнскій. Прежде всего онъ старался уличить Фотіанъ въ противорѣчія и въ нарушеніи элементарныхъ юридическихъ правилъ: онъ именно указывалъ, что сначала Фотіане обратились за правосудіемъ къ папѣ, а потомъ, когда папа осудилъ ихъ, они стали доказывать, что папа судить не по канонамъ, и отвергли его судъ. Въ этомъ случаѣ Митрофанъ видитъ нарушеніе юридическаго правила, по которому подсудимый, признавшій надъ собою судью, обязанъ подчиняться его рѣшенію. Правило, замѣтимъ, неспорное, но непонятно, когда же это Фотіане обращались къ суду папскому? Развѣ они были когда въ положеніи подсудимыхъ, нуждавшихся въ оправданіи? Конечно, Митрофанъ разумѣетъ тотъ случай, когда Фотій извѣщалъ папу, какъ патріарха, о своемъ востествіи на константинопольскую кафедру; но развѣ Фотій это сдѣлалъ изъ желанія папской защиты, а не по общепринятому обычаю, по которому новый патріархъ извѣщалъ прочихъ патріарховъ о своемъ вступленіи на вакантную кафедру? Въ дальнѣйшей рѣчи Митрофанъ старается разобрать аргументы Захаріи и опро-

вергнуть ихъ ¹⁾. Въ общемъ рѣчь Митрофана производила впечатлѣніе основательной и содержательной. Конечно это невыгодно было для партіи Фотіанъ, и Захарія Халкидонскій хотѣлъ было отвѣчать на рѣчь Митрофана; но ему было это воспрещено. Легаты сказали: „мы ужъ довольно наслушались ихъ суетныхъ рѣчей; Фотіане должны отказаться отъ своихъ попытокъ извинить свои грѣховныя дѣла“ (Пс. 140, 4), и если они хотятъ предохранить себя отъ анаемы, то должны подчиниться собору. Призывъ легатовъ не нашелъ себѣ отклика въ сердцахъ Фотіанъ, чтд и естественно.

Послѣ этого была прочитана длинная рѣчь императора къ собору. Вотъ въ главныхъ чертахъ ея содержаніе: императоръ рисуеъ въ высшей степени печальную картину положенія Византійской церкви, положенія, которымъ будто бы она обязана расколу фотіанскому; потомъ онъ указываетъ, что съ цѣлю уврачеванія зла и собранъ былъ этотъ

¹⁾ Вотъ подробности рѣчи Митрофана. Фотіане утверждаютъ, что въ Восточной церкви не одинъ Фотій прямо изъ мірянъ сдѣланъ епископомъ, но что тоже бывало и съ другими очень извѣстными лицами архіерейскаго сана; но, говоритъ ораторъ,—между случаемъ съ Фотіемъ и другими указываемыми случаями есть разница: тѣ лица возведены были не путемъ внимательства гражданскаго правительства въ дѣла Церкви и возведены на кафедры, бывшія праздными, по причинѣ смерти или отреченія ихъ предшественниковъ, а Фотій посаженъ на кафедру гражданскимъ правительствомъ, вопреки церковнымъ правиламъ—и притомъ при жизни своего предшественника. Далѣе—нельзя усматривать крупныхъ ошибокъ со стороны нашъ, разсуждаетъ ораторъ, въ ихъ отношеніяхъ къ Маркеллу и Апіарію: Маркеллъ былъ принятъ въ общеніе не однимъ Юліемъ, а и Ананасіемъ Великимъ, и притомъ послѣ того, какъ Маркеллъ отрекся отъ своей ереси; когда же Маркеллъ снова возвратился къ ижеученію, то онъ былъ осужденъ папою Либеріемъ. Что же касается Апіарія, то соборъ въ Каррагенѣ скорѣе соглашался съ рѣшеніемъ папы по вопросу объ этомъ лицѣ, чѣмъ противодействовалъ этому рѣшенію. Въ заключеніе рѣчи Митрофанъ разсматриваетъ вопросъ: Григорій Ассеста и другіе епископы, посвящавшіе Фотія, были ли лицами отлученными отъ церкви?—и утверждаетъ, что они дѣйствительно были таковыми, ибо они были преступниками закона. Замѣчательно, ораторъ говоритъ, что Фотій пожелалъ посвященія отъ руки отлученныхъ „по своей прихоти, безъ всякой необходимости“. Подумаешь, что Фотій умышленно и безо всякой цѣли хотѣлъ нарушать правила церкви.

соборъ; императоръ замѣчаетъ, что для того, чтобы дать собору полную свободу въ дѣятельности, онъ не являлся на первыя засѣданія; онъ говоритъ, что его единственнымъ желаніемъ было вести дѣло противъ заблуждающихся съ любовію и добротою, такъ чтобы никто изъ нихъ не впалъ въ погибель; соборъ, заявляетъ императоръ, дѣйствуя въ видахъ возвращенія заблудшихъ овецъ, долженъ былъ поступать, не только руководствуясь ревностію Финееса, но и мудростію Соломона; въ заключеніе говорилось объ унорствѣ Фотіанъ. Латинскіе писатели очень восхваляютъ эту рѣчь императора и говорятъ, что она „болѣе приличествуетъ епископу, чѣмъ императору“, что она „достойна вѣчной памяти и должна быть начертана золотыми буквами“¹⁾. Но не потому ли эти писатели такъ расхваливаютъ ее, что она составляетъ византійское эхо римскаго голоса? Въ заключеніе этого засѣданія²⁾ соборъ снова обращается къ Фотіанамъ съ увѣщаніями подчиниться его волѣ, и когда Фотіане остались при своемъ, имъ дано было семь дней на размышленіе. Такъ бесплодна была новая попытка собора съ императоромъ во главѣ привлечь на свою сторону приверженцевъ опальнаго патріарха.

Дальнѣйшее (7-е) засѣданіе собора происходило 29 октября, опять въ присутствіи императора. Число членовъ собора и государственныхъ сановниковъ было на немъ тоже самое, какъ и на предшествующемъ. Предъ лицемъ собора снова появляется Фотій. Онъ приглашенъ былъ по приказанію императора. Бывшій патріархъ вошелъ на соборъ съ посохомъ въ рукахъ. Это не понравилось легатамъ. Они сочли жезлъ его за знакъ притязанія со стороны Фотія выставить себя въ глазахъ собора настоящимъ патріархомъ. Поэтому одинъ изъ легатовъ приказалъ отнять у Фотія жезлъ, что сейчасъ же и было исполнено. По распоряженію собора затѣмъ извѣстный Ваанисъ предложилъ Фотію вопросъ: готовъ ли онъ подчиниться собору? Фотій отъ своего лица и отъ лица Григорія Сиракузскаго, прішедшаго

1) Hergenrother. II, 105.

2) Mansi. Consil., tomus XVI, Lat. text. 81—96; Gr. 344—357.

съ нимъ на соборъ, отвѣчалъ: „мы дадимъ отчетъ нашему государю, а отнюдь не легатамъ“. Ваанисъ продолжалъ: не прибавить ли Фотій еще что-нибудь къ тому, что онъ сказалъ. Фотій на это замѣтилъ: „еслибы легаты слышали, что мы недавно говорили (на 5 засѣданіи), то не стали бы теперь опять предлагать того же вопроса; но если они чувствуютъ раскаяніе въ томъ, что ими постановлено касательно насъ раньше, то пусть они докажутъ это самымъ дѣломъ“. Ваанисъ съ удивленіемъ сказалъ: „да какъ же это такъ?“ Отвѣтъ даетъ Григорій Сиракузскій; онъ говоритъ: „пустъ они (легаты) принесутъ покаяніе въ содѣянныхъ ими согрѣшеніяхъ“. Смыслъ этихъ отвѣтовъ Фотія и Григорія, безъ сомнѣнія, тотъ, что на ихъ взглядъ легаты не судьи имъ. Такъ легаты и поняли отвѣтъ Фотія и Григорія. Они обидѣлись на этихъ двухъ вождей партіи фотіанской и сказали: „мы прибыли сюда не затѣмъ, чтобы принимать оскорбленія и не затѣмъ, чтобы приносить покаяніе, а напротивъ затѣмъ, чтобы призвать къ покаянію васъ обоихъ; ваши рѣчи оскорбляютъ Церковь, но мы снова васъ спрашиваемъ; будете ли вы слѣдовать рѣшеніямъ собора или нѣтъ? подпишите ли папскую формулу?“ И затѣмъ отъ лица всего собора легаты сказали: „мы всѣ знаемъ, что они съ ногъ до головы покрыты язвами неправды и нѣтъ въ нихъ цѣлаго (здороваго) мѣста, нечего съ ними и разговаривать“. —Послѣ того представители восточныхъ патріарховъ передали для публичнаго прочтенія маленькую записку слѣдующаго содержанія. Они жаловались на то, что еще прежде (на 5 засѣданіи) Фотій, въ чувствѣ надменія, назвалъ соборъ и императорскихъ сановниковъ грѣшниками и призывалъ ихъ къ покаянію; страсти ослѣпили его и перевернули все въ его глазахъ; они, представители восточныхъ патріарховъ, сравнили Фотія съ человѣкомъ, котораго повергла на землю буря и который воображаетъ, что земля вертится вокругъ него, отъ чего однако земля на самомъ дѣлѣ еще не станеть вертѣться. Въ заключеніе они угрожаютъ Фотію и его приверженцамъ гнѣвомъ Божиимъ. На послѣдующій за тѣмъ вопросъ Вааниса: что скажетъ на это Фотій? послѣдній отвѣчалъ: „насъ привели сюда для пору-

ганій; какъ же вы хотите, чтобы мы что-либо сказали?“ Ясно было, что добиться отъ Фотія, чего хотѣлъ соборъ, — покорности папскимъ рѣшеніямъ, было невозможно.

Не добившись никакихъ результатовъ отъ Фотія, соборъ призвалъ на засѣданіе приверженцевъ Фотія. Это были тѣ самые Фотіане, которые были приглашаемы на предыдущее засѣданіе. Прежде всего къ нимъ обратились съ вопросомъ, который мы слышали на соборѣ несчетное число разъ: принимаютъ ли они извѣстную папскую формулу? Отвѣтъ послѣдовалъ тотъ же, какъ всегда: „нѣтъ, не хотимъ принимать“. Захарія Халкидонскій и Амфилохій Иконійскій (послѣдній былъ горячимъ приверженцемъ опальнаго патріарха) спросили: „да что такое за формула?“ Легаты въ короткихъ словахъ сказали о содержаніи ея и между прочимъ замѣтили, что въ ней подвергается отлученію Фотій и отвергаются бывшіе при немъ соборы. Услышавъ это, Іоаннъ Ираклійскій, Фотіанинъ, воскликнулъ: „анаеема тому, кто анаеемствуетъ своего патріарха“. А Захарія Халкидонскій сказалъ: „съ тѣмъ, что незаконно сдѣлано уже или будетъ сдѣлано, мы ни подъ какимъ видомъ не согласимся“. Евхимонъ же Кесарійскій къ этому еще добавилъ: „тѣмъ, которые не слѣдуютъ правиламъ святыхъ Апостоловъ и вселенскихъ соборовъ, будетъ ли то самъ патріархъ римскій или іерусалимскій, или даже ангелъ съ небеси (Гал. 1, 8), мы отнюдь не будемъ оказывать послушаніе“. По поводу этихъ восклицаній и замѣчавій Фотіанъ, представители восточныхъ патріарховъ сказали: „видно, что они ничего не понимаютъ, во тѣмъ ходятъ“. Затѣмъ извѣстный Ваанисъ, отъ имени императора, прочелъ небольшое воззваніе къ Фотіанамъ; оно носило на себѣ какой-то странный характеръ. Въ немъ говорилось: „скажите, кто же вы такіе? съ неба вы, или изъ преисподней? Не на той ли землѣ вы, на какой и мы? Можетъ ли какой-нибудь еретикъ или раскольникъ, отдѣлившійся отъ единенія съ четырьмя патріархами, оставаться не подлежащимъ осужденію? Скажите-ка, а я послушаю? Васъ осудили четыре, даже пять (?) патріарховъ; на что же вы надѣетесь? Кто поможетъ вамъ?“ Фотіане отвѣчали: „намъ помогутъ каноны

святыхъ Апостоловъ и святыхъ вселенскихъ соборовъ“. На это Ваанисъ сказалъ: „скажете, какой канонъ клонится въ вашу пользу и гдѣ Господь положилъ такіе каноны? Въ церквахъ, или же въ какомъ другомъ мѣстѣ? Если въ церквахъ, то здѣсь собраны представители церквей, мѣстоблюстители ихъ“. Въ отвѣтъ на это Фотіане заявили, что они лишены возможности свободно и безпрепятственно выражать свои мысли. Ваанисъ замѣтилъ по этому поведѣ: „вы своими рѣчами оскорбляете легатовъ и они не хотятъ васъ слушать“. Фотіане, лишь только услышали непріятное для нихъ имя легатовъ, какъ поспѣшили заявить: „да легатовъ мы и не признаемъ своими судьями“. Ваанисъ спрашиваетъ Фотіанъ: „развѣ, по ихъ мнѣнію, легаты поступаютъ противозаконно?“ Отвѣтъ далъ Фотіанинъ Амфилохій: „да, они судятъ весьма неразумно (*irrationabilissime*) и совершенно противъ правилъ“. Въ виду непризнанія Фотіанами легатовъ, какъ судей, императоръ снова дѣлаетъ имъ прежнее предложеніе о томъ, чтобы они отправились къ самимъ патріархамъ и узнали ихъ мнѣніе по своему дѣлу. Отвѣтъ Фотіанъ былъ тотъ же, какъ и прежде. Они отвѣчали, что ихъ дѣло должно быть рѣшено въ Константинополѣ. Пренія потеряли интересъ и стали лишь повтореніемъ задовъ.

Въ виду бесплодности преній, при которыхъ Фотіане показали себя стойкими и рѣшительными, соборъ занялся чтеніемъ различныхъ документовъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ дѣлу Фотія. Такъ прочтаны были письма папы Николая и папы Адріана, писанныя въ 866 и 869 годахъ на Востокъ; прочтаны были также акты Римскаго собора при Адріанѣ, противъ Фотія. Послѣ этого соборъ приступаетъ къ заключительнымъ дѣйствіямъ противъ Фотія и Фотіанъ. Легаты предъявляютъ для чтенія небольшую увѣщательную записку, въ которой они предлагаютъ, въ виду уморства и многихъ преступленій Фотія, еще разъ предать его анаемѣ. Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе очень интереснаго документа: писанной рѣчи Игнатія къ собору ¹⁾. Вотъ со-

¹⁾ Замѣчательно: Игнатій во все время соборныхъ засѣданій молчалъ. Видно, что онъ былъ не мастеръ вести словопренія. Какъ же послѣ этого

держаніе этой рѣчи: прежде всего онъ воздаётъ благодарность Богу за свое возстановленіе на патриаршемъ престолѣ, упоминаетъ объ обстоятельствахъ, при какихъ лишился онъ этого престола, при чемъ онъ называетъ Фотія новымъ Каиафою и Анною и говоритъ, что Фотій не принесъ съ собою при вступленіи на престолъ ничего достойнаго, а одно лишь вождельніе быть патриархомъ; упоминаетъ о низверженіи Фотія и утверждаетъ, что оно совершилось на вѣки-вѣчные (въ чемъ, однакожъ, Игнатій очень обманулся); причиною такихъ переменъ былъ императоръ Василій, которому Игнатій, при этомъ случаѣ, приписываетъ великія добродѣтели и благочестіе (о чемъ едва ли можно было говорить съ такимъ пафосомъ, какъ дѣлаетъ Игнатій), приписывая ему стараніе поучаться во законѣ Божіемъ день и ночь, выставляетъ императора послушнымъ орудіемъ воли папы Николая; затѣмъ Игнатій переходитъ къ восхваленію достоинствъ собора; легатовъ и представителей патриаршихъ онъ называетъ „исполненными божественной мудрости и благодати“ и блестящими своими рѣчами, какъ молніями; весь соборъ, по его дѣятельности и его качествамъ, онъ считаетъ чѣмъ-то дивнымъ, такимъ, чего будто бы желали видѣть и слышать цари и князи прежняго времени, но не видѣли и не слышали (чуть ли Игнатій не прилагаетъ къ собору ветхозавѣтныхъ мессіанскихъ пророчествъ); наконецъ Игнатій выражаетъ желаніе, чтобы исчезло разъединеніе въ членахъ Церкви, чтобы прекратились раздоры, подобные тѣмъ, какіе были во времена апостола Павла, когда христіане говорили: я Павловъ, я Кифинъ, я Аполлосовъ, я Христовъ; такихъ раздорниковъ, замѣчаетъ ораторъ, ожидаетъ погибель.

Послѣ того, тотчасъ была, возглашена анаеема Фотію. Діаконъ и нотарій Стефанъ торжественно и велегласно провозгласилъ: „Фотію придворному и узурпатору анаеема! Фотію мірскому и площадному анаеема! Фотію неофиту и тирану анаеема! Схизматику и осужденному анаеема!

неправы игнатіанскіе описатели собора 861 года, представляющіе, что на немъ говорили все Игнатій, а напротивъ Фотій молчалъ!

Прелюбодѣю и отцеубійцѣ ¹⁾ анаеема! Изобрѣтателю лжей и сплетателю новыхъ догматовъ анаеема! Фотію, новому Максиму Цивнику, новому Диоскору, новому Іудѣ анаеема!²⁾ Къ этому присовокуплено было анаеematствованіе всѣмъ приверженцамъ и послѣдователямъ Фотія и въ особенности Григорію Сиракузскому и Евлампію Апамейскому.

Послѣ анаеematствованій, тѣмъ же діакономъ начато возглашеніе различныхъ многолѣтій и вѣчной памяти. Соборъ нашель Фотія и приверженныхъ къ нему епископовъ недостойными слышать многолѣтія, почему ихъ, *тогда же* по выслушаніи анаеемы, удалили съ собора. Въ многолѣтіяхъ, императоръ Василій именовался новымъ Константиномъ, новымъ Θεолосіемъ, а жена его новою Іудиейю, новою Еленою; папа Николай сравнивался съ Финеесомъ, Даниломъ; Игнатій въ многолѣтіяхъ назывался новымъ Аеанасіемъ, новымъ Флавіаномъ; возглашены были съ большою щедростію многолѣтія всѣмъ главнымъ представителямъ собора.

Но на этомъ дѣло не кончилось. Конецъ комедійнаго дѣйствія составляло чтеніе ямбическихъ стиховъ, направленныхъ противъ Фотія. Двѣнадцатистишіе было такого содержания: Фотій, захотѣвшій глупымъ образомъ пошатнуть незыблемую скалу, теперь становится подобнымъ дикому звѣрю, изгоняемому изъ неоскверненнаго брачнаго чертога и изъ достопочитаемыхъ храмовъ, праведно осужденъ папами Николаемъ и Адрианомъ, страстотерпцемъ Игнатіемъ и прочими православными патріархами ³⁾.

Такъ еще разъ совершилось на седьмомъ ³⁾ засѣданіи осужденіе Фотія и Фотіанъ. Никита Пафлагонянинъ, извѣстный врагъ этого патріарха, рассказываетъ, что приговоръ собора противъ Фотія и анаеematствованіе противъ него, для большей торжественности и незыблмости, подписаны были всѣми засѣдавшими на соборѣ не обыкновенными чер-

¹⁾ Отцеубійцею онъ названъ потому, что занялъ каеэдру Игнатія, презрѣвъ его, какъ своего духовнаго отца, по воззрѣнію враговъ Фотія.

²⁾ Греческій эпитоматоръ актовъ этого собора называетъ эти вирши: *αχάλλεις*, т. е. негодными, и совершенно справедливо.

³⁾ Mansi. Conc., XVI, Lat. text. 96—134; Gr. 357—381.

нилами, а евхаристическою кровію, въ которую макали пшчю трость беззаконные судіи великаго патріарха ¹⁾).

Главное дѣло сдѣлано: Фотій торжественно осужденъ. Но и послѣ этого соборъ имѣлъ еще цѣлыхъ три засѣданія. Эти засѣданія имѣли тоже, главнымъ образомъ, въ виду дѣло Фотіанъ. Здѣсь подвергаются суду не лично сами Фотіане, а различныя ихъ дѣянія, дѣйствительныя или мнимыя. Осьмое засѣданіе собора происходило 5 ноября, въ присутствіи императора и шестнадцати императорскихъ сановниковъ; число засѣдавшихъ на немъ греческихъ епископовъ очень мало возрасло. въ сравненіи съ прежними засѣданіями. Занятія открылъ извѣстный патрицій Ваанисъ слѣдующими словами: „въ предшествующія времена, при Фотіи, клиръ, сенатъ и народъ, подъ давленіемъ насилія, подписали нѣчто беззаконное, но теперь императоръ хочетъ всѣ эти подписки сжечь, а виновнымъ дать свое прощеніе“. Что это за подписки такія? Въ этихъ подписахъ выражалось желаніе имѣть патріархомъ именно Фотія; такихъ подписокъ было великое множество; онѣ принадлежали, какъ лицамъ высокопоставленнымъ, такъ и лицамъ духовнымъ и простолюдинамъ, въ родѣ скорняковъ, торговцевъ рыбою, плотниковъ, игольныхъ фабричныхъ и т. д. Это-то рукописанія ²⁾ и рѣшено было сжечь на теперешнемъ

¹⁾ Nicetas Paphlago. Vita Ignat., col. 545 (Migne).

²⁾ Таковы свѣдѣнія объ этихъ рукописаніяхъ, находящіяся въ актахъ собора; но нельзя не видѣть, что свѣдѣнія эти недостаточны и не совсѣмъ ясны. Что это за подписки? Видно, что онѣ, по взгляду собора, представляли дѣло необыкновенное. Можно, конечно, думать, что Фотій, для того, чтобъ наиболѣе упочить себя на патріаршей каедрѣ, бралъ подписки и клятвы въ вѣрности ему со стороны пасомыхъ и клириковъ. Но мы не понимаемъ: какимъ образомъ такія подписки могли пособить ему? Да и на лицо тотъ фактъ, что Фотій былъ низверженъ. Притомъ, на что могли надобиться ему подписки даже отъ какихъ-то ремесленниковъ? Не проще ли подѣ именемъ этихъ непонятныхъ подписокъ разумѣть вотъ что: когда Фотій вступилъ на каедру, а Игнатій между тѣмъ агитировалъ противъ него, и потомъ, когда Фотій совсѣмъ былъ низверженъ, не появлялось ли въ обществѣ, начиная отъ лицъ высшихъ и до низшихъ, желанія защитить и удержать Фотія на каедрѣ? И не выражали ли они это свое желаніе въ какихъ-либо петлицахъ на высочайшее имя и адресахъ на имя

засѣданіи собора. Такой же участи опредѣлено было подвергнуть экземпляры актовъ соборовъ Константинопольскихъ: собора 861 года, бывшаго противъ Игнатія, и собора 867 года, подвергшаго папу Николаю отлученію, — всего вѣроятно же подлинныя экземпляры этихъ актовъ. Рѣшено и сдѣлано. Сожженіе всѣхъ этихъ документовъ произошло, по приказанію императора Василія, очень торжественно, на самомъ соборѣ (*in medio synodi*)¹⁾. Здѣсь поставлена была мѣдная жаровня, въ которой разведенъ былъ большой огонь. Процессъ сожженія произведенъ былъ съ нѣкоторыми церемоніями. На соборѣ находился діаконъ референдарій (чиновникъ патріаршей, служившій для дѣловыхъ сношеній патріарха съ императоромъ) Теофилактъ; въ рукахъ у него былъ объемистый мѣшокъ, набитый матеріаломъ, который долженъ былъ сдѣлаться жертвою огня. Онъ постепенно вынималъ изъ мѣшка томы и рукописанія и передавалъ ихъ орфанотрофу (начальнику благотворительныхъ заведеній) Георгію, а этотъ, въ свою очередь, вручалъ ихъ прислужникамъ представителей восточныхъ патріарховъ, руками которыхъ (прислужниковъ) рукописи и ввергались въ огонь. Соборъ молчалъ и смотрѣлъ, какъ погибали въ пламени подписки приверженцевъ Фотія и томы актовъ Константинопольскаго собора 861 года противъ Игнатія, и Константинопольскаго же собора 867 года противъ папы Николая. Поучительная картина!

Затѣмъ на соборъ были призваны три лица, которыя будтобы выставлены были Фотіемъ въ качествѣ мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ на противоположномъ соборѣ 867 года. Имена ихъ: Петръ, Василій, Леонтій. Всѣ они объявили, что они никакихъ подписей на соборѣ не дѣлали, да и о соборѣ ничего не знаютъ. Членамъ разсматриваемаго собора казалось такое заявленіе неизвѣстныхъ личностей вполне достаточнымъ, чтобы признать,

Фотія съ собственноручными подписями? Вещь, полагаемъ, не невозможная. Вотъ и появились рукописанія.

1) Положимъ, сожженіе различныхъ документовъ, относящихся къ временамъ патріаршей дѣятельности Фотія, доставило большое удовольствіе собору; но затѣмъ же было коптить великолѣпный куполъ Софійскаго храма?

что уполномоченные восточныхъ патриарховъ на соборѣ 867 года были подложные, подставные, и подставлены они были Фотіемъ. Каждая изъ указанныхъ трехъ личностей дала на соборѣ болѣе или менѣе подробныя показанія о себѣ. Разсмотримъ, въ чемъ заключаются эти показанія. Монахъ Петръ объявилъ, что лицъ съ именемъ Петра, приходившихъ изъ Рима въ Константинополь, была, можетъ быть, тысяча, такъ какъ не одинъ онъ носить это имя, и въ особой запискѣ тотъ же Петръ объявлялъ, что на соборѣ Фотіевомъ, если такой существовалъ, онъ не присутствовалъ, что онъ не подавалъ никакой жалобы на папу Николая ¹⁾ ни Михаилу III и никому другому, что онъ не сознаетъ за собой никакой вины и не участвовалъ въ сочиненіи разсматриваемыхъ актовъ; наконецъ просилъ позволенія уѣхать изъ Константинополя. Въ нашихъ документахъ не ясно видно, мѣстоблюстителемъ какой патриаршей кафедръ считался онъ. т.-е. за мѣстоблжителя какой кафедръ, по подозрѣнію собора 69 г., выдалъ его Фотій. Но есть основаніе полагать, что онъ обвинялся въ разыгрываньи роли мѣстоблжителя Антиохійскаго патриарха. Затѣмъ соборъ допрашивалъ какого то Василія (повидимому, не имѣвшаго никакого духовнаго сана), котораго разспрашивали: не онъ ли игралъ на соборѣ Фотіевомъ роль мѣстоблжителя Іерусалимскаго патриарха? Василій на допросѣ увѣрялъ, что онъ никогда никакой жалобы на папу Николая не приносилъ, и изъявлялъ готовность произнести анаѣмъ на каждого, кто осмѣлился бы сдѣлать такое. Онъ разсказалъ вкраткѣ исторію своей жизни; оказывается, что дѣйствительно въ теченіе осьми лѣтъ онъ жилъ въ Римѣ и въ 866 году былъ въ Константинополѣ, но заявленій противъ папы не дѣлалъ, такъ какъ не былъ близокъ и знакомъ съ этимъ лицомъ. Третья личность—Леонтій (кажется, тоже не имѣлъ духовнаго сана) долженъ былъ оправды-

¹⁾ Враги Фотія, сообщая свѣдѣнія о дѣятельности собора 867 года, увѣряютъ, что на немъ были приняты отъ нѣкоторыхъ лицъ завѣдомо ложныя жалобы на папу Николая (Anastas. Praef. in conc. VIII. Mansi, XVI, 5).

ваться противъ обвиненія въ томъ, что онъ будто выдавалъ себя мѣстоблюстителемъ Александрійскаго патріарха на соборѣ 867 года. Онъ объявлялъ, что онъ не принималъ участія въ этомъ соборѣ и что вообще онъ ничего не знаетъ объ этомъ соборѣ. Выслушавъ показанія всѣхъ этихъ трехъ лицъ, извѣстный Ваанисъ сказалъ: „итакъ ясно, что Фотій не только поддѣлалъ акты, но и выдумалъ участникомъ собора, какихъ на дѣлѣ не было, и выдумалъ рѣчи, которыхъ на соборѣ не было говорено; это не мѣстоблюстителя, а простые купцы (значить монахъ Петръ былъ тоже купецъ?!) и ничего не знаютъ они о соборѣ противъ папы“. Соборъ ничего не сказалъ на эти слова Вааниса; очевидно онъ остался доволенъ выводами оратора. Но спрашивается: какимъ образомъ допросъ, не вѣсть откуда взявшихся, проходивцевъ, допросъ, въ которомъ нѣтъ ни ясности, ни смысла, можетъ доказывать, что Фотій на соборѣ 867 года имѣлъ не дѣйствительныхъ, а подставныхъ мѣстоблюстителей? Мы этого не видимъ. Представляется дѣло такъ: въ подлинныхъ актахъ собора 867 года, созваннаго противъ папы, въ качествѣ мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ названы Петръ (отъ Антіохійскаго патріарха), Василій (отъ Іерусалимскаго) и Леонтій (отъ Александрійскаго), имѣвшіе бзвъ сомнѣнія архіерейскій или священническій санъ; теперь же, императору Василию и вождямъ собора 869 года понадобилось доказать, что на соборѣ Фотіевомъ (867 г.) были фальшивые мѣстоблюстители; и вотъ константинопольская полиція хватается трехъ подозрительныхъ авантюристовъ, много бродившихъ по разнымъ странамъ свѣта, хватается потому, что одного звали Петромъ, а другаго Василиемъ, а третьяго Леонтиемъ (такъ-же, какъ названы мѣстоблюстители въ актахъ собора 869 года), влекутъ ихъ на игнатіевскій соборъ 869 года, допрашиваютъ здѣсь ихъ: они ли играли роль мѣстоблюстителей на Фотіевомъ соборѣ? Они ли жаловались на этомъ же послѣднемъ соборѣ — на папу? Отвѣтъ получается ото всѣхъ троихъ одинаковый и весьма естественный: нѣтъ, мы ничего не знаемъ объ этомъ соборѣ. Такъ, мы представляемъ себѣ дѣло, основываясь на совокупности обстоятельствъ, и сомнѣваемся: возможно ли другое представленіе того-же

дѣла, болѣе сообразное съ сущностію его? А если такъ, то нужно имѣть разумъ руководителей собора 869 года, чтобы изъ отрицательныхъ отвѣтовъ трехъ вышеуказанныхъ лицъ на предлагавшіеся имъ вопросы дѣлать то заключеніе, что на соборѣ Фотія мѣстоблюстители восточныхъ патріарховъ были не истинные, а фальшивые, или же, что имена мѣстоблюстителей этихъ сочинены Фотіемъ при составленіи имъ актовъ собора 867 года. — Да и какъ члены собора 869 года могли судить: истинные или фальшивые мѣстоблюстители находились на соборѣ Фотія, когда члены собора лишили себя самого лучшаго средства разрѣшить вопросъ настоящимъ образомъ, поспѣшивъ сжечь акты собора 867 года? Вѣдь тутъ должна была заключаться главная улика противъ Фотія; а какъ скоро члены собора уничтожили эти акты, то фактъ сожженія документовъ сталъ непрекаемой уликой противъ самихъ членовъ собора: не потому ли они и сожгли акты, — всякій теперь имѣетъ право сказать, — что акты эти доказывали противное т.-е. подлинность мѣстоблюстителей восточныхъ патріарховъ на соборѣ 867 года? — Но переговоры собора съ мнимыми мѣстоблюстителями или точнѣе — тремя авантюристами: Петромъ, Василіемъ и Леонтіемъ не кончились на томъ, на чемъ мы кончили разсказъ. Переговоры эти еще продолжались нѣсколько минутъ. Папскіе легаты предложили имъ во-первыхъ подписать извѣстную западную формулу, а во-вторыхъ произнести анаѰему на сочинителей актовъ собора 867 года; эти требованія были поставлены какъ условіе, на которомъ эти лица могутъ быть приняты въ общеніе съ церковію. Но они стали увертываться почему-то отъ исполненія этого предложенія: можетъ быть, они не чувствовали расположенія къ дѣятельности собора, на которомъ они теперь находились. Леонтій неопредѣленно отвѣчалъ: книги этой (т. е. актовъ) я не знаю и не подписывалъ ее. Соборъ сказалъ: анаѰемствуйте того, кто сочинилъ и переписалъ акты (Фотія). Но они снова стали увертываться и заявили: мы совсѣмъ не знаемъ этихъ актовъ, да и тотъ, кто ихъ сочинилъ, уже анаѰематствованъ. Собору не понравились эти уклончивые отвѣты. Сановники сказали: „если вы не

анаеоматствуете сочинителя, то этимъ вы показываете, что вы соучастники его; говорятъ вамъ: анаеоматствуйте, иначе съ вами будетъ поступлено по законамъ* (т.-е. какъ же это?). Легаты съ своей стороны сочли нужнымъ запугать упрямившихся; они объявили: если противящіеся сейчасъ же не анаеоматствуютъ сочинителя, то ихъ отправятъ на судъ въ Римъ: такова-де воля папы Адриана. Результатъ такихъ угрозъ былъ самый успѣшный. Леонтій и Василій, которые собственно и проявляли протестъ, съ успѣшно-стію анаеоматствовали акты собора и мнимаго сочинителя ихъ (т.-е. Фотія¹⁾). Кажется, этимъ и удовольствовались, не потребовавъ отъ упрямцевъ подписи пресловутой формулы. Послѣ этого Ваанисъ произнесъ коротенькую рѣчь, въ которой говорилось: видите, какъ открывается истина и свѣтъ начинаетъ блистать во тьмѣ (хороша истина! Хорошъ свѣтъ! скажемъ мы). Затѣмъ по требованію легатовъ прочтено было одно правило латеранскаго собора въ Римѣ, бывшаго при папѣ св. Мартинѣ I; оно направлялось, по намѣренію легатовъ, противъ Фотія, какъ допустившаго фальшивыхъ

¹⁾ Вопросомъ о томъ, истинные или фальшивые были мѣстоблюстители на Фотиевомъ соборѣ, разсматриваемый соборъ занимается еще на 9-мъ засѣданіи. Скажемъ кстати, въ чемъ состояли дальнѣйшія занятія собора по вопросу. На соборъ вызваны были кромѣ извѣстнаго намъ Леонтія, какой-то еще Георгій (или Григорій) и какой-то Сергій. Куда дѣвались прежнія лица (Петръ и Василій)—неизвѣстно. Откуда взялись эти Георгій и Сергій—опять неизвѣстно. Видно, что этого добра въ Константинополѣ было немало. Но вотъ что остается совершенно непонятнымъ. Прежде понадобились для вопроса на соборѣ лица съ именами — Петръ, Василій и Леонтій, конечно, потому, что такими именами были названы мѣстоблюстители въ актахъ Фотіева собора; но пойметъ ли кто, почему на дальнѣйшемъ засѣданіи въ качествѣ соучастниковъ Фотіева собора выступаютъ вмѣсто Петра и Василія — какіе-то Георгій и Сергій? Ясно одно, что на соборѣ 869 г. таянется какая-то канитель. Станный соборъ, странныя его дѣянія! Правда, можно предположить, что искомымъ мѣстоблюстителямъ на соборѣ 867 года было не три, а больше; но это будетъ празными гаданіями.—На девятомъ засѣданіи снятъ былъ вопросъ съ Леонтія, Георгія и Сергія; всѣ они заявили, что они ничего не знаютъ о соборѣ 867 года, и согласились анаеоматствовать тѣхъ, кого соборъ (869 г.) анаеоматствуетъ. Какъ „нищихъ“ и „бродагъ“, соборъ съ миромъ отпустилъ допрошенныхъ. (Malvi, XVI, 155—156). Что это, какъ не „комедія“? по справедливому замѣчанію о. Герасима („Отзывы“, 186).

мѣстоблюстителей на соборѣ 867 года или же поддѣлавшаго подписи небывалыхъ мѣстоблюстителей въ актахъ этого собора, будто бы сочиненныхъ самимъ Фотіемъ. Въ этомъ правилѣ говорилось, что если кто, по подобію еретиковъ и раскольниковъ, повиненъ будетъ въ поддѣлкѣ документовъ, сочиненій, соборныхъ актовъ и въ принятіи фальшивыхъ мѣстоблюстителей, тотъ въ случаѣ нераскаянности подлежитъ осужденію на вѣки. Въ заключеніе по дѣлу объ актахъ собора 867 года, предложенъ былъ всѣмъ митрополитамъ, засѣдавшимъ на соборѣ, такой вопросъ: подписывались ли они подъ вышеуказанными актами, — и митрополиты, немедля ни минуты отвѣчали: нѣтъ, они никогда не подписывали здѣсь своихъ именъ. Прямой отвѣтъ митрополитовъ, членовъ собора, который они имѣли притязаніе считать вселенскимъ соборомъ, могъ бы быть истолковываемъ во вредъ Фотію, но этого дѣлать не слѣдуетъ. Весьма справедливо по поводу этого вопроса митрополитовъ говорить, что если въ самомъ дѣлѣ хотѣли удостовѣриться въ томъ: подлинны, или не подлинны были подписи митрополитовъ, то это нужно было сдѣлать нѣсколькими часами пораньше, когда акты еще не сгорѣли въ огнѣ¹⁾; тогда можно было предъявить самыя подписи митрополитамъ и при видѣ этихъ подписей задать имъ вопросъ: это ихъ рука или нѣтъ? И отвѣтъ на вопросъ, весьма вѣроятно, получился бы другой, примѣрно такой: „всѣ мы согрѣшили и всѣ просимъ прощенія“...

Дѣятельность восьмага засѣданія собора дѣлится на два отдѣла: одинъ, какъ мы видѣли, посвященъ всецѣло дѣлу Фотія и Фотіанъ, а другой—вопросу, не имѣвшему отношенія къ главнымъ задачамъ собора. Происходитъ судъ или точнѣе увѣщаніе послѣднихъ иконоборцевъ (а такіе еще встрѣчались въ Константинополѣ) обратиться къ православ-

¹⁾ О. Герасима. Отзвы о св. Фотіи, стр. 182. Возникаетъ вопросъ: что сожжено было на соборѣ этомъ—оригиналъ актовъ собора 867 года, или списокъ съ нихъ? Наши документы прямо объ этомъ не говорятъ; но принимая во вниманіе, что относительно этихъ актовъ митрополитамъ на соборѣ 869 года предлагался вопросъ: ваши-ли *эти* подписи (*V estis qui subscripsistis?*) должно склоняться къ мысли, что сожженъ оригиналъ.

ной вѣрѣ. Императоръ заявилъ на соборѣ: „я приказалъ согласно волѣ легатовъ, привести сюда главу теперешнихъ иконоборцевъ, Θεодора Критина: какъ угодно поступить съ нимъ собору?“ Легаты отвѣчали, что слѣдуетъ послать къ нему, Θεодору, и его приверженцамъ нѣсколькихъ императорскихъ сановниковъ съ предложеніемъ: если хотятъ они войти въ пристань спасенія, то должны отказаться отъ иконоборческаго заблужденія, въ противномъ случаѣ ихъ ожидаетъ отлученіе отъ Церкви. Восточные мѣстоблюстители выразили согласіе съ легатами, и потому императоръ распорядился такъ: послалъ патриціевъ Вааниса и Льва къ Критину для объявленія ему воли собора. Все дальнѣйшее дѣйствіе происходитъ гдѣ-то внѣ соборныхъ засѣданій, а гдѣ именно, въ актахъ не сказано, но несомнѣнно вблизи отъ мѣста соборныхъ засѣданій. На предложеніе собора глава иконоборцевъ не сказалъ ни да, ни нѣтъ; очевидно онъ не соглашался отказаться отъ заблужденія. Въ виду этого Ваанисъ старался подѣйствовать на него убѣжденіемъ; онъ далъ ему монету съ изображеніемъ императора и спросилъ его: почитаетъ ли онъ такую монету? Θεодоръ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ ее со всякимъ уваженіемъ, такъ какъ монету царскую слѣдуетъ почитать и не безчестить. Тогда Ваанисъ прибѣгаетъ къ тому аргументу, которымъ часто пользовались иконопочитатели въ полемикѣ съ иконоборцами: „если ты, сказалъ сановникъ,—изображеніе смертнаго владыки не презираешь, но почитаешь, какъ же ты осмѣливаешься пренебрегать богочеловѣческимъ образомъ Господа Христа, изображеніями Богоматери и всѣхъ святыхъ?“ Θεодоръ отвѣчалъ на это: „объ изображеніи императора я знаю, что это дѣйствительно его образъ; но относительно изображенія Христа этого я не могу знать, да и не знаю, притомъ, принятіе изображенія Христа согласно ли съ Его ученіемъ и составляетъ ли что-либо угодное Христу?“ Онъ, Θεодоръ, просилъ отсрочки для того, чтобы убѣдиться: дѣйствительно ли Христосъ повелѣлъ принимать Его изображеніе? Ваанисъ возразилъ: „соборъ собрался не за тѣмъ, чтобы вести съ тобою пренія, но чтобы увѣщевать и научить тебя“. За-

тѣмъ тотъ же Ваанисъ довольно подробно раскрываетъ мысль, что Θεодоръ обязанъ подчиниться волѣ пяти патріарховъ. Онъ говорилъ: „гдѣ ты найдешь прибѣжище, гдѣ найдешь помощь? Богъ основалъ свою Церковь, продолжалъ Ваанисъ,—на пяти патріархахъ и опредѣлилъ въ Евангеліи (?), что они никогда не падутъ, потому что они главы Церкви. Ибо слова Евангелія: „врата адовы не одолѣютъ ю“, ясно показываютъ, что если двѣ изъ этихъ главъ падутъ, то должно искать прибѣжища у прочихъ трехъ; если три падутъ—у двухъ прочихъ; если же четыре падутъ, то та единая, которая сохранится у Христа Бога нашего, снова соберетъ всю Церковь¹⁾. Теперь всѣ эти главы Церкви въ согласіи,—заключаетъ свои слова Ваанисъ,—и ты не можешь находить себѣ никакого извиненія“. Послѣ этого Ваанисъ возвратился на соборъ и доложилъ ему о результатѣ порученія. Отвѣты Θεодора были прочтены въ слухъ всѣхъ (очевидно, при Ваанисѣ былъ стенографъ, записывавшій слова иконоборца). Соборъ оставилъ безъ вниманія этого Θεодора и приказалъ позвать въ засѣданіе прочихъ иконоборцевъ. Раждается вопросъ: почему Θεодоръ не былъ вызванъ на соборъ, а прочіе иконоборцы удостоиваются такой чести? Такая разница, кажется, зависѣла отъ того, что о Θεодорѣ, вѣроятно, заранѣе было извѣстно, что онъ останется упоренъ, а о прочихъ также заранѣе напротивъ было извѣстно, что они готовы отказаться отъ своей ереси. Соборъ не хотѣлъ вести бесполезнаго диспута съ первымъ, но охотно согласился выслушать раскаяніе послѣднихъ. Отсюда и разница. Согласно волѣ собора на засѣданіе вошли трое иконоборцевъ: клирикъ Никита, юристъ Теофанъ и какой-то Теофиль. Всѣ они безъ замедленія объявили о своей готовности отказаться отъ ереси и ана-

¹⁾ Замѣчательно, ни на одномъ соборѣ не было такъ много говорено о важности пяти патріарховъ (пентархін), какъ на этомъ. Это дѣлалось съ цѣлю противодѣйствовать Фотіанамъ, которые говорили, что они свое спасеніе полагаютъ не въ согласіи съ патріархами, а въ согласіи съ церковными правилами. Нельзя не сказать, что въ сейчашь приведенныхъ словахъ Вааниса теорія о важности пяти патріарховъ получаетъ искусственную форму.

еоматствовать главъ этого заблужденія. Для этой послѣдней цѣли они поочереды поднимались на амвонъ ¹⁾ (tribunal, βῆμα ὑψηλοῦ), и отсюда возглашали анаѳемѣ главамъ иконоборчества съ присоединеніемъ имени Θεοδора Критина. Затѣмъ императоръ подозвалъ ихъ къ себѣ, расцѣловалъ ихъ и сказалъ имъ привѣтствіе. Засѣданіе близилось къ концу. Провозглашены были многочисленныя анаѳемы противъ различныхъ иконоборцевъ, со включеніемъ Θεοδора Критина; затѣмъ съ точностію повторено было анаѳематствование противъ Фотія и его сторонниковъ, то самое, какое провозглашено въ концѣ седьмага засѣданія. Наконецъ провозглашены обычныя многолѣтія и вѣчная память ²⁾.

Послѣ восьмага засѣданія наступаетъ длинный перерывъ въ дѣятельности собора, продолжавшійся болѣе трехъ мѣсяцевъ. Причины, вызвавшія этотъ перерывъ, были не малочисленны. Главною изъ нихъ безъ сомнѣнія была парализующая скудость въ численномъ составѣ членовъ собора. Епископовъ, пожелавшихъ признать Игнатія патріархомъ, было очень немного, поэтому и соборъ былъ какой-то жалкій. Притязанія соборъ имѣлъ огромныя, онъ выдавалъ себя за вселенскій, и однакожъ этотъ, якобы вселенскій, соборъ блещетъ отсутствіемъ на немъ епископовъ. Въ виду такого неловкаго положенія собора, руководители его приставляють соборную дѣятельность, въ надеждѣ, что какой-нибудь переворотъ судьбы измѣнитъ теченіе дѣлъ къ лучшему. Не могъ же соборъ закончить свою дѣятельность, имѣя не больше сорока человекъ. Вѣдь это было бы явнымъ торжествомъ Фотіанъ. Это одна причина. Другою, тоже важною причиною было то, что доселѣ все не появлялся мѣстоблюститель александрійскаго патріарха. Положеніе собора было не изъ красивыхъ; на немъ, въ видахъ противоѣдѣствія и обличенія Фотіанъ, постоянно говорилось о согласіи всѣхъ восточныхъ патріарховъ признать Фотія

¹⁾ Въ древности амвонъ устроился не такъ, какъ теперь: онъ былъ высокъ и помѣстительнъ, имѣлъ видъ открытой бесѣдки на высокой подставѣ; на него входили по гѣбствницѣ.

²⁾ Mansi. Conc. XVI, lat. text. 134—143; Gr. 381—389 (восьмое засѣданіе).

низложеннымъ, и однакожь, какъ нарочно патріархъ александрійскій не присылалъ своего мѣстоблюстителя на соборъ. Что стали бы говорить Фотіане, такъ могли разсуждать вожди собора,—еслибы соборъ, именующій себя вселенскимъ, закончился, не имѣя свѣдѣній, что думаетъ александрійскій патріархъ о низложеніи Фотія и возведеніи на кафедру опять Игнатія? Были и другія причины, которыя обусловливали разсматриваемый перерывъ, на примѣръ, вѣнчаніе на царство Василюемъ и втораго его сына Льва, соединенныя съ этимъ празднества и т. д.

Перерывъ продолжался до 12 февраля 870 года, когда произошло девятое засѣданіе собора. Императоръ не присутствовалъ на этомъ засѣданіи, вмѣсто него здѣсь находилось одиннадцать сановниковъ. Число членовъ собора возрасло, но все же было мало. Всего было, кромѣ руководителей собора іерархическаго чина, 26 митрополитовъ и немного больше сорока епископовъ ¹⁾. И это послѣ трехмѣсячныхъ ожиданій. Мѣсто засѣданія оставалось прежнее. На засѣданіи 12 февраля прежде всего видимъ процедуру принятія въ составъ представителей мѣстоблюстителя александрійскаго патріарха. Въ качествѣ такого мѣстоблюстителя на соборъ прибылъ александрійскій архиѳаконъ Іосифъ. Хотя легаты, да и весь соборъ достаточно знали о полномочіяхъ, какими обличенъ былъ Іосифъ отъ своего патріарха, но для соблюденія каноническихъ порядковъ во всеуслышаніе прочитано было посланіе патріарха александрійскаго Михаила къ императору. Заранѣе мы должны сказать, что Іосифъ былъ дѣйствительнымъ мѣстоблюстителемъ—не чета Томѣ Тирскому и Илиѣ Іерусалимскому. Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ терній, уколы которыхъ долженъ былъ осознательно чувствовать соборъ. Тернія заключались въ томъ самомъ посланіи, которое прочитано было на соборѣ. Оно было такого содержанія. Въ немъ патріархъ говорилъ о томъ, что получивъ увѣдомленіе изъ

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ (389. 392) указано, что лицъ сановныхъ на засѣданіи было гораздо больше, а епископовъ „свыше ста“; но это случайная или же тенденціозная ошибка: писатель отнесъ къ девятому дѣянію то, что принадлежало лишь десятому дѣянію.

Византіи о спорахъ въ ней изъ-за патріаршаго престола, а также просьбу прислать уполномоченнаго для разбирательства дѣла, онъ назначаетъ своимъ мѣстоблюстителемъ Іосифа, котораго, какъ желаетъ патріархъ, и да примутъ со всею благорасположенностію. Далѣе патріархъ сознается, что, по причинѣ отдаленности Александріи отъ Византіи, онъ почти ничего не знаетъ о сущности церковнаго вопроса, волнующаго столицу, и удерживается выразить свое сужденіе по этому вопросу (сдѣла ли пріятна была въ Византіи такая уклончивость или, по крайней мѣрѣ, осторожность); вслѣдствіе чего онъ полагаетъ, что императоръ византійскій, будучи самъ верховнымъ главою и учителемъ, и будучи окруженъ столь многими епископами, архимандритами, клириками и монахами, лучше всѣхъ знаетъ, что нужно для блага Церкви. Однако патріархъ не вовсе отказывается отъ рѣшенія вопроса о патріархахъ Игнатіи и Фотіи. Далѣе слѣдуютъ въ посланіи такія мысли, которыя показывали, что авторъ письма не на сторонѣ собора. Онъ пишетъ: „въ исторіи монаха Александра ¹⁾ мы прочитали, что въ Іерусалимѣ нѣкогда было два патріарха одновременно. Тридцатилѣтній патріархъ Наркиссъ (въ нач. III в.), по любви къ аскетизму, удалился въ уединеніе, и когда онъ былъ тамъ, въ это время въ Іерусалимѣ одинъ за другимъ были такіе патріархи—Дій, Германъ (Германіонъ) и Гордій. Когда патріаршествовалъ послѣдній, Наркиссъ возвратился изъ пустыни и сталъ управлять съ нимъ Церковію совмѣстно. А по смерти Гордія, Наркиссъ избралъ себѣ сопатріарха Александра. Какой же получается отсюда выводъ? Этотъ выводъ изложенъ въ посланіи патріарха очень неопредѣленно или пожалуй чрезчуръ осторожно; авторъ говоритъ: „вотъ что знаемъ изъ исторіи, и этого съ насъ достаточно“. Но не нужно было обладать особенной проницательностію, чтобы понять, что патріархъ, хотъ и не прямо, но ясно предлагаетъ оставить на патріаршествѣ въ Визан-

¹⁾ Не знаемъ, что это за историкъ Александръ, но во всякомъ случаѣ нижеслѣдующій рассказъ патріарха совершенно согласенъ съ Церк. Исторіей Евсевія (V, 12; VI, 10—11).

тія и Игнатія и Фотія. Императору и собору едва ли могло нравиться подобное предложеніе. Изъ этого предложенія открывается, что александрійскій патріархъ зналъ больше о дѣлахъ византійскихъ, чѣмъ какъ можно было это предполагать. Мы склонны даже думать, что Михаилъ въ глубинѣ души сочувствовалъ Фотію.

Казалось бы, что принимая во вниманіе содержаніе этого письма, соборъ не могъ извлечь никакой выгоды изъ факта прибытія александрійскаго мѣстоблюстителя, — выгоды въ борьбѣ съ Фотіемъ, но случилось не такъ. Благодаря давленію сверху, мѣстоблюститель оказался на сторонѣ собора, въ числѣ враговъ Фотія. Когда, по прочтеніи письма на соборѣ, члены этого послѣдняго признавъ полномочія Іосифа достаточными, новаго мѣстоблюстителя спросили: соглашается ли онъ съ тѣмъ, что рѣшено на первыхъ восьми засѣданіяхъ, то онъ далъ отвѣтъ и устный и письменный. Устно онъ заявилъ, что со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано соборомъ, онъ согласенъ; въ существѣ дѣла тоже онъ выразилъ и въ запискѣ, прочитанной на соборѣ. Въ этой запискѣ онъ говорилъ, что онъ внимательно перечиталъ дѣянія этого собора и присоединяетъ свой голосъ къ рѣшеніямъ и по дѣлу Фотія съ Игнатіемъ и по поводу иконоборцевъ. Съ запискою было поступлено такъ: ее помѣстили между Евангеліемъ и крестомъ.

Затѣмъ продолжались дѣянія собора. Прежде всего возымѣли намѣреніе унижить и обезславить соборъ 861 года, который происходилъ подъ руководствомъ Фотія и былъ направленъ противъ Игнатія ¹⁾. Для указанной цѣли вызваны были на соборное засѣданіе свидѣтели, дававшіе показанія противъ Игнатія въ 861 году. Они были приведены и допрошены по одиночкѣ. Первымъ явился протосинаеръ Теодоръ, какъ онъ утверждалъ, по личному своему желанію. На допросъ онъ показалъ, что на соборѣ 861 года онъ (будто бы ложно) утверждалъ о неправильномъ поставленіи патріарха Игнатія на кафедрѣ патріаршей, именно онъ говорилъ на сейчасъ упомянутомъ соборѣ, что Игнатій

¹⁾ Или иначе: „Перво-второй“ соборъ; онъ былъ описанъ выше.

сдѣлался патриархомъ, не будучи законнымъ образомъ избранъ ¹⁾). Но вину своего поступка сваливалъ на голову умершаго императора Михаила III, который будто бы насильственно заставилъ его свидѣтельствовать противъ Игнатія, и который будто бы старался успокоить совѣсть свидѣтеля тѣмъ, что вѣдь свидѣтель и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ происходило избраніе Игнатія въ патриархи, ибо онъ занятъ былъ въ тотъ день придворною службою. Протоспаеаръ Θεодоръ каялся на соборѣ въ своемъ проступкѣ и заявлялъ, что онъ исповѣдывалъ свой грѣхъ предъ однимъ столпникомъ, сорокъ лѣтъ подвизавшимся на столпѣ, принялъ отъ него епитимію и строго исполнялъ ее до настоящей минуты. Послѣдовали вопросы: признаетъ ли онъ теперешній соборъ законнымъ и считаетъ ли правильнымъ возстановленіе Игнатія на патриаршество? На оба эти вопроса Θεодоръ отвѣчалъ утвердительно. Послѣ Θεодора допрошенъ былъ консулъ Левъ Критикъ, который тоже былъ свидѣтелемъ противъ Игнатія на соборѣ 861 года. Онъ такъ-же, какъ и Θεодоръ, утверждалъ, что будто давалъ показанія во вредъ Игнатію по приказу Михаила III и Варды, которые, въ успокоеніе совѣсти свидѣтеля, внушали ему: „вѣдь ты не былъ въ Константинополѣ въ день избранія Игнатія, а потому можешь заявить, что не видалъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ происходило избраніе патриарха законнымъ порядкомъ“. Затѣмъ Левъ изъявилъ согласіе подвергнуться покаянію и призналъ соборъ 869 года и Игнатія исполнѣ законными. Но этимъ почему-то не удовлетворились члены собора, — они потребовали отъ него, чтобы онъ ана-

¹⁾ Постарленіе Игнатія могло быть названо неправильнымъ въ томъ отношеніи, что онъ сначала назначенъ былъ патриархомъ единоличною властію императрицы Θεодоры, а потомъ уже назначеніе его было подтверждено соборомъ епископовъ (если такой соборъ дѣйствительно былъ созываемъ), тогда какъ слѣдовало поступить наоборотъ: избрать (посредствомъ открытаго голосованія) патриарха долженъ былъ соборъ епископовъ, а уже утвердить императрица. Съ этой точки зрѣнія показанія свидѣтелей собора 861 года противъ Игнатія не могутъ считаться фальшивыми. Все дѣло лишь въ томъ, что при спокойномъ положеніи Церкви такая неправильность осталась бы безъ послѣдствій. Но не то было въ эпоху Игнатія и Фотія. См. ч. „Соборъ Перво-второй“.

еоматствоваль какъ самого Фотія, такъ и всѣхъ осужденныхъ соборомъ; но на это Левъ не сразу согласился. Онъ сказалъ, что анаеоматствуютъ только такихъ лицъ, которыя отступаютъ отъ вѣры, а Фотій православенъ, и потому онъ не можетъ произнести анаеому противъ него. На это легаты отвѣчали замѣчательною фразою, показывающею, какъ велика была ненависть этого собора къ Фотію. Легаты объявили: „дѣла Фотія горше всѣхъ ересей, ибо онъ орудіе самого діавола“ ¹⁾. Левъ увидалъ, что не стѣитъ спорять съ такимъ соборомъ, и прознесъ анаеому на Фотія и на всѣхъ, кого подвергъ анаеомъ этотъ соборъ. Послѣ того вызваны были на соборъ еще одиннадцать лицъ, принадлежащихъ къ образованному классу общества и тоже обвинявшихся въ дачѣ ложныхъ показаній противъ Игнатія на соборѣ 861 года. Между ними видимъ спаеарокандидата (византійскій чинъ) Евстахія, протоспаеаря Константина, спаеаря Фотія, какого-то отставнаго діакона Анастасія и т. д. Всѣ они говорили одно и тоже, что давать показанія противъ Игнатія ихъ насильнымъ образомъ заставило правительство Михаила III. Одни изъ нихъ при этомъ объявили, что они уже исповѣдывались въ своемъ грѣхѣ и понесли эпитимію, а другіе—что они объ этомъ не думали, но что они согласны подвергнуться церковному наказанію. Этимъ и кончился допросъ наличныхъ свидѣтелей противъ Игнатія. Ваанисъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ заявленіе, что одни изъ подобныхъ свидѣтелей уже умерли, другіе больны (?), третьи находятся въ отсутствіи ²⁾. Легаты и патріархъ Игна-

1) Opera ejus pejora sunt omni haeresi, quia diaboli operarius est! Возгласъ впору лишь нашимъ раскольникамъ, и недостойнъ просвѣщенныхъ представителей Византійскаго собора.

2) Такъ объясняетъ ловкій Ваанисъ, почему изъ 72 свидѣтелей, явившихся для показаній противъ Игнатія въ 861 году, на теперешній соборъ было вызвано всего-на-всего лишь 13 человекъ. Перемереть очень многіе изъ нихъ не могли: прошло, вѣдь, только 8 лѣтъ со времени собора 861 года; больныхъ и отсутствующихъ тоже нельзя считать десятками. Ясно, что большинство бывшихъ свидѣтелей не пожелало идти на соборъ, и весьма вѣроятно потому, что не считало дѣломъ справедливымъ отказываться отъ прежде данныхъ показаній на соборѣ 861 года: 13 человекъ явилось, а почти 60 нѣтъ. Можетъ ли это быть случайностію? Обратимъ вниманіе на

тій выразили желаніе, чтобы допрошены были всѣ свидѣтели, какіе только будутъ отысканы, при чемъ послѣдній замѣтилъ, что между такими свидѣтелями были и лица непочтенныхъ профессій: конюхи, игольщики (асиагіі), ремесленники, ветеринары, но и тѣхъ, сказалъ онъ, нужно подвергнуть допросу. Но императорскіе сановники, повидимому, пожелали замять этотъ вопросъ; они сказали, что въ короткое время нельзя собрать всѣхъ свидѣтелей, и что съ другой стороны не назначать же ради нихъ другой соборъ; поэтому они предложили такую мѣру: прочіе свидѣтели, какіе отыщутся, будутъ отсылаемы на судъ Игнатія съ митрополитами, такъ чтобы патріархъ съ митрополитами, смотря по ихъ виновности, и опредѣлялъ имъ церковное наказаніе. Игнатій согласился на такую мѣру. Вслѣдъ затѣмъ соборный нотарій прочелъ опредѣленіе касательно эпитиміи, каковую назначилъ соборъ для тѣхъ свидѣтелей, которые доселѣ еще не понесли церковной кары. Эпитимія назначена была семилѣтняя съ нѣкоторыми смягченіями, по мѣрѣ теченія этого срока. Въ опредѣленіи говорилось: кто изъ (лже)свидѣтелей доселѣ не несли эпитиміи и не калялись въ своемъ грѣхѣ, подвергаются семилѣтнему публичному покаянію: два первые года они должны стоять (во время богослуженія) внѣ церкви (разрядъ такъ называемыхъ „плачущихъ“), затѣмъ слѣдующіе два же года могутъ стоять въ церкви вмѣстѣ съ оглашенными, но безъ права принимать евхаристію (разрядъ „слушающихъ“), при чемъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ они обязаны поститься, воздерживаясь отъ вина и мяса, за исключеніемъ праздниковъ Господнихъ и дней воскресныхъ; въ остальные три года они могутъ стоять въ церкви съ вѣрующими (этотъ разрядъ кающихся такъ и называется: „стоящіе въ церкви съ вѣр-

то, что явились съ повинною головою все одни чиновники (исключеніе: отставной діаконь, можетъ быть какой-нибудь бродяга); говоримъ: чиновники, слѣдовательно люди вполне зависимые отъ правительства, живущіе его милостями; а могли ли такіа лица ослушаться императора, если бы онъ приказалъ имъ показывать ложь, признать себя безъ вины виновными, и одѣлать это на такомъ соборѣ, дѣятельность котораго соткана была изъ одной сплошной лжи?

ными“), могут принимать евхаристию, но только въ Господни праздники ¹⁾), постъ для нихъ смягчается: они должны воздерживаться отъ вина и мяса только по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Это опредѣляется для тѣхъ, кто сознались въ своемъ грѣхѣ и искали врачевства въ Церкви. Далѣе здѣсь же говорилось: а кто изъ виновныхъ не хотѣли придти на соборъ, покаяться и взять на себя эпитимію, таковые отлучаются отъ Церкви и предаются анаѣемѣ—до тѣхъ поръ, пока не принесутъ покаянія. Но оставлены безъ вниманія и тѣ, кои ранѣе собора приняли на себя эпитимію (такихъ было мало; да и свидѣтельство ихъ о самихъ себѣ подозрительно); такимъ, по окончаніи принятой ими на себя эпитиміи, разрѣшено было приступать къ таинству евхаристіи. Впрочемъ относительно всѣхъ изъясвившихъ раскаяніе и пожелавшихъ отбыть церковное наказаніе, предоставлено было Игнатію право смягчать и сокращать размѣры духовной кары.

Дальнѣйшая соборная дѣятельность въ теченіе того же засѣданія имѣла цѣлю то же обезславить Фотія, выставить его малопопечительнымъ и небрежнымъ пастыремъ своего словеснаго стада. Вызваны были тѣ лица, которыя принимали участіе въ кощунственныхъ дѣйствіяхъ и процессіяхъ, устроившихся въ присутствіи императора Михаила III и по его приказанію. Главное лицо этихъ кощунственныхъ игрищъ, протоспаѣаръ Теофилъ Гриллъ, уже умеръ, и явились на соборъ только три человѣка, виновныхъ въ указанномъ преступленіи, спаѣари — Маринъ, Василій и Григорій. Но прежде всего, конечно, нужно дать нѣкоторое

¹⁾ Вотъ ясное указаніе на то, что частое причащеніе христіанъ было не въ одной глубокой древности, а и въ IX вѣкѣ. Если правило позволяетъ имъ причащаться лишь въ праздники Господни (число которыхъ и тогда было значительно), то отсюда слѣдуетъ, что прочіе вѣрующіе, не несущіе эпитиміи, церковно-правоспособные, имѣли право и обычай причащаться еще чаще, быть можетъ каждый воскресный день. Значитъ, Византія IX вѣка, несмотря на всѣ свои нравственные недостатки (о которыхъ частію даетъ понятіе изучаемый нами соборъ), несмотря на господство въ ней вѣшняго благочестія, нѣкоторыми сторонами церковной практики тѣсно сближалась съ прекраснѣйшими обычаями первохристіанской древности.

понятіе о томъ, въ чемъ заключались кощунственныя дѣйствія вышеуказанныхъ лицъ. При Михаилѣ, по его собственному почину, устроилось нѣчто подобное тому „всепьянѣйшему собору“, какой былъ у нашего Петра Великаго. Это было съ одной стороны непристойное шутовство, съ другой—нецелѣсообразный способъ осмѣять лицемѣріе и ханжество нѣкоторыхъ членовъ общества. Двѣнадцать изъ сотоварищей Михаила, сотоварищей по кутежамъ, носили титла митрополитовъ, самъ онъ называлъ себя архіепископомъ колонійскимъ. Роль патриарха игралъ вышеназванный Гриллъ. Кошунники облакались въ священныя одежды, пѣли безчинныя пѣсни, сообразуясь съ напѣвомъ церковныхъ пѣсней, и даже будто бы позволяли себѣ совершать комедійное дѣйствіе причащенія, при чемъ вмѣсто хлѣба и вина употреблялись уксусъ и горчица. Эта толпа сотоварищей Михаила иногда позволяла себѣ публичное посмѣяніе надъ религіею. Подъ руководствомъ Михаила съ пѣніемъ пѣсень и игрою на музыкальныхъ инструментахъ, она расхаживала по городу, дѣлая видъ, что совершается религіозная процессія, и принаровляя свои шутовства къ тѣмъ днямъ, когда по церковному обычаю полагалось совершать крестные ходы¹⁾. Вотъ изъ числа этихъ-то участниковъ шутовскихъ церемоній и вызвано было на соборъ 869 года три человека, — почему такъ мало — не знаемъ. Происходитъ допросъ Марина и двухъ его товарищей. Руководители собора сказали имъ: „объясните, въ чемъ вы обвиняетесь?“ Они отвѣчали: „Михаилъ устраивалъ игрища, приказывая намъ облекаться въ архіерейскія одежды, и не только намъ, но и многимъ спаарямъ“. „И вы въ самомъ дѣлѣ надѣвали священническія одежды?“ „Да“ былъ отвѣтъ обвиняемыхъ. „И полагали на главы ваши св. Евангеліе?“ „Точно такъ“, — отвѣчали они же. „И вы совершали молатвословія?“ Отвѣтъ дается утвердительный. „Но кто же изъ васъ совершалъ ихъ?“ „Протоспааръ Теофилъ, который уже умеръ“, отвѣчалъ Маринъ. Послѣдовалъ вопросъ: „да какъ же они осмѣ-

¹⁾ Лебедева А. П. Очерки исторіи Восточно-Византійской Церкви IX—XI вѣковъ, стр. 12. М. 1878.

лились на такое преступное дѣло?“ Обвиняемые въ отвѣтъ на этотъ вопросъ говорили, что они боялись не исполнить воли императора; такъ какъ они были людьми, зависимыми отъ императора, имѣли женъ и дѣтей, нуждавшихся въ прокормленіи, то и страшились потерять мѣсто при дворцѣ. Мало того: они утверждали, что будто Михайлъ грозилъ имъ смертью въ случаѣ ихъ непослушанія и что будто нѣкоторые лица, отказавшіяся отъ участія въ кощунственныхъ церемоніяхъ, за свое упорство были и въ самомъ дѣлѣ подвергнуты казни. На эти разсужденія обвиняемыхъ легаты замѣтили: „такъ неужели для нихъ (Марина и его товарищей) воля императора имѣетъ такое безусловное значеніе, что они рѣшились бы поклоняться и самимъ идоламъ, если бы этого захотѣлъ императоръ?“ Разумѣется, отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Затѣмъ Маринъ и его сотоварищи, еще разъ сославшись на принужденіе со стороны императора Михаила, заявили, что они уже покаялись въ своемъ грѣхѣ предъ патріархомъ Игнатіемъ и несутъ положенную отъ него епитимію. Послѣ этого зашла рѣчь по вопросу, который больше всего интересовалъ соборъ: видѣлъ ли Фотій собственными глазами кощунственные церемоніи, совершавшіяся во времена Михаила? Очевидно, если бы было дознано, что Фотій видѣлъ это посмѣяніе религіи и молчалъ, то этимъ самымъ доказывалась бы его небрежность въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Марина и другихъ спросили: видѣлъ ли Фотій кощунственные дѣйствія? Вопросъ ясно давался съ цѣлю получить на него утвердительный отвѣтъ. Но Маринъ и его сотоварищи, потому ли, что не получили на этотъ счетъ инструкцію отъ кого слѣдовало, или потому, что не хотѣли кривить совѣсти, отвѣчали уклончиво; они говорили: „не знаемъ, видѣлъ ли Фотій, или нѣтъ“; но при этомъ прибавили: „Богъ свидѣтель, всѣ это знали“. Спрашивающіе удовлетворились этимъ отвѣтомъ, молча признали виновность Фотія въ попустительствѣ¹⁾. Въ заклю-

¹⁾ Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ Фотій быть обвиняемъ въ недостаткѣ пастырской ревности, въ попустительствѣ по отношенію къ Михаилу, забавлявшемуся кощунственнымъ шутствомъ? Едва ли. Есть основаніе полагать, что когда Фотій сталъ патріархомъ, кощунственные дѣйствія пре-

ченіе соборъ опредѣлилъ наложить эпитимію не только на тѣхъ лицъ, которыя были допрошены, но и на другихъ участниковъ преступленія, почему-то неявившихся на соборъ. Эта эпитимія объявлена въ слѣдующее засѣданіе собора, при чемъ подвергнутые наказанію не были снова вызываемы на соборъ. Вотъ и самая эпитимія: „тѣ, которые въ царствованіе Михаила насмѣхались надъ религіозными обрядами, играя роль епископовъ, и доселѣ не покаались и не понесли церковнаго наказанія, отлучаются отъ Церкви на три года. Одинъ годъ они должны находиться въ разрядѣ „плачущихъ“ и стоять во время богослуженія внѣ храма; другой годъ они могутъ стоять въ храмѣ, но вмѣстѣ съ оглашенными; на третій годъ имъ позволено стоять вмѣстѣ съ вѣрными, и только по истеченіи этого послѣдняго года они могутъ принимать св. Причастіе“¹⁾. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ дѣяній (именно вторичнаго вопроса мнимыхъ мѣстоблюстителемъ Фотіева собора 867 года — о чемъ было сказано нами раньше, — обычныхъ провозглашеній многолѣтій и вѣчной памяти), засѣданіе²⁾ кончилось. Въ латинской редакціи актовъ къ вышеизложенному присоединено нѣсколько виршей, направленныхъ противъ Фотія, но не сказано, читались ли они на соборѣ или нѣтъ. Въ нихъ Фотій названъ человѣкомъ, который наполнилъ міръ раздорами, былъ еретикомъ; низвергъ законнаго па-

кратились, Теофилъ—главное лице въ этихъ дѣйствіяхъ уже оставилъ дворецъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что публичное оказательство кончилось. Если кому можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ недостаткѣ пастырской ревности въ отношеніи къ Михаилу, такъ это Игнатію, который самъ встрѣчался на улицахъ съ шутовской процессією, и однако оставлялъ дѣло безъ вниманія. (Эта сторона вопроса достаточно разъяснена Иером. Герасимомъ: Отъзвы о Фотіи 130, 132. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе клятвенное увѣреніе одного близкаго къ Фотію епископа, высказанное на соборѣ 869 года,—что Фотій, сдѣлавшись патріархомъ, не выдвигалъ шутовства Грилла. Mansi, XVI, 88).

¹⁾ Правило 16 этого собора по латинской редакціи (р. 169). Въ этомъ же правилѣ положены прешенія и угрозы церковными наказаніями какъ относительно царей и лицъ правительственныхъ, позволяющихъ себѣ кощунство, такъ и относительно патріарха и епископовъ, не обличающихъ этого кощунства.

²⁾ Mansi. Conc. Tom. XVI. Lat. 143—157; Gr. 389—397.

триарха, былъ сопатріархомъ шута (Грилла), подвергалъ наказаніямъ несчастный клиръ, обращалъ вѣру въ злохуленіе и т. д.

Десятое и послѣднее засѣданіе собора было самымъ торжественнымъ. Оно происходило 28 февраля 870 года. На немъ присутствовали императоръ и его сынъ Константинъ, сто девять лицъ архіерейскаго сана, если включить сюда Игнатія, легатовъ и мѣстоблюстителей ¹⁾, двадцать Византійскихъ патрищевъ, многочисленное посольство отъ Болгарскаго князя и наконецъ три посланника западнаго императора Людовика II: Анастасій библіотекаръ, Суппонъ, родственникъ западной императрицы Ингельберги и одинъ придворный Людовика. Эти три посланника прибыли въ Константинополь для переговоровъ о заключеніи брака между сыномъ Василія (Константиномъ) и дочерью Людовика, а также для заключенія союза противъ Сарацинъ.

Въ этомъ засѣданіи прежде всего происходило чтеніе церковныхъ правилъ, составленныхъ этимъ соборомъ. Этихъ правилъ довольно много (по греческому тексту 14, а по латинскому 27) и они изложены очень подробно ²⁾. Для нашей цѣли нѣтъ надобности передавать содержаніе всѣхъ правилъ. Ограничимся немногимъ. Во 1-хъ, познакомимся съ тѣми правилами, которыя касались такъ сказать „злобы дня“, сочинены были въ видахъ борьбы съ Фотіанами, а во 2-хъ съ нѣкоторыми правилами, касающимися общаго положенія Церкви и представляющими нѣчто оригинальное. Во второмъ правилѣ этого собора повелѣвалось строжайшимъ образомъ наблюдать то, что опредѣлено папами Николаемъ и Адрианомъ по дѣлу Игнатія и Фотія, при чемъ

¹⁾ Какое громадное различіе отъ собора 861 года, созваннаго для борьбы съ игнатіанами, подъ главенствомъ Фотія! На этомъ послѣднемъ соборѣ присутствовало 318 епископовъ.

²⁾ Не только число греческихъ правилъ меньше, чѣмъ латинскихъ, но даже изложеніе и стодныхъ по содержанію правилъ не всегда одинаково. Отчего зависѣла разность въ числѣ правилъ, рѣшить нелегко. Всѣ попытки объяснить вопросъ остаются не достигающими цѣли (см. напр. Hergenrother. II, 68—70). Вѣроятно же всего, скажемъ мы, разница условливалась тѣмъ, что греческій редакторъ актовъ выписалъ изъ подлинныхъ актовъ лишь такія правила, какія ему показались особенно важными.

замѣчено, что лица духовныя, противодѣйствующія этимъ опредѣленіямъ, будутъ лишаемы сана, а міряне и монахи того-же рода будутъ отлучаемы отъ Церкви. Другимъ правиломъ (пр. 4) постановлено, что Фотій не былъ и не есть епископъ, что всѣ лица, посвященныя имъ во всѣ іерархическія степени, лишаются этихъ степеней, что лица, возведенныя имъ въ начальники монастырей (архимандриты), теряютъ свои должности, что храмы, освященные Фотіемъ или епископами его рукоположенія, должны быть снова освящены. Еще другимъ правиломъ постановляется: епископы и клирики каѳедральнаго храма въ Константинополѣ, если всѣ таковыя получили посвященію отъ предшественниковъ Фотія — Мееодія и Игнатія, но потомъ перешли на сторону Фотіанъ и не изъявляли послушанія этому собору, то низлагаются и не должны быть принимаемы въ клиръ, и въ томъ случаѣ, если они раскаяются; снисхожденіе же можетъ быть имъ оказано лишь въ томъ отношеніи, что въ случаѣ раскаянія пусть допускаются къ причащенію на ряду съ мірянами (по лат. пр. 25, въ греч. его нѣтъ). Такъ какъ между Фотіанами было много лицъ образованныхъ, занимавшихся преподаваніемъ богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, а также искусствомъ живописи, то однимъ изъ правилъ опредѣлено (пр. 7) всѣхъ лицъ, анаематствованныхъ соборомъ (т.-е. Фотіанъ), лишить права преподавать науки и писать иконы. Таковы мѣры собора, принятыя имъ для борьбы съ Фотіанами. Соборъ хочетъ стереть съ земли все, что напоминало о Фотіи и его приверженцахъ. Всѣмъ извѣстно, что такая попытка не имѣла никакого успѣха, а почему—объ этомъ рѣчь впереди. Изъ числа правилъ съ общимъ содержаніемъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: во первыхъ то, которымъ воспрещено на будущее время быстрое возведеніе въ церковныя должности лицъ свѣтскихъ; такъ въ этомъ правилѣ (пр. 5) говорилось, что прежде возведенія во епископа извѣстное лице одинъ годъ должно быть чтецомъ, два года иподіакономъ, три года діакономъ, и четыре года священникомъ; а кто возводится въ епископы, обойдя эти посредствующія ступени, тотъ лишается сана. Очевидно правило вызвано исто-

рїей поставленїя Фотїя въ патріархи. Другими правилами общаго содержанїя охранялась власть и честь Церкви отъ вмѣшательства и вторженїя свѣтскаго правительства. Опре-дѣлено было (по гр. прав. 12, а по лат. пр. 22), чтобы избранїе епископовъ происходило на соборѣ епископовъ, при чемъ ни царь, ни его уполномоченные не должны при-сутствовать подѣ опасенїемъ анаемы, за исключенїемъ слу-чая, если этого пожелаетъ самъ соборъ епископовъ; съ тоюже цѣлю оградить авторитетъ Церкви постановлено, чтобы свѣтское правительство не препятствовало еписко-памъ собираться на соборъ и чтобы на помѣстныхъ собо-рахъ не появлялся императоръ: императоръ можетъ при-сутствовать только на вселенскихъ соборахъ (по гр. пр. 12, по лат. 17). Для огражденїя чести епископовъ поста-новлено слѣдующее: въ виду того, что иные епископы низко-поклонничаютъ предъ царями и другими правительствен-ными лицами, при встрѣчѣ съ этими послѣдними сходятъ съ лошади и даже съ поклономъ повергаются на землю, то впередъ все подобное запрещено дѣлать, подѣ угрозой церковныхъ наказанїй какъ для епископа, низкопоклон-ствующаго, такъ и правителя, прїемлющаго поклоненїе (по греч. пр. 11, по лат. 14).

Соборъ 869 года смотрѣлъ на себя, какъ на вселен-скїй; а такъ какъ на дѣйствительныхъ вселенскихъ собо-рахъ всегда провозглашалось, составленное на нихъ, вѣро-опредѣленїе, то и этотъ соборъ долженъ былъ сдѣлать тоже самое. Но такъ какъ на немъ не было рѣшаемо никакого догматическаго вопроса, то вѣроопредѣленїе этого собора вышло совершенно безсодержательнымъ. Въ указанномъ вѣроопредѣленїи объявлялось о необходимости принимать семь вселенскихъ соборовъ, при чемъ этотъ соборъ про-возглашенъ восьмымъ вселенскимъ соборомъ, говорилось объ осужденїи Фотїя и его приверженцевъ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ прочитана была рѣчь императора, въ которой между прочимъ говорилось, что всякое духовное лицо или міря-нинъ, въ случаѣ противодѣйствїя опредѣленїямъ этого со-бора будетъ безпощадно изгоняемъ изъ столицы—Констан-тинополя; затѣмъ тоюже рѣчью внушалось мірянамъ, что

они должны быть послушливы въ отношеніи къ пастырямъ, и прочее въ этомъ родѣ. Послѣ этого императоръ спросилъ у членовъ собора: довольны ли они опредѣленіями собора? Всѣ, конечно, дали отвѣтъ положительный. Легаты обратились съ просьбою къ императору о томъ, чтобъ онъ своей подписью утвердилъ дѣянія собора. Императоръ изъяснилъ согласіе, но и изъ уваженія къ собору и послѣдую примѣру императоровъ Константина Вел., Θεодосія I и Маркіана пожелалъ подписаться послѣ всѣхъ епископовъ (ничего такого о вышеупомянутыхъ императорахъ впрочемъ неизвѣстно). Но легаты упросили императора подписаться покрайней мѣрѣ послѣ именъ патріаршихъ мѣстоблюстителей. Начались подписи. Подписывались подъ актами въ пяти экземплярахъ, по числу патріаршихъ кафедръ. Императоръ и его сынъ не только подписали свои имена, но и поставили знакъ спасительнаго креста. Этимъ и кончилось десятое ¹⁾ засѣданіе собора.

Римско католическій историкъ Гергенретеръ говоритъ: „Принимая во вниманіе великое число епископовъ въ тогдашнемъ Византійскомъ патріархатѣ и сравнивая соборъ 869 года съ позднѣйшимъ соборомъ при патріархѣ Фотіи (879 г.), первый (соборъ) представляется слабымъ по числу его членовъ: такого малаго количества епископовъ не было ни на одномъ изъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ“. Тотъ же ученый справедливо находитъ объясненіе этого неприятнаго для игнатіанской партіи явленія въ „томъ духовномъ преобладаніи, въ томъ безмѣрномъ вліяніи, какого достигла личность Фотія въ средѣ его приверженцевъ, такъ что воля самого императора не могла заставить Фотіанъ подчиниться собору“ ²⁾.

Дорогіе гости Византійскаго императора и патріарха, легаты римскіе, не долго оставались въ Византіи по окончаніи собора. Въ мартѣ они собрались въ обратный путь. Императоръ задалъ имъ пиръ и богато одарилъ ихъ. Спаеаръ Θεодосій проводилъ легатовъ до Диррахіума, но о

¹⁾ Mansi. XVI, Lat. text. 157—195; Gr. 397—409.

²⁾ Band II, 127—128.

безопасности дальнѣйшаго пути своихъ гостей императоръ не позаботился. А ихъ между тѣмъ ожидало несчастье. Во время морскаго путешествія на нихъ напали пираты—Славяне и забрали ихъ въ плѣнъ. Напрасно папа Адрианъ ожидалъ возвращенія своихъ легатовъ: они исчезли. Потомъ, когда папа узналъ о судьбѣ ихъ, онъ принялъ всѣ мѣры къ освобожденію несчастныхъ изъ плѣна; но прошло немало времени, прежде чѣмъ эти старанія увѣнчались успѣхомъ. Только въ декабрѣ 870 года, послѣ тяжелыхъ испытаній, возвратились легаты восвояси. Само собой понятно, они были ограблены — и самая драгоценная вещь, подлинныя акты собора 869 года пошли прахомъ, пропали ¹⁾. Итакъ папа Адрианъ лишился удовольствія видѣть позоръ Восточной Церкви, тѣ собственноручныя подписи Византійскаго царя и патріарха и нѣкоторыхъ Восточныхъ епископовъ, подписи, которыя могли бы доставить такъ много радости папѣ и которые приобрѣтены цѣной неслыханнаго униженія Восточной Церкви.

На Западѣ соборъ 869 года признанъ Вселенскимъ и считается такимъ донынѣ: при своемъ посвященіи папы произносятся древнюю клятвенную формулу, въ которой этотъ соборъ причисляется къ числу вселенскихъ, а правила этого-же собора внесены во всѣ католическія собранія церковныхъ канонѣвъ ²⁾.

Не то видимъ на Востокѣ. Патріархъ Фотій тотчасъ по окончаніи собора объявилъ его „варварской засадой“, комедіей, гдѣ „давались представленія, какъ на сценѣ“, собраніемъ „неистовыхъ Коривантовъ и Вакхантовъ“, собраніемъ, которое само себя „покрыло стыдомъ“ ³⁾. Впослѣдствіи Фотій постарался уничтожить всякую память объ этомъ соборѣ въ Восточной Церкви. И его благородныя усилія имѣли полнѣйшій успѣхъ. Забвенія, полного забвенія—вотъ чего достигъ въ скоромъ времени соборъ этотъ на Востокѣ. Прошло немного времени послѣ того, какъ

¹⁾ Vita Hadriani, col. 1393—1394 (Migne).

²⁾ Hergenröther. II, 131.

³⁾ Phothii epist. ad Theodosium monachum. Migne, tom. 102. col. 892—3.

собрать былъ этотъ соборъ—и онъ теряетъ всякое значеніе здѣсь. „Забывъ соборъ, остались безъ употребленія и его правила, ни одинъ греческій канонистъ не комментируетъ этихъ правилъ, ни одинъ юридическій сборникъ не приводитъ ихъ текста, они какъ будто-бы сквозь землю провалились и только немногія греческія рукописи сохранили сокращенный текстъ актовъ этого собора“⁴⁾.

Такова была судьба собора 869 (—870) года, на Востоку. И эта судьба была вполне заслужена соборомъ.

⁴⁾ Hergeröther. II, 510.

VI. Нестроенія второго патриаршества Игнатія и возстановленіе Фотія въ патриаршемъ достоинствѣ, по смерти перваго. Папы Адріанъ II и Іоаннъ VIII.

Сношенія константинопольскаго духовнаго и свѣтскаго правительства съ папою Адріаномъ къ концу 871 года;—древне-болгарскій церковный вопросъ до разсматриваемаго времени;—письмо Адріана въ Константинополь, въ коемъ заключались угрозы въ отношеніи къ Игнатію, за неуступчивость въ болгарскомъ вопросѣ и выражалось запрещеніе возводить клириковъ фотіанскаго поставленія въ высшія должности;—церковныя нестроенія въ Константинополѣ,—письма новаго папы Іоанна VIII къ импер. Василію и Игнатію,—письмо къ этому послѣднему, какъ замѣчательный образецъ папскихъ притязаній и несправедливости. — Смерть Игнатія и возстановленіе Фотія на патриаршествѣ: какими побужденіями въ этомъ послѣднемъ случаѣ руководилось византійское правительство?—Папа Іоаннъ VIII признаетъ Фотія законнымъ патриархомъ; — что заставило папу рѣшиться на этотъ шагъ?—Прещенія папы, обращенныя къ приверженцамъ Игнатія въ Константинопольскомъ обществѣ.

У большинства ученыхъ утвердилось мнѣніе, что въ Византіи и Византійской имперіи епископы были въ полномъ рабскомъ подчиненіи императорамъ, что Церковь была послушнымъ слугою государства, что воля свѣтскихъ властителей была закономъ для іерарховъ. Для обозначенія этихъ отношеній свѣтской и церковной власти въ западной наукѣ употребляется варварское слово: цезаропализмъ, которымъ указывается, что будто въ Византіи императоры въ то же время были и первосвященниками, т. е. такими же полновластными распорядителями въ дѣлахъ церковныхъ, какъ и въ дѣлахъ свѣтскихъ, гражданскихъ.

Такой взглядъ на отношеніе Церкви и государства въ Византіи образовался отчасти вслѣдствіе непониманія тѣхъ тѣсныхъ, близкихъ отношеній между свѣтскимъ и церковнымъ правительствомъ, какія существовали въ Византійской

интересъ. И однимъ изъ сильныхъ доказательствъ несомнѣтельности разбираемаго взгляда служить исторія патриаршества Фотія.

Еслибы власть гражданская была дѣйствительною руководительницею Церкви, то низверженіе Фотія съ патриаршества, происшедшее по волѣ императора Василія Македонянина, не должно бы было вызвать никакихъ нестроений въ Византіи: смѣна одного патриарха другимъ принята была бы равнодушно, безъ прогнѣвдѣствія, какъ очень обыкновенное дѣло. Но то ли видимъ въ дѣйствительности?

Вскорѣ послѣ собора императоръ Василій и патриархъ увидѣли, съ какими затрудненіями приходилось бороться церкви константинопольской, при тѣхъ ненормальныхъ отношеніяхъ, въ какія поставилъ эту церковь къ Римской соборъ 869 года. Да и сами папы скорѣ же обнаружили, что собственно не объ охраненіи благосостоянія церкви и церковной дисциплины хлопотали они, когда съ такою готовностію возстановляли Игнатія на патриаршей кафедрѣ.

Если обратимся къ тѣмъ двумъ письмамъ, какія посланы были императоромъ и Игнатіемъ, спустя немного времени послѣ собора, то увидимъ, что тотъ и другой еще продолжаютъ обращаться въ Римъ, въ прежнее, чрезвычайно лестномъ для папскаго самолюбія, родѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно письмо Игнатія отъ второй половины 871 года. Начиная свое письмо указаніемъ на извѣстный сонъ Навуходносора объ истуканѣ и раздробленіи его оторвавшимся отъ горы камнемъ, изображающимъ Христа, Игнатій, за тѣмъ, въ витіевато-византійскомъ вкусѣ играетъ словами „камни“, чтобы поставить въ нѣкоторую параллель съ этимъ своимъ значеніе кафедръ Римской, къ вѣщному прославленію Римскихъ первосвященниковъ. Вотъ его слова: „Издравле славный и знаменитый великій городъ вашъ Римъ чрезъ тѣ святые камни, которые отъ востока прикатились сюда, я говорю о Петрѣ и Павлѣ, сдѣлался славнѣйшимъ первенствующимъ центромъ апостольскимъ; этотъ городъ, впрочемъ, и въ ваши дни не пересталъ быть знаменитымъ и превосходнымъ чрезъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была первосвященническая власть, чрезъ такіе святые и драгоцѣнные

камни, какъ блаженный папа Николай и твоя святость. Какъ бы съ какого-то возвышеннаго мѣста, вооружаясь противъ начинаній несправедливости и лжи, вы докатывались до самого нашего града, чрезъ свои премудрыя письма и свои рѣшенія, и какъ святѣйшіе и любезнѣйшіе Богу охранители своего мѣста, обращаете въ прахъ всѣ махинаціи и твердыни противящихся истинѣ“ ¹⁾). Изъ содержанія писемъ императорскаго и Игнатіева узнаемъ далѣе, что, благодаря слишкомъ ревностному исполненію папскихъ предписаній, возникло немалое церковное неустройство на Востокѣ. Множество чтецовъ во всѣхъ округахъ Константинопольскаго патріархата принадлежало къ числу лицъ, посвященныхъ Фотіемъ, а потому, сообразно съ папскою волею, неимѣвшихъ права на повышение въ церковныхъ должностяхъ; межъ тѣмъ являлась настоятельная потребность въ возведеніи чтецовъ въ священный санъ: въ Константинопольскомъ патріархатѣ не стало достаточнаго числа пастырей церкви. Въ такое-то странное и печальное положеніе пришла церковь Константинопольская при своемъ рѣшеніи слѣдовать распоряженіямъ папскимъ! Игнатій при всемъ томъ не отваживается ни на какой смѣлый шагъ въ данномъ отношеніи, а испрашиваетъ смиренно рѣшенія папскаго: какъ поступить въ разсматриваемомъ случаѣ. Игнатій писалъ папѣ, какъ епископъ, подчиненный епископу высшаго ранга, слѣдующимъ образомъ: „Просимъ твою отеческую святость написать нашему смиренію относительно тѣхъ чтецовъ, которые пострижены были рукою Фотія, и которыхъ *безчисленное множество* во всѣхъ мѣстностяхъ и городахъ нашей церкви. Необходимость понуждаетъ посвятить нѣкоторыхъ изъ нихъ во священники. Поэтому мы хотимъ, относительно этого предмета, знать вашу волю и ваше распоряженіе: достойны ли они возведенія въ высшія церковныя должности, или нѣтъ“ ²⁾). Въ томъ же родѣ писалъ папѣ и императоръ ³⁾).

¹⁾ Labbeus. t. VIII, pag. 1171.

²⁾ Ibidem, pag. 1172.

³⁾ Ibidem, pag. 1170.

Казалось бы, оставалось папѣ только благославлять судьбу, дававшую ему случай показывать свое властительство на Востокѣ, неупуская благопріятныхъ обстоятельствъ, но папа къ своей же невыгодѣ, началъ заходить въ своихъ притязаніяхъ слишкомъ далеко, и этимъ необыкновенно быстро поставилъ себя во враждебныя отношенія къ Востоку; къ тому же нестроенія, возникшія въ Константинополѣ, вслѣдствіе папскихъ распоряженій, еще разъ побудили Константинополь поумѣрить свои симпатіи къ Западу. Переворотъ въ отношеніяхъ Востока къ Западу произошелъ еще при томъ же императорѣ Василіѣ Македонянинѣ. Но, прежде чѣмъ перейти къ разъясненію этого послѣдняго событія, посмотримъ, съ какими новыми притязаніями и требованіями—какъ мы сказали—обращаются папы на Востокъ, къ своей собственной невыгодѣ?

Отвѣтъ папы Адріана на письма Игнатія и Василя Македонянина, отъ 10 ноября 871 года, не соответствовалъ желаніямъ ни патріарха, ни императора. Видя вниманіе и даже покорность, съ какими обращались къ нему представители духовной и свѣтской власти въ Константинополѣ, папа нашелъ удобнымъ потребовать теперь уступокъ отъ Константинополя, которыя должны были повести къ расширенію папской юрисдикціи Рима. Мы говоримъ о папскомъ требованіи, теперь особенно ясно предъявленномъ Константинополю, касательно уступки Болгарской сѣпархіи въ пользу папской юрисдикціи. Такъ какъ этого вопроса мы еще не касались въ нашихъ изслѣдованіяхъ, то считаемъ нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно предмета, чтобы дѣло было вполне яснымъ,—тѣмъ болѣе, что въ предшествующихъ отдѣлахъ нашего труда, мы совсѣмъ не говорили о немъ, хотя это и нужно было, не говорили потому, что желали впоследствии остановиться на немъ при удобномъ случаѣ и передать свѣдѣнія о немъ въ цѣломъ, а не отрывочномъ видѣ.

Еще во времена перваго патріаршества Фотія, при жизни папы Николая, между Римомъ и Константинополемъ возникъ споръ: должна ли страна Болгарская принадлежать юрисдикціи папской, или юрисдикціи патріарха константи-

нопольскаго? Вопросъ этотъ на практикѣ рѣшался самимъ Болгарскимъ народомъ, но этимъ не всегда былъ доволенъ Константинополь, и еще менѣе — Римъ. Болгары, принявшіе крещеніе во времена перваго патриаршества Фотія, позволяли себѣ подчиняться юрисдикціи то Константинопольской церкви, то Римской; отсюда являлась возможность для каждой изъ этихъ церквей заявлять свои притязанія по отношенію къ Болгарамъ. Въ сущности спорный болгарскій церковный вопросъ возникъ слѣдующимъ образомъ. До IX вѣка, до времени царя Бориса въ Болгаріи, въ этой странѣ, какъ кажется, не было систематическаго миссіонерства ни со стороны Востока, ни со стороны Запада. Правда, здѣсь были христіане и до этого времени, и христіанъ не мало, но это были христіане, случайно обратившіеся къ вѣрѣ евангельской. Такъ дѣло шло до царя Бориса, который рѣшился принять христіанство самъ и окрестить весь народъ. Раждался вопросъ: отъ кого именно принять христіанство, — отъ Грековъ, или Латинянъ? Христіанство Болгаръ до этого времени не сблизило этой страны ни съ Византіею, ни съ Римомъ. Вопросъ однако рѣшенъ былъ въ пользу Грековъ. Къ Грекамъ обратили Болгаръ случайныя обстоятельства. Болгарію постигъ страшный голодъ; поиски за добычею хлѣба заставили Болгаръ вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы Греческой имперіи. Нападеніе было удачно; но когда, готовившіеся отразить Болгаръ, Греки предложили миръ, царь болгарскій, согласившись на миръ, въ то же время выразилъ желаніе принять вмѣстѣ съ своимъ народомъ христіанство. Рѣшившись креститься тотчасъ же на самомъ мѣстѣ мирныхъ переговоровъ, онъ крещенъ былъ въ присутствіи византійскаго императора Михаила III, который былъ его крестнымъ отцемъ, въ знакъ чего Борисъ принялъ христіанское имя Михаила. Крещеніе совершилъ, вѣроятно же всего, патриархъ Фотій. Это случилось или въ 864 или 865 году. Такимъ образомъ Болгарскій народъ на первыхъ же порахъ призналъ юрисдикцію Константинопольской церкви. Но вскорѣ однакожъ дѣло измѣнилось. Царь Борисъ также быстро отступается отъ подчиненія константинопольскому патриарху, какъ быстро и

неожиданно крестился по восточному обряду. Прoshель годъ или два со времени его крещенія, какъ онъ вдругъ обращается къ церкви Римской и хочетъ присоединиться къ ней, подчиниться ея церковной юрисдикціи. Можно полагать, что Болгары устрашились той зависимости, въ какую они могли стать къ имперіи Греческой. Греки, изъ желанія полнѣе господствовать надъ Болгарами, не хотѣли дать имъ не только отдѣльнаго митрополита, но даже и епископовъ, и хотѣли посылать отъ себя только священниковъ. Это показалось оскорбительнымъ для Болгаръ и опаснымъ для ихъ самостоятельности государственной, и потому Борисъ рѣшился обратиться къ папѣ. Не получивъ удовлетворенія своимъ требованіямъ отъ Грековъ, Борисъ имѣлъ полное право рассчитывать на бѣльшую уступчивость со стороны Рима, потому что Римъ долженъ былъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы привлечь Болгарію на свою сторону отъ Грековъ. Сношенія Бориса съ Римомъ относятся къ 866 году. Папа съ своей стороны присылаетъ въ Болгарію для утвержденія въ ней христіанства двухъ епископовъ и священниковъ и рѣшается на первый разъ дать одного епископа на всю страну. Началось обращеніе Болгаръ къ церкви латинской. Такимъ образомъ Болгарія по теченію обстоятельствъ подчинилась и церкви латинской, и Римъ, очевидно, получилъ возможность претендовать на подчиненіе себѣ церкви Болгарской, какъ и Константинополь. Сама Болгарія сдѣлалась мѣстомъ борьбы греческаго и латинскаго духовенства, присланнаго сюда съ той и съ другой стороны. Все это происходило во времена папы Николая и перваго патріаршества Фотіева. Но проходитъ нѣсколько времени, и Болгары отпадаютъ отъ церкви латинской и снова ищутъ общенія съ церковію Константинопольскою. Это случилось вслѣдствіе того, что Болгары обманулись въ своихъ надеждахъ на папу, ради которыхъ они обратились къ Латинянамъ. Папа Николай не хотѣлъ дать Борису въ епископы Болгаріи тѣхъ лицъ, какихъ хотѣлось царю болгарскому, а предлагалъ ему такихъ кандидатовъ, которые не были по сердцу Бориса. Переписка Бориса съ папою по этому поводу была продолжительна; упорство папы

раздосадовало Бориса, и онъ рѣшился снова присоединиться къ византійскому патріархату. Дѣло было скоро улажено между Борисомъ и Византією, оставалось только придать ему видъ законности ¹⁾. Соборъ 869 года, далъ къ тому желанный случай. Болгарскій церковный вопросъ разсматривался не на самомъ этомъ соборѣ, а на засѣданіи добавочномъ, происходившемъ во дворцѣ; на этомъ засѣданіи присутствовали впрочемъ всѣ главные представители собора 869 года. Дѣло происходило такъ: на засѣданіе вызваны были послы отъ болгарскаго царя Бориса, очевидно нарочито прибывшіе въ Константинополь съ цѣлію достигнуть соборнаго утвержденія союза Болгарскаго народа съ константинопольскимъ патріархатомъ. Послѣ привѣтствій, болгарскіе послы заявили: „еще недавно мы (Болгары) были язычниками, а теперь удостоились благодатнаго христіанства. Не желая впасть въ заблужденіе въ какомъ-либо отношеніи, мы просимъ представителей патріаршихъ кафедръ разрѣшить намъ вопросъ: какой церкви (патріархату) мы должны принадлежать и подчиняться?“ Папскіе легаты сказали: „конечно Римской, ибо вашъ царь съ своимъ народомъ отдалъ себя Римской церкви; да и чрезъ одного изъ васъ папа далъ указанія касательно христіанской жизни вашего народа, отъ папы же получили вы епископовъ и священниковъ“. Болгарскіе послы на это сказали, что они воздають папѣ всякую честь, и затѣмъ прибавили: „мы просимъ, чтобы папскіе легаты съ другими представителями патріаршихъ кафедръ разсмотрѣли: какому патріархату они (Болгары) должны принадлежать по законамъ? Легаты на это сказали: „мы не имѣемъ права рѣшать этого вопроса, намъ не дано отъ папы указанія на этотъ предметъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что вы должны быть подчинены Римской церкви“. Уполномоченные патріарховъ спросили Болгаръ: „кому принадлежала страна въ то время, когда вы ее заняли, и какіе здѣсь были тогда священники, греческіе или латинскіе?“ Болгары заявили: „эта страна

¹⁾ См. подробнѣе у проф. Голубинскаго. „Очеркъ исторіи православныхъ Церквей—Болгарской“ и пр., стр. 22—31 (М. 1871).

отнята нами у Грековъ, и здѣсь мы встрѣтили греческихъ священниковъ“. Тогда представители патріарховъ сказали: „значитъ Болгары принадлежать константинопольскому патріархату“. Это однакожь показалось папскимъ легатамъ неубѣдительнымъ, и они представили нѣсколько оснований, по которымъ Болгары должны подчиняться авторитету папы; они указывали на папскіе декреты, изъ которыхъ будто бы открывается, что папская власть раньше простиралась на тѣ страны, въ составъ которыхъ входитъ и Болгарія; далѣе они ссылались на то, что Болгары сами добровольно подчинились римской каедрѣ и папской власти; наконецъ они не преминули указать и на то, что просвѣщеніе христіанствомъ Болгаръ стоило папской каедрѣ многихъ трудовъ, что уже болѣе трехъ лѣтъ Римская церковь утвердила свою власть въ Болгаріи, и что въ настоящее время тамъ находится латинскій епископъ Гримоальдъ, какъ хорошо знаютъ это и сами послы болгарскіе. Представители восточныхъ патріарховъ хотѣли было критически разобрать каждое изъ этихъ оснований, какія привели сейчасъ легаты. Но послѣдніе не позволили имъ этого сдѣлать. Они съ гордостью сказали: „апостольская каедра (римская) не выбирала васъ своими судьями; вы ниже папы и судить его вамъ не пристало; да и мы сами это дѣлать не станемъ, потому что одинъ папа имѣетъ право судить всѣ другія церкви. Къ тому же намъ не дано порученія разсматривать этого дѣла, предоставимъ рѣшеніе папѣ. Онъ имѣетъ достаточно документовъ, чтобы защитить свои права, и конечно онъ съ такою же легкостью въ ничто обратитъ ваши притязанія, съ какою легкомысленностію вы заявляете ваши притязанія“. Въ этихъ словахъ легатовъ заключалась явная укоризна и порицаніе по адресу представителей восточныхъ патріарховъ. Послѣдніе понятно остались недовольны такимъ тономъ и словами легатовъ и захотѣли заплатить имъ тою же монетою. Они сказали: „неприлично, что вы (Римляне), отпадшіе отъ союза съ Греческимъ царствомъ и отдавшіеся во власть Франковъ, пользовались правомъ поставлять епископовъ и прочихъ духовныхъ въ странѣ Греческой имперіи. Мы объявляемъ, что такъ какъ Болгарія принадлежала

къ Греческой имперіи, то она должна находиться въ подчиненіи константинопольскому патріарху“. Это окончательно вывело изъ себя папскихъ легатовъ, они закричали: „вась никто не призываетъ въ судьи, вы произносите сужденіе, какъ гордецы и люди пристрастные; ваше сужденіе мы объявляемъ во имя Св. Духа лишеннымъ всякаго значенія“. Затѣмъ обращаясь къ патріарху Игнатію, легаты сказали: „а тебя, патріархъ Игнатій, именемъ Бога и его ангеловъ заклинаемъ, чтобы ты, сообразно съ посланіемъ папы Адріана, который возстановилъ тебя въ должности, не вмѣшивался въ дѣла Болгаріи, не посвящалъ никого для этой страны и не посылалъ туда кого-либо изъ духовныхъ, принадлежащихъ твоему вѣдѣнію. А если ты считаешь указанныя притязанія имѣющими основательность (чего мы не думаемъ), то обратись за разрѣшеніемъ къ Римской церкви, твоей защитницѣ“. При этомъ легаты вручили Игнатію папское посланіе, касавшееся Болгаріи. Но Игнатій, принявъ письмо, не сталъ тотчасъ читать его и отвѣчалъ слѣдующею, очень неопредѣленною фразою, что онъ будетъ остерегаться всего такого, что можетъ послужить къ оскорбленію Римской церкви, и что онъ не такъ молодъ и не такъ старъ, чтобы позволить себѣ несообразное съ справедливостію ¹⁾. На этомъ и кончились пренія. Очевидно, каждая сторона считала себя правою: Византія себя, а Римъ себя. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что права Квнстантинополя на управленіе церковію Болгарскою гораздо тверже, чѣмъ права Рима. И это можно легко доказать, съ полнымъ безпристрастіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Болгары были первоначально крещены Византійцами; затѣмъ они по собственному желанію впоследствии приняли епископовъ и священниковъ латинскаго обряда, но не надолго; наконецъ Болгары безо всякаго принужденія снова переходятъ отъ церкви Латинской къ Греческой. Очевидно желаніе папы господствовать надъ Болгаріею было прямымъ насиліемъ надъ христіанскою совѣстью Болгаръ. Папы никакъ не хотѣли понять, что нельзя народу, само-

¹⁾ Vita papae Hadriani. Migne, lat. tom. 128, p. 1392—1393.

стоятельно ведущему свою политическую жизнь, навязать священниковъ, которые ему неуютны.

При всемъ томъ, папы, не могли отказаться отъ своихъ надеждъ подчинить себѣ Болгарію, особенно когда видѣли, что Византійская церковь со вступленіемъ на императорскій престолъ Василя и съ возвращеніемъ Игнатія на кафедру патріаршую — стала болѣе чѣмъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ папству. Удовлетворенный въ другихъ отношеніяхъ соборомъ 869 года, папа однакожъ видѣлъ себя оскорбленнымъ со стороны этого собора, когда этотъ послѣдній присоединилъ къ церкви Византійской Болгарію, духовную власть надъ которой папа всячески хотѣлъ удерживать за собою: Искательное обращеніе Василя и Игнатія съ письмами въ Римъ, въ которыхъ они испрашивали папскихъ милостей и снисхожденія для клириковъ фотіанъ, подало Адриану II-му случай рѣшительно заявить о своемъ желаніи, чтобы Болгарія присоединена была къ Римской церкви. До насъ сохранилось отвѣтное письмо папы только къ императору Василю. Папа говоритъ здѣсь съ большимъ сознаниемъ своего достоинства и выражаетъ требованіе, чтобы Константинопольская церковь держала себя вполне сообразно съ папской волей. Особенное негодованіе папы заслуживаетъ церковная юрисдикція Константинополя надъ Болгаріей, хотя, какъ мы указали сейчасъ, права Константинополя въ отношеніи къ Болгаріи были гораздо основательнѣе, чѣмъ права Рима. Но папа знать не хотѣлъ дѣйствительныхъ правъ, онъ хотѣлъ воспользоваться въ данномъ случаѣ правомъ сильнаго, какимъ онъ считалъ себя. Послѣ обычныхъ вѣжливостей и любезностей въ письмѣ къ императору, и послѣ нѣкоторыхъ укоризнъ ему-же за ту непредусмотрительность, съ которою отправлены были изъ Константинополя папскіе легаты, бывшіе на соборѣ 869 года, папа далѣе переходитъ къ вопросу о Болгаріи и говоритъ: „Какъ ни велики были знаки благосклонности, какіе показывалъ прежде императоръ къ папскому престолу, теперь они готовы однакожъ совсѣмъ стереться; епископъ нашъ Игнатій дерзнулъ—говоритъ папа—посвятить предстоятеля въ страну Болгарскую, чему мы удивляемся, а вы съ своей

стороны тому благопріятствуете, чѣмъ мы изумлены. По-этому просимъ васъ—говорить папа—увѣщевайте Игнатія отказаться отъ юрисдикціи въ Болгаріи; иначе и онъ самъ—грозить папа—не избѣжитъ законнаго отмщенія, да и тѣ, кто поставленъ имъ въ эту страну въ качествѣ пред-стоятелей или съ какимъ либо другимъ именемъ и обязан-ностями, и они, уже теперь лишенные отъ насъ общенія, **низвержены будутъ изъ своего сана**“¹⁾. Интересно бы знать, на чемъ папа основывалъ свои притязанія на Болгарію? Но папа въ рассматриваемомъ письмѣ молчитъ объ этомъ, какъ будто бы права его на Болгарію были вполнѣ несомнѣнны. Дальнѣйшая часть письма посвящена вопросу: можно ли клириковъ фотіанъ возводить въ священныя степени, во-просу, съ какимъ обращались Игнатій и императоръ къ папѣ. Очень можетъ быть, при другихъ условіяхъ папа былъ бы сговорчивѣе и разрѣшилъ бы предложенный во-просъ къ удовольствію Константинопольскихъ властей—положительно; но теперь когда Константинополь утвердилъ духовную власть надъ Болгаріей и не хотѣлъ отказаться отъ нея, папа счелъ долгомъ быть упорнымъ и тѣмъ стѣс-нить Константинопольскую церковь, въ надеждѣ, что такая настойчивость его: не заставитъ ли Константинополь усту-пить Риму въ вопросѣ о Болгаріи, т. е. папа за уступку съ своей стороны какъ бы требовалъ уступки со стороны Константинополя. Вѣроятно, поэтому-то папа и отвѣчалъ отказомъ на просьбу Константинопольскихъ властей—раз-рѣшить посвященіе въ священныя должности клириковъ фо-тіанъ. „Мы не можемъ (поп *rozsumus*)—говорить папа—отступить отъ того, что уже постановлено, мы не можемъ постановить чего нибудь противоположнаго; въ особенности касательно лицъ, посвященныхъ Фотіемъ, намъ не свой-ственно—говорить не безъ гордости папа—утверждать—то да, то нѣтъ. Если бы мы разрушили, что уже постро-или, то явились бы преступниками закона. Что одобрила церковь, утвердилъ вселенскій соборъ, то и пусть сохра-няется неизмѣннымъ. Если насъ и просятъ о разрѣшеніи

¹⁾ Labbei, tom. VIII, pag. 1173—4.

того, что положено, мы однакожъ не согласны ни на какія измѣненія, мы никакимъ образомъ не будемъ склоняться— то направо, то налѣво. Не въ нашихъ нравахъ по своей волѣ такъ или иначе распорядиться опредѣленіями отцовъ“¹⁾). Изъ письма папы Адріана къ Игнатію, писаннаго по тому же вопросу и въ то же время, сохранился лишь отрывокъ; изъ него видно, что папа и къ Игнатію обращался съ тѣми же требованіями касательно Болгаріи, съ какими обращался онъ къ императору²⁾).

„Изъ этихъ писемъ, нужно сказать съ Гэттэ, хорошо можно понять, что Римъ, заботясь о возстановленіи Игнатія, преслѣдовалъ не любовь къ справедливости, но выискивалъ только случай утвердить свое господство и на Востокѣ. Игнатій въ глазахъ папы сталъ настолько же виновнымъ, какъ и Фотій, когда онъ не хотѣлъ подчиниться папской власти“³⁾).

Востокъ отвѣчалъ молчаніемъ на папскія требованія касательно Болгаріи, но папы естественно не хотѣли уступить Константинополю. Умеръ папа Адріанъ II и его преемникъ Іоаннъ VIII продолжаетъ снова и снова требовать отъ Константинополя уступки власти надъ Болгаріей. Первые два письма, съ которыми обращался въ Константинополь новый Римскій первосвященникъ до насъ не сохранились; исторія знаетъ лишь третье письмо, съ которымъ обращался Іоаннъ въ Константинополь по данному вопросу. Поводъ къ этому письму данъ былъ самимъ императоромъ Василиемъ. Тяжело чувствуя тотъ разладъ, какой господствовалъ въ Константинопольской церкви, вслѣдствіе того, что большая часть духовенства, приверженнаго къ Фотію, оставалась подъ опалою, и однакожъ продолжая стоять на прежней, усвоенной имъ со времени собора 869 года точки зрѣнія на папство, императоръ хотѣлъ, чтобы папство, создавшее подобный разладъ въ Константинопольской церкви, само же и уврачевало эту церковь, водворивъ миръ и лю-

1) Labbei, *ibidem*, pag. 1174.

2) Hergenröther. B. II, s. 165. Сл. Hefele B. IV, s. 421—422.

3) *Papauté schismatique ou Rome et caetera*, pag. 323.

Совь между игнатіанами и фотіанами. По крайней мѣрѣ, думаемъ, въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать просьбу, заключающуюся въ несохранившемся до насъ императорскомъ письмѣ къ папѣ; въ немъ императоръ просить, чтобы папа прислалъ легатовъ въ Константинополь для умиротворенія церкви этого города и возстановленія порядка въ дѣлахъ Константинопольскаго патріархата ¹⁾. Мы уже видѣли, съ какими затрудненіями должна была бороться церковь Константинопольская, какъ скоро она стала въ такія отношенія къ Риму, въ какія поставила ее политика Василя и Игнатія. Эти затрудненія продолжали дѣйствовать и до того времени, къ какому относится указанное письмо императора (около половины 877 года). Императоръ не видѣлъ возможности направить дѣла церкви Константинопольской на добрый путь инымъ способомъ, кромѣ примиренія партіи фотіанъ — партіи сильной — съ игнатіанами и этого онъ надѣялся достигнуть не какими нибудь домашними средствами, но при помощи папъ, которые поставили въ Константинополѣ во враждебныя отношенія названныя двѣ церковныя партіи. Опытъ долженъ былъ убѣждать императора, что слѣдовало вызвать изъ угнетеннаго положенія партію Фотія — сильную и многочисленную, — но какъ было сдѣлать это? Возстановить Фотія на каѳедрѣ Константинопольской, пока живъ Игнатій, было нельзя; это значило бы повторить въ церковномъ положеніи времена Михаила III. Оставалось только одно средство: при помощи папы, въ авторитетъ котораго еще повидимому продолжалъ вѣрить императоръ, воссоединить партію фотіанъ съ игнатіанами, давъ имъ равныя права въ церкви. Этого, какъ кажется, и желалъ императоръ, обращаясь съ вышеуказаннымъ, несохранившимся до насъ, письмомъ къ папѣ Іоанну VIII. Теперь какъ же повелъ себя папа въ этомъ случаѣ? Папа послалъ въ Константинополь требуемыхъ императоромъ легатовъ, но какъ кажется, и самъ хорошо не зналъ, за чѣмъ именно въ Константинополѣ понадобились легаты Римскіе. Письма папы Іоанна къ императору, посланныя съ легатами въ

¹⁾ Hefele, *ibidem*, s. 431.

Константинополь ¹⁾, вращаются въ общихъ фразахъ, въ которыхъ выражается желаніе умиротворить церковь Константинопольскую, и болѣзнованіе о ея неустройствѣ. Одно ясно высказываетъ папа въ этихъ письмахъ, что онъ естественный владыка во всѣхъ церквахъ, прибѣжище для нихъ, вообще высказывается довольство такимъ отношеніемъ, въ какое императоръ ставитъ церковь Константинопольскую къ Риму. „Мы—говоритъ папа, описывая свои заботы о Константинопольской церкви—мы призваны нести бремя всѣхъ обремененныхъ, или лучше, въ насъ несетъ оное блаженный Петръ, потому что во всѣхъ нашихъ попеченіяхъ онъ покровительствуетъ намъ и заботится о насъ, его наследникахъ“ ²⁾. Затѣмъ папа высказываетъ надежду, что его легаты „своею старательностію „возвратятъ миръ церкви Константинопольской, отнимутъ отъ нея духъ сварливости и утвердятъ справедливость“. Но имъ поручается заботиться не о томъ, какими бы способами въ самомъ дѣлѣ достигнуть умиротворенія въ церкви Константинопольской, а о томъ, чтобы разслѣдовать, „что совершенно въ Константинополѣ въ это время противъ воли Божіей (конечно въ папскомъ особенномъ смыслѣ), что совершенно противъ преимуществъ Римской катедры (sic!) и вопреки обычаямъ, положеннымъ Римскою церковію“ ³⁾. Т. е. папа собственно заботился о себѣ и своихъ интересахъ, о чемъ онъ и заявляетъ прямо въ письмѣ къ императору, когда говоритъ: „императоръ желаетъ, если чего именно, такъ въ особенности увеличивать славу (decus) церкви Римской“ ⁴⁾. Изъ чемъ именно папа видитъ это увеличеніе славы Римской катедры — это открывается изъ письма папы къ Игнатію. Оказывается, папа ни о чемъ другомъ не думаетъ и не заботится кромѣ возвращенія Болгаріи подъ духовную юрисдикцію Рима. Какъ будто бы отъ этого обстоятельства за-

¹⁾ Посольство и письма, вслѣдствіе политическихъ замѣшательствъ, отправлены были въ Константинополь почти черезъ годъ по полученіи письма императора Василія.

²⁾ Labbei, tom. IX, pag. 66.

³⁾ Ibidem, pag. 67.

⁴⁾ Ibidem.

висѣло самое благосостояніе Константинопольской церкви. Это письмо папы къ Игнатію еще разъ показываетъ, что папы въ своихъ сношеніяхъ съ Константинополемъ руководились единственно своекорыстными цѣлями, а не любовью къ справедливости, которою они хотѣли лишь щеголять. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между вопросомъ объ умиротвореніи церкви Константинопольской и вопросомъ о духовной юрисдикціи надъ Болгаріею? Ровно ничего, или, если угодно, только то, что за уступку Болгаріи папскому престолу быть можетъ папа сдѣлалъ бы съ своей стороны какія-либо уступки въ вопросѣ объ игнатіанахъ и фотіанахъ, какъ это и ясно стало въ послѣдствіи, но развѣ это значило руководствоваться любовью къ справедливости? Только объ уступкѣ Болгарской церкви папству, и только объ этомъ говоритъ Іоаннъ въ письмѣ къ Игнатію. Прежде всего папа внушаетъ Игнатію, чтобы онъ довольствовался однимъ своимъ Константинопольскимъ патриархатомъ, не преступая предѣловъ его. Онъ говоритъ: „уже дважды я письмами увѣщевалъ тебя, чтобы ты довольствовался Константинопольскимъ діоцезомъ, который даю тебѣ въ силу авторитета Римской кathedры (sic!), и предѣловъ этого діоцеза не должна переступать нога твоя“¹⁾. Но „ты—дѣлая укору Игнатію за Болгарію, говоритъ папа—ты, закрывъ глаза, безразсудно попралъ опредѣленія святыхъ отцовъ, своей благодѣтельница, Римской церкви, заплатилъ неблагодарностью, съ своимъ серпомъ вторгся на ниву другаго, присвоилъ себѣ древнюю Римскую епархію (?) въ странѣ Болгарской. Ужъ за это ты—продолжаетъ папа—вполнѣ заслужилъ лишонія церковнаго общенія, но ради снисхожденія (какая доброта!) мы въ третій разъ обращаемся къ тебѣ письменно и увѣщиваемъ тебя: пошли тотчасъ же способныхъ мужей въ Болгарію, которые здѣсь находящихся духовныхъ лицъ, рукоположенныхъ самимъ тобою или подчиненными тебѣ епископами, возвратили бы въ Константинополь, такъ чтобы въ теченіе тридцати дней ни одного епископа, ни одного духовнаго, посвященнаго тобою или тебѣ

¹⁾ Labbei, *ibidem*, pag. 63.

подчиненными епископами, не оставалось уже въ странѣ Болгарской“. За тѣмъ папа присоединяетъ угрозы на Игнатія. Папа говоритъ: „если же въ теченіе тридцати дней всѣ посвященные тобою или твоими епископами не покинутъ страны, и ты не откажешься отъ власти надъ странюю, то спустя два мѣсяца, начиная счетъ отъ полученія этого письма, ты будешь отлученъ отъ евхаристіи и будешь оставаться въ такомъ положеніи столько времени, пока наконецъ не послушаешься нашихъ декретовъ: Но если же, не смотря и на это, пребудешь упоренъ и непокорливъ, не сдѣлаешь требуемаго, то, по суду апостольскаго авторитета нашего, лишись своего патріархата и общенія нашей любви, и потеряешь всѣ права священства“¹⁾. Вотъ тотъ миръ церковный, который хотѣлъ даровать папа церкви Константинопольской. И Игнатій, о которомъ съ такимъ паэосомъ отзывался папа Николай и отчасти Адрианъ, и онъ сдѣлался ненавистнымъ для папы, не хуже Фотія, какъ скоро онъ не хотѣлъ слушаться папскихъ велѣній! Если папы выражали ненависть противъ Фотія, считая его незаконно поставленнымъ прямо изъ мірянъ во епископы, то чѣмъ, какими канонами они оправдаютъ себя, когда и Игнатія, который всегда считался въ Римъ патріархомъ законнымъ, они такъ же увижали и порицали, какъ и Фотія, какъ скоро онъ не хотѣлъ быть ихъ послушнымъ орудіемъ?

Неизвѣстно, къ чему бы повели эти сношенія Константинополя съ Римомъ (предположительно все же къ тому, что между Римомъ и Константинополемъ установились бы неопредѣленные, натянутыя отношенія, въ которыхъ ни одна сторона не имѣла бы въ виду уступить другой), если бы важныя церковно-историческія событія въ Константинополѣ не дали сношеніямъ Константинополя съ Римомъ совсѣмъ другаго оборота, утѣшительнаго для истинныхъ сыновъ православной церкви.

¹⁾ Labbei, *ibidem*, pag. 64—65. Когда это письмо папы Іоанна было отправлено къ Игнатію, послѣдняго уже не было въ живыхъ, о чемъ папа среди политическихъ замѣшательствъ узналъ нескоро; и патріархъ Константинопольскій, такимъ образомъ, избѣжалъ горестнаго чувства, которое должно было бы возбудить въ немъ это непріятное письмо.

Въ 877 году 23 октября умеръ престарѣлый патріархъ Игнатій и чрезъ три дня послѣ его смерти Фотій снова сдѣлался патріархомъ въ Константинополѣ. Священное и достопамятное для восточной церкви имя Фотія само по себѣ ручалось уже, что церковь Константинопольская теперь откинетъ отъ себя ту нерѣшительность, съ которою она стала — было относиться къ папству, и что дѣла примутъ совсѣмъ другое теченіе, чѣмъ какъ было при Игнатіѣ. Фотій, ученый, энергическій, глубоко понимавшій потребности церкви, увѣренный въ чистотѣ и святости своихъ антипапскихъ идей, могъ быть только врагомъ папства, но не изъ любви къ раздорамъ (да не будетъ!), а изъ любви къ истинѣ. Фактъ возведенія Фотія снова на кафедру Константинопольскую вмѣсто Игнатія является съ перваго взгляда совершенно неожиданнымъ и малопонятнымъ, а потому мы считаемъ нужнымъ войти въ объясненіе этого факта, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ большое значеніе въ исторіи восточной церкви; имъ условливался тотъ переворотъ въ отношеніяхъ церкви Константинопольской къ Западу, который навсегда съ тѣхъ поръ опредѣлилъ и установилъ истинный взглядъ на папство и его притязанія на восточную церковь.

Кто бы могъ предсказать, что тотъ же Фотій, при томъ же самомъ императорѣ Василии Македонянинѣ, снова взойдетъ на патріаршій престолъ Константинопольскій и снова начнетъ съ него поражать гсрдыню Ватикана? Это событіе нужно разсматривать по истинѣ какъ дѣло Высшаго смотрѣнія!

Послѣ собора константинопольскаго 869 года Фотій потерялъ всякое значеніе въ Церкви: его патріаршество объявлено незаконнымъ, самъ онъ выставленъ былъ челоувѣкомъ очень невысокихъ нравственныхъ правилъ, правительствомъ было явно противъ него. Его прежнимъ многочисленнымъ приверженцамъ, повидимому, ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться императорской волѣ. Но этого не случилось. Фотій и его приверженцы изъ числа духовенства хорошо понимали, въ чемъ можно и должно уступать власти свѣтской, и въ чемъ уступать не должно. Партія Фотія одушевлена была, какъ это раскрыто было

раньше¹⁾, такими интересами, отступить отъ которыхъ она не могла, потому что эти интересы были дороги для Церкви: отказаться отъ нихъ, значило бы забыть, что епископы должны служить благу Церкви до самоотверженія. Эта партія, одушевленная сознаниемъ блага Церкви, ни въ чемъ не хотѣла уступать требованіямъ и желаніямъ тогдашняго правительства. И свѣтское правительство наконецъ увидѣло себя лишеннымъ возможности бороться съ партією Фотіанъ, уступило во всемъ этой послѣдней. Фотіане восторжествовали. — Посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ это произошло.

По заключеніи собора 869 года, самъ Фотій поставленъ былъ въ такое стѣснительное положеніе, что, смотря со стороны, можно было подумать, что теперь для Фотія все потеряно. По приказу императорскому, этотъ патріархъ сосланъ былъ въ Стенось, гавань на европейскомъ берегу, гдѣ было не мало монастырей; здѣсь его держали такъ, какъ держать государственныхъ преступниковъ. Свое тягостное положеніе описываетъ самъ онъ въ письмахъ. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: „не говорю о чемъ-либо иномъ, я требую просто, чтобы соблюдались въ отношеніи ко мнѣ права человѣка. Варвары и Греки, желая наказать человѣка, лишаютъ его жизни; но если кому они даруютъ жизнь, то не стараются голодомъ и тысячью другихъ бѣдъ убивать этихъ же людей. А моя жизнь хуже смерти. Я заточенъ, разлученъ съ родственниками, друзьями, лишенъ слугъ, отнято у меня всякое человѣческое утѣшеніе. Когда апостоль Павелъ былъ въ узахъ и веденъ на смерть, ему оказывали помощь друзья и ученики. Язычники, враги Христовы не отказывали ему въ состраданіи; и давно уже—не говорю—епископъ, но не одинъ преступникъ не переносилъ столько, сколько я. Отняты у меня самыя книги—вотъ новое, доселѣ неизвѣстное наказаніе, изобрѣтенное собственно для меня. И зачѣмъ это? Затѣмъ, чтобы я не могъ читать слова Божія“. Въ виду своего тягостнаго положенія, Фотій нахо-

¹⁾ Въ главѣ: „происхожденіе и характеристика партій Игнатіанской и Фотіанской“.

дять, что для него смерть была бы лучше этой несчастной жизни ¹⁾. Въ другомъ письмѣ, излагая жалобы на свое грустное положеніе, Фотій пишетъ, что 30 дней онъ лежитъ больной, и всякая просьба о присылкѣ къ нему врача остается безъ удовлетворенія ²⁾. Не лучше было положеніе и духовенства, твердо державшагося стороны Фотія. Фотій въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ состояніе епископовъ, раздѣлявшихъ съ нимъ кару, положенную соборомъ 869 года и усугубленную византійскимъ правительствомъ ³⁾. Но съ теченіемъ времени положеніе Фотія, а съ нимъ и всѣхъ его приверженцевъ, улучшается. Не уступчивостію добивается Фотій такого измѣненія, а твердостію и вѣрностію своимъ началамъ. Уступаетъ не Фотій, а свѣтское византійское правительство ⁴⁾. Не мало времени ожидалъ византійскій императоръ, что самъ Фотій и приверженные къ нему епископы подчинятся опредѣленіямъ собора 869 года, что по крайней мѣрѣ большинство фотіанскихъ епископовъ войдутъ въ единеніе съ патріархомъ Игнатіемъ, признавъ себя виновными и испрашивая милости и пощады отъ патріарха. Ничего такого не видно было. Всѣ епископы, прежде державшіеся стороны Фотія, и по низверженіи его остались вѣрными ему. Изъ всѣхъ епископовъ, которые возведены были имъ въ этотъ санъ, ни одинъ не отпалъ отъ него, не увлекся какими-либо разсчетами честолюбія и выгодъ; почти всѣ они оказывали рѣшительное противленіе несправедливымъ распоряженіямъ правительства. Даже епископы, нѣкогда посвященные самимъ Игнатіемъ, но потомъ пере-

1) Epist. regi Basilio, col. 765. 768—9 (Migne, tom. 102).

2) Epist. Baanae praeposito, col. 953 (Migne, ibid.).

3) Объ этихъ страданіяхъ своихъ приверженцевъ говоритъ самъ Фотій и не одинъ разъ, на соборѣ 879 года (самыя слова Фотія будутъ приведены ниже).

4) Извѣстный враждебный Фотію писатель, Никитъ Пафлагонянинъ рассказываетъ, что Фотій списалъ милость императора тѣмъ, что составилъ вымышленное родословіе, производя родъ императора Василя отъ Тирридата, перваго христіанскаго царя въ Арменіи. Но этой выдумкѣ теперь не вѣрятъ и католическіе историки, нерасположенные къ Фотію (Hefele. Conciliengesch. B. IV, 427).

шедшіе на сторону Фотія, и тѣ не измѣнили Фотію со вторичнымъ восшествіемъ Игнатія на патриаршую кафедру. Ни одинъ изъ всѣхъ поречисленныхъ епископовъ не дерзаль возводить какихъ-либо обвиненій на Фотія; соборное осужденіе противъ него нисколько не измѣнило ихъ отношеній къ низверженному патриарху. Большинство епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ церкви Константинопольской оставалось, вопреки ожиданіямъ, на сторонѣ Фотія. Этому факту не могутъ не отдавать справедливой дани удивленія и современны намъ замѣчательнѣйшіе римско-католическіе писатели, при всемъ ихъ нерасположеніи къ личности Фотія. Извѣстный католическій ученый Гефеле съ удивленіемъ замѣчаетъ, разсматривая времена уничижительнаго положенія Фотія, что „ни одинъ изъ всѣхъ епископовъ, посвященныхъ Фотіемъ (а такихъ было множество), не першелъ на сторону Игнатія“¹⁾. Также и другой, еще болѣе знаменитый, католическій ученый Гергенрёттеръ, при всемъ желаніи унижить Фотія, не можетъ умолчать о томъ обаяніи, какое производилъ Фотій, и о той привязанности, какою пользовался онъ въ средѣ большинства епископовъ во дни своего несчастія. Названный ученый говоритъ: „во дни своего благополучія Фотій умѣль настолько привязать членовъ своей партіи другъ къ другу, что и во дни своего несчастія не только могъ противодѣйствовать разложенію своей партіи, но даже находилъ средства еще болѣе укрѣплять связь между членами ея“. Фотіанская (?) церковь, замѣчаетъ онъ, — представляла собою хорошо организованное іерархическое общество. Въ самомъ дѣлѣ, достойно удивленія, какую великую дѣятельность развиваетъ Фотій въ самой ссылкѣ, какъ сумѣль онъ сгруппировать около себя своихъ приверженцевъ, насколько вѣрными они оставались ему. „Онъ съ самыхъ первыхъ поръ своего заточенія могъ хвалиться, что изъ всѣхъ епископовъ, которыхъ онъ посвятилъ и которые, подобно ему, были въ изгнаніи, ни одинъ не отступился отъ него, ни одинъ ни увлекся обстоятельствами времени, почти всѣ они оказали рѣшительное сопро-

¹⁾ Hefele IV, 420.

тивленіе (волѣ правительства). Даже изъ тѣхъ епископовъ (что казалось особенно непонятнымъ, по замѣчанію того-же Гергенретера), которые посвящены были Игнатіемъ и его предшественникомъ Меоодіемъ,— и изъ нихъ большая часть оставалась на его сторонѣ, и казалось, что самые враги его теперь хотѣли переходить на его же сторону¹⁾. По сужденію Гергенретера, во всемъ этомъ выразился „по истинѣ чудный даръ Фотія плѣвнать людей“²⁾. Но такое объясненіе факта совершенно недостаточно. Правда дѣла Фотія въ его отношеніяхъ къ Западу—вотъ что безъ сомнѣнія влекло къ Фотію сердца епископовъ, для которыхъ дорога была независимость церкви восточной; въ Фотіѣ они видѣли борца за правду и страдальца за истину. Нѣтъ слова, и Гергенретерово объясненіе факта имѣетъ свое значеніе: Фотій обладалъ дѣйствительно удивительнымъ талантомъ привлекать къ себѣ сердца своими отношеніями къ подчипеннымъ. До насъ сохранившіяся письма его къ епископамъ свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ тактѣ, съ которымъ онъ велъ себя въ отношеніи къ своимъ приверженцамъ во время своей ссылки. Онъ и въ самомъ изгнаніи не переставалъ быть средоточіемъ, цвѣтромъ своей партіи. Императоръ Василій, принизившій Фотія и его партію, долженъ былъ понимать, что борьба съ нимъ не подъ силу и византійскому императору, который считалъ себя прямымъ наследникомъ древне-римскихъ государей. Власть царская чувствовала себя вынужденною сдаться, уступить требованіямъ партіи гонимой. Къ этой мысли тѣмъ больше должно было приходиться византійское правительство, когда оно видѣло, чѣмъ была партія Игнатія, какъ мало она походила на партію фотіанскую. Положеніе Игнатія, несмотря на то, что онъ утвержденъ былъ на патріаршество мнимо-вселенскимъ соборомъ, несмотря на всякую поддержку, какую оказывала ему власть гражданская, положеніе его было жалкое. Онъ рѣшительно былъ не въ состояніи искоренить нестробевій церковныхъ, умиротворить Церковь. Хорошо организованная

1) Hergenröther. В. II, 207—208; 225—7.

2) Hergenröther, II. 257.

и проникнутая духомъ своего вождя, партія Фотія не только отказывала Игнатію въ подчиненіи, но и не соглашалась ни на какія сдѣлки, ни на какія уступки съ своей стороны; она явно тѣмъ заявляла о своихъ правахъ, столь несправедливо поправныхъ правительствомъ. Игнатію оставалось только болѣзновать, что большая часть его избраннаго стада отдѣлилась отъ общенія съ нимъ. Въ константинопольскомъ патріархатѣ возникли прискорбныя безпорядки: во многихъ городахъ явилось по два епископа, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ къ партіи Фотія, другой былъ поставленъ Игнатіемъ и признавалъ его авторитетъ, и между ими происходили распри изъ-за кафедръ, соблазнительныя для пасомыхъ. Даже тѣ немногіе епископы, которые стояли на сторонѣ Игнатія, были нерѣшительны, поддавались колебаніямъ: для нихъ становилось ясно, что положеніе Игнатія въ церкви Константинопольской было плачевно. Умирали одинъ за другимъ болѣе ревностные изъ приверженцевъ Игнатія въ духовенствѣ, а мѣста ихъ не жѣлъ было пополнить, потому что новое поколѣніе находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Фотія¹⁾. Вотъ что представляла изъ себя партія Игнатія, стоявшая теперь у кормила церковнаго правленія. Императоръ Василій не могъ не видѣть, что такъ дѣла идти долго не могутъ. Игнатій и его приверженцы оказались ниже той задачи, совершить которую они были призваны обстоятельствами времени. Василію должно было представляться такое соображеніе: если Игнатія съ его союзниками считать дѣйствительно Церковію, то выходило бы, что Церковь умалается и вымираетъ, а это было противорѣчіемъ понятію о Церкви.

Въ такомъ-то положеніи находились въ Константинополѣ двѣ церковныя партіи послѣ собора 869 года, — Фотіева, всячески отбивавшаяся отъ посягательствъ Запада на права церкви восточной, и Игнатіева, слабая, легко уловляемая сѣтями папскими. Рано ли, поздно ли, партія Фотіева должна была взять верхъ: она была сильна, могущественна, между тѣмъ какъ партія Игнатія представляла постепенно разрушав-

¹⁾ Hergenröther, II, 279.

тійся организмъ. Фотій ясно понималъ положеніе дѣлъ и одушевленъ былъ надеждою своего торжества. Поэтому, еще будучи въ ссылкѣ, Фотій, ободряя въ письмѣ одного изъ своихъ приверженцевъ, съ полною увѣренностію прилагалъ къ партіи Игнатія слова псалмопѣвца: Видѣхъ нечестиваго превозносящася и высащася, яко кедръ ливанскіе, и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его и не обрѣтеса мѣсто его (Пс. 36, 35. 36)¹⁾.— При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что съ теченіемъ времени и самъ императоръ Василиій увидѣлъ, что устроенный имъ переворотъ въ церковныхъ дѣлахъ мало соответствовалъ благосостоянію Церкви и государства. Онъ нашелъ себя вынужденнымъ болѣе и болѣе сближаться съ партіею Фотія. Онъ понялъ что мира въ церкви Византійской дотолѣ не будетъ, пока многочисленная партія Фотія остается въ уничиженіи. Императоръ Василиій—говоритъ Гефеле—надѣялся, что послѣ приговора надъ Фотіемъ, произнесеннаго на соборѣ 869 года, и послѣ ссылки Фотія, партія Фотія въ скорости исчезнетъ, и въ государствѣ водворится церковное единеніе и спокойствіе. Но когда онъ встрѣтилъ противное своимъ сжиданіямъ, когда онъ замѣтилъ удивительную стойкость Фотіанъ, ихъ крѣпкую привязанность къ своей главѣ и ихъ взаимную привязанность, ихъ неохладѣвающую ревность къ своему дѣлу, тогда онъ счелъ за нужное въ видахъ государственныхъ оставить путь страсти, съ какою доселѣ относились къ этой партіи, и которая не привела ни къ чему, и принялъ противоположный путь кротости²⁾. Другими словами императоръ рѣшился стать на сторону Фотія. При томъ же политическій интересъ, который побуждалъ императора Василия доселѣ придерживаться партіи Игнатія, пересталъ уже существовать. Василиій надѣялся при помощи папы, съ которымъ стояла въ связи партія Игнатія, достигнуть пѣкоторыхъ выгодныхъ для себя отношеній къ государямъ запада. Но надежды императора не сбылись; онъ не только не сошелся съ ними, но вмѣсто того онъ даже еще рассорился съ императоромъ

1) Ibidem, s. 258.

2) Hefele B. IV, S. 429. Тоже самое у Hergenröther'a, B. II, s. 265.

Людовикомъ II, вступивъ съ нимъ въ споръ изъ-за титула „Римскаго императора“ ¹⁾. Такимъ образомъ желаніе императора поддерживать дружественныя отношенія съ папою въ цѣляхъ политическихъ, при такомъ положеніи дѣлъ, исчезло, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны были порваться связи его и съ самою партіею Игнатія. Напротивъ сношенія церкви Константинопольской съ папою по Болгарскому вопросу грозили новыми спорами съ Римомъ. Но кто же могъ съ большимъ успѣхомъ взяться за это дѣло кромѣ Фотія, съ его талантами и познаніями, съ его ревностію, какою онъ заявилъ себя еще прежде въ охраненіи правъ церкви Константинопольской, съ его искусствомъ, потребномъ въ данномъ случаѣ, и какимъ онъ также уже ранѣе заявилъ себя. Да притомъ же, по основательному замѣчанію одного нѣмецкаго историка, „срамъ, который нанесенъ былъ Византійской коронѣ и церкви соборомъ 869 года, слѣдовало въ корнѣ уничтожить, а для этого нуженъ былъ человѣкъ со способностями, и такимъ человѣкомъ былъ одинъ Фотій“ ²⁾.

Для правительства открывалась вопіющая необходимость такъ или иначе, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, содѣйствовать коренному измѣненію въ теченіи церковныхъ дѣлъ. И Василій, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ, что нужно сдѣлать для блага Византійской церкви, — вопросъ былъ лишь о томъ, какимъ образомъ совершить самую перемѣну, и этотъ вопросъ, какъ увидимъ впоследствии, разрѣшился благополучно.

Кромѣ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, дававшихъ понимать византійскому правительству, что Фотій и приверженные къ нему епископы должны быть выведены изъ того униженія, какому они были подвергнуты, къ этой же цѣли склоняли и споры церкви Константинопольской съ папами изъ-за Болгаріи. Болгарскій церковный вопросъ, возникшій незадолго предъ этимъ, успѣлъ много надѣлать неприємностей для церкви Константинопольской, и не только не распутался во время второго патриаршества Игнатіева, но еще

¹⁾ Hergenröther, s. 166—182.

²⁾ Kurtz. Handbuch der Kirchengeschichte, 2-e Ausg., Abtheil. 3, seit. 43.

болѣе запутался, и Игнатій не въ состояніи былъ помочь его благополучному разрѣшенію. Игнатій въ конецъ изнемогъ въ препирательствѣ съ папами изъ-за Болгаріи. И это хорошо видѣлъ императоръ Василій; было ясно, что для успѣшной борьбы съ притязательностію палъ нуженъ мужъ болѣе энергичный, опытный, умный, чѣмъ каковъ былъ Игнатій. Но кто же могъ взяться за это дѣло, кромѣ Фотія? И вотъ, такимъ образомъ, и вопросъ болгарскій, слишкомъ обострившійся, могъ побуждать Василя Македонянина призвать къ патріаршей власти снова Фотія.

Мы перечислили тѣ обстоятельства, которыя заставили императора Василя обратить свои взоры на Фотія и его партію. Императоръ нашелъ себя вынужденнымъ болѣе и болѣе сблизиться съ партіею опальнаго патріарха. Онъ самъ переходитъ на сторону Фотія. Дѣло это начинается возвращеніемъ Фотія изъ заточенія. Василій даетъ ему для жительства Магнаврскій дворецъ въ столицѣ, поручаетъ ему воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей. Не довольствуясь этимъ, самъ Фотій открываетъ школу и для дѣтей высшаго византійскаго общества, становясь въ ней учителемъ. Онъ собираетъ библіотеку и дѣлается, какъ и раньше, центромъ научнаго просвѣщенія въ Константинополѣ. Прежніе враги быстро дѣлаются его друзьями. Авторитетъ его, кажется, еще болѣе возросъ. Эта перемѣна въ положеніи Фотія относится ко второй половинѣ 876 года. Но императоръ не хотѣлъ остановиться на этомъ. Онъ увидѣлъ, какъ необходимо призвать къ дѣятельности, на пользу Церкви, и всѣхъ Фотіанъ, помиривъ ихъ съ Игнатіемъ, разумѣется на условіяхъ, которыя были бы почетны и легко приняты первыми. Но нужно сказать, что весьма трудно было поправить положеніе церковныхъ дѣлъ въ Константинополѣ, испорченныхъ соборомъ 869 года. Вѣдь, былъ еще живъ Игнатій. Какимъ же образомъ придвинуть фотіанскую партію и въ особенности Фотія къ кормилу церковнаго правленія, не устранивъ и не унизивъ патріаршее достоинство Игнатія? Вообще трудно сказать, куда повело бы вышеуказанное намѣреніе императора, еслибы вскорѣ не умеръ Игнатій и тѣмъ не развязалъ всѣмъ руки.

Смерть Игнатія, глубокаго старца, смерть блегочестивая, закончившая благочестивую жизнь его, невольно примиряетъ съ тѣмъ ошибками, увлеченіями, недалководидными поступками въ управленіи Церковію, какими онъ не разъ заявлялъ себя въ продолженіе многолѣтняго двукратнаго патріаршества. Вотъ трогательныя, по своей простотѣ, подробности смерти Игнатія, передаваемыя его біографомъ Никитою Пафлагоняниномъ. Восемьдесятилѣтній Игнатій на смертномъ одрѣ. Была полночь. Келейникъ, обязанный читать молитвословія при постели болящаго патріарха, громкимъ голосомъ возгласилъ: „благослови владыко“. Игнатій былъ такъ слабъ, что вмѣсто отвѣта осѣнилъ крестомъ свое чело, и тѣмъ далъ знать, чтобы начиналось чтеніе. Затѣмъ, сдвигая внятнымъ голосомъ, спросилъ: „какого святаго сегодня празднуетъ Церковь?“ Ему отвѣчали: „Іакова, брата Господня, твоего друга“. Патріархъ поправилъ говорящаго: „не друга, а моего владыки“. Спустя нѣсколько времени онъ сказалъ: „живите благополучно“, и умеръ со словами: „благословенъ Богъ нашъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾. Замѣтимъ, что Игнатій высоко чтилъ память Іакова, брата Господня, такъ какъ изъ Іерусалима, во время втораго патріаршества, ему присланы были омофоръ и пѣкаторыя иныя священныя одежды, по преданію принадлежавшія св. Іакову.

Смерть Игнатія положила конецъ тѣмъ затрудненіямъ, съ какими приходилось бороться церкви византійской въ ея стремленіи къ лучшему устройству и водворенію мира. На третій день по смерти Игнатія, Фотій снова появляется на патріаршей византійской каеодрѣ. Событіе это едва ли могло кого-либо поразить въ то время. Всѣ смотрѣли на Фотія, какъ на самаго достойнаго преемника Игнатія, — всѣ и во главѣ всѣхъ императоръ Василій, хотя поздно, но понявший, какую ошибку сдѣлалъ онъ, низвергнувъ Фотія съ патріаршества назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Не раздѣляли общей радости по случаю возшествія Фотія на патріаршество лишь лица, беззавѣтно преданныя Игнатію; но такихъ

¹⁾ Nicetas Paphl. Vita Ignatii, col. 557 (Migne. tom. 105).

Было очень мало. Теперь снова начались сношенія между Константинополемъ и Римомъ, и дѣль этихъ сношеній была болѣе опредѣленна, чѣмъ въ концѣ правленія Игнатія. Теперь искали, чтобы Римъ призналъ Фотія законнымъ патриархомъ Византіи, и чтобы это признаніе было совершено торжественно, въ томъ же Константинополѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ раньше, тотъ же Фотій, если не торжественно, то съ претензіями на торжественность былъ осужденъ.

Возстановленіе Фотія на Константинопольской патриаршей кафедрѣ было новымъ торжествомъ Востока надъ происками папъ. Но хотя возвращеніе Фотія на патриаршую кафедру и совершилось, однакожъ, это возстановленіе его, по нѣкоторымъ причинамъ, не могло обойтись безъ согласія папы. Въ самомъ дѣлѣ, соборъ, осудившій Фотія въ 869 году, былъ въ живой памяти народа; Фотій, по крайней мѣрѣ, для строгихъ приверженцевъ Игнатія, былъ патриархомъ, анаемствованнымъ церковію. Нужно было ослабить значеніе этого собора, и поэтому нужно было привлечь на свою сторону папу, который принималъ въ указанномъ соборѣ самое дѣятельное участіе. Самъ императоръ Василій могъ представляться для общественнаго мнѣнія въ очень невыгодномъ свѣтѣ, когда онъ, подписавъ и утвердивъ своимъ авторитетомъ дѣянія собора, осудившаго Фотія, потомъ являлся самъ первымъ же нарушителемъ соборныхъ рѣшеній. Нужно было, словомъ, помирить, до извѣстной степени, прежнее осужденіе Фотія съ его теперешнимъ возстановленіемъ въ патриаршемъ достоинствѣ. И вотъ, когда умеръ Игнатій и совершилось возстановленіе въ патриаршемъ достоинствѣ Фотія, императоръ отправляетъ посольства, какъ патриархамъ восточнымъ, такъ и папѣ Іоанну VIII (878 года), чрезъ которыхъ испрашивалось у нихъ снятіе съ Фотія осужденія, тяготѣвшаго надъ нимъ со времени собора 969 года и соблазнявшаго нѣкоторыхъ въ Константинополѣ, при новомъ восшествіи Фотія на патриаршій престолъ. Въ Константинополѣ рѣшено было собрать соборъ, который долженъ былъ возстановить честь Фотія и на которомъ желательно было присутствованіе папскихъ легатовъ. Отправленное къ папѣ, посольство должно было примирить папу съ

совершившимся въ Константинополѣ церковнымъ событіемъ, хотя это событіе и не могло быть пріятнымъ для Римскаго первосвященника. Посольство доставило Іоанну письма отъ Фотія и императора ¹⁾. Фотій, въ своемъ письмѣ къ папѣ, извѣщаетъ, что его вторичное избраніе не есть дѣло егличныхъ желаній, но скорѣе уступка требованію императора и всей восточной церкви, утверждаетъ, что только уступая единодушному желанію императора, клира и народа, рѣшился онъ взойти снова на патриаршую кафедру, что всѣ епископы стоятъ на его сторонѣ и только немногіе оказываются недовольны его избраніемъ. Насколько можно судить, письмо было написано въ такомъ тонѣ, изъ котораго было видно, что Фотій нисколько не сомнѣвался въ подтвержденіи его избранія папою. Что касается до письма императора, то оно говорило объ общемъ желаніи, чтобы папа вошелъ въ церковное общеніе съ Фотіемъ, чрезъ что церковь Константинопольская достигнетъ желаннаго мира. Императоръ проситъ, чтобы папа прислалъ своихъ легатовъ на соборъ, имѣющій собраться въ Константинополѣ, для утвержденія избранія Фотія.

Нужно замѣтить, что, вообще, письма эти далеко не могли быть пріятными, по своему тону, для папскаго самолюбія и благопріятными для папскихъ притязаній; тѣмъ не менѣе, папа, Іоаннъ VIII, рѣшается на сей разъ уступить церкви Константинопольской и императору и признать Фотія патриархомъ. Признать Фотія патриархомъ, со стороны папы, было не легко. Рѣшиться для него на этотъ шагъ, значило рѣшиться на многое: значило отнять значеніе у тѣхъ декреталій, которыми папы Николай и Адріанъ всячески поражали Фотія, значило попортить авторитетъ собора 869 года, которымъ проклятъ Фотій, и который считается на западѣ VIII вселенскимъ, значило разорвать связи съ Игнатіевою партіею, на которую доселѣ опирались папы на Востокъ, въ своихъ притязаніяхъ; значило чуть не авторизовать тѣхъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, этихъ писемъ не сохранилось до насъ; ихъ до известной степени возстановляютъ частію, на основаніи отвѣтныхъ писемъ папы, частію на основаніи другихъ документовъ (Никита Нафлагонаннъ). Hergenröther В. II, S. 214—15.

проклятій, которыми громилъ Фотій папу Николая, — словомъ: всей многолѣтней политикѣ папъ въ отношеніи къ Востоку дать совершенно другой оборотъ: прежняго нечестивца и презрителя законовъ, т. е. Фотія, теперь нужно было назвать достойнымъ патріархомъ, своимъ истиннымъ братомъ. Все это должно было полагать препятствія для признанія отъ папы патріархомъ Фотія. И, однакоже, Іоаннъ VIII рѣшается сдѣлать шагъ, который, конечно, осудили бы его предшественники—Николай и Адрианъ,—войти въ общеніе съ Фотіемъ и примириться съ фактомъ возстановленія его на патріаршество. Дѣлая такой шагъ, папа могъ утѣшать себя такимъ соображеніемъ, что Игнатій умеръ, слѣдовательно, катедра константинопольская сдѣлалась вакантною, и слѣдовательно, на нее имѣлъ право взойти новый патріархъ, —будетъ ли то Фотій или кто другой—все равно, но за Фотія хлопочетъ императоръ византійскій, а потому онъ и долженъ быть признанъ въ патріаршемъ достоинствѣ. Такимъ соображеніемъ могъ утѣшать себя Іоаннъ въ своемъ поступкѣ, котораго онъ, однакожъ, по чистой совѣсти не могъ одобрить. Все же являлось противорѣчіе въ дѣятельности папъ, чего преемники апостола Петра (какъ величали себя папы), присвоившіе себѣ главенство въ Церкви, не могли допускать съ спокойною совѣстію. Признать Фотія патріархомъ побудило папу не увѣренность, что дѣло возстановленія Фотія вполнѣ законно, а своекорыстные расчеты; папа увидалъ себя вынужденнымъ поступиться своими правилами, своими идеалами и притязаніями, въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась въ это время папская область. Политическое положеніе папы представляло жалкій видъ. Сарацины почти завладѣли Италією; нѣкоторыя владѣтельныя итальянскія династіи также грозили самостоятельности папскихъ владѣній. Іоаннъ искалъ себѣ помощи во Франціи, но обманулся въ своихъ надеждахъ. И куда не обращался на Западѣ папа за помощію, вездѣ встрѣчалъ лишь безсиліе, беспорядки, анархію. Папа было пробовалъ уже откупиться отъ нападений Сарацинъ деньгами, но это помогло лишь на время. Въ маѣ и іюнѣ 879 года папскія владѣнія подверглись новымъ опустошеніямъ.

При такихъ условіяхъ папа рѣшается купить союзъ съ Византіею, какою угодно жертвою. Іоаннъ надѣялся, что императоръ Василій окажетъ ему помощь войсками, въ вознагражденію за его уступчивость и склонность исполнить желанія Константинополя ¹⁾. Притомъ папа льстилъ себя надеждою, что за такую уступку императоръ отблагодаритъ его возвращеніемъ Болгарской страны подъ юрисдикцію Римской церкви. Да наконецъ, по сужденію Неандера, Іоаннъ „хорошо понималъ, что въ случаѣ папскаго отказа признать Фотія патріархомъ, императоръ и безъ папы исполнитъ желаемое, и его голосъ, если онъ и будетъ неблагопріятенъ Фотію, останется безсильнымъ“ ²⁾. И вотъ папа, ради земныхъ расчетовъ, рѣшается пожертвовать традиціями Римской катедры.

Свой отвѣтъ на вышеуказанныя письма императора и Фотія папа, по обстоятельствамъ времени, успѣлъ отослать только въ августѣ 879 года. Посмотримъ, что и какъ писалъ папа въ Константинополь при такихъ исключительныхъ условіяхъ. ³⁾ Въ письмѣ къ императору папа ясно и рѣшительно высказываетъ свое согласіе на вступленіе Фотія на патріаршую катедру, „Достопочтеннѣйшаго Фотія мы признаемъ въ патріаршемъ достоинствѣ и объявляемъ ему наше общеніе съ нимъ“. Папа дѣлаетъ легкій намекъ при этомъ, что не хорошо сдѣлали въ Константинополѣ, что Фотій „восприималъ на себя запрещенныя ему обязанности безъ согласія папскаго престола“, но пѣняетъ на это папа лишь между прочимъ, какъ говорится, для очи-

¹⁾ Положеніе папы въ политическомъ отношеніи описано у Hergenröther. В. II, 379—380.

²⁾ Neander, В. II, s. 315.

³⁾ Отвѣтныя посланія папы, существуютъ въ двухъ редакціяхъ—одна заимствуется изъ Ватиканскаго кодекса, а другая изъ греческихъ кодексовъ. Эти редакціи не одинаковы по содержанию (Labbei t. IX, pag. 130 и д. 142 и далѣе). Нужно признать болѣе правильною редакцію Ватиканскую, потому что никакъ нельзя согласиться, чтобы папа могъ такъ писать въ Константинополь, какъ представляется это въ греческихъ кодексахъ; развѣ онъ могъ, напр., такъ писать къ Фотію о соборѣ 869 года: *synodum contra pietatem tuam irritavimus, et annullavimus, imo et adjicimus* (pag. 146), а такихъ мѣстъ довольно въ разбираемой редакціи.

стки совѣсти. Рѣшаясь на такой шагъ, папа старается въ разсматриваемомъ письмѣ дать нѣкоторое объясненіе своего поведенія, своей уступчивости въ отношеніи къ Константинополю. Онъ то указываетъ на обстоятельства времени (*temporis necessaritate*), какъ будто бы истина и справедливость могутъ измѣняться вмѣстѣ со временемъ, то въ свое оправданіе ссылается на согласіе признать Фотія патріархомъ со стороны іерарховъ Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго и всей Константинопольской церкви, то просто ссылается на свою власть вязать и рѣшить. „Все мы можемъ вязать, но все безъ сомнѣнія мы можемъ и рѣшить“ ¹⁾. Не то ли хотѣлъ сказать этимъ папа, что онъ можетъ выражать свое благоволеніе или неблаговоленіе, подчиняясь единственно своему произволу? Какъ бы то ни было, папа считаетъ все высказанное сейчасъ достаточнымъ, чтобы признать Фотія патріархомъ вопреки своимъ предшественникамъ. Затѣмъ въ письмѣ къ императору Іоаннъ хотя и не прямо, но ясно указываетъ, подъ какими именно условіями онъ хочетъ авторизовать вторичное возвышеніе Фотія въ патріархи. Папа указываетъ, что ему желательно было бы получить духовную юрисдикцію въ Болгаріи. „Византійскій патріархъ—говорится въ этомъ письмѣ—долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній касательно Болгаріи, которую папа Николай обратилъ къ христіанству (?), онъ не долженъ ни посвящать духовныхъ для этой страны, ни посылать туда епископовъ; а тѣ священники греческіе, какіе находятся тамъ, должны быть отозваны оттуда, и страна всецѣло должна подчиниться Римской катедрѣ“ ²⁾. Какъ бы въ замѣнъ того, въ заключеніе письма, папа напрашивается съ своими услугами въ отношеніи къ тѣмъ, кто откажется принять въ Константинопольскомъ патріархатѣ сторону Фотія. „Тѣ—писалъ папа,—кто не захочетъ вступить въ общеніе съ Фотіемъ, должны быть два или три раза увѣщываемы, если же и послѣ того, пребудутъ упорными, въ такомъ случаѣ чрезъ папскихъ лега-

¹⁾ Labbei, *ibidem*, pag. 131—2.

²⁾ Labbei, *ibidem*, p. 133.

товъ на соборѣ они лишены будутъ общенія, пока не возвратятся къ своему патріарху“. ¹⁾ Въ письмѣ къ Фотію папа говоритъ въ тонѣ дружелюбія и любви, какого доселѣ еще не слыхалъ Фотій со стороны Рима. Папа говоритъ: „мы теперь узнали твое настроеніе и вполне убѣждены, что ты намъ теперь совершенно преданъ“. И это совершенно внезапно! Папа далѣе даетъ Фотію замѣтить, чтобы онъ смотрѣлъ на себя какъ на облагодѣтельствованнаго имъ. „Ты долженъ оправдаться предъ соборомъ и, по обычаю, испрашивать его снисхожденія, и тогда наше благоволеніе явится надъ тобою“. ²⁾ Іоаннъ не забываетъ напомнить Фотію и о Болгарской церкви и притомъ въ такихъ словахъ, которыя указываютъ, что папа смотрѣлъ на возвращеніе ему Болгаріи какъ на возмездіе за милости съ его стороны къ Фотію. „*Какъ ты съ своей стороны домогаешься своего, то и мы хотимъ, чтобы намъ съ возможною скоростію была возвращена церковь Болгарская. Силою апостольскаго авторитета мы запрещаемъ на будущее время всякое церковное посвященіе для Болгаріи со стороны патріарховъ Константинопольскихъ. Должно озаботиться, чтобы отсюда выведены были всѣ епископы и духовные низшихъ степеней. И если Фотій не послушается, то будетъ подлежать церковному осужденію*“. ³⁾ Значитъ Фотію могла снова грозить опасность, но уже по другимъ причинамъ.

Весьма характеристичнымъ для опредѣленія папскихъ отношеній къ Востоку представляется, теперь же отправленное отъ папы, грозное письмо сторонникамъ Игнатія въ Константинопольскомъ обществѣ. Въ этомъ письмѣ папа угрожаетъ Игнатіанамъ отлученіемъ въ случаѣ, если они откажутся отъ послушанія патріарху Фотію; они выставяются главными виновниками раздора и соблазновъ, господствовавшихъ доселѣ въ Константинополѣ; они третируются какъ злые преступники, разрушающіе единство церкви. Что же касается до того, что они прежде сообразно съ

¹⁾ Labbei, ibidem, p. 133—4.

²⁾ Labbei, ibidem, pag. 142—143.

³⁾ Labbei, ibidem, pag. 143—4.

папскими желаніями заявили себя прямыми противниками Фотія, то папа совѣтуетъ имъ не смущаться этимъ и все-таки переходить на сторону Фотія, такъ какъ „церковь Христова получила власть разрѣшать всякія узы“ ¹⁾). Этотъ документъ чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще разъ и самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ, что Римская церковь въ своихъ отношеніяхъ къ Константинопольской руководилась не желаніемъ возстановлять якобы поправную здѣсь справедливость и каноны, а становилась просто изъ чисто житейскихъ расчетовъ то на сторону Игнатія, то на сторону Фотія. И вотъ та самая партія Игнатія, представителей которой папа Николай называетъ *исповѣдниками и мучениками*, эта самая партія вдругъ, безъ всякой съ ея стороны вины становится въ глазахъ папы Іоанна крайне *преступною*. Документъ этотъ настолько скандализируетъ „апостолическую“ каѳедру, что Гергенрѣтеръ готовъ бы заподозрить его подлинность, если бы это было возможно ²⁾). Вотъ та восхваляемая папами любовь ихъ къ справедливости и къ соблюденію канонѳв!

¹⁾ Ibid., pag. 147—8.

²⁾ Hergenröther. II, s. 389.

VII. Константинопольскій соборъ 879—880 года, именуемый Софійскимъ и признаваемый иногда на Востокъ VIII-мъ вселенскимъ.

1.—Общая свѣдѣнія о времени, мѣстѣ и составѣ членовъ его;—нѣкоторыя замѣчания о „актахъ“ этого собора. *Первое* засѣданіе собора: появленіе папскихъ легатовъ на соборѣ; мысли Захаріи митрополита Халкидонскаго о дѣлахъ дѣятельности собора; предъявленіе легатами даровъ, присланныхъ Фотію отъ папы; отсутствіе на соборѣ лицъ, нерасположенныхъ призвать его патриархомъ.—*Второе* засѣданіе: чтеніе письма папы Іоанна къ императору Василію; мысли Прокопія митр. Кесарійскаго о главной причинѣ упорства Игнатіанъ придти въ единеніе съ Фотіемъ; какъ отвѣчали члены собора на вопросъ легатовъ: принимаютъ ли они письмо папы къ Василію? Чтеніе письма папы Іоанна къ Фотію; вопросъ о занятіи церковныхъ кафедръ тѣми изъ Игнатіанъ, которые, раскаявшись въ своемъ упорствѣ, воссоединятся съ Фотіемъ, а также объ Игнатіанвахъ, сосланныхъ въ ссылку; разсмотрѣніе вопроса: кому должна быть подчинена Болгарія въ церковномъ отношеніи; рѣчи по поводу вопроса легатовъ: какимъ образомъ Фотій снова завялъ патриаршую кафедру? Рѣчь самого Фотія по тому же поводу; мысли легата Петра о значеніи папы въ дѣлѣ совершившагося возстановленія Фотія: чтеніе письма патриарха Александрійскаго къ императору; разсужденіе о мнимоиъ патриаршемъ представителѣ на соборѣ 869 года—Фомѣ Тирскомъ, чтеніе писемъ патриарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго къ Фотію касательно его возстановленія.—*Третье* засѣданіе: чтеніе письма папы на имя Восточныхъ епископовъ; рѣчи Прокопія Кесарійскаго и Захаріи Халкидонскаго по вопросу, затронутому этимъ письмомъ, о томъ: позволительно ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ возводить лицъ мірскаго званія прямо въ епископы? Чтеніе письма патриарха Іерусалимскаго къ императору; разсужденіе о замованствѣ патриаршихъ представителей собора 869 года; новая рѣчь Фотія; папская инструкция своимъ легатамъ, похвалы легатамъ со стороны собора. Промежутокъ между третьимъ и четвертымъ засѣданіями.

Возстановленіе Фотія на патриаршество должно было произойти торжественно. Рѣшено было собрать соборъ въ Константинополь. И дѣйствительно такой соборъ собрался

въ 879 году и обставленъ былъ такъ величественно, какъ не многіе и изъ числа даже вселенскихъ соборовъ. Открылся соборъ въ ноябрѣ 879 года, а закончился 13 марта слѣдующаго (880) года. Мѣста для засѣданія отцевъ собора мѣнялись: первое засѣданіе происходило въ „великомъ секретаріумѣ“ при Софійскомъ константинопольскомъ храмѣ, ¹⁾ дальнѣйшія засѣданія тамъ же, гдѣ и соборъ 869 года—въ верхней части Софійскаго храма, называвшейся катехуменіями, а одно, именно шестое засѣданіе собора имѣло мѣсто въ императорскомъ дворцѣ. Предсѣдателемъ собора былъ самъ Фотій. На соборѣ засѣдали папскіе легаты, ихъ было трое: Павелъ епископъ анконскій, Евгенийъ епископъ остійскій, Петръ пресвитеръ римскій и кардиналъ. Первые двое прибыли еще въ 878 году съ порученіемъ отъ папы къ патріарху Игнатію, но удержаны были въ Константинополѣ до времени собора для присутствованія на немъ; легатъ же Петръ прибылъ не задолго до открытія собора и принесъ съ собою папскія письма къ императору, Фотію и собору—документы, имѣющіе важное значеніе въ вопросѣ о возстановленіи Фотія на патріаршество. На соборѣ присутствовали уполномоченные отъ лица всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Уполномоченнымъ отъ патріарха іерусалимскаго былъ пресвитеръ Илія (но не тотъ Илія, который присутствовалъ на соборѣ 869 года; этотъ уполномоченный является на самомъ же первомъ засѣданіи собора); уполномоченнымъ отъ патріаршей кафедры александрійской былъ пресвитеръ Косма (является на соборѣ со втораго засѣданія); полномочіями отъ патріарха антиохійскаго облеченъ былъ архіепископъ мартиропольскій Василій (прибылъ лишь къ четвертому засѣданію собора). Все эти апокрисіаріи восточныхъ патріарховъ были лицами, дѣйствительно снабженными надлежащими уполномочіями, а не были самозванцами, какими были мнимые апокрисіаріи со-

¹⁾ Секретаріумомъ назывался діакопникъ, гдѣ хранились церковные соуды и готовились хлѣбъ и вино для Евхаристіи. Діакопникъ иногда былъ очень обширенъ. Въ иныхъ діакопникахъ и въ прежнее время происходили соборы, напримѣръ, въ Кареагенѣ. Устройство софійскаго діакопника, т. е. гдѣ онъ помѣщался,—неизвѣстно.

бора Игнатіева 869 года. На соборѣ видимъ чрезвычайно большое число греческихъ архіереевъ въ качествѣ членовъ его. Въ числѣ ихъ было восемьдесятъ митрополитовъ и архіепископовъ. Между ними встрѣчаемъ и имя Григорія Асвесты, престарѣлаго друга Фотіева, который теперь былъ митрополитомъ никейскимъ, но который скончался раньше заключенія соборной дѣятельности. Почти половина всѣхъ іерарховъ, членовъ собора, принадлежала экзархату Ефескому,—знакъ, что эта провинція особенно процвѣтала въ церковномъ отношеніи. Въ числѣ присутствующихъ на соборѣ видимъ даже епископовъ не только Илирика, но и нижней Италіи (гдѣ были Греки и греческое духовенство). Всего іерарховъ на соборѣ было 383. Замѣчательнѣйшими ораторами на соборѣ были: самъ Фотій, уполномоченные восточныхъ патріарховъ, двое ревностнѣйшихъ приверженцевъ Фотіевыхъ—Захарія халкидонскій и Прокопій кесарійскій; менѣе важными ораторами были Іоаннъ ираклійскій, Никита смирснскій и нѣкоторые другія лица. Легаты папскіе, не свободно владѣя греческимъ языкомъ, говорили на соборѣ немного. Вообще соборъ былъ блестящій. Гергенрётёръ говорить: „Соборъ, собранный Фотіемъ, въ цѣломъ представлялъ поистинѣ величественное явленіе, какого не видали со временъ Халкидонскаго вселенскаго собора. Никогда еще патріархъ града Константинова не собиралъ такого множества іерарховъ на соборѣ“¹⁾.

Опишемъ дѣятельность собора 879 года, руководясь актами этого собора.

Примѣчаніе. Нужно сказать, что акты собора 879 года были и до сихъ поръ остаются предметомъ пререкавій, хотя и не въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ. Было время, когда высказывалось мнѣніе, что соборъ 879 года въ дѣйствительности совсѣмъ не существовалъ, и что акты его цѣликомъ сочинены при помощи творческой фантазіи Фотія. Раскрытію этого мнѣнія Левъ Алляцій, ученый Грекъ XVII вѣка, обратившійся въ латинство, посвятилъ цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: *De octava synodo Photiana* (Romae, 1662). Но это воззрѣніе въ томъ же XVII вѣкѣ съ достоинствомъ опровергнуто было іерусалимскимъ патріархомъ Досіеетомъ (онъ приготовилъ къ изданію акты этого собора и сдѣлалъ замѣчанія противъ Алляція). Съ тѣхъ поръ историческая дѣйствительность разсматриваемаго собора

¹⁾ Hergenröther. II, 462.

не вызывает против себя серьезных возражений. Известный Гергенрёттер несколько не сомневается, что соборъ 879 года есть въ полномъ смыслѣ слова историческій фактъ. Этотъ ученый съ своей стороны не мало потрудился для защиты своего, сейчасъ упомянутого воззрѣнія (В. II, 528 и дал.). Но за то, взамѣнъ мнѣнія Алляція, въ новѣйшее время, многими западными учеными и очень усердно доказывается другая, тоже неблагоприятная для авторитета собора, мысль—именно, что акты собора и документы, входящіе въ составъ ихъ, прошли чрезъ руки Фотія, частью были подчищены, частью подкрашены, сокращены или разбавлены, вообще изменены и конечно изменены въ личныхъ интересахъ Фотія, а частью и въ интересахъ Византійской церкви. Съ этою новою стороною возражений противъ собора 879 года необходимо свести счеты, иначе изложеніе исторіи этого собора будетъ представляться стоящимъ ниже современныхъ научныхъ требованій. — Прежде всего нѣкоторые западные писатели находятъ, что папскія посланія (посланія Іоанна) къ разнымъ лицамъ въ Константинополѣ внесены въ акты собора не въ томъ видѣ, въ какомъ они написаны напору, а представляютъ собою интерполяцію, искаженіе, а это сдѣлано будтобы Фотіемъ, который иное — изъ личныхъ видовъ — опустилъ, иное, изъ тѣхъже видовъ, подцвѣтилъ (объ искаженіи писемъ папы говорятъ подробно Гергенрёттеръ (В. II, 396 и дал.) и Гефеле (В. IV, 437 и дал.). Доказательствомъ этого обвиненія названные ученые считаютъ то, что существуютъ тѣже папскія письма на латинскомъ языкѣ и имѣютъ существенныя отличія отъ писемъ, помѣщенныхъ въ актахъ собора; они находятъ, что эти латинскія письма менѣе благоприятны для Фотія и его дѣла. Главное отличіе латинскаго текста писемъ отъ греческаго они полагаютъ, во первыхъ, въ томъ, что въ латинской редакціи соборъ 869 года не такъ безусловно признается лишеннымъ значенія, какъ это выходитъ по греческой редакціи; во вторыхъ, въ томъ, что Фотій въ латинской редакціи, не какъ въ греческой, признается патриархомъ лишь подъ условіемъ созванія въ свей виновности и подъ условіемъ полученія прощенія въ этомъ отъ собора. Спрашивается: откуда произошла такая разность? Есть ли она свидѣтельство злонамѣренности? И нельзя ли допустить происхожденіе разницы, не бросая тѣни на подлинный обликъ Фотія? Отвѣтимъ прежде всего: откуда произошла вышеуказанная разница? Найдено, что письмо папы Іоанна къ императору Василію, въ XII вѣкѣ, было известно нѣкому Івону (Ivo) Шартскому въ томъ видѣ, какъ оно читается не въ латинской, а греческой редакціи. Значитъ, въ древности письма папы на Западѣ были известны въ той самой формѣ, какъ они читаются въ актахъ, а это признакъ, что они не сфабрикованы были въ Константинополѣ. Ученый же Манси полагаетъ, что по крайней мѣрѣ письмо Іоанна къ Василію было написано въ двухъ видахъ (такъ, какъ теперь читается по-латыни, и такъ, какъ теперь же читается въ греческомъ текстѣ), и послѣдній видъ письма именно и посланъ былъ въ Константинополъ (Hefele, IV, 438. Mansi. XVII, 527). Слѣдовательно возможно объяснить происхожденіе вышеозначенной разницы, не прибѣгая къ предположенію о злонамѣренности. Въ частности ссылка вышеупомянутыхъ

ученыхъ, что-де въ латинскомъ текстѣ папскихъ писемъ не говорится о признаніи дѣяній собора 869 года лишенными всякаго значенія, — не имѣетъ большой силы. Не указывая на то, что легаты на соборѣ прямо заявляли, что дѣянія собора 869 года нужно считать потерявшими свою силу (не указываемъ на это, такъ какъ редакція греческихъ актовъ, т. е. рѣчей и бесѣдъ, имѣвшихъ мѣсто на соборѣ 879 года, считается выше-названными учеными не подлинною), обратимъ вниманіе на то, что въ одномъ, несомнѣнно подлинномъ письмѣ папы Іоанна (Hergeng. II, 389) этотъ прямо призываетъ Константинопольскую церковь не стѣсняться дѣяніями собора 869 года (Mansi. 153. Ibid. Слнч. Hefele, IV, 445). Труднѣе доказать неповрежденность греческой редакціи писемъ по сравненію съ латинскою по вопросу объ условіяхъ, на которыхъ Фотій признается со стороны папы патриархомъ: въ латинскомъ текстѣ говорится, что Фотій долженъ сознаться въ своей виновности и просить въ этомъ прощенія на соборѣ, а въ греческомъ текстѣ ничего такого нѣтъ. Очень возможно, что въ этомъ пунктѣ (а можетъ быть и въ нѣкоторыхъ другихъ) греческій текстъ писемъ не совсѣмъ точно передаетъ латинскій текстъ. Но это не можетъ бросать тѣни на Фотія. Ибо, во первыхъ, дѣло не безпримѣрное, что папскія посланія предлагались для чтенія на восточныхъ соборахъ не въ полномъ видѣ (Востокъ позволялъ себѣ критически относиться къ воззрѣніямъ и требованіямъ папы). Такъ поступлено было на VII вселенскомъ соборѣ и на такъ называемомъ восьмомъ вселенскомъ соборѣ или соборѣ 869 года (См. Hergengöth. II, 534); повторныхъ измѣненія въ папскихъ письмахъ, предложенныхъ для чтенія на соборѣ 879 года, могли произойти не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ папскими уполномоченными (легатами), при чемъ, конечно, указаны были нѣмъ убѣдительныя причины, побуждавшія къ этому поступку (а что дѣйствительно измѣненія, о которыхъ у насъ рѣчь, произошли съ согласія папскихъ легатовъ, видно изъ того, что они безъ протеста подписались подъ актами собора 879 года, гдѣ помѣщены папскія письма въ томъ именно видѣ, въ какомъ они представляются несогласными съ латинскимъ текстомъ ихъ). Кромѣ папскихъ писемъ Гергенрѣтеръ заподозрѣваетъ въ намѣренной передѣлкѣ и письма восточныхъ патриарховъ, читанныя на соборѣ 879 года (В. II, 416 и дал.). Но не пускаясь въ подробное разсмотрѣніе этого возраженія, замѣтимъ одно: Гергенрѣтеръ самъ себѣ противорѣчитъ, когда въ тоже время допускаетъ, что восточные патриархи стали вполне послушными орудіями византійской императорской воли: императоры-де могли заставить ихъ согласиться на любую мѣру по дѣламъ церковнымъ (Ibid. 446). Если такъ, если Византія могла испросить или вытребовать у восточныхъ патриарховъ документъ какого угодно содержанія, то что побуждало заправителей собора 879 года прибѣгать къ фальсификаціи писемъ восточныхъ патриарховъ по дѣлу Фотія? Наконецъ Гергенрѣтеръ (II, 532) и Гефеле (IV, 449) съ увѣренностію утверждаютъ, что и самые акты собора 879 года, т. е. запись всего происходившаго и говореннаго на этомъ соборѣ, не избѣжали коварной руки Фотія, который будто-бы многое здѣсь передѣлалъ по своему вкусу, будучи редакторомъ этихъ актовъ.

Что сказать по этому поводу? Читающій акты даннаго собора не может не замѣчать, что какая-то посторонняя рука прошлась по актамъ и привела цѣлое въ гармоническій видъ. И безъ сомнѣнія такую рукою нужно признать руку именно Фотія. Но слѣдуетъ сказать, что редакторъ видимо заботился о томъ, чтобы упорядочить мысли ораторовъ, исправить стиль, но едва ли покушался на то, чтобы извращать самое содержаніе соборныхъ дѣяній. Еслибы Фотій принялъ на себя этотъ трудъ или, точнѣе, позволилъ себѣ такой произволъ, то конечно онъ непремѣнно вычеркнулъ бы многое изъ того, что однакожъ читаемъ и теперь въ этихъ актахъ. Напримѣръ, въ актахъ находятся такія слова папскіхъ легатовъ: „папа глава всѣхъ церквей“ (Mansi. XVII, 480), или „власть рѣшить и вязать Фотій получилъ отъ папы“ (Mansi. XVII, 501). Рѣчи подобнаго рода тяжело было слышать восточнымъ іерархамъ; и еслибы Фотій въ самомъ дѣлѣ чистилъ и правилъ акты, по ихъ содержанію, то эти слова были бы имъ изглажены.

День открытія собора неизвѣстенъ, въ актахъ необозначенъ день перваго засѣданія. Можно сказать одно: первое засѣданіе происходило раньше 17 ноября, такъ какъ въ это число произошло второе засѣданіе. Мѣсто перваго засѣданія указано было прежде. — Когда собрались члены собора и водворилась тишина, рассказываетъ въ актахъ, на средину собора вышелъ діаконовъ и протонатарій (т.-е. оберъ-секретарь) и сказалъ: „Петръ, достопочтенный пресвитерь и кардиналь, легать папы Іоанна, и его сотоварищи Павелъ и Евгеній пришли для присутствованія на соборѣ. Изъ нихъ Петръ принесъ и передалъ посланія папы Іоанна“. Фотій предсѣдатель собора отвѣчалъ: „благодареніе Богу за то, что онъ (Петръ) неврежденно и въ добромъ здравіи прибылъ сюда. (Прочіе легаты прибыли въ Константинополь давно, какъ было замѣчено уже). Пусть они войдутъ“, добавилъ Фотій. Легаты вошли (очевидно, до этой минуты они оставались за дверями). Тогда Фотій сказалъ нѣсколько словъ въ формѣ молитвословія. „Слава Богу нашему, единосущной и животворящей Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. На это соборъ отвѣчалъ: „аминь“. Затѣмъ Фотій произнесъ какую-то обычную молитву, обнялъ и поцѣловалъ легата Петра и другихъ легатовъ и сказалъ: „Богъ благополучно васъ привелъ сюда. Да приметъ Господь милостиво ваши труды, да благословитъ и освятитъ ваши души и тѣла, да приметъ ми-

лостиво заботы и попеченія нашего святѣйшаго брата и сослужителя, нашего духовнаго отца, папы Іоанна“. — Уже здѣсь выступаетъ полное различіе между этимъ соборомъ и соборомъ 869 года: при возстановленіи Игнатія на патриаршество папскіе легаты руководятъ дѣлами собора, открываютъ самый соборъ, а здѣсь Фотій является главою собора, онъ даетъ разрѣшеніе войти легатамъ на соборъ, принимаетъ ихъ, какъ обыкновенныхъ, хотя и почетныхъ членовъ собора. Фотій вообще въ теченіе собора, хотя и говоритъ съ почительностію о папѣ, но всегда даетъ знать, что онъ говоритъ о папѣ, какъ патриархъ равномъ съ Византійскимъ. Еще отличіе этого собора отъ прежняго: здѣсь не было совсѣмъ императорскихъ сановниковъ, которые имѣли такое вліяніе на соборъ 869 года.

На дальнѣйшія слова легата Петра: „хвала Богу, что мы нашли вашу святость въ добромъ здоровьи; св. Петръ взираетъ на васъ“, Фотій отвѣчалъ: „Христось Богъ нашъ, чрезъ апостола Петра, котораго ты упомянулъ, да изліетъ милость на всѣхъ насъ и да удостоитъ насъ Своего царствія“. Петръ сказалъ: „папа Іоаннъ почительнѣйше привѣтствуетъ (προσχυνει) вашу свѣтлость“. Фотій въ отвѣтъ: „и онъ (папа) съ нашей стороны тоже почительнѣйше привѣтствуется (αὐτὸς προσχυνεῖται) отъ всего сердца“. Петръ говоритъ: „онъ хочетъ имѣть тебя своимъ братомъ, сослужителемъ и соепископомъ“. Фотій отвѣчалъ: „Богъ, совершающій все благое, да исполнитъ, по Своей мудрости, желаніе папы. И мы принимаетъ его, какъ брата, сослужителя и нашего духовнаго отца“.

Легатъ Петръ объявилъ: папа прислалъ патриарху Фотию письмо, дабы всѣ знали, какую ревность, какую попечительность онъ — папа — проявляетъ относительно Византійской церкви, и съ какою любовію и довѣрчивостію относится къ ея архипастырю. Фотій въ отвѣтъ на это сказалъ, что и раньше присылки этого письма, онъ изъ самыхъ дѣлъ уже зналъ объ этомъ, а теперь въ письмѣ папы онъ видитъ лишь подтвержденіе и дальнѣйшее доказательство своей увѣренности. „Папа, говорилъ далѣе Фотій, подражалъ Христу, первому и верховному первосвященнику, Который, будучи

почитаемъ сонмами ангеловъ на небѣ, не возгнушался принять человѣческой зрагъ, чтобы привлечь къ себѣ отчуждившійся и заблудшій родъ человѣческой; ибо папа, не довольствуясь тѣмъ, что его церковь находится въ мирѣ и благоденствіи, захотѣлъ чрезъ своихъ легатовъ развѣдать, гдѣ находятся люди противящіеся истинѣ, и ихъ чрезъ увѣщанія отворотить отъ заблужденія и привести къ Христу, истинному Богу, воссоединивъ съ Нимъ“. Затѣмъ Фотій, похваливъ еще папу, спросилъ у легата о здоровьѣ римскаго первосвященника, на что Петръ отвѣчалъ: „вашими святыми молитвами (*per sanctas orationes vestras*), онъ чувствуетъ себя здоровымъ“. Фотій предлагаетъ легату и еще вопросъ: „благополучна ли церковь Римская и благополучны ли епископы и пресвитеры въ ней?“ и получаетъ отвѣтъ утвердительный, при чемъ легатъ Петръ замѣчаетъ: „какую любовь, какое довѣріе питаетъ къ тебѣ (Фотію) св. отецъ, этого и пересказать невозможно“. На эти слова Фотій отвѣчалъ похвалою папѣ. Легатъ Петръ, обращаясь ко всему собору, передалъ ему привѣтъ и выраженіе почтенія отъ лица папы, на что члены собора также отвѣчали привѣтомъ. Тотъ же легатъ сказалъ, обращаясь къ собору: „братіе и сослужители! какъ отецъ любитъ дѣтей своихъ, такъ и святѣйшій папа, любящій васъ, прислалъ насъ и письма къ вамъ для того, чтобы водворить среди васъ единеніе“. Легату отъ лица собора отвѣчалъ Іоаннъ митрополитъ ираклійскій, заявляя, что единеніе въ византійскомъ патріаршествѣ уже возстановлено и что всѣ признаютъ одинаго пастыря, патріарха Фотія. Іоаннъ своею рѣчью, очевидно, хочетъ ограничить смыслъ словъ легата, приписывающаго папѣ слишкомъ большое вліяніе въ умиротвореніи Византійской церкви. Съ тѣмъ же намѣреніемъ произнесена была и другая рѣчь Захаріею халкидонскимъ. Ораторъ прежде всего восхваляетъ блага мира, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что долгое время въ церкви Византійской миръ подвергался нарушеніямъ, останавливается на вопросъ: отъ чего зависѣло такое печальное явленіе? и замѣчаетъ, что причина явленія совершенно невѣроятна и однакожь вполне истинна. Причину, достойнаго сожалѣнія, нарушенія мира нужно искать

въ томъ, что возвышенныя свойства и славныя дѣла Фотія, его необыкновенныя познанія и ученость въ духовныхъ и свѣтскихъ наукахъ, чистота его души, врожденная ему мудрость, кротость, благоразумный и умѣренный образъ дѣйствованія, его воздержность, его милосердіе ко всѣмъ, его смиреніе, привлекавшее къ нему всѣхъ и въ особенноти епископовъ, его ревность къ обращенію грѣшниковъ, еретиковъ, невѣрующихъ, — словомъ, рѣдкія добродѣтели этого божественнаго мужа возбудили къ нему зависть и ненависть, подобно тому, какъ Спаситель навлекъ на себя всю ярость Іудеевъ. Это причинило страданія и церкви Византійской, но не буду говорить объ этомъ предметѣ. Императоръ постарался уничтожить зло; съ своей стороны и папа Іоаннъ не захотѣлъ оставаться при томъ, что сдѣлано ко вреду церкви (при его предшественникѣ). Все, что сдѣлано противъ Фотія, ничтожно и суетно. Церковь Византійская снова возвратилась къ своему архипастырю; многіе сдѣлали это немедленно, другіе присоединились къ нему впослѣдствіи, и лишь немногіе изъ нерасположенія къ миру церковному и изъ самолюбія остаются схизматиками. Если этихъ отщепенцевъ спрашиваютъ, на какомъ основаніи они отдѣляются отъ церкви, то въ свое оправданіе они приводятъ то, что такъ хочетъ Римская церковь. Но вѣдь это все равно, замѣчаетъ ораторъ, — какъ еслибы грабители храмовъ и убійцы извиняли себя тѣмъ, что они совершаютъ зло съ дозволенія и по указанію Римлянъ. Такимъ образомъ Римская церковь, которая заботится о водвореніи мира въ другихъ церквахъ, является, по ихъ словамъ, виновницею всякаго безпокойства, вражды, соблазновъ и зла, отъ которыхъ стонетъ церковь Византійская; положимъ, это несправедливо, но такъ утверждаютъ отщепенцы. (Захарія здѣсь говоритъ о томъ, что лица не желавшія войти въ общеніе съ Фотіемъ, ссылались на то, что Фотій осужденъ римскими папами Николаемъ и Адріаномъ). Поэтому-то императоръ — продолжаетъ ораторъ — и призвалъ римскихъ легатовъ; они должны опровергнуть всѣ тѣ обвиненія, которыя почти со всѣхъ сторонъ сыплются на Римъ. Ясно теперь, что соборъ этотъ собрался ради Римской церкви, для защиты ея чести, чтобы

никто изъ схизматиковъ съ этихъ поръ не считалъ ее виновницею раздоровъ. Теперь, благодаря начинаніямъ императора и молитвамъ патріарха Фотія и папы Іоанна, все пришло въ наилучшій порядокъ и не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ. Таковъ, полагаю, и взглядъ собора на дѣло“. Члены собора, въ знакъ одобренія рѣчи Захарія, начали восклицать: „отъ нашего господина и патріарха (Фотія), съ которымъ мы съ самаго начала соединены были, мы не отдѣлялись, готовы кровь свою пролить за него, еслибы это потребовалось. А тѣ изъ насъ, кто отпадалъ отъ него, осуждаютъ свое поведеніе и признаютъ его отъ всего сердца и съ твердою рѣшимостію первосвященникомъ и архипастыремъ; тѣхъ же, кои колеблются признать его таковымъ, мы считаемъ врагами церкви и достойными осужденія“.

Послѣ этого перерыва тотъ же ораторъ продолжалъ: „Схизматики такъ далеко простираютъ свою дерзость, что самую Римскую церковь хотятъ сдѣлать изъ свободной рабствующею. Какимъ же образомъ? Они говорятъ: „опредѣленія папы Николая мы принимаемъ, равно и опредѣленія папы Адріана намъ нравятся, а опредѣленія папы Іоанна мы не хотимъ принять“. Если ихъ спрашиваютъ: да почему же такъ? то они отвѣчаютъ: „Николай и Адрианъ слѣдовали нашимъ желаніямъ, а Іоаннъ не хочетъ того, чего хотимъ мы. Это значитъ ничто другое, заявляетъ ораторъ, какъ то, что люди эти не расположены слѣдовать опредѣленіямъ римскихъ папъ, а напротивъ хотятъ заставить этихъ архипастырей слушаться ихъ (схизматиковъ) воли. Ибо они принимаютъ лишь тѣ папскія опредѣленія, какія они и сами постановили, а тѣ изъ опредѣленій папскихъ, какія не угодны имъ, они отвергаютъ, хотя бы подобныя распоряженія были повторены тысячу разъ Римлянами и хотя бы они были вполне согласны съ церковными правилами; вмѣсто подобныхъ опредѣленій они придаютъ значеніе одной своей волѣ. Отсюда ораторъ выводитъ заключеніе, что соборъ долженъ принять на себя задачу—освободить церковь Римскую отъ того безчестія, какое наносятъ ей схизматики“. Смыслъ рѣчи Захарія, безъ сомнѣнія, тотъ,

что церковь Римская своимъ, слишкомъ ревностнымъ, вмѣшательствомъ въ дѣло споровъ Игнатіанъ и Фотіанъ, настолько запуталась, что въ концѣ концовъ ея прежніе приверженцы и друзья на Востокѣ превратились въ ея же порицателей. Этимъ имѣлось въ виду нанести чувствительный ударъ римскимъ епископамъ, которые слишкомъ много о себѣ думали и свой образъ дѣйствій считали выше критики.

Легатъ Петръ, выслушавъ рѣчь Захаріи, сказалъ: „благодаримъ Бога за все и да совершитъ Онъ полезное для всѣхъ“. Къ сказанному легатомъ прибавилъ нѣсколько словъ Іоаннъ ираклійскій, въ которыхъ выразилъ мысль, что усиліями папы, восточныхъ патріарховъ и самого Фотія миръ въ церкви водворился. Прокопій кесарійскій и уполномоченный патріарха іерусалимскаго Ілія выразили съ своей стороны благодарность Богу и императору, созвавшему этотъ соборъ. Ілія при этомъ объявилъ, что схизматики никогда не находили сочувствія въ церкви Іерусалимской и что съ тѣхъ поръ, какъ Фотій написалъ (во второе патріаршество) письмо Іерусалимскому патріарху, послѣдній оставался съ нимъ въ тѣсномъ общеніи. Даніилъ митрополитъ анкирскій сдѣлалъ еще такое замѣчаніе: „нашъ патріархъ (Фотій), подражая Христу, и тѣхъ, кто пришли въ единодесятый часъ, принималъ и уравнивалъ съ первыми, а первыхъ удостоилъ подобающей чести“. Этими словами Даніилъ хотѣлъ сказать, что Римская церковь съ папою во главѣ признала Фотія патріархомъ послѣ другихъ іерарховъ Востока, и это однако не воспрепятствовало Фотію принять это позднее заявленіе со стороны Запада—со всею признательностію и вниманіемъ. Опять въ словахъ Даніила заключался нѣкоторый урокъ надменному Риму.

Легатъ Петръ сказалъ еще разъ, что онъ и его со товарищи присланы за тѣмъ, чтобы устранить соблазнъ въ Византійской церкви, и что папа съ патріархомъ Фотіемъ составляютъ одну душу и одно тѣло—такъ они содружественны. Въ знакъ своего единенія съ патріархомъ папа, объявилъ легатъ,—послалъ ему въ подарокъ святительскія одѣянія—омофоръ, стихарь, фелонъ и т. д. Члены собора

потребовали, чтобы легаты въ отдѣльности показали собору ту и другую изъ числа подаренныхъ одеждъ, что тотъ и сдѣлалъ. Фотій выразилъ свою благодарность по случаю папскаго подарка въ такихъ словахъ: „Иисусъ Христось, Богъ нашъ, покрывающій небо облаками, облекшійся въ человѣческую природу, дабы спасти ее и очистить, да облечетъ его (папу) одеждою безсмертія, достойною небеснаго чертога“. Короткую рѣчь говоритъ папскій легатъ Евгенийъ Остійскій. „Какъ у cadaго человѣка велико стремленіе, говоритъ онъ,—къ соединенію съ Богомъ, такъ же сильно у папы Іоанна желаніе быть въ единеніи съ патріархомъ Фотіемъ“. Соборъ отвѣчалъ на это краткимъ замѣчаніемъ, что изъ самыхъ дѣлъ видно, что дѣйстви-тельно такъ.

Легатъ Петръ заявилъ, что кромѣ прочихъ папскихъ писемъ на Востокъ, онъ принесъ съ собою и письмо къ патріарху Фотію, но предложилъ отложить чтеніе этого письма до другаго раза, такъ какъ теперь еще не всѣ епископы собрались для присутствованія на соборѣ. Фотій съ своей стороны къ этому добавилъ, что и легатъ Петръ утрудившись отъ долговременнаго путешествія въ Византію, нуждается въ отдыхѣ, а потому предложилъ не спѣшить слѣдующимъ засѣдающимъ собора. Въ заключеніе засѣданія легатъ Петръ обратился къ собору съ такимъ предложеніемъ: если кто изъ числа здѣсь присутствующихъ не находится въ общеніи съ Фотіемъ, пусть они выйдутъ на средину и объяснятъ, почему они такъ поступаютъ. Члены собора сказали, что между ними нѣтъ такихъ, что они всѣ принимаютъ патріарха Фотія. Легатъ сдѣлалъ другое предложеніе: „если между вами нѣтъ такихъ отступниковъ отъ общенія съ патріархомъ, то все же существуютъ такого рода люди; при встрѣчѣ съ ними увѣщевайте ихъ къ миру. Пусть они обратятся къ милосердію Фотія и послѣдній да приметъ ихъ отечески“. Соборъ отвѣчалъ: „противниковъ мира немного, мы будемъ ихъ увѣщевать. Но и вы (обращеніе къ легатамъ), дѣлайте тоже, если повстрѣчаетесь съ нарушителями единенія“. Легатъ Петръ еще сказалъ, что кто изъ нарушителей мира не послушаетъ ни епископовъ,

ни собора, ни ихъ легатовъ, то упорный будетъ отлученъ отъ Церкви. Илія іерусалимскій, какъ бы дѣлая выводъ изъ этихъ послѣднихъ разсужденій собора, замѣтилъ: „кого Богъ прославилъ, тому не можетъ причинить безчестія ни одинъ человѣкъ; а кто у Бога потерялъ честь, тому нисколько не поможетъ честь у людей. Богъ прославилъ патріарха Фотія, а потому имя его будетъ прославляться на небѣ и на землѣ изъ рода въ родъ; а если кто противится ему, тѣ покроются стыдомъ на землѣ и въ будущемъ мірѣ ихъ жребій съ осужденными“. Первое засѣданіе ¹⁾ закончилось возглашеніемъ многолѣтія императору, императорскому дому, папѣ Іоанну и Фотію.

Второе засѣданіе собора происходило 17 ноября болѣе торжественно, чѣмъ какъ происходило прежнее засѣданіе. Фотій предсѣдательствовалъ, а легаты занимали второе мѣсто по немъ. Фотій открылъ засѣданіе провозглашеніемъ славословія животворящей Троицѣ, на что соборъ отвѣчалъ: аминь. Легаты на латинскомъ языкѣ тоже произнесли славословіе Богу. Легатъ Петръ затѣмъ сказалъ, что папа прислалъ своихъ легатовъ, дабы утвердить и признать то соединеніе Церкви, которое совершилось между спорящими въ Византіи, прибавляя, что объ этомъ просили папу не только императоръ Василій, но и патріархи: александрійскій, антiохійскій и іерусалимскій. Затѣмъ легатъ предложилъ для прочтенія на соборѣ письмо папы къ императору. Въ письмѣ этомъ, довольно длинномъ, между прочимъ говорилось: „прежде всего мы принимаемъ епископа Фотія въ общеніе съ нами и возстановляемъ его въ высококомъ первосвященническомъ достоинствѣ и въ патріаршей чести, чтобы Церковь не обуревалась болѣе волнами раздѣленій“. Что папы могутъ поступать, сообразуясь съ потребностями Церкви, смягчать строгость церковныхъ правилъ (какъ по-

¹⁾ Mansi. Concilia. Tom. XVII, p. 373—393. Кромя лучшаго западнаго изданія актовъ собора 879 года у Манси, существуетъ еще греческое изданіе ихъ въ сборникѣ Доснеева патріарха іерусал., носящемъ заглавіе: *Томος χαρας*; но этого изданія нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. Гергенрѣтеръ указываетъ иногда варианты Доснеева изданія, но судя по этимъ указаніямъ это изданіе не имѣетъ важности.

ступилъ папа съ Фотіемъ), — это доказывается въ письмѣхъ изреченіями папъ и примѣрами изъ временъ церковной древности. Далѣе раскрывается мысль, что если иногда лица, болѣе или менѣе виновныя противъ правилъ церковныхъ, осужденныя соборами, потомъ снова бывали возстановляемы въ своихъ іерархическихъ должностяхъ, то тѣмъ болѣе должно мужей, блистающихъ правотою вѣры, достигшихъ славы строгостію и чистотою жизни, не подвергать, подобно преступникамъ, бремени покаянія, но возстановлять ихъ въ прежнемъ достоинствѣ (рѣчь очевидно идетъ о Фотіи). Послѣ этого письмо папы очень рѣшительно признаетъ возстановленіе Фотія на патріаршество. „Примите его всѣ, говорится въ письмѣ, — примите безо всякаго сомнѣнія; никто не долженъ ссылаться на соборъ, который былъ противъ Фотія (рѣчь идетъ о соборѣ 869 г.), никто не долженъ на основаніи подписей, сдѣланныхъ противъ Фотія, (рѣчь идетъ о томъ же соборѣ), искать предлога къ раздѣленію“. Другія подробности письма папы къ императору не представляютъ особеннаго интереса. По прочтеніи этого письма Прокопій кесарійскій, выражая мнѣніе константинопольскаго патріархата, сказалъ, что еще прежде прибытія легатовъ мы (епископы этого патріархата) самымъ искреннимъ образомъ вошли въ единеніе съ истиннымъ нашимъ архипастыремъ Фотіемъ. Илія уполномоченный іерусалимскій въ такомъ же родѣ говорилъ отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Онъ сказалъ, что надлежитъ благодарить Бога за то, что древнее и неизмѣнное мнѣніе Іерусалимской церкви касательно патріарха Фотія теперь раздѣляется и подтверждено всѣми. Папскій легатъ Петръ сказалъ, выслушавъ эти мысли: „папа послалъ насъ утвердить единеніе церкви Константинопольской, но если это единеніе, какъ открывается изъ вашихъ словъ, уже совершилось и Фотій принятъ, какъ патріархъ, то возблагодаримъ Бога, подателя мира“.

Прокопій кесарійскій, принимая во вниманіе послѣднее заявленіе легата, взялся объяснить, почему признаніе Фотія совершилось съ быстротою на Востокѣ и медленно на Западѣ и что было причиною того, что нѣкоторые до сихъ

поръ не хотятъ признавать Фотія законнымъ патриархомъ. Онъ говоритъ, что епископы восточные, находясь ближе къ Византіи, могли удобнѣе узнать и оцѣнить положеніе дѣлъ, чѣмъ епископы, живущіе далеко (т.-е. на Западѣ); онъ замѣчаетъ, что восточные какъ бы руками осязали вещи и видѣли ихъ собственными глазами, а западные принуждены руководиться лишь слухомъ. Восточные, по словамъ оратора, все изслѣдовали и все узнали и пришли къ той истинѣ, что спасеніе ихъ и милость Божія для нихъ заключается въ единеніи съ патриархомъ Фотіемъ. Очевидно ораторъ хочетъ провести ту мысль, что напрасно западные епископы и во главѣ ихъ папа преувеличиваютъ свое значеніе въ дѣлѣ умиротворенія Византійской церкви. Возсоединеніе церкви съ Фотіемъ произошло раньше, чѣмъ на Западѣ; въ основу его положены факты болѣе вѣскіе, чѣмъ какими руководился Западъ; Западъ, благодаря несовершенству своихъ свѣдѣній, слишкомъ запоздалъ присоединить свой голосъ къ голосу Восточной церкви. Ясно, что ораторъ желалъ нанести нѣкоторый не сильный, но чувствительный ударъ самомнѣнію западнаго первосвященника. Продолжая свою рѣчь, Прокопій возлагаетъ на легатовъ обязанность не совсѣмъ легкую—увѣщевать отщепенцевъ, не хотѣвшихъ общенія съ Фотіемъ. Немногіе, говорилъ ораторъ, остаются внѣ общенія съ Фотіемъ и ихъ пусть увѣщеваютъ легаты; ибо предлогомъ для упорства отщепенцевъ служатъ ихъ подписи подъ опредѣленіями собора 869 года: не будь этого предлога, никто—ни малъ, не великъ, не сталь бы отрекаться отъ общенія съ Фотіемъ. „Лукавый устроилъ, продолжалъ Прокопій, дѣло такъ, что святыи крестъ, этотъ символъ мира и спасенія, въ настоящее время сдѣлался для непроницательныхъ людей поводомъ къ соблазнамъ (т.-е. ораторъ, кажется, указываетъ здѣсь на то, что подъ актами соборовъ иногда подписывающіе ихъ, какъ бы для большаго скрѣпленія подписаннаго, ставили кромѣ своего имени знакъ креста; такъ было, по предположенію оратора, и на соборѣ 869 года, а въ такомъ случаѣ крестъ сталъ предлогомъ къ несогласіямъ, основаніемъ не принимать Фотія, осужденнаго на указанномъ соборѣ).

Легать Петръ, едва ли понявшій всё тонкости рѣчи оратора, заявилъ, что сколько они легаты будутъ въ силахъ, — постараются увѣщевать сопротивляющихся, впрочемъ къ той же дѣятельности легать призываетъ и всѣхъ членовъ собора. Однако, отвѣщая на рѣчь Прокопія, легать ничего не сказалъ о соборѣ 869 года, который выставлялся восточнымъ ораторомъ, какъ причина упорства отщепенцевъ. Быть можетъ отвѣтъ легата Петра былъ найденъ соборомъ не вполне удовлетворительнымъ, а потому тотъ же Прокопій съ удареніемъ сказалъ, что главный поводъ къ отдѣленію для отщепенцевъ даютъ тѣ подписи, какія сдѣланы на соборѣ 869 года, направленномъ противъ Фотія. Члены собора подтвердили слова Прокопія, сознавшись, что изъ числа ихъ нѣкоторые сначала тоже не хотѣли входить въ общеніе съ Фотіемъ изъ за собора 869 года. Желая закончить разсужденія, вызванныя письмомъ папы къ императору, легаты спросили соборъ: принимаютъ ли члены его посланіе это? Отвѣтъ былъ утвердительный. Тогда легаты еще точнѣе поставили свой вопросъ и спросили: принимаютъ ли члены собора все посланіе папы со всѣми его подробностями? На этотъ вопросъ соборъ отвѣчалъ тоже утвердительно, но съ значительными оговорками: „все, что касается славы Церкви и признанія Фотія патріархомъ, мы принимаемъ; но что относится до дѣлъ государственныхъ и императора, то мы рѣшеніе ихъ предоставляемъ самому императору“. Чтобы понять смыслъ этихъ послѣднихъ словъ, нужно взять во вниманіе, что папа въ письмѣ къ императору просилъ его возвратить церковь Болгарскую папской юрисдикціи; разрѣшеніе этого-то вопроса соборъ и объявляетъ не подлежащимъ вѣдѣнію церковной власти ¹⁾.

Послѣ письма папы къ императору рѣшено было прочитать на соборѣ письмо папы къ Фотію. Это письмо также дало поводъ къ собесѣдованіямъ и преніямъ отцевъ собора. Въ письмѣ къ Фотію между прочимъ говорится: „Ты пишешь, что св. церковь Константинопольская единодушно склонилась къ признанію тебя патріархомъ и что ты занялъ кафедру, которая тебѣ принадлежала. Приносимъ отъ всего

¹⁾ Mansi. Concilia. XVII, 393—412.

сердца и всей души благодарность Богу за церковь Константинопольскую и за твое восстановление на патриаршестве". Папа извиняется въ томъ, что двое пословъ папскихъ (Евгевій и Павелъ), посланные было къ Игнатію, не вдругъ вошли въ общеніе съ Фотіемъ; объясняетъ, отчего это произошло, и замѣчаетъ, что это „лишеніе теперь обильно вознаграждено“. Мы узнали, пишетъ папа, что у васъ (въ церкви) есть нѣкоторые схизматики, которые ищутъ не спокойствія, а предначинаютъ дѣвольскую борьбу, такъ что они увлекаютъ за собою простодушныхъ. Какъ мы радуемся о твоёмъ восстановленіи, которое совершилъ Богъ, такъ и печалимся о случившемся раздѣленіи церкви“. Папа выражаетъ надежду, что мудрость и милосердіе Фотія положатъ конецъ раздѣленію. Тотъ же папа совѣтуетъ Фотію показывать снисхожденіе къ тѣмъ изъ епископовъ, приверженныхъ къ Игнатію, которые признаютъ его (Фотія) патриархомъ; Іоаннъ внушаетъ Фотію, чтобы онъ возвращалъ имъ ихъ должности и епархіи, коими они правили раньше.

По прочтеніи этого письма легатъ Петръ предложилъ Фотію вопросъ: принимаетъ ли онъ все, что написано въ письмѣ? Фотій отвѣчалъ, что онъ принимаетъ и вѣрно будетъ слѣдовать тому, что написано сообразно съ законами и что касается его лично. Затѣмъ легатъ сдѣлалъ благо-разумное предложеніе, вытекавшее изъ нѣкоторыхъ словъ папскаго письма, о томъ, какъ поступать на практикѣ съ игнатіанскими епископами, которые теперь протѣиваются Фотію, а потомъ пожелаютъ воссоединиться съ нимъ. Онъ предложилъ слѣдующее: игнатіанскіе епископы, въ случаѣ признанія ими Фотія патриархомъ, какъ ранѣе посвященные въ архіереи, должны занять свои прежнія кѣседры, а тѣ епископы, которые заняли было эти мѣста (очевидно разумѣются епископы, поставленные уже Фотіемъ по его восстановленіи), должны считаться безмѣстными и получать пропитаніе отъ этихъ же церквей, въ которыхъ они были извѣстное время предстоятелями; эти послѣдніе епископы должны оставаться въ такомъ положеніи дотолѣ, пока они не займутъ, въ случаѣ вакантности, кѣседру въ той церкви, отъ которой они получаютъ пропитаніе, или не будутъ поставлены на другія кѣседры.

Тотъ же легатъ предложилъ, чтобы епископы — Игнатіане, находящіеся въ ссылкѣ, были возвращены оттуда и были увѣщеваемы къ единенію съ Церковію. На заявленія Петра отвѣчалъ Фотій. На вопросъ о томъ, какъ поступать съ епископами игнатіанской партіи, воссоединяющимися съ патриархомъ, Фотій не далъ прямого отвѣта; вѣроятно онъ это дѣло предоставилъ своему личному усмотрѣнію. А касательно епископовъ, сосланныхъ въ ссылку, Фотій заявилъ, что императоръ подвергъ этому наказанію только двоихъ и притомъ по причинамъ не церковнымъ, а политическимъ: одинъ былъ зачинщикомъ, а другой участникомъ въ гражданскомъ возмущеніи; вина этого послѣдняго, по словамъ Фотія, увеличивалась еще тѣмъ, что онъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей позволялъ себѣ произносить порицанія на папу Іоанна. Фотій добавилъ къ этому, что если легаты желаютъ, онъ будетъ хлопотать предъ императоромъ о помилованіи ихъ.

Легатъ Петръ удовлетворился объясненіями Фотія относительно изгнанныхъ епископовъ и завелъ рѣчь о предметѣ, о которомъ не было упомянуто въ письмѣ папы къ Фотию, но который очень интересовалъ папу; говоримъ о церковномъ Болгарскомъ вопросѣ. Легатъ заявилъ, что ему дано порученіе потребовать отъ Фотія, чтобы онъ впередъ не посылалъ палліума въ Болгарію, и не посвящалъ для этой страны духовныхъ лицъ. Фотій отвѣчалъ: онъ высоко цѣнить миръ и предпочитаетъ любовь всему, съ своей стороны онъ готовъ все отдать и все подарить; увѣрялъ, что онъ не хочетъ пользоваться своими правами и примѣромъ другихъ (Игнатія?) и потому не посылалъ палліума (т.-е. омофора) ¹⁾ въ страну Болгарскую и не посвящалъ для нея духовныхъ лицъ; онъ готовъ дѣлиться съ друзьями даже

¹⁾ Палліумъ или омофоръ на Западѣ папа давалъ митрополитамъ въ знакъ ихъ подчиненія ему и въ знакъ ихъ особой власти въ той странѣ, гдѣ находились эти митрополиты. Ничего такого не дѣлали патриархи Востока. На Востокѣ омофоръ съ древнихъ временъ былъ обыкновенною принадлежностію каждаго епископа. Если Фотій говоритъ о посылкѣ палліумовъ въ западные страны, то вѣроятно онъ лишь просто примѣняется къ терминологіи легатовъ, разумѣя въ этомъ случаѣ поставленіе митрополитовъ для данной страны.

тѣмъ, что составляетъ его владѣніе, если это зависитъ отъ его воли и не противорѣчитъ древнимъ законамъ; наконецъ онъ говорилъ, что расширение границъ собственнаго патріархата для него есть не что иное, какъ увеличеніе трудовъ и заботъ. Легатъ Петръ, повидимому, удовольствовался подобнымъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ и сказалъ: „ты правильно мыслишь и правильно поступаешь“. Затѣмъ Фотій привелъ выдержку изъ своего прежняго письма къ папѣ Николаю, въ которомъ говорилъ, что не ищетъ подчиненія себѣ страны Болгарской. Двое митрополитовъ Прокопій Кесарійскій и Григорій Ефесскій, повидимому, взяли на себя заботу о томъ, чтобы поскорѣе покончить рѣчь о Болгаріи и дать вопросу такую постановку, при которой дальнѣйшія разсужденія казались бы излишними. Они сказали: можно надѣяться, что Богъ поможетъ нашему императору подчинить своей власти всѣ страны (?) свѣта, и тогда онъ сдѣлаетъ новый передѣлъ діоцезовъ (патріархатовъ) и удовлетворитъ желанія всѣхъ высшихъ іерарховъ. Соборъ согласился съ заявленіемъ этихъ ораторовъ и сказалъ, что не дѣло собора устанавливать границы патріархатовъ и что это нужно предоставить будущему времени. Разумѣется, на такое рѣшеніе вопроса нужно смотрѣть какъ на искусственный приемъ, при помощи котораго косвенно давался отрицательный отвѣтъ на папскія требованія.

Легатъ Петръ ставитъ на очередь другой вопросъ и проситъ разрѣшенія его отъ собора. Вопросъ этотъ тѣсно примыкаетъ къ главнымъ положеніямъ, высказаннымъ папою въ письмѣ къ Фотию. Онъ сказалъ: святѣйшій папа Іоаннъ чрезъ насъ спрашиваетъ васъ, какимъ образомъ снова занялъ патріархъ Фотій патріаршую кафедру. Ибо мы должны объявить, что онъ не имѣлъ права занять ее до нашего прибытія. Илія, уполномоченный Іерусалимскій, отвѣчалъ на это, что Фотій постоянно признавался патріархомъ со стороны трехъ восточныхъ патріаршихъ кафедръ, а также и со стороны почти всѣхъ епископовъ и пресвитеровъ Константинопольской церкви онъ почитался патріархомъ же; такимъ образомъ ничто не препятствовало взойти ему на патріаршество.— Не найдя здѣсь, повидимому, яснаго отвѣта

на вопросъ, легаты обратились къ епископамъ Константинопольскаго патріархата съ тѣмъ же вопросомъ. Братіе, говорили легаты, объясните, какимъ образомъ Фотій снова занялъ каеѣдру патріаршую? Соборъ отвѣчалъ: съ согласія трехъ восточныхъ патріаршихъ каеѣдръ, какъ сказалъ Ілія Іерусалимскій, затѣмъ по настоянію и живымъ увѣщаніямъ или точнѣе сказать рѣшительному принужденію со стороны нашего императора и по избранію и мольбамъ всей Константинопольской церкви. Легатъ Петръ задалъ другой вопросъ: не путемъ ли тиранніи занялъ Фотій патріаршество? Вопросъ нѣсколько странный послѣ сейчасъ сдѣланнаго заявленія и во всякомъ случаѣ обидный для присутствовавшего на соборѣ Фотія. Члены собора справедливо замѣтили легату: есть большое различіе между насиліемъ и увѣщаніемъ, и откуда могъ возникнуть самый вопросъ о тиранніи? Тираннія, продолжали свою рѣчь отцы собора, не раждаетъ теплаго чувства къ тиранну, тираннія не создаетъ любви; также единеніе Церкви не можетъ возникать изъ тиранніи. Легатъ Петръ остался теперь доволенъ объясненіями, данными на соборѣ. Онъ сказалъ: слава Богу, что все оказалось такъ, какъ вами изображено въ письмахъ къ папѣ: слова оправдались самими фактами. Соборъ замѣтилъ на это: благодатію Христа, содѣйствіемъ нашего благочестивѣйшаго императора, молитвами нашего святѣйшаго патріарха Фотія все совершилось безъ малѣйшаго замѣшательства; мы теперь одно стадо, одинъ пастырь, одно согласіе, соединены въ едино тѣло во Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ.

Такъ какъ эти разсужденія собора ближайшимъ образомъ касались личности Фотія, который слышаннымъ частію былъ ободренъ и польщенъ, частію задѣтъ за живое, то патріархъ счелъ нужнымъ сказать рѣчь, въ которой съ большою ловкостію, не задѣвая никого и не нанося никому непріятности даже неумѣстнымъ воспоминаніемъ, онъ говорилъ: „хотя вопросъ о томъ, какъ я снова занялъ патріаршество, получилъ разсмотрѣніе со стороны нашихъ братій и соепископовъ, тѣмъ не менѣе и я разъясню тотъ же вопросъ, имѣя предъ очами самого Бога, и полагаю, что

никто не отнесется съ подозрѣнiемъ къ моей рѣчи. Я никогда не домогался патріаршей кафедры, о чемъ знаютъ присутствующіе здѣсь епископы, если не всѣ, то большинство ихъ, и у святѣйшихъ апокрисіаріевъ не должно оставаться сомнѣній въ данномъ отношеніи. Въ первый разъ я взошелъ на эту кафедру по принужденію: принуждалъ меня тогдашній императоръ, а епископы своимъ избраніемъ меня, помимо моего вѣдома, — усилили и увеличили это насильственное дѣйствіе. Я взошелъ тогда на патріаршество къ моему глубочайшему прискорбію“. Здѣсь отцы собора прервали оратора заявленіемъ: „большая часть изъ насъ видѣла это собственными глазами; а другіе, если и не видѣли собственными глазами, то знали объ этомъ отъ очевидцевъ или на основаніи общераспространенныхъ слуховъ. Мы утверждаемъ, что именно такъ было, какъ говорить Фотій“. Ораторъ продолжалъ: „но потомъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ я изгнанъ съ своего мѣста. Я не употреблялъ никакихъ стараній, чтобы снова занять кафедру патріаршую, желанія быть возстановленнымъ на ней не было у меня. Я оставался покоенъ, предавшись волѣ Божіей; да еслибы я и желалъ этого, то у меня не было ни малѣйшихъ надеждъ. Но Богъ великій и чудный коснулся сердца нашего императора и послѣдній обратилъ ко мнѣ свою любовь, быть можетъ не ради меня, а ради многочисленнаго или точнѣе безчисленнаго народа Божія. Я возвращенъ былъ изъ заточенія въ столицу. Доколѣ живъ былъ блаженный Игнатій (я называю его блаженнымъ, потому что я вступилъ съ нимъ въ дружбу, — этого отрицать я не стану), я не могъ и думать, чтобы занять мою кафедру, хотя къ этому многіе увѣщевали меня и даже хотѣли понудить и больше всего къ этому шагу меня могло бы побуждать то, что братія мои и соепископы (архіереи Фотіевой партіи) претерпѣвали заточеніе, преслѣдованіе, изгнаніе. Однако мы не хотѣли ничего предпринимать, какъ знаютъ это всѣ присутствующіе“. Снова перерывъ оратора со стороны членовъ собора: „такъ, вѣрно“, говорили они. Ораторъ продолжалъ: „я дѣлалъ все, чтобы достигнуть мира съ Игнатіемъ, и этотъ миръ заключенъ былъ между нами,

когда онъ пришелъ во дворець (гдѣ жилъ Фотій по возвращеніи изъ ссылки); мы пали другъ другу въ ноги и просили взаимно прощенія, если въ чемъ согрѣшили мы другъ противъ друга. Когда онъ сдѣлался боленъ, я навѣщаль его много разъ, согласно его желанію, — утѣшаль и ободряль его, сколько могъ, и настолько пріобрѣль у него довѣрія, что онъ просилъ меня, по его смерти, принять попеченія о лицахъ къ нему приближенныхъ, и я исполниль это. Императоръ по смерти Игнатія объявилъ мнѣ свою волю, чтобы я занялъ патріаршество. Дважды приходили ко мнѣ уполномоченные отъ императора звать меня на кафедру, но я не давалъ моего согласія и просилъ объ одномъ—освободить изъ ссылки моихъ приверженцевъ. Тогда посѣтилъ меня самъ императоръ и своими словами принудилъ меня уступить. Что онъ тогда говорилъ, объ этомъ теперь не къ чему распространяться. Я нашель подкрѣпленіе своей рѣшимости въ соборныхъ посланіяхъ трехъ патріарховъ и въ письмѣ папы къ императору. Такимъ образомъ я занялъ снова патріаршую кафедру прежде всего по божественному милосердію, затѣмъ вслѣдствіе неожиданнаго стеченія обстоятельствъ и наконецъ по любви къ справедливости папы Іоанна“. Соборъ сказалъ: „все такъ было, какъ сказалъ первосвященникъ Божій; много, много онъ претерпѣль, но Богъ чуднымъ образомъ опять содѣлалъ его архипастыремъ“.

Легатъ Петръ по поводу рѣчи Фотія сказалъ нѣсколько словъ, въ которыхъ старался отъѣнить ту мысль, что Фотій обязанъ своимъ возстановленіемъ на патріаршествѣ папской власти. Онъ сказалъ: „Римская церковь и раньше возстановляла многихъ епископовъ, лишившихся своихъ кафедръ, какъ на примѣръ Флавіана и Златоуста Константинопольскихъ, Кирилла и Полихронія (?) Іерусалимскихъ; далѣе папа Григорій Великій одного епископа въ Далмаціи сначала за одно преступленіе лишилъ кафедры, а потомъ снова возстановилъ его; также папа Николай отставилъ отъ должности епископа Захарію (легатъ собора 861 года), а папа Адріанъ возстановилъ его, папа же Іоаннъ сдѣлалъ

его Римскимъ бібліотекаремъ (почетная должность) ¹⁾. Слѣдовательно папа Іоаннъ проявляетъ не меньшую заботливость о пользахъ Церкви, какъ и Николай и Адріанъ⁴ (очевидно легатъ здѣсь собственно разумѣлъ участіе Іоанна въ возстановленіи Фотія). Члены собора сказали: папа Іоаннъ достигъ тѣмъ большей славы, что онъ подражаетъ Христу, единому Первосвященнику, который пришелъ на землю, чтобы разрѣшить всѣ узы неправды. Іоаннъ сталъ благимъ посредникомъ и подражателемъ Христа и съ ревностію занялся тѣмъ, чтобы отдѣлившись отъ своего пастыря (Фотія) примирить съ нимъ. Послѣ этого перерыва легатъ Петръ продолжалъ, поясняя свою преждевысказанную мысль: „имѣя предъ глазами подобные примѣры, Іоаннъ возвратилъ тебя, Фотія, на твою кафедру; онъ обнялъ тебя, какъ брата и соепископа и съ радостію принялъ твое общеніе. Всѣ должны знать, что ты истинный братъ вселенскаго папы“. Фотій отвѣчалъ: „благодаримъ Христа Бога нашего, а также папу Іоанна, ибо онъ показалъ себя твердымъ въ борьбѣ съ схизматиками и содѣйствовалъ общему умиренію церковей“ ²⁾. Сѣйчасъ изложенныя рѣчи легата, Фотія и собора замѣчательны въ томъ отношеніи, что легатъ старался приписать какъ можно больше значенія папѣ въ вопросѣ о возстановленіи Фотія, а члены собора старались раскрыть, что участіе папы въ этомъ случаѣ не выходило за предѣлы основаннаго на законахъ участія римскаго епископа въ церковныхъ дѣлахъ. Этимъ заканчивается кругъ соборныхъ разсужденій, вызванныхъ публичнымъ чтеніемъ письма папы къ Фотію.

Дальше на томъ же второмъ засѣданіи читаны были различныя посланія восточныхъ патріарховъ по дѣлу возстановленія Фотія; но они, какъ и естественно, не возбуждаютъ большихъ преній. Легаты сдѣлали предложеніе прочесть посланія восточныхъ патріарховъ. Прежде всего вве-

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ взяты легатомъ изъ письма папы Іоанна къ императору Василію.

²⁾ Mansi, XVII, 412—428.

день былъ пресвитеръ Косма, недавно прибывшій въ столицу, апокрисиарій патріарха александрійскаго Михаила II; онъ привезъ два посланія, которыя и были вручены Фотію. Прочитано было первѣе всего посланіе патріарха къ императору Василію. Содержаніе его можетъ быть передано въ слѣдующихъ краткихъ словахъ. Патріархъ выражаетъ величайшую радость, что Фотій опять занялъ патріаршую кафедру, заявляя, что снова сталъ на „свѣщницѣ первосвященства“ славный мужъ для того, чтобы „свѣтомъ рѣчей своей мудрости и науки освѣщать всю Церковь“. Кто не находится въ общеніи съ нимъ и не признаетъ его вполне законнымъ патріархомъ, жребій таковыхъ, говоритъ патріархъ, съ богоубійцами (Иудеями). Патріархъ объявляетъ, что онъ всегда считалъ Фотія своимъ соепископомъ. Тотъ же Михаилъ II рекомендуетъ съ лучшей стороны своего апокрисиарія Косму, противопоставляя его Александрійскому уполномоченному собора 869 года, архидакону Іосифу, котораго патріархъ порицаетъ и признаетъ самозванцемъ¹⁾. По прочтеніи указанного посланія, члены собора сказали: мы знаемъ, что восточные патріархи никогда не отдѣлялись отъ общенія съ Фотіемъ. — Затѣмъ также читано было на соборѣ посланіе патріарха къ Фотію. Въ этомъ посланіи патріархъ обращается къ Фотію съ похвалами, въ высшей степени лестными для Византійскаго архипастыря; кажется, онъ сказалъ въ похвалу Фотія все, что только можно сказать. Далѣе онъ заявляетъ, что дѣло Фотія разсматривалось на соборѣ въ Іерусалимѣ и всѣми онъ признанъ, какъ дѣйствительный и истинный патріархъ столицы. Кто не въ общеніи съ Фотіемъ, тотъ считается отлученнымъ и проклятымъ отъ Святой и Животворящей Троицы. Онъ утверждаетъ, что имя Фотія внесено въ церковные диптихи Іерусалимской церкви на вѣчныя времена. Высказываетъ мысль, что Фотій предъизбранъ Богомъ въ архипастыри и іерархи еще отъ чрева матери. Произноситъ порицанія на патріаршихъ

¹⁾ Патріархъ слишкомъ строго судитъ объ Іосифѣ. Правильнѣе было бы признать его лишь превысившимъ свои полномочія на соборѣ 869 года. См. исторію этого собора, засѣданіе девятое.

уполномоченныхъ, бывшихъ на соборѣ 869 года, признають ихъ самозванцами, сообщаетъ, что двое изъ нихъ Илія Іерусалимскій и „глупый“ Іосифъ (уполномоченный отъ патріарха Александрійскаго) наказаны Богомъ смертію и притомъ заслужили еще смерть вѣчную; о третьемъ же представителѣ отъ восточныхъ патріарховъ на соборѣ 869 года—**Θомъ** Тирскомъ, явившемся сюда отъ лица патріарха Антиохійскаго, онъ замѣчаетъ, что **Θома**, не какъ прочіе, принесъ раскаяніе въ своемъ грѣхѣ и испросилъ себѣ прощеніе у автора этого письма, самого патріарха **Михаила**; притомъ послѣдній проситъ и **Фотія** простить вину раскаявшемуся **Θомъ**. Къ своему письму, адресованному **Фотію**, патріархъ приложилъ и покаянное письмо **Θомы**, которое было назначено для **Фотія** и было прочитано на разсматриваемомъ нами соборѣ.—Члены собора или восточные епископы просили **Фотія** оказать милосердіе покаившемуся **Θомъ** и простить его грѣхъ. Легаты съ своей стороны тоже высказались за прощеніе **Θомъ**, но при этомъ прибавили, что окончательное рѣшеніе этого дѣла нужно предоставить паллѣ, потому что грѣхъ очень великъ и есть грѣхъ противъ самого Бога. Прочіе члены собора однакожъ не согласились съ такимъ требованіемъ легатовъ и говорили: хотя грѣхъ **Θомы** Тирскаго и есть грѣхъ противъ Бога, но ближайшимъ образомъ онъ содѣянъ противъ **Фотія**, а поэтому болѣе, чѣмъ кому либо другому принадлежитъ **Фотію** же и право разрѣшить этотъ грѣхъ. **Фотій**, присоединяясь къ голосу большинства собора и принимая во вниманіе ходатайство за **Θому** восточныхъ патріарховъ, объявилъ этого самозванца-уполномоченнаго разрѣшеннымъ отъ прегрѣшенія; но при этомъ патріархъ Константинопольскій прибавилъ: „а если и папа **Іоаннъ** дастъ разрѣшеніе покаившемуся **Θомъ**, то это будетъ и еще лучше“. Въ отвѣтъ на эти слова **Фотія** легаты сказали: „папа **Іоаннъ** не хочетъ расходиться во мнѣніи съ **Фотіемъ**, но хочетъ подтвердить его сужденія“.

Послѣ писемъ патріарха Александрійскаго было прочтено на соборѣ письмо патріарха Іерусалимскаго **Θеодосія** къ **Фотію**. Это письмо, по словамъ **Фотія**, уже было извѣстно

членамъ собора, и теперь читалось только для формы, для того, чтобы можно было дать ему мѣсто въ актахъ собора. Письмо не богато содержаніемъ; въ немъ между прочимъ сказано по вопросу о Фотіи: „кто тебя, Фотія, не признаётъ патріархомъ, тому анаеема и да будетъ онъ отлученъ“. Въ письмѣ патріарха Θεодосія апокрисиарій его Илія названъ „столпникомъ“. Соборъ, выслушавъ посланіе, повторилъ слова его касательно анаеемы на непринимающихъ Фотія.

Въ заключеніе прочитано было посланіе послѣдняго изъ восточныхъ патріарховъ — Антиохійскаго. Патріархъ Антиохійскій по имени Θεодосій же писалъ Фотію: „три патріарха собственноручно писали тебѣ о томъ, что они признавали тебя патріархомъ, по Божіей милости, не только теперь, но и прежде. Мы устно и письменно возглашаемъ: кто тебя не признаётъ патріархомъ, тотъ проклятъ отъ Отца, Сына и Св. Духа“. Подобно патріарху Александрійскому, и этотъ патріархъ говоритъ о раскаяніи Θεомы Тирскаго, выдававшего себя за апокрисиарія Антиохійскаго на соборѣ 869 года, и испрашиваетъ ему прощенія у Фотія ¹⁾. По прочтеніи этого письма члены собора или восточные епископы сказали, что власть разрѣшать грѣхъ Θεомы принадлежитъ Фотію, такъ какъ самый грѣхъ совершенъ противъ него. Легаты и уполномоченные восточныхъ патріарховъ выразили радость по случаю возстановленія мира въ церкви, воздали хвалу папѣ Іоанну и патріарху Фотію. Многолѣтне императору закончило второе засѣданіе собора ²⁾.

Третье засѣданіе собора происходило 19 ноября въ присутствіи тѣхъ же лицъ, какъ и предыдущее засѣданіе. Оно открывается предложеніемъ со стороны легата Петра, чтобы прочитано было посланіе папы Іоанна, адресованное на имя епископовъ константинопольскаго церковнаго округа и прочихъ восточныхъ патріаршихъ округовъ. Въ письмѣ говорится, что папа приѣмлетъ и объѣмлетъ Фотія; мысль о содружествѣ папы съ Фотіемъ здѣсь выражена съ особенною эвергією, именно сказано: „кто Фотія не приѣмлетъ,

¹⁾ Теперь же было прочитано посланіе къ Фотію митрополита Амидскаго и Самосатскаго, но оно не имѣетъ интереса.

²⁾ Mansi. Tom. XVII, 428—449.

тотъ не пріемлетъ части съ нами (папою), а кто пріемлетъ его, тотъ пріемлетъ и насъ“. Въ письмѣ папа затрогиваетъ между прочимъ два вопроса: о поставленіи епископовъ прямо изъ мірянъ, и о церковной юрисдикціи надъ Болгарією. Относительно перваго вопроса папа приблизительно разсуждаетъ такъ: бывали случаи избрѣнія прямо изъ мірянъ въ епископы; такъ былъ избранъ Тарасій патріархъ константинопольскій, такъ же былъ избранъ Фотій; осуждать подобнаго рода избраніе названнхъ лицъ не слѣдуетъ, ибо они оказались пастырями съ высокими достоинствами, но все-таки это дѣло, противное церковнымъ правиламъ, должно быть на будущее время строго воспрещено. О Болгаріи рѣчь папы коротка: надъ Болгарскою церковію должна быть признаваема исключительно римская юрисдикція.

Легатъ Петръ спросилъ: принимаетъ ли соборъ то, что написано въ письмѣ папы? Соборъ отвѣчалъ, что всѣ принимаютъ Фотія патріархомъ. Тогда легатъ сказалъ: все ли будетъ исполнено такъ, какъ написано въ письмѣ? На этотъ новый вопросъ епископы, конечно, не могли отвѣчать утвердительно. На Востокъ или точнѣе въ Константинополь, не расположены были поступаться Болгарією и уступать духовную власть надъ нею Риму. Поэтому, члены собора дали такой же отвѣтъ, какой данъ былъ ими раньше, касательно этого же самаго вопроса; они говорили: „что относится къ славѣ Церкви, все такое мы пріемлемъ, и будемъ хранить всегда, а что касается иныхъ дѣлъ, не подлежащихъ нашему вѣдѣнію, а императорскому, то и предоставляемъ его волѣ“. Легатъ Петръ не удовольствовался этимъ замѣчаніемъ, снова заговорилъ и притомъ въ похвальномъ тонѣ—о письмѣ папы (онъ сказалъ: „въ посланіи нѣтъ ничего неосновательнаго“). Поднялся Прокопій кесарійскій и сказалъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что нельзя порицать обычая избирать иногда епископовъ изъ мірянъ. Значить, оказался и еще пунктъ въ посланіи, съ которымъ (пунктомъ) не желалъ согласиться соборъ. Прокопій такъ говорилъ: „въ посланіи сказано, что допускаютъ себѣ дѣло постыдное тѣ, кто позволяетъ избирать епископовъ изъ мірянъ. Но на это, говорилъ ораторъ, нѣтъ цер-

ковнаго запрещенія. Западныя ссылаются на правила собора Сардикійскаго (IV вѣка), но въ этихъ правилахъ запрещается избирать въ епископы лишь тѣхъ мірянъ, которые обременены богатствами или проходятъ адвокатскую должность, а такихъ лицъ Восточная церковь никогда не возводила въ епископское достоинство. Да еслибы какое церковное правило запрещало всѣхъ безъ исключенія мірянъ избирать въ епископы, то такое правило должно быть утверждено не помѣстнымъ, а вселенскимъ соборомъ, чтобы имѣть силу закона; въ такомъ случаѣ, правило имѣло бы обязательную силу для тѣхъ церквей, гдѣ обычаемъ утвердиль иную практику, ибо часто право обычая замѣняетъ правила. Отсюда вытекало, что если въ Византіи не держатся правила—не избирать епископовъ изъ мірянъ, то въ этомъ нѣтъ ничего постыднаго. Притомъ же, рассуждалъ Прокопій,—нѣтъ никакой пользы предпочитать клирика или монаха, ведущаго жизнь несообразную съ своимъ званіемъ, мірянину, живущему по предписаніямъ евангельскимъ; развѣ можетъ естественное рашевіе волосъ (рѣчь идетъ о мірянинѣ, изъ чего видно, что тогда клирики и монахи въ отлѣченіе отъ мірянъ, наголо, или почти наголо стригли себѣ волосы), быть препятствіемъ возведенію мірянина въ должность пресвитера и епископа?“ Длинную рѣчь, по тому же вопросу—объ избраніи епископовъ, произноситъ Захарія Халкидонскій. Онъ начинаетъ свою рѣчь выраженіемъ уваженія къ папѣ Іоанну и его легатамъ, хвалить Римскую церковь за то, что она, въ потребныхъ случаяхъ, показываетъ ревностную попечительность, и затѣмъ ставитъ себѣ вопросъ: какія основанія принимаются во вниманіе при запрещеніи избранія епископовъ изъ мірянъ? Въ этомъ случаѣ, разъясняетъ Захарія, — имѣется въ виду опасность избрать на духовную должность такое лицо, которое недостаточно преуспѣло въ добродѣтели, не усовершилось въ нравственномъ отношеніи. Значитъ, нѣтъ препятствія избирать во епископы такого мірянина, который отличается добродѣтелями и преуспѣлъ въ нравахъ. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ дѣятельности втораго вселенскаго собора, который возвелъ во епископы Константинополя

Нектарія, только что получившаго крещеніе, возвелъ, имѣя въ виду его нравственныя достоинства; есть и другіе примѣры въ подобномъ родѣ. При подобныхъ же обстоятельствахъ избранъ Амвросій Медиоланскій, Ефремъ антиохійскій, Евсевій кесарійскій (правильнѣе самосатскій), да вообще, такихъ примѣровъ можно найти великое множество. Нужно припомнить и то, что писалъ Василиій Великій Амфилохію иконійскому: „можно, писалъ онъ, избирать въ духовную должность и недавно крещеннаго, если такое лицо въ положеніи оглашеннаго проводило жизнь благочестивую“. Далѣе, избранные во епископы изъ мірянъ, отличались такими высокими достоинствами въ своей пастырской дѣятельности, что они въ состояніи отъять всякое безчестіе въ церкви Константинопольской, позволявшей себѣ указанную практику; сама Римская церковь признавала ихъ законными епископами. Мало этого: Римская церковь и въ своей средѣ имѣла епископовъ, избранныхъ прямо изъ мірянъ, — это лучше насъ знаютъ папскіе легаты“ ¹⁾. Затѣмъ, ораторъ повторяетъ тотъ аргументъ, который былъ приведенъ Прокопіемъ кесарійскимъ, именно, что сардикійское правило не всѣхъ мірянъ безъ исключенія устраняетъ отъ епископства, а лишь тѣхъ, которые были адвокатами, а съ этимъ церковь Константинопольская вполне согласна. Что касается въ частности патріарха Фотія, то, говорилъ ораторъ, онъ далеко держалъ себя отъ тревоженій, соединенныхъ съ занятіями адвоката. Если онъ, ради своихъ достоинствъ, принять былъ въ число славныхъ членовъ сената, то, однакожь, онъ не искалъ почета и въ такой мѣрѣ былъ проникнутъ стремленіемъ къ благамъ высшимъ (духовнымъ), что даже и живущіе въ горахъ аскеты ничто въ сравненіи съ нимъ. Къ этому еще нужно прибавить: многіе клирики и монахи, для замѣщенія каѳедры патріарха константинопольскаго, были поставлены кандидатами на ряду съ Фотіемъ, но онъ тогда былъ предпочтенъ всѣмъ. Да и скажите, спрашивалъ ораторъ, — къ чему нужно заставлятъ чловѣка, украшеннаго добродѣтелями, напередъ пройти низ-

¹⁾ Гергенрѣтеръ знаетъ только одинъ такой примѣръ.

шія церковныя степени для полученія епископства, какъ скоро добродѣтели, которыя онъ долженъ былъ бы пріобрѣсти, путемъ низшихъ церковныхъ степеней, уже раньше пріобрѣтены имъ?“ Въ заключеніе рѣчи, ораторъ распространяется о патріархахъ Тарасіи и Фотіи, доказывая, что хотя они на епископство взяты прямо изъ мірянъ, однако, заявили себя замѣчательною дѣятельностію противъ еретиковъ и успѣхами въ распространеніи христіанства среди язычниковъ.

По какой-то непонятной причинѣ, папскіе легаты не сдѣлали никакихъ возраженій ни одному изъ ораторовъ — ни Прокопію, ни Захаріи. Легать Петръ сказалъ только, по видимому, выражая согласіе съ тѣмъ, что онъ только что выслушалъ: „апостолы хотѣли избрать Іосифа, именуемаго также Варсавою, на мѣсто Іуды, для восполненія своего лика; но благодать Св. Духа предъизбрала на это мѣсто св. Матеія, такъ что избранъ былъ апостолами этотъ послѣдній. Нѣтъ несообразнаго и въ томъ, что и вы съ помощію Божіей благодати избрали Фотіа, а римскій епископъ призналъ его избраніе и подтвердилъ“ ¹⁾). Очевидно, пренія по вопросу, выдвинутому папскимъ посланіемъ, не привели ни къ какимъ строго-опредѣленнымъ заключеніямъ.

По предложенію легатовъ, прочитано было далѣе письмо іерусалимскаго патріарха Θεодосія, къ императору Василию. Содержаніе пасьма не представляетъ ничего особеннаго. Патріархъ желаетъ императору разрушить царство Сарацинъ, а Фотіа признаетъ законнымъ патріархомъ Византіи. Соборъ выразилъ одобреніе письму. Косвеннымъ образомъ это письмо возбудило на соборѣ вопросъ о патріаршихъ представителяхъ собора 869 годѣ т. е. побудило произнести осужденіе на ихъ самозванство. Дѣло происходило такъ: легаты спросили теперешняго іерусалимскаго уполномоченнаго—Илію: откуда пришло это письмо? кто его принесъ? Илія отвѣчалъ: „оно пришло отъ патріарха іерусалимскаго Θεодосія, на соборѣ іерусалимскомъ подтвердившаго законность возведенія Фотіа на кафедру, а принесъ его мой род-

¹⁾ Mansi. XVII, 449—460.

ной братъ, монахъ Андрей“. При этомъ Илія сказалъ, что сужденіе патріарха іерусалимскаго вполнѣ раздѣляютъ и патріархи александрійскій и антиохійскій. Папскій легатъ Петръ объявилъ: вотъ какимъ образомъ, въ настоящее время, высылаются письма восточныхъ патріарховъ для утвержденія Фотія; подобнымъ образомъ прислалъ письма и папа. Легатъ хочетъ сказать, что письма патріаршія и уполномоченные отъ патріарховъ въ настоящемъ случаѣ не возбуждаютъ противъ себя сомнѣній и подозрѣній. „Иначе было, говорилъ затѣмъ легатъ, во времена собора 869 года; тогда лица, посланные для выкупа плѣнныхъ Сарацынъ, выдали себя за апокрисіаріевъ патріаршихъ кафедръ; таковыми были Илія іерусалимскій и Тома тирскій ¹⁾. Въ виду того, что прежде появлялись лжеименные представители патріарховъ, мы, говоритъ легатъ Петръ, и остановились своимъ вниманіемъ на вопросахъ; кто принесъ патріаршее письмо? Откуда оно пришло?“ Легаты, очевидно, хотѣли предохранить соборъ отъ всякихъ подлоговъ и обмана. Сотоварищи Петра, легаты Евгеній и Павелъ, объявили, что они и сами видѣли своими глазами письма патріарховъ, много дней видѣли и принесшаго письма монаха Андрея, и нашли, что вѣра его правая и что онъ, дѣйствительно, тотъ, за кого онъ выдаетъ себя. Соборъ весь, т. е. вся совокупность восточныхъ епископовъ, сказалъ, что апокрисіаріи собора 869 года были ложные апокрисіаріи, слуги Сарацынъ и что они заслуживаютъ отлученія отъ Церкви, а теперешнихъ уполномоченныхъ отъ восточныхъ патріарховъ провозгласилъ истинными представителями ихъ патріарховъ.

Фотій воспользовался представившимся ему случаемъ, чтобы выразить тѣ тяжелыя чувства, какія возбуждала въ немъ дѣятельность собора 869 года, и тѣмъ ослабить значеніе, какое придавали этому собору враги патріарха. Фотій такъ говорилъ: „что произошло тогда, Богъ предель-

¹⁾ Замѣчательно, что легаты въ число фальшивыхъ патріаршихъ уполномоченныхъ не помѣщаютъ Іосифа изъ Александріи: быть можетъ, они не считали его за самозванца.

забвенію и намъ далъ возможность забыть случившееся. Скажу только объ одномъ. Когда я изгнанъ былъ изъ церкви и лишень кафедры, когда множество епископовъ и пресвитеровъ (партія Фотія) лишились своихъ мѣстъ и тяжело страдали, тогда я говорилъ моимъ врагамъ: если вашъ гнѣвъ обращенъ единственно противъ меня, дайте свободу этимъ (епископамъ его партіи); противъ меня вы можете предъявлять столько обвиненій, сколько хотите; ради свободы, ради благополучія этихъ, я готовъ принять на себя ваши обвиненія, одного обвиненія не приму на себя—въ нечестіи. Я предаю себя вамъ и вы можете дѣлать что хотите. Только одного я хочу, чтобы Церковь Божія избавлена была отъ тягостнаго зрѣлища, зрѣлища, какъ народъ Божій, многочисленный, преданный истинной вѣрѣ, со мною согласный, предается смерти, голоду, ссылкѣ, озлобленіямъ; какъ святая христіанскія таинства становятся предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ язычниковъ и варваровъ. Я говорилъ тогда это громкимъ голосомъ, я заклиналъ своихъ враговъ сдѣлать такъ и готовъ былъ сдержать свое слово: собственными страданіями искупить многихъ невинныхъ. И казалось, что въ началѣ нападеніе враговъ было направлено противъ меня одного, но потомъ ихъ гнѣвъ першелъ не только на многочисленныхъ епископовъ, но и на всѣхъ безъ исключенія людей, преданныхъ Богу. Но объ этомъ лучше пройти молчаніемъ. Въ заключеніе, Фотій говоритъ о совершенно непредвидѣнномъ для него событіи—собственномъ своемъ возстановленіи на патріаршествѣ.

Ясно, куда клонилась искусная рѣчь патріарха, — онъ хотѣлъ разъяснить, что заправители собора 869 года, были людьми неправды, преслѣдовали дѣли непохвальныя, и потому они не заслуживали доброй памяти, а осужденія. Въ такомъ родѣ и поняли рѣчь Фотія апокрисиаріи теперешняго собора. Они заявили, что въ настоящемъ случаѣ они дѣйствуютъ отнюдь не изъ какихъ-либо коростныхъ видовъ, но единственно руководятся истиною и справедливостію. Уполномоченный патріарха іерусалимскаго Ілія, желая дать знать, что онъ отнюдь не является какимъ-нибудь орудіемъ въ рукахъ Фотія, сказалъ, что онъ, Ілія, прежде прибытія въ

Константинополь, не видывалъ Фотія, что онъ, Илія, не получалъ отъ него писемъ и что, вообще, не имѣлъ съ нимъ сношеній, но прибылъ въ Константинополь ради страданій, понесенныхъ Фотіемъ и для засвидѣтельствованія о лживости прежнихъ апокрисіаріевъ. Такъ отличаетъ себя Илія отъ самозванныхъ и своекорыстныхъ патриаршихъ представителей собора 869 года. Въ томъ же родѣ сдѣлали замѣчанія, по поводу рѣчи Фотія, и папскіе легаты; они говорили, что они не имѣютъ пристрастія къ Фотію, не подкуплены подарками, но что они руководятся истиною, свидѣтельствомъ императора и свѣдѣніями о добродѣтеляхъ Фотія, по которымъ, онъ былъ такимъ патриархомъ, какого уже давно не было въ Византіи. Фотій выразилъ свою благодарность апокрисіаріямъ и заявилъ: „я имѣлъ бы многое сказать, еслибы рѣчь здѣсь шла о другомъ лицѣ, а не обо мнѣ, о моемъ же лицѣ я хочу молчать, какъ скоро нѣтъ настоящей нужды говорить“.—Легатъ Петръ сказалъ: „на Фотіи исполнились слова Евангелія: „не ишу славы Моея“.

Заключительнымъ дѣйствіемъ третьяго засѣданія было прочтеніе инструкции (Commoitorium), данной папою своимъ легатамъ, имѣвшимъ присутствовать на этомъ соборѣ. Чтеніе это предложено было легатомъ Петромъ. Остается неяснымъ, почему допущено было легатами публичное чтеніе вышесказанной инструкции, ибо инструкция, по самому понятію о ней, имѣла частное и даже тайное назначеніе. Она состояла изъ одиннадцати главъ. Въ первой главѣ внушалась легатамъ слѣдующая осторожность: прежде аудіенціи у императора, никому не давать въ руки папскихъ писемъ, Во второй главѣ указывалось: какъ привѣтствовать императора на аудіенціи. Въ третьей: какъ привѣтствовать Фотія, именно, внушалось назвать его братомъ и соепископомъ папы. Въ четвертой говорилось, что о папскомъ признаніи Фотія патриархомъ, легаты должны были заявить на соборѣ, и выражалось требованіе, чтобы Фотій на соборѣ воздалъ благодарность папѣ и исповѣдовалъ милость его, папы, къ патриарху. Пятая касалась Игнатіанъ, вступившихъ въ общенія съ Фотіемъ, при чемъ предписывалось

возвращать Игнатіанамъ епископамъ ихъ кафедры — на извѣстныхъ условіяхъ. Шестая опредѣляла порядокъ чтенія на соборѣ папскихъ посланій. Въ седьмой—внушалось дѣйствовать увѣщаніями на противящихся миру церковному и говорилось о прещеніяхъ, какимъ подлежали упорные изъ нихъ. Въ восьмой—провозглашалось правило, что по смерти Фотія не должно быть допускаемо возведеніе мірянъ прямо въ епископы. Девятою главою требовалось, чтобы впредь патріархъ Константинопольскій не назначалъ отъ себя духовенства въ Болгарію (т. е. требовалось признаніе исключительно папской юрисдикціи). Обращаетъ вниманіе наша десятая глава,—здѣсь говорилось: „хотимъ (папа говоритъ о себѣ), чтобы соборъ, бывшій при папѣ Адріанѣ въ Константинополь (869 г.), считался отвергнутымъ, лишеннымъ значенія и чтобы онъ не причислялся къ прочимъ святымъ соборамъ ¹⁾. Соборъ, при чтеніи этой главы инструкціи, сказалъ: „признавъ Фотія патріархомъ, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ, осуждаемъ и анаемствуемъ названный соборъ“. Илія іерусалимскій сказалъ: „Развѣ можно назвать соборомъ такое сборище, которое наполнило Церковь безчисленными смутами? Кто назоветъ соборомъ сборище, гдѣ посланцы Сарацынъ возведены были въ достоинство судей и законодателей? Можно ли причислять къ соборамъ собраніе, въ которомъ дѣло велось вопреки святымъ канонамъ, въ которомъ лица невинныя осуждены безъ суда, попраны ногами духовные и гражданскіе законы? Патріаршія кафедръ Востока, добавляетъ Илія, отвергли и предали анаемѣ дѣянія этого сборища“. Въ одиннадцатой главѣ инструкціи внушалось легатамъ не поддаваться подкупу и не давать увлечь себя лестью.

По прочтеніи инструкціи, члены собора и всѣ вмѣстѣ и въ лицѣ отдѣльныхъ представителей его выразили благодарность и хвалу легатамъ за то, что они вѣрно слѣдовали папской инструкціи и восприняли на себя труды по умиротворенію Церкви.

¹⁾ Чтеніе десятой главы инструкціи представляется явно поврежденнымъ. Ибо папа Іоаннъ, ни въ какомъ случаѣ, не могъ выразиться такъ резко о соборѣ 869 года: *rejecta, irrita et sine robore*.

Наконецъ легатъ Петръ спросилъ: прие́млетъ ли соборъ содержащееся въ инструкціи? Члены собора разумѣется выразили свое удовольствіе. Обычнымъ многолѣтнемъ и закончилось третье засѣданіе собора ¹⁾.

2.—Промежутокъ между третьимъ и четвертымъ засѣданіями собора.—*Четвертое* засѣданіе: появленіе уполномоченнаго отъ лица патріарха Антіохійскаго (Василій митроп. Мартиропольскій); новый патріархъ Іерусалимскій; чтеніе новыхъ патріаршихъ писемъ; рѣчи о единеніи Церкви.—Возсоединеніе двухъ патриціевъ съ Фотіемъ.—Пять предложеній (въ пяти главахъ), предъявленныхъ папскими легатами; пренія о каждомъ изъ нихъ.—*Пятое* засѣданіе: разсужденіе по вопросу о седьмомъ вселенскомъ соборѣ.—Старанія отцовъ привести къ единенію съ Фотіемъ главнаго противника его—Митрофана Смирнскаго; упорство послѣдняго.—Три правила составленныя на этомъ соборѣ, обстоятельства ихъ происхожденія и разъясненіе смысла правилъ.—Подпись дѣяній этого собора членами его.—*Шестое* засѣданіе въ присутствіи императора: рѣчь императора, въ которой объявляется, почему онъ не присутствовалъ на прежнихъ засѣданіяхъ.—Провозглашеніе и подтвержденіе Никео-константинопольскаго символа въ знакъ единенія и мира церквей и опредѣленіе о неприкосновенности этого символа.—Заявленіе императора, что онъ вполне принимаетъ дѣянія собора 879—880 года и подписаніе имъ этихъ дѣяній.—*Седьмое* и послѣднее засѣданіе.—Значеніе собора 879—880 г.

Между третьимъ и четвертымъ засѣданіями собора 879—880 годовъ проходитъ довольно значительный промежутокъ, — болѣе мѣсяца (именно 35 дней). Изъ актовъ собора не видно, отчего произошелъ такой перерывъ въ соборной дѣятельности; на этотъ счетъ можно сдѣлать лишь нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Прежде всего можно думать, что поджидали прибытія лица уполномоченнаго отъ патріарха Антіохійскаго; этого уполномоченнаго не видимъ на первыхъ засѣданіяхъ собора, а появляется онъ только съ четвертаго засѣданія. Очень возможно также, что указанный промежутокъ времени отчасти употребленъ былъ на то, чтобы посредствомъ бесѣдъ и убѣжденій склонить упорныхъ изъ Ігнатіанъ къ единенію съ патріархомъ Фотіемъ. Занимался ли кто изъ восточныхъ

¹⁾ Mansi. XVII, 460—473.

епископовъ, членовъ собора, этимъ дѣломъ, сказать трудно, но несомнѣнно указанной задачѣ посвятили много времени папскіе легаты, какъ они сами заявляютъ объ этомъ на четвертомъ засѣданіи собора (изъ чего видно, что они продолжительнымъ увѣщаніемъ Игнатіанъ занялись именно предъ этимъ засѣданіемъ) ¹⁾. Наконецъ иногда дѣлають очень вѣроятное предположеніе, что къ удлиненію промежутка между третьимъ и четвертымъ засѣданіями собора послужила смерть Григорія Асвесты ²⁾, знаменитаго главы партіи, противодѣйствовавшей Игнатіанамъ еще до времени патріаршествованія Фотія; Фотій глубоко чтитъ Григорія Асвесту и послѣдовавшая въ теченіе собора смерть его побудила патріарха почтить покойнаго іерарха похвальными надгробными рѣчами ³⁾. Разумѣется, нельзя думать, чтобы смерть и торжественное погребеніе Григорія взяли много времени, но все же эти обстоятельства могли отнять у предсѣдателя собора, Фотія, вѣскольکو дней.

Четвертое засѣданіе собора происходило 24 декабря 879 года, наканунѣ праздника Рождества Христова. Послѣ открытія засѣданія протонатарій Петръ возвѣстилъ, что незадолго предъ этимъ прибылъ въ столицу уполномоченный патріарха Антіохійскаго, Василиій митрополитъ Мартиропольскій, что онъ принесъ съ собою письма какъ патріарха Антіохійскаго, такъ и новаго патріарха Іерусалимскаго, находится у дверей и проситъ позволенія явиться на соборъ. Послѣдовало дозволеніе войти. Василиій Мартиропольскій, войдя на соборъ, привѣтствовалъ предсѣдателя Фотія; послѣдній послѣ молитвеннаго возгласенія обнялъ апокрисарія, спросилъ его о здравіи патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго и о благосостояніи управляемыхъ ими церквей. Апокрисарій далъ отвѣтъ благопріятный, прибавивъ, что благодаря молитвамъ Фотія церкви находятся въ мирѣ и согласіи. Затѣмъ тогоже апокрисарія при-

¹⁾ Mansi. Concilia. Tom. XVII, 485.

²⁾ Hergengöther. В. II, 492, при чемъ этотъ авторъ указываетъ основанія, на которыхъ утверждается догадка, что Григорій умеръ въ промежуткѣ между 3 и 4 засѣданіями собора.

³⁾ Nicetas. Vita Ignatii, p. 573 (Migne, tom. 105.).

вѣтливо приняты папскіе легаты, и онъ занялъ свое мѣсто. Эпизодъ вступленія и приѣма Антиохійскаго уполномоченнаго самъ по себѣ, конечно, не важенъ, но онъ имѣеть значительный интересъ, если мы припомнимъ, какъ приняты были на соборѣ папскіе легаты во время перваго засѣданія его. Оказывается приѣмъ этихъ послѣднихъ и Василія былъ одинаковъ до послѣднихъ мелочей. Можно полагать, что Фотій совершенно сравнивалъ въ приѣмѣ какъ папскихъ легатовъ, такъ и патриаршихъ уполномоченныхъ для того, чтобы показать, что легаты такіе же члены собора, какъ и патриаршіе уполномоченные и не имѣютъ преимуществъ предъ послѣдними, несмотря на извѣстныя притязанія напѣ. Василія Мартиропольскаго, по обычаю, соборъ спросилъ о причинѣ его прибытія и отъ кого онъ посланъ; на это Василій отвѣчалъ, что онъ уполномоченный отъ лица патриарха Антиохійскаго, принесъ письма двухъ патриарховъ, а о причинѣ его посольства, сказалъ онъ, что дастся разъясненіе въ письмахъ, имъ принесенныхъ. Впрочемъ уполномоченный не счелъ излишнимъ и на словахъ объяснить, съ какою цѣлію онъ посланъ, — онъ говорилъ: патриархъ Антиохійскій Θεодосій всегда признавалъ Фотія законнымъ патриархомъ и отвращался тѣхъ, кто не считалъ его такимъ; самъ онъ, Василій, посланъ отъ своего патриарха для участія на соборѣ; о патриархѣ же Іерусалимскомъ недавно избранномъ, Иліѣ, тотъ же уполномоченный заявилъ, что онъ (Илія), какъ и предшественникъ его (Θеодосій), не принималъ никакого участія въ тѣхъ несправедливостяхъ, кои учинены противъ Фотія, а прежнихъ апокрисіаріевъ (т.-о. бывшихъ на соборѣ 869 года) считаетъ „сарацынскими мѣстоблюстителями“, самозванно принявшими на себя представительство отъ своихъ патриарховъ, и анаемствуетъ ихъ. Наконецъ Василій говорилъ, что онъ имѣеть порученіе заявить, что Илія Іерусалимскій признавалъ прежде, теперь признаетъ и въ будущемъ станетъ признавать Фотія истиннымъ патриархомъ. Василій потомъ передалъ Фотію принесенныя имъ письма, которыя и были прочитаны на соборѣ. Прежде прочитано было письмо патриарха Антиохійскаго, въ которомъ между про-

чимъ говорилось, что вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ Антиохійская церковь, всѣ епископы и пресвитеры ея, зная высокія святительскія совершенства Фотія и его ученость, признаютъ его патріархомъ, находились въ общеніи съ нимъ, а не принимающихъ Фотія считали врагами церковнаго порядка¹⁾. Письмо патріарха въ очень опредѣленныхъ чертахъ указываетъ на то, что Василій Мартиропольскій есть полноправный апокрисиарій церкви Антиохійской. Это письмо патріарха по сравненію съ прежнимъ его письмомъ къ тому же собору носитъ вполне оффиціальныя характеръ и назначено къ тому, чтобы засвидѣтельствовать истинность посольства Василія Мартиропольскаго. По прочтеніи этого письма сказано было на соборѣ нѣсколько коротенькихъ рѣчей. Первымъ выступаетъ легатъ Петръ. Онъ указалъ на то, что всѣ патріаршія кафедры одинаково признаютъ Фотія патріархомъ и выражаютъ попеченія о мирѣ церковномъ; въ этомъ случаѣ, говорилъ Петръ, патріархи являются единодушными и вполне согласными съ вселенскимъ папою, этою „главою всѣхъ церквей“; восточные патріархи, рассуждалъ ораторъ, должны были слѣдовать голосу святѣйшей церкви Римской, что они и сдѣлали по благоволенію Св. Духа. Прокопій Кесарійскій говорилъ вслѣдъ за Петромъ и имѣлъ въ виду особую цѣль. Восточный ораторъ сказалъ: „когда божественное рѣшеніе (*θεία φησις*, — дѣло идетъ о всеобщемъ признаніи Фотія патріархомъ) дано свыше (отъ небесъ, отъ Бога), тогда всѣ причастники Св. Духа (т.-е. истинные христіане) принимаютъ это рѣшеніе и радуются о немъ; поэтому и мы возрадуемся о всеобщемъ согласіи въ церкви“. Слова Прокопія представляютъ собою поправку къ заключительному выраженію рѣчи легата Петра. Легатъ заявилъ, что папа заботился о единеніи въ церкви и что результатъ этихъ заботъ былъ самый отрадный, потому что всѣ послѣдовали папскому рѣшенію, какъ-де и слѣдовало сдѣлать; напро-

¹⁾ Патріархъ сказалъ слишкомъ много. Правильнѣе было бы сказать, что церковь Антиохійская признавала Фотія законнымъ архипастыремъ и въ первое его патріаршествованіе.

тивъ Прокопій далъ замѣтить, что въ благопріятномъ результатѣ главное дѣло — не папское вліяніе, а содѣйствіе Божіе. Такимъ образомъ Прокопій старался устранить папистическія идеи легатовъ. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько восклицаній со стороны всего собора: кто не признаетъ и не радуется миру церковному, тотъ врагъ мира и самого царя мира — Христа и т. п. -- Приступлено было къ чтенію другаго патріаршаго письма, именно письма Иліи Іерусалимскаго. Письмо патріарха Иліи, какъ и вообще письма восточныхъ патріарховъ писавшихъ по дѣлу Фотія, не богато содержаніемъ. Патріархъ признаетъ, подобно своему предшественнику, Фотія истиннымъ архипастыремъ Константинополя; замѣчательно, что патріархъ Іерусалимскій называетъ себя недостойнымъ епископомъ, занимающимъ ту самую кафедру, на которой возсѣдалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ (του αυτου θρονου του σωτηρος ημων παρακαθημενος). Чтеніе письма побудило соборъ къ новому и новому прославленію достоинствъ и доблестей патріарха Фотія. Соборъ въ его цѣломъ говорилъ: „за все нужно благодарить Бога, который столь совершенное согласіе (по поводу признанія Фотія патріархомъ) распространилъ до самыхъ концовъ земли. Боже храни твое святительство, святѣйшій владыка (Фотій), многія лѣта; Боже умножь дни твои во славу Церкви“. Затѣмъ начались отдѣльныя рѣчи соборныхъ ораторовъ, направленные тоже къ прославленію Фотія. Представитель патріарха Іерусалимскаго — Илія между прочимъ указалъ на то, что вслѣдствіе широкаго распространения славы Фотія, къ послѣднему присылали письма даже сарацны, прося научить ихъ истинамъ вѣры и желая принять крещеніе. Эту рѣчь Иліи соборъ принялъ съ особеннымъ одушевленіемъ и восторгомъ. Члены собора восклицали: „кто не знаетъ, что Богъ обитаетъ въ Фотіи!“ Самые папскіе легаты, какъ бы забывъ на время о папѣ Римскомъ, котораго они старались такъ превозносить, стали прославлять Фотія въ такихъ словахъ, которыя представляются чѣмъ-то совсѣмъ неожиданнымъ. Они, легаты, провозглашали: „какъ солнце, хотя оно находится на небеси, однако свѣтомъ своимъ наполняетъ всю землю; такъ и нашъ

владыка Фотій, хотя онъ имѣетъ кафедру въ Константинополѣ, однакоже освѣщаетъ и просвѣщаетъ всяку тварь (omnem creaturam)¹⁾. Наконецъ нѣсколько словъ въ честь и хвалу Фотія говоритъ и еще ораторъ, Прокопій Кесарійскій; онъ сказалъ: благословенъ Богъ нашъ, собравшій чрезъ посредство Фотія столь достопочтенныхъ мужей съ Запада и Востока для того, чтобы привести къ единству разсѣянные члены Церкви. Ибо нашъ всесвятѣйшій владыка, Фотій, подражаетъ Христу, нашему истинному Богу, подъявшему на свои рамена потерянную овцу; онъ, Фотій, никого не презрѣлъ, никого не оттолкнулъ, но всѣхъ призывалъ къ единенію и миру и восстановленію благочинія въ Церкви; но почему успѣлъ призвать всѣхъ къ этому? спрашиваетъ ораторъ и отвѣчаетъ: потому что Богъ мира опочилъ въ немъ — Фотіѣ¹⁾. Такимъ образомъ чтеніе новыхъ писемъ отъ патріарховъ восточныхъ даетъ новый поводъ къ восхваленію Фотія, восхваленію единодушному, ибо въ немъ принимаютъ живое участіе и папскіе легаты, восхваленію необыкновенному, почти безпримѣрному.

Въ актахъ тогоже четвертаго засѣданія разсказывается эпизодъ, изъ котораго видно, что легаты старались о воссоединеніи упорныхъ Игнатіанъ съ Фотіемъ и что это занятіе ихъ имѣло значительный успѣхъ. Легатъ Петръ заявилъ на соборѣ, что они, легаты, прибывшіе въ Константинополь съ цѣлію привести всѣхъ къ единенію, посвящали много времени этому дѣлу и достигли успѣха. Затѣмъ легатъ Петръ прибавилъ: „молитвами св. Апостоловъ, двое патриціевъ, доселѣ отдѣлявшихся отъ Фотія, принесли полное раскаяніе и молятъ о прощеніи“. (Имена этихъ патриціевъ не названы). „По ихъ собственнымъ словамъ, эти патриціи, говорилъ далѣе тотъ же легатъ, — ожидали нашего прибытія въ Константинополь и потому держали себя вдали отъ единенія съ патріархомъ. Но теперь, когда они достовѣрно узнали, что Римская церковь признаетъ Фотія законнымъ патріархомъ и заботится о соединеніи Церкви, они раскаялись отъ всего сердца. Итакъ, примите ихъ въ общеніе“ (обра-

¹⁾ Mansi. Conc., XVII, p. 476—485.

щеніе къ собору). Члены собора, въ отвѣтъ на это, сказали: „мы видѣли ихъ и приняли ихъ въ общеніе. Единственно, что удерживало ихъ отъ воссоединенія съ Фотіемъ,—это подписи, данныя ими противъ Фотія ¹⁾, къ чему они были побуждены ложными патриаршими уполномоченными собора 869 года и другими лицами. Они, патриции, говорили, по заявленію членовъ собора,—что еслибъ грѣхъ ихъ былъ не лично противъ святѣйшаго Фотія, то они стали бы искать разрѣшенія у этого патриарха, но такъ какъ грѣхъ ими учиненъ именно противъ этого послѣдняго, то они сочли нужнымъ искать разрѣшенія грѣха и прощенія у другой патриаршей каеодры (т.-е. у представителей папы—легатовъ). И такъ какъ они получили желаемое ими прощеніе, то и приняли его (Фотія) со всею радостію и отвергли тѣхъ, кто не вошелъ въ единеніе съ Фотіемъ. Вслѣдствіе всего этого, объявляли члены собора,—мы пріемлемъ патриціевъ, какъ нашихъ дѣтей и признаемъ членами Церкви“. Папскіе легаты на это отвѣчали: „если соборъ принимаетъ раскаявшихся патриціевъ и если такъ поступилъ и святѣйшій Фотій, то и мы принимаемъ ихъ. Ибо кого Фотій принимаетъ, того принимаемъ и мы, и кого онъ отвергаетъ, того отвергаемъ и мы съ нимъ, поступая въ этомъ случаѣ согласно со словами папы Иннокентія, который говорилъ: кому протягиваете руку вы, тому—и я, какъ св. Церковь печалится о раздѣленіи ея членовъ, такъ она же и радуется о соединеніи и согласіи ихъ“ ²⁾. Соборъ въ настоящемъ случаѣ говоритъ о воссоединеніи съ Фотіемъ только двухъ лицъ—двухъ патриціевъ, а не говоритъ о другихъ Игнатіанахъ, которые, по свидѣтельству папскихъ легатовъ, тоже вошли въ обращеніе съ патриархомъ, — вѣроятно потому,

¹⁾ Такими подписями нужно считать не подписи патриціевъ подъ актами собора 869 года, такъ какъ подъ актами этого собора подписались кромѣ епископовъ лишь императоръ и его сыновья; вѣроятно, въ свое время отъ лицъ занимающихъ высокое государственное положеніе была вытребована подписка, что они соглашаются съ актами 869 года; объ этихъ-то подписяхъ, какъ кажется, и идетъ теперь рѣчь.

²⁾ Слова Иннокентія приводятся въ письмѣ папы Іоанна VIII къ восточнымъ епископамъ.

что вышеупомянутые патрициі представляли собою очень вліятельныхъ сановниковъ въ государствѣ и примѣръ ихъ могъ быть поучителенъ для другихъ, менѣе важныхъ приверженцевъ Игнатія и враговъ Фотія.

Какъ видно изъ хода соборной дѣятельности до четвертаго засѣданія, папскіе легаты дѣлали на соборѣ попытки достигнуть разрѣшенія нѣсколькихъ вопросовъ церковнаго характера, которые особенно интересовали папъ, но эти попытки ни къ чему не приводили: члены собора старались отклонить точное рѣшеніе этихъ вопросовъ. Въ этомъ случаѣ членами собора руководило то соображеніе, что вопросамъ, какіе ставили легаты, нельзя было дать такого рѣшенія, которое бы удовлетворило обѣ стороны—и сторону Рима, и сторону Востока, или другими словами: и папу, и Восточную церковь. Но легаты не удовлетворились такимъ неопредѣленнымъ результатомъ и захотѣли добиться болѣе опредѣленнаго постановленія касательно вопросовъ, интересующихъ Римскую церковь. А потому они сочли нужнымъ внести снова на разсмотрѣніе собора свои предложенія, изложивъ ихъ въ пяти отдѣльныхъ краткихъ главахъ.

Въ первой главѣ предложеній говорилось: „предстоятель церкви Константинопольской не долженъ ни посвящать духовныхъ лицъ для Болгаріи, ни посылать туда палліума“. Предложеніе это и на этотъ разъ, какъ и прежде, не встрѣтило ни малѣйшей поддержки въ членахъ собора. Отцы собора попрежнему говорили: это дѣло не подлежитъ вѣдѣнію собора и должно быть отложено до другого времени; это дѣло, говорили они,—должно быть рѣшено императорскою властію, при чемъ епископы брали на себя трудъ ходатайствовать предъ императоромъ, чтобы онъ занялся разсмотрѣніемъ вопроса о Болгаріи. Приблизительно въ тожьже родѣ высказались и отдѣльные ораторы собора. Прокопій кесарійскій говорилъ: „можно надѣяться, что благочестивый императоръ (Василій), по благоволенію Божию и по молитвамъ святѣйшаго Фотія, силою оружія востановитъ древнія границы своего (Римскаго) царства и пріобрѣтетъ власть надо всею землею; когда же это случится, тогда императоръ по своему усмотрѣнію опредѣлитъ гра-

ницы патріархатовъ, такъ что между патріархами не будетъ возникать никакихъ споровъ, а будетъ царствовать миръ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ“. Другой ораторъ — Теофилъ митрополитъ иконійскій уже слишкомъ много наобѣщаль папѣ въ будущемъ, когда говорилъ: „папа тогда получитъ больше того, чѣмъ сколько онъ желаетъ и требуетъ, ибо Фотій питаетъ великую любовь и почтеніе къ папѣ“. Еще другой ораторъ — Никита смирскій раскрываетъ мысль, что и нѣтъ основаній много заботиться о разграниченіи патріархатовъ римскаго и константинопольскаго; именно онъ говорилъ: „любовь и духовное братство между римскимъ первосвященникомъ и нашимъ патріархомъ такъ велики, что они составляютъ какъ бы одну душу; поэтому можно считать, что они какъ бы сообща управляютъ подвѣдомымъ имъ народомъ и подчиненными ихъ власти странами и что каждый изъ нихъ въ приобрѣтенія сдѣланномъ другимъ видитъ свое собственное приобрѣтеніе“. Въ соотвѣтствіи съ такими рѣчами ораторовъ, соборъ сказалъ: „и мы говоримъ тоже самое“. Этими кончились пренія по вопросу болгарскому. Возражали ли что папскіе легаты по поводу рѣчей членовъ собора, изъ актовъ не видно; но во всякомъ случаѣ они должны были чувствовать себя неудовлетворенными.

Вторая глава предложеній, сдѣланныхъ папскими легатами, гласила слѣдующее: „никто изъ мірянъ не можетъ быть возводимъ на будущее время на кафедру церкви Константинопольской. Если это случалось раньше и было во благо, то это обыкновеніе не должно считать закономъ для будущихъ поколѣній“. Соборъ не принялъ и этого предложенія легатовъ. Противъ него прежде всего высказались апокрисіаріи трехъ восточныхъ патріарховъ. Они говорили: „въ церквахъ Александрійской и Антиохійской и св. града принято выбирать епископовъ безразлично изъ мірянъ, монаховъ и клириковъ, при чемъ принимаются во вниманіе, главнымъ образомъ, душевные достоинства избираемыхъ. Не ради однихъ клириковъ, говорили апокрисіаріи, — сходилъ Христосъ съ небеси и не имъ однимъ Онъ обѣщаль награду за добродѣтель, но всѣмъ христіанамъ“.

Если принять предложеніе легатовъ, продолжали свои рѣчи апокрисіаріи,—тогда запустѣютъ архіерейскія кафедръ и потерпятъ онѣ вредъ; притомъ же, если принять это предложеніе, то оно будетъ служить укоромъ для тѣхъ достойнѣйшихъ патріарховъ, которые прежде этого были избраны изъ мірскаго званія“. Прочіе члены собора говорили: „въ каждой церкви есть свои обычаи, наслѣдованные отъ древнихъ временъ; ихъ находятъ въ церквахъ Римской, Византійской и прочихъ восточныхъ патріархатахъ. Если Римская церковь никогда не допускала избранія епископа изъ мірянъ, то и пусть она остается при этомъ обыкновеніи; можно только пожелать, чтобы между клириками и монахами встрѣчалось какъ можно больше людей достойныхъ сана епископскаго; но во всякомъ случаѣ никого не слѣдуетъ отстранять отъ должности епископской, подъ предлогомъ непринадлежности его къ числу клириковъ,—разумѣется, если избираемый—лице, отличающееся способностями и достоинствами“. Такимъ образомъ и второе предложеніе легатовъ тоже было отстранено соборомъ ¹⁾.

Въ третьей главѣ предложеній легатовъ папскихъ значилось: „никто не долженъ быть возводимъ на кафедру константинопольскаго епископа изъ числа лицъ принадлежащихъ къ другой церкви; епископъ константинопольскій долженъ быть избираемъ лишь изъ пресвитеровъ и діаконовъ, принадлежащихъ къ штату этой церкви“ (ex cardinalibus). И это предложеніе легатовъ тоже было отклонено соборомъ. Члены собора говорили: „это предложеніе заключается уже въ предыдущемъ“, и выражали желаніе, чтобы въ церкви Константинопольской не переводились отличающиеся достоинствами священники и діаконы; но если между ними не встрѣтятся достойныхъ патріаршей кафедръ, то нужно отдавать предпочтеніе достойнѣйшимъ, т.-е. очевидно

¹⁾ Представляется не совсемъ понятнымъ, почему соборъ отвергъ предложеніе легатовъ, тогда какъ соборъ 861 года (прав. 17) уже принялъ подобное предложеніе, сдѣлавъ его церковнымъ постановленіемъ. Впрочемъ слѣдуетъ сказать, что новое рѣшеніе вопроса на соборѣ 879 года не было принято въ составъ каноническихъ правилъ, дѣйствующихъ въ церковной практикѣ,

избирать и изъ клириковъ другихъ городовъ, не ограничиваясь штатомъ духовенства столичной церкви.

Два другія предложенія легатовъ, напротивъ, приняты были соборомъ очень охотно. Въ четвертой главѣ разсматриваемыхъ предложеній говорилось: что сдѣлано противъ патріарха Фотія, какъ на соборѣ Римскомъ при папѣ Адрианѣ, такъ и на соборѣ Константинопольскомъ (869 г.) при томъ-же папѣ, слѣдуетъ считать уничтоженнымъ ¹⁾. Самопо-себѣ понятно, такого рода предложеніе могло быть принято на соборѣ лишь съ радостію. Василиій мартиропольскій, апокрисиарій антиохійскаго патріарха, заявилъ, что патріархъ александрійскій (?) Михаилъ съ своими епископами уже давно отвергъ и анаематствовалъ все, что учинено противъ святѣйшаго Фотія, а всѣхъ, принимающихъ акты собора 869 года, подвергъ отлученію; такъже поступилъ, по словамъ Василя, и патріархъ антиохійскій Θεодосій, ибо онъ подвергъ анаемѣ всѣхъ, кто называетъ это соборъ (869 г.) соборомъ. Апокрисиарій патріарха александрійскаго Косма указалъ на письмо своего патріарха въ Константинополь, какъ на выраженіе согласія этого іерарха съ тѣмъ, что предложено сейчасъ на соборѣ легатами. Илія іерусалимскій, апокрисиарій отъ лица прежняго и теперешняго патріарховъ іерусалимскихъ, объявилъ отлученіе на приверженцевъ собранія, бывшаго подъ руководствомъ „сарацинскихъ апокрисиаріевъ“. Всѣ члены сказали: „всѣ мы такъ мыслимъ; всѣ такъ учили; этому предложенію папы Іоанна мы болѣе радуемся, чѣмъ другимъ его предложеніямъ; анаематствуемъ съ величайшею ревностію все, что учинено было противъ Фотія“.—Пятая глава предложеній выражена была въ слѣдующихъ словахъ: „тѣ, которые доселѣ отдѣляются отъ святой Церкви и отъ патріарха Фотія и остаются въ схизматическомъ заблужденіи, таковыя лишаются тѣла и крови Христа, Бога нашего, а также общенія съ вѣрующими, пока они пребываютъ въ

¹⁾ Въ подлинникѣ предложеніе изложено въ болѣе строгихъ выраженіяхъ, но едва ли легаты безъ особенной нужды позволили бы себѣ говорить такимъ языкомъ.

своёмъ заблужденіи“. Выслушавъ это предложеніе, члены собора сказали: „это всѣмъ угодно, вы правильно судите“. При этомъ соборъ объяснилъ, что враговъ Фотія осталось уже немного и притомъ они изъявляютъ готовность припасть къ ногамъ Фотія и испросить у него прощенія въ своёмъ грѣхѣ.

Въ заключеніе засѣданія легаты Петръ сказали: „соблазны устранены изъ среды церковной, истина возблестала“. и затѣмъ выразилъ одно желаніе, которое нашло себѣ полное сочувствіе въ членахъ собора, именно онъ предложилъ, чтобы литургія въ день праздника Рождества Христова была совершена, самымъ торжественнымъ образомъ, Фотіемъ вмѣстѣ со всѣми членами собора. Соборъ отвѣчалъ: „да будетъ такъ, какъ вы говорите“. Конечно для патріарха Фотія такой фактъ, какъ служеніе съ нимъ въ Софійскомъ храмѣ легатовъ и всѣхъ членовъ собора, былъ въ высшей степени пріятенъ; этимъ давалось наглядное свидѣтельство, что патріархъ въ самомъ дѣлѣ принятъ въ общеніе всѣми церквами на Востокѣ и на Западѣ. Разсматриваемое засѣданіе закончилось обычнымъ многолѣтнімъ императору ¹⁾.

Пятое засѣданіе собора происходило 26 января 880 года въ томъ же отдѣленіи Софійскаго храма, гдѣ имѣли мѣсто и другія засѣданія его, начиная со втораго. Первымъ дѣломъ отцевъ собора на пятомъ засѣданіи было утвердить авторитетъ седьмаго вселенскаго собора. Патріархъ Фотій въ краткой рѣчи сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „соборъ, бывшій при патріархѣ Тарасіи въ Ниеѣ, давно уже причисленъ къ числу вселенскихъ въ церкви Константинопольской, но не такъ въ другихъ странахъ: въ Церкви Римской и въ Восточныхъ патріархатахъ, хотя опредѣленія названнаго собора и принимаются, но онъ не почитается равнымъ прочимъ вселенскимъ соборамъ и не именуется „седьмымъ вселенскимъ соборомъ“. Велѣдствіе этого Фотій предложилъ во всѣхъ церквахъ принять вышеуказанный соборъ, какъ соборъ „вселенскій седьмой“. Можно пола-

¹⁾ Mansi. T. XVII, 485—492.

гать, что кромѣ тѣхъ побужденій къ разсужденію о соборѣ Никейскомъ 787 года, какія указаны Фотіемъ, у него могли быть и другія побужденія высоко поднять авторитетъ этого собора. Самъ Фотій былъ жаркимъ врагомъ иконоборцевъ и заявилъ себя полемикою въ пользу иконопочитанія: поднятіе авторитета собора могло быть нѣкотораго рода санкціею его, Фотія, противоиконоборческой дѣятельности. Съ другой стороны: руководителемъ собора 787 года былъ Тарасій, патріархъ константинопольскій, избранный во епископы, подобно Фотію, прямо изъ мірянъ; очень возможно, что Фотію желательно было доставить возможно большій авторитетъ собору 787 года, ибо съ этимъ вмѣстѣ: какъ возвышался авторитетъ церкви Константинопольской (что было очень важно въ виду притязаній папства), такъ и отнималась возможность ставить Фотію въ упрекъ избраніе его въ епископы изъ мірскаго званія. Напередъ можно угадывать, какъ принято вышеуказанное предложеніе Фотія на соборѣ. Римскіе легаты, или точнѣе легатъ Петръ заявилъ, что церковь Римская всегда принимала опредѣленія Никейскаго собора 787 года, а теперь будетъ считать его наравнѣ съ прочими вселенскими соборами и именовать его „седьмымъ вселенскимъ“ соборомъ¹⁾. Тотъже Петръ провозгласилъ: „кто не признаётъ второй Никейскій соборъ вселенскимъ соборомъ, тотъ—анаема“. Прочіе члены собора повторили это заявленіе легата. Въ подобномъ же родѣ высказались и уполномоченные восточныхъ патріарховъ—Василій мартиропольскій и Илія изъ Іерусалима.

Одною изъ важныхъ задачъ дѣятельности собора было—примиреніе Игнатіанъ съ Фотіемъ, вторично занявшимъ византійскую кафедру. Есть основанія допускать, что это дѣло ведено было соборомъ не безъ успѣха. Но оставались

1) Легатъ здѣсь говоритъ такъ, какъ будто бы Римская церковь до этого времени не признавала собора 787 года вселенскимъ; но это несправедливо, ибо Анастасій, переводчикъ актовъ собора 869 г., имѣлъ уже представленіе о семи вселенскихъ соборахъ. Не слѣдуетъ ли подъ словами „Римская церковь“ въ рѣчи легата разумѣть вообще Западную церковь, которая въ это время еще не вся приняла авторитетъ собора 787 года.

и такіе Игнатіане, которые ни подъ какимъ видо́мъ не соглашались войти въ общеніе съ Фотіемъ и признать его законнымъ патріархомъ; во главѣ такихъ стоялъ Митрофанъ митрополитъ смирскій, ревностный и дѣятельный приверженецъ Игнатія и церковной политики папъ Николая и Адріана. Для собора очень нужно было привлечь на свою сторону этого Митрофана, но этотъ послѣдній оставался упоренъ и непреклоненъ. Въ пятомъ засѣданіи собора находимъ довольно подробное разсужденіе по дѣлу Митрофана смирскаго. Папскіе легаты тотчасъ послѣ разсужденій относительно авторитета седьмаго вселенскаго собора сдѣлали предложеніе послать къ Митрофану, который очевидно находился въ Константинополѣ, депутацію и спросить его: согласенъ ли онъ примкнуть къ церковному единству, т.-е. принять Фотія патріархомъ? Для указанной цѣли избраны были соборомъ три митрополита (очень почетное посольство), Василій критскій, Григорій сельгійскій и преемникъ Митрофана на каедрѣ смирскій (какъ упорный Игнатіанинъ, Митрофанъ лишенъ былъ каедры) Никита. Эти митрополиты отправились къ Митрофану и отъ имени собора и папскихъ легатовъ приглашали его явиться на соборъ съ цѣлію заявить о своихъ расположеніяхъ и дать отвѣтъ, по какой причинѣ онъ, Митрофанъ, отдѣляется отъ церкви. Митрофанъ отвѣчалъ: „я боленъ и потому не могу много говорить; я охотно пришелъ бы на соборъ и далъ бы достаточный отвѣтъ о причинѣ моего отдѣленія, но свидѣтельствуюсь моею совѣстію, что я тяжело боленъ и не въ состояніи идти и предстать предъ соборомъ. Прошу оставить меня въ покоѣ, пока я не поправлюсь здоровѣемъ. Впослѣдствіи я стану защищаться“. Отвѣтъ Митрофана доложенъ былъ собору, Римскіе легаты остались недовольны объясненіями, данными Митрофаномъ; они при этомъ объявили, что согласно указаніямъ папы Іоанна, они не разъ и не два, а многократно увѣщевали Митрофана отстать отъ своего заблужденія и присоединиться къ Церкви Божіей; и теперь, чрезъ посланныхъ къ нему депутатовъ, на ихъ увѣщанія онъ отвѣчаетъ отговорками; онъ болтаетъ пустяки, показываетъ себя схизматикомъ; онъ

будтобы не въ состояніи сказать нѣсколько цѣлесообразныхъ и спасительныхъ для него словъ: „я соединяюсь съ Церковію, какъ велитъ святѣйшій папа Іоаннъ“, а между тѣмъ онъ плететь длинныя и суетныя рѣчи, какъбы забывая, что онъ боленъ; видно, что болѣзнь его — только благовидный предлогъ. Вслѣдствіе всего этого, такъ закончили свою рѣчь легаты, — „согласно приказанію папы Іоанна и сообразно церковнымъ правиламъ, мы отрѣшаемъ его отъ церковнаго общенія, пока онъ не возвратится къ своему законному архипастырю“. Затѣмъ легаты объявили, что они, согласно указаніямъ ппы Іоанна, предлагаютъ собору принять такое правило: „кого патріархъ Фотій связалъ или разрѣшилъ, всѣхъ тѣхъ и мы считаемъ связанными и разрѣшенными, ибо онъ (Фотій) и соборъ съ нами согласны; а также: кого святѣйшій папа Іоаннъ каноническимъ образомъ лишилъ церковной степени, того и патріархъ Фотій обязанъ считать лишеннымъ сана; съ своей стороны и папа обязанъ считать разрѣшенными или связанными всѣхъ тѣхъ, кто разрѣшенъ или связанъ патріархомъ Фотіемъ“. Въ заключеніе своихъ словъ легаты предложили выдать и обнародовать въ такомъ именно смыслѣ составленное церковное правило. Такимъ образомъ открылся путь для составленія перваго правила разсматриваемаго собора. Инициатива въ этомъ случаѣ принадлежала легатамъ. Предложеніе ихъ было принято соборомъ и вотъ явилось первое правило собора — такого содержанія:

„Св. и вселенскій соборъ опредѣлилъ: если кто изъ италійскихъ клириковъ, или мірянъ, или епископовъ, обитающіе въ Азій, или Европѣ, или въ Ливіи (Африкѣ) подверглись или узамъ отлученія, или низверженію изъ сана, или анаѳемѣ отъ святѣйшаго папы Іоанна; тѣ да будутъ и отъ святѣйшаго Фотія, патріарха константинопольскаго подвержены той же степени церковнаго наказанія. А кого изъ клириковъ или мірянъ, или архіереевъ и іереевъ Фотій, святѣйшій патріархъ нашъ, въ какой бы ни было епархіи, подвергнетъ отлученію, или низверженію или анаѳемѣ, тѣковыхъ и святѣйшій папа Іоаннъ, и съ нимъ святая Божія Римская церковь да признаетъ подлежащими тому же нака-

занію. Притомъ въ преимуществахъ, принадлежащихъ свѣтѣйшему престолу Римской церкви и ея предсѣдателю, совершенно да не будетъ никакого нововведенія ни теперь, ни впредь“.

Разсужденія собора по поводу этого правила были коротки. Легаты спросили: „угодно ли это правило собору?“ и отвѣтъ былъ утвердительный. Уполномоченные отъ лида восточныхъ патріарховъ выразили свое согласіе на утверженіе правила. Илія іерусалимскій сказалъ: „Богъ такъ устроилъ, что какъ возсѣдающіе на каедрѣхъ восточные патріархи, такъ и пѣпа Іоаннъ составляютъ одну душу, одинъ духъ съ нашимъ патріархомъ Фотіемъ и ихъ воля есть нѣчто общее и нераздѣльное“. Василій мартиропольскій говорилъ въ нѣсколько иномъ родѣ. Вотъ его слова: „первосвященники восточныхъ патріаршихъ каедръ, которые стали питать особенно тѣсную дружбу къ Фотію съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ патріаршую каедрю, послали насъ (апокрисіаріевъ) сюда за тѣмъ, чтобы предоставить Фотію такую власть и авторитетъ, что онъ получаетъ право на всякаго отдѣляющагося отъ Церкви налагать такое наказаніе, какое ему заблагоразсудится. Такъ какъ теперь Фотій, продолжалъ ораторъ, пріялъ власть восточныхъ патріаршихъ каедръ и подкрѣпленъ авторитетомъ Римлянъ (т. е. папы), то мы объявляемъ связанными всѣхъ, кого онъ связалъ, и разрѣшенными, кого онъ разрѣшилъ“. Папскіе легаты съ своей стороны сказали: „благословенъ Богъ, ибо опредѣленія и рѣшенія высшихъ патріарховъ являются единогласными, и благодаря общему согласію и миру все, что предназначено и было обсуждаемо на святомъ соборѣ, пришло къ доброму закончанію“. Епископы собора тоже не оставались безмолвны, — они говорили: „все, что нами предпринято на соборѣ, получило благой конецъ, и еслибы мы умолчали объ этомъ, то камни возопили бы. Кто не держится того, что утверждено соборомъ, тотъ отлучилъ себя отъ причастія святой и единосущной Троицы“.

Какой смыслъ имѣетъ правило собора, сейчасъ нами разсмотрѣнное? Нѣкоторые писатели придаютъ этому правилу очень большое значеніе, видятъ въ немъ провозглашеніе

какого-то „византійскаго приматства“ или папства, а также находятъ здѣсь полное уравненіе церковныхъ правъ константинопольскаго патріарха съ правами римскаго папы, перваго изъ вселенскихъ патріарховъ ¹⁾, духовной власти котораго подчинены были въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ епископы Запада. Можно ли давать правилу такой обширный смыслъ? Кажется, нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, правило вовсе не даетъ такихъ широкихъ правъ патріарху константинопольскому, какъ думаютъ иные канонисты: во первыхъ, правило предоставляетъ константинопольскому патріарху право подвергать духовнымъ наказаніямъ лицъ, того заслужившихъ, дѣлая это безапелляціонно; но развѣ этимъ только правомъ и пользовались папы на Западѣ? Это лишь одно изъ правъ, которыя они усвоили себѣ. Слѣдовательно, правило далеко не создаетъ „византійскаго папства“, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Да при этомъ нужно принять еще во вниманіе, что рассматриваемое ограниченное право усвоется не всѣмъ патріархамъ Константинополя на будущее время, а лишь одному Фотію. Конечно, правило не случайно говоритъ лишь о личности Фотія, а не о каедрѣ константинопольской: ему, а не каедрѣ усвоится данное право. Это показываетъ, что правило имѣетъ значеніе временной церковной мѣры, имѣетъ лишь пожизненное значеніе для Фотія. Стоять только вникнуть въ обстоятельства, ради которыхъ возникло правило, и истинный смыслъ его откроется въ полной ясности. У собора и Фотія происходила борьба съ Игнатіанами; борьба эта не кончилась на соборѣ; можно было ожидать дальнѣйшихъ происковъ со стороны Игнатіанъ; на примѣрѣ, недовольные исходомъ своихъ дѣлъ въ Константинополѣ, они могли, посѣвая смуты и нарушая миръ церковный, обратиться къ папѣ въ Римъ съ какими-либо кляузными, съ требованіемъ новаго папскаго суда надъ собою (исторія знаетъ много такихъ примѣровъ; чтобы не заходить далеко достаточно будетъ указать на домогательства Игнатіанъ въ Римѣ послѣ собора 861 года, когда они были осуж-

¹⁾ Hefele. Conciliengeschichte, B. IV, 462. Барсова. Константинопольскій патріархъ и его власть, стр. 114—115. Петерб. 1878.

дены, а сторона Фотія взяла верхъ надъ ними). И вотъ, чтобы предупредить подобнаго рода домогательства, соборъ 879—880 года облекъ Фотія исключительною, лишь ему дарованною властію—наказывать непослушныхъ Игнатіанъ, такъ чтобы они не рассчитывали на возможность поправить свои дѣла чрезъ аппелляцію къ папѣ, почему правило прямо заиѣчаетъ, что связанные Фотіемъ (т. е. подвергнутые имъ наказанію) будутъ считаться связанными папою Іоанномъ. Итакъ, по нашему сужденію, ни о какомъ „византійскомъ папствѣ“ въ правилѣ нѣтъ рѣчи. Повторяю, какимъ образомъ Фотій допустилъ бы себѣ на соборѣ провести антиканоническую мысль — о возведеніи константинопольской кафедрѣ на степень такой кафедрѣ, которая упраздняла бы власть прочихъ восточныхъ патріарховъ (а это именно и было бы „восточное папство“), когда всѣ усилія, вся энергія многолѣтней жизни и ученой дѣятельности Фотія направлены были къ тому, чтобы доказать, что папы своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла другихъ церквей, своимъ неуваженіемъ правъ, принадлежащихъ другимъ церквамъ, попираютъ каноны церковные, дѣлаютъ нѣчто достойное осужденія?— Въ третьихъ, римско-католическій ученый Гергенрѣтеръ ¹⁾ отмѣтилъ, что разбираемое правило представляетъ сходство съ однимъ предложеніемъ церковнаго характера, сдѣланнымъ въ письмѣ Фотія къ папѣ Николаю, такъ что сказанное предложеніе и послужило исходнымъ пунктомъ для самого разбираемаго правила. А если такъ, то правило не имѣетъ ничего общаго съ какою-то идеею о византійскомъ папствѣ, ибо безразсудно было бы предполагать, что Фотій когда-либо предлагалъ папѣ Николаю допустить византійское папство. Яснѣ всего въ разбираемомъ правилѣ выступаетъ намѣреніе положить границы для дальнѣйшихъ незаконныхъ притязаній папства самовластно распорядиться въ Церкви. Въ концѣ разбираемаго правила, какъ мы видимъ, говорится: „въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу Римской церкви и ея предсѣдателю, совершенно

¹⁾ Hergenröther В. II, 505. Слѣч. Epist. Photii. Migne, tom. 102, col. 616—617.

да не будетъ никакого нововведенія ни теперь, не впредь“. Указанное намѣреніе вполне согласуется съ общимъ характеромъ дѣятельности разсматриваемаго собора. Кстати замѣтимъ еще: возможно ли этому правилу приписывать стремленіе расширить и вообще измѣнить права константинопольскаго патріарха, когда въ немъ, въ приведенныхъ словахъ заключается желаніе противодѣйствовать папскимъ притязаніямъ — умножать и расширять свои старыя преимущества? Развѣ могло одно и тоже правило заключать въ себѣ такія явно противорѣчивыя стремленія?

Имѣя въ виду содержаніе перваго правила, члены собора спросили папскихъ легатовъ: какъ нужно поступать съ тѣми изъ схизматиковъ (Игнатіанъ), которые, по заключеніи соборной дѣятельности, изъявляютъ покаяніе въ своемъ заблужденіи? Легаты отвѣчали: „папа Іоаннъ предоставилъ патріарху Фотію власть раскаявающихся принимать, а упорныхъ лишать церковнаго общенія“. Эти слова легатовъ не возбудили преній. Затѣмъ легаты снова обратились къ вопросу о Митрофанѣ смирнскомъ, — они сказали, что слѣдуетъ сообщить ему о томъ осужденіи, какое произнесено противъ него на соборѣ. Соборъ для этой цѣли выбралъ депутацію, которая состояла изъ трехъ митрополитовъ — Іоанна ираклійскаго, Даніила янкирскаго и Георгія никоидійскаго. Когда они передали Митрофану содержаніе соборнаго опредѣленія о немъ, то онъ сказалъ: „извѣстно, что законъ положенъ не для праведника“ (1 Тим. 1, 9), а равно онъ, законъ, не простирается на больнаго и немощнаго: „я боленъ и не могу придти на соборъ“. Затѣмъ Митрофанъ просилъ, чтобы трое легатовъ удостоили сами придти къ нему, больному, и выслушали его. По сообщеніи этихъ словъ Митрофана депутатами собору, легаты сказали: „вмѣсто того, чтобы тратить слова попустому, онъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы коротко и просто сказалъ: я желаю войти въ общеніе съ Церковію; его уловки не могутъ принести ему пользы, при посредствѣ ихъ онъ не избѣжитъ вложеннаго на него наказанія“. Прокопій кесарійскій замѣтилъ: „Митрофанъ слишкомъ часто ссылается на свою болѣзнь и слабость; очевидно онъ хочетъ уклониться отъ суда пап-

скихъ легатовъ“. Послѣ того, какъ легаты и Прокопій обмѣнялись еще нѣкоторыми замѣчаніями не важнаго содержания, легатъ Петръ сказалъ: „папа Іоаннъ, получившій свою власть вязать и рѣшить отъ апостола Петра, сообщилъ ту же власть и патриарху Фотію; если Митрофанъ чрезъ свои уловки хочетъ избѣжать осужденія, то не удастся это ему. Ибо Фотій, въ силу пріобрѣтенной имъ власти, и бѣзъ нашего присутствія можетъ произнести судъ надъ этимъ виновнымъ“.

Соборъ переходитъ къ составленію другихъ церковныхъ правилъ. Инициатива составленія втораго правила вышла отъ патриарха Фотія. Этотъ послѣдній предложилъ собору постановить опредѣленное правило относительно тѣхъ епископовъ, которые, будучи въ этомъ санѣ, принимаютъ на себя монашескій чинъ, дѣлаются монахами. При этомъ онъ говорилъ, что по его мнѣнію, епископы, дѣлающіеся монахами и такимъ образомъ переходящіе въ положеніе подчиненности и повиновенія, не могутъ удерживать за собою епископской кафедры. Начались пренія. Папскіе легаты сказали, что у нихъ (на Западѣ) не допускаются такіе случаи, а если какой епископъ принимаетъ на себя монашество, т. е. становится въ положеніе кающихся, то онъ лишается архіерейскаго достоинства ¹⁾. Апокрисіаріи Василій и Ілія съ своей стороны утверждали, что въ патриаршествѣ антиохійскомъ и іерусалимскомъ не дозволяется епископамъ принимать монашество и въ тоже время управлять Церковію; монахи безпрепятственно возводятся въ епископы, но епископы въ случаѣ принятія монашества оставляютъ свою должность. Соборъ согласился, чтобы объ этомъ составлено было церковное правило, принимая во вниманіе недоумѣнія и споры, возникающіе касательно вышеуказанныхъ епископовъ, ибо иные утверждали, что епископы, принимающіе на себя монашеское званіе, имѣютъ право попрежнему управлять Церковію, а другіе напротивъ находили, что мо-

¹⁾ Схоластики говорили, что епископство есть *status perfectionis acquisitae* (состояніе достигнутаго совершенства), а монашество есть *status perfectionis acquirendae* (состояніе искомаго совершенства).

нашество епископовъ устраняетъ ихъ отъ ихъ должности. Легаты сказали, заканчивая пренія: „да издастся правило касательно спорнаго вопроса“. И было составлено правило и прочтено. Вотъ оно:

Правило 2. „Хотя доннынѣ нѣкоторые архіереи, принявшіе монашескій образъ, усиливались пребывать въ высокомъ служеніи архіерейства и такія дѣйствія оставляемы были безъ вниманія, но сей святой и вселенскій ¹⁾ соборъ, ограничивая такой недосмотръ и возвращая, вопреки порядку допущенное, дѣйствіе къ церковнымъ уставамъ, — опредѣлилъ: если какой епископъ или кто иной архіерейскаго сана захочетъ низойти въ монашество, таковой впредь да не присвоетъ себѣ архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ заключаютъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они (монахи) общаются не иныхъ пасти, но быть пасомыми. Посему, какъ выше сказано, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ званіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себя на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Если кто дерзнетъ сдѣлать такъ, послѣ провозглашенія и приведенія въ извѣстность произносимаго нынѣ опредѣленія, таковой самъ себя (т. е. произвольно) устранилъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ“.

Смыслъ этого церковнаго правила, составленнаго на разсматриваемомъ соборѣ, не тотъ, конечно, что епископы не должны быть выбираемы изъ числа монаховъ. Правило отнюдь не воспрещаетъ возводить монаховъ въ епископы, такъ какъ въ этомъ случаѣ не нарушается общепринятый порядокъ промоціи, возведенія отъ низшей степени къ высшей. Правило запрещаетъ лишь не естественную, не обычную практику, когда высшее духовное лице переходитъ къ низшему состоянію—монашеству, смѣшивая въ своемъ лицѣ и своей дѣятельности обязанности начальника и подчиненнаго. Пи-

¹⁾ „Вселенскимъ“ соборъ называетъ себя потому, что на немъ присутствовали уполномоченные отъ всѣхъ патріарховъ, подобно тому, какъ этотъ именемъ назвался и соборъ „Перво-второй“ (861 г.).

сатели нерасположенные къ Фотію думаютъ ¹⁾, что этотъ послѣдній предложилъ собору провозгласить сейчасъ приведенное правило не ради чистыхъ церковныхъ интересовъ, а ради эгоистическихъ личныхъ стремленій, именно думаютъ, что Фотій внесеніемъ этого правила въ число каноническихъ опредѣленій хотѣлъ преградить доступъ къ архіерейской каедрѣ тѣмъ изъ Игнатіанъ, которые, по восшествіи Фотія на патріаршество, вынуждены были оставить свои архіерейскія каедры и проживать въ монастыряхъ. Можно ли думать, что правило составлено было съ цѣлю повредить, навсегда лишить доступа къ архіерейской каедрѣ указанныхъ Игнатіанъ? Нѣтъ, потому что правило имѣетъ въ виду такихъ епископовъ, которые произвольно приняли на себя подвиги монашескаго житія, а Игнатіане искали въ монастыряхъ лишь временнаго убѣжища и очутились здѣсь только вслѣдствіе занятія ихъ каедръ Фотіанами. Правило не имѣло такимъ образомъ цѣлю вредить Игнатіанамъ. Еслибы Фотій имѣлъ въ виду эту злокозненную цѣль, то правило было бы исложено какъ-нибудь иначе.

Поводъ къ составленію третьяго и послѣдняго соборнаго правила дали вообще епископы—члены собора. Они заявили, что нѣкоторые изъ дерзкихъ мірянъ позволяютъ себѣ подвергать ударамъ и заключать въ тюрьму епископовъ и священниковъ. „Правда, говорили они,—это встрѣчается рѣдко, однакожь очень недавно бывали подобные случаи“. Поэтому, они предлагали для обузданія дерзкихъ людей постановить правило, которымъ оскорбляющіе священническое достоинство подвергались бы церковному наказанію. Апокрисиаріи, Василій мартиропольскій и Илія изъ Іерусалима, соглашались, что дѣйствительно полезно составить подобное правило. И вотъ правило составлено и прочитано.

Правило 3. „Если кто изъ мірянъ, воспреобладавъ и пренебрегши повелѣнія Божія и царскія и посмѣваясь надъ достойными благоговѣнія церковными уставами и законами, дерзнетъ бить или заключать въ темницу епископа или безъ

¹⁾ Hergenröther. Phothius. В. II, 509.

вины, или подъ вымышленнымъ предлогомъ вины, такой да будетъ анаема“.

„Анаема“, воскликнулъ соборъ, повторяя послѣднее слово правила. По всей вѣроятности это правило появилось подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ времени. Извѣстно, что самъ Игнатій и его приверженцы, послѣ низверженія перваго изъ нихъ, не мало потерпѣли бѣдъ отъ свѣтскихъ властей; въ свою очередь и Фотіане, по низверженіи Фотія, натерпѣлись различныхъ непріятностей и оскорбленій отъ неблаговолившаго къ нимъ свѣтскаго начальства. Въ виду этихъ тяжелыхъ испытаній текущаго времени соборъ и рѣшился провозгласить третье правило.

Послѣ того, какъ закончилась законодательная дѣятельность собора, выразившаяся въ указанныхъ трехъ правилахъ, представители собора сказали одинъ за другимъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ старались, такъ сказать, подвести итоги всей соборной дѣятельности. Прежде другихъ говорилъ самъ Фотій. Онъ сказалъ: „все что предназначено было соборомъ, все это имѣло благополучный конецъ; поэтому возблагодаримъ Бога, который удалилъ соблазны, положилъ предѣлъ схизматическому заблужденію, разсѣянное совокупилъ, святымъ Церквамъ даровалъ миръ“. Затѣмъ говорили папскіе легаты. Они напомнили о томъ, что прежде читанная папская инструкція, составленная на Римскомъ соборѣ, была подписана всѣми епископами, присутствовавшими на этомъ соборѣ, и предложили, чтобы подобнымъ же образомъ подписались и подъ актами собора Константинопольскаго 879—880 года всѣ участники его. Потомъ тѣже легаты говорили о своихъ ревностныхъ заботахъ содѣйствовать прекращенію раздоровъ въ Константинополѣ и успѣхахъ, ими достигнутыхъ; выражали мысль, что еще не все ими сдѣлано, что нужно для достиженія цѣли, но остальное они предоставили довершить самому Фотію, т.-е. научать и увѣщевать отщепенцевъ и подвергать наказанію упорныхъ изъ нихъ. Подобную власть, замѣчали легаты, Фотій получилъ еще раньше нашего прибытія отъ самого Бога, но теперь по волѣ папы власть эта удвоилась (*duplicavit*). Въ заключеніе своей рѣчи они заявили, что Фотія

они такъ же уважають, какъ и самаго папу Іоанна. Фотій, выслушавъ это послѣднее замѣчаніе и желая сказать что-либо угодное легатамъ, назвалъ ихъ „отцами“ и похвалилъ ихъ ревность къ приведенію въ исполненіе принятыхъ ими на себя задачъ. Уполномоченные восточныхъ патріарховъ съ своей стороны сочли долгомъ выразить чувства глубокаго уваженія къ Фотію. „И наша любовь къ Фотію во Святомъ Духѣ, не меньше вашей (т.-е. легатовъ). Церкви Антиохійская, Іерусалимская и Александрійская всегда признавали его патріархомъ и анаематствовали ложныхъ апокрисиаріевъ, сдѣлавшихъ злое патріарху Фотію“. Всѣ епископы собора единодушно восклицали: „Благодаримъ Бога, даровавшаго намъ такого патріарха и архипастыря“ (какъ Фотій).

Въ заключеніе пятаго засѣданія члены собора собственноручно подписались подъ актами собора 879—880 года, написанными на пергаментѣ. Изъ этого видно, что соборъ смотрѣлъ на это засѣданіе, какъ на заключительное, а остальные два засѣданія имѣли очевидно значеніе побочныхъ, добавочныхъ. Подписи самого Фотія подъ актами собора не видимъ; ея нѣтъ вѣроятно потому, что соборная дѣятельность главнымъ образомъ касалась его личности, а извѣстно, что въ собственномъ дѣлѣ никто—не судья. Первыми подписались папскіе легаты въ такомъ порядкѣ: сначала Павелъ, епископъ анконскій, а потомъ Евгеній епископъ остійскій и Петръ кардиналъ пресвитерь. Павлу отведено первое мѣсто не по значенію его на соборѣ (дѣятельнѣе другихъ былъ Петръ), а вѣроятно потому, что онъ былъ старшимъ епископомъ. Павелъ, подписывая акты, подробно излагаетъ и изъясняетъ свой приговоръ. Онъ говоритъ о томъ, что согласно съ папскими письмами и папскою инструкціею онъ признаетъ Фотія законнымъ патріархомъ; что отвергаетъ все, что сдѣлано было прежде противъ него; къ этому пресоединено было отлученіе на противящихся признанію Фотія патріархомъ. Два другіе легата вполне согласились съ этимъ приговоромъ и подтвердили его собственною подписью. Затѣмъ подписались апокрисиаріи восточныхъ патріарховъ. Сначала апокрисиарій антиохійскаго патріарха Василій мартиропольскій, вѣроятно, потому, что онъ былъ

епископомъ, потомъ Илія іерусалимскій (пресвитеръ) и Косма-александрійскій (пресвитеръ же). Они также болѣе или менѣе подробно излагаютъ свой приговоръ, и объявляютъ, что патріаршія каведры Востока всегда признавали Фотія законнымъ патріархомъ, отвергаютъ всѣ соборы, когда-либо и гдѣ-либо бывшіе противъ Фотія. Послѣ апокрисіаріевъ подписались митрополиты византійскаго патріархата. Прежде другихъ подписались Прокопій кесарійскій (въ Каппадокіи), Григорій ефесскій и Іоаннъ ираклійскій; ихъ подписи и приговоръ обоснованы, о прочихъ же членахъ собора въ актахъ просто замѣчено: „и всѣ прочіе архіереи (участники собора) собственноручно подписали соборные акты“. Засѣданіе закончилось возглашеніемъ многогльтія императору Василію и его сыновьямъ, его супругѣ Евдокіи (Ингеринѣ), а также папѣ Іоанну и патріарху Фотію ¹⁾.

Шестое и седьмое засѣданіе собора имѣли, какъ мы замѣтили выше, значеніе добавочныхъ засѣданій и притомъ полуоффіціального характера. Что касается взаимныхъ отношеній этихъ двухъ засѣданій, то первое изъ нихъ лишь служитъ приготовленіемъ къ слѣдующему и послѣднему; на первомъ было выработано то, что предложено принять и утвердить на послѣдующемъ засѣданіи.

Шестое засѣданіе происходило 3-го марта 880 года. Оно имѣло мѣсто въ императорскомъ дворцѣ, вѣроятно потому, что на немъ засѣдали императоръ и его сыновья. Значеніе присутствованія на немъ императора видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Кромѣ патріарха Фотія участниками соборнаго засѣданія были папскіе легаты, уполномоченные восточныхъ патріарховъ и восемнадцать митрополитовъ. Когда императоръ, какъ и естественно, занялъ предсѣдательское мѣсто, прочитана была рѣчь его къ собранію слѣдующаго содержанія: „разумѣется, было бы прилично, чтобы мы лично присутствовали на засѣданіяхъ этого святаго собора, но мы не сдѣлали этого, чтобы не открыть возможности для злыхъ языковъ злословить соборъ, ибо могли говорить, что соборъ не имѣлъ свободы, что

¹⁾ Mausi. Concilia. XVII, 492—512.

признание Фотія патриархомъ—дѣло вынужденное, что страхъ предъ императоромъ руководилъ соборомъ“. Затѣмъ императоръ въ той же рѣчи объявлялъ, что онъ согласенъ утвердить и подписать опредѣленія собора. Наконецъ императоръ предложилъ въ знакъ единенія, господствующаго на соборѣ, и какъ выраженіе мира, провозгласить торжественно какой-либо образецъ вѣры, при чемъ онъ замѣтилъ, что для этой цѣли лучше всего можетъ служить символъ Никео-константинопольскій. Всѣ конечно приняли это предложеніе. Такъ папскіе легаты говорили, что дѣйствительно приличнѣе всего провозгласить и подтвердить никейское вѣроизложеніе, какъ пользующееся уваженіемъ во всемъ мірѣ. Вслѣдъ за тѣмъ протонатарій Петръ прочелъ, очевидно заготовленный заранѣе, документъ. Документъ этотъ несомнѣнно составленъ былъ Фотіемъ и, кромѣ текста Никео-константинопольскаго символа, заключалъ въ себѣ объясненія, почему этотъ символъ долженъ имѣть особенное значеніе, и прещенія на тѣхъ, кто осмѣливается измѣнять и дополнять тотъ же символъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе прочитаннаго: „мы принимаемъ всѣмъ сердцемъ и исповѣдуемъ устами дошедшій до насъ изъ древности символъ и возвѣщаемъ его, ничего не убавляя и не прибавляя къ нему, и не измѣняя и не повреждая его“. Затѣмъ слѣдовалъ символъ; въ заключеніе говорилось: „если кто изъ лицъ духовныхъ допускаетъ измѣненіе или добавленіе къ этому символу, таковой подлежитъ низверженію изъ сана, а мірянинъ, дерзающій сдѣлать это, подлежитъ анаемѣ“. По прочтеніи документа, всѣ присутствующіе епископы восклицали: „такъ мыслимъ и мы всѣ, въ этой вѣрѣ должно крестить, эту вѣру исповѣдывать при возведеніи въ духовный санъ. Кто мыслитъ иначе и допускаетъ измѣненіе въ символѣ, тотъ подлежитъ отлученію“. Въ подобномъ же родѣ говорили въ частности Ілія іерусалимскій и Косма александрійскій.

Значеніе предложенія не только исповѣдовать вѣру сообразно никео-цареградскому символу, но и не дѣлать измѣненій въ текстъ послѣдняго, будетъ вполне понятно, если примемъ во вниманіе, что въ латинской церкви по примѣру, поданному церковію Испанскою, начали дѣлать

въ символѣ известное прибавленіе, касательно ученія объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына Божія (filioque). Прибавленіе это въ девятомъ вѣкѣ, когда происходилъ изучаемый соборъ, было уже принято почти всѣми западными церквами. Папскіе легаты не выразили противодѣйствія касательно запрещенія прибавлять что-либо къ символу; изъ этого видно, что въ это время въ Римской церкви читался символъ еще безъ искаженій (безъ filioque) ¹⁾.

Послѣ того какъ принято было предложеніе—не измѣнять символа, Фотій сказалъ: угодно ли будетъ собору, чтобы императоръ скрѣпилъ дѣянія собора своею подписью, на что онъ императоръ изъявилъ свое согласіе? Присутствующіе митрополиты воскликнули: „не только согласны, но мы просимъ его величество сдѣлать такъ“. Императоръ подписался. Но члены собора стали просить императора, чтобы и сыновья его тоже подписались подъ актами; императоръ Василій соизволилъ на это, и потому вслѣдъ за нимъ подписались трое его сыновей—Левъ и Александръ, уже провозглашенные императорами при жизни Василя, и порфирородный Стефанъ, крестникъ Фотія, посвященный имъ въ церковную должность иподiakона и синкелла. Императоръ, подписывая акты, начерталъ слѣдующія слова, которыя и были прочитаны вслухъ присутствующихъ: „во имя Отца, Сына и Св. Духа. Я Василій, вѣрный во Христѣ императоръ римскій и самодержецъ, соглашаюсь съ симъ святымъ и вселенскимъ соборомъ во всемъ, какъ относительно утвержденія седьмаго вселенскаго собора, такъ и относительно признанія и утвержденія (патріархомъ) святѣйшаго Фотія, нашего духовнаго отца, а равно и касательно осужденія всего того, что противъ него писано или высказано. Это заявленіе я собственноручно подписалъ“. Митрополитъ анкирскій Давидъ воскликнулъ: „Богъ храни вашу благочестивую державу! Даруй вашей святости долгіе дни!“ Прочіе митрополиты возглашали „какъ ты, государь, Церковь Божию объединилъ и всѣ раздоры отъялъ отъ нея, такъ да

¹⁾ Дѣйствительно такъ и было. Гергенрёттеръ утверждаетъ, что папаянъ VIII, подобно папѣ Льву III, не допускалъ въ своей Римской церкви чтенія символа съ прибавкою: filioque. (Herg. V. II, 536).

поможетъ и тебѣ Господь покорить твоей мощной десницѣ всѣ варварскіе народы, да подастъ ънѣ тебѣ силу возстановить древнія границы Римской имперіи. Къ тебѣ, государь, можно приложить слова Давида (Пс. 44, 9): „ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе; посему помазалъ тебя, Боже, Богъ твой елеемъ радости болѣе соучастниковъ твоихъ“. Ибо весь христіанскій народъ радуется о твоихъ трофеяхъ и твоихъ побѣдахъ надъ врагами, а Церковь, которая нынѣ воспріяла прежнюю красоту, восхваляетъ и прославляетъ тебя. Многая лѣта государю!“¹⁾

Обращаемся къ послѣднему засѣданію собора. Оно, какъ замѣчено было выше, не представляетъ ничего новаго по своей дѣятельности. На немъ лишь публично и торжественно прочитано было то, что сдѣлано на предыдущемъ засѣданіи. Собраніе это происходило 13 марта 880 года, въ Софійскомъ храмѣ, въ отдѣленіи именуемомъ катехуменіи. Предсѣдательствовалъ Фотій. На собраніи присутствовали папскіе легаты, апокрисиаріи восточныхъ патріарховъ, 18 митрополитовъ и хотя акты не показываютъ опредѣленно числа епископовъ, бывшихъ на этомъ засѣданіи, но есть основаніе полагать, что ихъ было значительное число. Засѣданіе открываетъ Фотій краткою рѣчью, въ которой говорилось: „должно прочитать, что совершено на прежнемъ засѣданіи, ради тѣхъ епископовъ, которые не присутствовали тамъ; пусть и они раздѣляютъ нашу радость“. Послѣ этого было прочитано опредѣленіе касательно важности и неприкосновенности никео-константинопольскаго символа. По прочтеніи опредѣленія, члены собора говорили: „такъ мы вѣруемъ, такъ мы мыслимъ, такъ мыслящихъ почитаемъ учителями и отцами, а кто иваче мыслить, тѣхъ объявляемъ врагами Божиими“. Затѣмъ прочитана была та подробная подпись, какую сдѣлалъ императоръ подъ актами. По этому случаю Прокопій кесарійскій сказалъ: „благослови его, Боже, даруй ему долгоденствіе и побѣды, ущедри его видимыми и невидимыми благами, молитвами пресвятыя Богородицы, верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и все-

¹⁾ Mansi. XVII, 512—520.

ленскаго патріарха Фотія“. Затѣмъ послѣдовало прославленіе и восхваленіе этого патріарха ораторами собора. Начало положили папскіе легаты. Они благодарили Бога за то, что слава Фотія распространена не только въ ихъ отечествѣ (Италіи), но стала извѣстна и во всемъ мірѣ; не только между народами, говорящими греческимъ языкомъ, но и между самыми варварскими и грубыми народностями сдѣлалось извѣстно, что нѣтъ человѣка равнаго Фотію по мудрости, добротѣ, смиренію. Прокопій кесарійскій съ своей стороны сказалъ, возвеличивая Фотія: „таковъ и долженъ быть тотъ (Фотій), кому, по образу первосвященника Христа, поручено смотрѣніе надо всѣмъ міромъ. Это именно предусматривая, св. Павелъ говорилъ: „итакъ имѣемъ первосвященника, прошедшаго небеса“ (Евр. 4, 14); осмѣлюсь даже, заявляетъ ораторъ,—сказать еще больше: св. Писаніе людей живущихъ по благодати называетъ „богами“ (Пс. 81, 6)“. Папскіе легаты, какъ-бы подтверждая это, сказали, что они сами, хотя живутъ на окраинѣ земли, въ дальнихъ предѣлахъ ея, но уже слышали объ этомъ. Тогда Прокопій, продолжая свою рѣчь, говорилъ: „отъ полноты Его мы всѣ воспріяли (Іоан. 1, 16), подобно тому, какъ славные апостолы отъ нашего Господа Іисуса Христа“. Папскіе легаты воскликнули: „кто не хочетъ имѣть общенія съ Фотіемъ, жребій того вмѣстѣ съ Іудою!“ Всѣ на это восклицаніе отвѣчали тоже восклицаніемъ: „такъ мы мыслимъ, это возвѣщаемъ. Кто не почитаетъ Фотія Божиимъ архіереемъ, тотъ да не узритъ славы Божіей!“ Возглашено было многолѣтіе императору Василию ¹⁾.

Такъ кончилось седьмое засѣданіе, а съ этимъ наступилъ конецъ и для собора 879—880 года.

Гергенрёттеръ говоритъ: „прославленіемъ Фотія открылись засѣданія собора 879 года, этимъ же прославленіемъ и закончились они“ ²⁾. Вѣрно.

Соборъ 879—880 годовъ исполненъ значенія для Византійской церкви. Онъ положилъ конецъ тому смутному и тяжкому положенію вещей, какое началось со временъ со-

¹⁾ Mansi. XVII, 520—524.

²⁾ Hergen. В. II, 524.

бора 869 года и которое продолжалось до вторичнаго патриаршествованія Фотія и отчасти до времени разсмотрѣннаго нами собора. Лучшіе представители византійской іерархіи очутились было не у дѣлъ,—они отстранены были отъ управленія церковію. Восшествіе Фотія снова на константинопольскую кафедру открыло путь для его приверженцевъ къ занятію ими прежнихъ епископскихъ кафедръ; но этого было мало для Фотіанъ. Имъ нужно было, чтобы во очію и торжественно открылось, что они страдали не повинно, что церковные интересы, которымъ они служили, дѣло достойное не осужденія, а полной похвалы. Это и совершенно было соборомъ 879—880 года. Въ этомъ Фотіане нашли для себя то нравственное удовлетвореніе, въ которомъ естественно нуждается угнетаемая невинность. Съ другой стороны всѣмъ, кто былъ сколько-нибудь проникателенъ, стало теперь ясно, что виною смуть были папы съ ихъ притязаніями вмѣшиваться въ дѣла чужихъ церквей ради своекорыстныхъ расчетовъ. Поэтому необходимо было заставить самого папу раскаяться въ своемъ образѣ дѣйствованія, взять назадъ все то, что сдѣлано раньше Римскою церковію во вредъ Византійской церкви, и при этомъ дать знать папамъ, что ихъ власть вовсе не такъ велика и обширна, ихъ авторитетъ не столь непререкаемъ, какъ привыкли думать на Западѣ. Къ этой цѣли и стремился изучаемый нами соборъ—и достигъ ея. Папа Іоаннъ въ лицѣ легатовъ призналъ уничтоженнымъ то, что наиболѣе могло смущать Византійскую церковь, т.-е. направленныя противъ Фотія и его приверженцевъ распоряженія прежнихъ папъ. Самому папскому авторитету, поскольку онъ выражался въ формахъ антиканоническихъ, нанесенъ былъ въ одно и тоже время и тяжкій и ловкій ударъ на соборѣ 879—880 г. Существенныя стороны дѣятельности этого собора клонились къ тому, чтобы доказать, что папа такой же патриархъ, какъ и всѣ прочіе патриархи и что его первенство между патриархами не даетъ ему права по своему произволу править всею церковію¹⁾. Вотъ главныя черты, въ которыхъ выра-

¹⁾ Папы конечно не признаютъ значенія за соборомъ 879—880 г. и

жается значение собора. Церковный болгарский вопрос, который так интересовал пап ради материальных выгод, не был решен на соборъ съ ясностію: всякое определенное его решение повело бы лишь къ новымъ спорамъ; но тѣмъ не менѣе на этомъ именно соборѣ указанный вопросъ получилъ, такъ сказать, негласную развязку, послѣ которой Болгарія навсегда осталась при греческихъ христіанскихъ обрядахъ и подъ духовнымъ руководствомъ Восточной церкви, съ устраненіемъ латинскихъ вліяній.

VIII. Папа Іоаннъ VIII въ новой и послѣдней борьбѣ противъ патриарха Фотія.

Недовольство Іоанна соборомъ Константинопольскимъ 879 года, — сдержанность его въ выраженіи этого чувства, почему такъ? Папа не хочетъ утверждать дѣяній этого собора; — онъ же ожидаетъ отъ Фотія преданности папской власти; — папа снова подымаетъ болгарскій вопросъ и требуетъ отъ византійскихъ властей передачи болгарской церкви въ вѣдѣніе римской кафедры; — полное разочарованіе папы въ указанныхъ отношеніяхъ. — Папа Іоаннъ проклинаетъ Фотія въ храмѣ св. Петра, съ Евангеліемъ въ рукахъ. — Вторичное низложеніе Фотія при императорѣ Львѣ Мудромъ (и смерти этого іерарха). — Значеніе борьбы патриарха Фотія съ церковнымъ главенствомъ папъ — *въ исторіи раздѣленія церквей.*

Понятно, папа Іоаннъ VIII остался не доволенъ соборомъ 879—880 года, потому что, какъ замѣчаетъ одинъ нѣмецкій церковный историкъ, „папа потерпѣлъ на этомъ соборѣ самое рѣшительное пораженіе и сверхъ того самымъ постыднымъ образомъ былъ осмѣянъ“¹⁾. Но онъ еще не вдругъ выражаетъ свое неудовольствіе. Появленіе около береговъ Италіи Византійскаго флота, которое обѣщало помощь Риму противъ сарацянъ, заставило Іоанна сначала молчать о своемъ неудовольствіи. Политическія дѣла папъ

кажется самъ Іоаннъ VIII не принялъ актовъ этого собора; но это не имѣетъ важности, какъ скоро соборъ остается знаменательнымъ фактомъ для самой Восточной церкви.

1) Kurtz. Handbuch и ир. Abtheil. 3, S. 44.

не только не улучшились, а даже ухудшились. Так папа въ одномъ письмѣ въ октябрѣ 880 года жаловался: „ярость сарацынъ такъ велика, что никто не осмѣливается выдти за ворота Рима, никто не можетъ заниматься работою за стѣнами его и не можетъ исполнять дѣлъ религіи“¹⁾. Поэтому хотя папа былъ очень недоволенъ случившимся на соборѣ Константинопольскомъ, однакожъ на первый разъ не высказываетъ открыто своего неудовольствія. Въ письмахъ къ императору и Фотію 880 года онъ говоритъ въ очень умѣренномъ тонѣ о случившемся, хотя и не одобряетъ собора. Въ письмѣ къ императору, послѣ выраженій благожеланій и благодарности ему, папа замѣчалъ о соборѣ: „если же что на этомъ соборѣ наши легаты сдѣлали вопреки предписаніямъ апостольской катедры, того мы не принимаемъ и не утверждаемъ“²⁾. Нѣсколько рѣзче, но все же довольно благосклонно папа Іоаннъ пишетъ и въ письмѣ къ Фотію. Настаивая на томъ, что Фотій сдѣлался снова патріархомъ только по милосердію папскому, онъ выражаетъ свое крайнее удивленіе по поводу обстоятельствъ собора Константинопольскаго, не сообразныхъ съ папскими желаніями. Папа говоритъ: „должно крайне удивляться, почему многое, что мы предписали, или иначе происходило, или измѣнено, и не знаемъ, отъ чьего усердія или нерадѣнія случились такіа перемѣны“. Впрочемъ папа не хочетъ лишать Фотія своего братскаго общенія, но за то ждетъ съ его стороны преданности папскому престолу. „Мы обвиняемъ васъ какъ брата и будемъ считать васъ за самага дорогаго сродника, если вы постараетесь оказывать должную преданность и вѣрность Римской церкви и намъ лично“³⁾. Это письмо папы было послѣднимъ письмомъ, съ которымъ Римскій первосвященникъ обращается къ патріарху Фотію. — Кажется, папа надѣялся еще поправить то, что сдѣлано не въ его видахъ на соборѣ. Съ этою цѣлію онъ отправляетъ въ Константинополь своего легата Марина, который долженъ былъ между прочимъ вытребовать у Фотія рѣшитель-

¹⁾ Hergenröther, II, s. 573.

²⁾ Labbei. Consilia. T. IX, pag. 181.

³⁾ Labbei, ibidem, 180.

ную уступку Болгаріи. Но папа жестоко обманулся въ своихъ расчетахъ. Фотій не думалъ дѣлать ни малѣйшей уступки папѣ, а императоръ Василій даже продержалъ папскаго легата 30 дней подъ арестомъ. Какъ скоро узналъ объ этомъ папа, онъ снимаетъ съ себя личину дружелюбія, которою онъ доселѣ прикрывался въ отношеніяхъ къ Востоку и рѣшается порвать свои связи съ Константинополемъ. Іоаннъ рѣшается грянуть новымъ проклятіемъ на Фотія. И дѣйствительно, въ 881 году, Іоаннъ VII¹ „*съ амвона церкви св. Петра, съ евангеліемъ въ рукахъ, съ большою торжественностью, въ присутствіи многочисленнаго народа, произнесъ анафему на Фотія* ¹⁾). Искусственная связь Востока и Запада снова порвалась; да и могло ли быть иначе, когда эта связь была только искусственною?....

Хотя въ нашу задачу не входитъ изученіе исторіи главнаго лица, около котораго вращаются факты разсматриваемой нами эпохи,—т. е. Фотія, однакожь считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ этого патріарха. Фотій не до конца своей жизни удержался на своей кафедрѣ. Онъ принужденъ былъ оставить ее въ 886 году. Виновникомъ его низверженія былъ новый императоръ Левъ, который низвергнулъ Фотія для того, чтобы очистить патріаршее мѣсто для шестнадцатилѣтняго брата своего Стефана. Побужденіемъ къ такому поступку Левъ выставлялъ волю отца своего Василія, будто бы при смерти завѣщавшаго возвести Стефана въ патріархи ²⁾); но дѣйствительнымъ побужденіемъ къ поступку было другое: Фотій, можно утверждать, не одобрялъ и сдерживалъ Льва, хотѣвшаго незаконнымъ путемъ занять византійскій тронъ еще при жизни отца, и поплатился за свою ревность вскорѣ по востшествіи Льва на престолъ, на который послѣдній возсѣлъ уже по смерти отца ³⁾). Великій патріархъ кончилъ дни свои 6 февраля 891 года.

¹⁾ Hefele, IV, S. 468.

²⁾ См. подробнѣе объ этомъ: Лебедева, Очерки исторіи Византійско-Восточной Церкви, стр. 31—2.

³⁾ Раскрыто у іером. Герасима въ сочиненіи: Отзвыи о патріархѣ Фотіи, 251—255.

Борьба патриарха Фотія съ папскими притязаніями въ значительной степени охладила Западъ въ его отношеніяхъ къ Востоку и наоборотъ, но это еще не было временемъ окончательнаго раздѣленія церквей. Куда стремился папскій западъ, какіе интересы руководили имъ, это было болѣе или менѣе ясно, и потому между церквами восточною и западною мира уже быть не могло; но все же со времени Фотія раздоръ собственно вращался болѣе между личностями, чѣмъ самыми церквами. Проклятіями поражали папы Фотія и подчасъ (но значительно рѣже) и Фотій папъ, но еще церковь на церковь не произносила осужденія. И только тогда должно было совершиться распаденіе единства церковнаго, когда раздоръ отъ личностей перешелъ и на самыя церкви, что и случилось, но позднѣе.

Вѣкъ десятый.—Взаимныя отношенія византійской и римской церковей при Константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ (906—925 г.г.)

Поводъ ко вмѣшательству римскаго папы въ дѣла Византійской церкви,—императоръ Левъ VI (Мудрый), его четвертый бракъ,—борьба противъ этого брака со стороны патріарха Николая,—прибытіе папскихъ легатовъ и утвержденіе ими антикавоначальскаго брака императора Льва (ссылка въ изгнаніе Николая и возстановленіе его на патріаршей кафедрѣ).—Обширное посланіе патріарха Николая къ папѣ Анастасію III „о четвертомъ бракѣ, неправильно принятомъ въ римской церкви“: защищеніе въ немъ іерархическихъ правъ Константинопольской церкви и укоризны папамъ за ихъ незаконное властительство въ другихъ церквахъ;—строгія правила восточной церкви по вопросу о числѣ дозволенныхъ браковъ для одного лица,—обличеніе римской церкви въ томъ же посланіи въ потворствъ ея нравственной распущенности.—Два посланія патріарха къ папѣ Іоанну X—му; патріархъ Николай и папскіе легаты въ совокупности произносятъ осужденіе въ Константинополѣ (по смерти Льва) противъ смуты, произведенной незаконнымъ бракомъ указаннаго императора.—Имѣетъ ли важность въ исторіи раздѣленія церковей рассказанное пререканіе между Византійей и Римомъ по вопросу о четвертомъ бракѣ?

Вторженія папъ съ ихъ первосвященническимъ абсолютизмомъ въ дѣла церкви Константинопольской при достопамятномъ патріархѣ Фотіѣ въ IX вѣкѣ было отражено съ замѣчательною силою этимъ ревностнымъ борцемъ за самостоятельность и неприкосновенность правъ, принадлежащихъ церкви восточной. Это было великимъ урокомъ для папъ на будущее время! Но прошли десятки лѣтъ и папы снова возвратились къ своей политикѣ вмѣшательства въ дѣла церкви восточной, въ цѣляхъ господствованія надъ нею. Это случилось въ патріаршество въ Константинополѣ Николая, извѣстнаго съ именемъ Мистика (имя это указываетъ на одну изъ высшихъ государственныхъ должностей,

которую проходилъ онъ прежде своего посвященія въ патріархи); но это вмѣшательство было также отражено безъ всякаго вреда для достоинства и самобытности церкви Константинопольской.

Вмѣшательство папъ въ дѣла церкви восточной, или собственно Константинопольской, и на этотъ разъ было дѣломъ неправымъ, какъ и при патріархѣ Фотіи, и указываетъ не стремленіе папъ къ охраненію чести и достоинства церковей, подъ предлогомъ котораго всегда происходили подобныя вмѣшательства папъ, но желаніе, пользуясь обстоятельствами, расширять личныя права власти и усилить свой авторитетъ. Посмотримъ на обстоятельства, при которыхъ произошло это папское вторженіе въ положеніе церкви Константинопольской при патріархѣ Николаѣ и мы увидимъ: могутъ-ли папы оправдывать себя, въ данномъ случаѣ, ревностію апостольскою, какую они приписываютъ себѣ, когда вторгаются въ чужія дѣла во имя своего абсолютизма.

Обстоятельства, при которыхъ случилось это вмѣшательство папъ, — и то положеніе, какое заняли папы въ настоящемъ случаѣ, не могутъ ихъ оправдывать и всецѣло показываютъ отсутствіе въ нихъ истинной апостольской ревности. Вотъ эти обстоятельства:

Греческій императоръ Левъ VI, Мудрый, въ борьбу съ которымъ пришлось вступить патріарху Николаю и сторону котораго приняли папы, былъ во многихъ отношеніяхъ недостойнымъ государемъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ деспотовъ на Византійскомъ тронѣ, которые считали все для себя позволненнымъ, готовы были презирать самыя священныя права церкви. Еще ранѣе своего столкновенія съ патріархомъ Николаемъ, которое дало случай вмѣшаться въ дѣло церкви Константинопольской Риму, Левъ обнаружилъ свое недостойное поведеніе. При жизни первой своей супруги Теофаніи, олъ вступаетъ въ незаконную связь съ нѣкою Зоєю, мужъ которой по волѣ императора былъ отравленъ; смерть Теофаніи даетъ поводъ императору домогаться законнаго брака съ этою его прежнею наложницею. Тщетно Константинопольскій патріархъ Антоній II проти-

вился браку; нашелся одинъ священникъ, который не отказался благословить бракъ императора съ Зоею, за что патріархомъ и лишенъ былъ сана. Произшелъ соблазнъ въ церкви, которому конецъ положила только смерть Зои, послѣдовавшая спустя годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ брака ея съ императоромъ. Женолюбивый императоръ однакожь не остановился на этомъ; онъ вступаетъ въ третій бракъ съ Евдокією; но этотъ бракъ былъ непродолжителенъ, императрица умерла при рожденіи перваго ребенка. Уже второй и въ особенности третій бракъ сами по себѣ считались въ тогдашней церкви дѣломъ непозволеннымъ, въ особенности когда въ подобный бракъ вступало лице священное, какимъ считался императоръ. Но что же? Слостолюбивый императоръ позволяетъ себѣ вступить въ открытую связь съ другою Зоею Карвонопсиною ¹⁾. Роженіе Зоею ребенка—Константина (порфиророднаго, впоследствии императора) вызываетъ Льва на новыя преступныя намѣренія. Желая имѣть въ незаконнорожденномъ дитяти преемника себѣ на тронѣ (отъ законныхъ браковъ императоръ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола), онъ началъ требовать, чтобы ребенокъ былъ окрещенъ съ царскими почестями. Въ это время патріархомъ уже былъ Николай Мистикъ. При такомъ незаконномъ требованіи патріархъ, по совѣщаніи съ другими іерархами, рѣшился не прежде крестить ребенка, а въ особенности съ царскими почестями, какъ когда Левъ выразить намѣреніе расторгнуть навсегда свою связь съ матерью царевича. Неразборчивый на средства императоръ, вида непреклонную рѣшимость патріарха не исполнять незаконнаго желанія его, прибѣгаетъ для достиженія своей цѣли къ постыдному обману. Повидимому, совершенно искренно императоръ неоднократно даетъ патріарху обѣщаніе, что онъ оставитъ Зою, если будетъ ребенокъ крещенъ съ царскими церемоніями. Довѣряя словамъ императора, патріархъ позволяетъ крестить ребенка, что и исполнено. Когда совершенно было крещеніе царевича, тотчасъ же оказалось, что слова императора о прекращеніи незаконнаго

1) Hergenröther. Phothius, patriarch von Constantinopel. Band III. S. 656.

сожитія съ Зоей -- были чистѣйшею ложью со стороны Льва. Не прошло и трехъ дней со времени крещенія ребенка, какъ императоръ съ царскими почестями вводитъ Зою во дворець, которая и стала вести себя по царски ¹⁾. Намѣреніе патріарха, допустившаго торжественное царственное крещеніе ребенка состояло въ томъ, чтобы царевичъ оставался при императорѣ, услаждая его отеческія чувства, а мать навсегда была бы отпущена, не лишаясь однакожъ средствъ содержанія отъ императора. Но Левъ не думалъ удовольствоваться тѣмъ, что уступала ему патріаршая снисходительность; онъ захотѣлъ, чтобы и мать ребенка пользовалась всѣми царственными почестями ²⁾. Достигнувъ одного, Левъ не замедлилъ перейти къ новымъ притязаніямъ: императоръ вздумалъ обвиняться съ Зоею и возложить на нее царскую корону. Вѣнчаніе совершилъ, вопреки воли патріарха, придворный священникъ Тома ³⁾. Одновременно съ этимъ, къ разсказу патріарха Николая, произошло слѣдующее: императоръ, не довольствуясь тѣмъ, что захотѣлъ имѣть Зою законною женою, рѣшился еще короновать свою невѣсту; но такъ какъ ни патріархъ и никто изъ архіереевъ не дерзали на такой поступокъ, то Левъ осмѣлился самъ своими руками возложить царскій вѣнецъ на свою невѣсту, и былъ при такомъ необыкновенномъ дѣйствіи, по выраженію патріарха Николая, и женихомъ и архіереемъ, такъ какъ самъ освящалъ вѣнецъ, самъ и возлагалъ его на главу. Вотъ до чего дошелъ императоръ въ своемъ презрѣніи къ церковнымъ законамъ. Такія дѣянія взволновали не только церковный клиръ, но и весь Константинополь: всѣ находили, что вѣра поругана императоромъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ изъ этого очерка противоцерковнаго поведенія императора видно, что Левъ заявилъ себя и какъ человѣкъ нецѣломудренной жизни, и какъ человѣкъ нару-

¹⁾ Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Tomus CXI. Epistola Nicolai XXXII, col. 197.

²⁾ Ibidem, col. 194.

³⁾ Попова Н. Г. Императоръ Левъ VI Мудрый, стр. 106—107. М. 1892 г.

⁴⁾ Ibidem, col. 198.

шившій церковныя правила въ домогательствѣ и посягательствѣ на четвертый совершенно незаконный бракъ, и какъ человѣкъ преступившій клятву, давную предъ церковію Константинопольскою, и какъ человѣкъ, дерзнувшій принять на себя отправление одного изъ богослужебныхъ дѣйствій. Какъ долженъ былъ отнестись благочестивый патріархъ Николай къ Льву, презрителю церковныхъ законовъ и требованій совѣсти? Патріархъ употребляетъ всѣ роды увѣщаній. чтобы побудить императора расторгнуть незаконное и соблазнительное сожитіе его съ Зоею. Но онъ знать ничего не хотѣлъ. При такомъ положеніи, патріархъ рѣшился на крайнюю мѣру въ отношеніи къ императору: онъ отлучилъ его отъ церкви ¹⁾. Между тѣмъ и императоръ не оставался въ бездѣйствіи; онъ рѣшился обратиться для разрѣшенія своего спора съ патріархомъ къ папѣ въ Римъ. Нужно думать, Левъ рассчитывалъ, что Римъ не будетъ притязателемъ въ данномъ случаѣ, и ради одного того уже, что папа призывается къ суду дѣль церкви Константинопольской, чѣмъ давалась Риму возможность до извѣстной степени восторжествовать надъ нею, не будетъ противорѣчить императору. И императоръ не обманулся въ своихъ расчетахъ. Римскіе легаты, присланные папою Сергіемъ III въ Константинополь, — оказались готовыми потворствовать императору. Не даромъ еще до прибытія Римскихъ легатовъ, императоръ, по словамъ патріарха Николая, разглашалъ, что они придутъ въ Константинополь не за чѣмъ другимъ, какъ именно за тѣмъ, чтобы одобрить и утвердить бракъ его ²⁾. Являшійся чрезъ 8 или 9 мѣсяцевъ, послѣ событія вѣнчанія Зои, Римскіе легаты охотно разрѣшили императору его незаконный четвертый бракъ. Пусть практика западной церкви позволяла четвертый бракъ ³⁾, но являясь съ своими правилами на услуги къ императору, отлученному церковію, запятнавшему себя клятвопреступ-

¹⁾ Hergenröther, S. 658.

²⁾ Migne, col. 201.

³⁾ Мало того: даже пятый и шестой браки и богѣе, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

ничествомъ и дозволившему себѣ собственноручно, вопреки правилъ, возложить царскій вѣнецъ на свою незаконную жену, легаты тѣмъ самымъ вносили въ Константинопольскую церковь соблазнъ вмѣсто умиротворенія ея, ни во что ставили права и законы, какими руководилась церковь Константинопольская въ своей практикѣ, поощряли императорскій произволъ и поправіе со стороны императора чести и достоинства церкви. Но они, какъ видно, руководимы были другими соображеніями, а не благомъ церкви, мало думали о томъ, къ чему ведетъ льстивое ихъ свисхожденіе императору — преступнику священныхъ церковныхъ правилъ. Для нихъ дорогъ былъ случай—властительно вмѣшаться въ дѣла Константинополя, объ остальномъ они мало заботились, какъ это всегда было въ обычаѣ у папъ. Заручившись такимъ согласіемъ легатовъ на утверженіе своего брака, Левъ, какъ истинный деспотъ, сослалъ твердаго патріарха Николая въ ссылку, избралъ на его мѣсто—Евфимія, человѣка хорошихъ правилъ, но уступчиваго. Указанное потворство легатовъ въ отношеніи къ императору, хотя не сопровождалась никакими выгодными послѣдствіями касательно задушевныхъ желаній папъ, имѣло однакожъ своимъ исходомъ печальное раздѣленіе въ церкви Византійской: защитники правилъ церковныхъ между представителями іерархіи и угодливые императору защитники 4-го брака среди нихъ же долгое время своимъ взаимнымъ несогласіемъ нарушали миръ церковный. *Вотъ плоды іерархическаго вмѣшательства Рима въ дѣла церкви Константинопольской.* Когда ни появлялись папскіе легаты въ Константинополь съ цѣлію водворенія въ немъ порядка, какъ это было ранѣе при Фотіи, и теперь, не миръ приносили они, а раздѣленіе—и только раздѣленіе.

Ссылка ревностнаго патріарха Николая не навсегда однакожъ разлучила его съ церковію Константинопольскою. Совѣсть, хотя при концѣ уже жизни, пробудилась наконецъ у императора, и умирая онъ раскаялся въ своихъ грѣхахъ и возвратилъ достойнаго пастыря паствѣ Константинопольской ¹⁾. Это было уже въ 912 г. Возвращенный

¹⁾ Migne, col. 217.

патріархъ имѣлъ возможность съ замѣчательною силою обличить недостойное поведеніе папскаго престола въ его отношеніи къ Константинопольской церкви. Въ лицѣ Николая воскресъ новый Фотій, обличитель папскихъ притязаній. Гергенрёттеръ, характеризуя патріарха Николая, замѣчаетъ о немъ: „благороднѣйшая сторона духа Фотіева продолжала жить и въ ученикѣ его Николаѣ, который болѣе, чѣмъ другіе, осуществлялъ собою идеаль патріарха, указанный въ своемъ лицѣ Фотіемъ“. ¹⁾ Эти слова Гергенрёттера имѣютъ всю свою справедливость, когда мы разсматриваемъ благородное мужество и замѣчательную энергію, съ которой патріархъ Николай даетъ замѣтить папскому престолу о тѣхъ безобразіяхъ, какими послѣдній заявилъ себя, вторгаясь въ дѣла церкви Константинопольской и дѣйствуя не въ видахъ охраненія священныхъ правъ церкви, а лишь въ видахъ мірскихъ и своекорыстныхъ.

До насъ сохранилось нѣсколько писемъ, съ которыми патріархъ Николай, по своемъ возвращеніи на Константинопольскую кафедру, обращается въ Римъ, защищая права церкви, поруганныя отъ Римскихъ легатовъ. Въ особенности замѣчательно одно изъ нихъ, адресованное къ папѣ Анастасію III (Сергіяже, виновника Константинопольскихъ смуть, уже не было въ живыхъ). Впрочемъ, не одно осужденіе и обличеніе Рима было цѣлю этого письма, — это была только одна сторона: патріархъ имѣлъ въ виду пробудить чувство справедливости въ папахъ и призвать ихъ въ лицѣ легатовъ въ Константинополь для исправленія погрѣшностей, допущенныхъ Римомъ къ соблазну церкви Константинопольской. Уже начальныя слова посланія Николая, съ какими онъ обращается къ папѣ Анастасію III показывали съ челоукомъ какого духа приходится имѣть дѣло папскому престолу. Папство съ своими притязаніями нашло въ Николаѣ сильнаго изобличителя и достойнаго противника. „О чемъ буду писать тебѣ? Долженъ ли я сокрушаться о страданіяхъ, какія претерпѣла наша церковь, или долженъ благодарить Бога за благодѣянія, за то что Онъ

¹⁾ Hergenröther. B. III, S. 655.

помиловаль насъ? Или же долженъ я обратиться къ вамъ съ *братскимъ порицаніемъ* за все, что претерпѣли мы“ ¹⁾).

Затѣмъ патріархъ Николай, послѣ разъясненія прискорбныхъ событій, сопровождавшихъ четвертый бракъ императора Льва, переходитъ къ критикѣ поведенія Римскихъ легатовъ въ ихъ бытность въ Константинополь. Появленіе ихъ съ папскими полномочіями, по которымъ они могли постановлять рѣшеніе несогласное съ опредѣленіями церкви Константинопольской, вызываетъ справедливые укоры со стороны патріарха Николая. Показывая несправедливость подобныхъ притязаній, Николай писалъ въ Римъ: „тяжело переносить для нашей церкви, когда возвѣщается, что будто принадлежащая ей издревле власть, утвержденная святыми отцами, передается въ руки другихъ, чтѣ запрещено и осуждено канонами. Развѣ это законно, развѣ это сообразно съ устройствомъ церкви, что мы лишаемся, дарованной намъ отъ Бога, власти, а другіе дозволяютъ себѣ дѣлать то, что запрещено канонами? Хотя императоръ и говоритъ, что легаты пришли для того, чтобы снять съ него запрещеніе, но на это нѣтъ позволенія въ канонахъ“ ²⁾. Что позволительно по церковнымъ правиламъ, или непозволительно, на это легаты мало обращали вниманія; но дѣйствуя въ своихъ видахъ, они дѣйствовали въ тоже время вопреки благосостоянія Константинопольской церкви. Они желали лишь угодить императору и мало помышляли о дѣйствительныхъ пользахъ церкви. „Римляне пришли какъ бы для того—говоритъ патріархъ—чтобы объявить войну противъ насъ“ ³⁾. И дѣйствительно они объявили войну патріарху и его стремленіямъ поддерживать достоинство церкви противъ узурпаціи. Патріархъ говоритъ: „хотя дѣло шло о томъ, что епископъ безъ всякой другой причины, кромѣ той, что онъ не захотѣлъ (т. е. Николай самъ) чрезъ страшное нечестіе позорить не только церковь, но и все

¹⁾ Migne. *Cursus patrologiae*. Gr. ser., tomus CXI, Nicolai epistola XXXII, col. 196. Это-же письмо патріарха мы цитировали и выше.

²⁾ Ibidem, 202.

³⁾ Ibidem, 204.

христіанство, почему онъ и рѣшился претерпѣть ссылку, и обрекъ себя на жизнь, въ которой желательнѣе была бы смерть, — хотя дѣло шло объ этомъ, легаты однакожь вмѣсто того, чтобы защищать и стоять за дѣло справедливости, охотнѣе ставъ на сторону тѣхъ, кто тираннически и насильственно обращались съ нами, подобно имъ, тираннически выразили свою власть. Они дали свое согласіе на тиранническое обращеніе съ нами, и ужъ не знаю, чѣмъ они руководились въ этомъ, потому что я не хочу сказать, что они подкуплены были деньгами отъ власть имѣющихъ и такимъ образомъ были побѣждены. И этого мало. Наслушавшись отъ враговъ ложныхъ извѣстій, они возвратились въ Римъ, дали такія сообщенія о дѣлѣ, о которыхъ они хорошо знали, что ничего подобнаго вовсе и не было. Не легко сносить, прибавляетъ патріархъ, когда двое или трое обманываются по какимъ либо причинамъ, но насколько тяжелѣе видѣть, когда цѣлая церковь введена въ ошибку ложными объясненіями? А такъ именно и было съ Константинопольскою церковію, по словамъ его, благодаря неискреннему образу дѣйствованія легатовъ. „Ибо — продолжаетъ патріархъ — слыхано ли было когда либо о такомъ рѣшеніи, съ какимъ въ ваши дни въ лицѣ своихъ легатовъ Римская церковь выступила противъ меня, или лучше сказать на срамъ и позоръ для самой себя? Но да не оскорбятъ васъ мои слова. Что худо, то достойно осужденія, и если слова будутъ молчать, самыя дѣла будутъ порицать сами себя“ ¹⁾).

Очертивъ вообще поведеніе Римскихъ легатовъ въ Константинополѣ, по вопросу о бракѣ императора Льва, патріархъ вскрываетъ предъ нами и частности неблаговиднаго поведенія этихъ представителей Рима. Прежде всего легаты уступили императору по вопросу о незаконномъ бракѣ потому, что желали сдѣлать угодное императору. Разбирая этотъ мотивъ въ дѣятельности легатовъ, патріархъ съ ясностію доказываетъ, какъ нелѣпъ подобный мотивъ. Съ точки зрѣнія Римскихъ легатовъ выходило: „такъ какъ

¹⁾ Ibidem, 204—205.

императоръ желаетъ четвертаго брака, то должно уступить царскому желанію“. Въ опроверженіе такого рода воззрѣній, которыми руководились легаты въ видахъ своекорыстнаго господствованія въ церкви Константинопольской, — патріархъ говоритъ: „неужели честь и достоинство императора именно состоятъ въ томъ, чтобы быть безнравственнѣе и грѣховнѣе всѣхъ прочихъ: не значить ли это обращать больше вниманія на чистоту ногъ, чѣмъ на чистоту лица. Должно повиноваться государю, но только тогда, когда онъ распоряжается какъ истинный государь, когда его повелѣнія справедливы и нравственны, но не тогда, когда они противны и совѣсти и разуму; нечестивыхъ приказаній императора слушаться не должно. Подданныя принимаютъ правителя—въ образецъ; поэтому его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы указывать имъ путь къ добродѣтели и тѣмъ больше побуждать чтить Бога, чѣмъ больше онъ самъ Его почитаетъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ Николай показалъ хвалящемуся своею апостольскою ревностію Риму, что истинная ревность не въ томъ, чтобы уступать злой волѣ правителей, а въ томъ, чтобы истину и справедливость стащить выше всего. Какое жестокое изобличеніе политики Рима, которая, льстя при случаѣ страстямъ земныхъ владыкъ, тѣмъ самымъ хотѣла привлекать ихъ къ призванію авторитета Римской курии!

Но съ особеннымъ интересомъ читаемъ слова изобличенія, съ которыми обращается патріархъ къ Римскому епископу, когда этотъ послѣдній съ забвеніемъ истинныхъ правъ вселенской церкви утверждалъ, что Римъ имѣетъ власть все разрѣшать, и что слѣдовательно въ вопросѣ о четвертомъ бракѣ императора Римскій епископъ дѣйствовалъ въ силу своей власти. Патріархъ пишетъ по этому поводу: „что ты говоришь? Ужели римляне могутъ дозволить, чтобы преступающій законъ оставался безъ наказанія. чтобы нечистыми руками можно было прикасаться къ святынѣ, чтобы изгоняемый отъ священной ограды за скверныя дѣла, не отложивъ скверны, могъ быть принятъ туда, откуда

¹⁾ Ibidem, 209.

справедливо изгнаны? Въ такомъ случаѣ ты обладалъ бы великою властію,—такою властію, которой не имѣлъ и Самъ взявшій грѣхи міра, не только кто либо изъ Его св. учениковъ, или изъ прочихъ учителей церкви“. „Откуда ты—спрашиваетъ патріархъ—взялъ такое нелѣпое послабленіе, которое не облегчаетъ тяжести грѣха, а дѣлаетъ оный тягчайшимъ, не спасаетъ, а передаетъ погибели, не очищаетъ, а еще болѣе прибавляетъ нечистоты“¹⁾). Римляне хвалились, что въ силу авторитета, принадлежащаго Римской кафедрѣ, папы обладаютъ церковнымъ всевластіемъ: папѣ принадлежитъ высшая власть въ церкви, какой не дано никакому другому лицу и никакой церкви въ христіанскомъ мірѣ. Но въ чемъ же проявляется это полновластіе Римскаго престола? Въ отрицаніи и презрѣніи самыхъ основныхъ религіозныхъ понятій. Въ настоящемъ случаѣ патріархъ какъ бы говоритъ: „ужь не въ томъ ли проявляется и состоитъ высшая власть папъ, что они самому незаконному дѣлу придаютъ видъ законнаго? Если такъ, не завидное же полновластіе“!

Внося своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церкви Константинопольской соблазнъ и раздѣленіе, Римскій престолъ однакожь въ свое оправданіе по вопросу о дозволенности беззаконнаго дѣла императору, кромѣ своей власти разрѣшать все, еще указываетъ на ничего не показывающій прижѣръ Римскаго императора Валентиніана I-го, по сказанію исторіи, позволившаго себѣ, при живой женѣ, вступить въ новый бракъ.²⁾ Для Римскаго престола въ его цѣляхъ

¹⁾ Ibidem, 212.

²⁾ Хотя самый случай и не рассказывается въ письмѣ патріарха, но безъ сомнѣнія здѣсь разумѣется слѣдующее сказаніе Сократа (Церк. Ист. кн. IV, гл. 31) о императорѣ Валентиніанѣ I (жилъ въ IV в.): „Импер. Валентиніанъ при жизни своей первой жены Севиры плѣнился красотой нѣкоей Іустины и рѣшился жениться на ней, не разлучаясь съ Севирой, отъ которой у него уже родился сынъ. Итакъ Валентиніанъ издалъ законъ и объявилъ, что всякій, кому угодно, можетъ имѣть двухъ законныхъ женъ. Этотъ законъ вышелъ прежде втораго его брака. Потомъ онъ женился на Іустинѣ“. Слѣдуетъ сказать, что въ средніе вѣка вѣрили этому разсказу историка, но въ настоящее время наука отвергаетъ вышесказанный

всякій примѣръ, какъ бы ни былъ онъ недостоевъ, казался однако уважительнымъ, какъ скоро имъ можно воспользоваться къ своей выгодѣ. Эту точку зрѣнія, на которую сталъ Римъ, защищая поведеніе своихъ легатовъ въ Константинополѣ, теперь и опровергаетъ патріархъ далѣе—въ своемъ письмѣ. Поучая Римъ, патріархъ говоритъ: „вмѣсто того, чтобы безразсудно говорить: поелику тотъ и тотъ жилъ не благочинно, или по человѣчески увлекался къ дѣламъ безразсуднымъ, потому и мы дозволяемъ себѣ чтонибудь худое; вмѣсто этого было бы лучше думать и говорить слѣдующее въ подобномъ случаѣ: такъ какъ тогда дѣлали худо, то намъ надлежитъ поступать иначе. И такъ, что приводитъ въ примѣръ Валентиніана? Если дѣйствіе его похвально, будемъ и мы подражать ему, чтобы сдѣлаться наслѣдниками равныхъ похвалъ; если же оно безчестно и порицается, въ такомъ случаѣ зачѣмъ повелѣваешь мнѣ дѣлать то, что и тебѣ и намъ приносить порицаніе? Да и для чего поставлены законы гражданскіе и божественные, если безъ осужденія можно подражать всему, что было прежде“¹⁾?

Поучающій тонъ, въ которомъ говоритъ патріархъ папѣ, показываетъ, съ какою твердостью и сознаниемъ своего достоинства охранялъ патріархъ права своей церкви—имѣть независимое отъ церкви Римской сужденіе. Если папа являлся съ своимъ мнѣніемъ въ Константинопольскую церковь, какъ съ мнѣніемъ, которому непремѣнно нужно было слѣдовать, то патріархъ, считая нисколько себя несвязаннымъ въ подобномъ случаѣ, критически разбираетъ воззрѣніе папы и отвергаетъ его. И какъ бы противопоставляя авторитетъ своей церкви авторитету церкви Римской, въ концѣ своего письма патріархъ даже требуетъ, чтобы эта церковь, напротивъ, усвоила ту практику въ вопросѣ о числѣ дозволенныхъ браковъ, какой держалась церковь восточная. Патріархъ говоритъ: „обратите вниманіе на самихъ себя и

фактъ, какъ совершенно не правдоподобный въ исторіи жизни христіанскаго государя, какимъ былъ Валентиніанъ.

¹⁾ Ibidem, 213 et 216.

поймите вельпость того, что случилось, произнесите осужденіе на вашу доктрину, послабляющую человѣческимъ немощамъ, мудруйте такъ, какъ надлежитъ для славы церкви и вѣры. Бойтесь, чтобы потомки не сочли васъ учителями на худое дѣло и обратитесь къ лучшему. Нѣтъ ничего худаго въ томъ, если вы измѣните свои убѣжденія къ лучшему; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если вы по человѣчески впадете въ заблужденіе; напротивъ было бы удивительно, почему вы, принимая на себя обязанность наставлять на путь истины другихъ, однакожь сами не стремитесь идти къ нему¹⁾.

Вопросъ о томъ, сколько браковъ нужно считать позволительными съ точки зрѣнія христіанской для одного субъекта, Николай Мистикъ не первый поднялъ въ церкви. Онъ съ древнихъ временъ церкви занималъ умы богослововъ. Но рѣшеніе его также съ древнихъ временъ церкви было не одинаково на Востокъ и Западъ. Востокъ въ этомъ, какъ и многихъ другихъ вопросахъ, вырабатываетъ практику, которая существенно отличалась отъ практики западной.

Обыкновенно восточная церковь въ рѣшеніи церковныхъ дисциплинарныхъ вопросовъ являлась болѣе строгою, чѣмъ церковь западная. Такъ было и въ вопросѣ о повторительныхъ бракахъ. На второй бракъ отцы и учителя восточной церкви смотрѣли снисходительно, но что касается до третьяго и четвертаго брака, то имъ это дѣло представлялось омерзительнымъ, какъ блудодѣяніе и прелюбодѣяніе. Замѣчательно, что болѣе древніе отцы и учителя церковные на Востокъ являлись менѣе строгими въ отношеніи къ повторенію браковъ, чѣмъ позднѣйшіе. Климентъ александрійскій говоритъ о повторительныхъ бракахъ въ духѣ снисхожденія. Онъ пишетъ: „о второмъ бракѣ апостоль пишетъ: если разжигаешься, то женись. Ради страстности и во избѣжаніе нецѣломудрія апостоль изъ предосторожности позволяетъ второй бракъ. Ибо по священному Писанію не грѣшитъ тотъ, кто вступаетъ во второй бракъ,—это не запрещено закономъ; онъ только не стремится къ тому совершенству, которое ука-

¹⁾ Ibidem, 218.

зуетя евангелиемъ“. Но уже Оригенъ относится строже къ повторенію брака. Онъ говоритъ, что многожды женящійся исключается изъ царствія Божія. Впрочемъ подь царствомъ Божиимъ Оригенъ здѣсь разумѣетъ не вѣчное спасеніе и не церковное общеніе съ вѣрующими, но высшую степень христіанскаго совершенства. Вотъ его слова: „что должно сказать о второмъ, третьемъ, четвертомъ бракѣ, о дальнѣйшихъ умалчиваю; не невѣстно вамъ, что такіе браки удаляютъ васъ отъ царства Божія“. Хотя въ III вѣкѣ уже встрѣчаются такіа строгія сужденія о повторительныхъ бракахъ, однакожь они существовали въ видѣ частныхъ мнѣній; церковь еще не полагала никакихъ наказаній на позволявшихъ себѣ повторительный бракъ. Иначе было съ IV вѣка. Строгость перестаетъ высказываться только на словахъ, она переходитъ въ церковную практику. Соборъ лаодикійскій (пр. 1) требуетъ, чтобы вступающіе во второй бракъ на короткое время подвергались епитиміи, состоящей въ усиленныхъ молитвахъ и постахъ. Отцы церкви IV вѣка начинаютъ высказывать себя съ большею и большею строгостію касательно повторительныхъ браковъ. Амфилохій иконійскій считаетъ позволительнымъ второй бракъ только для вдовы и притомъ въ случаѣ, если у ней нѣтъ дѣтей отъ перваго брака. Еще строже говоритъ о повторительныхъ бракахъ Василій великій въ своихъ такъ называемыхъ каноническихъ посланіяхъ. Эти посланія замѣчательны тѣмъ, что они легли въ основу дальнѣйшаго каноническаго развитія церкви по данному вопросу. Св. Василій считаетъ подлежащими церковному покаянію даже второбрачныхъ. Онъ говоритъ: „второбрачные отлучаются отъ причащенія на годъ, иногда на два, троебрачные на три года и на четыре“; въ церкви кесарійской, гдѣ епископствовалъ Василій, былъ обычай даже отлучать троебрачныхъ на пять лѣтъ. Онъ говоритъ, что подобныя браки нельзя называть бракомъ, но многоженствомъ и наказаннымъ блудомъ (пр. 4). Иоаннъ Златоустъ, въ сочиненіи „о томъ, что не должно повторять“ бракъ, со всѣхъ сторонъ разсматриваетъ неудобства повторительныхъ браковъ, хотя и не считаетъ ихъ прямо недозволенными. Въ развитіи практики церковной,

по отношенію къ вопросу о повторительныхъ бракахъ, особенно важное значеніе имѣютъ каноническія опредѣленія патріарха константинопольскаго Никифора (IX в.). Въ его правилахъ читаемъ: „второбрачный не вѣнчается (т. е. на него не возлагаютъ вѣнцевъ) и тѣмъ наказывается, что въ продолженіи двухъ лѣтъ не можетъ приступать къ таинству евхаристіи. Тробрачный въ продолженіе пяти лѣтъ исправляется (т. е. отлучается), и только тогда принимается“ (пр. 10. 11) ¹⁾. Отсюда видно, что патріархъ Николай, вооружаясь противъ допускаемаго латинянами четвертаго брака, имѣлъ достаточныя основанія для борьбы, основанія, заключающіяся въ многовѣковомъ развитіи вопроса о бракѣ въ истекшее время восточной церкви.

Разсматривая четвертый бракъ, дозволяемый римскою церковію, какъ положительное блудодѣяніе, патріархъ въ томъ же самомъ письмѣ къ папѣ, писалъ: „вы не уважили чести церкви, достоинства вѣры, неприкосновенности священныхъ правилъ; вы ввели блуженіе во св. народъ христіанскій и не захотѣли размышлять, что апостолы въ началѣ своего проповѣданія возвѣщали воздерживаться отъ блуда. Также сколько разъ заповѣдуетъ сосудъ избранія, т. е. апостоль Павелъ, не жить блудно? Кто не знаетъ этого не только изъ клириковъ, но и мірянъ, развѣ только таковой совершенно чуждъ церкви и не знакомъ съ писаніями апостольскими?“ ²⁾ Установивъ точку зрѣнія, съ какой онъ хочетъ обсуждать четвертый бракъ, допускаемый въ церкви римской, патріархъ входитъ въ разборъ основаній для подобнаго брака, какія или лично высказывались римлянами патріарху или, что еще вѣроятнѣе, въ какихъ либо ихъ сочиненіяхъ. „Говорятъ (римляне), что этотъ четвертый бракъ есть бракъ, а не блудъ. Но какой же это бракъ, когда онъ вами учреждается не по закону, данному отъ Бога, а по закону, неизвѣстно гдѣ написанному? Развѣ можно назвать бракомъ соединеніе съ четвертою женой ради

¹⁾ Binterim. Denkwürdigkeiten d. Christ. kathol. Kirche. Band 6, Theil. 1 s. 354—366.

²⁾ Migne. Patrologiae cursus, tom. CXI, col. 205.

чрезмѣрной похоти? Гдѣ ты нашель подобный бракъ, откуда вводишь его въ народъ христіанскій—это царское священство? Въ какомъ евангеліи, въ какомъ апостольскомъ правилѣ, въ какомъ древнемъ преданіи церкви получилъ начало такой бракъ? Великій Павелъ говорить: *честень бракъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4). Но если это сказано о твоёмъ бракѣ, то почему же св. постановленія изгоняють изъ церкви, ввавшихъ въ такое беззаконіе? Если это дѣло есть бракъ и можетъ назваться бракомъ, то почему же такое смѣшеніе именуютъ они скотскимъ и чуждымъ чело-вѣческой природы? ¹⁾ „Правда вы говорите, что у васъ позволенъ четвертый бракъ, что у васъ дозволено брать, не только четвертую жену, но и пятую, и шестую, а когда шестая умретъ, то можно вступать въ новый бракъ, потомъ и еще; но вѣдь это поблажка сладострастію, простирающаяся до гроба. Въ оправданіе своей поблажки вы приводите слова апостола: *лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться* (1 Кор. 7, 9). Вотъ удивительная мудрость, подобнымъ образомъ понимающая слова апостола! Такъ-то хорошо вы умѣете испытывать умъ Павловъ! Учитель вселенной, Павелъ, вотъ какъ говорить, научая насъ должнымъ образомъ удовлетворять своей чувственной страсти: „проходить образъ міра сего, имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе и желаю, чтобы всѣ были, какъ и я“. Что же касается даже второго брака, то апостоль не позволялъ его мужчинамъ; объ этомъ свидѣлствуютъ его слова: „безбрачнымъ же и вдовамъ говорю хорошо имъ, оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть посягаютъ“. Итакъ вдовамъ дозволяетъ апостоль Павелъ второй бракъ ради ихъ слабости, но вдовцамъ никакимъ образомъ не дозволяетъ; и только о невдовыхъ, т. е. еще не вступившихъ въ бракъ, говорить: „лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться“ (1 Кор. 7, 1. 7. 9. 29. 31). Итакъ, замѣчаетъ патріархъ, четвертый бракъ не бракъ, но блудодѣяніе даже, а хуже блудодѣянія—нечестіе. Да и послушаемъ, пишетъ онъ, что говорить св. Климентъ (епископъ Римскій), ученикъ и слу-

¹⁾ Ibidem, 205—207.

шатель апостола Петра: “единобрачіе сообразно съ природою и закономъ, друбрачіе послѣ обѣщанія незаконно, не вслѣдствіе совокупленія, а вслѣдствіе лжи; третій бракъ признакъ неумѣренности. Что же касается до брака послѣ трехъ первыхъ, то подобный есть очевидно блудодѣяніе и открытое невоздержаніе“ ¹⁾. „Свѣтила церкви, присовокупляетъ къ этому Николай, которыхъ свѣтоносное ученіе и дѣла просіяли во всей вселенной называютъ его скотскимъ и чуждымъ природѣ нашей, а вы повелѣваете людямъ пользоваться, какъ бракомъ, такимъ сожитіемъ? Никто безъ святости не узритъ Господа; но какимъ образомъ будетъ сохраняться эта святость, если будутъ повинны въ нечистомъ блудодѣяніи“ ²⁾?

Папы, привыкшіе къ повиновенію на западѣ, конечно не съ охотою выслушивали этотъ твердый и рѣшительный голосъ патріарха Николая, — этотъ голосъ напоминалъ имъ о ненавистномъ для римской церкви — Фотіи. Изъ письма Николая Мистика папы должны были узнать, что все, что случилось при императорѣ Львѣ подъ руководствомъ легатовъ, все это Константинопольская церковь считаетъ просто за узурпацію, за хищеніе чужихъ правъ, за соблазнъ достойный сожалѣнія. Разумѣется, не этого желали слышать отъ предстоятеля церкви Константинопольской папы, считая въ своемъ самоувѣреніи церковь Константинопольскую дочерію, со стороны которой желательно было повиновеніе и послушаніе. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, и объясняется то, что Римъ отвѣчалъ патріарху на его посланіе глубокимъ молчаніемъ.

Переписка патріарха Николая съ папскимъ престоломъ однакожь на этомъ не окончилась. Рѣшительное отверженіе четвертаго брака, происшедшее на соборѣ Константи-

¹⁾ Чтобы понять о какомъ это обѣщаніи и какой лжи говорить здѣсь Николай, нужно взять во вниманіе то, что приводимое имъ правило изъ Постановленій Апостольскихъ касается собственно вдовицъ изъ діакониссъ, которыя, давъ обѣтъ служить Богу, потомъ вступили въ бракъ.

²⁾ Ibidem, 207—209.

нопольскомъ въ 920 году ¹⁾ и радостное событіе воссоединенія съ церковію почти всѣхъ тѣхъ, кто доселѣ изъ числа іерарховъ стоялъ на сторонѣ императора Льва и защищалъ четвертый бракъ, побудили патріарха Николая писать къ папѣ, въ надеждѣ возстановить прерванный миръ съ церковію Римскою. Впрочемъ патріархъ не думалъ нисколько уступить Риму въ спорномъ пунктѣ церковной дисциплины. Патріархъ, желая мира церковнаго, въ тоже время не хотѣлъ покупать этого мира цѣною своихъ убѣжденій, изъ за которыхъ ему пришлось не мало вытерпѣть. Два письма, писанныя Николаемъ послѣ выше упомянутого нами собора, ясно доказываютъ желаніе патріарха возстановить прерванный съ Римомъ миръ и его стойкость въ убѣжденіяхъ. Въ томъ и другомъ письмѣ Николай проситъ о присылкѣ въ Константинополь легатовъ, разумѣется въ томъ намѣреніи, чтобы Римская церковь, виновница соблазна въ Константинополѣ, сама же стала и умиротворительницею; но съ другой стороны патріархъ не думалъ дѣлать уступки Римской доктринѣ въ вопросѣ о четвертомъ бракѣ. Такъ въ одномъ письмѣ патріархъ писалъ папѣ Іоанну X: „увѣдомляемъ тебя, братъ нашъ, дабы и ты радовался съ нами о мирѣ, и потомъ, чтобы съ прекращеніемъ причины соблазновъ, возобновилось и взаимное общеніе, наконецъ, чтобы въ священныхъ диптихахъ возносилось и ваше священное имя. А это будетъ тогда—замѣчаетъ патріархъ—когда *сдѣланное въ пользу четвертаго брака будетъ объявлено незаконнымъ*“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ къ тому же папѣ патріархъ Николай говоритъ такъ о событіяхъ Константинопольскихъ, связанныхъ съ вопросомъ о четвертомъ бракѣ: „Виною соблазна въ Константинопольской церкви, частію сама церковь Константинопольская, но частію и тѣ, кто прежде возсѣдалъ на Римской кathedрѣ“. Патріархъ не молчитъ объ этомъ щекотливомъ для папской амбиціи вопросѣ, и прямо говоритъ, что легаты Римскіе должны придти за-

¹⁾ Подробности объ этомъ соборѣ можно находить въ вышеуказанной книгѣ г. Попова. Импер. Левъ VI Мудрый, стр. 182—186.

²⁾ Nicolai epistola LIII (Migne, tom. CXI, col. 248—9.

тѣмъ въ Константинополь, чтобы „вмѣстѣ съ нами осудить нечестіе четвертаго брака, и чтобы онъ нигдѣ не могъ имѣть мѣста между христіанами“¹⁾.

Желаніе патріарха возстановить церковный миръ съ Римомъ наконецъ осуществилось; патріархъ Николай вмѣстѣ съ Римскими легатами, прибывшими для сей цѣли въ Константинополь, предали проклятію соблазнъ, произведенный въ Константинопольской церкви четвертымъ бракомъ императора Льва VI²⁾.

Такимъ образомъ патріархъ Николай вышелъ изъ этого новаго столкновенія церкви Константинопольской съ Римской полнымъ побѣдителемъ. Церковь Римская должна была уступить церкви Константинопольской и осудить свое собственное дѣяніе!

Въ заключеніе спросимъ себя: былъ ли этотъ споръ Константинополя съ Римомъ важнымъ вкладомъ въ тѣ неприязненныя отношенія, въ какія со временъ Фотія становятся между собою Римъ и Константинопольская церковь? Хотя при дальнѣйшихъ столкновеніяхъ (при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи) ни та, ни другая сторона (ни Римскій папа, ни Константинопольскій патріархъ) не приводятъ на память это событіе, однако можно думать, что оно значительно увеличило то нерасположеніе, какое въ особенности со временъ Фотія къ церкви Римской питалъ Константинополь. Во всякомъ же случаѣ послѣ этого спора, Константинополь не могъ не быть болѣе прежняго подозрительнымъ къ дѣйствіямъ Рима и тѣмъ охлаждать свои чувства довѣрія къ нему³⁾.

¹⁾ Ibidem. Epistola LVI, col. 256 — 257. Есть еще письмо Николая къ папѣ, существующее съ неопредѣленнымъ адресомъ—*Αδελφ* (Migne, письмо LXXVII), но оно не имѣетъ интереса. При этомъ мы должны замѣтить, что до насъ не сохранилось ни одного письма, съ какими папы въ разбираемомъ спорѣ обращались въ Константинополь.

²⁾ Разборъ источниковъ, не одинаково передающихъ извѣстія объ этомъ событіи и участіи въ немъ легатовъ см. въ книгѣ г. Попова, стр. 188—189.

³⁾ Въ доказательство сейчасъ сказаннаго укажемъ на слѣдующій интересный фактъ: въ т. н. „Синодикъ въ недѣлю православія“ есть статья, въ

Вѣкъ одиннадцатый.—Окончательное раздѣленіе церквей (1053—1054 г.).

Константинопольскій патриархъ Михаилъ Керуларій и папа Левъ IX, — письмо К—скаго патриарха къ еписк. Іоанну Трапійскому съ обличеніемъ нѣкоторыхъ заблужденій западной церкви;—письмо папы Льва IX къ патриарху по этому случаю, содержаніе письма: выраженіе папскаго неудовольствія противъ Керуларія, рѣшившагося указать на заблужденія Латинской церкви, раскрытіе папскаго ученія о главенствѣ Римской церкви

которой провозглашается вѣчная память патриархамъ 9 и 10 вѣка, ознаменовавшимъ себя борьбою съ папствомъ. Статья эта появилась въ „Синодикѣ“ въ концѣ 10-го вѣка. Она читалась такъ: „Фотію, Стефану, Антонію, Николаю (конечно, Мистика), православнымъ патриархамъ — вѣчная память“. При чемъ вслѣдъ за тѣмъ тамъ же прибавлено: „вся яже на св. патриархи... Фотія, Стефана, Антонія и Николая писанная или реченная да будутъ прокляты“ (см. Синодикъ въ недѣлю Православія. Изд. проф. Успенскаго. Стр. 9—10. Одесса, 1893. Егоже „Очерки по исторіи Визант. образованности. Стр. 101—103. Петерб., 1891). Ясное дѣло, что всѣ названные патриархи, составляя особую группу въ Синодикѣ, внесены сюда въ качествѣ борцовъ противъ папскихъ притязаній. Прибавка же, что, все сказанное и написанное противъ этихъ лицъ, обрекается на проклятіе, болѣе всего направляется противъ папъ, написавшихъ и высказавшихъ много такого, что и раньше было осуждено, и что направлялось особенно противъ Фотія и Николая Мистика. — Разсматриваемая статья Синодика имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое историческое значеніе. Въ ней можно находить косвенное знаменательство папства. Фактъ безпримѣрный! Въ самомъ дѣлѣ, если ублажаются борцы противъ папства и подвергаются проклятію папскія писанія, направленныя противъ этихъ борцовъ, то тѣмъ самымъ папство, какъ историческое явленіе, предается, очевидно, хотя не явному, а прикровенному, но все же проклятію. Вотъ черта изъ 10-го вѣка, свидѣтельствующая объ охлажденіи междуцерковныхъ отношеній Константинополя и Рима, вотъ предѣлъ, около котораго явно положено начало раздѣленію церквей (см. мою-же статью въ *Чтен. Об. Люб. Духовнаго Просвѣщ.*, 1894, янв. По поводу изданій Ө. Успенскаго).

(доказываемаго обстоятельствами смерти ап. Петра, чудодѣйственностію тѣни тогоже апостола, превратнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ изреченій Н—го Завѣта, ссылкой на подложный документъ: Donatio Constantini), уничижительные отзывы и сужденія въ томъ же письмѣ относительно Ко—ской церкви;—сношенія императ. Константина Мономаха съ тѣмъ же папою ради современныхъ политическихъ нуждъ, папское посольство въ Кон—полѣ, сообщеніе отъ него писемъ Льва IX на имя патріарха и императора, крайне обидныхъ для достоинства Кон—польской церкви и ея предстоятеля (въ нихъ, наприм., выражалась мысль, что церковь, рѣшающаяся прекословить римскому епископу есть „синагога сатаны“ и настоячиво требовалось послушаніе отъ патріарха),—разрывъ между двумя церквями Западною и Восточною: надменное поведеніе папскаго посольства въ Кон—полѣ, особенно Гумберта, нежеланіе патріарха соответствовать видамъ и намѣреніямъ папы римскаго, неудовольствіе легатовъ на патріарха, *анаематствованіе* ими Конст—ской церкви и ея пастыреначальника, (16 іюля, 1054 г.), содержаніе грамоты, въ коей изложено было это *анаематствованіе*, соборъ Кон—польскій (20 іюл. того же года) и провозглашеніе имъ *анаемсы* на легатовъ и косвенно на папу и латинскую церковь;—результатъ этихъ событій.—*Общее заключеніе.*

Третьимъ замѣчательнымъ лицомъ въ разсматриваемую эпоху, которому суждено было вступить въ борьбу съ притязаніями Римскаго первосвященника былъ патріархъ Константинопольскій Михаилъ Керуларій. Со стороны Рима защитникомъ папскихъ притязаній былъ папа Левъ IX.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ первый шагъ къ борьбѣ былъ сдѣланъ со стороны церкви Константинопольской. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что столкновение церкви западной и восточной, происшедшее теперь, повело къ печальнымъ слѣдствіямъ рѣшительнаго раздѣленія церквей.

Распространеніе Римскихъ обрядовъ въ Константинополѣ и въ Италіи въ той ея части, которая подчинена была церкви Константинопольской, побудило патріарха Керуларія прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя въ высшей степени оскорбили гордаго первосвященника Римскаго. Въ видахъ пресѣченія такого распространенія сказанныхъ обрядовъ Михаилъ закрылъ Римскіе монастыри въ Константинополѣ, а въ Италію на имя одного изъ подвластныхъ ему епископовъ (на имя Іоанна Транійскаго) ¹⁾ отправилъ посланіе, въ которомъ

¹⁾ Здѣсь разумѣется городъ Трани въ Апуліи.

изобличилъ нѣкоторыя отступленія западной церкви отъ восточной ¹⁾. Отправляя подобное посланіе въ Италію, патріархъ могъ оправдывать свое поведеніе тѣмъ, что здѣсь было очень много православныхъ грековъ, забота о чистотѣ православія которыхъ и побуждала его прибѣгнуть къ изобличенію заблужденій западной церкви. Въ самомъ дѣлѣ, еще при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ, при которомъ снова возвращены были Апулія, Калабрія и Сицилія подѣ власть Константинопольскаго патріарха, здѣсь было уже два митрополичьихъ греческихъ округъ и одна архіепископія. Позднѣе въ 887 году въ этихъ мѣстахъ насчитывалось, въ одномъ греческомъ церковномъ округѣ здѣсь 13 епископовъ, въ другомъ — 5, въ третьемъ — 13. Византійскій патріархъ Полиевктъ, при императорѣ Никифорѣ Фокѣ, епископу еще одного города далъ права митрополита ²⁾. Въ 750 году основанъ былъ въ Италіи греческій женскій монастырь. Въ особенности много было здѣсь греческихъ монаховъ, которые распространяли греческое образованіе между клириками Италіи; между учениками ихъ насчитываютъ двухъ извѣстныхъ эллинистовъ Іоанна діакона и Анастасія Библіотекаря. Греческій элементъ до такой степени былъ силенъ въ Италіи, что сдѣлана была попытка возвести греческаго архіепископа города Шаченцы — Іоанна на самый папскій престолъ, въ оппозицію Григорію V, поддерживаемому германскимъ императоромъ Оттономъ III. Такимъ образомъ ревность патріарха Михаила къ охраненію чистоты вѣры грековъ, жившихъ въ Италіи и исповѣдывавшихъ восточное православіе, имѣла для себя достаточное оправданіе.

¹⁾ На Западѣ это посланіе извѣстно съ именемъ патріарха Керуларія, а на Востокѣ съ именемъ Льва архіеп. Ахридскаго, въ Болгаріи. Дѣйстви- тельнымъ инициаторомъ этого посланія былъ Керуларій, а изложено оно и отправлено Львомъ Ахридскимъ изъ Болгаріи для большей внушитель- ности: этимъ хотѣли дать знать римской церкви, что даже и Болгарія, на которую со временъ папы Николая I-го папы предъявляли какія-то права духовной власти, и эта страна не хочетъ молчать о заблужденіяхъ Латин- ской церкви.

²⁾ Pichler. Geschichte der kirchlichen Trennung. I. Band. 1864. München. стр. 172. 176.

Въ нашъ планъ не входитъ передавать всего содержания посланія патріарха Михаила въ Италію, которое послужило поводомъ къ новой распрѣ между церковію Римскою и Константинопольскою. Замѣтимъ только, что въ пемѣ между прочимъ указывались слѣдующія отступленія церкви западной отъ восточной: совершеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ ¹⁾, постъ въ субботы вообще, въ субботы же свѣтыя ²⁾ въ частности. Папу въ этомъ посланіи въ особенности должно было оскорбить то, что патріархъ, не назначая этого посланія самому ему, однакожь тресовалъ отъ епископа Іоанна Транійскаго, (которому послано посланіе), чтобы, въ видахъ исправленія западныхъ погрѣшностей, онъ сдѣлалъ извѣстнымъ посланіе западнымъ церквамъ и самому папѣ. Патріархъ писалъ: „великая любовь и искреннее расположеніе побудили насъ писать къ твоей святости, а чрезъ тебя ко всѣмъ вождямъ священства, священникамъ франковъ, монахамъ, народамъ и самому достопочтеннѣйшему папѣ“ ³⁾, и въ заключеніе посланія говоритъ: „имѣя въ виду спасеніе своей души, разошли это посланіе вождямъ священства (и папѣ) и простымъ священникамъ и заклинай ихъ, чтобы они и сами исправились и исправли

¹⁾ „Посланіе имѣло важность не само по себѣ, а по внутренней тенденціи, значеніе его заключалось не въ томъ, что оно трактовало объ опрѣснокахъ, а въ томъ, что въ основѣ его скрывался протестъ противъ палства и какого бы то ни было предпочтенія римской катедрѣ катедрѣ константинопольской, будетъ-ли то возвращеніе патримоній и епархій, въ ущербъ наличнымъ правамъ константинопольскаго патріарха, или же, что еще важнѣе, признаніе за римскимъ престоломъ преимуществъ власти сравнительно съ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ“. справедливо замѣчаетъ профессоръ Скабалановичъ (въ статьѣ: „Раздѣленіе церкви при патріархѣ Мих. Керуларіѣ“, напечатанной въ *Христіанск. Читеніи*. См. 1895 г., томъ I, стр. 111). У этого же автора подробно выяснены мотивы и условія, при которыхъ возникло разсматриваемое посланіе, и указаны основанія, въ силу которыхъ это посланіе имѣемъ право именовать „посланіемъ именно Керуларія къ Іоанну Транійскому“. (См. тамъ же стр. 109—110. Слич. того же журнала: 1884 г., т. II, стр. 635—636).

²⁾ Субботы на востокѣ не считались двумя поствыми, а на западѣ считались.

³⁾ Migne. *Patrologiae cursus, latin. ser.* Tomus 143, col. 929.

народъ Божій. Если это ты сдѣлаешь, во второмъ письмѣ съ большею подробностію и основательностію напишу тебѣ касательно тѣхъ же предметовъ“¹⁾). Разумѣется, такого тона, въ которомъ говорить патріархъ о папѣ и западной церкви, какъ способныхъ заблуждаться и призываемыхъ къ исправленію, не могъ оставить безъ вниманія папа. Римъ стоялъ на томъ принципѣ, что Римскій епископъ выше всякаго суда, съ нимъ какъ равный никто не могъ говорить, и однакожъ такъ говорилъ къ нему теперь патріархъ Константинопольскій. — Посланіе Михаила отправленное на Западъ незадолго до конца 1053 года, скоро сдѣлалось извѣстнымъ папѣ Льву IX.

Въ отвѣтъ на посланіе патріарха Константинопольскаго папа съ своей стороны отправилъ такъ же посланіе, назначая его прямо Керуларію. Посланіе очень длинно, и при всемъ томъ едва касается спорныхъ пунктовъ религіозныхъ²⁾). Оно главнымъ образомъ посвящено всестороннему раскрытію тѣхъ притязаній, изъ совокупности которыхъ возникло то, что называется папскою властію. Въ противоположность этому церковь Константинопольская въ этомъ посланіи подвергается всякому порицанію и униженію. Папа здѣсь разсуждаетъ, обращаясь къ Константинопольской церкви, какъ строгій отецъ къ совратившемуся съ истиннаго пути сыну. И замѣчательно, въ этомъ посланіи папа не только настаиваетъ на удержаніи правъ, уже ранѣ присвоенныхъ папами, напр. Николаемъ I, но приходитъ даже къ новымъ притязаніямъ касательно расширенія своей мнимо апостольской власти.

Посмотримъ съ одной стороны, въ чемъ именно находить папа свое преобладающее значеніе въ ряду другихъ

¹⁾ Ibidem, 932.

²⁾ Папа рѣшился заняться опроверженіемъ посланія и главные удары направилъ не столько на то, о чемъ прямо сказано было въ посланіи, сколько на то, что читалось между строкъ. Онъ совершенно основательно взглянулъ на посланіе, какъ на протестъ Керуларія противъ преимуществъ римской кафедры сравнительно съ константинопольскою вообще и въ частности противъ правъ ея на Апулію и Калабрію. Профес. Скабалановича, вышеуказанная статья: *Хр. Чт.*, 1885, I, стр. 112.

епископовъ, и съ другой, на какомъ основаніи онъ хочетъ отказать Константинопольской церкви въ тѣхъ правахъ, какія усвоаетъ своей церкви.

Въ первомъ отношеніи посланіе находитъ, что Константинопольскій патриархъ позволяетъ себѣ несказанную дерзость, когда беретъ на себя право въ чемъ либо учить Римскую церковь. „Ты, возлюбленный нашъ, и еще нарицаемый во Христѣ братъ и предстоятель Константинопольскій, съ небывалою дерзостію и неслыханною смѣлостію осмѣлился осуждать явно апостольскую и латинскую церковь,— и за что же? За то, что она совершаетъ воспоминаніе о страданіяхъ Господа на опрѣсновахъ. Вотъ неосмотрительная брань ваша, вотъ недобрая хвастливость ваша, когда вы полагая, что уста ваши на небеси, въ сущности своимъ языкомъ пресмыкаетесь по землѣ, и силитесь человѣческими доводами и умствованіями извратить и поколебать древнюю вѣру. Если вы не образумитесь, то будете на томъ хвостѣ дракона (апокалипсическаго), которымъ этотъ драконъ третью часть звѣздъ небесныхъ отторгъ и повергъ на землю. Вотъ уже почти 1020 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ Спаситель, и неужели вы думаете, что только теперь отъ васъ Римская церковь должна учиться, какъ совершать евхаристію, какъ будто бы ничего не значить, что здѣсь въ Римѣ пребывалъ, обращался продолжительно, наставлялъ и наконецъ смертію своею прославилъ Бога тотъ, кому Господь сказалъ: „блаженъ Симонъ, варъ Іонивъ“¹⁾).

Затѣмъ папа съ подробностію объясняетъ, почему Римская церковь не можетъ терпѣть никакихъ внушеній отъ другихъ церквей, оставаясь однакоже руководительницею всѣхъ остальныхъ. „Подумайте, какъ безразсудно допускать, будто Отецъ небесный отъ князя апостоловъ, Петра, скрылъ обрядъ видимаго жертвоприношенія (Евхаристіи), отъ Петра, которому Онъ вполне открылъ сокровеннѣйшее Божество Сына Своего. Петру не чрезъ ангела, не чрезъ пророка, но Своими собственными устами Господь обѣто-

1) Migne, *ibidem*, col. 747.

валь: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою*“ (Мтѣ. 16, 16). Пря этомъ папа приходитъ къ замѣчательному умствованію о томъ, какъ Петръ своею смертію, распятый стремглавъ, доказалъ, что онъ есть именно камень, на которомъ зиждется церковь. „Истину сего изреченія—говорить папа—Петръ доказывалъ не только при жизни, но и въ самой своей смерти, когда испросилъ, чтобы онъ былъ распятъ внизъ главою. И въ этомъ случаѣ, конечно по божественному вдохновенію, изобразилъ, что онъ есть первый и четырехугольный камень, сближенный и соединенный съ основаніемъ, которое есть Христось. Этотъ камень (глава Петра) возложенъ на краеугольный камень Христа для того, чтобы несокрушимою твердостію своею поддерживать всю тяжесть церковнаго зданія, и дабы подклоненіемъ главы своей всѣ члены тѣла Христова, до скончанія вѣка, несокрушимою выею своею воздвигать къ небу“¹⁾. Кромѣ смерти апостола Петра, которая давала знать, по мнѣнію папы, объ особенномъ значеніи его въ ряду другихъ апостоловъ, каковое значеніе передается теперь его преемникамъ по Римской кафедрѣ, по сужденію папы же, въ вопросѣ о главенствѣ Римскаго первосвященника важное мѣсто занимаетъ чудодѣйственность тѣни Петра. Этотъ аргументъ папы въ свою пользу такъ оригиналенъ, что мы передадимъ его сполна. „Въ Петрѣ—говорить папа—замѣчательно въ особенности то, что тѣнь его тѣла доставляла здравіе немощнымъ. Никому изъ святыхъ не было дано такой силы; даже Самъ Святой святыхъ отъ Своего святѣйшаго тѣла не подавалъ дара исцѣленія; но свосму Петру одному даровалъ эту привилегію, дабы тѣнь отъ тѣла его врачевала больныхъ. Здѣсь великое знаменованіе церкви настоящей и будущей, т. е. Петръ становится главнымъ распорядителемъ обѣихъ церквей и состояніе ихъ предъуказываетъ въ себѣ самомъ: именно настоящая церковь силою видимыхъ и имѣющихъ прейти таинствъ, какъ бы тѣнію своею уврачевавъ души на землѣ, представляетъ (?) намъ еще невидимый, но твердый образъ истины и благо-

¹⁾ Migne., ibidem, 748.

честія на небѣ“¹⁾), Или вотъ еще ухищренное папское толкованіе одного изреченія, съ которымъ Господь обратился къ Петру, толкованіе, которое имѣетъ своею цѣлію доказать преобладающее значеніе Римскихъ первосвященниковъ въ ряду другихъ епископовъ всей церкви. Папа беретъ изреченіе Господа: „Я молился о тебѣ, Петръ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты, нѣкогда обратившись, утверди братьевъ твоихъ“ (Лук. 22, 32).

„Этимъ Господь показалъ, говоритъ папа, что вѣра остальныхъ братьевъ будетъ подвергаться опасностямъ, а вѣра Петра пребудетъ вепретковенна. Никто не можетъ отрицать, что какъ крюкомъ (cardo) управляется вся дверь, такъ Петромъ и его преемниками опредѣляется порядокъ и устройство всей церкви. И какъ крюкъ водить и отводить дверь, самъ оставаясь неподвижнымъ, такъ и Петръ и его преемники имѣютъ право свободно произносить судъ о всякой церкви, и никто отнюдь не долженъ возмущать или колебать ихъ состоянія; ибо высшая каеэдра ни отъ кого не судится (summa sedes a nemine judicatur)“²⁾).

Вотъ церковныя основанія, которыми папа думаетъ подтвердить свое господство въ церкви, давая знать, что напрасно церковь Константинопольская присвоиваетъ себѣ права, равныя съ церковію Римскою: это съ ея стороны непростительная ошибка, по сужденію Льва.

Всѣ эти папскія притязанія на особенное высокое положеніе Римской церкви въ ряду другихъ церквей, основанныя на значеніи каеэдры Римской, какъ каеэдры ап. Петра, впрочемъ уже не новы были для рассматриваемаго времени; новы были развѣ только тѣ чрезвычайно ухищренныя доказательства, которыми папа Левъ пользовался въ письмѣ къ Керуларію, и которыя мы привели.

Гораздо болѣе важности и интереса представляютъ въ данномъ письмѣ весьма новыя папскія идеи о своемъ свѣтскомъ владычествѣ, которыя развиваются папою въ письмѣ къ Керуларію, и которыя опираются на подложный доку-

¹⁾ Ibidem, 758.

²⁾ Ibidem, 765.

ментъ, — на такъ называемое *donatio Constantini*. — Выставляя свое преимущественное значеніе въ ряду другихъ іерарховъ церкви, папа, дабы унижить достоинство церкви Константинопольской — цѣль письма — раскрываетъ мысль, что папы неизмѣримо превосходятъ представителей всѣхъ другихъ церквей, такъ какъ они въ одно и тоже время и верховные первосвященники и цари. На Востокѣ, кажется, доселѣ ничего подобнаго не слыхали; и потому понятно, какъ должна была подѣйствовать подобная новость на церковь Константинопольскую!

Еще со временъ Константина Великаго папы сдѣлались въ тоже время и царями—внушаетъ Левъ Керуларію. Папа писалъ: „чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ земной (свѣтской) власти первосвященника Римскаго и чтобы кто не подумалъ, что Римская церковь присвоитъ себѣ не принадлежащую ей честь, мы приводимъ доказательства изъ той привилегированной грамоты, которую императоръ Константинъ собственными руками положилъ на святой гробъ небснаго ключеносца (Петра), — и да явится истина и исчезнетъ суета“. Въ сказанной привилегированной грамотѣ Константинъ — по словамъ папы — объявлялъ слѣдующее: „мы сочли полезнымъ, мы вмѣстѣ со всѣми нашими правителями, сенатомъ, вельможами и народомъ Римскимъ, чтобы, подобно тому какъ св. Петръ былъ намѣстникомъ Сына Божія на землѣ, такъ и первосвященники, наслѣдники князя апостоловъ, удерживали власть начальственную — и даже полнѣе, чѣмъ какъ это свойственно земному императорскому достоинству. Именно мы опредѣляемъ благоговѣнно почитать, какъ наше земное императорское могущество, такъ точно и святѣйшую Римскую церковь, и, дабы полнѣе возвысить каеэдру надъ нашимъ собственнымъ земнымъ трономъ, приписываемъ ей власть, достоинство и честь царскую. Къ этому же опредѣляемъ, чтобы каеэдра Петра имѣла главенство надъ четырьмя каеэдрами—Александрійскою, Антиохійскою, Іерусалимскою и Константинопольскою и такъ же надъ всѣми церквами во вселенной; первосвященникъ этой Римской каеэдры во всѣ времена долженъ считаться выше и славнѣе всѣхъ священниковъ всего міра

и въ отношеніи къ вопросамъ богослуженія и вѣры судъ его да господствуетъ надъ всѣми“¹⁾). Затѣмъ папа Левъ описываетъ, чѣмъ именно одарилъ Константинъ своего современника папу Сильвестра, въ цѣляхъ возвеличенія папскаго престола. По мнѣнію папы, оказывается, что Константинъ подарилъ папѣ прежде всего дворець въ Римѣ. Привилегированная грамота, по писъму папы Льва, объ этомъ предметѣ гласила слѣдующее: „Уступаемъ самимъ св. апостоламъ, блаженнѣйшимъ Петру и Павлу, а чрезъ нихъ отцу нашему папѣ Сильвестру и всѣмъ преемникамъ его, какіе только будутъ на каедрѣ св. Петра до скончанія вѣковъ, — дворець Латеранскій, который превосходить всѣ дворцы въ мірѣ“. Потомъ императоръ Константинъ украшаетъ, по словамъ папы, персону первосвященника Римскаго царскими регаліями. Грамота по словамъ папы Льва такъ говорила объ этомъ: „передаемъ Римскому папѣ діадему, т. е. корону, съ своей собственной головы, нарамники, которыми украшается выя императорская, пурпуровую хламиду, багряную тунику и всѣ другія царственныя одежды, — вручаемъ ему императорскій скипетръ и всѣ другія знаки отличія и перевязи, — словомъ всѣ принадлежности царскаго величія“. Письмо сообщаетъ даже, что императоръ собственноручно хотѣлъ возложить свою корону на папскую главу, но „папа не захотѣлъ употреблять короны изъ золота, и потому императоръ положилъ на него собственными руками свой фригійскій вѣнецъ (phrygium), блистающій бѣлизною и обозначающій воскресеніе Христова“²⁾). По словамъ папы Льва, императоръ Константинъ, украсивъ царскими регаліями папу, въ соотвѣтствіе съ этимъ хотѣлъ поставить наравнѣ съ царскими придворными и клириковъ, составлявшихъ свиту папы. Грамота, по словамъ письма, на этотъ разъ узаконяла вотъ что: „почтеннѣйшихъ клириковъ всякаго чина, состоящихъ въ служеніи Римской церкви мы возводимъ на такую же высоту власти и блеска, на какой находится нашъ сенатъ, и определяемъ,

¹⁾ Ibidem, 753.

²⁾ Ibidem, 754—755.

чтобы они украшались, какъ украшаются наши патриции и консулы. Словомъ какъ украшена императорская свита, такъ—и клиръ Римской церкви. И какъ при императорскомъ достоинствѣ состоятъ различнаго рода прислужники—постельячьи, придверники и стража, тоже должно быть и въ св. Римской церкви. И еще: для несравненно большей блистательности папскаго достоинства, пусть клирики ѣздятъ на лошадяхъ, украшенныхъ чапраками и бѣлѣйшими тканями, и пусть носятъ точно такую же обувь, какую употребляютъ сенаторы. И такимъ образомъ небесная (т. е. *папская*) власть, подобно земной (т. е. императорской) власти, да украсится во славу Божию¹⁾. Озаботившись касательно личности папы и его приближенныхъ, Константинъ, по словамъ письма папскаго, даруетъ папѣ Сильвестру, а съ нимъ и его наслѣдникамъ обширную фактическую царственную власть надъ цѣлымъ полцарствомъ Римскимъ: первосвященникъ Римскій становится и императоромъ Римскимъ. Грамота, по словамъ папы, на этотъ счетъ опредѣляла: „Дабы первосвященническая власть не оскудѣвала, но процвѣтала болѣе самой власти императорской, мы опредѣлили передать отцу нашему Сильвестру, кромѣ дворца Латеранскаго, — городъ Римъ, провинціи Италіи и *остаъ западныхъ странъ*, и всѣ мѣста и города въ нихъ—въ полное распоряженіе и власть“²⁾.

Послѣ такихъ доказательствъ величія Римскаго перво-

1) Ibidem, 781.

2) Ibidem.—Документъ, изъ котораго папа заимствуетъ приведенныя распоряженія Константина (*donatio Constantini*) есть плодъ орудневѣковой изобрѣтательности. Онъ не имѣетъ никакой исторической основы. Какъ мало онъ сообразенъ съ истинною,—это довольно уже видно изъ того, напримеръ, что папа утверждаетъ, будто Константинъ выдалъ грамоту тотчасъ послѣ своего крещенія, при чемъ собственными руками надѣлъ царскій вѣнецъ на Сильвестра, между тѣмъ въ дѣйствительности-то послѣ крещенія Константина, какъ извѣстно, послѣдовала его смерть, и никакихъ распоряженій въ пользу папства потому самому быть не могло. Притомъ въ документѣ предполагается, что крещеніе Константина произошло въ Римѣ и совершенно Сильвестромъ, тогда какъ оно имѣло мѣсто на Востоцѣ, въ Никомидіи.

священника, патріархъ Константинопольскій, по желанію папы, долженъ былъ бы придти къ сознанію, какъ незначительна его роль въ мірѣ христіанскомъ, съ какимъ уваженіемъ и покорностію долженъ относиться онъ при всякомъ случаѣ къ предстоятелю церкви Римской.

Раскрывая во всемъ блескѣ мнимое свое величіе церковное и государственное, папа, къ большому пристыженію пастырей Константинопольскихъ, дерзнувшихъ противорѣчить и прекословить Римскому первосвященнику, — папа Левъ въ своемъ письмѣ Михаилу Керуларію — всѣми мѣрами старался выставить церковь Константинопольскую съ самой невыгодной для нея стороны. Новое указаніе, что Константинопольскіе іерархи не должны и думать о правахъ въ мірѣ христіанскомъ, равныхъ съ правами, какими обладалъ Римскій епископъ!

Въ видахъ униженія Константинопольской церкви, папа указываетъ, какъ много было еретиковъ въ церкви восточной вообще, на каеедрѣ Константинопольской въ частности. Съ особеннымъ гнѣвомъ говоритъ папа, какъ о еретикахъ, о тѣхъ Константинопольскихъ патріархахъ, которые не были послушными папскому голосу, какъ хотѣлось того папамъ, и которые отвѣчали на притязанія папъ съ достоинствомъ и сознаніемъ правоты своихъ дѣйствій. Такъ Левъ причисляетъ къ еретикамъ патріарха св. Іоанна Постника, хотя вся его вина заключалась только въ томъ, что онъ не отказался отъ титла „вселенскій патріархъ“, усвоеннаго предшественниками этого патріарха, какъ настаивалъ папа. По мнѣнію Льва, церковь Константинопольская готова была погибнуть, обуреваемая ересями, и только заботливость Римскихъ епископовъ спасала ее отъ окончательной гибели ¹⁾. Между скандалами, которыми богата исторія церкви Константинопольской, по мнѣнію папы, особенно унизило эту церковь — случившееся будто бы здѣсь возведеніе въ патріархи женщины ²⁾. Призывая Константинопольскаго па-

¹⁾ Ibidem, 748—751.

²⁾ Ibidem, 760. Пихлеръ (Geschichte der kirch. Trenn. V. L. S. 179), римско-католическій историкъ, говоритъ слѣдующее объ этой легендѣ. „Безъ сомнѣнія въ Италіи было изобрѣтено такое сказаніе, передаваемое въ хро-

триарха къ смиренію и покорности, папа — далѣе находятъ, что церковь эта должна питать подобныя чувства къ епископу Римскому потому, что никому другому, какъ именно Риму только и обязана она своимъ іерархическимъ возвышеніемъ. Папа разсуждаетъ: „церковь Константинопольская ни по божескимъ, ни по человѣческимъ правамъ не имѣла никакого преимущества предъ церковію Антиохійскою и Александрійскою, и однакожь Римская церковь, какъ чадолюбивая мать, не желая лишить почести свою возлюбленную дочь — церковь Константинопольскую — озаботилась доставить этой церкви преимущества чести наравнѣ съ главнѣйшими церковными кафедрами, почему она и заняла второе мѣсто послѣ церкви Римской въ средѣ міра христіанскаго“¹⁾.

Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе письма папы Льва IX-го къ патріарху Михаилу Керуларію. Въ немъ ясно отобразились почти всѣ самыя странныя и причудливыя притязанія средневѣковаго папства. Нужно было пастьрямъ церкви Константинопольской быть постоянно на сторожѣ, чтобы сѣти папскія не опутали и восточной церкви. Патріархъ Михаилъ былъ вѣренъ этой задачѣ. Опасность тѣмъ болѣе грозила церкви восточной, когда слова притязанія, по обстоятельствамъ времени, готовы были перейти въ дѣло, въ практику.

никѣ Салернской и перешедшее въ письмо папы Льва къ Керуларію, хотя къ чести церкви Греческой въ истинѣ его должно сомнѣваться. Въ этой хроникѣ говорится: „во времена Беневентскаго князя Арихида (Aricchis), въ 758—787 гг., въ Константинополѣ былъ патріархъ, человѣкъ добрый и справедливый, но слишкомъ преданный чувственной любви, почему онъ и держалъ при себѣ въ качествѣ евнуха свою племянницу, которую выдавалъ за своего племянника. При смерти же патріархъ указалъ на это лицо, какъ на достойнаго своего преемника, и ово возсѣло на патріаршемъ престолѣ. Дьяволъ объ этомъ своемъ дѣяніи извѣстилъ ночью Арихида, который о томъ и далъ знать въ Константинополь; по надлежащемъ изслѣдованіи здѣсь дѣла, извѣстіе это оказалось справедливымъ“. Пихлеръ разъясняетъ при этомъ, при какихъ чисто политическихъ условіяхъ могла возникнуть въ Италіи подобная легенда.

¹⁾ Ibidem, 763. Въ сущности Римская церковь только препятствовала возвышенію церкви Константинопольской. Такъ было во времена II и IV вселенскихъ соборахъ.

Неизвѣстно, повело ли за собою какія-либо послѣдствія письмо папы Льва къ константинопольскому патріарху Михаилу—очень можетъ быть на Востокъ прочитали бы его и забыли,—еслибы не присоединились сюда еще обстоятельства, которыя привели къ коренному раздѣленію церквей.

Еще ранѣе этого папскаго письма, между папою и Греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ завязались сношенія чисто политическаго свойства, но по стеченію обстоятельствъ они скоро перешли на церковную почву. Греческія области въ Италіи были сильно тѣснимы Норманами, самъ папа не мало страдалъ отъ нашествія этихъ варваровъ; при такомъ положеніи дѣла восточный императоръ надѣялся при помощи папы склонить германскаго императора Генриха III го къ союзной войнѣ противъ Нормановъ, и такимъ образомъ защитить свои греческія владѣнія въ Италіи отъ враговъ; этотъ планъ само собою былъ не безвыгоденъ и для папы. Эти-то и нѣкоторыя другія причины и побудили императора Константина Мономаха взойти въ переписку съ папой ¹⁾. Явилось отъ папы посольство, которое, притомъ взяло на себя—обязанность примирить Константинопольскаго патріарха съ папой, разумѣется на выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ.

Посольство однакожъ не принесло пользы ни политическому, ни церковному положенію Греческой имперіи, а напротивъ—довело недружелюбныя отношенія церквей Римской и Константинопольской до полнаго разрыва.

Посольство принесло съ собою два папскія письма—одно на имя патріарха Михаила, другое на имя императора. Письма эти еще разъ засвидѣтельствовали предъ Константинопольскою церковію о непомянутой горлости и само-

¹⁾ Ни письмо императора Константина, ни письмо Михаила Керуларія, писанныя по этому поводу, не дошли до насъ.—О побужденіяхъ же, заставившихъ Мономаха завязать сношенія съ папою, проф. Скабалановичъ говоритъ слѣдующее: точкою отправленія для императора въ этихъ сношеніяхъ послужилъ турецкій вопросъ, которому суждено было играть роль въ дѣлѣ церковнаго раздѣленія не меньшую, чѣмъ онъ игралъ въ позднѣйшихъ попыткахъ соединенія. Турки дѣлали быстрые успѣхи на Востокъ, отторгали одинъ за другимъ города и области, принадлежавшіе

мнѣніи Римскаго первосвященника и о той неискренности и подозрительности, съ которыми смотрѣлъ папа на церковь Константинопольскую, и которая исключали возможность мира между указанными церквами. Впрочемъ нужно замѣтить: не столько эти письма, сколько необузданное, высокомерное и безразсудное поведеніе папскихъ легатовъ послужило поводомъ къ печальной катастрофѣ, раздѣлившей двѣ церкви до враждебности.

Но обратимся прежде къ разсмотрѣнію тѣхъ писемъ, которыми папа подарилъ на этотъ разъ патріарха и императора.

Въ письмѣ къ патріарху папа между прочимъ навязываетъ ему мысль, будто онъ хочетъ подчинить своему преобладающему господству всѣ церкви востока т. е. стать

Византійской имперіи. Съ 1033 опасность со стороны турокъ усилилась, самъ турецкій султанъ Тогрут-бегъ двинулся во главѣ своей орды на имперію; наступилъ кризисъ. Средствъ для борьбы съ турками стали искать внутри имперіи и внѣ ея, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ ни предъ чѣмъ не задумывались. Поиски въ иностранныхъ государствахъ имѣли цѣлю пріобрѣтеніе союзниковъ, заключеніе дружественныхъ договоровъ, съ помощію которыхъ можно было или увеличить военныя силы, необходимыя для борьбы съ турками, или обезопасить окраины отъ внѣшнихъ нападений, и такимъ образомъ получить возможность не развлекаться по сторонамъ, но сосредоточиться на одномъ пунктѣ—борьбѣ съ турками въ Азіи. Разными шекотливостями, въ родѣ національной гордости, государственной чести, рѣшено было пренебречь, всевозможныя уступки сдѣлать, только бы цѣль была достигнута. Искательностію проникнуты были сношенія византійскаго двора съ Генрихомъ III германскимъ. Искало византійское правительство союза и у римскаго папы. Союзъ съ папой важенъ былъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ въ виду ооокупныхъ дѣйствій противъ норманновъ, во-вторыхъ для усиѣннѣйшаго заключенія мира съ Генрихомъ германскимъ. Норманны по причинѣ нападенія на папскія владѣнія и церковныя земли были такими же врагами римскаго папы, какъ и византійскаго императора. Папа и императоръ дѣлались въ этомъ случаѣ естественными союзниками, никакихъ особенныхъ заботъ для ихъ сближенія ни съ той, ни съ другой стороны не требовалось. Но вопросъ о посредничествѣ папы для заключенія союза между германскимъ и византійскимъ дворомъ приходилъ какъ элементъ сверхдолжный, по отношенію къ которому папа приглашался на службу Византіи и могъ требовать себѣ за то награды. (Проф. Скабалановича вышеуказанная статья: *Христ. Чт.*, 1885, I, 98—101).

восточнымъ папою, какъ папа самъ сдѣлался духовнымъ владыкою всего запада. Левъ IX пишетъ: „Движимый новымъ честолюбіемъ, ты хочешь лишить древнихъ достоинствъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, и вопреки всякому праву думаешь подчинить ихъ своему господству. Къ какой опасности ты стремишься—это очевидно для каждаго здравомыслящаго“¹⁾. Въ этихъ словахъ папы не выразилось ничего болѣе, кромѣ подозрительности и завистки къ возможному возвышенію Константинопольскаго патріарха. Папа хочетъ самъ господствовать надъ восточною церковью; но въ этомъ стремленіи и прежде и теперь ему препятствуютъ главнымъ образомъ предстоятели церкви Константинопольской, ревностно охранявшіе права церкви восточной. Нужно было папамъ слишкомъ проникнуться идеей господства надъ церковью, что и было,—чтобы приходило къ такимъ ни на чемъ не основаннымъ подозрѣніямъ касательно церкви Константинопольской! Будучи подозрительнымъ на счетъ другихъ, папа оказывается крайне щепетильнымъ, когда хотя намеками давали знать, что церковь Римская не есть глава церкви христіанской, какою считали ее римскіе епископы. Изъ словъ папскаго письма видно, что патріархъ Михаилъ въ своемъ письмѣ ко Льву (недошедшемъ до насъ) давалъ знать, что церковное значеніе Римской каедръ только тогда имѣетъ силу, когда она дѣйствуетъ въ согласіи съ церковью Константинопольскою, какъ равно и значеніе Константинопольской каедръ имѣетъ силу тогда, когда она дѣйствуетъ въ согласіи съ церковью Римскою, т. е. что значеніе ихъ — той и другой церкви — опирается на взаимномъ согласномъ дѣйствованіи: каждая нуждается въ поддержкѣ другой, и каждая въ отдѣльности не можетъ имѣть никакого притязанія на какой либо высшій авторитетъ²⁾. Папа оказывается крайне недовольнымъ такими идеями патріарха, какъ ни основательны онѣ. Онъ съ запальчивостью объявляетъ о своемъ главенствѣ въ церкви

¹⁾ Migne, *ibidem*, col. 771.

²⁾ Папа писалъ Керуларію: *Scriptisti nobis, quoniam si una ecclesia Romana per nos haberet nomen tuum, omnes ecclesiae in toto orbe terrarum haberent per te nomen nostrum. Ibidem, 776.*

безусловномъ, нераздѣльномъ. „Что за нелѣпость хочешь ты сказать, братъ возлюбленный? Пишетъ папа. Какъ же это Римская церковь, будучи главою и матерью всѣхъ церквей, однакожь не имѣетъ членовъ и дочерей. Какая она послѣ этого глава и мать? Мы вѣримъ — внушаетъ папа — и съ твердостью исповѣдуемъ слѣдующее: Римская церковь такова, что если какая либо нація (церковь) на землѣ по гордости несогласна съ ней въ чемъ либо, то подобная церковь перестаетъ называться и считаться церковію, — она ничто. Это будетъ уже какое-то сборище еретиковъ, собраніе схизматиковъ, синагога сатаны“ ¹⁾). Такъ рѣшительно высказывается папа относительно своего абсолютизма въ церковныхъ дѣлахъ; никто въ цѣлой церкви не можетъ быть поставляемъ рядомъ въ Римскимъ первосвященникомъ по значенію власти — ни одна церковь, ни одинъ іерархъ. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если папа смотритъ на патріарха Михаила, какъ на лице чрезвычайно заблуждающееся, когда послѣдній позволилъ себѣ въ вышеуказанномъ нами письмѣ къ Іоанну Травнійскому не раздѣлять и отрицать правоту нѣкоторыхъ церковныхъ воззрѣній запада. Разсматривая патріарха, какъ именно такое лице, папа призываетъ его къ покаянію и исправленію. Левъ IX говоритъ патріарху: „да прейдуть ереси или схизмы, и да будетъ миръ; всякій считающійся христіаниномъ — да перестанетъ злословить и оскорблять св. Римскую и апостольскую церковь; напрасно считается почтительнымъ къ отцу (Христу?) тотъ, кто безсчаститъ его жену, Римскую церковь (?!). Мы надѣмся, по благодати Божій, что ты не повиненъ ни въ чемъ подобномъ, или уже исправился, или, наконецъ, по нашемъ увѣщаніи тотчасъ исправись“ ²⁾). Понятно, какъ мало тонъ папскаго письма соотвѣтствовалъ достоинству церкви Константинопольской! — Письмо же папы къ императору представляетъ мало интереса по сравненію съ письмомъ его къ патріарху. Однакожь и здѣсь есть черты, не лишеныя значенія. Папа пользуется случаемъ

¹⁾ Ibidem, 776.

²⁾ Ibidem, 776 — 7.

слегка намекнуть, что онъ есть раздатель императорскихъ коронъ, что именно Римская церковь украсила короной главу восточнаго императора ¹⁾. Такъ далеко заходили притязанія папскія; римскій первосвященникъ хочетъ не одного господства религіознаго на востокъ, но и политическаго. Не безъ затаенной дѣли папа выхваливаетъ достоинства императора: его религіозность и уваженіе къ Римской церкви, при чемъ папа называетъ его вторымъ Константиномъ Великимъ ²⁾. Очевидно, папа сильно рассчитывалъ на императора въ своей борьбѣ съ Керуларіемъ, тѣмъ болѣе, что Константинъ Мономахъ нуждался въ папскихъ услугахъ изъ-за политическихъ расчетовъ. Надѣясь на поддержку со стороны императора, Левъ горько жалуется ему на несправедливости патріарха, будто бы допущенныя этихъ по отношенію къ нему. А подъ ними онъ разумѣлъ то неприятное для слуха папскаго письмо, съ которымъ патріархъ Михаилъ обратился къ извѣстному Іоанну Транійскому. Жалобы свои на патріарха папа заканчиваетъ такимъ категорическимъ заявленіемъ: „если патріархъ пребудетъ упоренъ, т. е. не подчинится папской волѣ, то невозможенъ будетъ миръ между нами“, т. е. между церковію Римскою и Константинопольскою ³⁾. Изъ за чего — спрашивается — такое безпокойство папы? Изъ-за того единственно, что Михаилъ осмѣлился допустить возможность погрѣшностей со стороны Рима и необходимость исправленія съ его стороны въ подобныхъ случаяхъ. Къ счастью для Константинопольской церкви надежды папы на императора не оправдались.

Сами по себѣ эти письма не могли быть приняты представителями церковной и свѣтской власти въ Константинополь — сочувственно. Но во всякомъ случаѣ они одни не могли подвигнуть Константинопольскую церковь на какія нибудь рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ Римской

¹⁾ Ibidem, 778. Non ingratus (imperator) illi, quae (Romana ecclesia) tuum verticem diademate terreni principatus decenter insignivit.

²⁾ Ibidem, 777—8.

³⁾ Ibidem, 780.

церкви. Но чего не могли сдѣлать письма, то сдѣлали папскіе легаты своимъ образомъ поведенія въ Константинополѣ. Во главѣ посольства, присланнаго, въ началѣ 1054 года, изъ Рима въ Константинополь, стоялъ кардиналъ Гумбертъ; „это былъ человѣкъ въ высшей степени страстный, охотникъ до распрей, и притомъ истый поборникъ преимуществъ Римской каедрѣ“ ¹⁾. Не удивительно, если при такихъ качествахъ глава посольства Гумбертъ сдѣлался причиной полнаго нарушенія церковнаго мира между Востокомъ и Западомъ. Дѣло кончилось замѣчательно быстро. Съ поразительнымъ самообольщеніемъ Гумбертъ является и дѣйствуетъ въ церкви Константинопольской такъ, какъ будто бы она была подчинена Римской церкви, и какъ будто бы онъ пришелъ сюда въ качествѣ уполномоченнаго отъ Рима, которому Константинопольскій патріархъ обязанъ быть вполне послушенъ. Гумбертъ и другіе члены посольства гордо держали себя въ ихъ отношеніи къ патріарху, и „ихъ гордый тонъ, съ которымъ они хотѣли говорить съ патріархомъ въ качествѣ папскихъ легатовъ, долженъ былъ вооружить противъ нихъ патріарха“ ²⁾. И однакожь патріархъ не позволилъ себѣ никакого оскорбительнаго поступка съ легатами ³⁾. Не желая дѣлать никакихъ уступокъ притяза-

¹⁾ Handbuch der Kirchengeschichte von Kurtz. 2-te Ausg., 2 Abtheil., s. 48.

²⁾ Neander. Allgem. Geschichte der christ. religion. Band II, s. 320. Gotha, 1856. Pichler, Kirch. Trenn. Band I, S. 258.

³⁾ Папскіе легаты, пишетъ проф. Скабалановичъ, отправлялись въ Константинополь не съ чувствами братской любви и уваженія къ правамъ каедрѣ константинопольской. Константинопольской церкви предлагался миръ, но лишь подъ условіемъ отреченія отъ правъ, принадлежавшихъ константинопольской каедрѣ, и призванія папскаго главенства, подъ тѣмъ же условіемъ, которое заявлялось еще при Фотіѣ, хотя не съ такою рѣзкостью. Нужно было слишкомъ много самообольщенія со стороны Рима, чтобы не видѣть, что легатамъ нечего было ѣздить въ Константинополь и что свой миръ они привезутъ обратно. И дѣйствительно, Керуларій сталъ въ иное къ нимъ отношеніе съ самаго того момента, какъ обнаружилась непримиримая противоположность точекъ зрѣнія и принциповъ, на которыхъ стоялъ онъ и стояли легаты. Противоположность же сдѣлалась ясной съ первой аудіенціи. Патріархъ принялъ легатовъ, окруженный митрополитами и епископами, въ ожиданіи, что легаты поведутъ себя скромно,

тельному Риму, Михаилъ Керуларій уклонился отъ всякихъ переговоровъ съ папскими легатами. Сколько ни ждали эти послѣдніе „исправленія“ отъ Керуларія, ничего подобнаго съ его стороны не послѣдовало. Керуларій понималъ, что уступки со стороны церкви Константинопольской папскимъ легатамъ были бы равносильны признанію верховенства Римскаго первосвященника въ мірѣ христіанскомъ. Раздраженные твердостью Михаила, не думавшаго жертвовать ничѣмъ изъ своихъ священныхъ правъ въ пользу папства, легаты рѣшились на поступокъ, который служить и доннынѣ позоромъ для церкви западной. Они рѣшились произнести анафему на *Константинопольскую церковь*. 16-го іюля 1054 года они дерзнули положить отлучительную на церковь Константинопольскую грамоту въ Софійскомъ Константинопольскомъ храмѣ на св. алтарѣ, во время богослуженія.

Вотъ эта грамота.

„Св. Римская первая апостольская кathedра, которой какъ главѣ принадлежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, ради церковнаго мира и пользы, благоволила послать насъ, легатовъ своихъ, въ этотъ царствующій градъ, чтобы мы пришли и узнали, справедливъ ли тотъ слухъ, который безпрестанно доходить до ушей ея изъ сего города, или же нѣтъ“. Затѣмъ легаты, похваливъ императора, относительно же патріарха говорили: „чтоже касается до Михаила неправдо называемаго патріархомъ и сообщниковъ его глупости (stultitiae), то ежедневно въ его средѣ разсѣваются здѣсь множайшія плевелы ересей. Именно, подобно симони-

займутъ мѣсто въ ряду епископовъ, патріарху отдадутъ должную честь. Но они вошли съ величественною гордостью, не какъ низшіе, даже не какъ равные съ патріархомъ, но какъ повелители, имѣющіе власть надъ нимъ. Въмѣсто того чтобы исполнить долгъ вѣжливости и поклониться патріарху, они надѣялись видѣть патріарха и весь соборъ у своихъ ногъ. Когда же надежда ихъ обманула и патріархъ вмѣсто того чтобы торопливо очистить имъ предсѣдательское кресло, указавъ мѣсто въ ряду епископовъ, которое имъ слѣдовало по сану, они высокомерно вручили ему папское письмо, (о содержаніи котораго мы уже говорили), повернулись ж, не сказавъ ни слова, вышли изъ собранія. *Христіанск. чтеніе*, 1885, т. I. 121. 132.

анамъ они продають даръ Божій, подобно валезіанамъ ¹⁾ оскопляють пришельцевъ, и однакожь дѣлають ихъ не только клириками. но и епископами. Подобно аріанамъ перекрещивають крещенныхъ во имя св. Троицы, въ особенноти латинянь. Подобно донатистамъ утверждаютъ, что во всемъ мѣрѣ за исключеніемъ церкви Греческой, погибли и церковь Христова и истинная евхаристія, и крещеніе. Подобно Николаитамъ позволяютъ браки служителямъ алтаря. Подобно северіанамъ злословятъ законъ Моисеевъ. Подобно духоборцамъ отсѣкають въ символѣ вѣры исхождение Духа Святаго и отъ Сына. Подобно манихеямъ, между прочимъ, считаютъ квасное одушевленнымъ. Подобно назореямъ наблюдаютъ тѣлесныя очищенія Іудейскія, — новорожденныхъ дѣтей не крестятъ ранѣе восьми дней по рожденіи, родители не удостоиваютъ причащенія, и, если они язычницы, отказываютъ имъ въ крещеніи. Относительно этихъ заблужденій и многихъ другихъ, самъ Михаилъ, вразумляемый письмами папы Льва, не образумился. Поэтому мы — легаты — не сносимъ несправедливости и оскорбленія, допущеннаго касательно первой апостольской каедры, властью святой и нераздѣльной Троицы и апостольской каедры, всѣхъ св. отцевъ, бывшихъ на седми вселенскихъ соборахъ, произносимъ анаѣму на Михаила и его сообщниковъ, если не вразумятся. Михаилу и сообщникамъ его, прибывающимъ въ вышеуказанныхъ заблужденіяхъ и продержоствахъ — анаѣма, маранаѣа вмѣстѣ съ симоніанами, валезіанами... и со всѣми еретиками, купно же съ діаволомъ и аггелами его. Аминь, аминь, аминь“ ²⁾.

Едва ли нужно разбирать, насколько несправедливы тѣ навѣты на церковь восточную, какими наполнена эта грамота, едва ли нужно доказывать, что ничего нельзя найти общаго между еретиками, здѣсь упоминаемыми, и вѣрованіями и обычаями, какихъ держалась восточная церковь временъ Керуларія. Достаточно сказать, что обвиненія эти

¹⁾ Малоизвѣстные еретики, упоминаемые св. Епифаніемъ въ его „Панаріѣ“.

²⁾ Migne, *ibidem*, col. 1002—4.

находятъ несообразными съ истинною даже сами лучшіе изъ римско католическихъ писателей. Такъ одинъ изъ нихъ, авторъ „исторіи соборовъ“, по сану латинскій епископъ, говоритъ объ этой грамотѣ: „отлучительная грамота (легатовъ Римскихъ) не имѣетъ надлежащей умѣренности, потому что она изобличаетъ Керуларія и лицъ съ нимъ единомышленныхъ во всѣхъ возможныхъ древнихъ ересьяхъ“¹⁾. Въ этой грамотѣ, прибавимъ мы, высказалось со стороны Запада полное не пониманіе церкви восточной: въ своемъ самомнѣніи церковь западная видѣла заблужденіе тамъ, гдѣ было самое точное послѣдованіе древнимъ церковнымъ учрежденіямъ.

При видѣ такого поступка папскихъ легатовъ, всенародно наносащаго оскорбленіе церкви восточной, церковь Константинопольская въ самозащитѣ съ своей стороны также произнесла осужденіе на церковь Римскую, или лучше сказать на папскихъ легатовъ, руководимыхъ Римскимъ первосвященникомъ. Патріархъ Михаилъ 20-го іюля того же года собралъ соборъ, на которомъ получили должное возмездіе зачинщики церковнаго раздора. Въ опредѣленіи этого собора говорилось: „нѣкоторые нечестивые люди пришли изъ тьмы запада въ царство благочестія и въ этотъ Богомъ хранимый градъ, изъ котораго какъ изъ источника истекаютъ воды чистаго ученія до предѣловъ земли. Въ этотъ городъ пришли они, какъ громъ, или буря, или гладъ, или лучше, какъ дикіе кабаны, чтобы низвергнуть истину“. При этомъ соборное опредѣленіе произноситъ анаѣему на легатовъ Римскихъ и лицъ соприкосновенныхъ къ нимъ. — Опредѣленіе указаннаго собора было сообщено всѣмъ прочимъ восточнымъ патріархамъ, которые и приняли его рѣшеніе.

Это событіе обмѣны анаѣемой — Римской церкви съ Константинопольской церковію было важнымъ событіемъ въ исторіи церковной. Хотя никакихъ другихъ столкновеній въ ближайшее время исторія не видитъ между этими церк-

¹⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. IV, s. 736. Freiburg in Br., 1860. Гефеле сначала былъ профессоромъ теологіи въ одномъ университетѣ, а потомъ епископомъ Нотебургскимъ.

вами, однакожь церковное единеніе всецѣло рушилось между ними.

Церковь Западная отпала отъ союза съ Восточною.

Общее заключеніе.

Типъ или образецъ общаго церковнаго управленія начертанъ въ правилахъ II и IV вселенскихъ соборовъ, когда во главѣ церковной іерархіи поставлены равные по своимъ правамъ патріархи — Римскій, Константинопольскій, Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій. Въ церковныхъ дѣлахъ первой важности ни одинъ изъ этихъ высшихъ представителей церковной власти не долженъ былъ ничего дѣлать безъ взаимнаго на то согласія; между тѣмъ Римскій епископъ, пользуясь благоприятными для него обстоятельствами, еще въ періодъ вселенскихъ соборовъ, иногда осмѣливался нарушать указанный чинъ церковнаго управленія—выставляя себя блюстителемъ всей церкви, высшимъ, чѣмъ остальные патріархи. Но особеннаго развитія достигаютъ папскія притязанія съ IX вѣка. Папа хочетъ властвовать и въ дѣлахъ восточной церкви, какъ онъ властвовалъ въ дѣлахъ церкви западной. Охранитель интересовъ восточной церкви этого времени—патріархъ Фотій укротилъ папскую гордыню и за это заслужилъ анаѣему со стороны папъ. Хотя Фотій и заплатилъ за это отлученіе съ своей стороны анаѣемой папъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что *первый поводъ* къ этому даетъ самъ папа—своимъ произнесеніемъ указаннаго проклятія. Властительственные свои планы папа думаетъ привести въ исполненіе и при патріархѣ Константинопольскомъ Николаѣ Мистикѣ, но на этотъ разъ дѣло до анаѣемы со стороны папы не дошло и конецъ распри былъ относительно мирнымъ. Не то видимъ при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи. Римская церковь всенародно въ Константинополь произноситъ анаѣему на самую церковь Константинопольскую; Константинополь отвѣчаетъ тѣмъ же Риму, хотя и въ болѣе мягкой формѣ. Такимъ образомъ,

дѣйствительный *поводъ* къ окончательному раздѣленію церквей даетъ опять Римская церковь. Смотри на эти факты, въ которыхъ выразилось враждебное расположеніе двухъ церквей — Римской и Константинопольской, доведшее ихъ до полнаго разрыва союза между ними, должно сказать, что церковь, полагавшая *начало* раздоровъ, и должна нести отвѣтственность за печальныя слѣдствія ихъ предъ судомъ исторіи.

УКАЗАТЕЛЬ

русской литературы, болѣе или менѣе относящейся къ исторіи раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ.

(I Муравьевъ. II Анонимъ. III Волковъ. IV Лебедевъ 1-ый. V Добротворскій. VI Митрополитъ Герасимъ (Яредъ). VII Лебедевъ 2-ой. VIII Скабалановичъ. IX Лебедевъ 2-ой. X Платоновъ. XI О. Преображенскій. XII О. Иванцовъ. XIII Епископъ Иоаннъ (Митропольскій).

1841—1899 гг.

Разумѣемъ сочиненія, рассматривающія исторію раздѣленія церквей въ полномъ или же неполномъ ея видѣ, а также сочиненія, посвященныя изученію жизни константинопольскихъ патріарховъ: Фотія (9-го в.), Михаила Керуларія (11-го в.) и Николая Мистика (10 го в.), приходившихъ въ столкновение съ римскими папами.

Указатель вестись будетъ въ порядкѣ хронологическомъ.

I. — Слѣдуя хронологическому порядку появленія сочиненій рассматриваемаго рода, первое мѣсто надлежитъ отнести книгѣ А. Н. Муравьева (†) подъ заглавіемъ: „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ“ (Петербургъ, 1841 г.). Сочиненіе Муравьева заслуживаетъ вниманія, какъ первая извѣстная намъ попытка ориентироваться въ трудномъ и сложномъ вопросѣ о Фотіи и раздѣленіи церквей при немъ и послѣ него. Авторъ не обладалъ большими богословскими познаніями и потому въ основу своихъ разсужденій о патріархѣ Фотіи полагаетъ церковную исторію извѣстнаго, но давняго французскаго богослова Флери и пользуется переводнымъ съ греческаго

сочиненіемъ Или Минятія: „Камень соблазна“. Разумѣется, пользуясь такимъ ограниченнымъ количествомъ пособій, трудно было сдѣлать много серьезнаго для разъясненія личности Фотія и состоянія церкви его времени. Флери ¹⁾ далъ автору почти всю фактическую сторону для этого его изслѣдованія. Что касается освѣщенія и разъясненія истиннаго положенія вещей фотіанской эпохи, то въ этомъ отношеніи французскій историкъ мало былъ полезенъ для русскаго писателя. Флери смотритъ на Фотія съ папистической точкой зрѣнія и недовольно пригоденъ для русской православной науки. Мало того: папистическая или точнѣе—римско-католическая окраска исторіи Флери — по отношенію къ личности Фотія и его времени—должна была задавать русскому изслѣдователю множество такихъ вопросовъ, съ которыми совладать было очень нелегко. Дѣйствительно, если мы сравнимъ трудъ Муравьева съ Флери, то увидимъ такое явленіе: то, что сколько-нибудь подходитъ къ задачамъ русскаго писателя, этимъ послѣднимъ заимствуется у Флери, все же прочее проходитъ молчаніемъ, смыслъ котораго довольно таки прозраченъ. Для разъясненія нѣкоторыхъ трудныхъ вопросовъ Муравьевъ привлекаетъ греческаго писателя Илию Минятія, но этотъ греческій авторъ не принадлежитъ къ звѣздамъ учености, и потому его помощь русскому писателю незначительна ²⁾. Критика источниковъ,

¹⁾ О Флери см. нашу книгу: *Церковная исторіографія* съ IV в. по XX-й, стр. 541—548. М. 1898.

²⁾ Грекъ Илія Минятій (Μηνιάτης) былъ епископомъ въ Πελοποννήσѣ и жилъ въ 1669 — 1714 годахъ. Его сочиненіе: „Камень соблазна (Πέτρα σκυδάλοϋ)“ въ оригиналѣ было напечатано по его смерти, въ 1718 г., въ Лейпцигѣ. На русскій языкъ переведено дважды, въ XVIII и XIX вѣкахъ. У насъ подъ руками русское изданіе XVIII в.: „Камень соблазна или историческое изъясненіе о началѣ и причинѣ раздѣленія восточной и западной церкви“. С.-Петербург., 1783. Въ книгѣ Минятій во первыхъ рассказываетъ довольно подробно исторію Фотія—и затѣмъ исторію извѣстныхъ попытокъ къ соединенію церквей. На эпоху Фотія онъ смотритъ, какъ на такое время, когда уже окончательно совершилось раздѣленіе церквей. Главную оригинальность воззрѣній автора составляетъ то, что виновниками раздѣленія церквей онъ считаетъ византійскихъ императоровъ — Михаила III и Василія Македонянина. Нѣтъ сомнѣнія, что эта точка зрѣнія

которые, нужно замѣтить, въ большинствѣ случаевъ враждебны Фотію и рассказываютъ о немъ много несообразныхъ клеветъ—критика источниковъ едва-едва предназначена у русскаго автора. Впрочемъ въ похвалу Муравьева нужно сказать, что онъ въ значительной мѣрѣ уяснилъ то зерно, которое выросло изъ себя двѣ партіи—фотіанъ или приверженцевъ Фотія и игнатіанъ или приверженцевъ патріарха Игнатія. Русскій изслѣдователь пишетъ: „положеніе обоихъ патріарховъ (Фотія и Игнатія) подаетъ поводъ думать, что можетъ быть, какъ это часто случается, пастырская простота Игнатія, воспитаннаго въ заточеніи, чуждалась всякой внѣшней учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма гибельнаго для церкви по причинѣ глубокихъ познаній; это тѣмъ правдоподобнѣе, что по свидѣтельству лѣтописцевъ, со временъ Константина Копронима совершенно упало образованіе въ Византіи, и только кесарь Варда (современникъ Фотія) началъ опять подымать науки изъ долгаго ихъ забвенія, которое могло внушить людямъ, весьма впрочемъ благочестивымъ, совершенное къ нимъ охлажденіе и даже недоверіе къ сословію ученыхъ, а наоборотъ людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, недоброжелательство къ пренебрегающимъ оными. Въ та-

создаетъ своего рода удобства для историка: онъ избавляется отъ необходимости искать козловъ отпущенія или въ партіи фотіанской (римско-католическое и протестантское представленіе дѣла) или же въ партіи игнатіанской (представленіе дѣла, къ каковому (представленію) волей-неволей склоняется православная наука). Говоримъ о партіяхъ приверженцевъ Фотія и патр. Игнатія въ Византіи, въ IX в. О императорѣ Михаилѣ Минятій пишетъ, напримѣръ: „предпріятіе Михаила, отправившаго пословъ въ Римъ къ папѣ съ приглашеніемъ его легатовъ въ Византію для разсмотрѣнія дѣла Фотія и Игнатія было весьма вредно; ибо оно сдѣлалось орудіемъ величайшаго раздора и искрою, произведшею въ сердцахъ многихъ народовъ (Востока и Запада) пагубный пламень, разрушившій до основанія священныя союзы, коимъ прежде обѣ церкви сопряжены были“ (20). Это сужденіе въ точности воспроизводитъ Муравьевъ (215). Разсматриваемая точка зрѣнія Минятія не утвердилась въ наукѣ. Общую причину раздѣленія церковей авторъ полагаетъ въ абсолютизмѣ папъ. — Книга очень устарѣла.

комъ случаѣ Игнатій и Фотій, не говоря уже о ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были въ самомъ Константиноплѣ представителями двухъ совершенно противныхъ партій, и это объясняетъ взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей“ (стр. 256—7). Эта мысль автора, нужно добавить, отъ него перешла къ послѣдующимъ нашимъ писателямъ о Фотіи и Игнатіи и сдѣлалась очень обычною въ наукѣ.

При изложеніи историческихъ событій X-го вѣка авторъ ничего не говоритъ относящагося къ дѣлу. Подъ заголовкомъ: „десятый вѣкъ“, вмѣсто того, чтобы сказать о борьбѣ патріарха кон—польскаго Николая Мистика съ папами по дѣлу четвертаго брака императора Льва VI-го, и о вмѣшательствѣ папъ при этомъ случаѣ въ дѣла к—ской церкви, Муравьевъ разсуждаетъ (291—294) о папской порнокраціи 10-го вѣка. Къ чему это? Историческія событія XI-го вѣка, вызвавшія окончательное раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіи, авторъ передаетъ обстоятельно, но при этомъ впадаетъ въ погрѣшности противъ исторіи: часть этихъ ошибокъ указана будетъ ниже (см. ниже отдѣлъ подъ № 11). А потому во избѣжаніе повтореній о нихъ говорить здѣсь не будемъ. Общую причину раздѣленія церквей Муравьевъ усматриваетъ въ томъ же, въ чемъ и Минятей. Книга не потеряла нѣкотораго значенія и въ наше время.

II.—*Анонима*. Михаилъ Керуларій, патріархъ константинопольскій. Кіевъ, 1854.

Судя по всѣмъ признакамъ, сочиненіе это представляетъ магистерскую диссертацию стараго дореформеннаго времени, обязанную своимъ происхожденіемъ, неизвѣстному по имени, студенту кіевской дух. Академіи. Какъ диссертациа стараго времени, она носитъ на себѣ своеобразныя черты. Къ лицамъ, принадлежащимъ къ православной церкви авторъ относится съ безусловной похвалою, а лицъ, не принадлежащихъ къ этому вѣроисповѣданію, когда ему приходится имѣть дѣло съ ними, онъ же сильно и неистощимо порицаетъ. Вотъ на примѣръ, какими словами открывается рѣчь автора о М. Керуларіи. „М. Керуларій есть одно изъ такихъ историческихъ лицъ, которыя невинно страдаютъ въ

исторіи отъ пристрастія историковъ. Невинный и ревностный блюститель Православія Михаилъ прослылъ у западныхъ писателей человѣкомъ нестерпимаго характера, ничего не знающимъ, ни въ дѣлахъ религіи, ни въ сношеніяхъ политическихъ. Простое письмо Михаила, писанное къ частному лицу по долгу пастырскому, назвали страшною клеветою Грековъ на римскую церковь“ (стр. 1). Само собою понятно, что въ настоящее время никто (какъ увидимъ ниже) не пишетъ въ такомъ родѣ. А касательно сейчасть упомянутаго письма Керуларія (къ Іоанну, еписк. Транійскому — въ Италіи) авторъ разсуждаетъ такъ: „Сіе-то письмо, очень простое по содержанію, благородное по цѣли, умѣренное по тону, съ одними легкими указаніями на современныя заблужденія западныхъ христіанъ, безъ всякихъ политическихъ тонкостей, было принято на западѣ, какъ величайшая обида и оскорбленіе папскаго престола, получило названіе: *calumnia Graecorum adversus sanctam Romanam sedem*, и послужило поводомъ къ распрѣ. Основываясь преимущественно на семь писемъ, западные писатели доселѣ утверждаютъ, будто бы Михаилъ безразсудно возобновилъ мятежный споръ между востокомъ и западомъ и вслѣдъ затѣмъ былъ главнымъ зачинщикомъ и виновникомъ совершеннаго отдѣленія восточной церкви отъ западной. Дабы дать безпристрастное сужденіе о поступкѣ Михаила, и съ основательностію отвѣчать на сужденія западныхъ, мы очевидно должны показать: а) имѣлъ ли Михаилъ права самыя законныя и побужденія самыя настоятельныя писать на западъ? Если имѣлъ, то б) дѣйствовалъ ли въ семь случаевъ съ мудрою осмотрительностію, съ христіанскимъ смиреніемъ?“ (стр. 8—9). Здѣсь, какъ видимъ, поставлены между прочимъ такіе вопросы, какіе въ наше время ставить уже никто не возьмется, справедливо находя, что естественный и необходимый отвѣтъ на подобные вопросы можетъ и должно давать безпристрастное изложеніе исторіи самой дѣятельности этого патріарха.

На тѣхъ же лицъ, которыя не за насъ, а противъ насъ, Анонимъ взираетъ сурово и неизмѣнно осуждаетъ за ихъ дѣйствія. Посмотримъ, какъ характеризуетъ онъ письмо со-

временнаго папы Льва IX-го, написанное въ отвѣтъ на вышеуказанное письмо Керуларія. Вотъ слова автора: „Собственно говоря, это не письмо, а преобширный трактатъ, состоящій изъ 41 главы, и не отвѣтъ Михаилу, а разглагольствіе о предметахъ постороннихъ, наполненное всякаго рода неприличными ругательствами и обвиненіями на восточную церковь вообще, на Константинопольскую въ частности, и Михаила въ особенности“ (стр. 12). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, нашъ Анонимъ имѣетъ не только недостатки, но и не вѣрныя представленія о той роли, какую игралъ папа въ начинаніяхъ латинской церкви того времени, направленныхъ къ исправленію внутреннихъ недостатковъ этой церкви: онъ преувеличивалъ значеніе личности Льва IX-го въ указанныхъ начинаніяхъ (стр. 93 примѣч.).

Быть можетъ, ни въ чемъ такъ наглядно не выражается у автора стародавняя историческая манера обсуждать событія подъ извѣстнымъ условнымъ угломъ зрѣнія, какъ въ той опѣнкѣ папскихъ легатовъ, бывшихъ въ Константинополь, и параллельно съ этимъ патріарха Керуларія, какую находимъ въ слѣдующихъ словахъ его, автора: „Легаты неистовствуютъ въ чужомъ городѣ, при чужой каедрѣ: Михаилъ, на собственномъ престолѣ патріаршемъ, дѣйствуетъ хладнокровно и спокойно“. „Легаты въ своей нелѣпой хартіи не облачаютъ, а площаднымъ образомъ поносятъ патріарха, называя его псевдо-патріархомъ, новокрещеннымъ, очерненнымъ какими то весьма многими преступленіями и проч.: Михаилъ въ своемъ опредѣленіи соборномъ говоритъ о легатахъ ясно и отчетливо“. (Sic!) стр. 27.)

Послѣдніе годы жизни Керуларія изображены авторомъ тенденціозно — вопреки яснымъ историческимъ указаніямъ, при чемъ дѣятельность и поведеніе патріарха въ Константинополь обѣляются съ излишнею старательностію (41—43).

Интересно отмѣтить то, что нашъ Анонимъ, этотъ ревностный апологетъ Восточной церкви, въ концѣ концовъ приходитъ къ тому неожиданному выводу, что никакого раздѣленія церковей при Керуларіи вовсе и не происходило. „Гдѣ тотъ окончательный разрывъ (между двумя церквами),

о которомъ пишутъ историки“? спрашиваетъ себя авторъ, и отвѣчаетъ: „его не было во дни Керуларія, не было и потомъ. Правда, было разногласіе во мнѣніяхъ, но тутъ патріархъ рѣшительно неповиненъ. Мнѣнія отнюдь не новы, разногласіе болѣе сильное и болѣе всеобщее возникло лѣтъ за 200-ти до Керуларія (т. е., конечно, при Фотіи). Вспыхнулъ было и раздоръ (при Керуларіи), но онъ съ теченіемъ времени могъ бы и погаснуть“ (126 — 127).

Такъ писалась исторія во дни нашихъ отцовъ.

Впрочемъ тотъ ошибся бы, кто подумалъ бы, что мы не приписываемъ никакого значенія труду Анонима. Несмотря на многіе недостатки, сочиненіе все же очень почетно. Оно изобилуетъ документами, приводимыми *in extenso* въ прекрасномъ переводѣ. Языкъ сочиненія чистъ и точенъ. Какимъ пуристомъ своего отечественнаго языка былъ Анонимъ, это ясно открывается на слѣдующемъ примѣрѣ. При одномъ случаѣ, онъ употребилъ два латинскихъ слова: *Constantinus constanter* (87). и находитъ, что онъ уже погрѣшилъ противъ чистоты русской рѣчи, почему и спѣшить оправдаться предъ читателемъ въ слѣдующихъ словахъ: здѣсь „игра словъ, которую невозможно въ точности перевести на русскій языкъ“. Такъ охраняли чистоту рѣчи писатели — богословы въ недалекой старинѣ, и хвала имъ за это. Когда сравниваешь теперешнія диссертациі, загроможденные иноязычными цитатами въ оригиналѣ и написанныя, поэтому, языкомъ тарабарскимъ, съ диссертацией Анонима, истинно позавидуешь этимъ, быть можетъ, невозвратнымъ временамъ съ ихъ порядками. Сочиненіе Анонима, по его изложенію, отличается раздѣльностію мыслей и отчетливостію ихъ, чему много помогала старая манера дѣлать разсматриваемыя матеріи и подраздѣлять ихъ и внѣшнимъ образомъ посредствомъ цифръ и буквъ алфавита. Объ источникахъ, какими пользовался авторъ, ничего особеннаго нельзя сказать. Кромѣ латинскихъ книгъ и вышерассмотрѣннаго сочиненія Муравьева, подъ руками у него не было ничего. Даже немногочисленные цитаты изъ греческихъ книгъ извѣстны автору, кажется, лишь въ латинскомъ переводѣ. Любопытно узнать, что авторъ умудрился гдѣто раздобыться латин-

скимъ же переводомъ извѣстной церковной исторіи французскаго аббата Флери.

Въ заключеніе должны сказать, что новѣйшіе писатели по Керуларіевской эпохѣ, иногда не только не превосходятъ Анонима, но и значительно уступаютъ ему. Анонимъ, наприм., очень разсудительно пользовался Муравьевымъ и ни одной изъ грубыхъ ошибокъ его не перенесъ въ свой трудъ; не такъ поступаютъ современные борзописцы. Они, безъ разбора приносятъ въ свои оч. плохія сочиненія всякій соръ, ошибки, давно отмѣченныя, въ томъ числѣ и Муравьевскія, и такимъ образомъ служатъ научному регрессу и посрамляютъ церковно-историческую науку. Право, очень многому они научились бы изъ разсматриваемой старой книжки ¹⁾.

III.—Магистра Моск. Дух. Академіи, *Н. С. Волкова*. Николай Мистикъ, патріархъ константинопольскій. „Прибавленія къ Творен. св. Отцовъ“. Томъ XX, 1861 г. Сочиненіе составлено по письмамъ самого патріар. Николая, современныхъ ему папъ и по извѣстіямъ византійскихъ хронистовъ. Изображая дѣятельность патріарха, авторъ рассказываетъ о столкновеніи его съ императоромъ Львомъ Мудрымъ по поводу четвертаго брака этого послѣдняго, вслѣдствіе чего произошло незаконное вмѣшательство папъ въ дѣла кон—польской церкви, о низверженіи патріарха и возвращеніи его на кафедру, знакомитъ съ перепиской его, какую онъ велъ съ папами и проч. Сочиненіе г. Волкова и до сихъ поръ не утратило своего значенія. Правда, не такъ давно изданная въ греческомъ оригиналѣ на Западѣ, „жизнь Евфимія“, аятипатріарха временъ Николая Мистика, прожила не мало новаго свѣта на внутреннее положеніе церкви Б—ской начала X-го вѣка, но это обогащеніе науки очень мало имѣетъ значенія при изученіи вопроса о раздѣленіи церквей (см. также книгу Н. Г. Попова: „Императоръ Левъ Мудрый“ и пр. М. 1892,—книгу, въ которой

1) Не должно думать, что книга Анонима сдѣлалась библиографическою рѣдкостью: она значится въ каталогѣ извѣстнаго книгопродавца Тузова за 1899 г.

можно находить много полезных свѣдѣній, уясняющихъ положеніе дѣлъ въ восточной церкви во времена патріарха Николая).

IV. — Проф. *А. С. Лебедева*. Отпаденіе западной церкви отъ союза съ восточной. „Душеполезное Чтеніе“, 1864, кн. 4. Сочиненіе представляетъ собою лишь начало труда, который почему — то остался неоконченнымъ, не смотря на то, что авторъ его до сихъ поръ живъ и состоитъ профессоромъ церковной исторіи въ одномъ провинціальномъ университетѣ. Ужь если начато сочиненіе, то, конечно, слѣдовало бы его и кончить, не позволяя себѣ вводить въ обманъ читателя. Впрочемъ, наука едва ли что теряетъ отъ того, что данное сочиненіе не увидѣло окончанія. Авторъ описалъ лишь: положеніе папской власти на Западѣ до событія неполнаго раздѣленія церквей въ IX-мъ вѣкѣ; но его работа представляетъ собой незамысловатую компиляцію, теперь она почти совсѣмъ позабыта.

V. — Проф. Казанскаго университета по исторіи церкви *И. М. Добротворскаго* (†). Борьба (?) и раздѣленіе церквей въ половинѣ XI-го вѣка. „Христіанское Чтеніе“ 1868 г., т. III (двѣ статьи). Прочитывая вышеназванное сочиненіе покойнаго профессора, трудно дать себѣ отчетъ: ради какой цѣли и въ какихъ интересахъ напечатано оно. Это просто подробный рассказъ о событіи, при чемъ много мѣста удѣляется полемикѣ Грековъ и Латинянъ по разнымъ церковнымъ вопросамъ и главнымъ образомъ „объ опрѣсноксахъ“, но какъ это уяснено въ нашей наукѣ профессоромъ *Н. А. Скабалановичемъ*, указанная полемика при Керуларіи весьма мало содѣйствовала раздѣленію церквей. Сущность дѣла составляли обострившіяся отношенія между двумя іерархическими центрами церковной жизни — Римомъ и Константинополемъ. Читается сочиненіе г. Добротворскаго съ малымъ интересомъ. Единственно что можетъ быть отмѣчено въ немъ, сочиненіи, — это другой въ сравненіи съ прежнимъ временемъ взглядъ на Керуларію. Теперь, въ 60-хъ годахъ, подъ влияніемъ многихъ существенныхъ перемѣнъ въ правящихъ сферахъ нашей церкви, уже не боялись вести слѣдующихъ рѣчей о патріархѣ М. Керуларіи,

котораго еще недавно такъ превозносилъ Анонимъ. „Подчиниться римскому абсолютизму не могъ Константинопольскій патріархъ и притомъ такой, какъ Михаилъ. Могъ ли онъ, далеко не чуждый честолюбія, добровольно сдѣлаться папскимъ подручникомъ (?)? Если папа на основаніи (подложной) Константиновой (Конст. Вел.) грамоты усвоилъ себѣ царскія права, то и Михаилъ не чуждъ былъ стремленія поравняться съ властію императора. Онъ привыкъ, чтобы государи исполняли его желанія и когда Исаакъ Комнинъ отказывалъ патріарху въ просьбахъ, то онъ не боялся угрожать ему потерей престола: „я тебя создалъ, я и уничтожу тебя“, говаривалъ онъ императору. Но это было — прибавляетъ авторъ — несвойственное духовной власти превозношеніе, за которое патріархъ поплатился лишеніемъ престола и ссылкой“ (898—899). Любопытно сравнивать эти разсужденія съ разсужденіями по тѣмъ же поводамъ г. Анонима: не много прошло времени отъ 1854 г. (конецъ царствованія Николая) до 1868 года (кульминаціонная точка освободительнаго царствованія Александра II), но какъ много въ эти года воды утекло! Слѣдуетъ впрочемъ сказать, что проф. Добротворскій едва ли зналъ и читалъ сочиненіе Анонима. Рѣшая лично для себя вопросъ о томъ, что, вѣроятнѣе всего, побудило автора заняться столь мало интереснымъ изложеніемъ „исторія раздѣленія церкви въ половинѣ XI-го вѣка“, мы остановились на томъ предположеніи, что незадолго предъ тѣмъ появившіеся въ свѣтъ: „акты (Acta et scripta et c.), относящіеся къ исторіи споровъ между греческою и латинскою церковію въ XI-мъ вѣкѣ“, изданные Виллемъ въ оригиналахъ и притомъ въ надлежащей полнотѣ, расположили проф. Добротворскаго, не углубляясь много въ изученіе документовъ, ознакомилъ русскую богословскую публику съ этимъ изданіемъ. Само собой понятно, авторъ при этомъ нѣсколько позаботился о томъ, чтобы придать своему дѣлу, соответствующій журнальнымъ цѣлямъ, характеръ. Не считаемъ нужнымъ умолчать, что прочитывая сочиненіе г. Добротворскаго, не выносишь опредѣленнаго представленія о томъ: кто больше всего виноватъ въ изучаемомъ имъ явленіи или какія обстоятельства привели къ этому?

VI.—Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Герасима (Яреда): „Отзывы о св. Фотіи, патріархѣ Константинопольскомъ — его современниковъ въ связи съ исторіей политическихъ партій Византійской имперіи“ (стр. 1—257). С.-Петербургъ, 1874 г. ¹⁾. Сочиненіе автора, написанное имъ въ качествѣ магистерской диссертациі, во многихъ отношеніяхъ обращаетъ на себя большое вниманіе. Прежде всего о. Герасимъ иностранецъ, слѣдовательно писалъ не на отечественномъ языкѣ. Во-вторыхъ, его воззрѣнія очень оригинальны и благодаря своей оригинальности не во всемъ встрѣтили себѣ сочувствія въ нашей отечественной литературѣ. Вообще же это *одна изъ самыхъ философическихъ книгъ по церковной исторіи* въ нашей литературѣ.

Въ первыхъ строкахъ своего сочиненія авторъ указываетъ на существованіе неодинаковыхъ взглядовъ на Фотію—новѣйшихъ писателей, восточныхъ и западныхъ. Западные возводятъ на него всевозможныя обвиненія, а восточные съ настойчивостію защищаютъ его (стр. 1). Въ виду такихъ отношеній науки къ патріарху авторъ разсуждаетъ: „намъ кажется, что разногласія писателей относительно

¹⁾ Въ отдѣльномъ изданіи, т. е. въ видѣ книги, сочиненіе это рѣдко можно встрѣтить въ настоящее время; поэтому считаемъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателя, что все оно помѣщено было статьями въ *Христ. Чтеніи*, за 1872—1873 годъ. Біографія владыки Герасима очень любопытна. Родомъ сиріецъ, онъ получилъ первоначальное греческое образованіе. Затѣмъ, будучи монахомъ, обучался въ Моск. Дух. Семинаріи, гдѣ нѣкоторое время былъ моимъ однокурсникомъ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургской Академіи. Занималъ должность ректора семинаріи въ Ригѣ и Псковѣ. Послѣ этого (неизвѣстно почему) слѣдлался членомъ Свято-гробскаго братства въ Іерусалимѣ. Наконецъ о. Герасимъ занялъ митрополичью кафедру въ одной епархіи Антиохійскаго патріархата. Но живъ ли онъ въ настоящее время — не знаю. При „Церк. Вѣдом.“ за 1899 г., въ видѣ приложенія напечатанъ „Списокъ“ всѣхъ православныхъ архіереевъ, внѣ Россіи. Но въ этомъ списокѣ, при исчисленіи архіереевъ Антиохійскаго патріархата имени владыки Герасима — не встрѣчается. Что съ нимъ случилось? Какъ жаль, что наши церковныя газеты мало слѣдятъ за исторіей Восточной церкви. Имя митрополита Герасима вписано крупными буквами въ лѣтописи нашей церковно-исторической науки. Такъ какъ книга о. Герасима написана и издана имъ, когда онъ былъ еще іеромонахомъ, то мы не ставемъ титуловать его по его послѣднему, митрополичьему, сану.

Фотія, неправильныя и неосновательныя о немъ сужденія, зависятъ главнымъ образомъ именно отъ того, что эти писатели, излагая событія, относящіяся къ жизни Фотія, вовсе не обращаютъ или слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣ современныя событія (особенно политическія) и обстоятельства, съ которыми первыя (?) неразрывно связаны и которыми они главнымъ образомъ объясняются. Идя такимъ путемъ, эти писатели или ничего не могутъ объяснить, или же, объясняя, должны впасть въ грубое заблужденіе. Такъ во всѣхъ почти изслѣдованіяхъ о Фотіи мы напрасно старались бы отыскать истинную причину низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. Большинство этихъ писателей ищетъ причины этихъ фактовъ въ мелкомъ самолюбіи Варды и въ капризахъ развращеннаго византійскаго двора—объясненіе, по нашему мнѣнію, въ высшей степени несостоятельное, допускаемое только по невниманію къ современнымъ обстоятельствамъ, знаніе которыхъ только и можетъ ручаться за вѣрное объясненіе всей вообще исторіи Фотія" (стр. 5). Разъясняя же сущность собственнаго взгляда на разнообразныя движенія на востокъ при Фотіи, о. Герасимъ пишетъ: „смуты, такъ долго волновавшія въ то время церковь и государство, вызваны были не случайными обстоятельствами. Обыкновенно думаютъ, что смуты эти были лишь слѣдствіемъ незаконнаго низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ничего поверхностнаго такого пониманія; смуты начались гораздо раньше момента низложенія, которое ими обусловливалось, такъ что низложеніе Игнатія было не причиною, а слѣдствіемъ этихъ смуть. Борьба съ византійскимъ дворомъ или точнѣе съ царствующею въ Византіи династіею,—борьба той константинопольской партіи, которая послѣ низложенія Игнатія и возведенія на его мѣсто Фотія, стала извѣстна подъ именемъ игнатіанской, *эта борьба была вовсе не церковнаго характера*; не церковныя какія-либо равногласія давали пищу этой борьбѣ. Если нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ лицъ громко кричали о ревности къ православію и благочестію, то это не значить еще, чтобы они на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду интересы

церковные. Нельзя оболъщаться такими возгласами и восклицаніями: не въ первый разъ личныя страсти и разнаго рода расчеты скрываются подъ личиною заботъ о православіи или церковномъ благочестіи; не въ первый разъ исповѣданіе вѣры, такъ или иначе понимаемое, является скорѣе политическимъ знаменемъ, чѣмъ глубокимъ религиознымъ убѣжденіемъ. Это была въ сущности политическая борьба двухъ враждебныхъ и противоположныхъ партій, и притомъ борьба не новая, не со времени низложенія Игнатія и возведенія Фотія получившая свое начало, а напротивъ борьба старая, которая началась задолго до этихъ патріарховъ и тянулась долго послѣ нихъ. Строго говоря, на всѣ, относящіяся къ Фотію и Игнатію событія нужно смотрѣть, какъ на эпизодъ изъ исторіи этой борьбы политическихъ и династическихъ партій, которая непрерывно продолжалась почти во все время существованія Византійской имперіи (11—12). Затѣмъ авторъ подробно характеризуетъ вышеуказанныя партіи, начиная со времени появленія монофизитства и кончая эпохой Фотія и Игнатія. Не считая нужнымъ входить въ подробности сдѣланныхъ авторомъ разясненій, ограничимся указаніемъ на общія особенности партій, допускаемыхъ о. Герасимомъ. Во все время—отъ монофизитства до игнатіанъ и фотіанъ включительно—партій было по двѣ: одна изъ нихъ была болѣе прогрессивная, другая же консервативная, одна была склонна поддерживать ереси, другая охраняла интересы православія. Обѣимъ партіямъ придавало очень характеристическую окраску то обстоятельство, что одна опиралась на приверженцевъ цирковой партіи—зеленыхъ, а другая на приверженцевъ цирковой же партіи—голубыхъ. По словамъ автора, циркъ отѣняетъ обѣ партіи только до времени иконоборства; со временъ же иконоборства цирковая борьба замолкаетъ, но за то: „императоръ, войско, синклитъ и духовенство, прежде принимавшіе такое участіе въ борьбѣ партій црка, теперь стали непосредственно бороться между собой, каждый (?) отстаивая свои цѣли“. Что же касается временъ патріарховъ Игнатія и Фотія, то о нихъ авторъ замѣчаетъ: „съ возстановленіемъ почитанія св. иконъ борьба (вышеупомянутыхъ лицъ, учрежденій и

сословій) продолжается съ тою же силой, какъ и прежде, но уже не сопровождается религиозными разногласіями“ (стр. 13).

Разсужденія о. Герасима относительно отличительныхъ особенностей византійскихъ партій, ихъ историческаго значенія вообще и въ частности въ дѣлахъ и спорахъ церковныхъ, не встрѣтили въ нашей наукѣ принятія и сочувствія. Они найдены черезуръ оригинальными, натянутыми и не имѣющими подъ собой твердой исторической почвы. Авторъ сочиненія: „Отношенія между церковію и гражданскою властію въ Византійской имперіи“, проф. Кургановъ, дѣлая по мѣстамъ въ своемъ сочиненіи критическія замѣчанія касательно различныхъ сторонъ вышеуказанной теоріи о. Герасима ¹⁾ между прочимъ дѣлаетъ слѣдующій справедливый отзывъ о всей теоріи разсматриваемаго изслѣдователя: „Вопросъ касательно отзывовъ о патріархѣ Фотіѣ его современниковъ, и тѣмъ болѣе западныхъ писателей отъ этого (т.-е. отъ всѣхъ разсужденій о. Герасима о партіяхъ) нисколько не уяснился; потому что взглядъ западныхъ церковныхъ историковъ на Фотія, не только католическихъ, но и протестантскихъ обуславливается исключительно ихъ религиозною точкою зрѣнія, отличною отъ восточныхъ православныхъ писателей, а не будь этой западной религиозной точки зрѣнія, тогда католическіе и протестантскіе писатели сумѣли бы настоящимъ образомъ и, думается, несравненно лучше автора взглянуть на церковно-политическія обстоятельства Византіи, чтобы во всемъ блескъ и нравственной мощи выдвинуть личность Фотія. Что касается отношенія отзывовъ о патрі-

¹⁾ Стр. 145—159. 354 (Каз., 1880). Въ другомъ своемъ трудѣ тотъ же проф., съ нѣкоторою осторожностію, въ качествѣ своего личнаго мнѣнія, выражаетъ предположеніе, что вышераскрытая нами историческая теорія о. Герасима, по ея идеѣ, заимствована этимъ писателемъ у одного французскаго ученаго, по имени Zotos'a (а не Lotos'a, какъ, по ошибкѣ корректора, назвавъ этотъ послѣдній въ нижедитируемомъ нами мѣстѣ). По поводу этой замѣтки нашего ученаго, должны сказать, что предположеніе, имъ выраженное, давно обращалось въ узкомъ кругу спеціалистовъ; но почему-то долго не попадало въ печать (см. статью г. Курганова: *Хриси.* Ут., 1895 г., I, 184: объ этой статьѣ рѣчь впереди).

архъ Фотіи его современниковъ къ описаннымъ авторомъ партіямъ — зеленымъ и голубымъ, то оно является очень механическимъ. Еретичествующіе либералы—зеленые (монофизиты, моноелиты), превратившіеся, по мнѣнію о. Герасима, Богъ—вѣсть какими судьбами въ иконоборцевъ, послѣ иконоборческихъ споровъ какимъ-то непонятнымъ образомъ превратились въ свободомыслящихъ прогрессистовъ — православныхъ (Фотіане). И чѣмъ православные либералы время Фотія (его приверженцы) отличаются отъ православныхъ клерикаловъ, какими авторъ представляетъ Игнатіанъ? На эти вопросы нѣтъ отвѣта у автора. Если же сравнить построение его теоріи съ дѣйствительностію, то она, эта теорія, окажется очень натянутою и механическою“ (стр. 160)¹⁾. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что о. Герасимъ до такой степени увлекается своими партіями, до такой степени преувеличиваетъ ихъ значеніе въ исторіи борьбы Игнатіанъ и Фотіанъ, что рѣшается высказать слѣдующую парадоксальную мысль: „упорная борьба Игнатіанъ съ Фотіанами, составляющая собою продуктъ внутренней политической жизни Византійской имперіи, собственно говоря чужда исторіи папства“ (257). Какъ? Неужели же папы должны совсѣмъ оставаться въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи внутренней борьбы въ церковныхъ Византійскихъ сферахъ время Фотія и Игнатія? Неужели папы просто — одно изъ условій борьбы, причемъ борьба все таки была бы даже и въ томъ случаѣ, еслибы не было на свѣтѣ и папы Николая I и папской притязательности?

Въ то время, когда о. Герасимъ писалъ свое изслѣдованіе, на свѣтѣ уже существовало колоссальное по учености и безпримѣрное даже на Западѣ по обстоятельности и глубинѣ изученія предмета трехтомное сочиненіе о Фотіи извѣстнаго римско-католическаго писателя Гергенрѣтера²⁾.

¹⁾ См. еще наши замѣчанія по поводу теоріи о. Герасима въ „Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.“, 1873, январь — въ статьѣ: „Новый методъ“ и т. д.

²⁾ Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel. В. В. I—III. Regensb., 1867—1869. Главное отличіе Гергенрѣтера въ томъ, что при

Авторъ чувствовалъ, что съ этимъ ученымъ необходимо свести много счетовъ. Поэтому на первыхъ же страницахъ своего сочиненія онъ старается критически отнестись къ Гергенрёттеру, но критика его весьма мало подрываетъ авторитетъ нѣмецкаго ученаго. Авторъ пишетъ (стр. 6): „сочиненіе Гергенрёттера по обширности изслѣдованія и по обилію изложенныхъ въ немъ данныхъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Но онъ, не смотря на свою богатую эрудицію, всетаки остается ревностнымъ папистомъ (*но разве могло быть иначе?*), такъ что онъ не можетъ вполне (*еще-бы!*) отрѣшиться отъ папскихъ предубѣжденій. Не говоря о его произвольномъ, исторически невѣрномъ взглядѣ на Фотія, какъ на виновника раздѣленія церкви, не говоря объ этомъ, онъ во 1-хъ при изложеніи современныхъ и относящихся къ Фотію событій смотритъ не съ той стороны, съ какой слѣдовало: событія, имѣющія чисто политическій характеръ, онъ смѣшиваетъ съ церковными (*о. Герасимъ, очевидно, желалъ, чтобы Гергенрёттеръ смотрѣлъ на движенія во времена Фотія глазами нашего автора: вмѣсто церковныхъ мотивовъ искалъ бы мотивовъ политическихъ. Нужно ли это?*) и судить о нихъ не съ чисто-исторической, а съ папистической (*vis*) точки зрѣнія; такимъ образомъ дѣло въ концѣ концовъ (*какъ быстро!!*) остается неразъясненнымъ и историческая истина является въ искаженномъ видѣ. Вовторыхъ, въ своемъ изображеніи личности Фотія — продолжаетъ о. Герасимъ — Герген-теръ является не вездѣ безпристрастнымъ; такъ, наприм., при описаніи личности Фотія онъ почти исключительно руководствуется враждебными ему (Фотію) источниками (*но спрашивается: можно ли ставить Гергенрёттеру въ вину пользование этими источниками, когда такихъ источниковъ очень много, а благоприятныхъ для Фотія почти нѣтъ, когда эти источники писаны не латинянами, а самими Греками, да еще современниками? Самъ*

строго-консервативномъ направленіи, онъ поражаетъ читателя своими большими научными достоинствами и даже умѣетъ покорять себѣ умы — дѣло великов. Нужно помнить, что твердо держась консервативнаго направленія, очень не легко войти въ славу: отъ этого-то представляется, что какъ будто бы между консерваторами почти совсѣмъ нѣтъ умныхъ людей.

о. Герасимъ въ своей книгѣ имѣетъ дѣло лишь со враждебными Фотію источниками, не стараясь дать объясненія отчего такого рода источники преобладаютъ). „Нерасположеніе Гергенрѣтера къ Фотію—пишетъ о. Герасимъ,—простирается до того, что онъ не удерживается отъ рѣзкихъ пристрастныхъ сужденій даже тамъ, гдѣ факты говорятъ рѣшительно въ пользу Фотія“ (правильно, но голословно). Затѣмъ черезъ страницу о. Герасимъ находитъ такой недостатокъ у Гергенрѣтера и предъявляетъ къ этому автору такія требованія, какія намъ представляются по меньшей мѣрѣ непонятными. Онъ говоритъ: „ужъ если разсуждать о причинахъ того событія, которое извѣстно подъ именемъ раздѣленія церквей, то нужно прежде всего, кромѣ конечно національныхъ особенностей, о которыхъ сужденія Гергенрѣтера по большей части несостоятельны (гдѣжъ доказательства?), прослѣдить постепенное развитіе той противной духу христіанства системы, которая извѣстна подъ именемъ папства—исторически показать, какимъ образомъ христіанскій Римъ наслѣдовалъ наклонности, недостатки и преимуществъ Рима языческаго, сталъ стремиться къ церковному преобладанію. Тогда, по нашему мнѣнію, вопросъ о раздѣленіи церквей былъ бы поставленъ правильно“ (стр. 8). Странная идея! Можно ли, говоря о римско-католическомъ писателѣ, ставить ему въ упрекъ то, что имъ не развѣнчано папство? Неужели можно серьезно требовать отъ Гергенрѣтера, чтобы онъ показалъ: „какимъ образомъ Римъ христіанскій наслѣдовалъ наклонности и недостатки Рима языческаго“? Вѣдь это все равно, какъ еслибы критикъ папистическаго лагеря сталъ бы ставить въ вину о. Герасиму, что онъ не постарался показать: „какимъ образомъ Фотій сдѣлался виновникомъ раздѣленія церквей“? Этими общими замѣчаніями и ограничимъ нашу рѣчь по вопросу о критическомъ отношеніи автора къ труду Гергенрѣтера ¹⁾).

¹⁾ Нужно сказать, что въ нашей литературѣ встрѣчаются странныя отношенія къ Гергенрѣтеру. О. Герасимъ выражаетъ явное недовольство этимъ писателемъ за то, что онъ очень ревностно проводитъ римско-католическіе взгляды. Эту же точку зрѣнія несомнѣнно раздѣляетъ и проф. Иванцовъ, но не ограничивается однимъ этимъ. Нимало не сумнясь, онъ

Чувствительнымъ недостаткомъ сочиненія о. Герасима нужно признать — далѣе — не вполне удовлетворительное знаніе авторомъ латинскаго языка, вслѣдствіе чего онъ, какъ эллинизированный сиріецъ, долженъ былъ довольствоваться греческими источниками тамъ, гдѣ слѣдовало ихъ отлагать въ сторону, а на ихъ мѣсто помѣщать источники латинскіе. — Между источниками исторіи Фотія весьма важное мѣсто занимаютъ акты Константинопольскаго собора 869 года, признаваемаго въ латинской церкви восьмымъ вселенскимъ — того собора, на которомъ патріархъ Игнатій послѣ вторичнаго восшествія на кафедру былъ утвержденъ въ патріаршемъ санѣ, а Фотій объявленъ лишеннымъ кафедры и подвергнутъ анаемѣ. Акты эти не дошли до насъ въ оригиналъ; они сохранились въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библиотекаря и греческой редакціи, представляющей собой въ нѣкоторомъ родѣ сокращенное изложеніе того, что содержится въ выше упомянутомъ латинскомъ переводѣ. Вопросъ о томъ, какая вѣрнѣе изъ этихъ двухъ редакцій и точнѣе передаетъ исторію собора — оставался до времени автора еще у насъ нерѣшенъ. Муравьевъ отдавалъ предпочтеніе греческой редакціи предъ латинской. Онъ такъ рассуждалъ: „съ чрезвычайною осторожностію должно разбирать дѣянія собора, признаваемаго римлянами за восьмой вселенскій, и нельзя вѣрить тому списку, который привезъ съ собой (изъ Константинополя) въ Римъ и перевелъ съ греческаго Анастасій Библиотекаръ, написавшій столь пристрастное къ нему предисловіе противъ Фотія; римская неправда ясно бросается въ глаза, если только обратить должное вниманіе на всѣ дѣя-

находитъ Гергенрётера смѣшнымъ („Къ изслѣдов. о Фотіи“, стр. 88). Неужели въ самомъ дѣлѣ смѣшонъ Гер — теръ: этотъ великій римско-католическій ученый, истратившій на занятіе своей книгой 12 лѣтъ, написавшій ее такъ, что она не на десятки, а на сотню лѣтъ удовлетворитъ весь западный просвѣщенный міръ, — этотъ писатель безспорно занимающій первое мѣсто въ ряду всѣхъ римско-католическихъ ученыхъ XIX-го вѣка? да и однихъ ли этихъ? Найдешь ли много лицъ и среди протестантскихъ писателей по церковной исторіи, которые были бы выше Герг — ра? И вдругъ овъ смѣшонъ! Интересно было бы знать, что сказалъ бы самъ Герг — ръ о названной книгѣ Иванцова, если бы первый дожилъ до появленія ея въ свѣтъ?

нія собора“. А относительно греческой редакціи этотъ авторъ говоритъ: „едва ли греческій текстъ актовъ не есть настоящій текстъ дѣяній, ибо имѣетъ довольно полноты, хотя и гораздо короче латинскаго текста Анастасія“ (стр. 263. 265). Но эти взгляды Муравьева неправильны. Начинаютъ склоняться къ мысли, что латинская редакція есть довольно точный переводъ греческаго первоначальнаго текста актовъ собора 869 года, а греческая редакція есть не со-всѣмъ умѣлое сокращеніе первоначальныхъ актовъ, сдѣланное въ интересахъ Грековъ, по тому побужденію, что хотя соборъ 869 года и происходилъ въ Константинополь, по всѣ его опредѣленія запечатлѣны папистическимъ духомъ, враждебнымъ церкви греческой. По сравненію съ Муравьевымъ, о. Герасиивъ становится на болѣе научный путь, когда въ своемъ сочиненіи онъ не отдаетъ предпочтенія греческой редакціи предъ латинской. Вотъ слова автора: „нѣтъ особенной надобности разсуждать здѣсь (да почему же?) о подлинности или неподлинности актовъ собора 869 года, равно какъ и о томъ, какая редакція предпочтительнѣе и вѣрнѣе, потому что обѣ редакціи если не вполне, то приблизительно вѣрно передаютъ дѣло“ (стр. 169). На основаніи этихъ словъ изслѣдователя можно было бы ожидать, что авторъ въ своей книгѣ станетъ пользоваться и греческимъ и латинскимъ текстомъ указанныхъ актовъ. смотря по тому, какая изъ этихъ редакцій въ томъ или въ другомъ случаѣ болѣе соответствуетъ научнымъ требованіямъ. Но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Авторъ больше опирается на греческую редакцію, чѣмъ на латинскую. Отъ этого въ его сочиненіи встрѣчаемъ довольно неправильно-стей и неловкостей. Такое явленіе можетъ объясняться только тѣмъ, что авторъ плохо зналъ латинскій языкъ и искалъ убѣжища и поддержки для себя въ греческихъ актахъ. Представимъ примѣры. Излагая третье дѣяніе собора 869 года, авторъ пишетъ: „на третье засѣданіе были вызваны (?) два митрополита Θεодуль Анкирскій и Никифоръ Никейскій, стоявшіе на сторонѣ Фотія, но такъ какъ они отказались подписать формулу (т.-е. ту формулу, въ которой анаеѳематствовался Фотій и возвеличивалось папство),

то и были изгнаны (?) изъ собора“ (стр. 174). Такъ разсказываетъ о. Герасимъ. Но въ дѣйствительности дѣло происходило не такъ. Двое вышеназванные митрополиты—*Феодуль* и *Никифоръ* на соборъ вовсе не являлись; они только дали отвѣтъ лицамъ, посланнымъ къ нимъ отъ собора, что не подпишутъ той формулы, принятіе которой открывало епископамъ входъ на соборъ и дѣлало ихъ членами его. И слѣдовательно эти митрополиты „изгнаны изъ собора“ быть не могли. Еслибы авторъ могъ читать латинскій текстъ дѣяній, сдѣланный *Анастасіемъ Гибліотекаремъ*, то для него ходъ дѣлъ на третьемъ засѣданіи собора былъ бы вполнѣ ясенъ. Но о. Герасимъ принужденъ былъ довольствоваться лишь греческимъ текстомъ актовъ, иногда слишкомъ короткимъ и потому не совсѣмъ вразумительнымъ. Въ греческомъ текстѣ передается, что *Феодуль* и *Никифоръ* были опрошены чрезъ митрополитовъ—примуть ли они формулу—и что на предложеніе они отвѣчали отрицательно. Затѣмъ, въ томъ же текстѣ приведены сказанныя по этому случаю какія-то не совсѣмъ ясныя слова папскихъ легатовъ, предсѣдательствовавшихъ на соборѣ. Поэтому, читая греческіе акты, о. Герасимъ вообразилъ, что *Феодуль* и *Никифоръ* появлялись на соборѣ и были отсюда потомъ „изгнаны“. Но латинскій текстъ вразумилъ бы автора, еслибы онъ могъ читать его или переводить свободно.—Столь же крупныя ошибки допускаетъ о. Герасимъ и при изложеніи шестаго засѣданія того же собора 869 года, и опять подъ вліяніемъ греческаго текста актовъ. Авторъ въ своей книгѣ пишетъ: „по настоянію императора были вызваны (на шестое засѣданіе) и епископы, остававшіеся на сторонѣ *Фотія*. Нѣкоторые изъ нихъ уступили увѣщаніямъ императора и присоединились къ *Игнатію* (т. е., *значитъ, измѣнили патриарху Фотію*) но большинство осталось вѣрнымъ *Фотію*“ (стр. 177). Здѣсь авторомъ совершенно ненамѣренно допущена явная клевета на *Фотіевыхъ* приверженцовъ, которые, нужно сказать, оставались вѣрны своему вождю. Неумышленной клеветой этой авторъ обязанъ греческому тексту актовъ. Еслибы авторъ читалъ и латинскіе акты собора, то онъ увидалъ бы, что такого постыднаго дѣла, какое о. Герасимъ приписываетъ

приверженцамъ Фотія, на самомъ дѣлѣ не было. Въ этомъ случаѣ между греческимъ и латинскимъ текстомъ есть существенная разница. По греческому тексту, многіе Фотіане въ самомъ дѣлѣ во время рѣчи нѣкоего Илія, представлявшаго собою на соборѣ лице патріарха іерусалимскаго, перешли отъ патріарха Фотія на сторону его враговъ, на сторону Игнатія и папистическаго собора, а по латинской редакціи Илія только упоминаетъ о томъ, что еще прежде многіе фотіане оставили Фотія и воссоединились съ членами собора (Илія вѣроятно разумѣлъ второе соборное засѣданіе, когда нѣсколько епископовъ, бывшихъ въ общеніи съ Фотіемъ, но получившихъ посвященіе не отъ него, а отъ его предшественниковъ, дѣйствительно перешли на сторону разсматриваемаго Игнатіанскаго собора 869 года). Нѣтъ сомнѣнія, греческій текстъ актовъ, составленный какимъ-либо врагомъ Фотія—игнатіаниномъ сообщаетъ невѣрныя извѣстія. Невѣрность показаній греческаго текста въ данномъ случаѣ прямо признаетъ и Гергенрётгеръ (II, 99), хотя этому римско-католическому писателю было бы очень пріятно отмѣтить вѣроломство приверженцевъ Фотія, но указываемаго греческимъ текстомъ факта не было. При разсмотрѣніи седьмаго засѣданія собора 869 года о. Герасимъ пишетъ слѣдующую въ высшей степени нескладную фразу, когда говоритъ объ анаѳематствѣ, произнесенномъ здѣсь противъ Фотія: „хоръ проклинателей устами престарѣлаго Игнатія назвалъ Фотія узурпаторомъ, площаднымъ“ и т. д. (стр. 180). Какимъ же образомъ: „хоръ устами Игнатія назвалъ?“ Непонятно и нескладно. Но и этой нескладицей авторъ обязанъ греческому тексту актовъ, изложенному какимъ-нибудь невѣжественнымъ игнатіаниномъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ греческомъ текстѣ помѣщается сначала — рѣчь Игнатія къ членамъ собора и вслѣдъ затѣмъ безо всякаго перерыва прописаны анаѳематства противъ Фотія. Читатель въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что проклятiе произносилъ самъ Игнатій отъ лица остальнаго собора. Но стоило бы только заглянуть въ латинскую редакцію актовъ, и дѣло разъяснилось бы какъ нельзя лучше. Латинская редакція ясно говоритъ, что ана-

еоматства на Фотія произносили діаконъ Стефанъ, а соборъ, вѣроятно, отвѣчалъ на нихъ подтвердительнымъ: анаема. Игнатій же тутъ являлся при чемъ. Путаница продолжается у автора и при изложеніи восьмага засѣданія собора 869 года. Такъ здѣсь мы читаемъ у автора слѣдующую діатрибу: „до уничтоженія актовъ собора 867 года ¹⁾, сановникъ Ваанисъ утверждалъ, что всѣ епископы, весь синклитъ и весь городъ подписали дѣла будто бы неправыя ²⁾, вопреки своей волѣ, а послѣ же сожженія этихъ актовъ тотъ же Ваанисъ уже говорилъ: „очевидно Фотій поддѣлалъ и лица и подписи“. Слѣдовательно — торжествующимъ тономъ заявляетъ о. Герасимъ — пока акты (sic) существовали на лицо, до той поры и лица, подписавшія акты, и ихъ подписи считались подлинными, а какъ скоро актовъ не стало, то ониже оказались подложными!!! (Три восклицательныхъ знака принадлежать перу о. Герасима. Стр. 183). Еслибы — скажемъ мы съ своей стороны — авторъ читалъ кромѣ греческой и латинскую редакцію актовъ, то онъ удержался бы отъ этой, возбуждающей невольную улыбку, критики. Греческій текстъ своею краткостію заставлялъ автора перемѣшать двѣ вещи, совершенно разныя: подписи епископовъ, синклита и города (Константинополя) подъ какими-то документами, составленными въ пользу Фотія, слить въ одно съ подписями членовъ собора 867 года. (И какимъ образомъ авторъ не догадался, что какіе-то подписи епископовъ, синклита и города не одно и тоже съ подписями членовъ собора 867 года подъ соборными актами; ибо никогда и нигдѣ города, или ихъ жители, не подписывались подъ соборными актами?) ³⁾).

Но довольно. Мы не вправѣ быть притязательными къ *сирійцу*, писавшему по греческой исторіи для русской ученой публики. Напротивъ, мы должны быть очень благодарны автору. Несмотря на свои недостатки, книга должна быть

¹⁾ Т. е. того собора, который созывалъ въ этомъ году Фотій и на которомъ провозглашено осужденіе противъ папы Николая I-го.

²⁾ Т. е. опредѣленія этого собора.

³⁾ Латинская и греческая редакція собора 869 года напечатаны въ XVI томѣ Mansi, и любознательный читатель безъ труда наведеть справки по поводу нашихъ замѣчаній, если ему заблагоразсудится это.

признана весьма полезною. Она во многомъ содѣйствовала развитію у насъ литературы о Фотіи. Въ самомъ дѣлѣ, раньше появленія этой книги, историкъ и не зналъ, какъ приступить къ изученію источниковъ фотіевой эпохи: все въ нихъ представляло какой-то хаосъ, путаницу, возбуждало недоумѣнія. О. Герасимъ ревностно занялся этимъ дѣломъ, на что указываетъ и заглавіе книги: „Отзывы современниковъ“, т. е. источники, современные Фотію и необходимые при изученіи его исторіи. Въ умѣлой обработкѣ этихъ источниковъ—вся сила книги. На основаніяхъ, утвержденныхъ въ этомъ отношеніи о. Герасимомъ, какъ на неизблемой скалѣ, держится проф. протоіерей Иванцовъ, когда трактуетъ объ источникахъ въ своемъ сочиненіи: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“, и если онъ сходитъ съ этой скалы, то твердость научныхъ его построеній уже измѣняетъ ему. Какъ чело-вѣкъ талантливый и отлично знающій греческій языкъ, о. Герасимъ могъ проникать въ духъ греческихъ источниковъ, подмѣчать ихъ оттѣнки; поэтому его работа долго не теряетъ своей цѣны. Что касается вопроса о раздѣленіи церкви, то, какъ мы видѣли выше, заряженный своею теоріею о партіяхъ, онъ совсѣмъ не понималъ этой исторіи. Любопытно, что о. Герасимъ написалъ лишь эту книгу—и больше ничего. Отчего такъ? Можно подумать, что онъ весь безъ малаго остатка ушелъ на эту работу. Чтожъ? Бываетъ и такъ, что человѣка хватить лишь на одну работу, но работу достойную имени автора, какою, напримѣръ, остается книга о. Герасима.

VII.—*Лебедева А. П.* (мое). Римскіе папы въ ихъ отношеніи къ церкви византійской въ IX, X и XI вѣкахъ (стр. 1—133). М. 1875.—Въ „Православн. Обзорѣніи“ (1880 г., т. I, стр. 701) сдѣланъ слѣдующій краткій отзывъ объ этомъ сочиненіи: „сочиненіе представляетъ замѣчательный опытъ критическаго разбора документовъ, относящихся къ исторіи раздѣленія церквей; въ немъ не только много новаго для нашей литературы, но найдется кое-что и для западной“ (слова профессора Иванцова ¹⁾).

¹⁾ Сочиненіе это въ исправленномъ и дополненномъ видѣ пере-

VIII.—Профессора Петербургской Академіи *Н. А. Скабалановича*. Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керулларіи. „Христіанск. Чтеніе“ 1884, т. II и 1885, т. I: двѣ статьи). Если не ошибаемся, сочиненіе представляет собою одну изъ послѣднихъ главъ докторской диссертациі г. Скабалановича, по случайнымъ причинамъ въ свое время не вошедшую въ составъ этой диссертациі (явившейся подъ заглавіемъ: Византійское государство и церковь въ XI-мъ вѣкѣ. Спб. 1884). Какъ одинъ изъ отдѣловъ превосходной диссертациі г. Скабалановича, сочиненіе: „раздѣленіе церквей при Керулларіѣ“ носитъ ясныя черты очень серьезной ученой работы, которое мы съ полнымъ усердіемъ рекомендуемъ читателямъ. Свой взглядъ на причины раздѣленія церквей авторъ высказываетъ на первыхъ же строкахъ своихъ статей, говоря: „раздѣленіе церквей можетъ и должно быть разсматриваемо, какъ неизбежное послѣдствіе цѣлой совокупности обстоятельствъ, слагавшихся вѣками. Оно было подготовлено на тройственной почвѣ: народной, государственной и церковной. Этнографическое различіе между востокомъ и западомъ Европы, различіе народностей, давшихъ главный контингентъ, своимъ языкомъ, нравами и особенностями генія сообщившихъ неодинаковый колоритъ двумъ половинамъ Европы, имѣетъ значеніе порвичнаго момента въ данной вопросѣ. Этнографическое начало легло въ основу государственнаго, а различіе національнаго типа, и послужило основаніемъ для обособленія политическаго и культурнаго. Принципъ политическаго единства, носителемъ котораго былъ императорскій Римъ, оказался несостоятельнымъ и безсильнымъ, чтобы примирить противоположности, а привнесеніе германскаго и славянскаго элементовъ должно было еще ихъ усилить. Различіе между востокомъ и западомъ въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ отразилось на складѣ ума и обычаяхъ; при чемъ, коснувшись всѣхъ сферъ быта и жизни, не миновало и сферы религіозной, религіозное созерцаніе

печатано въ подлежащей книгѣ: *Исторія раздѣленія церквей въ IX—XI-мъ вѣкахъ*.

получило на востокѣ болѣе спекулятивный характеръ, на западѣ болѣе практической, выработались постепенно нѣкоторыя разности въ догматическихъ воззрѣніяхъ, въ церковныхъ обрядахъ и дисциплинѣ, обнаружилось соперничество въ строѣ церковнаго управленія¹⁾. Изъ приведенныхъ словъ видно, какъ глубоко и всесторонне авторъ обнимаетъ свою мысль общій вопросъ о раздѣленіи церквей. Изъ тѣхъ же словъ видно, что религиозный моментъ раздоровъ онъ не ставитъ на самомъ первомъ мѣстѣ. Но это лишь придаетъ особенный интересъ сочиненію г. Скабалановича. Авторъ, по своей академической профессіи, не богословъ и не церковный историкъ, а историкъ всеобщей исторіи. Неудивительно, если онъ желаетъ посмотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія общей исторіи, а не спеціально церковной. По крайней мѣрѣ, авторъ такъ и поступаетъ, когда обрабатываетъ свой сюжетъ: раздѣленіе церквей въ XI-мъ вѣкѣ. Напрасно мы стали бы искать здѣсь какихъ-либо подробностей о чисто-церковныхъ сторонахъ, частіе — церковныхъ спорахъ того времени. И объ этомъ говоритъ г. Скабалановичъ, но не ставитъ этого дѣла на видномъ мѣстѣ. Для него интереснѣе всего такая церковная сторона этого событія, которая въ тоже время переплетается съ политическими стремленіями времени. Авторъ интересуется этого рода стороною дѣла и — заинтересовываетъ читателя новостью постановки вопроса. Мало того: какъ мастеръ своего дѣла, онъ даетъ читателю множество такихъ объясненій, которыя подводятъ этого послѣдняго къ скрытымъ источникамъ историческихъ движеній эпохи. Читатель начинаетъ отчетливо понимать много такого, что раньше представлялось для него какой-то загадкой. Во всякомъ случаѣ, читатель усматриваетъ, что дѣло происходило не такъ-то просто, какъ представлялось это прежде, на основаніи документовъ чисто-церковнаго характера. Было бы не совсѣмъ умѣстно въ нашемъ „Указателѣ“ входить въ подробное разсмотрѣніе работы автора; да это и не представляется необходимымъ послѣ того, какъ не малое число историческихъ объясне-

¹⁾ Христ. Чтен. 1884, I, 626.

ній, предложенныхъ авторомъ вошло въ составъ нашей книги: „Истор. раздѣленія церквей“, въ видѣ примѣчаній къ изложенію Керуларіевской эпохи, нами сдѣланному. По этимъ примѣчаніямъ читатель можетъ составить себѣ ясное представленіе о высокихъ качествахъ работы г. Скабалановича. Теперь же лишь скажемъ, что такія историческія лица Керуларіевской эпохи, какъ Константинъ Мономахъ, папа Левъ IX, его легаты, въ особенности Гумбертъ, — а къ этому еще нужно прибавить руководителей политическихъ партій въ Византіи — всѣ являются подъ перомъ нашего историка исполненными жизненнаго значенія... Само собою понятно, не оставленъ въ тѣни и патріархъ константинопольскій, а такъ же и его сподвижники въ борьбѣ съ папскими вожделѣніями. Окончательный выводъ, получаемый авторомъ изъ разсмотрѣнія историческаго процесса, составляющаго то, что названо у него „раздѣленіемъ церквей“, формулированъ въ сочиненіи такъ: „совершился прискорбный фактъ церковнаго раздѣленія, подготовленный столѣтіями: Керуларій менѣе другихъ повиненъ въ эгомъ фактѣ, и если ужъ необходимо привлечь дѣятелей къ историческому суду, то обвинительный приговоръ долженъ пасть на заправителей политики (Керуларіевской эпохи) — политики: папской и Византійской“ (1885 г., I, 138).—Сочиненіе проф. Скабалановича очень поучительное ¹⁾ и составляетъ въ высшей

¹⁾ Намъ нѣсколько смущаетъ лишь одно въ сочиненіи его: съ одной стороны онъ находитъ неправыми тѣхъ писателей, которые въ числѣ второстепенныхъ и неважныхъ мотивовъ, вызвавшихъ столѣтіями двухъ церквей въ XI-мъ вѣкѣ, ставятъ „безпокойный и запальчивый характеръ“ Керуларія (1884 г., I, 637), а съ другой стороны указываетъ, что Керуларій нѣкогда былъ главой заговорщиковъ въ Византіи (1885 г., стр. 95). Намъ кажется, что заговорщики всегда отличаются безпокойнымъ характеромъ и что человѣкъ такого характера вноситъ эту черту своей личности во всякое дѣло, особенно же дѣло первостепенной важности. Да и какъ понимать замѣчаніе самого г. Скабалановича (сейчасъ приведенное въ текстѣ), что Керуларій „менѣе другихъ повиненъ въ печальномъ фактѣ раздѣленія церквей?“ Если „менѣе“, то, значить, все же повиненъ; и если повиненъ хотя и мало, то въ чемъ другомъ можно находить эту малую виновность его, помимо свойствъ его характера? Впрочемъ должны оговориться: разъясненіе это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей

степени отрадное явленіе въ нашей скудной церковно исторической литературѣ.

IX.—А. П. *Лебедева* (мoe). Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX-го вѣка (стр. 1—226). М. 1888. Въ *Церковныхъ* (синодскихъ) *Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ: „Тысячелѣтіе со дня кончины константинопольскаго патріарха Фотія“ (1891 г., № 6, стр. 184), эта книга названа „весьма интересною“ и притомъ такою, „въ которой выясняется значеніе Фотія, этого мужественнаго борца за свободу церкви и истину православія“. А потомъ далѣе относительно той же книги здѣсь прибавлено слѣдующее: „у профессора А. П. Лебедева *прекрасно очерчены* главныя особенности двухъ церковныхъ направленій, возникшихъ и развивавшихся задолго до патріаршества Фотія и продолжавшихъ свое существованія и послѣ него: такъ называемой партіи ревнителѣй, къ которой въ критическую эпоху IX вѣка принадлежали почитатели патріарха Игнатія, и партіи умѣренныхъ, къ которой принадлежали друзья и приверженцы Фотія“¹⁾.

X.—Профессора *И. В. Платонова* (†). Патріархъ Фотій. М. 1891. Въ 4-ку. Объ этой книгѣ въ свое время появился отзывъ, составленный Н. Г. Поповымъ (теперь профес. богословія въ Москов. инженерномъ училищѣ). Вотъ что говорилъ критикъ: Названная книга—предсмертный трудъ скончавшагося въ 1890 году профессора Харьковскаго университета г. Платонова, изданный другомъ его Ив. У. Палимпсестовымъ. Въ ней кратко изображается положеніе дѣлъ, предшествовавшее патріаршеству Фотія (гл. I), сообщается переписка его съ папою Николаемъ I, по поводу вступленія его на Константинопольскую кафедру и относительно Болгаріи, даются свѣдѣнія о Константинопольскомъ соборѣ 867 г. (гл. II), говорится о поводахъ къ первому низложенію

книгъ: „Ист. раздѣленія церквей“, гдѣ мы ничего не говоримъ о характерѣ Керуларія (объ этомъ рѣчь должна идти въ другомъ нашемъ сочиненіи).

¹⁾ Существуютъ и еще благоприятные отзывы объ этой книгѣ, но перечислять ихъ и знакомить съ ними не видамъ надобности.—Сочиненіе: „Ист. Константинопольскихъ соборовъ“ въ нѣсколько сокращенномъ и нѣсколько-же измѣненномъ видѣ вошло въ составъ прележащей книги: „Исторія раздѣленія церквей“.

Фотія и передается ходъ всѣхъ 10 засѣданій и содержаніе правилъ собора 869 (гл. III). Затѣмъ, послѣ сужденій автора о каноническомъ значеніи этого собора, низложавшаго Фотія (гл. IV), рисуется картина нравственныхъ и даже физическихъ страданій патріарха въ изгнаніи, приводятся рѣзкіе отзывы Фотія о соборѣ 869 г. и переписка его съ нѣкоторыми духовными лицами (гл. V), показывается, какъ подготавливалось и совершилось возвращеніе его на патріаршество, опровергаются баснословныя объясненія этого событія у Никиты Пафлагонскаго, Симеона Магистра, Стилиана Неокесарійскаго и др. (гл. VI—VII), рассказывается о вторичномъ, безвозвратномъ заточеніи Фотія въ царствованіе его ученика, имп. Льва Мудраго (гл. VIII) и проч. Уже изъ введенія, предпосылаемаго г. Платоновымъ своему сочиненію, видно, что онъ не имѣлъ большой претензіи быть здѣсь самостоятельнымъ. Его книга составлена по разнымъ произведеніямъ — на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, — въ которыхъ болѣе или менѣе говорится о Фотіи. Изъ такихъ сочиненій у г. Платонова указываются: *Или Минятія* (1679—1714) — Камень соблазна; Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной католической церкви (М. 1843), *Муравьева* — Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кathedрахъ, Гэттэ — статья въ „L'union Chrétienne“ о борьбѣ Фотія съ папствомъ (см. переводъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1888 — 1889 г.), епис. *Инокентія* — Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в., Pichler — Geschichte d. Kirchlichen Trennung zwischen Orient u. Occident (München, 1864), Hergenröther — Photius. Patriarch v. Spl. — Правда, нашъ авторъ заявляетъ, что онъ пользовался и твореніями нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, но — скажемъ мы отъ себя — пользовался очень мало, почему его трудъ и имѣетъ совершенно компилятивный характеръ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, ничего оригинальнаго... Мало того, руководясь „Разговорами между испытующимъ и увѣреннымъ“ или „Начертаніемъ“, г. Платоновъ, къ нашему удивленію, упустилъ изъ виду

столь важныя для него пособія, какъ сочиненія проф. *А. П. Лебедева*: „Римская и византійская церкви, „Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX в.“ и о. *Герасима Яреда*: „Отзывы о патр. Фотіи его современниковъ“ (Спб. 1874 г.); между тѣмъ, знакомство съ этими сочиненіями необходимо для всякаго изучающаго жизнь святителя, потому что они (сочиненія) опередили не только прежнюю скудную и устарѣвшую русскую литературу о немъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняютъ и иностранную. Вслѣдствіе всѣхъ отмѣченныхъ упущеній въ разсматриваемой новой русской книгѣ о патр. Фотіи и повторились ошибки или пробѣлы тѣхъ пособій, при которыхъ она составлена.

Теперь видно, какъ составлена книга г. Платонова о патр. Фотіи. Ея авторъ, находится въ большой зависимости отъ своихъ пособій, и, когда отстываетъ отъ нихъ, естественно, впадаетъ въ ошибки. Вообще, г. Платоновъ вѣрнѣе исполнилъ бы свою задачу, если бы могъ внимательно изучить лучшія сочиненія по своему предмету и провѣрить ихъ по первоисточникамъ ¹⁾.

XI.—Протоіер. *В. Хр. Преображенскому* (въ Санктпетербургѣ) принадлежатъ два слѣдующія сочиненія.

А) „Фотій, патр. Константинопольскій“. Петерб. Отискъ изъ журнала *Странникъ*, за 1891 г. Въ виду того, что объ этомъ сочиненіи напечатанъ обстоятельный отзывъ *Θ. П. Преображенскимъ* (теперь священникъ въ Москвѣ), имѣвшимъ случай изучить русскую литературу послѣдняго времени о Фотіи, мы воспользуемся нѣкоторыми его замѣтками о книгѣ. Критикъ пишетъ: Имѣя намѣреніе дать сравнительно подробный очеркъ жизни и дѣятельности патріарха Фотія, авторъ воспользовался всей новѣйшей литературой. Онъ широко пользуется Гергенретеромъ и трудами его предшественниковъ, хорошо знаетъ труды проф. *А. П. Лебедева*, о. *Герасима Яреда*, византіолога *Успенскаго*, *Гэттэ* и др. Онъ заглядываетъ и въ первоисточники, хотя, избавляя себя отъ труда разбираться въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ, по большей части пользуется тѣми историческими свѣдѣ-

¹⁾ „*Учен. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.*“, 1891, отд. II, 181—190.

дѣями, какія въ провѣренномъ видѣ находятся или у Гергенрөтера ¹⁾ или у проф. Лебедева и другихъ русскихъ изслѣдователей. Текстъ сопровождается множествомъ примѣчаній, въ которыхъ авторъ помѣщаетъ все, что не могло войти въ текстъ, не нарушивъ связи: выдержки изъ перв. источниковъ и пособій, выписки изъ писемъ Фотія, — разъясненія мелочныхъ историческихъ фактовъ, которыя авторъ спѣшитъ скорѣе помѣстить въ примѣчаніяхъ, когда чувствуетъ нѣкоторую неясность и необоснованность высказанной фразы. Это послѣднее обстоятельство придаетъ всему очерку характеръ нестроенаго знанія, обставленнаго лѣсами и подпорами. Часто авторъ теряется въ ненужныхъ подробностяхъ, лишняхъ нехарактерныхъ выдержкахъ, а иногда, отмѣчая въ примѣчаніи какой либо исторической фактъ, не считаетъ нужнымъ подтвердить его ссылкой.

Не смотря на эти недостатки, составленный авторомъ очеркъ производитъ лучшее впечатлѣніе съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, чѣмъ монографія г. Платонова. Вопреки послѣднему, непонятнымъ молчаніемъ проходящему жизнь Фотія до патріаршества, о. Преображенскій подробно останавливается на этомъ періодѣ, особенно на вопросахъ объ его образованіи и преподавательской дѣятельности. Школьному образованію того времени онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ тѣмъ охотнѣе, что изучалъ этотъ вопросъ подробно, какъ авторъ монографіи ²⁾ „о восточныхъ и западныхъ школахъ во времена Карла Великаго“. Происхожденіе партій—Игнатіанъ и Фотіанъ онъ возводитъ ко времени патріаршества Мееодія, согласно съ другими русскими изслѣдователями, и характеризуетъ особенности и тенденціи

¹⁾ Соглашаясь съ отзывомъ нашего критика о книгѣ Преображенскаго въ другихъ отношеніяхъ, мы однакожъ не раздѣляемъ его мнѣнія, что авторъ книги о Фотіи читалъ Гергенрөтера, ибо толстые томы этого ученаго (изъ которыхъ въ 3-мъ 887 стр.), онъ называетъ „книжкою“ (стр. 3). „Книжка“ — въ три объемистыхъ тома! Возможно, что Преображенскій и не видалъ Гергенрөтера. Правда, онъ цитируетъ Гергенрөтера, но цитаты можно брать изъ вторыхъ рукъ; правда также, онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ сочиненіе это трехтомнымъ, но ошибается въ обозначеніи года его изданія, ставитъ 1867 вм. 1867—1869 (подозрительная обмолвка писателя, будтобы читавшаго Гергенр.).

²⁾ Его магистерское сочиненіе.

Этихъ партій достаточно полно для очерка и въ общемъ согласно съ той ихъ характеристикой, какая въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ дана проф. Лебедевымъ. О соборѣ 861 г. авторъ говоритъ очень мало, отсылая читателей за подробностями къ тенденціонному изложенію Гергенретера. ¹⁾ Последнее обстоятельство является непонятнымъ: зачѣмъ автору понадобилось отсылать читателей къ Гергенретеру, когда онъ тутъ же упоминаетъ о сочиненіи проф. Лебедева „Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка“, о которомъ говоритъ самъ, что его авторъ, т. е. г. Л-въ, относится съ достоюльшимъ недоувѣріемъ къ источникамъ—откуда за отсутствіемъ подлинныхъ актовъ заимствуются свѣдѣнія о названномъ соборѣ,—и во многомъ поправляетъ или рѣшительно отвергаетъ ихъ сообщенія? Отчего уже не отослать читателей прямо къ этимъ тенденціознымъ писателямъ, друзьямъ Игнатія и врагамъ Фотія, поклонникомъ которыхъ является Гергенретеръ? Не входя въ подробности о соборѣ 861 г., авторъ избавляетъ себя отъ труда возстановлять по второстепеннымъ источникамъ исторію этого собора т. е. просто обходить трудные и спорные вопросы, что не дѣлаетъ ему чести, иногда впадающему въ излишнія и болѣе легкой цѣной добываемыя подробности. Говоря о изложеніи Фотія съ узурпаторскимъ вступленіемъ на византійскій престолъ Василія Македонянина, авторъ причиной изложенія считаетъ то обстоятельство, что возмущенный до глубины души злодѣяніемъ Василія Фотій отказался его вторично короновать. Утверждая это, авторъ слѣпо слѣдуетъ за своимъ руководителемъ Гэттэ, который именно въ такомъ смыслѣ толкуетъ показанія византійскихъ историковъ о томъ, что Фотій не допустилъ императора Василія до св. причащенія, когда онъ пришелъ въ Софійскій храмъ по убіеніи Михаила. Но автору словно неизвѣстно, что этотъ рассказъ новѣйшими изслѣдованіями, основанными на точныхъ данныхъ, отнесенъ въ область вымысловъ, какъ думаютъ именно Гефеле, Гергенретеръ, а за ними и проф. Лебедевъ. Вообще авторъ напрасно не обмолвился ни однимъ словомъ

¹⁾ Опять, повидимому, признакъ, что авторъ книги съ Гер-ромъ незнакомъ!

о томъ объясненіи низложенія Фотія, какое дано проф. Лебедевымъ, и не воспользовался имъ. И самый фактъ, требующій объясненія, былъ бы яснѣе и дальнѣйшія отношенія Василя къ Фотію были бы понятнѣе. У соборѣ 869 г., осудившемъ Фотія и прославленномъ на Западѣ, какъ восьмой вселенскій, о. Преображенскій говоритъ словно мимоходомъ и отъ критики источниковъ его исторіи, какая необходима въ виду отсутствія его подлинныхъ актовъ, совершенно воздерживается, отсылая читателей за подробностями и критическими замѣчаніями къ сочиненію проф. Лебедева. Молчаніе нашего автора объ этомъ соборѣ тѣмъ болѣе странно, что послѣдній представляетъ много характеристичнаго для обрисовки личности Фотія и его враговъ, чѣмъ довольно удачно ради прославленія Фотія воспользовался г. Платоновъ. Событія изъ послѣдняго времени жизни и дѣятельности патріарха Фотія авторъ обзрѣваетъ конспективно, какъ будто онъ усталъ писать и спѣшилъ закончить. — Вполнѣ признавая, что очеркъ о. Преображенскаго хорошо излагаетъ положительныя стороны исторіи Фотія, мы всетаки должны сознаться, что его книжка не возвышается надъ уровнемъ добросовѣстной, хотя не очень обработанной компиляціи ¹⁾.

Б) „Раздѣленіе церкви (?!) на двѣ половины — восточную и западную“. М. 1891. Малаго формата. Странно, въ предъидущемъ сочиненіи авторъ весьма бѣгло обзрѣваетъ дѣятельность патр. Фотія, начиная съ перваго его низверженія и до смерти этого святителя. Напротивъ, въ разсматриваемой книгѣ таже часть жизни Фотія (стр 80 и дал.) обзрѣвается обстоятельно. Можно подумать, что авторъ написалъ сначала лишь одно сочиненіе о Фотіи и раздѣленіи церквей, а потомъ для ускоренія печатанія (первоначально оба сочиненія помѣщены въ двухъ дух. журналахъ) раздѣлилъ его на два, изъ которыхъ одно и вышло какбы неоконченнымъ, а другое появилось съ наскоро придѣланнымъ началомъ. Думается, какъ будто такъ именно

¹⁾ Изъ „Чтен. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ.“, 1892, отдѣлъ II, стр. 387—390.

и возникли два обзоръвасмыя юбилейныя (созданы по случаю 1000-лѣтняго юбилея Фотія) произведенія автора. А впрочемъ — ктожъ его знаетъ... Собственно по поводу изложенія авторомъ исторіи Фотія здѣсь, намъ нѣтъ надобности распространяться: авторъ сочивялъ свои книги въ одно время и потому изложилъ приблизительно одни и тѣже свѣдѣнія о знаменитомъ патріархѣ. Но и здѣсь есть одинъ пунктъ, который не можетъ не приковывать нашего вниманія. Въ прежде обзорънной книгѣ („Фотій“ патр.) Преображенскій такъ рассуждалъ объ обстоятельствахъ перваго низверженія Фотія съ кафедръ. „Кесарь Василій Македонянинъ убилъ императора Михаила и хотя онъ за годъ передъ этимъ былъ коронованъ по желанію Михаила, однако пожелалъ короноваться вторично. Фотій до глубины души возмущенъ былъ злодѣяніемъ кесаря. Неудивительно, что онъ не только упрекнулъ послѣдняго, но и отказался возложить на него вторично корону. Василій низвергъ патріарха“ (стр. 94). А въ книжицѣ: „Раздѣленіе церкви“ ученый авторъ приходить совершенно къ другимъ выводамъ относительно того же самого событія. Онъ вѣщаетъ: „сообщеніе историка Зонары о томъ, что будто патріархъ Фотій лишился приобщенія святыхъ таинъ Василія (приобщенія, составлявшаго одну изъ частей коронаціоннаго обряда: Слич. его же „Фотій“, 94, примѣч. 2), за убійство Михаила, къ сожалѣнію, не доказано, хотя бы было къ чести патріарха. Не церковными интересами „увѣряетъ“ авторъ — руководился императоръ и не личными враждебными къ Фотію, а политическими“ (77) (не договорено у автора: „когда первый низвергалъ послѣдняго“). Благосклонный читатель чему же намъ вѣрить теперь — тому сообщенію или этому? Очевидно, Преображенскій представляетъ изъ себя субъекта съ раздвоеннымъ сознаниемъ своей личности (современная психологія допускаетъ и констатируетъ такія явленія). Обращаясь съ своею рѣчью къ Москвѣ (вторая книга напечатана и издана здѣсь), и быть можетъ, принимая во вниманіе ея пристрастіе къ консерватизму и легендамъ, а потому желая хотя слегка ослабить эту московскую наклонность, авторъ объявляетъ, что разсказъ о томъ, будто Фотій пострадалъ за свое свя-

тительское безстрашіе есть легенда; а обращаясь съ своею рѣчью къ Петербургу, (первая книга напечатана и издана тамъ) довольно таки либеральному и не питающему наклонности къ легендаризму, авторъ захотѣлъ преподать ему урокъ по части вѣры въ преданія—и рассказалъ о томъ, какъ иногда великіе люди страдаютъ изъ-за приверженности къ святому долгу. Но шутки въ сторону! Авторъ не только ничего не проигралъ отъ того, что въ одной своей книгѣ признаётъ то, что отрицалъ въ другой, а въ другой своей книгѣ отрицаетъ то, что признавалъ въ первой,—не только не проигрываетъ, но даже выигрываетъ. Въ свое время Преображенскаго долженствовало похвалить за то, что онъ не соглашается со мной (Иванцова. „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“, 68), а въ настоящее время похваляю я его за то, что онъ не соглашается съ другими, а идетъ во слѣдъ меня (см. „Ист. Конст. собор.“, 54—55). Выгода не сомнительная! На что лучше! Да и то сказать: послѣ двухъ, усвоенныхъ Преображенскимъ, мнѣній о мотивахъ перваго низверженія Фотія съ кафедръ, выдумать третьяго нельзя, а потому честь возвѣщенія послѣдняго слова въ наукѣ остается за нашимъ авторомъ.—Но лучшіе научные перлы не здѣсь (въ изложеніи Преображенскимъ исторіи Фотія), а въ отдѣлѣ его сочиненія о раздѣленіи церковей при Керуларіи. Этотъ отдѣлъ составленъ авторомъ по слѣдующему рецепту: возьми водицы (изъ „Правды“ Муравьева), прибавь опрѣснокъ (изъ книги Мих. Чельцова—„объ опрѣснескахъ“), вболтай хорошенько, и давай пациентамъ—и послѣдствія будутъ вѣликолѣбнѣйшія. Преображенскій такъ и поступилъ: взялъ.... прибавилъ.... вболталъ.... и угостилъ своихъ пациентовъ: получался эликсиръ не на животъ, а на смерть пациентамъ, т. е. читателямъ. Главная бѣда автора заключалась въ томъ, что взятая вода оказалась не фильтрованной. Авторъ пишетъ: „папа Левъ IX-й попалъ въ плѣнъ къ норманамъ, гдѣ и скончался“ (144). Это печальное извѣстіе, по смыслу котораго папа лишенъ былъ утѣшенія и умереть у себя дома, занято Преображенскимъ у Муравьева (стр. 297). Но извѣстіе это чистая ложь. Левъ скончался не въ плѣну, а у себя въ Римѣ, о чемъ имѣлъ надлежа-

шія свѣдѣнія нашъ вышеупоминаемый Анонимъ, жившій и писавшій назадъ тому почти полустолѣтіе (стр. 94 у Анонима). Или Преображенскій пишетъ: „патріархъ (Керуларій) довелъ до свѣдѣнія императора (Константина Моном.) о желаніи вести переговоры съ легатами и просилъ возвратить ихъ съ пути (т. е. обратнаго — въ Римъ). *Императоръ не исполнилъ просьбы* патріарха. Западные латинскіе историки предполагаютъ въ патріархѣ намѣреніе *убить* легатовъ, еслибы они возвратились. Патріархъ *тщетно ждалъ* возвращенія легатовъ“ (152). Эти интересныя свѣдѣнія есть повтореніе задовъ изъ Муравьева (302, начало). Но въ дѣйствительности все дѣло происходило не такъ, а вотъ какъ: „Керуларій обратился съ просьбою къ императору, чтобы легаты были возвращены (съ дороги въ Римъ). Правительство поняло эту просьбу такъ, что патріархъ готовъ уступить требованіямъ легатовъ. Легаты, тоже введенные въ заблужденіе, полагая, что патріархъ желаетъ покориться, *послѣдовали приглашенію* императора (значитъ, Мономахъ исполнилъ просьбу патріарха), *воротились назадъ* (слѣдовательно, никто *не ждалъ* ихъ *тщетно*). Но Керуларій не думалъ просить прощенія, а имѣлъ въ виду потребовать ихъ къ отвѣту, чтобы смыть оскорбленіе, нанесенное ими греческой церкви“, значитъ объ убійствѣ легатовъ никто не думалъ (*Скабалиновича*. Христ. чт. (см. выше), 1885, I, 136—137). Разсматриваемый отдѣлъ книги Преображенскій сочинялъ, руководясь лживой „Правдой“ Муравьева, а потому выдавалъ ложь за правду. — Все вожжаясь съ тѣмъ же авторитетнымъ для нашего автора Муравьевымъ, онъ тщетно искалъ въ этой сокровищницѣ мудрости разрѣшенія весьма любопытнаго вопроса: почему Керуларій написалъ епископу Іоанну Транійскому не отъ себя лично, а поручилъ сдѣлать это третьему лицу — Льву, архіепископу Болгарскому, но никакого отвѣта авторъ у Муравьева не отыскалъ; а потому съ сокрушеніемъ докладываетъ читателю: „неизвѣстно, почему патріархъ не прямо написалъ Іоанну, а поручилъ это Льву болгарскому“ (139). Какъ неизвѣстно? Очонь извѣстно. Т. е., точнѣе сказать неизвѣстно только тому, кому наиболѣе другихъ вѣдать это надлежало, — автору, пишущему

исторію раздѣленія церквей при Керуларіи. Указанный вопросъ, замѣтно тревожавшій духъ Преображенскаго, давно уже раскрытъ ясно, убѣдительно и притомъ съ полною обстоятельностью, бывшимъ его наставникомъ по Академіи, превосходнымъ знатокомъ Керуларіевской эпохи профессоромъ Н. А. Скабалановичемъ (*Христ. чт.*, 1884, т. II, 635; 1885 т. I, 109—110). Приводить это разъясненіе не станемъ, ибо автора разбираемой книги учить не собираемся, а любопытствующіе знать: почему вышло такъ странно и непонятно, что патриархъ пишетъ Іоанну отъ имени какого-то Льва, безъ труда могутъ разсѣять всѣ свои недоумѣнія, обратившись къ сочиненію г. Скабалановича. Но пора уже и кончить затянувшуюся рѣчь о книжкѣ Преображенскаго. На послѣднихъ четырехъ страницахъ авторъ превращается въ философствующаго богослова-историка и знакомитъ читателя съ своимъ взглядомъ на коренныя причины раздѣленія церквей. Какъ увидимъ, авторъ, подобно птицѣ поднебесной, высоко летаетъ.. Внимайте вѣщимъ словамъ историка. Онъ говоритъ: „Въ то время не хотѣли слушать рѣчей о мирѣ, и не искали ничего для мирнаго соглашенія. Такъ было и на востокѣ и на западѣ. Не по одному вѣдъ капризу заинтересованныхъ сторонъ съ такою охотою подбирали все, что могло отгнѣнить разности между Востокомъ и Западомъ. Очевидно что-то кипѣло на сердцахъ (?). Горячимъ ключемъ бранныхъ словъ (!) чувство пробивалось наружу. Хватались за ничтожную разность и носились съ нею, какъ съ чѣмъ-то угрожающимъ существованію церкви Христовой. Спокойнаго, безпристрастнаго, научнаго изслѣдованія о спорныхъ вопросахъ не появляется ни на востокѣ, ни на западѣ. Ни тамъ, ни тутъ, повидимому, для этого не имѣли ни времени, ни охоты. Въ половинѣ XI в. сознаніе единства затемнилось. Верхъ взяло сознаніе разности. Достаточно было одного неважнаго толчка, какъ нить, доселѣ связывавшая восточную и западную половину церкви, порвалась и къ великому сожалѣнію связать ее доселѣ не удалось, не смотря на многочисленныя попытки. Съ 1054 года исторія уже знаетъ не единую церковь (sic!), а двѣ: восточную православную

и западную латинскую“. Се либеральное разглагольствіе, ни по что не годное.... Какъ ни ищите, такихъ мыслей не найдете не только у архаическаго Анонима, крайняго апологета восточной церкви, но ни у И. М. Добротворскаго, ни у проф. Н. А. Скабалановича. Пусть читатель разсудитъ самъ: кто правѣе въ данномъ вопросѣ, умудренныя наукой, сейчасъ поименованныя лица, или же Преображенскій, выше науки поставляющій свои личные домыслы?

Какимъ дурнымъ языкомъ пишетъ авторъ, о томъ свидѣтельствуесть сейчасъ приведенная длинная тирада изъ его произведенія. А еще лучшимъ образчикомъ недоброкачественности авторскаго стиля служить слѣдующая рѣдкостная фраза: „Подъ стекломъ строгой иноческой жизни и монашескихъ взглядовъ на жизнь сложились убѣжденія (патріарха) Игнатія“ (20). Что за штука такая — „подъ стекломъ монашескихъ взглядовъ“?!

Вообще что это такое: литература или макулатура?

XII.—Профессора Московскаго университета *протоіерея А. М. Иванцова* (ум. 1894 г.). „Къ изслѣдованіямъ о (св.) Фотіи, патр. константинопольскомъ“. Петерб., 1892. Сочиненіе состоитъ изъ двухъ очень неравныхъ частей: текста (стр. 1—31) и приложеній или примѣчаній къ тексту (стр. 1—190). Напечатаны онѣ разнымъ шрифтомъ, при чемъ приложенія набраны довольно мелкимъ шрифтомъ, неприятнымъ для глазъ; каждая часть имѣетъ свою особую пагинацію, что затрудняетъ цитированіе этой книги (для отличія одной пагинаціи отъ другой мы станемъ при цитированіи мѣсть текста помѣщать помѣтку: изъ текста).

На указанное сочиненіе проф. казанской академіи (и университета) *Ө. А. Кургановъ* написалъ очень обстоятельную и сильную критику, съ содержаніемъ которой въ главныхъ чертахъ и считаемъ нужнымъ ознакомить читателя. Критика помѣщена въ *Христіанск. Читеніи* (1895 г., т. I) и представляетъ собой официальный отзывъ о книгѣ, представленной авторомъ на премію. Критикъ прежде всего справедливо выражаетъ неодобреніе принятой авторомъ формѣ изложенія предмета: вмѣсто того, чтобы написать сочиненіе о Фотіи, онъ написалъ тезисы (текстъ) и къ нимъ

весьма неудобныя для чтенія и справокъ примѣчанія. Иванцовъ, оправдывая усвоенную имъ форму изложенія, заявлялъ: „форма изложенія, избранная нами, обуславливалась и самымъ предметомъ изслѣдованія. Если бы все, что мы успѣли изложить здѣсь, представить въ цѣльномъ послѣдовательномъ и равномѣрно-обработанномъ изложеніи съ надлежащимъ развитіемъ частныхъ, это потребовало бы, если не такихъ большихъ размѣровъ, какъ сочиненіе Гергенрѣтера о Фотіи (3 тома), то по крайней мѣрѣ половины. Такъ по крайней мѣрѣ намъ представлялось. Мы старались по возможности беречь время для себя и для читателей (*странно*), а также и бумагу (?), и труды (!) и издержки печатанія“. (187. Нужно помнить, что сочиненіе напечатано въ „Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.“ и что слѣдовательно авторъ никакихъ издержекъ не имѣлъ). По поводу подобнаго самооправданія критикъ замѣчаетъ: „что касается боязни автора, что при связномъ историческомъ изложеніи, его изслѣдованіе приняло бы слишкомъ обширные размѣры, то этотъ страхъ совершенно напрасный: тотъ или иной объемъ сочиненія, конечно, отчасти опредѣляется предметомъ изслѣдованія, но во многомъ онъ зависитъ отъ воли автора; а правильность сужденія и вѣрность взгляда не зависятъ отъ объема сочиненія: мастеръ дѣла открывается и въ маломъ по объему трудѣ“ (183). Нѣтъ надобности разяснять, что Иванцовъ выбралъ вышеуказанную форму изложенія потому, что она дѣлала написаніе книги о Фотіи отчасти трудомъ сравнительно легкимъ и избавляла автора отъ той тяжелой отвѣтственности предъ ученымъ міромъ, съ какой всегда соединено составленіе *связаго* церковно-историческаго изслѣдованія. Книга Иванцова есть сборникъ замѣтокъ, набросокъ, эскизовъ, объединенный лишь общою темою. — Какъ исполнилъ свой трудъ Иванцовъ, т. е. съ какою степенью совершенства? Авторъ много стараній прилагаетъ къ изученію и уясненію источниковъ исторіи Фотіи; но не достигаетъ большаго успѣха въ этомъ отношеніи. Такъ авторъ задается вопросомъ: отчего извѣстія о Фотіи дошли до насъ главнымъ образомъ отъ его враговъ, а не отъ друзей и приверженцевъ? „и дѣлаетъ, по сужде-

нію проф. Курганова, рядъ догадокъ по этому поводу, *ни къ чему* однакожь не обязывающихъ читателя“ (177), т. е., конечно, немного значащихъ. Кромѣ того, „при критическомъ обзорѣ древнихъ авторовъ, касающихся исторіи Фотія (т. е. источниковъ же) весьма нужно указать ихъ отношеніе другъ къ другу, писали ли они независимо одинъ отъ другого и пр. Авторъ же—по отзыву нашего критика, отстраняетъ отъ себя подобнаго рода изслѣдованіе источниковъ Фотіевой исторіи, между тѣмъ оно было бы весьма полезно“... (188). Притомъ же слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что Иванцовъ не первый занялся изученіемъ этихъ источниковъ. Раньше его, все болѣе существенное въ этой области сдѣлано было на русскомъ языкѣ о Герасимомъ Яредомъ, какъ объ этомъ замѣчено было нами выше.— Книга Иванцова обременена противорѣчіями, притомъ по существеннымъ вопросамъ Фотіевой исторіи. Критикъ отмѣчаетъ, напримѣръ, слѣдующія противорѣчія въ разсужденіяхъ автора. Онъ, г. Кургановъ, пишетъ: „характеристика константинопольскаго собора 869 года не отличается ясностію, точностію и внутреннимъ согласіемъ отдѣльныхъ частей ея. Съ одной стороны соборъ 869 года есть не болѣе (по выраженію Иванцова) какъ только *сколокъ* съ римскаго собора того же года, а съ другой—между греческими (восточными) и—римскими (т. е. пришедшими съ Запада, отъ папы) членами собора замѣчается (по мнѣнію Иванцова же) постоянное разногласіе о прерогативахъ папы, а потому—замѣчаетъ критикъ—соборъ константинопольскій *никакъ* нельзя назвать *сколкомъ* съ римскаго собора, на которомъ никакого подобнаго разногласія не было между его членами по вопросу о прерогативахъ папы“ (211—212). Что же представлялъ изъ себя знаменитый соборъ 869 года—это значитъ такъ и остается загадкой для нашего изслѣдователя фотіанской эпохи. „Съ особеннымъ вниманіемъ Иванцовъ, по словамъ г. Курганова, останавливается на константинопольскомъ соборѣ 879 года“. Но что же получается въ результатъ? Вполнѣ неясное пониманіе задачи и дѣятельности этого опять-таки знаменитаго собора изучаемой авторомъ эпохи. Иванцовъ, по разъясненію его критика, прежде

всего и здѣсь впадаетъ въ свойственныя этому автору противорѣчія. При одномъ случаѣ онъ, авторъ, утверждение неизмѣнности никео-цареградскаго (константинопольскаго) символа и соединенное съ этимъ косвенное осужденіе латинскаго: *filioque* на 6-мъ и 7-мъ засѣданіи собора 879 года признаетъ „центромъ тяжести этого собора и завершеніемъ всей его дѣятельности“, а при другомъ случаѣ (черезъ 10 страницъ) вышеуказанное утверженіе символа и косвенное осужденіе латинскаго *filioque*, по выраженію Иванцова, „составляютъ *еова ми* (значитъ не совсѣмъ составляютъ, а можетъ быть и прямо не составляютъ, во всякомъ случаѣ *изъявляется сомнѣніе*) не главный центр тяжести всего дѣла соборнаго“. Такъ пишется исторія Фотія, назначенная по намѣренію автора служить коррективомъ къ изслѣдованіямъ о названномъ патріархѣ ученыхъ всего свѣта и сдѣлаться руководствомъ для всѣхъ будущихъ писателей по вопросамъ фотіанской эпохи. Съ педантичностью, требующеюся самой задачей труда, проф. Кургановъ указываетъ на какихъ страницахъ и въ какихъ словахъ заключаются открытыя имъ, сейчасъ приведенныя, противорѣчія Иванцова, изслѣдующаго соборъ 879 года, и затѣмъ говоритъ: „неопредѣленность и неточность терминовъ, употребленныхъ авторомъ для выраженія своей мысли, возбуждаютъ въ читателѣ недоумѣнія и сомнѣнія въ ея справедливости, склоняютъ его на возраженія автору“. А обобщая свои замѣчанія касательно разсужденій Иванцова о соборѣ 879 года, критикъ приходитъ къ такому заключенію: „историческая и каноническая необходимость константинопольскаго собора 879 года не показана (авторомъ) *ни съ какой стороны*“ (см. стр. 214 у Курганова). Нисколько не похвально! Путаясь въ нестерпимыхъ противорѣчійхъ при разъясненіи исторіи двухъ важнѣйшихъ соборовъ фотіанской эпохи (869 и 879 годовъ), тотъ же авторъ не имѣетъ никакой удачи, когда берется сказать что-либо новое и научноцѣнное о болѣе раннемъ соборѣ фотіанской эпохи—соборѣ 861 года, правда менѣе важномъ, чѣмъ сейчасъ названныя соборы. Относительно сужденій Иванцова объ этомъ соборѣ, проф. Кургановъ дѣлится съ читате-

лемъ слѣдующими своими мыслями. „О. прот. Иванцовъ полагаетъ, что Фотій, вѣроятно уже имѣвшій нѣкоторыя понятія о политикѣ папѣ., напр, о ихъ стремленіи мѣшаться не въ свои дѣла, совсѣмъ не желалъ обращаться къ папѣ съ приглашеніемъ его легатовъ на соборъ 861 года. въ цѣляхъ утвержденія своего на патріаршествѣ. Воспользоваться же папскимъ авторитетомъ въ борьбѣ съ партіей Игнатія (а эта борьба, какъ извѣстно, именно и происходила на соборѣ 861 г.), по разсужденію Иванцова, желалъ преимущественно византійскій императоръ Михаиль III отчасти по тщеславію неосторожной молодости, имѣвшей въ виду придать болѣе важности созываемому собору; а когда желалъ этого императоръ, то Фотій, какъ думаетъ Иванцовъ, конечно, не могъ-де противодѣйствовать этому“. Формулировавъ такъ мысли Иванцова, выраженныя почти его словами, по поводу собора 861 г., затѣмъ критикъ съ своей стороны замѣчаетъ: „безспорно, Фотій не искалъ и не думалъ искать у папы своего утвержденія на патріаршемъ тронѣ въ римско-куріальномъ смыслѣ; но въ остальномъ сужденіи автора (Ив—а) составляютъ рядъ *ни на чемъ* не покоящихся предположеній“ (201). „Является вопросъ, говоритъ нѣсколько далѣе критикъ, имѣются ли какія либо основанія предполагать, что Фотій не желалъ участія папы (въ лицѣ его легатовъ) на константинопольскомъ соборѣ 861 г., въ виду ставшей ему извѣстною злокозненности политики папъ? Я думаю, заявляетъ критикъ, что основаній для такого предположенія *не имѣется* и что положеніе Фотія по отношенію къ папѣ отъ его согласія на приглашеніе сего послѣдняго къ участию на соборѣ въ Константинополѣ нисколько не ухудшалось, а даже еще сулило улучшиться. Выикнемъ въ дѣло“... (но доводы почтеннаго критика ради краткости рѣчи—пропустимъ). Въ концѣ концовъ проф. Кургановъ по занимающему насъ вопросу рѣшительно не соглашается съ авторомъ. „Фотій—слова критика—не имѣлъ основанія не желать присутствія папскихъ легатовъ на соборѣ 861 г. и присутствіе ихъ здѣсь не измѣняло и не могло измѣнить къ худшему положеніе дѣла; предположеніе же автора, выражаемое имъ при этомъ же

случаѣ, что будто борьба Фотія съ папствомъ началась ранѣе собора 861 года не имѣетъ за себя—добавляетъ г. Кургановъ—*никакихъ* прочныхъ историческихъ данныхъ“. (202—203). Такимъ образомъ, ясно открывается, что разсужденія Иванцова о соборѣ 861 года ведутся не впопадъ.—При разборѣ разныхъ противорѣчивыхъ и запутанныхъ извѣстій относительно перваго изложенія патріарха Фотія Михайловымъ преемникомъ Василиемъ Македоняниномъ, Иванцовъ, неизвѣстно изъ какихъ побужденій, рѣшается сдѣлать попятный шагъ въ наукѣ, возвратиться ко мнѣнію, всѣми теперь оставленному (хотя оно и опирается на извѣстіяхъ византійскихъ хронистовъ—Георгія Монаха, Симеона Магистра), мнѣнію, по которому Фотій изложенъ императоромъ Василиемъ, якобы за то, что онъ послѣ убіенія Михаила III Василиемъ называлъ этого послѣдняго разбойникомъ и отцеубійцею и не допустилъ къ причащенію св. таинъ. Какъ намъ кажется, Иванцовъ съ особеннымъ стараніемъ и съ большими надеждами на успѣхъ аргументируетъ это свое мнѣніе о причинѣ изложенія Фотія новымъ императоромъ Василиемъ, но къ прискорбію автора, и на этотъ разъ успѣха не послѣдовало. Критикъ Иванцова заявляетъ: „съ его (Ив—ова) аргументаціей относительно указаннаго (указано и нами) главнаго мотива къ изложенію Фотія нельзя согласиться: возникаютъ многія сомнѣнія и недоумѣнія“ (204). Затѣмъ Ѳ. А. Кургановъ настолько блестяще опровергаетъ это устарѣлое мнѣніе, усвоенное Иванцовымъ, что послѣ такого опроверженія ни у одного русскаго писателя не хватитъ смѣлости поддержать возрѣніе покойнаго московскаго профессора церковной исторіи (стр. 204—209).—Встрѣчаются случаи, когда нашъ критикъ съ особенной силою ополчается противъ фальшивыхъ критическихъ приемовъ Иванцова и необинуясь обзываетъ ихъ „бездоказательными, *тенденціозными* (въ чемъ такъ любилъ уличать другихъ писателей самъ Иванцовъ, какъ открывается это и изъ разсматриваемой нами книги его) и вводящими въ заблужденіе“. (См., наприм., стр. 218).

Очень любопытно наблюдать, что мірянинъ, свѣтское лице, т. е. нашъ критикъ, по мѣстамъ преподаетъ *уроки*

Закона Божія лицу духовному, протоіерею, т. е. нашему автору. Приведемъ примѣръ. Иванцовъ ораторствуетъ: „Геній Фотія и особенное стеченіе обстоятельствъ его жизни помогли ему въ борьбѣ съ партіей патриарха Игнатія и притязаніями папъ ясно вывести опасныя стороны папистическихъ тенденцій на свѣтъ Божій, такъ что имъ (т. е. тенденціямъ) съ этого времени нанесенъ былъ на христіанскомъ Востокѣ рѣшительный ударъ, и остановитъ развитіе этихъ стремленій въ восточномъ христіанскомъ мірѣ на всѣ (?) будущія времена“... Но профессоръ Кургановъ прерываетъ заораторствовавшаго писателя и напоминаетъ ему слѣдующее: „если — какъ это вытекаетъ изъ приведенныхъ словъ о протоіерея — безъ Фотія всѣ церкви подчинились бы игу папства, то въ такомъ случаѣ выходитъ, что врата ада, вопреки обѣтованію Спасителя (Мѡ. 16, 16) преодолѣли бы Его церковь“ (192—3). Странно, въ самомъ дѣлѣ, какъ это о протоіерей, прослужившій св. алтарю болѣе 30 лѣтъ — позабылъ это весьма внушительное евангельское изреченіе?

Мы очень тщательно искали въ рецензіи г. Курганова яснаго указанія на какія либо или какое либо выдающееся достоинство книги Иванцова, но ничего такого не нашли, кромѣ слѣдующей аттестаціи ¹⁾ означенной книги: сочиненіе „свидѣтельствуетъ — пишетъ критикъ — о непосредственномъ знакомствѣ автора съ источниками для исторіи Фотія и разными изслѣдованіями о его личности и дѣятельности“ (стр. 182). Но сколько знаемъ, подобные же отзывы дѣлаются академическими рецензентами о доброй половинѣ студенческихъ сочиненій, пишемыхъ для приобрѣтенія степени кандидата богословія. Конечно, отъ заслуженнаго университетскаго профессора церковной исторіи можно было бы ожидать большаго...

¹⁾ А между тѣмъ рецензія очень обширна; и занимаетъ 174—220 стр. убойственной печати (убойственной въ особенности для моего зрѣнія). Правда, по мѣстамъ въ этой рецензіи читаемъ отзывы критика въ родѣ слѣдующаго: „*некоторыя* замѣчанія о Иванцова имѣютъ цѣну“ (стр. 204); но подобныя же замѣчанія рецензентами дѣлаются и по поводу книгъ посредственныхъ достоинствъ.

Нужно помнить еще, что нашъ критикъ писалъ свою рецензію на книгу Иванцова при жизни автора, и безъ сомнѣнія деликатничалъ съ нимъ, не желая накликать на себя непріятностей со стороны послѣдняго; мы увѣрены, что критикъ сдерживался въ своихъ сужденіяхъ о „противорѣчivosti“ выводовъ изслѣдователя, о „бездоказательности“ и „тенденціозности“ его построений; мы увѣрены также, что критикъ о многомъ умолчалъ, наприм., о скудости и неоригинальности идей автора, о его самомнѣніи и самонадѣянности, о риторскомъ характерѣ его рѣчи, неумѣстномъ многословіи и т. д. Впрочемъ и того, что прямо и ясно выражено критикомъ по поводу разбираемой имъ книги, вполне достаточно было для того, чтобъ авторъ крайне разобидился бы на рецензента, если бы о. Иванцовъ дожилъ до дня, когда рецензія г. Курганова увидала свѣтъ Божій; но этого не случилось.

Доздѣ проф. О. А. Кургановъ. А теперь очередь моя....

Повидимому, проф. о. Иванцовъ довольно высоко ставитъ мои работы касательно фотіанской эпохи. Такъ въ разсматриваемой его книгѣ: „Къ изслѣдованіямъ о (св.) Фотіѣ“, онъ говоритъ слѣдующее: „изслѣдованія проф. Лебедева (здѣсь разумѣются главнымъ образомъ мои книги, указанныя выше подъ №№ 7 и 9) въ литературѣ о Фотіи, по крайней мѣрѣ русской, имѣютъ большое значеніе; его имя между русскими изслѣдователями фотіевой исторіи до послѣдняго времени ¹⁾ по справедливости пользовались большимъ авторитетомъ“ (стр. 182) ²⁾. Это обстоятельство не

¹⁾ А теперь?... Не сомнѣваемся, авторъ этими словами хотѣлъ сказать, что по появленіи книги: „къ изслѣд. о ватр. Фотіи“ протоіерея А. Иванцова—мои сочиненія нужно будетъ считать устарѣвшими. Но такъ ли это? Вопросъ этотъ слѣдовало бы предоставить другимъ, а не братья за его рѣшеніе Иванцову, какъ человѣку, принадлежащему къ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ....

²⁾ Отвѣтственность за вѣрность этого послѣдняго замѣчанія долженъ взять на себя нашъ авторъ... Мы же ничего такого не имѣли случая наблюдать. Правда, кой-кто списывалъ изъ нашихъ книгъ, но вѣдь это паразиты, которыхъ едвали нужно принимать въ расчетъ при обсужденіи такого деликатнаго вопроса, какъ тотъ, который поднятъ въ приведенныхъ словахъ Иванцова.

помѣшало однакожь, а можетъ быть и побудило нашего автора подвергнутьъ эти наши изслѣдованія—въ особенности одно изъ нихъ—строгой критикѣ. Конечно, критика дѣло законное, она есть необходимый атрибутъ научнаго прогресса. Но не такова критика Иванцова: послѣдній дѣлаетъ намъ много упрековъ и укоризнъ, но всѣ эти упреки и укоризны—должны мы напередъ замѣтить—или лишены справедливости или въ крайнемъ случаѣ излишни. Авторъ не сдѣлалъ ни одного, сколько нибудь серьезнаго замѣчанія относительно высказанныхъ нами воззрѣнй.

Самъ авторъ повидимому сознавалъ, что онъ сдѣлалъ безъ мѣры много критическихъ замѣчанй по поводу нашихъ работъ о фотіанской эпохи и объясняетъ это тѣмъ, что „имя“ мое „пользовалось большимъ авторитетомъ“ въ указанной научной области. „Поэтому-то именно мы—говорить о себѣ нашъ авторъ—и сочли нужнымъ подробнѣе остановиться на изслѣдованіяхъ г. Лебедева и надѣмся (почтенный) профессоръ не обидится ¹⁾ за (на?) то, что мы въ общемъ обзорѣни литературы о Фотіи удѣляемъ ему мѣста болѣе, чѣмъ кому либо изъ писавшихъ о Фотіѣ послѣ Гергентетера“ (ibid), какъ извѣстно, величайшаго римско-католическаго ученаго XIX-го вѣка. Но—скажемъ откровенно—мы *не вѣримъ* этому объясненію автора. Есть особая причина, которая заставила Иванцова обратить особенное вниманіе на наши вышеуказанныя сочиненія. Иванцовъ, нужно сказать, ничего не писалъ и кажется не могъ писать по церковной исторіи, если какое-либо изъ существую-

¹⁾ „Не обидится“ ... Да развѣ на него можно обижаться? Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой самой тирадѣ (!), какую мы выписали сейчасъ, Иванцовъ, нимаю не обинуясь, пишетъ на насъ пасквиль, обвиняя насъ въ несоблюденіи приличій и высокоумѣрно-небрежномъ отношеніи къ какимъ-то писателямъ. А въ доказательство того, что онъ правъ, обвиняя насъ въ неприличіи, онъ ссылается на одну (не нашу) статью въ *Учен. Общ. Любит.*, въ которой будто бы тоже отмѣчено это же неблагоприятное наше свойство. Но,—наведя справку въ указанной авторомъ статьѣ, мы нашли, что въ ней господствуетъ совершенно почтительный тонъ въ разсужденіи нашей личности.

На *такихъ* лицъ никто не обижается: имъ *напередъ* прощаются всѣ ихъ дѣянія.

шихъ въ литературѣ произведеній не служило для него импульсомъ, возбудителемъ къ работѣ, не наталкивало на эту послѣднюю. Для нашего автора всегда необходимо было, чтобы какойнибудь другой писатель намекнулъ или даже указалъ ему: о чемъ ему писать. Церковно-историческихъ сочиненій, имѣющихъ значеніе (неодинаковое) въ наукѣ, у Иванцова только три, и всѣ они возникли при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы говоримъ. 1) Его докторская диссертация: „Обозрѣніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ“ (ересей) возникло и во всякомъ случаѣ получило свой теперешній видъ, благодаря тому, что существуетъ на свѣтѣ большая книга Деллингера: „Ипполитъ и Каллистъ“ (1853 г.); 2) Его книга: „Религіозныя движенія на Востокѣ въ IV и V вѣкахъ“, не была бы написана, если бы ранѣе не появилась моя докторская диссертация: „Вселенскіе соборы IV и V в.“ (1879); 3) Послѣдній его церковно-историческій трудъ: „Къ изслѣдованіямъ“ вызванъ къ бытію моими трудами по части фотіанской эпохи и главнымъ образомъ сочиненіемъ: „Исторія константинопольскихъ соборовъ IX-го вѣка“ (1888). Отъ этого - то такъ много вниманія Иванцовъ и посвящаетъ указаннымъ нашимъ работамъ въ своей книгѣ.

Такая рабская зависимость Иванцова отъ чужихъ книгъ едвали сознавалась имъ. Этотъ ключъ (отнюдь не поддѣльный) нами найденъ не случайно, а благодаря многостороннему, но вынужденному обстоятельствами (что это значитъ — объяснимъ нѣсколько ниже) изученію трехъ вышепоименованныхъ сочиненій автора. Это-то явленіе, которое мы теперь уясняемъ, опредѣлило *форму* всѣхъ трехъ сочиненій Иванцова и въ томъ числѣ, конечно, и послѣдняго его сочиненія. Натолкнувшись на мою книгу (или книги), авторъ началъ дѣлать свои замѣтки на нее (нихъ), справляться съ другими книгами, дѣлать изъ нихъ выписки для памяти, сравнивать ихъ между собою, и т. д. — и въ результатѣ получилась странная по формѣ книга, въ которой 30 страницъ текста и около 200 стр. примѣчаній. Напрасно въ оправданіе странной формы своей книги авторъ ссылаясь на свои „болѣзни“ и „старость“ (у г. Кург., 183), на

боязнь обременить читателя большой книгой, на свое состраданіе къ бѣднымъ наборщикамъ, на свое опасеніе слишкомъ большого расхода бумаги (!), на свое не желаніе подорвать матеріальныя средства редакціи *Журн. Мин. Нар. Пр.* (гдѣ печатана была книга Иванцова). Все это не то. И сущности дѣла не уясняетъ и есть, что называется, бабьи басни. Авторъ писалъ и написалъ не книгу о Фотіи, а книгу о книгахъ; а такъ какъ книги, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, по своимъ воззрѣніямъ, тенденціямъ, выводамъ, направленію и вѣроисповѣднымъ стремленіямъ, какъ говорится, врозь лезуть, то подлиннымъ отпечаткомъ этихъ особенностей, усвоенныхъ имъ, книгъ стало и самое сочиненіе Иванцова, однимъ словомъ вышелъ „Тришкинъ кафтанъ“

Но обратимся къ тѣмъ замѣчаніямъ, которые позволяютъ себѣ сдѣлать Иванцовъ по поводу нашихъ сочиненій. Больше всего достается отъ него нашей „книжкѣ“ (какъ онъ ласкательно называетъ эту книгу): „Исторія к—скихъ соборовъ“. Свой праведный судъ о книгѣ въ ея цѣломъ Иванцовъ выражаетъ въ томъ, что усматриваетъ въ ней очень мало новаго для себя (стр. 106, 148, 180 и др.). Новаго! Да чего это новаго-то? Если фактовъ, то откуда же я ихъ возьму. Исторію соборовъ излагаютъ обыкновенно по актамъ соборнымъ, я поступаю такъ же. Не иначе поступилъ бы и Иванцовъ, если бы хоть разъ въ своей жизни описалъ исторію какого либо собора, оставившаго послѣ себя акты. Поэтому, факты, на которыхъ основывается наше описаніе важнѣйшихъ к—скихъ соборовъ IX-го вѣка, восходятъ по своей древности къ этому самому вѣку. Да, они, факты, не новы, а очень стары, но это придаетъ имъ великое значеніе. Авторъ, быть можетъ, желалъ бы найти у насъ какъ можно больше новыхъ соображеній; но по этой части наша книга не бѣдна. Все что казалось намъ не яснымъ, по мѣрѣ нашего знанія и усердія нами объяснено. Авторъ не указалъ въ своей книгѣ ни одного случая, изъ котораго было бы видно, что нами что-либо существенное не сдѣлано. Правда, у насъ нѣтъ того, что можно было бы назвать философіей исторіи соборовъ; но нужна ли она въ

настоящемъ случаѣ? Вотъ самъ критикъ нашъ, т. е. Иванцовъ, покусился было въ своемъ „изслѣдованіи“ дать нѣкое новое освѣщеніе фактамъ, но, какъ мы видѣли, при изложеніи сужденій проф. Курганова о книгѣ, только запутался въ своихъ разъясненіяхъ. Такаго сорта *новизнъ* соображеній мы всегда старательно избѣгали въ своихъ церковно-историческихъ сочиненіяхъ. Мало того: мы думаемъ, что если бы Иванцовъ вмѣсто того, чтобы гоняться за оригинальностію и новизною, занялся развитіемъ нашихъ мыслей, выраженныхъ нами въ указанной „Исторіи“, и ихъ комментированіемъ, сочиненіе его отъ этого только выиграло бы. Откровенно говоря, лишь познакомившись съ книгой Иванцова о Фотіи, мы поняли, что наше сочиненіе о конпольскихъ соборахъ, написанное нами въ часы досуга и безъ особыхъ усилій, трудъ весьма не лишній въ нашей богословской литературѣ. Впрочемъ сѣтуя на то, что мы въ своей книгѣ даемъ *мало новаго*, авторъ главнымъ образомъ разумѣетъ (стр. 148) соборъ Фотіевъ 879 года. Ему представляется, что мы здѣсь немного сдѣлали новаго въ сравненіи съ Неандеромъ, Гефеле и Гергенрётеромъ. Но нельзя умолчать, что изъ числа этихъ писателей авторъ процитировалъ Неандера наобумъ, не посмотрѣвъ хорошенько въ книгу, ибо не можетъ быть никакого сравненія между Неандеромъ и мною: у Неандера (по изданію его „Исторіи“ 1856 г.) отведено этому собору 2 страницы, а у меня 80. Да и Гефеле говоритъ о томъ же соборѣ вдвое менѣе, чѣмъ я. Собственно нужно сравнивать мое описаніе собора съ Гергенрётеровымъ (и отчасти съ Гефеле); но моя заслуга въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что въ противоположность Гефеле и Гергенрётеру, я далъ православно-восточное объясненіе дѣяній собора и постарался представить таковое толкованіе этихъ дѣяній на основаніи актовъ соборныхъ, чтобы для читателя не оставалось какихъ либо сомнѣній и недоумѣній. И сдѣлалъ это я первый въ православной церковно-исторической наукѣ. Развѣ это не ново? Пусть нашъ авторъ сдѣлалъ смѣлую попытку освѣтить исторію собора 879 г. съ какихъ-то новыхъ сторонъ, но вѣдь это привело лишь къ тому, что заставило проф. Курганова

шагъ за шагомъ опровергать Иванцова и въ заключеніе объявить читателямъ, какъ мы уже знаемъ, слѣдующее: *такимъ образомъ историческая и каноническая необходимость собора 879 г. не показана* (т. е. неяснена авторомъ) *ни съ какой стороны* (у Кург. 214). Не все новое имѣеть цѣну: наука же не придерживается послѣдней моды ¹⁾.

Но не станемъ больше останавливаться на общихъ и неопредѣленныхъ по нашему адресу упрекахъ, со стороны Иванцова, а перейдемъ къ частнымъ его замѣткамъ, направленнымъ противъ насъ: на этихъ частныхъ замѣткахъ гораздо виднѣе притязательность и несправедливость Иванцовской критики. Чтобы не растериваться и не повторяться, какъ дѣлаетъ Иванцовъ, поведемъ рѣчь, придерживаясь хронологіи константинопольскихъ соборовъ Фотіанской эпохи.

Прежде всего, авторъ упрекаетъ меня за то, что я пропустилъ нѣкоторые болѣе ранніе соборы этой эпохи, не изложилъ ихъ исторіи. Виновенъ, но заслуживаю снисхожденія! Такъ Иванцовъ пишетъ: „это сочиненіе (т. е. „Ист. Конст. соборовъ“) нельзя назвать исторіею соборовъ, бывшихъ при Фотіѣ или по дѣлу Фотія, ибо о в-скихъ соборахъ 858 и 866 годовъ здѣсь ничего не говорится“ (181). Какое преступленіе! Авторъ соборовъ пропустилъ цѣлыхъ два собора! Винюсь: пропустилъ; но послушаемъ, что вѣщаетъ объ этихъ соборахъ нашъ критикъ. О соборѣ 858 г. онъ говоритъ: „никакихъ подлинныхъ документовъ отъ этого собора до насъ *не дошло*, и объ этой утратѣ

¹⁾ Впрочемъ, Иванцовъ, кажется, ужъ слишкомъ изысканный любитель новинокъ. Онъ и у знаменитаго Гергенрѣтера нашель: *очень мало новаго въ общемъ представленіи дѣла, въ приемахъ и выводахъ изслѣдованія* (170). „Очень мало новаго“! Стѣдовательно, пожалуй, даже меньше, чѣмъ у насъ, въ нашихъ книгахъ. Нужно сказать, Иванцовъ не понимаетъ, что оригинальность есть природное свойство извѣстнаго ума и нельзя быть оригинальнымъ, не имѣя таковаго свойства. Поучительный примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ самъ Иванцовъ: онъ напрягается, чтобы выдумать что-нибудь новаго оригинальнаго; но изъ его потугъ рѣшительно ничего не выходитъ. Къ сожалѣнію, должны совнаться, что и сами мы не можемъ изъяснять притязаній на этотъ рѣдкій, чудный и великій даръ Божій.

нельзя не пожалѣть“ (18, текста). И мы жалѣемъ, но чтожь съ этимъ сдѣлаешь? А о соборѣ 866 года, тотъ же Иванцовъ говоритъ: „о к-польскомъ соборѣ 866 года не сохранилось болѣе (т. е. кромѣ извѣстія, что соборъ былъ и притомъ многочисленный по составу его членовъ) *никакихъ извѣстій*“ (108). При этомъ авторъ самъ же сомнѣвается и въ томъ, когда былъ искомый соборъ: соборъ этотъ „надо полагать, былъ въ 866 году“, замѣчаетъ онъ. Спрашивается; что-жь могли мы написать о невѣдомыхъ соборахъ? Неужели мы должны были поставить заголовки въ книгѣ: „соборы 858 г. и 866 г.“.—и затѣмъ заявить многотерпѣливому читателю: „о сихъ соборахъ свѣдѣній не сохранилось“. — Но пойдѣмъ далѣе. „Значеніе собора 861 года г. Лебедевымъ выясняется—объявляетъ нашъ критикъ—недостаточно и односторонне“ (181). Не правда. Напротивъ, послѣ вышеприведенныхъ нами замѣчаній проф. Курганова по поводу разглагольствованій нашего автора о соборѣ 861 года, оказывается, что всѣ недостатки со включеніемъ односторонности не намъ присущи, а нашему развязному критику, Иванцову. Кромѣ того: сей послѣдній не соглашается съ моимъ пониманіемъ названія этого собора „первовторымъ“, представляетъ образчикъ лучшаго пониманія этого темноватаго термина и заявляетъ, что соборъ названъ такъ по той причинѣ, что „совѣщанія его раздѣлялись на двѣ части“ (107). Объясненіе неудовлетворительное. Иванцовъ, зная, забылъ, что этотъ же соборъ съ древнихъ временъ именуется у канонистовъ также „Двукратнымъ“. Какимъ же образомъ соборъ, дѣлящійся на два отдѣла, можно называть двукратнымъ, т. е. собиравшимся два раза? Напрасно мудрствуетъ о. пр—ей, было было лучше. еслибы онъ слѣдовалъ за нами и Гергенрѣтеромъ. — Новый упрекъ мнѣ со стороны Иванцова по поводу собора к-скаго 867 года. „Проф. Лебедевъ—витійствуетъ Иванцовъ—совѣмъ было пропустилъ (*значитъ, не пропустилъ?*) соборъ 867 г. и потомъ при изложеніи дѣяній собора 869 года вспомнилъ (*какова психологія чужой души!*) и о соборѣ 867 г. и подъ чертой высказалъ о немъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній“ стр. 111). Но правоже, я не такой ужъ ротозѣй, какъ

воображаетъ Иванцовъ. Отнюдь не забывалъ я о соборѣ томъ и помѣстилъ извѣстія о немъ или кроткій очеркъ его въ примѣчаніи къ одной страницѣ исторіи другого собора (869 г.) единственно потому, что не желалъ выдѣлять особой главы въ сочиненіи для такого собора, о которомъ исторія почти ничего не вѣдаетъ. Всѣ свѣдѣнія о семъ малоизвѣстномъ соборѣ со всѣми критическими замѣчаніями по поводу этихъ свѣдѣній укладывались у меня на двухъ страничкахъ; а потому я ждалъ удобнаго случая, чтобы помѣстить этотъ этюдъ кстати, не разсѣвая вниманія читателя мелочами—и дождался: какъ только въмоемъ описаніи большого собора 869 года я встрѣтился съ упоминаніемъ (въ актахъ), будтобы забытаго мною, собора 867 года, сейчасъ же и пустилъ въ дѣло собранныя мною извѣстія о немъ. Нужно знать, что мое сочиненіе о конс-польскихъ соборахъ первоначально напечатано было въ одномъ изъ простенькихъ духовныхъ журналовъ, съ читателями котораго нужно было обращаться очень осторожно, чтобы не запугать ихъ „пущей ученостью“, ученымъ педантизмомъ,— съ читателями, требовавшими не твердой пицци, а млека духовнаго (какъ я объ этомъ заявлялъ еще при жизни Иванцова, почему-то разсердившагося на меня за это невинное заявленіе, см. у него стр. 183). Я поступилъ очень хорошо, давая моему этюду о соборѣ 867 года мѣсто подъ строкой и пользуясь благоприятнымъ для сего случаемъ, но Иванцевъ совсѣмъ не понялъ моего маневра. Да и сказать по правдѣ: вопросъ о томъ, *идѣ* я помѣстилъ замѣтку, стоилъ ли—того, чтобы трактовать о немъ Иванцову въ его серьезнѣйшемъ (какимъ считалъ свое сочиненіе Иванцовъ, и какимъ я отнюдь не считаю его) трудѣ, въ которомъ, по его пышному слововыраженію, онъ „старался подвести итоги предшествовавшимъ работамъ и по возможности освѣтить путь для дальнѣйшихъ работъ“ (186). Хорошъ свѣтодатель! Но не въ этомъ дѣло. Смѣемъ увѣрить послѣдующихъ читателей нашей „Истор. соборовъ“ и Иванцовскаго „ислѣдованія“, что забывчивостію, приписываемою намъ отъ Иванцова, не страдаемъ мы теперь, и еще меньше страдали ею назадъ тому 10 лѣтъ, въ

1888 г., когда появилось наше названное сочинение. Если кому из нас двоих должно быть приписано подобное неприятное качество, такъ это конечно моему критику. Какъ оказывается во время написанія своего изслѣдованія Иванцовъ уже жаловался на „оскудѣваюція его силы“ и удручающую его „старость“ (у г. Курганова, стр. 183); но однимъ изъ главныхъ обнаруженій старости бываетъ появленіе забывчивости. Поэтому, мы нисколько не удивимся, если слѣды такой забывчивости найдутся и въ его „изслѣдованіи“. А найдутся ли въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ предоставляемъ судить читателю по слѣдующимъ примѣрамъ, заимствуемымъ изъ „изслѣдованія“ Иванцова. Уже проф. Кургановъ отмѣтилъ безконечную повторяемость автора, странныя его противорѣчія — все признаки забывчивости. Далѣе, одного французскаго ученаго авторъ въ своей книгѣ сначала именовалъ Яжеромъ, а потомъ сталъ именовать его какимъ-то Жаже, а въ опечаткахъ забылъ сказать, какое изъ двухъ именованій онъ считаетъ болѣе правильнымъ; греческаго митрополита Герасима (Яреда) на стр. 2 называетъ селевкійскимъ, а потомъ забывъ это, на стр. 178 уже именуетъ его Захльскимъ (?); сочиненіе нѣкоего Стукова Иванцовъ на стр. 2 признаетъ „довольно складно“ написаннымъ (значитъ относится къ нему довольно благосклонно), а на стр. 183 онъ даже расхваливаетъ это произведеніе, относя его къ числу такихъ, которыя обозначаютъ собою переворотъ къ лучшему въ нашей посвященной Фотію литературѣ, такихъ, которыя „отличаются твердостью православныхъ воззрѣній и представляются цѣнными“ въ разныхъ отношеніяхъ, но затѣмъ черезъ страницу (185) нашъ критикъ рекомендуетъ г. Стукову, „нераспроданные экземпляры тогоже сочиненія его собрать и уничтожить“ (*Sic transit gloria mundi!* Не написано ли это въ сонномъ состояніи? Нѣтъ, написано это, очевидно, въ состояніи старческой забывчивости).—Обширнымъ отдѣломъ разсматриваемой нашей книги, посвященнымъ исторіи константинопольскаго собора 869 года (стр. 51 — 136), Иванцовъ, повидимому, остался удовлетворенъ, но, однакожь не совсѣмъ. Указавъ на то, что описаніе собора 869 года со-

ставляетъ у насъ въ книгѣ „самую видную (т. е. весьма значительную) часть біографіи Фотія,“ критикъ потомъ замѣчаетъ: „соборъ этотъ едва ли стоилъ того“ (116), т. е. подробнаго описанія. Бѣда, я не угодилъ! Да впрочемъ и угодить на критика я никакъ не могъ. За описаніе собора 869 г., какъ видимъ, Иванцовъ меня укоряетъ принимая во вниманіе подробность моего описанія; при оцѣнкѣ же сдѣланнаго мною краткаго очерка собора 861 г., ставитъ мнѣ въ вину то, что я „мимоходомъ“ говорю объ этомъ соборѣ (111); соборъ 879 г. у меня, кажется, описанъ очень ужъ подробно (стр. 154 — 220), но нашъ критикъ находитъ, что мы могли бы описать, его еще подробнѣе: по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что мы описали этотъ соборъ лишь „довольно подробно“, т. е., повидимому, не такъ подробно, какъ слѣдовало бы (140). Бѣда, опять не угодилъ! Значитъ, пишешь ли подробно, или кратко — все равно получишь замѣчаніе отъ своенравнаго учителя.

Высокомѣрный авторъ холодно и полупренебрежительно относится и къ тому, что сдѣлано нами въ видахъ изученія и пониманія дѣятельности к—польскаго собора 879 г. (148), но съ этимъ ужъ ничего не сдѣлаешь: приходится, мириться съ подобнымъ фактомъ. Но мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены соглашаться съ тѣми напраслинами и неправдою, какія отваживается взводить на насъ Иванцовъ при разборѣ сдѣланнаго нами описанія указаннаго собора. Авторъ позволяетъ себѣ слишкомъ много, когда приписываетъ намъ какое-то раболѣпство предъ западными инославными писателями. Онъ пишетъ: „въ иныхъ мѣстахъ (т. е. нашего описанія собора 879 г.) г. Лебедевъ дѣлаетъ западнымъ писателямъ (Неандеру, Гёфеле, Гергенретеру) не довольно осторожныя уступки,“ затѣмъ перечисляются эти уступки (148). Но въ дѣйствительности никакихъ „неосторожныхъ“ уступокъ названнымъ иновѣрцамъ мы не дѣлаемъ. — I-я мнимая уступка. При изложеніи исторіи собора 879 г. я пользовался обычнымъ изданіемъ актовъ этого собора, сдѣланнымъ Манси, римско-католическимъ ученымъ; при этомъ я очень хорошо зналъ, что существуетъ еще другое греко-восточное изданіе тѣхъ же актовъ, при-

готовленные для обнародыванія Досиеевъ, патр. іерусалимскимъ; но этого изданія при составленіи нашего сочиненія подъ руками у насъ не было. Поэтому, для того, чтобы составить понятіе о грековосточномъ изданіи актовъ, мы пересмотрѣли варианты изъ этого изданія у Гергенрёттера и пришли къ слѣдующему заключенію, высказанному въ нашей книгѣ: „существуетъ еще греческое изданіе актовъ собора въ сборникѣ Досиеея; но этого изданія нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. Гергенрёттеръ указываетъ иногда варианты Досиееева изданія, но судя по этимъ указаніямъ это изданіе не имѣетъ важности“. (Ист. Кон. Соб., 167). Вотъ въ ея цѣломъ та „неосторожная“ уступка, какая мной будто бы сдѣлана, по сужденію Иванцова, такому опасному врагу церкви, какъ ученый Гергенрёттеръ. Очень немного нужно имѣть разсудительности, чтобы видѣть, что никакой неосторожной уступки нами не сдѣлано. Начать съ того, что Иванцовъ въ своихъ интересахъ (суетныхъ и ложныхъ) извратилъ сейчасъ приведенныя наши слова. Онъ передаетъ ихъ такъ: „г. Лебедевъ говоритъ: „судя по *указаніямъ* Гергенрёттера изданіе это (Досиееево) не важно.“ (140). Но иное дѣло только указанія, которыми мы пользовались, по увѣренію Иванцова, и иное дѣло греческіе варианты, которые мы изучали и на основаніи которыхъ составилось наше весьма правильное сужденіе о неважности актовъ Досиеея. Указанія, вѣдь, это тоже, что мнѣнія и воззрѣнія, а варианты тоже, что и документъ, хотя и не въ полномъ видѣ. Къ чему же перевираетъ наши слова Иванцовъ? Мы пользовались, значить, документомъ, приводимымъ у Гергенрёттера, а вовсе не его указаніями или воззрѣніями. Документъ, сколько извѣстно всѣмъ, за исключеніемъ можетъ быть Иванцова, издаются и римско-католиками, и протестантами одинаково, если издатели не хотятъ заклеить себя несмываемымъ позоромъ. О какой же моей „неосторожной“ уступкѣ инсинуируетъ Иванцовъ? Мало этого: доказалъ ли Иванцовъ, что мое „небрежное“ отношеніе къ изданію Досиеея повредило хоть сколько-нибудь моей работѣ о соборѣ 879 г.? Никакъ и никогда. Самъ Иванцовъ, по его словамъ, получившій свѣдѣнія объ этомъ

изданіи изъ двухъ академій, гдѣ оно имѣется, и самъ видѣвшій его въ библиотекѣ одной изъ этихъ академій и конечно ознакомившійся съ его текстомъ, не извлекъ изъ этого знакомства никакого полезнаго результата для своихъ изслѣдованій о Фотіи. (Мы не сказали еще, что изданіе Досиѣево есть рѣдкость, и потому не всякому ученому удастся изучать его). Иванцовъ, говоримъ мы, не только не узналъ ничего новаго изъ названной книги; но и пришелъ — *teneatis risum apicis*—къ тому самому заключенію о актахъ Досиѣея, къ какому пришли и мы на основаніи лишь вариантовъ Гергенрѣтера. Онъ возвѣщаетъ: „общій смыслъ памятника (т. е. актовъ собора 879 г.) во *всѣхъ* его редакціяхъ (значитъ и у Манси и у Досиѣея) остается *одинъ* и тотъ же“ (29 текста) ¹⁾. Въ чемъ же обвиняетъ

¹⁾ Укоряя насъ въ томъ, будто мы игнорируемъ Досиѣево изданіе актовъ собора 79 г. и тѣмъ самымъ дѣлаемъ „неосторожную уступку“ тенденціямъ западныхъ писателей (враговъ православія), авторъ въ тоже время старается пристыдить насъ (къ чему это?) за то, что мы, по непростительной небрежности не захотѣли и заглянуть на эти акты. А для достиженія наибольшаго эффекта въ подобнаго рода пристыженіи, Иванцовъ въ поученіе намъ, двукратно въ пышныхъ словахъ описываетъ то, какъ интересуются, неинтереснымъ для насъ, памятникомъ на западѣ. Онъ пишетъ (стр. 3 и 140 со ссылками на *Patrologia Migne*): „самые замѣчательные на западѣ собиратели церковныхъ памятниковъ и знаменитый аббатъ Минъ (последній уже въ 1860 г.) заявляли, что они никакими средствами (при другомъ случаѣ: „никакими способами“; *но въ обоихъ случаяхъ неправильно переведены слова оригинала: nulla praestita diligentia*) и за никакія деньги не могли достать его (т. е. изданіе Досиѣево—(даже) *посмотрѣть*“ (его).

Но эффектъ, на который разчитывалъ нашъ авторъ, совершенно исчезаетъ, по очень уважительной причинѣ. По справкамъ съ источниками, изъ которыхъ черпается въ настоящемъ случаѣ эрудиція Иванцова, оказалось: 1) что пресловутымъ изданіемъ Досиѣея вовсе не интересовались всѣ тѣ знаменитые лица, которымъ онъ приписываетъ эту суетную любознательность, а интересовалось этимъ памятникомъ всего—навсего одно лице—и нисколько не замѣчательное, 2) что и это лице интересовалось не тѣмъ въ памятникѣ, чѣмъ будто бы интересовались въ немъ на западѣ, по мнѣнію Иванцова и 3) да и этимъ интересовалось указанное лице не затѣмъ и не для того, за чѣмъ и для чего будто бы такъ интересовались памятникомъ на томъ же западѣ, по домысламъ нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ: 1) Судя по ученымъ цитатамъ Иванцова, изданіемъ Досиѣея инте-

насъ авторъ—мы послѣ этого и понять не въ состояніи. Интересно знать, что и проф. Кургановъ, разбиравшій книгу Иванцова, такъ же, по его словамъ, не имѣлъ подъ руками изданія Досиеея—и не озаботился о томъ, чтобы выписать

ресовались „самые замѣчательные на западѣ собиратели церковныхъ памятниковъ“ и „знаменитый аббатъ Минь“, но это вздоръ: памятникомъ интересовался и желалъ добыть его просто-на-просто подручникъ Миня, никому невѣдомый какой-то наемный редакторъ сочиненій Фотія, приготовлявшій, по порученію издателя эти сочиненія для *Patrologiae cursus*: а насколько былъ не именитъ этотъ подручникъ Миня, видно изъ того, что подъ тѣмъ Praefatio при изданіи трудовъ Фотія (на которое ссылается Иванцовъ) онъ и полного имени своего не помѣстилъ, ограничившись инициалами, при чемъ—любопытно отмѣтить,—онъ постѣснился прямо наименовать и городъ, гдѣ онъ жительствоваъ, а обозначилъ его одной буфвой (В) съ 5-ью звѣздочками; и это вмѣсто „самыхъ замѣчательныхъ“ людей и въ замѣнъ „знаменитаго Миня“ (спрашивается: умѣлъ ли Иванцовъ читать книги, какъ слѣдуетъ? Да и изданіе *знаменитаго* „Миня—его „Патрологію“—вѣмпы, сказать кстати, именуютъ *фабричнымъ издѣліемъ*). 2) Этотъ, никому не вѣдомый, анонимъ интересовался памятникомъ, вовсе не ради Актовъ собора 879 г., (какъ воображалъ Иванцовъ), а ему во чтобы то ни стало нужно было достать одно письмо (*epistolam*) Фотія, которое до 1860 г. было напечатано лишь однажды (*semel*), и притомъ въ очень рѣдкомъ изданіи (*in rarissimo volumine*) Досиеея: это-то одно письмо и нужно было неизвѣстному помощнику Миня; что же касается актовъ собора 79 года, то онъ могъ и не знать, что они здѣсь же отпечатаны, ибо онъ собиралъ не акты соборовъ. Правда въ указанныхъ актахъ дѣло идетъ о Фотіи, но это совсѣмъ вещь посторонняя для человѣка, занятаго приготовленіемъ къ изданію иного рода памятника. 3). Не за тѣмъ и не для того, этотъ бѣдный труженникъ интересовался изданіемъ Досиеея, за чѣмъ и для чего имъ могли бы интересоваться „самые замѣчательные и знаменитые“ люди запада т. е. не для того чтобы хоть „посмотрѣть“ на него (какъ воображалъ Иванцовъ); а для того, чтобы „читать или изучать“ все-то же единое письмо Фотія: читать—говорю или изучать, ибо употребленное здѣсь слово *inspicere*, въ данномъ случаѣ могъ переводить выраженіемъ: „посмотрѣть“ лишь Иванцовъ. Какой смыслъ для бѣднаго подручника Минева смотрѣть на рѣдкія изданія, т. е. любоваться ими? этимъ, конечно, могъ еще заниматься ктонибудь другой, а только не нашъ бѣдный труженникъ. Кстати сказать, что если этотъ послѣдній въ сочиненномъ имъ „Praefatio“ къ изданію сочиненій Фотія (у Миня), говорить, что онъ ни за какія деньги не могъ получить изданія, гдѣ находилось указанное одно письмо Фотія, то этимъ онъ хочетъ лишь оправдать себя въ неисполненіи возложеннаго на него порученія—собрать всѣ труды Фотія для предпринимаемаго изданія.

его для временнаго пользованія изъ какой либо изъ двухъ академій, гдѣ есть оно (у г. Курганова, 184). Упрекнулъ ли-бы его за это Иванцовъ или упрекнетъ ли его за тоже еще кто? Нѣтъ. У кого есть подъ руками Манси (какъ онъ былъ и у меня въ свое время), для того Досиѳей излишенъ, или точнѣе—не нужная роскошь. Присоединю еще и слѣдующее поученіе по адресу моего критика: вмѣсто того, чтобы упрекать меня въ томъ, что я не видалъ рѣдкой Досиѳеевой редакціи актовъ, въ которой я не виѣлъ ни малѣйшей нужды, Иванцовъ лучше бы сдѣлалъ, если повнимательнѣе почиталъ бы другую греческую книгу, изданную тѣмъ же Досиѳеемъ, но не столь ужъ рѣдкую, какъ изданные имъ—акты собора, именно: „исторію іерусалимскихъ патріарховъ“; потому что, почитавъ эту книгу, онъ не допустилъ бы неосмотрительности, за которую справедливо казнить нашего автора проф. Кургановъ (у послѣдн., стр. 193—4.).

П-ая мнимая „уступка“. Дѣло въ слѣдующемъ. Папскіе легаты, отправляясь на соборъ константинопольскій 879 года, имѣвшій торжественно возстановить Фотія на патріаршей кафедрѣ по смерти Игнатія, получили отъ папы Іоанна VIII-го инструкцію, которая должна была опредѣлять ихъ образъ дѣйствій на соборѣ константинопольскомъ. Въ этой инструкціи, какъ она читается въ греческихъ актахъ разсматриваемаго собора, находится очень рѣзкое осужденіе предшествующаго константинопольскаго собора (869 г.), на которомъ Фотій, какъ извѣстно, объявленъ былъ низложеннымъ и подвергнутъ анаемѣ. Именно: этотъ соборъ названъ лишеннымъ силы и отвергнутымъ (*sine hoc, rejeta*). Намъ лично казалось сомнительнымъ, чтобы римскій первосвященникъ поименовалъ такъ соборъ, состоявлявшій лучшую драгоценность въ папскомъ орсолѣ. А потому встрѣтившись съ вышеуказаннымъ выраженіемъ, находящимся въ папской инструкціи легатамъ, я замѣчалъ: „Чтеніе (т. е. текстъ) десятой главы инструкціи представляется явно поврежденнымъ, ибо папа ни въ какомъ случаѣ не могъ выразиться такъ рѣзко о соборѣ 869 г.“ („Ист. Конст. соб.“, 188). Иванцовъ же, прочитавъ эту

замѣтку, почель нужнымъ сдѣлать на основаніи ея противъ меня вылазку и заявляетъ: „западные писатели (читай: иновѣрцы): Гефеле, Гергенр. т., основываясь на доказательствахъ стараго (?) уніата Ассемани, а за ними (?) г. Лебедевъ считаютъ искаженнымъ 10-й пунктъ папской инструкции“, признавая такое наше согласіе съ названными писателями „неосторожною уступкой“ протестантско-католическимъ тенденціямъ (130. 148). Но Иванцовъ и здѣсь неправъ, какъ и всегда оказывается не правымъ, когда позволяетъ себя указывать слабыя стороны въ извѣстномъ нашемъ трудѣ. Странно предполагать, чтобы всѣ означенные писатели утверждали поврежденность папской инструкции, принимая во вниманіе указаніе на это „стараго уніата“. Всѣ эти очень умные ученые могли безо всякой чужой указки приходиться къ одному и тому же заключенію. Не обладая первокласной эрудиціею Неандера, Гергенр. и Гефеле — и я весьма легко могъ придти къ одинаковому съ ними (католиками и протестантами, а слѣд. взаимными недругами) заключенію, имѣя у себя акты собора, читая ихъ и руководясь чувствомъ истины. Ну, скажите на милость, могли я представлять себѣ римскаго папу Іоанна VIII-го такимъ глупцомъ, какимъ считаетъ его Иванцовъ, такимъ глупцомъ, который безъ малѣйшей въ томъ надобности объявилъ бы ничтожнымъ и лишеннымъ значенія соборъ 869 г., считающійся въ западной церкви VIII-мъ вселенскимъ? Да и въ какое время объявилъ, когда легаты только что отправлялись изъ Рима и когда слѣдовательно было совершенно неизвѣстно: понадобится ли еще подобная жертва? И такъ утверждаемъ, что ни Неандеръ и никто другой не заставляли меня отвергнуть полннность существующаго текста папской инструкции; въ этомъ случаѣ мы подчинялись голосу научной добросовѣстности, который — смѣло похвалимся этимъ, — въ нашей душѣ громче говоритъ, чѣмъ у нашего критика. Уступая требованіямъ этого голоса, мы и рѣшились напечатать, возмущающую духъ нашего критика, выше приведенную замѣтку, не смотря на то, что она могла казаться неумѣстной и не гармонизирующею съ задачами того простенькаго журнала, гдѣ впер-

вые появилась все та же замѣтка. Мы не желали ни предъ-
хѣмъ работѣпствовать—и печатно выразили нашу увѣрен-
ность относительно искаженія папской инструкціи правос-
лавными Греками IX-го вѣка съ полнымъ сознаниемъ ле-
жащей на насъ отвѣтственности. Прибавимъ къ этому, что
и не было бы никакой бѣды, если бы мы не сами по себѣ
пришли къ этой истинѣ, а лишь только согласились бы съ
много разъ упомянутыми выше учеными; ибо если Иван-
цовъ думаетъ, что въ римско-католическихъ и протестан-
скихъ ученыхъ православные богословы обязательно должны
видѣть враговъ святой церкви, то мы держимся другой
точки зрѣнія: всѣ богословы всѣхъ исповѣданій ищутъ оди-
наково научной истины и находятъ ее (конечно по частямъ),
и обращаютъ ее въ общее достояніе. И это нужно при-
знать дѣломъ похвальнымъ, сглаживающимъ вѣроисповѣдныя
рѣзкости, создающимъ новый видъ общенія людей, услови-
вающимъ пользованіе членами одного вѣроисповѣданія тѣмъ,
что выработано въ наукѣ членами другихъ вѣроисповѣданій
и т. д. Но не станемъ уклоняться въ сторону. Не
скроемъ, что Ивановъ ни одними укорами доноситъ
насъ, когда обвиняетъ въ „неосторожной уступкѣ“ по по-
воду вышеприведеннаго нашего воззрѣнія; нѣтъ, онъ хо-
четъ сразить насъ аргументами отъ имени науки. аргу-
менты эти не станемъ разбирать здѣсь въ текстѣ: доста-
точно будетъ отвести для ихъ разбора мѣсто болѣе скром-
ное—подъ строкой. ¹⁾ Вѣдь, эти аргументы могутъ оказать

¹⁾ Вотъ соображенія, которыя приводятъ о. Ивановъ, чтобы поколе-
бать нашу увѣренность въ поврежденіи Греками оригинала папской ин-
струкціи. Да „развѣ менѣе рѣзкости въ вѣкоторыхъ выраженіяхъ вост-
точныхъ мѣстоблюстителей, которыя произнесены были (на соборѣ 879 г.)
по адресу прежняго собора 69 года въ присутствіи папскихъ легатовъ, а
также въ рѣчи Захаріи халкидонскаго (Фотіева друга) при открытіи со-
бора“ (130), замѣчаетъ нашъ критикъ. Согласны; но, вѣдь, въ силу прин-
ципа свободы соборной дѣятельности, отдѣльные члены собора часто го-
ворили много такого, что не раздѣлялось остальнымъ соборомъ. Да и что
удивительнаго, если восточные епископы порицали соборъ 869 года? Этотъ
соборъ не соответствовалъ интересамъ Восточной церкви. Что же касается
того, что легаты выслушивали молча и „безъ протеста“ многія „рѣзкости“
по поводу папы и въ особенности по адресу собора 869 г., то удивляться

свое дѣйствіе развѣ на профановъ по части науки, мы же останемся при своемъ, не съ вѣтру взятомъ, воззрѣніи на 10 главу инструкціи папы Іоанна VIII-го; и не Иванцовской *тощей* эрудиція (Быт. 41, 20—21) убѣдить меня въ противномъ, т. е. сбить меня съ истинной научной дороги.

III. Еще мнимая „уступка“. Дѣло касается все того же собора 879 года. Авторъ пишетъ: у (римско) католическихъ историковъ, имѣющихъ на то особенныя тенденціи (?) и у русскаго *историка константинопольскихъ соборовъ* признается, что „шестое и седьмое засѣданія указаннаго собора составляли какой то отдѣльный добавочный къ другимъ засѣданіямъ его актъ (дѣяніе) полуоффіціального характера и что состоявшееся здѣсь утвержденіе неприкосновенности никео-константинопольскаго символа явилось какъ бы неожиданно и случайно въ угоду лишь (?) императорскому желанію“ (133). А въ другомъ мѣстѣ подобное же наше мнѣніе авторъ относитъ къ числу „неосторожныхъ уступокъ“ съ нашей стороны тенденціознымъ западнымъ писателямъ Гефеле и Гергенрѣтеру. (148). Признаемся: въ указанномъ случаѣ уступочку мы дѣйствительно дѣлаемъ, но не какимъ либо иновѣрнымъ и тенденціознымъ писателямъ, но здравому разуму. Ужъ не признаетъ ли Иванцовъ и эту уступку незаконною? Вотъ что долженъ я повѣдать вамъ, читатель, по случаю сей новой укоризны со стороны Иванцова, по моему адресу. На первыхъ пяти засѣданіяхъ число отцевъ разсматриваемаго собора достигало до 380,

этому не слѣдуетъ, когда примемъ во вниманіе, что роль легатовъ на соборѣ 79 года была сведена почти къ нулю. Другой и послѣдній аргументъ Иванцова заключается въ анализѣ подписи, сдѣланной по заключеніи собора 879 года, папскими легатами подъ опредѣленіями этого собора; въ ней соборъ 869 года прямо анаеаметствуется (131). Но эта подпись, какъ она читается въ греческихъ актахъ въ настоящее время, считается за интерполяцію. И съ этимъ нельзя не соглашаться. А главное, подпись—одно дѣло, а инструкція совсѣмъ другое. Соборъ 879 года въ сущности былъ строгимъ судомъ надъ соборомъ 869 года, и подпись легатовъ такъ или иначе должна была выразить эту мысль, а инструкція возникла въ Римѣ, по инициативѣ папы, до собора 79 года: ради чего она сталабы, какъ говорится, предварять событія?

а на 6-мъ засѣдало, кромѣ руководителей дѣлами собора, лишь 18 митрополитовъ, на 7-мъ присутствовали тѣ же руководители и 18 митрополитовъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, весьма вѣроятно, принимали участіе и многіе епископы, но на этотъ счетъ можно дѣлать однѣ догадки; далѣе — первые 5 засѣданій происходили въ Софійскомъ храмѣ, а 6-е въ залѣ дворца; наконецъ 7-ое засѣданіе открылось спустя болѣе мѣсяца послѣ предъидущаго, которымъ, повидимому, въ началѣ и рѣшено было закончить соборъ. Можно, конечно, думать, что члены собора въ указанный длинный промежутокъ занимались какими либо подготовительными работами для 6 и 7 засѣданія, но этого не было; ибо на 6 и 7 засѣданіяхъ происходило чтеніе вышеназваннаго символа и подтвержденіе его неприкосновенности, а для этого не требовалось никакихъ подготовительныхъ работъ. Что слѣдуетъ изъ приведенныхъ нами объясненій — ясно, какъ день. Да, 6 и 7 засѣданія носили „полуоффиціальнѣй характеръ“. Къ этому еще прибавимъ и то, что эти засѣданія носятъ черты „случайности“. Нужно полагать, что по заключеніи соборной дѣятельности (5-мъ засѣданіемъ), кому-то въ Византіи, вѣроятно всего патриарху Фотію, пришла въ голову мысль, что хорошо было бы придать собору 879 г. авторитетъ и характеръ вселенскаго собора (въ противовѣсъ собору 869 года, въ глазахъ латинской церкви имѣвшаго значеніе вселенскаго); а такъ какъ на вселенскихъ восточныхъ соборахъ всегда провозглашалось какое-либо опредѣленіе, имѣвшее отношеніе къ вѣроученію, то и надумано было, за отсутствіемъ чего либо другаго, прочитать и утвердить на новѣхъ засѣданіяхъ (6 и 7) уже извѣстный символъ. А такъ какъ указанная мысль пришла Фотію на умъ поздно, то запоздали и приведеніемъ ея въ исполненіе: должно быть 6 и 7 дѣянія произошли, когда члены собора уже разъѣхались, а потому-то участниковъ въ этихъ засѣданіяхъ могло быть немного.

Мы изчислили и разобрали, не употребляя при этомъ ни большихъ усилій и ни малѣйшихъ увертокъ, все „неосторожныя“, т. е. допущенныя будто бы во вредъ и без-

честіе православной науки, „уступки“ иновѣрнымъ ученымъ, за которыя подвергаетъ насъ строгому, но безусловно несправедливому суду Иванцовъ. Какъ назвать продерзость нашего критика, дозволившаго себѣ инсинуировать по нашему адресу, предоставляемъ рѣшить это серьезному, дѣйствительно серьезному, читателю. При размышленіи по поводу Иванцовскихъ обвиненій въ разнаго рода мнимыхъ „уступкахъ“, намъ остается, кажется, только сожалѣть, что мы родились, живемъ и писательствуемъ не въ—время, послѣ „старого уніата“ Ассемани, Неандера, Гефеле и Гергенрѣтера.....

Принижая наше ученое достоинство, тотъ же авторъ и въ той же книгѣ — не вѣсть почему — покушается запачкать и нашу нравственную фізіономію. Онъ приписываетъ намъ „высокомѣрно-небрежное отношеніе къ трудамъ русскихъ писателей о Фотіи“, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы дѣлаемъ „неприличнѣйшій отзывъ объ изслѣдованіи почтеннаго (правильнѣе было бы сказать: грошоваго) нѣкоего византиниста“; осуждаетъ насъ и за то, что мы не только не приписываемъ себѣ похвалъ, а напротивъ указываемъ прямо и открыто общіе недостатки нашего сочиненія: „Истор. Константинопольскихъ соборовъ“ (рѣчь идетъ у Иванцова объ одной нашей журнальн. статьѣ. См. въ его книгѣ стр. 182—3 примѣч.). Наше поведеніе, обнаруженное въ указанныхъ случаяхъ, онъ кратко характеризуетъ, какъ „неприличіе“. Въ чемъ тутъ неприличіе мы—признаемся—понять не въ состояніи. Если мы подвергали строгой, но безъ сомнѣнія справедливой критикѣ (ошибокъ же въ нашей критикѣ Иванцовъ не могъ указать) нѣкоторыя сочиненія, то значитъ они заслужили такого строгого отношенія къ нимъ (при чемъ рѣшеніе вопроса о тонѣ нашихъ отзывовъ—считаемъ дѣломъ личнаго субъективизма Иванцова); а если мы находили нѣкоторые общіе недостатки въ нашемъ собственномъ сочиненіи, то подобная исповѣдь, какъ проявленіе своего рода героизма, должна бы вызвать со стороны нашего критика похвалу, а никакъ не порицаніе. Но не будемъ входить ни въ какія другія объясненія по поводу этого, далекаго отъ науки, инцидента. Допустимъ, что мы

учинили неприличіе, а развѣ самъ Иванцовъ не грѣшить въ этомъ же отношеніи, и притомъ въ высшей степени. Пусть читатель выкинетъ въ слѣдующія слова Иванцова, заключающія наилучшую аттестацію ученой дѣятельности— не кого другого, а самого же автора аттестаціи. „Мы въ своемъ изслѣдованіи о Фотіи главнымъ образомъ старались по возможности освѣтить путь для дальнѣйшихъ работъ (*но не въякому-то удастся это!*). Въ виду множества разнорѣчивыхъ сужденій о Фотіи, мы старались разчистить почву изслѣдованія и указать по возможности твердые приемы (*какая притязательность!*) для болѣе правильныхъ сужденій. Если хотя половина (!!!) высказанныхъ нами мнѣній и предположеній, найдена будетъ заслуживающею вниманія, изложеніе Фотіевой исторіи на будущее время во многомъ должно измѣниться (*весьма неприлично!*) сравнительно съ тѣмъ, какъ она представлялась (*всѣмъ ученымъ міромъ въ совокупности?*) прежде“ (186—187). „Половина“...., по скромности и уваженію къ наукѣ — должны мы сказать,— требовали бы предоставить рѣшеніе такого деликатнаго вопроса относительно „мнѣній и предположеній“ нашего ученаго компетентному суду другихъ, то есть его современниковъ.... Цѣлая „половина“! Какъ много, какъ много!! Впрочемъ, конечно, Иванцовъ, по московскому рыночному праву, безбожно запросилъ. Вопросъ о томъ, сколькими „мнѣніями и предположеніями“ Иванцова воспользоваться намъ самымъ въ подлежащемъ сочиненіи („Ист. раздѣл. церкви“), мы рѣшили такъ: предложеніе нашего изслѣдованія касательно Фотіи о принятіи отъ него „половины“, а если понадобится, то и болѣе, высказанныхъ имъ „мнѣній и предположеній“, цѣликомъ отклонить, по неимѣнію побужденій и основаній къ усвоенію хотя бы одного изъ таковыхъ ¹⁾. Пожелаемъ, чтобы другіе русскіе писатели - богословы оказались счастливѣе насъ въ данномъ отношеніи.

¹⁾ Впрочемъ авторъ уже не въ первый разъ обманываетъ наши ожиданія. По поводу нашей докторской диссертаци: *Вселекск. соборы IV и V вѣк.* авторъ написалъ цѣлую книгу (стр. 1—238), въ которой разбираетъ, и конечно очень подробно, эту книгу (сочиненіе Иванцова носить заглавіе: „Религіозн. движенія на Востокѣ въ IV и V вѣк.“ М.1881). Но

О другомъ нашемъ сочиненіи, имѣющемъ близкое отношеніе къ исторіи Фотія: *Римскіе папы* и пр. (см. выше № 7) авторъ дѣлаетъ лишь краткій отзывъ, ограничиваясь вообще глухими ссылками на него. Этотъ отзывъ читается такъ въ книгѣ Иванцова: „въ этомъ изслѣдованіи, послѣ отчетливаго изложенія писемъ папы Николая къ византійскому императору Михаилу до 865 г., на слѣдующія затѣмъ, и также очень важныя, письма 866 года обращается мало вниманія; далѣе, совсѣмъ пропускается переписка между к польскимъ и римскимъ дворами, бывшая при императорѣ Львѣ послѣ вторичнаго низложенія Фотія“ (180). Вотъ все, что сказалъ авторъ о другой нашей книгѣ. Вступать въ какія-либо объясненія по поводу этихъ замѣчаній Иванцова намъ не представляется настоятельно необходимымъ¹⁾.

что же послѣдовало? При второмъ изданіи нашей диссертациі мы ни чѣмъ не сочли приличнымъ воспользоваться изъ критическихъ замѣчаній его, за исключеніемъ слѣдующаго единственнаго случая: критикъ нашелъ, что нескладно называгь Несторіа „школьникомъ антиохійскимъ“, а потому въ упомянутомъ 2-мъ изданіи выраженіе: „школьникъ антиохійскій“ мы замѣнили другимъ: „крайній антиохіецъ“. (См. 1-е изд., стр. 157 и 2-го изд., стр. 158).

¹⁾ Въ своей книгѣ авторъ выражаетъ свое сужденіе еще о двухъ моихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ болѣе близкое или отдаленное отношеніе къ исторіи Фотія,—разумѣемъ: „Очерки внутренней исторіи визант.-восточной церкви въ IX—XI вѣк.“ (М. 1878) и: „Церковь римская и византійская въ ихъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ въ IX—XI вѣкахъ“ (М. 1875). О первой книгѣ авторъ пишетъ: „въ этомъ сочиненіи авторъ (я) не имѣлъ въ виду представить что-либо новое и оригинальное; исторія Фотія занимаетъ здѣсь лишь нѣсколько главъ“ (180). Намъ очень пріятно отмѣтить при настоящемъ случаѣ полное наше согласіе съ авторомъ. Къ этому еще пожалуй можно было бы прибавить, что къ тому времени, когда писалъ Иванцовъ свою книгу, наши „Очерки“ значительно устарѣли. И должны сознаться, что намъ будетъ стоить большихъ трудовъ приготовить эти „очерки“ для втораго изданія и поставить ихъ такъ, чтобы книга могла удовлетворять хотя бы и не особенно высокимъ научнымъ требованіямъ. Говоря же о другомъ нашемъ сочиненіи, авторъ ставитъ намъ въ упрекъ то, что при обзорѣ полемическихъ трудовъ Фотія, мы пропустили немало трудовъ этого послѣдняго, (стр. 180) но такой упрекъ есть плодъ какого-то недоразумѣнія, которое надѣемся разъяснить при второмъ изданіи этого сочиненія, когда дойдетъ очередь до того.

Въ разбираемой книгѣ Иванцова встрѣчаемъ немало замѣтокъ, изъ которыхъ, по намѣренію автора, должна слѣдовать болѣе или менѣе опредѣленная характеристика нашей писательской фізіономіи. Въ общемъ эта характеристика не больно-то похвальна; но — никто самъ себѣ не судья въ такихъ вещахъ, а потому оцѣнку нашей характеристики, какъ она сдѣлана нашимъ критикомъ, мы предоставляемъ другимъ. Впрочемъ, въ этой характеристикѣ есть черты, которыя я признаю вѣрно подмѣченными ¹⁾).

Столь подробно разсматривая и оцѣнивая книгу Иванцова: „Къ изслѣдованіямъ“ и пр., мы имѣли въ виду не только представить ясный отчетъ о достоинствахъ ея, но и собрать и доставить матеріалъ для болѣе цѣлостной характеристики нашего автора, какъ писателя богослова (точнѣе: какъ писателя по церковной исторіи) ²⁾).

¹⁾ Разумѣю указаніе его на шуточный тонъ, который не чуждъ — де нашимъ сочиненіямъ (181). Дѣйствительно, эту „особенность“ можно встрѣчать въ нашихъ трудахъ. Откровенно признаемся, что мы не терпимъ напускной торжественности рѣчи и умѣющей важничать серьезности тона и что при столкновеніи съ самодовольною глупостью позволяемъ себѣ мѣтко сражать ее острымъ словомъ.

²⁾ Слѣдуетъ сказать, что лично мы будемъ имѣть подходящій случай дать характеристику личности Иванцова, какъ писателя. Это мы сдѣлаемъ частію въ его біографіи, частію же въ нашей автобіографіи. Оба эти труда мы обязаны составить для біографическаго словаря: „Профессоровъ Императорскаго Московскаго университета“, который появится ко дню торжественнаго празднованія 150-лѣтняго юбилея названнаго свѣтильника науки. Порученіе въ этомъ смыслѣ уже возложено на насъ опредѣленіемъ Совѣта Моск. университета, и намъ остается лишь повиноваться волѣ университетской коллегіальной власти. Мы впрочемъ уповаемъ, что, обязываясь выполнить возложенное на насъ порученіе, между прочимъ составить біографію перваго (въ порядкѣ времени) профессора церковно-истор. науки въ нашемъ университетѣ, т. е. Иванцова, мы не лишены возможности сдѣлать это, какъ слѣдуетъ. Быть можетъ въ русской церкви не отыщется другого богослова, который такъ внимательно изучилъ бы церковно-историч. сочиненія нашего автора, какъ выпало это на нашу долю. Сочиненіе его: „Обозрѣніе источниковъ“ (подробныя заглавія сочиненій Ив—ва были приведены выше) мы изучали, когда оно представлено было въ Моск. дух. Академію на разсмотрѣніе, въ качествѣ докторской диссертаци; сочиненіе: „О религіозн. движеніяхъ“, какъ посвященное критикѣ моей диссертаци, ради охраненія чести личной и того учебнаго заведенія, гдѣ я служилъ въ то время, подвергъ я разбору въ статьяхъ, составив-

Кстати сдѣлаемъ здѣсь краткое упоминаніе еще объ одномъ малоизвѣстномъ сочиненіи прот. А. М. Иванцова, подъ заглавіемъ: „о римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію“. Части I и II. М. 1869—1870 г. Это сочиненіе настолько малоизвѣстно, что и я самъ только на дняхъ впервые увидаль его. Между тѣмъ, оно какъ это отчасти видно изъ его заглавія, трактуетъ о вопросахъ, имѣющихъ соприкосновенность съ темою: о раздѣленіи церкви. Впрочемъ собственно рѣчамъ о Фотіи и Михайлѣ Керуларіи въ этомъ сочиненіи отведено лишь нѣсколько страницъ, содержащихъ самыя элементарныя свѣдѣнія о значеніи этихъ патріарховъ въ греческой и общей церковной исторіи. Все сочиненіе представляетъ собою слабую компиляцію изъ большого круга книгъ, точно обозначенныхъ авторомъ въ предисловіи. По плану автора, кромѣ двухъ частей должна была выйдти въ свѣтъ еще и третья часть тогоже сочиненія; въ предисловіи авторъ замѣчаетъ: „третья часть выйдетъ послѣ“. Но на самомъ дѣлѣ 3-ей части не было напечатано. Почему? Конечно, потому, что сочиненіе встрѣчено было полнымъ равнодушіемъ со стороны публики. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно понять: для какого рода читателей написано это сочиненіе? Для большой публики оно не интересно и даже прямо скучно; а для малой (ученой) публики оно совершенно не нужно. Сочиненіе составлено безо всякихъ признаковъ ученаго аппарата, на который люди, занимающіеся наукой, обращаютъ нерѣдко больше вниманія, чѣмъ на самый текстъ книги. Впрочемъ сочиненіе не чуждо претензіи открыть какіе-то новые горизонты въ научной сферѣ ¹⁾.

шихъ цѣлю книгу (стр. 1—267); а работу его: „Къ изслѣдованіямъ“ мною сейчасъ разобрана ради необходимости оправдать себя въ томъ, почему при 2-мъ изданіи моего произведенія: „Исторія к—польскихъ соборовъ“, вошедшаго въ составъ книги: *Исторія раздѣленія церквей*, я не принялъ во вниманіе замѣчаній на него со стороны Иванцова. Итакъ, мнѣ кажется, что я обладаю полною возможностью составить цѣльное, обстоятельное и безпристрастное (не иначе) изображеніе этого лица, какъ писателя историка, чего еще никѣмъ не сдѣлано даже и въ зачаточномъ видѣ. (См. мою книгу: „Церковная Исторіографія“, стр. 518. М. 1898).

¹⁾ Въ предисловіи къ сочиненію (стр. IV) Иванцовъ пишетъ: „задача

Княгой Иванцова: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“ и заканчивается развитіе русской литературы, посвященной исторіи этого знаменитаго патріарха. Въ 1891 году, когда праздновался 1000-лѣтній юбилей со дня кончины Фотія, появилась особаго рода литература — юбилейная, касавшаяся разныхъ сторонъ дѣятельности этого лица.

Весьма тщательное указаніе этой литературы находимъ у Иванцова (183—186). Названный авторъ придавалъ ка-

нашего труда состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить (очевидно для другихъ) новыя, мало изслѣдованныя, но заслуживающія серьезнаго изслѣдованія стороны“. И это говорится въ слабенькой компиляціи! Намъ, признаемся, всегда удивляла склонность Иванцова выдавать себя за какого-то руководителя прочихъ писателей, не имѣя на то достаточнаго права. Въ первый разъ эта черта вождѣвнй нашего автора бросилась намъ въ глаза при чтеніи его книги: „О религіозныхъ движеніяхъ“ и т. д. Почему, подвергая подробной критикѣ это сочиненіе, мы тогда-же сочли долгомъ указать на этого рода притязательность Иванцова. „Критикъ нашъ—писали мы—большой любитель давать совѣты молодому поколѣнію. Онъ хочетъ не только смотрѣть, наблюдать за теченіемъ дѣлъ и обсуждать ихъ для собственнаго обихода, онъ желаетъ быть руководителемъ другихъ. Эти совѣты подчасъ простираются далеко“, и т. д. см. стр. 262—267 („Изъ исторіи вселенск. соборовъ IV и V вѣковъ“. М. 1882). Эта, указываемая нами, черта вождѣвнй автора, какъ говорится, красною нитью проходитъ и чрезъ все его сочиненіе: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіи“. Здѣсь, на примѣръ, онъ заявляетъ о себѣ, что будто въ своей книгѣ онъ „разоблачилъ всё (!) ложное, искусственное, тенденціозное“... „мы думаемъ, прибавляетъ онъ, что это можетъ пригодиться будущимъ изслѣдователямъ“ (186—7). Въ частности, онъ предостерегаетъ „подражателей и послѣдователей г. Лебедева“ (т. е. моихъ), чтобы они воспользовались рецептами Иванцова и предохранили себя „отъ неправильныхъ представленій дѣла“... (180). Нѣкоему г. Стукову совѣтуетъ собрать и сжечь нераспроданные экземпляры одной его книги (185. Совѣтъ, подобный тѣмъ, какіе давались инквизиторамъ въ Средніе вѣка) и т. д.—Прежде мы думали, что указанная черта вождѣвнй появилась у Иванцова послѣ того, какъ онъ занялъ въ высшей степени почетную должность ординарнаго профессора Моск.—го университета; но теперь, ознакомившись съ его вышеназваннымъ сочиненіемъ („О римск. католицизмѣ“), которое написано было имъ еще въ званіи скромнаго законоучителя, но въ которомъ онъ уже беретъ на себя роль ментора, „намѣчающаго“ (но тщетно) для кого-то „новыя стороны“ какихъ-то будущихъ „изслѣдованій“, мы находимъ, что это — черта коренная въ духовномъ образѣ нашего автора. Въ качествѣ официального и обязательнаго біографа проф. Иванцова, я считаю вужнымъ отмѣтить, изучаемую нами, черту, какъ въ высшей степени любопытную.

кое-то особенно-высокое значеніе этой литературѣ, имѣвшей-де упразднить равнѣ того написанное о Фотіи на русскомъ языкѣ (*мудрый да разумѣть!*); юбилейные труды, по выраженію нашего автора, „полагаютъ начало (*а раньше, значитъ ужъ ничею не было такого*) серьезной исторической работѣ“ по вопросамъ Фотіевой исторіи (183). Но ожиданія Иванцова не сбылись до сихъ поръ. Юбилейные ораторы произнесли рѣчи, юбилейные писатели написали статьи и книжки — тѣмъ дѣло и кончилось ¹⁾.

Заглавіе сочиненія Иванцова въ полномъ своемъ видѣ читается такъ: „Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1892 года профессоромъ, протоіереемъ“ и пр. (съ приложеніями). Послѣ того разбора, какому мы подвергли это сочиненіе, становится яснымъ: что авторъ сочиненія вообще преисполненъ самогнѣнія и всякаго рода претензій; что въ его работѣ невольно усматривается недостатокъ серьезной научной школы, обнаруживающійся какъ

¹⁾ Дабы насчитать какъ можно больше лицъ, *полагающихъ начало серьезной исторической работѣ* о Фотіи, Иванцовъ къ числу такихъ людей относитъ: 1) Платонова, того самаго Платонова, книга котораго, по заявленію Иванцова, носитъ слѣды „ослабленія старческой памяти“ (184); 2) Преображенскаго (изъ Петербурга), котораго Иванцовъ почему-то и за что-то восхваляетъ (183), но относительно „Исторіи раздѣленія церквей“ котораго нами поставленъ открытый вопросъ: „что это литература или макулатура“? 3) Проф. Ѳ. И. Успенскаго, юбилейная рѣчь котораго возбуждала въ душѣ нашего автора „очень неприятныя чувства“ и много „сомнѣній“ (185—186); 4) Стукова, которому, овъ же самъ приказалъ сжечь его писанія о Фотіи.—Все это поистинѣ смѣхотворно. Намъ кажется, что въ сужденіи о разсматриваемой юбилейной литературѣ гораздо болѣе Иванцова приближается къ правдѣ, Ѳ. П. Преображенскій (изъ Москвы), дилеттантъ въ наукѣ, но человекъ, обладающій завидными умственными способностями и научнымъ чутьемъ. Изучивъ очень тщательно эту литературу, онъ пришелъ къ такому заключенію: „Юбилейная литература ни на шагъ не подвинула изученія личности Фотіи и его эпохи. Долгъ предъ Фотіемъ, лежащій на русской наукѣ, оказался незаплаченнымъ, и переписать на новый срокъ“ (Журн. Учен. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ., 1892. Отдѣль П, стр. 386). Сказано мѣтко и остроумно.

въ неумѣннѣ отличать лучшій, добытый наукой, результатъ отъ противоположнаго, почему иногда авторъ усвѣяетъ этотъ послѣдній вмѣсто перваго, такъ и въ чрезмѣрномъ и неумѣстномъ стремленіи къ новизнѣ и оригинальности выводовъ, приводящемъ его лишь ко многимъ ошибкамъ; что авторъ неуважительно и свысока относится къ дѣйствительной наукѣ, какъ своего рода рабынѣ, выражаетъ къ ней высокомѣрное недоумѣріе и занодозрѣваетъ почти вездѣ присутствіе худыхъ намѣреній (такова, по взгляду его, западная наука, т. е. лучшая наука) и т. д.¹⁾ Вслѣдствіе этого, разсматриваемое сочиненіе²⁾ не можетъ служить къ возвышенію ученой репутаціи старѣйшаго и знаменитаго въ ряду другихъ разсудка истиннаго просвѣщенія, и можно выражать сожалѣніе, что оно вышло въ свѣтъ съ нѣкотораго рода официальнымъ значеніемъ...

ХІІІ.—Преосвящ. *Іоанна*, епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи: „Отпаденіе Западной церкви отъ Восточной“. Новочеркасскъ. На внѣшней оберткѣ поставленъ: 1899 г., а на внутренней обложкѣ: 1897 г. „Отдѣльный оттискъ изъ Донскихъ епархіальныхъ Вѣдомост.“. Входитъ въ разборъ этой книги не станемъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Я, вышеподписавшійся, былъ ученикомъ преосвященнаго Іоанна въ Моск. Духовн. Акад. (1868—1870 г.), въ бытность его профессоромъ Общей церковной исторіи (остающейся любимой наукою до сего дня какъ для него, такъ и для меня), въ названной Академіи, при чемъ я-же былъ непосредственнымъ преемникомъ его въ профессурѣ тамъ же; 2) Преосвящ. Іоаннъ, конечно, посвятилъ этому труду лишь время, остающееся у него отъ многосложныхъ занятій по его должности въ обширнѣйшей изъ нашихъ епархій. О названной книгѣ, посему, позволимъ себѣ сдѣлать лишь слѣдующія невинныя замѣтки:

¹⁾ Отчего зависѣли нѣкоторые, болѣе видные, изъ перечисленныхъ недостатки, это мы надѣемся уяснить въ тѣхъ нашихъ работахъ, о какихъ мы упоминали выше и какія должны появиться не въ отдаленномъ будущемъ.

²⁾ Этотъ же нашъ критическій этюдъ о книгѣ И-ова съ нѣкоторыми обавками напечатанъ еще въ *Бююс. Вѣст.* (1899, т. II.).

книга не имѣетъ никакого предисловія, изъ котораго можно было бы видѣть какъ обстоятельства происхожденія книги, такъ и ближайшее ея назначеніе. Относительно обстоятельствъ происхожденія сочиненія, рѣшаемся высказать слѣдующую догадку. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ газетахъ было помѣщено извѣстіе, что преосвящ. Іоаннъ читалъ публичныя лекціи по церк. исторіи въ Новочеркасскѣ — съ благотворительными цѣлями. Не есть ли эта книга лишь печатное изложеніе (но безъ сомнѣнія въ распространенномъ видѣ) тѣхъ лекцій, которыя читаны были владыкою въ вышеназванномъ городѣ? Догадку эту мы считаемъ очень вѣроятною. Въ книгѣ нѣтъ никакихъ заглавій главъ и отдѣловъ, нѣтъ даже никакого дѣленія книги на части, — рѣчь идетъ безо всякихъ перерывовъ или остановокъ, необходимыхъ для того, чтобы читатель могъ ориентироваться въ прочитанномъ и дать себѣ благовременный отдыхъ. Она напечатана, значитъ, въ такомъ видѣ, какой на университетскомъ языкѣ обозначается словами: „напечатано на правахъ рукописи“, т. е. безо всякихъ претензій, какъ бы временно. Въ книгѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ ея, не находимъ и оглавленія ея содержанія. Содержаніемъ же ея служатъ церковныя событія, относящіяся къ темѣ, изъ эпохъ Фотія и Керуларія — съ присоединеніемъ разсказа о двухъ т. н. уніяхъ, флорентійской и ліонской. Эта прибавка напоминаетъ выше нами описанную, книгу греческаго архіерея Іліи Минятія, но это сходство совершенно случайное: авторъ, кажется, Минятіемъ не пользовался. Вообще въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній на источники и пособія автора (за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ). Намъ нѣсколько удивило то, что авторъ въ своей рѣчи является слишкомъ щедрымъ на употребленіе выраженій иностранныхъ, въ родѣ: авантюристъ, пертурбаціи, комбинаціи и проч. Вину раздѣленія церквей авторъ всецѣло возлагаетъ на „великихъ мастеровъ въ мутной водѣ ловить рыбу“, т. е. римскихъ папъ (стр. 209). Рекомендуемъ любознательному читателю пріобрѣсти книгу преосв. Іоанна ¹⁾ и

¹⁾ Книгу преосв. Іоанна слѣдуетъ выпонывать изъ канцеляріи владыки

сравнить ее съ моимъ сочиненіемъ: „Исторія раздѣленія церквей“, чтобы онъ самъ могъ дать себѣ ясный отчетъ о достоинствахъ и недостаткахъ двухъ книгъ, написанныхъ на одну и ту же тему.

въ Новочеркасскѣ. Цѣна ей 1 рубль безъ пересылки (книга заключаетъ 1—275 страницъ).

ЗАМѢЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА.

Напечатано.

Стр. 166 строк. 5—6 снизу.
Григоріемъ
(Игнатіемъ)

Должно быть.

(т. е. Григоріемъ
съ Игнатіемъ)
